

Александр Панченко
Русский политический фольклор.
Исследования и публикации

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9362208*

*Русский политический фольклор. Исследования и публикации: Новое издательство; Москва; 2013
ISBN 978-5-98379-179-4*

Аннотация

В сборник «Русский политический фольклор», подготовленный учеными Санкт-Петербурга и Москвы, вошли исследования и публикации, посвященные массовому восприятию политических событий и процессов XIX – начала XXI века. Издание включает работы о политических легендах и анекдотах, тюремных песнях и рукописной сатирической поэзии, советской цензуре в области фольклористики и политических мифах современного православия. Материалы массовой культуры и различные формы устных нарративов, исследованные в сборнике, позволяют по-новому взглянуть на «структуры большой длительности», характерные для российского общества Нового и Новейшего времени.

Содержание

От составителя	6
Михаил Лурье	14
Александра Архипова, Сергей Неклюдов	31
1. «Новый фольклор» в «Новом мире». 1920–1930-е годы	34
2. Фольклор протестует в деревне	38
3. Фольклор протестует в городе	46
4. Чекисты собирают фольклор	50
5. Фольклор подвергается репрессиям	54
6. Власть создает фольклор	59
7. «А завтра была война» (вместо заключения)	67
Александра Архипова	75
Вступление	75
«Монархический» вариант новой легенды о царе-избавителе	77
«Большевистская версия»	86
Заключение	93
Ирина Козлова	97
Александр Панченко	104
Вступление	104
Устная история и персональный нарратив	106
Село Менюша и Вторая мировая война	107
«Свои» и «чужие»: локальная идентичность в военных условиях	109
«Рассказы беглецов»: жизнь в оккупированной зоне	112
Константин Богданов	116
Михаил Лурье, Мария Ахметова	127
1	127
2	129
3	131
4	134
Анна Минаева, Александр Панченко	146
Жанна Кормина	179
Канонизация старицы	180
Визит Сталина к Матроне: версии	186
Церковный сталинизм	191
Заключение	195
Мария Ахметова	199
Михаил Алексеевский	217
1. Из подполья – в Интернет: судьбы политического анекдота в России	219
2. «Не попавшие никуда»: механизмы возникновения современных политических анекдотов	222
3. Cracking Zupanov's Jokes: использование анекдотов в современной политической борьбе	239
Вместо заключения	257
Наталья Комелина	262
Программы по собиранию фольклора: 1920-е годы	263

Изъятие антисоветского фольклора из архивов	266
«Особое хранение»	269
Общая характеристика коллекции № 193 («Особое хранение»)	272
Политическая частушка	276
Анекдоты	287
Сатирические поэмы	289
Тексты частушки из архива И. Д. Фридриха (подборка № 3)	296

Русский политический фольклор. Исследования и публикации *сост. Александр Панченко*

Редактор-составитель Александр Панченко

Рецензент Андрей Топорков

© Новое издательство, 2013

От составителя

Вероятно, не все современные российские фольклористы согласны с тем, что само понятие «фольклор» представляет собой социальный конструкт, что за ним нельзя увидеть неизменных культурных сущностей и что манипулирование образами *народного* «творчества», «искусства» или «знания» позволяет в большей степени судить не о воображаемом «народе», но о самих манипуляторах – ученых, политиках, литераторах, религиозных деятелях и т. д. Однако многим исследователям – и фольклористам, и представителям иных гуманитарных дисциплин – такая точка зрения представляется не только наиболее обоснованной, но и открывающей существенные эвристические перспективы. Речь в данном случае идет не столько о вполне очевидных возможностях деконструкции «традиционной» фольклористики, сколько о процессуальном подходе к исследуемым этой дисциплиной материалам, позволяющем по-разному определять и анализировать «фольклорные» составляющие тех или иных культурных явлений.

Что бы ни говорили о фольклоре представители разных академических школ и направлений, очевидно, что за этим термином обычно стремятся увидеть тексты, представляющие собой достояние не элит, а «угнетенных классов»; явления, не соответствующие стандартам «высокой» (читай – нормативной) культуры; скорее «иррациональные», чем «рациональные» идеи и представления; ложь, а не истину в обыденном понимании. Так, «школьный фольклор» в этом смысле представляет собой «контркультуру» среднего учебного заведения, окрашенный в протестные тона субпродукт образовательного процесса. Писатель, утверждающий, что каждую из услышанных им волшебных сказок можно назвать «поэмой», озабочен прежде всего литературной легитимизацией «народной словесности»: фантастические истории, рассказываемые крепостными крестьянами, приобретают значимость лишь благодаря сопоставлению с конвенциональной для элиты литературной нормой. Иными словами, одна из латентных коннотаций термина «фольклор» подразумевает, что последний всегда в чем-то «ненормативен». Неудивительно поэтому, что Алан Дандес видел в фольклорных текстах проекцию «коллективного бессознательного», продукцию массового невроза, типизацию и инверсию подавленных стремлений, характерных для того или иного общества либо культуры (Дандес 2003: 72–107).

Хотя зачастую с излишне прямолинейной «психоаналитической семиотикой» Дандеса можно не соглашаться, очевидно, что сама по себе проблема содержательной интерпретации «коллективизированной фантазии» была и остается одним из наиболее значимых аспектов фольклористики как научной дисциплины. Здесь вполне применим подход Вольфганга Изера, полагавшего, что главный вопрос антропологического подхода в литературоведении состоит в выявлении и изучении социальных потребностей, обуславливающих трансформацию коллективного и индивидуального воображения в художественный вымысел (Iser 1989). «Первичная рецепция» изучаемых фольклористикой текстов всегда балансирует между категориями правды и вымысла – модальность и статус «фольклорной» коммуникации представляются достаточно лабильными по сравнению с особенностями коммуникации «литературной». Поэтому механика социальных фантазий четче проявляется именно в том, что мы называем фольклором или современной мифологией.

В этой перспективе «политическим фольклором» можно называть формы и проекции коллективного воображения, тем или иным образом связанные с *политикой* в широком смысле – структурами власти и доминирования, присущими изучаемому обществу и до известной степени осознаваемыми его членами. Понятно, что границы *политического* в данном случае остаются достаточно размытыми: различные социальные слои и группы в разное время могут обладать достаточно специфическими представлениями о том, что сле-

дует относить к соответствующей области общественной жизни. Проблема, однако, состоит не в определении и рамках понятия, но в том, можно ли в «фольклорной» рецепции политических процессов, структур и событий увидеть какую бы то ни было специфическую и хотя бы отчасти самодостаточную логику.

Историки, работающие в русле «политической антропологии», как правило, рассматривают массовую рецепцию политических текстов и событий как нечто факультативное по отношению к предмету своих разысканий. Анализ «сценариев власти» или «дисциплинарных практик», вообще говоря, вовсе не подразумевает исследование эффекта, оказываемого политическими репрезентациями правящей элиты на «безмолвствующее» и подчиненное большинство. Это, однако, не означает, что между социальными субъектами и объектами властных отношений не происходит «неформального» диалога касательно специфики и содержания этих последних. Очевидно, что политическая культура того или иного общества не может быть исследована исключительно на материалах нормативных институтов и процедур, а также их «порчи» и «сбоев». В действительности «политическая коммуникация», как и другие сферы общественной жизни, подразумевает формирование если не общей «символической вселенной», то по крайней мере специфических «конвенциональных полей», в чьих рамках происходят процессы смыслообразования, имеющие отношение не только к «элитам», но и к «угнетенным классам». В качестве характерного примера подобного конвенционального поля, служащего, как мне кажется, действенным механизмом для формирования сюжетов и тем массовой культуры, следует упомянуть политическую конспирологию. Не останавливаясь сейчас на религиозно-мифологических, когнитивных и психологических аспектах массовой конспирологии, подчеркну, что ее общественно-идеологическое влияние прослеживается в чрезвычайно разнообразных исторических и идеологических контекстах. Хотя исследователи «теорий заговора» обычно предпочитают работать с материалами современного информационного общества (см.: Fenster 2008; Barkun 2003), «конспирологическую» топику легко обнаружить и в крестьянских рассказах о «возвращающемся избавителе» (см.: Чистов 2003: 49–275), и в сюжетах о ритуальном убийстве (Панченко 2010), и, скажем, в «легендах о трансплантации органов» (Campion-Vincent 2005). Хотя конспирологический дискурс, по всей видимости, характерен для «коллективного воображения» самых разных обществ и культур, в России Нового и Новейшего времени он зачастую оказывается одной из главных форм упомянутой «политической коммуникации», что заставляет видеть в нем своего рода «структуру большой длительности», характерную для отечественной социальной истории. К этому вопросу я еще вернусь ниже.

Настоящий сборник представляет собой результаты исследовательского проекта «Русский политический фольклор», организованного Центром теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и поддержанного грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»¹.

Дискуссии об истории «политического фольклора» применительно к российскому контексту, предпринимавшиеся как отечественными, так и зарубежными исследователями, зачастую, как мне кажется, характеризуются известной непоследовательностью. Дело здесь, по-видимому, не столько в том, что сама проблема определения, какие именно темы и смыслы можно считать политическими, а какие нет, зачастую оказывается плохо разрешимой, сколько в тех «экстранаучных» препятствиях, с которыми может столкнуться и сталкивается исследователь, скажем так, «массовой политической культуры». Само собой, что

¹ Некоторые статьи и публикации, включенные в этот сборник, ранее издавались в журнальных вариантах – в подборке «Русский политический фольклор» (Антропологический форум. 2010. № 12 [<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/12online/>]) и в 101-м номере «Нового литературного обозрения» (Архипова, Неклюдов 2010). Для настоящей публикации, они, однако, были существенным образом дополнены и переработаны.

жизнь в самодержавном, тоталитарном и авторитарном государстве не располагает к такого рода исследованиям. Что касается, скажем, советских фольклористов, этнографов и историков, которые довольно много писали об устных текстах XVII–XIX веков, очевидным образом имевших именно политическое значение (скажем, о так называемых исторических песнях, утопических легендах, слухах и толках), то им неизбежно приходилось подгонять свои находки и соображения под господствовавшие идеологические и историографические модели.

Впрочем, дело тут не только во внешнем принуждении, но и в известной телеологии, которую большинство людей в той или иной степени вменяет политической жизни и государственному устройству. Когда исследователь полагает, что он знает, для чего существует политика и какой она должна быть, он нередко начинает проецировать свои политические воззрения и приоритеты на исследуемые материалы. Так, например, обстоит дело с западными учеными, занимавшимися политическими анекдотами в странах социалистического лагеря: обычно они видели в них форму и выражение социального протеста, практически полностью игнорируя иные возможные смыслы и функции. В действительности, однако, «ненормативность» вовсе не обязательно подразумевает «оппозиционность»: по всей видимости, тексты, которые мы можем причислить к русскому политическому фольклору, отражают достаточно разнообразные социальные стратегии, тяготеющие и к сопротивлению, и к приспособлению.

Исследователи из разных стран уже более сорока лет пишут о том, какую роль политический фольклор играет в тоталитарных и авторитарных обществах XX века. Однако вопрос о социальных, идеологических и психологических функциях подобных текстов остается дискуссионным. В недавней статье Элиота Оринга (Oring 2004), посвященной «политическим анекдотам при репрессивных режимах», демонстрируется множественность существующих подходов к этой проблеме. Согласно одному из них (Оринг называет его «нулевой гипотезой») политические анекдоты и шутки не обладают социальной и культурной спецификой и представляют собой лишь заурядный подтип смеховой культуры, несмотря на возможные репрессивные меры, которые авторитарный режим может применить к их распространителям. Другая гипотеза, которую, в частности, разделял Алан Дандес, предлагает считать политические анекдоты своеобразной формой шутивого разговора о серьезных вещах, т. е. средством для скрытого или «косвенного» выражения общественного мнения. Сходным образом рассуждают и сторонники теории, согласно которой «неподцензурный» политический юмор служит для психологического катарсиса, освобождения от гнева, тревоги и неудовлетворенности, вызванных действиями политического режима. Еще одна гипотеза предлагает рассматривать политические анекдоты как способ революционного противостояния власти, метафорическое оружие оппозиционно настроенной части общества. Наконец, существует ряд подходов, которые трактуют политический юмор как средство манипуляции символами власти, позволяющее рядовому человеку адаптироваться к идеологическому и социальному «двоемыслию» либо «доместифицировать» пугающий и чуждый символический мир официальной идеологии.

Исследования и публикации советского политического анекдота последних лет, в частности – сборник Арво Крикманна (Netinalju Stalinist 2004) и монография А. С. Архиповой и М. А. Мельниченко (Архипова, Мельниченко 2010), посвященные анекдотам о Сталине, позволяют, как мне кажется, взглянуть на эту проблему с несколько иных позиций. Во-первых, становится ясно, что в содержательном отношении советские политические анекдоты гетерогенны: они могут использовать международные фольклорные мотивы и сюжеты, восходить к традиции исторических анекдотов XVIII–XIX веков, с равной легкостью адаптировать и устные рассказы о реальных происшествиях, и политические метафоры. Во-вторых, выясняется, что тексты, квалифицируемые исследователями в качестве «протестных»

и «оппозиционных», возникали в разных социально-идеологических контекстах и, соответственно, различным образом интерпретировались их рассказчиками и слушателями. Любопытными в этом отношении представляются наблюдения Архиповой и Мельниченко касательно процессов «политизации» анекдотов о Сталине в 1920–1930-е годы. Известная часть «антисталинского фольклора» этого времени родилась в среде партийной оппозиции в конце 1920-х годов и с самого начала имела политическое звучание. Не исключено, что специальное внимание советского репрессивного аппарата к «антисоветским» анекдотам, частушкам и т. п. было отчасти обусловлено именно использованием подобных форм устной словесности в качестве средства внутрипартийной борьбы. С другой стороны, «низы» общества (крестьяне, рабочие и т. д.), обладавшие собственным фондом юмористических текстов о советском государстве и его лидерах, не видели в своих рассказах и песнях политического смысла и узнавали о последнем лишь в застенках ГПУ / НКВД.

В этом контексте уместно еще раз напомнить о конструкционистской перспективе и применительно к самому понятию «фольклор», и в связи с его политической интерпретацией. В статье А. С. Архиповой и С. Ю. Неклюдова «Фольклор и власть в «закрытом обществе»», опубликованной в настоящем сборнике, подробно исследуется история своего рода «политизации» неподцензурной и протестной словесности в Советском Союзе 1920–1930-х годов. Эти процессы были в равной степени обусловлены и особенностями научных исследований массовой словесности, и политической эволюцией сталинской империи. Именно в 1920-е годы российская фольклористика постепенно приобретает статус отдельной дисциплины, а ее предмет начинает восприниматься специалистами в эссенциалистском ключе – как «особая форма творчества» и даже область культуры, живущая по своим собственным законам. Более привычное понимание фольклора как рудиментов древних мифо-ритуальных традиций и / или деградировавших памятников элитарной культуры отчасти вытесняется при этом своеобразным «социологизмом», ориентированным на изучение в том числе и «инновативных» форм массовой словесности – частушки, «творчества городской улицы», анекдотов и т. п. Вместе с тем этот подход отчасти наследует и национально-романтической идеологии, репрезентировавшей фольклор в качестве «гласа народа» – аутентичного выражения «национального духа» (об этой традиции см.: Abrahams 1993).

Однако такое совмещение эссенциалистского и романтического подхода к «народному творчеству» сыграло с советскими фольклористами злую шутку. Если в 1920-е годы советская диктатура только присматривается к «опасным» в идеологическом отношении слухам, легендам, частушкам и анекдотам, то в начале следующего десятилетия ситуация резко меняется. Люди, уличенные, так сказать, в «устной трансмиссии неблагонадежных текстов», теперь отправляются в тюрьмы и лагеря, а в годы Большого террора – и на тот свет. Одновременно с «негативной» политизацией устной словесности происходит и «позитивная» – стартует проект «советского фольклора», в котором примут участие не только «народные таланты» и представители литературной бюрократии, но и сами фольклористы. При этом и публикации, и архивные коллекции фольклорных записей, сделанных академическими специалистами, подвергаются цензуре и изъятию; как показывает публикация Н. Г. Комелиной, завершающая настоящий сборник, формирование и пополнение фольклорных фондов «особого хранения», а также уничтожение «неблагонадежных» материалов продолжалось и после войны – не только во времена борьбы против «космополитизма» и филологической компаративистики, но и в 1960–1970-е годы.

Все это привело не только к вполне очевидной интеллектуальной деградации отечественной фольклористики, но и к своего рода «архаизации» публичных дискурсов сталинской эпохи. По справедливому наблюдению К. А. Богданова, история «официального фольклоризма» 1930–1950-х годов позволяет задуматься не только об истории научных фальсификаций и политического принуждения, но и о «(само) репрезентативных практи-

ках советской культуры» как таковых (Богданов 2009: 19). Иными словами, именно анализ «фольклоризованных» дискурсов сталинского общества зачастую позволяет более ясно представить себе социальную специфику этого и подобных ему тоталитарных режимов. В такой перспективе проект «советского фольклора», чья история сейчас сравнительно хорошо изучена, заслуживает, по всей видимости, специальных разысканий в области топики и метафорики. Перспективы подобного подхода, как мне кажется, хорошо иллюстрирует статья И. В. Козловой, посвященная орноморфной символике в советской пропаганде 1930-х годов.

Как мы видим, политическое значение и использование различных форм массовой культуры могут быть достаточно вариативными. Устные либо письменные тексты, о которых идет речь в настоящем сборнике, появлялись и распространялись в разных условиях и далеко не всегда опознавались их «первичными» распространителями и потребителями в качестве политических. Кроме того, жизнь культурных форм, функционально связанных с ситуативным политическим контекстом, может быть сравнительно недолговечной. Исследования последних лет, посвященные словесной и изобразительной культуре уличного политического протеста в условиях постсоветского авторитаризма (в частности, «оранжевой революции» 2004 года на Украине и протестному движению декабря 2011 года в России; см.: Britsyna, Golovakha 2005; Протестные митинги 2012), говорят, на мой взгляд, о том, что в подобных социально-идеологических контекстах более востребованными оказываются не «традиционные», а «инновативные» темы, сюжеты и риторические конструкции, теряющие популярность, комический эффект и т. п. в течение непродолжительного времени.

Позволяет ли в таком случае исследование политического фольклора говорить о «структурах большой длительности»? А если позволяет, то насколько эти структуры соотносятся с изменениями социального устройства, политических режимов и массовых идеологий в том или ином государстве?

Представление о политическом фольклоре как о виде социального диалога и способе смыслообразования неизбежно подразумевает исследовательский интерес к формам, которые фольклористы вслед за Гансом Науманном называют «опустившимися» или «сниженными» культурными ценностями, а также к способам политического использования «аутентичных» либо идеологически инспирированных фольклорных текстов. Стоит подчеркнуть, что «фольклоризация» идеологических и пропагандистских клише служила действенным политическим инструментом не только при Сталине, но и в другие периоды отечественной истории Нового и Новейшего времени. На это указывает статья М. Л. Лурье, посвященная судьбам оппозиционной «политической песни» XIX века в тюремном фольклоре, а также работа М. Д. Алексеевского, где речь, в частности, идет о современном нам агитационном проекте «Анекдотов от Зюганова». Однако если «политическая» топка сравнительно легко находит свое место в массовой тюремной и уголовной лирике, то из «агитационных анекдотов» массовое признание получают лишь переделки уже бытующих сюжетов, тогда как тексты, составленные без должного внимания к композиционным правилам анекдотического нарратива, обречены на неудачу. Не менее примечательны в этом отношении публикуемые А. П. Минаевой и мной памятники анонимной политической сатиры эпохи перестройки, а также середины 1960-х годов. С одной стороны, они тоже представляют собой своего рода «фольклоризацию», поскольку очевидным образом ориентированы на традицию стихотворных сказок Пушкина и Ершова: «псевдонародный» характер этих текстов должен был, по-видимому, смягчить их сатирический пафос и подчеркнуть их массовую адресацию. С другой стороны, о «фольклорном бытовании» таких рукописных стихотворений свидетельствует не только их широкое распространение в городской культуре конца XX века, но и связь с традицией политической сатиры, восходящей по крайней мере к началу столетия. Генеалогия этих текстов восходит к «Коньку-горбунку» – стихотворной сказке Петра

Ершова на сюжет АТУ / СУС 531, впервые опубликованной в 1834 году. В начале XX века в российской печати появляется «Конекскаунок» – основанный на ершовской сказке политический памфлет С. А. Басова-Верхоянцева (см.: Спиридонова 1977: 35; а также вступительную статью к публикации Н. Г. Комелиной в настоящем сборнике). На «Конька-горбунка» и стихотворные сказки Пушкина ориентировался и анонимный автор «Сказки (Сказа) про царя Никиту», написанной в середине или второй половине 1960-х годов – вскоре после вынужденной отставки Хрущева. При этом, однако, собственно массовая контекстуализация упомянутых памятников неподцензурной сатиры приводит к заметному смещению тематических и идеологических акцентов. В публикуемых нами циклах сатирических четверостиший эпохи перестройки сложно увидеть последовательную политическую дидактику: речь преимущественно идет о воображаемых сексуальных предпочтениях последнего советского лидера, а также о продовольственном кризисе и последствиях антиалкогольной кампании 1985–1990 годов. Вместе с тем во всех этих текстах можно видеть следы одного и того же «общего места»: советские правители так или иначе оказываются ответственными за сохранение и распределение совокупных экономических благ страны, причем зачастую их подозревают не только в бессмысленной растрате национального богатства, но и в продаже последнего «за границу». И в случае Хрущева, и в случае Горбачева их неразумные «вредительские» действия могут объясняться пагубным влиянием «царицы», что также заставляет вспомнить о «фольклорных прецедентах», в частности о массовом восприятии императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II в эпоху Первой мировой войны.

Показательно, что тот же самый патерналистский топос «правителя-благодетеля», «путешествующего по стране и раздающего (или обещающего) различные блага населению», доминирует и в материалах совсем другого рода – устных рассказах «о проезде Хрущева через Бологое», публикуемых М. В. Ахметовой и М. Л. Лурье. По мнению исследователей, «для воплощения двух вариантов (или ипостасей) фольклорного образа Хрущева бологовское предание задействует не только устойчивые характеристики и приемы изображения этого персонажа, но и две основные жанровые модели повествовательного политического фольклора – легендарную и анекдотическую». Речь, таким образом, может идти если не об архетипах восприятия государственной власти в России Нового времени, то по крайней мере об достаточно устойчивых ролевых стереотипах, приписываемых правителю коллективным воображением.

Впрочем, в культуре советского периода обнаруживаются и более «архаические» формы политического фольклора, в частности отголоски уже упомянутой конспирологической «легенды о царях-избавителях». Как показывает публикуемая в сборнике статья А. С. Архиповой, в СССР 1920–1930-х годов мотивы «избавительской легенды» могли функционировать не только в «монархической», но и в «большевистской» версии, где фигурировали Ленин и Троцкий. Некоторыми архаичными чертами в этом смысле обладает и формирующийся в нынешней России «националистический религиозный нарратив», анализируемый в работе Ж. В. Корминой на примере политической трансформации культа св. Матроны Московской. Если Матрона, по современной легенде, встречается со Сталиным и предсказывает ему победу во Второй мировой войне, то в Петербурге первой четверти XIX века ходили рассказы о свидании Александра I с лидером религиозного движения скопцов Кондратием Селивановым, который якобы предостерегал императора от участия в Третьей коалиции и предрекал победу в войне 1812 года. История легенды о встрече Матроны со Сталиным, исследованная Корминой, вполне созвучна культурным и идеологическим трансформациям массовой православной культуры: сюжет, генетически связанный с нормами, символами и повествовательными приемами крестьянского религиозного фольклора, успешно адаптируется к дискурсу «политического православия» – консервативно-националистической идеологии «постсекулярного» типа, где «границы между свет-

ским и религиозным» размываются, а советская история (ре) интерпретируется в контексте «государственнической» телеологии. Несколько иная и, разумеется, более маргинальная форма политизации религиозного нарратива исследуется в работе М. В. Ахметовой, посвященной «Видению о загробной участи патриарха Алексия II». Значимым контекстом для этого памятника современной визионерской культуры следует, по всей видимости, считать «миллениаристско-конспирологический» метанарратив, восходящий к «прицерковной» культуре рубежа XIX–XX веков и оперирующий не только топикой «заговора» врагов России и православия, но и вполне явственными эсхатологическими ожиданиями. Надо сказать, впрочем, что очень похожие мотивы и образы встречаются и в других конспирологических традициях нашего времени, например у праворадикальных протестантов в США (см.: Fenster 2008: 197–232).

Мне кажется, что «структуры большой длительности», о которых может идти речь применительно к исследуемым в настоящем сборнике материалам, имеют достаточно архаичный облик и во многих отношениях могут быть соотнесены если не с аграрной культурой как таковой, то с ее специфически российскими «мутациями», обусловленными, с одной стороны, фактическим сохранением институтов крепостного права и общинного землевладения вплоть до недавнего времени, а с другой – ускоренной и дисбалансированной модернизацией советского времени. В этом контексте патернализм и конспирология, оказывающиеся лейтмотивами русского политического фольклора, в XX веке выглядят вполне уместно. Вместе с тем мне не кажется, что патримониалистская модель социальной истории России, сформулированная некогда Ричардом Пайпсом и пользующаяся заслуженной популярностью среди многих современных историков и политологов, целиком и полностью исчерпывает разнообразие русской политической культуры, особенно в ее неинституциональных и неформальных, т. е. «фольклорных», формах. Нельзя не признать вместе с тем, что многие из исследуемых в настоящем сборнике материалов, без сомнения, вполне соответствуют концепции Пайпса. Вообще говоря, думаю, что для понимания массовой политической культуры и массового политического сознания в любой стране и в любое время гораздо удобнее нарратологический анализ и антропологическое изучение социальных практик (чем, собственно, и занимаются фольклористы), нежели, скажем, количественная социология или формальное исследование социальных институтов. В этом смысле показательно разнообразие тех культурных моделей и норм, которые мы опознаем в качестве «архаических» и «традиционных» элементов современной массовой культуры. Применительно к материалам этого сборника здесь можно, например, указать на символику «ограниченного блага» в исследуемых мной крестьянских рассказах о Второй мировой войне и нацистской оккупации, а также на своеобразную «языковую инерцию», фонетико-стилистический контекст слов с семантикой чужести, служащий, по мнению К. А. Богданова, одним из значимых факторов в формировании и распространении корпуса «анекдотов о чукчах». Однако именно история этой группы советских «этнических» анекдотов демонстрирует гетерогенность символических и нарративных форм, репрезентирующих социальные практики и отношения даже в жестко организованном тоталитарном государстве. Если полагать, что идеологический смысл «чукотских» анекдотов состоит «в катартическом эффекте «согласия на социальное терпение»», стоит задуматься и о том, почему экзотический образ «северного аборигена» оказывается наиболее подходящим для демонстрации социальной позиции «простого советского человека», а также что это может сказать нам о процессах «внутренней» и «внешней» колонизации в российской истории и культуре. Вообще говоря, именно анекдот представляется наиболее приемлемым материалом для изучения вариативности идеологических моделей и поведенческих стратегий «простого человека» в отношении актуальной «политической обстановки», а также особенностей «политической коммуникации» между различными социальными слоями и группами. На это указывает,

в частности, исследование специфических процессов формирования, распространения и рецепции современных политических анекдотов, предпринятое М. Д. Алексеевским в публикуемой ниже статье.

Пока этот сборник готовился к печати, политическая жизнь России претерпела заметные изменения и, если можно так выразиться, вновь сместилась в сторону архаизации. Выяснилось, что люди, узурпировавшие государственную власть, не только не готовы расстаться с ней, но и пытаются обороняться, апеллируя к привычным и зловещим моделям коллективного политического воображения: конспирологии, ксенофобии и патернализму. Все это выглядит не только глупо и подло, но и малоутешительно в смысле будущего страны. Конечно, если воспользоваться словами Пастернака, на свете есть вещи, «по поводу которых не философствуют, а бьют по морде». Вместе с тем современная нам общественно-политическая жизнь все же заслуживает если не философии, то объяснения, в том числе и в перспективе социальной и культурной преемственности в истории России последних столетий. Думаю, что публикуемые здесь материалы могут не только отчасти объяснить происходящее в наши дни, но и предостеречь от опасностей, ожидающих российское общество в недалеком будущем.

Литература

Архипова, Мельниченко 2010 / *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2010.

Архипова, Неклюдов 2010 / *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–103 [см. также наст. изд.].

Дандес 2003 / *Дандес А.* Фольклор: семиотика и / или психоанализ. М., 2003.

Панченко 2010 / *Панченко А. А.* К исследованию «еврейской темы» в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 79–113.

Протестные митинги 2012 / Протестные митинги в декабре 2011 года: опыт оперативного исследования (подборка статей) // Антропологический форум. 2012. № 16 [<http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online/>].

Чистов 2003 / *Чистов К. В.* Русская народная утопия. СПб., 2003.

Abrahams 1993 / *Abrahams R.D.* Phantoms of Romantic Nationalism in Folkloristics // Journal of American Folklore. 1993. Vol. 106. № 419. P. 3–37.

Barkun 2003 / *Barkun M.* A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America. Berkeley: University of California Press, 2003.

Britsyna, Golovakha 2005 / *Britsyna O., Golovakha I.* The Folklore of the Orange Revolution // Folklorica. 2005. Vol. 10. № 1. P. 3–17.

Campion-Vincent 2005 / *Campion-Vincent V.* Organ Theft Legends. Jackson, 2005.

Fenster 2008 / *Fenster M.* Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture / Revised and Updated Edition. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2008.

Iser 1989 / *Iser W.* Prospecting: From Reader Response to Literary Anthropology. Baltimore; London, 1989.

Netinalju Stalinist 2004 / Netinalju Stalinist / Интернет-анекдоты о Сталине. Koostanud ja toimetanud Arvo Krikmann / Сост. и ред. Арво Крикманн. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 2004.

Oring 2004 / *Oring E.* Risky Business: Political Jokes under Repressive Regimes // Western Folklore. 2004. Vol. 63. P. 209–236.

Михаил Лурье

Политические и тюремные песни в начале XX века. Между пропагандой и фольклором

Понятно, что и песни каторги и ссылки были песнями самой революции, и песни революции были родными на каторге и в ссылке.

(Песни каторги и ссылки 1930: 8)

Учитывая полисемичность прилагательного «политический» и отсутствие терминологической определенности понятия «политический фольклор», словосочетание «политическая песня» может осмысляться и употребляться по-разному. Например, есть все основания называть политическими песнями как шуточные переделки Гимна СССР, имевшие широкое хождение в поздний советский период, так и многочисленные фронтовые песни времен Великой Отечественной войны, поносившие Гитлера и его приближенных.

В настоящей статье речь пойдет о вполне конкретной традиции: о песнях второй половины XIX – первых десятилетий XX века, направленных на дискредитацию существующего политического режима и ассоциируемого с ним общественного устройства, экономических, социальных, политических установлений и практик. В большинстве таких песен, в той или иной степени эксплицитно, присутствует элемент пропаганды. Нестрогими уточняющими синонимами к обозначению «политические» для этих песен могли бы стать, с одной стороны, определения «антиправительственные», «революционные», с другой стороны – «крамольные», «запрещенные». История таких песен в России восходит к известным стихотворно-песенным опытам поэтов-декабристов, которые, по сути, создали прецедент использования песни для массовой революционной агитации, особенное же распространение подобные тексты получили, начиная с 1860–1870-х годов.

Истории большинства таких политических песен начинались с публикации стихотворений (в основном, в зарубежных изданиях так называемой вольной печати), к которым впоследствии (как правило, довольно быстро, а иногда – одновременно с сочинением или публикацией текста) подбиралась или сочинялась мелодия. Во многих случаях авторы были изначально известны, а некоторые тексты появились как переводы, переложения или «подтекстовки» песен, возникших в других национальных традициях. При этом песни в основном исполнялись коллективно, авторство текстов, как правило, не актуализировалось при пении, при публикации часто не указывалось или приписывалось другим сочинителям, забывалось и путалось; тексты песен быстро теряли зависимость от исходного оригинального стихотворения, заметно варьировались, сокращались и дополнялись, на основе одного сочинялись другие, а отдельные строки и строфы переходили из песни в песню. В кругах, где эти песни создавались и распространялись, к ним относились как к коллективному достоянию, имеющему не только оперативную (как средство идеологической пропаганды), но и высокую символическую ценность, консолидирующему сообщество единомышленников и маркирующему его границы. Таким образом, в соответствии с функциями, выполняемыми в социальной среде своего бытования, и характеристиками самого бытования эта песенная традиция может быть описана как случай фольклора субкультуры².

² Бытованию политических песен в революционных кругах, установлению авторства отдельных текстов, анализу вариантов посвящено множество работ и сборников – разумеется, в достаточной степени идеологизированных, однако в ряде случаев представляющих собой вполне «честные» исследования и содержащих большое количество интересных данных (см, напр.: Гиппиус 1962; Друскин 1954, 2012; Житомирский 1963; Рейсер, Шилов 1959; Ширяева 1984 и др.).

Однако с течением времени политическая песня выходит за пределы сообщества профессиональных революционеров и оппозиционно настроенных общественных групп, не только расширяя социальные границы своего бытования, но и осваивая новые его формы, включаясь в несвойственные для нее ранее культурные контексты. Период, когда этот процесс стал особенно заметен, относится к началу XX века. И дело не только в том, что в эти годы все больше людей, принадлежащих к самым широким социальным слоям, вовлекалось в антиправительственные политические движения или сочувствовало им, вследствие чего быстро росло количество тех, кто считал «своими», знал, слушал и пел соответствующие песни. Одновременно с этим происходил процесс взаимопроникновения политической песни и общей песенной традиции, прежде всего затронувший пласт фольклорной тюремной лирики, о чем и пойдет речь в данной статье. К такому встречному движению существовали определенные предпосылки.

Во-первых, в этот период поневоле – собственно, в неволе – весьма активно взаимодействовали сами носители этих двух традиций: количество политических заключенных в пересыльных и каторжных тюрьмах в эти годы постоянно увеличивалось. Пианист и композитор В. Н. Гартевельд, предпринявший в 1908 году большую поездку по Сибири с целью записи тюремных и бродяжних песен (впоследствии он составил из них концертную программу, с которой совершил турне по российским городам), писал в своем очерке: «Главная перемена произошла в составе самих каторжан. В то время, когда Кеннан посетил каторгу (т. е. в 1885–1886 годах – М.Л.), в состав каторжан входили одни уголовные; теперь же огромный процент каторжан составляют, так сказать, не уголовные. Песни последней категории каторжан, т. е. политических, как бы ни были они интересны в бытовом отношении, в музыкальном отношении значения не имеют, так как мотивы их почти все заимствованы из западноевропейских песен» (Гартевельд 1912: 3–4). Давая такую характеристику песням политкаторжан, Гартевельд, конечно, имел в виду песенный репертуар революционеров, о котором шла речь выше и который действительно имел мало общего с собственно тюремным фольклором. Однако постоянное общение «уголовных» с «не уголовными», которые, по замечанию того же Гартевельда, составляли заметную часть заключенных, стало одним из факторов, обусловивших обоюдное влияние этих двух пластов русской песенной культуры того времени.

Во-вторых, многие политические песни содержали в себе упоминание о репрессиях, которым подвергаются борцы за народное счастье. В 1930 году был выпущен сборник «Песни каторги и ссылки», в который вошли почти все революционные песни, составляющие ядро этой традиции, а некоторые, например, «Интернационал», не были включены составителями не из-за несоответствия тематике сборника, а только как «сделавшиеся всеобщие известными и перешедшие в теперешний репертуар» (Песни каторги и ссылки 1930: 8). Таким образом, издатели сборника фактически ставят знак равенства между революционной борьбой и тюремным заключением. В предисловии по этому поводу содержится весьма яркий риторический пассаж: «На каторге и в ссылке революционер готовил себя для будущих битв. Каторга и ссылка были этапами, через которые проходили борцы от одной революции к другой. Поэтому оторвать политическую каторгу от революции невозможно» (Песни каторги и ссылки 1930: 7–8). Тюремное заключение, каторжные работы или по меньшей мере ссылка считались обязательным элементом политической биографии революционера³, и его песенный образ – это прежде всего образ человека, принимающего страдания и гибель от руки власти. Не случайно такой устойчивой популярностью в среде революционеров-подпольщиков (а затем в кругу «старых большевиков») пользова-

³ В этом смысле весьма характерна нарисованная Некрасовым перспектива жизненного пути героя, еще только начинающего задумываться о том, чтобы посвятить свою жизнь борьбе за счастье и свободу народа: «Ему судьба готовила / Путь славный, имя громкое / Народного заступника, / Чухотку и Сибирь» (Некрасов 1982: 517).

лись песни «Похоронный марш» («Вы жертвою пали в борьбе роковой...»), «Замучен тяжелой неволей...», «Погибшим борцам». При этом помимо обобщенных формул жертвенной гибели (вроде «Погибли вы смело в борьбе роковой» или «В битве великой не сгинут бесследно / Павшие с честью во имя идей...») для поэтики этих песен весьма характерны и такие топоры, как арест, тюрьма, каторга, рудники, кандалы, ссылка, шествие по этапу и т. п., отсылающие к определенным реалиям российских репрессивных практик того времени:

Пусть нас гонят, пусть давят, ссылают,
Пусть позорные ставят столбы...

(«Не оставим начатого дела»; Песни революции 1905а: 13⁴);

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых <...>
И шли вы, гремя кандалами.
Идете усталые – цепью гремя, –
Истерзаны руки и ноги <...>

(«Похоронный марш»; Песни революции 1906: 5);

С тобою одна нам дорога: –
Как ты, мы по тюрьмам сгнием...

(«Последнее прощанье»; Песни и стихотворения анархистов 1918: 21)

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники нас ссылают,
Пусть мы все казни пройдем.
Если ж погибнуть придется
В шахтах и тюрьмах сырых <...>

(«Народовольческий гимн»; Песни революции 1905б: 12)

Иначе говоря, одна из основных песенных ипостасей борца за свободу – это политический заключенный. Стоит ли говорить, что центральным действующим лицом, а нередко повествователем и в тюремных песнях является арестант. К этому следует добавить, что и в том и в другом случае герой песни, а тем более лирический герой, – всегда фигура страдающая и вызывающая к сочувствию. В предисловии к сборнику «Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 года)» М. и Л. Джекобсоны замечают, что «новые песни сочувствуют осужденным с такой же интенсивностью, как и старые. Они описывают холодные камеры, тяжелые работы, жестокость надзирателей, казни, смерть или предчувствие смерти в тюрьме, одиночество» (Джекобсоны 2006: 37–38)⁵.

Таким образом, у двух независимо возникших традиций – политических и тюремных песен – оказалось достаточно много общего как на уровне топики, так и на уровне модаль-

⁴ Здесь и далее фрагменты песен, взятые из печатных песенников того времени, приводятся с полным сохранением орфографии и пунктуации источника.

⁵ Не разделяя ни общей концепции этой книги, ни интерпретации содержания песен как прямого результата «отчуждения общества от правительства» (см.: Башарин, Лурье 2009; Лурье 2009), мы не можем не признать справедливости ряда наблюдений и замечаний, сделанных ее авторами.

ностей, и в определенный момент первая начала «осваивать» вторую. Механика этого освоения, надо сказать, была не слишком разнообразна. В простейшем случае достаточно было включить в существующую тюремную песню указание на то, что упоминаемые в ней арестанты – политические, и исходный текст приобретал новую, «политическую» же окраску.

Именно так произошло, по-видимому, с одной из самых известных тюремных песен первой половины XX века «Далеко в стране Иркутской...»⁶. Песня имеет характерный для народной тюремной лирики устойчивый зачин – описание места заключения:

Далеко в стране иркутской
Между скал и крутых гор
Обнесен стеной высокой
Чисто выметенный двор,

А посад его угрюмый
На дороженьку глядит,
На верху орел двуглавый
Раззолоченный блесит.

Далее текст строится по хорошо известной этой традиции диалогической модели: третье лицо задает заключенному вопросы, отвечая на которые тот рассказывает свою историю и / или описывает свое нынешнее существование, например, «Скажи нам, товарищ, за что ты попал в рудники?» (см., напр.: Ванька Хренов 1912: 33; Спускается солнце за степи 1912: 127–128); «Ну, попался ты, бродяга! Ты откуда? Отвечай!» (см., напр.: Гартевельд 1912: 43); «Скажи, арестант, мне всю правду, за что ты в остроге сидишь?» (Гуревич, Элиасов 1939: 8–10). В данном случае проезжий барин расспрашивает одного из заключенных Александровского централа о назначении этого заведения, его хозяине и обитателях:

По дорожке ехал барин,
Неизвестный господин,
Повстречался с подметалой,
Сказал кучеру: постой!
Расскажи, голубчик милый,
Расскажи-ка, друг ты мой,
Кто хозяин сему дому,
Как фамилия его?
– Это, барин, дом казенный
Александровский централ,
А хозяин сему дому
Сам Романов Николай.
Вот уже седьмое лето,

⁶ Самый ранний и самый длинный из известных вариантов текста опубликован в 1912 году в журнале «Сибирский архив» под заголовком «Александровский централ» (Из мира Александровской централки 1912: 444–448). По сообщению публикатора, это стихотворение, «написанное каторжанином лет 15 тому назад (т. е. в середине или конце 1890-х годов. – М.Л.), во время пребывания его в Александровском централе» (Там же, 442). Об источнике публикуемого стихотворения ничего не сказано, но из предисловия можно понять, что оно приводится по списку, а не по записи с устного исполнения. Похоже, что в публикации действительно приведен исходный или близкий к нему вариант, который впоследствии, став песней, редуцировался: он состоит из 156 стихов, тогда как в песенных вариантах объем текста обычно составляет от 24 до 48 стихов. Заметим, что в этом варианте текста много говорится о тяжелой жизни арестантов и нет ни слова о политических заключенных.

Как в него я жить попал.
– Расскажи, голубчик милый,
Кто за что в тюрьме сидит?
– Разве помнить, барин, можно,
Кто за что в тюрьму попал?
Кто за звонкую монету,
За подделку векселей,
За кредитные бумажки,
Кто, – непомнящий родства.
Чистота у нас такая –
Ни соринки не найдешь,
Подметалов штук десяток
В каждой камере найдешь.

(Ф. и В. 1923: 14)

В данном тексте, приведенном полностью, на этом все заканчивается. Однако известны и варианты, в которых рассказчик в своем обзоре обитателей централа называет еще один сорт преступников:

Есть за кражу, за убийство,
За подделку векселей,
А всего здесь, барин, больше
Политических людей.

(Гуревич 1938: 13)

Упоминание политзаключенных уместилось в один стих (причем и без того весьма активно варьирующий при стабильности рифмующей строки про «подделку векселей» – ср.: «за убийство богачей» / «много разных штукарей» / «за начальство-сволочей») и нисколько не выбивается из общей логики и стилистики текста. Одного такого упоминания, как уже говорилось, было вполне достаточно, чтобы вся песня приобрела некоторое «политическое» звучание, по крайней мере на уровне обертонов: в то время каждому было понятно, какая реальность стоит за «политическими людьми», которыми изобилуют тюрьмы. Сочувствие «политическим» – в числе прочих арестантов – в данном варианте поддержано описанием в следующей же строфе мучений, которым подвергаются заключенные («Здесь народ тиранят, мучат / И покою не дают, / В карцер тёмный загоняют, / На кобылину кладут!»), а негативное отношение к власти – фразой «А хозяин сему дому – сам кровавый Николай» (Гуревич 1938: 13).

В целом же такое относительно деликатное и эмоционально нейтральное включение упоминания о заключенных революционерах в исходный текст – редкость. Значительно больше примеров, в которых политическая составляющая вписывается в тюремную песню «грубыми мазками», делая результат уже абсолютно неподцензурным.

Есть за правду за народну:
Кто в шестом году восстал,
Тот начальством был отправлен
В Александровский централ.

Есть преступники большие,
Им не нравился закон,

И они за правду встали,
Чтоб разрушить царский трон.

Отольются волку слезы.
Знать, царю несдобровать!»
Уловив слова угрозы,
Барин крикнул: «Погонять!»

(Песни каторги и ссылки 1930: 104);

о «хозяине» дома в этом варианте говорится:

Он живет в больших палатах,
И гуляет, и поет,
Здесь же в сереньких халатах
Дохнет в карцере народ.

(Там же, 103)

Так в тюремную песню внедряется пропагандистский дискурс со свойственными ему патетическими формулами («за правду встали», «разрушить царский трон»), отсылками к революционным прецедентам ближайшего прошлого («кто в шестом году восстал») и конкретными политическими программами в форме прогноза («знать, царю несдобровать»). И вполне понятно, что имели в виду составители сборника «Песни каторги и ссылки» (1930), включившие песню об Александровском центральном в данном варианте как «распространенную, популярную арестантскую песню, очень часто исполнявшуюся и политическими арестантами» (Там же, 111).

Кроме этого варианта песни, в котором сдержанные жалобы арестанта оборачиваются пламенными пассажами в духе революционной риторики, существовала другая развернутая версия, в которой «подметала», помимо прочего, рассказывает барину историю собственного преступления и наказания, за что последний дает ему денег или предлагает забрать из тюрьмы:

– Где же, барин, все упомнишь,
Кто за что сюда попал.
Я и сам седьмое лето,
Как свободы не видал.
Я попал сюда случайно,
За изменщицу-жену,
Что убил ее не тайно –
Знать, уж быть тому греху.

(Бахтин 1982: 246⁷)

Такое автобиографическое развитие повествования заключенного выглядит гораздо более органичным в контексте тюремной лирики. Однако и в приведенных выше, и в других в разной степени «политизированных» вариантах песня имела весьма широкое хождение отнюдь не только в среде политических: в 1900–1910-е годы злободневные социально-поли-

⁷ См. также: Джекобсоны 1998: 42 (вар. 3); Адоньева, Герасимова 1996: 263–264, № 229. Заметим, что все три известные нам текста песни с этой версией развития сюжета записаны во второй половине XX века.

тические темы и революционная риторика были востребованы ничуть не менее, чем нравственные коллизии и «мещанская» поэтика жестокого романа.

Есть и такие песни о политзаключенных, для которых определенный источник из числа известных тюремных песен не только не очевиден, но его, скорее всего, и не было, а тем не менее текст без сомнения апеллирует к поэтике народной тюремной песни. Приведем первую часть одной такой песни.

На одной из улиц отдаленных
Есть высокий красный дом большой:
На окнах железные решетки,
Обнесен высокою стеной.

Тишина кругом повсюду,
Не слышать живой души.
Кругом шагают часовые,
На воротах крепкие замки.

Иногда там слышны звуки песен,
Но печальных, как осенний день;
Иногда в окно там виден узник,
Но худой и бледный, точно тень.

До этого момента ничто не предвещает отклонения песни от традиционной топики и композиционной схемы весьма многочисленных тюремных романсов, часто написанных известными поэтами 1820–1880-х годов, чьим героем обычно является одинокий страдающий узник, например, «Не слышно шума городского...» (см. напр.: Голова ль ты моя удалая 1907: 14), «Солнце всходит и заходит...» (см., напр.: Солнце всходит и заходит 1905: 3; Солнце всходит и заходит 1908: 3; Спускается солнце за степи 1912: 17; Ванька Хренов 1912: 49–50) или «В плену за решеткой острожной...» (см., напр.: Спускается солнце за степи 1912: 24–25); «За крепкой тюремной решеткой...» (см., напр.: Солнце всходит и заходит 1905: 3–5) и т. п. Однако со следующей строфы текст меняет русло: оказывается, речь идет не об узниках вообще, а о заключенных героях – борцах за народное счастье:

Кто ж они, безмолвные герои
Там, за крепкою стеной?
Точно звери, заперты жестоко
В этот гроб, холодный и сырой.

Это те безвестные герои,
Это те страдальцы за народ,
Кто под гордым знаменем свободы
Звал идти безропотно вперед!

Много их таких со славой пало,
Много и еще в борьбе падет,
Но в сердцах свободного народа
Дело их вовеки не умрет.

(Ширяева 1984: 56–57, № 26; запись 1936 года)

Судя по всему, этот текст не имел конкретных источников среди тюремных песен и создавался изначально как рассказ о «безвестных героях». При этом традиция тюремной песни отчетливо сказалась в нем, во-первых, на уровне композиции (обстоятельная экспозиция, построенная на приеме сужения образа: от описания места, где расположена тюрьма, к изображению арестанта), во-вторых, на уровне устойчивой топики (большой дом, высокая стена, железные решетки, крепкие замки, шагающие часовые, тишина). Очевидна разница с предыдущим примером: если там существующая тюремная песня перерабатывается в политическую и можно проследить, как это происходит, то здесь появляется оригинальная политическая песня, создатель которой эксплуатирует хорошо осозаемую поэтику фольклорной тюремной лирики.

Приведем еще один пример встраивания политического / пропагандистского компонента в тюремную лирику. Ниже даны два полных песенных текста, имеющих заметные текстовые пересечения. В них курсивом выделены фрагменты, сходные между собой, жирным шрифтом – посвященные борцам за свободу, разрядкой – содержащие мотивы, чрезвычайно типичные для тюремных песен, но не встречающиеся в революционных песнях о политзаключенных.

1

Из Верх-Исетского направо
Тут стоял тюремный дом,
Вкруг усадьбой обнесен.
Тут сидели арестанты
До двенадцати часов.

Час двенадцатый пробьет
Ключник в камеру идет.
Он несет по пайке хлеба
И в ушате серых шей.
Заглянул я в эту чашку,
Плывет стадо червяков.

Отвернулся и заплакал,
Стал я паечку глотать.
Горе, горе, нам ребята,
Горе маленьким ворами!

Кто помаленьку ворует,
Постоянно по тюрьмам,
А кто много украдет,
Тот с квартальным пополам.

(Бирюков 1953: 139; запись 1935 года, исполнитель узнал песню в 1910–1913 годах)

2

Из Верх-Исетского направо
Тут стоял тюремный дом,
Заклученных было много –
Дом оградой обнесен.

В нем сидели арестанты
По политическим делам.
Им давали хлеба мало
И полчашки серых щей.
Заглянул я в эту чашку,
Плывет стадо червяков.

Их любили арестанты, –
Они драки не вели.
Арестантов всех учили,
Говорили про их жизнь:

– Кто от голода ворует –
Постоянно по тюрьмам,
А кто много украдает –
Тот с квартальным пополам.

Один старый надзиратель
Часто слушал их рассказ.
Прошли годы и недели,
Надзиратель другим стал.

Одной ночью темной,
Когда спал тюремный дом,
Надзиратель открыл двери,
Арестантов отпустил:

– Будьте живы, удалые,
Вам на волюшке гулять.
А я, старик, пойду садиться
В темну камеру за вас.

(Джекобсоны 2006: 320⁸)

Очевидно, что в основе песни 2 – текст, близкий к песне 1 (хотя, наверное, и не полностью тождественный данному варианту), что дает возможность приблизительно проследить

⁸ М. и Л. Джекобсоны приводят данный текст по материалам архива радиопрограммы «В нашу гавань заходили корабли» (песни, поступившие в 1992–1993 годах). Нам пока не удалось обнаружить более ранних записей, хотя и по стилистике, и по содержанию совершенно очевидно, что по времени возникновения этот вариант относится к той эпохе, о которой идет речь.

механику и логику переработки песни о заключенных в песню о политических заключенных с элементом революционной пропаганды. Картина получается следующая:

1) описание тюрьмы, указание ее местоположения и упоминание томящихся в ней арестантов – характерный для тюремных песен зачин – сохраняется в качестве необходимой в песнях такого типа экспозиции;

2) сообщение о том, что в данной тюрьме находятся политические заключенные, вводится прямым текстом, что сразу делает песню об арестантах песней о борцах с режимом;

3) описание плохих условий содержания и тягот тюремной жизни, часто присутствующее в тюремных песнях⁹, хорошо проецируется на идею страдания борцов в царских застенках и потому сохраняется;

4) жалобы арестантов на тяжелую жизнь в неволе, слезы, а также присутствующие в других вариантах риторические обращения к родителям и мысли о самоубийстве¹⁰ регулярно встречаются в тюремных песнях, но исключены в песне о политзаключенных как проявление слабости духа, недопустимое для борца; точно так же не подходит для песни о репрессированных революционерах один из самых устойчивых мотивов тюремной лирики – мечты заключенных о побеге¹¹, поскольку он плохо сочетается с героикой борьбы и пафосом жертвенности;

5) обвинения в адрес полицейской и судебной власти, в том числе и в коррумпированности, вполне характерны для тюремной лирики¹² и в песне 1 подаются как жалобы на несправедливость по отношению к мелким преступникам; однако в качестве речи политических арестантов, обращенной к другим заключенным, этот фрагмент переводится из регистра ламентации («горе маленьким вора») в регистр пропаганды: политические объясняют уголовным, что бедноту толкает на преступление нищета, а истинные преступники в доле со столь же преступной властью (тезис, типичный для риторики политических песен и вообще для антиправительственной агитации этой эпохи);

6) мотив сочувствия надзирателя заключенным достаточно устойчив в тюремной песенной традиции, более того: хорошо известная в конце XIX – начале XX в. песня «Ночь тиха, считай минуты...», восходящая к стихотворению Н. П. Огарева «Арестант», вся построена как диалог узника и сторожа о помощи в побеге; однако там часовой, жалея арестанта, тем не менее отказывается притвориться спящим и дать ему уйти, объясняя это мучительностью ожидающего его в этом случае наказания («Пуля, барин, ничего бы, / Но боюсь я батога / Отдадут под суд военный / И сквозь строй проволокут / Ни ружья, ни револьвера, / Мне с собою не дадут, / А дадут кирку, лопату / К вечной тачке прикуют») (Новые песни каторжан 1914: VI–VII) – в то время как в рассматриваемой «политизированной» тюремной песне все происходит наоборот: распропагандированный политзаключенными надзиратель сам отпускает арестантов, готовясь претерпеть за их свободу («А я старик пойду садиться / В темну камеру за вас»).

Заметим также, что текст 2, посвященный политическим арестантам, полностью выдержан в интонации и стилистике старой тюремной песни и не содержит никаких дискурсивных диссонансов (в этом смысле особенно характерно обращение надсмотрщика к

⁹ В частности, достаточно устойчив и мотив червиего супа, ср. в других вариантах: «Как у етих щях капуста / Она бела, как смола. / Как за етой за капустой / Плывет стадо червяков» (Гуревич, Элиасов 1939: 10, № 6); «Он несёт полынны хлеба / И большую чашку шей. / Сверху плавает капуста, / А внизу – стада червей» (Джекобсоны 2006: 459).

¹⁰ Ср.: «Я аристантец, не собака, / Я такой же человек. / Бросил ложку, сам заплакал, / Начал хлеб с водой кусать» (Гуревич, Элиасов 1939: 10, № 6); Арестант ведь не собака, / А такой же человек. / Взял он ложку и заплакал, / Родителей вспоминал: / «Прощай, папа, прощай, мама, / Не могу на свете жить» (Джекобсоны 2006: 459).

¹¹ Ср.: «Они думали, гадали, / Как из замка убежать» (Там же).

¹² Ср., напр.: «Как по правой – прокурор, / По глазам он чистый вор; / А по левой – «преседатель», / Он карманный обиратель» (Лурье, Сенькина 2007: 521).

заклученным революционерам «удалые»: как известно, это один из традиционных эпитетов, применяемых в фольклорных песнях к разбойникам – равно как и выражение «на волюшке гулять»). Это лишний раз свидетельствует о том, что трансформации, введившие в тюремные песни политическое содержание, могли происходить не только в результате целенаправленной переработки существующих песен (в этом случае привнесенные фрагменты, как правило, заметно отличаются от старых), но и как естественный процесс варьирования песенных текстов, происходящий, как правило, без нарушения в более поздних версиях жанрово-стилевых особенностей образца.

Помимо песен о политкаторжанах, попавших в заключение за сознательную борьбу с режимом, точки пересечения с тюремными имели также песни, повествующие о людях из народа (как правило, крестьянах), осужденных в результате произвола господ и властей или доведенных до преступления крайней нуждой. В некоторых из песен этого рода, помимо сочувствия герою и упреков судьбе, отчетливо звучит и критика социальной системы, и осуждение несправедливой власти – как правило, в тех случаях, когда авторами стихотворений-источников были участники революционного движения. Так, песня «Ах ты доля, моя доля...» восходит к стихотворению, впервые появившемуся в 1873 году в вольной печати¹³. В ней герой-повествователь попадает на каторгу за то, что пытался донести до царя прошение крестьян:

Раз, в несчастный год голодный,
Стали подати собирать,
И последние пожитки,
Всю скотину продавать.

Я от мира с челобитной
К самому царю пошел,
Но схватили на дороге,
До царя я не дошел.

(Усов 1940: 233, № 11; запись 1906 года)

Изначально стилизованное в духе народных тюремных романсов-ламентаций стихотворение быстро стало песней, получившей широкое распространение в различных вариантах, попадавшей в печатные песенники (см., напр.: Ах ты доля, моя доля 1910: III; Песни революции 1905б: 4–5), неоднократно записывавшейся собирателями и до, и после революции (см., напр.: Гартевельд 1912: 11; Усов 1949: 232–233). В процессе бытования песня обрела все больше черт, характерных для тюремной песенной традиции. Так, в текст достаточно устойчиво вошла никак сюжетно не мотивированная новая строфа:

Очутился я в Сибири,
В тесной шахте и сырой,
Здесь я встретился с друзьями.
Здравствуй, друг, и я с тобой!

(Гартевельд 1912: 11; см. также: Песни революции 1905б: 5; Гуревич 1938: 13; Тонков 1949: 73–74, 264; Бирюков 1953: 266)

¹³ Сборник новых песен и стихов 1873: 25–26. Авторство стихотворения приписывается Д. А. Клеменцу (Гусев 1988: 207, 465; текст, приводимый Гусевым, имеет расхождения с вариантом сборника).

Появилась и версия с дополнительным сюжетным ходом, делающим героя «убийцей по справедливости» – что весьма типично для тюремных песен-автобиографий (в частности, содержащих мотив убийства возлюбленной из ревности):

Я от жалости обидной
Сам к царю пошел,
Да дорогой задержался,
До царя я не дошел.
Мое сердце не стерпело,
Я урядника убил...
И за это преступленье
В рудники я угодил.

(Гуревич 1938: 13, запись 1936 года; см. также: Тонков 1949: 73, 264; Бирюков 1953:266)

При этом наиболее «крамольная» строфа оригинала:

И по царскому велению, За прошение мужиков, Его милости плательщик Сподобился кандалов.

(Сборник новых песен и стихов 1873: 25–26)

чрезвычайно редко встречается не только в песенниках, даже революционных¹⁴, но и в записях¹⁵, а в версии с урядником герой попадает на каторгу вообще не за попытку обращения к царю с крестьянской просьбой, а за убийство¹⁶. Так из песенного текста, попавшего в поле тюремной лирики, выветривались изначально содержащиеся в нем элементы политической рефлексии – явление, обратное рассмотренному выше, но также имевшее место в процессе взаимодействия двух традиций.

Не исключено, что подобная же история (если не обратная) произошла с песней «Говорила сыну мать...». Приведем тексты двух наиболее ранних ее фиксаций: в сборнике, составленном Гартевельдом из материалов, записанных им в Сибири в 1908 году от арестантов и каторжников (слева)¹⁷, и в печатном песеннике, изданном в 1910 году и названном по первым двум стихам этой же песни (справа):

Вспомню, вспомню, вспомню я,
Как меня мать любила
И не раз, и не два
Она мне говорила

¹⁴ Так, этот куплет присутствует в женевском сборнике революционных стихов и песен (Песни борьбы 1902: 71), в котором приводится текст, довольно близкий авторскому, но отсутствует в песеннике того же времени (Песни революции 1905б: 4–5), куда, очевидно, попал вариант из устного бытования.

¹⁵ Единственный известный нам зафиксированный песенный вариант, где она сохраняется (Усов 1940: 232–233), почти дословно воспроизводит весь оригинальный текст стихотворения, по-видимому, известный в кругу, где бытование песни наблюдал собиратель не только через посредство песенной традиции, но и из книжных или рукописных источников.

¹⁶ В варианте, записанном на Онежском заводе в 1937 году, поход к царю с челобитной вообще отсутствует: «В деревне староста урядник / Царь и бог являлся он / Собирали налоги – подать / Обирав мужика / И последнюю скотинку / Выводил со двора / Не стерпело мое сердце / Я урядника убил / Вот за это преступленье / Царь на каторгу судил» (Архив ИЯЛИ Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 61. № 686; большая благодарность М. В. Ахметовой, познакомившей нас с этими материалами).

¹⁷ В публикации Гартевельда данная песня обозначена как «тобольская», т. е. записанная в тобольской каторге. Интересно, что в качестве названия Гартевельд вынес стих «Говорила сыну мать...», отсутствующий в публикуемом им тексте. Вероятно, это свидетельствует о том, что песня ко времени записи ее музыкантом уже была достаточно известна не только в арестантской среде и имела устойчивое условное обозначение.

Эх, мой миленький сынок,
Не водись с ворами
В каторгу-Сибирь пойдешь,
Скуют кандалами.

Котелки с собой возьмешь,
Конвой пойдет за вами,
Подкандалный марш споешь
С горькими слезами.

Вспомнишь ты старушку-мать
И родного брата.
Не утеприт ретивое
Ты убьешь солдата.

Прослывешь бродягой ты,
Будешь всех бояться,
Ночью по полю ходить,
Днем в лесу скитаться.

(Гартевельд 1912: 18, № 13)

Говорила сыну мать.
Ни водись с ворами.
А то в каторгу пойдешь,
Скован кандалами.

Поведет тебя конвой,
Ты заплачешь горько,
Будешь каяться во всем,
Не воротишь только.

И дадут тебе халат
С желтыми тузами,
Обольешься тогда, сын,
Горькими слезами,

Поведут тебя по всей
Матушке-России,
Сбреют волосы тебе
Вплоть до самой шеи.

Разотрешь в дороге ты
Ноги кандалами.
Будет гнать тебя конвой
Острыми штыками.

Запоешь в дороге ты
Песенки унылы,

Как покажутся тебе
Цепи все постылы.

Так, бывало, моя мать
Меня научила (sic!).
И всегда по голове
Гладила ласкала

И бывало я ее
С радостью и внемлю,
Но угодно было взять
Богу ее в землю.

А за нею тут же вслед
И отец скончался,
И на свете сиротой
Круглый (sic!) я остался.

Не убил не воровал,
Но любил свободу,
И на каторгу попал
По первому же году.

Был в деревне мироед,
С нами он не знался:
И над голым бедняком
За всегда смеялся.

Собрались мы на сход
Промеж нас читаем,
А купчина-мироед
Проходил случаем.

Он уряднику донес,
Что мы взбунтовались;
Нас отправили в тюрьму,
Чтоб не собирались,

А как вышел из тюрьмы,
Так побил купчину
В суд обжаловал меня,
И послал в чужбину.

Я не крал, не воровал,
А любил свободу,
И за что же я осужден
По первому же году?

Вспоминаю мать мою,

Как меня учила,
Коль теперь была б жива
Так б не говорила.

(Говорила сыну мать 1910: III–V)

Как нетрудно заметить, тексты значительно различаются не только объемом (5 и 16 строф), но и содержанием¹⁸. В варианте, записанном Гартевельдом, все ограничивается изложением заветов матери, рисующей сыну перспективу его преступно-тюремной биографии, которая заканчивается убийством конвоира и бродяжничеством; в варианте из песенника этот гипотетический финал жизни героя отсутствует, зато излагается реализованная биографическая история, которая контрастирует с предполагаемой, причем в качестве антагониста выступает, по сути, «классовый враг» – клеветник и доносчик «купчина»–«мироед», презирающий «голового бедняка». Естественно, что в первом случае песня свободна от какого бы то ни было неблагонадежного звучания, тогда как во втором, безусловно, присутствуют некоторые «политические» коннотации, которые как бы подытоживает последняя строфа: была бы жива мать, наивно полагавшая, что арестантами становятся только преступники, она бы увидела, что на самом деле прямой путь на каторгу – любовь к свободе и справедливости.

В отличие от предыдущего случая, относительно песни «Говорила сыну мать...» мы не располагаем данными, которые позволили бы признать одну из версий первичной, а другую – результатом ее трансформации. При этом каждый из текстов выглядит в своем роде абсолютно органичным: один – вполне типичная тюремная песня, сосредоточенная на описании арестантских и бродяжских мытарств и использующая в качестве повествовательной рамки хорошо известный песенному фольклору мотив обращения матери к ребенку с наставлениями¹⁹; другой – стихотворение, рисующее историю безвинно пострадавшего простого человека, также весьма характерное для поэтической традиции второй половины XIX – начала XX века.

Как бы то ни было, эта песня, судя по количеству ранних фиксаций, имела весьма широкое распространение, неоднократно публиковалась в дешевых песенниках 1910-х годов. И что особенно важно для нас в контексте данной статьи, она была известна как в вариантах, очевидно тяготеющих к одной или к другой из «полярных версий», так и в «промежуточных», например, включающих историю с купцом, но не содержащих строф о любви к свободе.

Таким образом, «политическое» содержание тюремной песни легко оказывалось «мерцающим» элементом, то исчезая из текста, то возникая в различных версиях и вариантах. По-видимому, к середине 1910-х годов окончательно сложилась ситуация, при которой наличие

¹⁸ М. и Л. Джекобсоны приводят шесть вариантов этой песни (Джекобсоны 1998: 80–85), из них три – по публикациям первой половины XX века. В этой подборке также есть пятистрочный вариант (он приводится по песеннику 1913 года, в целом очевидно восходящему к публикациям Гартевельда), и 16-строчный (точнее, 15-строчный: он дан по тому же источнику, что и здесь, но вместо первых четырех строф почему-то напечатаны три из другого варианта). Необходимо указать на одну принципиальную ошибку в текстологических построениях авторов. Сопоставляя тексты между собой, Джекобсоны нередко отождествляют хронологию фиксаций различных вариантов с последовательностью их возникновения, иногда даже представляя тот или иной из вариантов как непосредственную трансформацию предшествующего по времени публикации – ср., напр.: «Сборник 1915 года заменил первые 9 строф варианта 1 (из сборника 1910 года. – М.Л.) четырьмя строфами, две из которых совершенно новые и две переделаны, и исключил также 14-ю и 15-ю строфы, сократив таким образом песню до 8 строф» (Там же, 81). Очевидно, что составитель одного сборника, каких выходило тогда по несколько десятков в год, мог никогда не держать в руках другого, и практически невозможно узнать, откуда именно и в каком виде он получил публикуемый текст. Не останавливаясь на интерпретациях текстов данной песни Джекобсонами, склонными толковать фольклорные песни как исторический источник, укажем лишь, что авторы также отмечают «политический оттенок» некоторых ее вариантов.

¹⁹ Заметим, что в тюремной лирике более распространен зеркальный мотив: обращение сына к матери (к родителям) с жалобами, сетованиями, просьбами о прощении и словами прощания.

такого содержания, более или менее явно эксплицированного, стало общим местом в данном сегменте песенной традиции.

Следует учесть, что тюремные песни достигли в то время вершины своей популярности. Об этом свидетельствует и большое количество записей, сделанных собирателями в конце XIX – первой трети XX века, причем значительная часть из них – от людей, не имевших никакого отношения к преступному миру и пенитенциарным заведениям; и включение тюремных, каторжных, бродяжских песен в репертуар известных исполнителей и певческих коллективов; и огромное количество выпущенных в те годы дешевых изданий, содержащих подобные песни, чьи выразительные первые строки, иногда с подзаголовками вроде «Новые песни сибирских бродяг», «Песни заключенных» и т. п., часто выносились в название всего сборника, причем и в тех случаях, когда фактически в него включались тексты различного содержания²⁰. Можно сказать, что тюремные песни в этот период стали своего рода мейн-стримом общенациональной песенной культуры, и если все же уступали в популярности всегда лидировавшим песням любовного содержания, то очень незначительно.

На гребне этой волны популярности «песен неволи» политическая песня в начале XX века интегрировалась в традицию новой народной лирики, обогащая тем самым свой поэтический арсенал, размыкая социальную ограниченность сферы бытования и в итоге увеличивая аудиторию пропагандистского воздействия.

Литература

Адоньева, Герасимова 1996 / Соврем. баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996. Ах ты доля, моя доля 1910 / Ах ты доля, моя доля. Песни каторжника. М.; СПб., 1910.

Бахтин 1982 / Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области / Запись, сост., обраб. и примеч. В. С. Бахтина. Л., 1982.

Башарин, Лурье 2009 / Башарин А. С., Лурье М. Л. Русские песни о преступниках и палачах // Живая старина. 2009. № 4. С. 63–65.

Бирюков 1953 / Урал в его живом слове: Дорев. фольклор / Собрал и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1953.

Ванька Хренов 1912 / Ванька Хренов. Новый песенник. М., 1912.

Гартевельд 1912 / Песни каторги. Песни сибирских каторжан, беглых и бродяг / Собрал В. Н. Гартевельд. М., 1912 (= Универсальная библиотека, № 574).

Гиппиус 1962 / Гиппиус Е. «Эй, ухнем». «Дубинушка»: История песен. М., 1962.

Говорила сыну мать 1910 / Говорила сыну мать не водись с ворами: Народные песни. М., 1910.

Голова ль ты моя удалая 1907 / Голова ль ты моя удалая: Новый сборник русских песен и романсов. М., 1907.

Гуревич 1938 / Фольклор Восточной Сибири / Сост. А. В. Гуревич. Иркутск, 1938.

Гуревич, Элиасов 1939 / Гуревич А. В., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья / Вступ. ст., сост. и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ, 1939.

Гусев 1988 / Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988. Т. 2.

Джекобсоны 1998 / Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917–1939). М., 1998.

Джекобсоны 2006 / Джекобсон М., Джекобсон Л. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917). М., 2006.

²⁰ По подсчетам М. и Л. Джекобсонов, в фондах РГБ содержится «около ста сборников народных и авторских песен и стихов о неволе и преступниках, опубликованных всего за 8 лет, между 1906 и 1914 годами» (Джекобсоны 2006: 14).

Друскин 1954 / *Друскин М.* Русская революционная песня. М., 1954.

Друскин 2012 / *Друскин М. С.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Русская революционная песня / Сост., вступ. ст., материалы, публ. писем и документов, коммент. С. Подрезовой. СПб., 2012.

Житомирский 1963 / *Житомирский Д.* Из прошлого русской революционной песни. М., 1963.

Из мира Александровской централки 1912 / Из мира Александровской централки // Сибирский Архив: Журнал археологии, истории и этнографии Сибири (Иркутск). 1912. № 6. С. 442–448.

Лурье 2009 / *Лурье М. Л.* Песенный фольклор как зеркало русской оппозиции // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 335–342.

Лурье, Сенькина 2007 / *Лурье М. Л., Сенькина А. С.* Песни саратовских детдомовцев в записи Петра Козина (1921): Текст и комментарий // АБ-60: Сб. статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007 (= *Studia Ethnologica*. Вып. 4). С. 511–537.

Некрасов 1982 / *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1982. Т. 5.

Новые песни каторжан 1914 / Новые песни каторжан. М., 1914.

Песни борьбы 1902 / Песни борьбы: Сборник революционных стихотворений и песен. Женева, 1902.

Песни и стихотворения анархистов 1918 / Песни и стихотворения анархистов. [М.], 1918.

Песни каторги и ссылки 1930 / Песни каторги и ссылки. М., 1930.

Песни революции 1905а / Песни революции: Сборник революционных песен и стихотворений. СПб., 1905.

Песни революции 1905б / Песни революции. СПб., 1905.

Песни революции 1906 / Сборник революционных песен и стихотворений. [Киев, 1906].

Рейсер, Шилов 1959 / Вольная русская поэзия второй половины XIX века / Вступ. ст. С. А. Рейсера, подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера и А. А. Шилова. Л., 1959 (Б-ка поэта. Большая серия).

Сборник новых песен и стихов 1873 / Сборник новых песен и стихов. [Женева], 1873.

Солнце всходит и заходит 1908 / Солнце всходит и заходит: Новейший сборник песен. М., 1908.

Солнце всходит и заходит 1905 / Солнце всходит и заходит: Сборник песен. М., 1905.

Спускается солнце за степи 1912 / Спускается солнце за степи: Новые песни сибирских бродяг / Собрал И. Ф. Овчинников. Киев, 1912.

Тонков 1949 / Фольклор Воронежской области / Сост. В. А. Тонков. Воронеж, 1949.

Усов 1940 / Русские песни / Сост. и коммент. Н. А. Усов. Горький, 1940 (Фольклор Горьков. обл.).

Ф. и В. 1923 / Ф. и В. Тюремная песня // Этнографический бюллетень (Иркутск). 1923. № 3 (март). С. 13–14.

Ширяева 1984 / 100 песен русских рабочих / Сост. П. Г. Ширяева. Л., 1984.

Александра Архипова, Сергей Неклюдов Фольклор и власть в «закрытом обществе»

В исследовательской литературе и в идеологическом дискурсе понятие «советская мифология» используется в двух разных значениях. В первом случае это мифология, искусственно конструируемая более или менее узкими кругами общества, как правило, властными или обслуживающими власть (т. е. «мифология сверху»). Однако группы, не согласные с существующим порядком вещей и находящиеся в оппозиции к правящему режиму, тоже могут конструировать собственные (и навязываемые обществу) мифы, хотя концепции критические могут чаще опираться на реальные факты (и в этом смысле менее «мифологичны»), чем концепции охранительные.

Во втором случае речь идет о мифологии, самопроизвольно складывающейся на основе матриц общественного сознания (иногда имеющих весьма архаический характер), исторических воспоминаний (отобранных и структурированных сообразно данным матрицам), в меньшей степени – представлений о будущем (обычно эсхатологических), а также коллективных практик, предпочтений, ценностей и фобий. Коллективное сознание всегда включает весьма значительный мифологический компонент, оно находит свое выражение в массовых традициях, начиная с архаического фольклора и заканчивая текстами Интернета («интернет-лора»).

Так, во второй половине 1920-х годов существовали разные формы мифологизации фигуры Ленина. Большое количество литературы написано об официально санкционированном «культе Ленина» (Tumarkin 1983; Velikanova 1996; Ennker 1997; Тумаркин 1997; Панченко 2005; Богданов 2010), в том числе и об использовании государственной пропагандой фольклорных матриц (Панченко 2005), однако засвидетельствованы и другие представления, согласно которым Ленина подменили восковой куклой, пытались убить, а он бежал и до поры до времени скрывается и т. д. Рабочие одной из ленинградских фабрик, взволнованные подобными слухами, в феврале 1924 года потребовали от правительства показать им «живого Ленина», скрываемого от народа, поскольку он хотел облегчить жизнь простым людям (Неизвестная Россия IV). Соответственно, истоки этой мифологии связаны не с официальным «культом Ленина», а с традиционными утопическими представлениями о спасшемся царе-избавителе (Чистов 2003; Панченко 2005: 339–340; Архипова 2010). Носители обеих «мифологий» могли воскликнуть «Ленин жив!», но при этом содержание данного высказывания отсылало бы к совершенно разным и даже противоположным традициям. Несомненно, что эти две мифологии не представляли собой параллельных прямых, наоборот, они пересекались и влияли друг на друга²¹.

Таким образом, следует различать мифологию «искусственную» и мифологию «спонтанную». В отличие от спонтанной мифологии, производимой обществом для собствен-

²¹ Ср.: рассуждение А. А. Панченко об отношениях между фольклором и «фольклором» в советскую эпоху: «Рассуждая феноменологически, можно утверждать, что в империях и тоталитарных государствах XIX–XX веков обычно существовало как бы два фольклора: фольклор 1 (F¹) – «низовая словесность», не контролируемая и не санкционированная социальной и культурной элитой, и фольклор 2 (F²) – тексты, получившие соответствующую общественную санкцию, официально и / или конвенционально признанные фольклорными и зафиксированные на специальных носителях <...> Казалось бы, между F¹ и F² существует прямая зависимость: F² формируется и пополняется за счет захвата/фиксации фрагментов F¹. Однако дело обстоит сложнее. Во-первых, F² тоже воздействует на F¹ посредством процесса, который С. А. Штырков предложил называть «вторичной фольклоризацией». Во-вторых, F² пополняется не только за счет F¹, но и за счет фальсификаций и мистификаций, получающих «аутентичный» статус. Перспектива изучения текстов такого рода важна постольку, поскольку они в наиболее чистом виде отражают социально-идеологические тенденции и ожидания, то *wishful thinking*, которое обеспечивает существование F² в качестве функционального культурного явления» (Панченко 2005: 334–335).

ного потребления, мифология искусственная создается «на сбыт» с определенными идеологическими и практическими целями. Это, как правило, именно политическая мифология, включающая в себя механизмы манипулирования общественным сознанием. В силу этого, однако, она вынуждена опираться на семантические структуры «спонтанной» мифологии – в противном случае ее «сообщения» попросту не будут услышаны и поняты. Отсюда, впрочем, не следует, что проповедники, политтехнологи или журналисты только артикулируют уже существующие настроения. Они несомненно несут ответственность за их интенсификацию и оправдание, что, скажем, в полной мере проявилось в истории антисемитизма (бытовая ксенофобия, несомненно, является почвой для соответствующих концепций, оправдывающих ее, но, в свою очередь, эти концепции переводят бытовую ксенофобию на другой уровень – со всеми чудовищными последствиями, продемонстрированными XX веком).

Исследований, посвященных «советской мифологии» в первом значении, – огромное количество (обширную, хотя не исчерпывающую библиографию см.: Богданов 2009: 252–351), и часто советская культура исследуется как некий дискурс, адресантом которого является «народ» (из последних работ на эту тему см.: Скрадоль 2011; Богданов 2009; Рольф 2009). Сторонники такого подхода рассматривают советскую культуру как «конвенционально *целое*» (Богданов 2009: 12). Однако наша задача – иная. Мы занимаемся «неподцензурными», часто протестными по своему содержанию формами, которые возникали в 1920–1930-е годы на стыке традиционного «языка» и советского «новояза», вступая в сложные взаимодействия с официальной идеологией, чье отношение к ним, в свою очередь, менялось на протяжении первых послереволюционных десятилетий.

Об этом, собственно, и статья.

Пристальное внимание правящих режимов к «фольклору» и «народной культуре» – вещь не столь уж частая. В европейской истории Нового времени подобные ситуации, как правило, могут быть соотнесены с социально-политическими проектами коллективного дисциплинирования и мобилизации. Ближайшей параллелью здесь можно считать церковную борьбу с «ересями» и «суевериями» в разные эпохи (например: Ginzburg 1989: 156–164; Живов 2009: 327–361). Однако светские администраторы проявляют интерес к «народной словесности» значительно реже; поэтому рассматриваемый ниже диалог «власти» и «фольклора» в Советском Союзе следует считать довольно примечательным.

Речь в статье пойдет о первых послереволюционных десятилетиях XX века, когда вновь созданное государство и «народ»²² оказались в ситуации своеобразного прямого взаимодействия, без посредства сложных иерархических механизмов прежней социальной и культурной системы. «Народ» использовал для этого взаимодействия язык традиционной культуры (по определению спонтанный и нерегулируемый, но в 1930-е годы осваивающий современные реалии и элементы советского «новояза»), а властные политико-идеологические инстанции экспериментировали, пытаясь создать свои собственные инструменты как для рецепции этого языка, так и для воздействия на него – селекции, подмены и подавления.

В отечественной истории это был самый масштабный эксперимент по установлению подобного диалога, хотя некоторые его формы можно обнаружить еще в конце XVII–XVIII

²² В разное время этим словом назывались разные социокультурные слои. Для сравнения: словарь В. И. Даля (1863–1866) предлагает такой диапазон значений: «люди, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; чернь, простолудье, низшая, податные сословия; множество людей, толпа» (Даль 1989 II: 461), а словарь Д. Н. Ушакова (1934–1940) оставляет только: «население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны; то же, что нация, национальность», особо выделяя (пометкой «В эксплуататорском государстве») значение «основная масса населения (преимущ. крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу» (Ушаков 1938: 413). «Малая советская энциклопедия» (1937–1947) вообще не включает слова «народ», ограничиваясь понятием «нация» – в его сталинском определении (МСЭ 1938: 366–367), косвенным образом уравнивая «народ» с «крестьянством», которое, согласно тому же изданию, «перестает существовать как класс прежнего общества...» (МСЭ 1937: 950).

веке, когда государство проявляло повышенное внимание к «голосу народа» в ходе борьбы с песнями, затрагивающими высочайших особ (Анисимов 1999: 84–85; Пыпин 1900: 554–555), с «непристойными речами» (слухами, анекдотами, легендами) (Побережников 2006: 26), «суевериями», т. е. с традиционными религиозными практиками, неподконтрольными церкви и государству (Живов 2009: 343, 355–356). К середине XIX века это внимание ослабевает, отменяется ряд запретительных указов, но получает развитие научная фольклористика, предпринимающая интеллектуальное освоение этого материала.

1. «Новый фольклор» в «Новом мире». 1920–1930-е годы

Когда мы говорим «устные традиции» (или «фольклорные традиции») применительно к русскому материалу XX века, мы сталкиваемся с двумя значениями этого термина. С консервативной точки зрения, *фольклор* – так называемое народное творчество, продуцируемое социальными слоями общества, не владеющими кодом «высокой» литературы и культуры, т. е. прежде всего крестьянские тексты и традиции. После революции такой романтический взгляд на устное творчество как на выражение «духа народа» был пересмотрен в духе марксистского учения о классовой борьбе и фольклоре как отражении этой борьбы.

Социальные катастрофы начала XX века, миграции с периферии в центр и обратно, а также отмена черты оседлости – все это привело к стихийному «перемещению масс», которое ускорило обмен информации между теми социальными слоями, которые в дореволюционной жизни были значительно отделены друг от друга, и, соответственно, создало условия для быстрой интерференции фольклорных текстов, принадлежащих изначально замкнутым внутри себя социальным группам. Крестьяне, например, чье осмысление действительности, как правило, не выходило за пределы кругозора своей деревни, обрели небывалую дотоле возможность соотносить происходящее вокруг с событиями государственного масштаба и действиями власти; соответственно, вполне традиционные фольклорные тексты стали получать не имевшуюся ранее референцию к актуальной политической истории.

На волне интереса к жизни малообразованных слоев общества («угнетенных классов», пролетариата) в 1910–1920-е годы в России и в эмигрантских кругах «открывают» так называемый новый фольклор²³, представляющий собой иную формацию устной традиции – и содержательно, и структурно (Архипова, Неклюдов 2007: 2–3) – и занимающий равноправное положение рядом с архаическими, сельскими, патриархальными традициями (Неклюдов 2003: 5–24).

В этот короткий период (до конца 1920-х годов) устные городские тексты начинают пониматься как идущие «снизу» спонтанные нарративы, они даже обозначаются как *язык улицы*: «уличный язык», «уличный фольклор», «творчество улицы», «творчество городской улицы» (Стратен 1927: 163, 160, 147). Такое понимание фольклора включало в себя все то, что ранее никак не попадало в сферу внимания этнологии и фольклористики: городские слухи и легенды, обывательские рассказы, песни, рифмованные выкрики разносчиков и торговцев, анекдоты, частушки, идиомы «новояза» (Jacobson 1921; Винокур 1923: 117–139; Карцевский 1923; Селищев 1928) – в общем все то, что выражало представления о современном мире с точки зрения определенных социальных групп, прежде всего различных городских субкультур.

В 1922 году Д. К. Зеленин на Литературной секции Харьковского ученого общества делает доклад «Современная русская частушка» и дает теоретическое обоснование отличий между старым и новым песенным фольклором (Zelenin 1925: 343–370; Зеленин 1999: 459–482). В 1924 году Г. С. Виноградов пишет статью «Этнография и современность», где утверждает, что послереволюционное время – это никак не «порча старины», а самый благоприятный момент для исследователя, потому что именно теперь можно непосредственно наблюдать живые, актуальные переломные процессы в области языка и фольклора (Виноградов 1923: 18). Н. Е. Ончуков в заметке об уральском фольклоре, отчитавшись о количестве записанных сказок, упоминает тетрадки с тюремным фольклором, частушками и лири-

²³ В чрезвычайно основательной монографии Т. Г. Ивановой об истории русской фольклористики XX века, к сожалению, «новому фольклору» и его исследователям уделено несоизмеримо меньше места, чем классическим жанрам.

кой: «Если бы нашелся исследователь, детская тюрьма в Верхнотурье могла бы дать очень богатую жатву: ссыльные дети стекаются сюда буквально со всех концов Республики <...> Кроме того, в Реформатории бытует, конечно, и свой особый тюремный фольклор. Вот для примера одна чисто тюремная загадка из Реформатория: «Она его любит и... терзает, / Он ее ненавидит, но ищет» (Вошь)» (Ончуков 1928: 33).

Призывы Д. К. Зеленина, Г. С. Виноградова и других ученых были услышаны – и в теоретическом, и в практическом плане. За период с 1920 по 1928 годы в России и в эмиграции было опубликовано значительное количество работ, посвященных, например, фольклору красноармейцев и белогвардейцев (Недзельский 1924), нэпманов и работниц фабрик, изучен песенный репертуар уличных певцов (Астахова 1932), собраны коллекции альбомов рабочих и даже тюремный детский фольклор. Опубликован десяток работ о частушке-песне (Семеновский 1921; Большаков 1925 и пр.), в 1922 году лингвист Владимир Шкловский публикует заметку «Народ смеется: юмор современной речи» (Шкловский Вл. 1922), а его более известный брат Виктор – статью «О теории комического» (анализ современных анекдотов) (Шкловский 1922). В. В. Стратен печатает статью о городской песне (Стратен 1927), Г. С. Виноградов делает в Географическом обществе доклады о современном детском фольклоре (Виноградов 1926), а былинковед А. М. Астахова собирается издавать «Песни уличных певцов Ленинграда»²⁴ (Астахова 1932). Р. О. Якобсон, В. Б. Шкловский, С. И. Карцевский и А. М. Селищев активно собирают примеры языкового новаторства, а также то, что мы сейчас назвали бы «парафольклорными» формами.

Практические рекомендации по записи современного фольклора, подготовленные Институтом речевой культуры, почти слово в слово повторяют призыв Виноградова: «Гигантские изменения, происходящие в промышленности и сельском хозяйстве нашей страны и ведущие за собою мощные классовые сдвиги, должны вызвать в широких народных массах разнообразные поэтические отклики: песни, частушки, загадки, пословицы, поговорки, сказки, анекдоты и тому подобные рассказы. Долг науки – неустанно собирать все эти произведения, учитывая факты положительного и *отрицательного* отношения всех слоев населения к происходящему» (ОСФ 1930: 352; цит. по: Комелина 2013)²⁵.

На первый план выходит *прагматика фольклора*. Во время событий 1917 года революционная агитация ведется через песенники, более того, во время Первой мировой войны немцы с агитационными целями забрасывают в русские окопы специально изготовленные песенники (так, на участке одной баварской дивизии в Латвии в русские окопы забрасывалось по несколько песенников в день, а «немецкие разведчики доносили, что русские солдаты встретили песенник «с пением и радостью»») (Колоницкий 2001: 323, примеч. 236). Сразу после Февральской революции возникает план создания нового «народного гимна» на фольклорную мелодию: «Редакция журнала «Музыкальный современник» предлагала взять напев, уже созданный народом» (Там же, 286). И, наконец, появляется проект Вяч. Иванова, согласно которому ритуальное хоровое пение должно начинать и завершать коллективные мероприятия «новых людей» (Зубарев 1998: 140–148).

Именно в этот период (1920-е годы) делается попытка понять тот регистр языка, на котором надо «говорить с народом». Этим целям служила «Крестьянская газета»²⁶, которая была создана специально для налаживания диалога с крестьянством и была закрыта, когда государство в подобном диалоге уже не нуждалось: ««Крестьянская газета» – друг и защитник крестьянства. Каждый крестьянин должен не только читать «К. г.», но и писать в нее.

²⁴ «В 1932 г. А. М. Астахова подготовила к публикации сборник «Песни уличных певцов». В него вошли тексты песен, частушек и куплетов, записанных исследовательницей в 1930–1932 гг. на ленинградских рынках и барахолках от певцов, которые исполняли их на публику и таким образом зарабатывали себе на жизнь» (Лурье 2011: 2).

²⁵ Выражаем благодарность сотруднику Пушкинского Дома Н. Г. Комелиной за предоставленный препринт статьи.

²⁶ К 1926 году фонд «Крестьянской газеты» насчитывал 1 млн писем (Крюкова 2001: 7).

Если о твоём селе ещё никто не писал, напиши первый. Пиши только правду, только о том, что точно знаешь и проверил. Пиши коротко, разборчиво. Если ты малограмотен, пиши большими буквами» (Крюкова 2001: 7). Редакция «Новой деревни», обращаясь к своим селько-рам, давала такие инструкции: «Селькор, помни: каждая твоя заметка будет не только печататься или посылаться на расследование, но и войдет в ту сводку живых документов, которые будут голосом деревни для руководящих учреждений и организаций» (Новая деревня. 1926. 5 сентября; цит. по: Лебедева 2009: 90–91).

«Новый фольклор» оказывается интересен как теоретикам, так и практикам нового мира²⁷. С таких позиций новые революционные литературные журналы и альманахи («Красная новь» [Семеновский 1921; Огурцов 1922; Сейфуллина 1923], «Новый мир» [Акульшин 1925], «ЛЕФ» [Винокур 1923], «Новый ЛЕФ» [Перцов 1927], «Перевал» [Акульшин 1924]) стали обращать внимание на современные фольклорные формы²⁸. Так, уже в статье Д. Семеновского 1921 года эта позиция четко сформулирована: «Литература есть отражение жизни. Народные песенки-частушки есть одно из лучших и самых полных отражений жизни народа. Ни одно событие не пройдет без того, чтобы народ не запечатлел его ярко в своих коротеньких, большею частью в четыре строчки, частушках».

Итак, фольклор (в данном случае частушка), согласно такому подходу, отражает все стороны жизни деревни: «... задача настоящей статьи – указать, под каким углом зрения смотрит народ на развернувшиеся события в этих частушках <...> В одних частушках гроятся комитеты <...> В других высмеиваются Советы <...> К коммунистам отношение двоякое <...> Все это отразила частушка – маленькое зеркало русской жизни» (Семеновский 1921: 53, 59, 61). Буквально то же самое повторяет через четыре года А. М. Большаков в своем известном, а позднее запрещенном труде «Советская деревня»: «Песни, порожденные революционной эпохой, – это исключительно частушки. Других я не слышал. Частушка, как зеркало, отражает в себе все явления как местной деревенской, так и нашей общероссийской жизни. <...> Не всегда можно определить, какие из этих частушек являются продуктом местного творчества, какие – занесены извне. В частушке слышны голоса различных социальных групп: здесь и сочувствующие Советской власти и ненавидящие ее» (Большаков 1925: 182).

Такой социологический подход (фольклор описывает некоторое явление с точек зрения разных классов) применяет и В. Перцов в своей статье про анекдот: «Можно думать, что сейчас на советский рынок работает целая анекдотная фабрика. Она торгует на корню. Ее товар каждый день взрывается. Спрос рынка – неутолим <...> Политический жанр процвел. Политический анекдот может быть революционным и контрреволюционным. Но в том и в другом случае он не выдерживает цензуры. Напечатать его нельзя, можно только рассказать. Это своеобразное устное «народное», по преимуществу городское творчество. Оно работает на крайних полюсах советской жизни. Его производители – высший работник советского аппарата, с одной стороны, и нэпман-верхушечник – знаток советского строя, политграмоты и текущего момента, с другой стороны. С эпосом анекдот сближают его безымянность, неуловимость созидания, коллективность обработки, враждебность письменности, отсутствие личной славы выдумщика. Это индустриальный городской «эпос», однодневный, телеграфно-экономный, портативный продукт общего пользования» (Перцов 1927: 41).

²⁷ Автор известной книги «Folklore for Stalin» Фрэнк Миллер неправ, когда обвиняет советскую власть и деятелей Пролеткульта в полном пренебрежении к фольклору целиком (Miller 1997: 11): они действительно не любили традиционный фольклор, считая его «пережитком», но интересовались массовой городской культурой.

²⁸ Так, Р. М. Акульшин, о чьей судьбе в контексте популяризации «советского фольклора» речь пойдет дальше, замечал по поводу интереса поэтов к частушке: «Частушка интересна для всех, в частности, для поэтов рифмами (ягода – два года, выгода – три года, Петина – метила, тюлевый – закуривай), сжатостью, аллитерациями, образами, ритмом» (Акульшин 1926: 5, 7).

Для теоретиков нового мира «новый фольклор» становится оружием в борьбе между классами: «...Социальная функция советского анекдота двойственна. Ответственный советский работник-революционер – собирательный тип – выдумывает и продвигает анекдот как еще одну формулу борьбы. Он без зазрения совести выставляет в смешном виде самые высокие государственные титулы, как только они представляются ему достойными осмеяния в лице их конкретных носителей. Бич анекдота бьет тем злее, чем меньше нужно размахнуться, чтобы ударить. На противоположном полюсе тот же анекдот может сыграть прямо противоположную роль. “Конкретный носитель зла» не отделяется здесь от присвоенного ему государственного революционного титула. Нэпман, смакуя этот анекдот, показывает советской власти онанистический кукиш в кармане. Никто не может отнять у побежденного класса в эпоху диктатуры пролетариата возможность самоудовлетворения. И обратно: анекдот, сочиненный нэпманом, попадая в революционную среду, может при известных условиях стать революционным орудием и сигналом» (Там же, 42).

В 1930-е годы такой подход к новому фольклору («указать, под каким углом зрения смотрит народ на развернувшиеся события в этих частушках»; «политический анекдот может быть революционным и контрреволюционным») уже невозможно представить. Если в 1927 году Перцов писал «Почему же творцом анекдота выступает сейчас и класс-победитель?» (Там же, 42), то в 1930-е годы упоминать политический анекдот стало просто опасно, не говоря уже о дискуссиях, почему его творцом становится класс-победитель.

Итак, советский режим, в течение первой половины 1920-х годов благоволивший «новому фольклору» и его исследователям, полностью меняет свою позицию к 1930 году. Многие собиратели фольклора, в середине 1920-х годов публиковавшие частушки, где, например, были упомянуты Врангель или Троцкий, в 1930-е были арестованы именно за эти публикации («искажал чаяния русского народа») ²⁹. Кроме того, современная частушка оказалась не только первым жанром нового фольклора, обратившим на себя внимание исследователей и собирателей, но и первым, наряду с песней, «репрессированным» устным жанром – первая цензурная кампания была направлена именно против частушки. В 1920-е годы ³⁰ частично или полностью запрещается целый ряд частушечных сборников (Блюм 2003: 42–43): А. А. Жарова (Жаров 1923), Е. И. Окуловой (Окулова 1924), В. В. Князева (Князев 1924), И. Д. Лукашина (Лукашин 1926), Р. М. Акульшина (Акульшин 1928), работа В. И. Симанова о частушке (Симаков 1927), а за частушку «Я на бочке сижу, / Да бочка вертится / Ах, я у Ленина служу, / Да Троцкий сердится» запрещена книга Н. Н. Никитина «Рвотный форт» (Никитин 1928). Уже в 1926 году осуждаются «цыганщина», «бульварщина», «музыкальный самогон» и начинается кампания по борьбе с блатной песней (Блюм 2000: 178, примеч. 1), а в 1930 году раздается призыв «тщательно пересмотреть музыкальную обработку народных песен и частушек, исполняемых на эстраде» (Там же). Городской фольклор объявляется несуществующим, и даже уничтожается физически: в 1931 году песенники на фабриках Донбасса собираются и сжигаются (Байкова 1931), начинаются и первые кампании против «анекдотчиков».

²⁹ В этом отношении показательна судьба этнографа А. Веселовского (о нем подробно см.: Иванова 2007) и большевика Н. А. Росницкого, который к 1926 году опубликовал книгу «Лицо деревни», ставшую причиной его ареста, поскольку в ней автор отразил разные аспекты жизни крестьян и их отношения к новой власти (о нем и его книге см.: Лебедева 2009: 13).

³⁰ В 1930-е годы эта практика продолжилась: из сборника Артема Веселого (Артем Веселый 1936) изъят раздел «Уходящая деревня», в котором были собраны кулацкие, хулиганские и воровские частушки (Блюм 2003: 42).

2. Фольклор протестует в деревне

1923–1930 годы стали периодом борьбы за власть в советском руководстве; 1927 и 1928 годы – разгром оппозиций, высылка Троцкого и троцкистов; формирование «культы личности» Сталина, курс на индустриализацию, коллективизацию и построение социализма в одной стране. Меняется политическая и экономическая стратегия правящего режима, в связи с этим меняется и интонация голосов, «идуших снизу».

Согласно сводкам ГПУ, прямой протест в деревне против «мероприятий Соввласти» выражается, в основном, в частушках, реже в песнях, еще реже – в других формах. 13 апреля 1932 года ОГПУ составляет следующую справку об исполнении песен и частушек молодежью:

Ейский район. В ст. Камышеватской ученицы ШКМ Новичихина, Бондаренко и другие поют хулиганские песни политического характера: «Пузо голо, лапти в клетку, выполняем пятилетку. Отчего ты худа, я в колхозе была, отчего ты легла, пятилетку тягла» и т. д.

Ново-Покровский район. В ст. Калниболотской молодежь в количестве 5 чел. распевает а/с песенку следующего содержания: «Я на бочке сижу, бочка золотая, я в колхоз не пойду, давай Николая» и т. п.

Ейский район. Ученики ст. Камышеватской в школе поют песенки: «Едет Сталин на тарани (вобла), а селедка у него в кармане, он цибулей (лук) погоняет, пятилетку выполняет».

Тарасовский район. «В колхозе добро жить, один работает, сто лежит. Хлеб колючий, борщ вонючий». «В колхозе есть машина, а от колхозников осталась одна кожушина, от колхоза ничего не получишь, как от жилетки рукава» и т. д. (пели две девушки на сцене в Тарасовском зерносовхозе)³¹.

Обратим внимание, что последний текст составлен раешным стихом, который и вообще мог использоваться в «низовых» протестных текстах, например, в листовках:

В с. Ерденево, Касимовского района, обнаружена листовка следующего содержания, направленная против активистки-беднячки: «В доме работы много, никак ему нигде не поспеть, лошадок, коровку, телятишкам, ягнишкам, жене, ребенку и себе надо приготовить обед, а жены дома нет и калит Агапыч весь белый свет и думает – она работает, пишет в газету, а за это получает монету и от темных делишек Агап стал черен как арап»³².

Гораздо более редкое явление – бытование в крестьянской среде политических анекдотов, тем более в качестве листовки. Вот, например, листовка-воззвание, распространявшаяся среди слушателей курсов «Крестьянской газеты» (май 1934 года):

Товарищи крестьяне!

Всем вам пришлось испытать большевистскую генеральную линию. <...> Политика Сталина – политика крови и нищеты трудящихся. Не случайно появился в народе анекдот. Один крестьянин где-то спас Сталина, Сталин спрашивает этого крестьянина, что за это дать. Крестьянин попросил

³¹ Спецсправка ПП ОГПУ СКК о настроениях и антисоветских проявлениях среди сельской молодежи русских районов края (Советская деревня: 95–97).

³² Спецсводка № 13/11 Рязанского окротдела ОГПУ о массовом выходе крестьян из колхозов и сопротивлении мероприятиям по коллективизации (Рязанская деревня 1998: 434).

его только не говорить крестьянам, что он его спас. Если бы крестьяне узнали о таком геройском подвиге своего товарища, то они его убили бы. За вымирание целых сел и деревень, станиц и хуторов на Кубани, на Волге и Украине большевики совершенно снимают с себя вину...
(*Советская деревня* III, 2: 572–573).

Вот одна из первых фиксаций этого анекдота, сделанная в конце 20-х или в самом начале 30-х годов:

Советского диктатора спасли, когда он чуть не утонул, и он предложил своему спасителю любую награду, которую он может пожелать. «У меня только одно желание, – сказал спаситель, – не говорите никому, что я вас спас» (Chamberlin 1934: 330; цит. по: Архипова, Мельниченко 2010: 245).

Таким образом, формы «фольклорной пропаганды» против «Соввласти» могли выражаться не только в устной, но и в письменной форме:

Антисоветские элементы, используя настроения крестьян, распространяют провокационные слухи о голоде, скором падении власти. В Грушевском сельсовете Новочеркасского района группа зажиточных и кулаков ведет систематическую антисоветскую агитацию против мероприятий соввласти и, в частности, против хлебозаготовительной кампании. Один из участников группы составил антисоветскую песню, распространяемую всеми участниками группировки среди населения³³.

К первым опытам текстов-агиток, в том числе стилизованных под плач, относится листовка, ходившая среди крестьян в окрестностях Перми в 1920 году:

Куда же ты подевалась, свобода наша желанная,
Куда же запропастилась, долгожданная?
Видно, очень далеко тебя запрятали красные работники.
А свобода-то наша заветная,
Словно синица в небе едва заметная
И летает она вокруг нашего носа, вьется,
Только в руки русские никак не дается.

(Шевырин 2005: 363)

Судя по всему, письменному слову ОГПУ придавало гораздо больше значения (см. подробнее следующий раздел); в конце 1920-х годов органы оказываются изрядно обеспокоены ростом листовок в деревне. Например, за январь 1928 года в Рязанском округе было обнаружено 70 листовок, за январь 1929 года – 246, за январь 1930 – 460. Вот таблица, показывающая рост их количества за период с 1928 по 1930 годы:

Таблица 1. динамика количества листовок по Рязанскому округу с января 1928 по январь 1930 года

³³ Спецсводка № 25 информотдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок 25 мая 1928 года (*Советская деревня* II: 746; здесь и далее разрядка наша).

Месяцы	1928	1929	1930
Январь	70	246	460
Февраль	90	129	828
Март	72	222	1181
Апрель	66	237	838
Май	64	242	392
Июнь	74	228	253
Июль	61	127	245
Август	46	86	153
Сентябрь	31	130	108
Октябрь	58	230	205
Ноябрь	105	286	280
Декабрь	108	228	213

Источник: Рязанская деревня 1998: 180.

Рост письменных протестных форм (листовок и переписываемых от руки песен «анти-советского» содержания) кроме очевидных политико-экономических причин был несомненно обусловлен еще и ликвидацией безграмотности на селе, вследствие чего уважение крестьянской культуры к книжному слову (имеющее в том числе и религиозную подоплеку) способствовало возникновению различных форм парафольклорной письменности, что со значительным беспокойством и отмечали наблюдатели ОГПУ. Так, например, в с. Шевелевский Майдан Сасовского р-на было обнаружено наклеенное на заборе стихотворение³⁴:

Доля мужика

Ах ты доля, моя доля,
До чего ты довела,
И зачем же злая доля
Ты свободу отняла.
Мы боролись за свободу,
Проливая кровь свою,
А теперь нас загоняют
В настоящую кабалу.
Коммунисты обдурили
Бедно-темного мужика,
И фунт хлеба посулили,
Выть под палкой навсегда.
А рабочие силу взяли,
Чтоб свободными всем быть,
С коммунистами сговорились
Всех в коммуну затащить.
Мужику же пригрозили,
Чтоб не вспомнил никогда.
Если рот какой разинет,
В Соловки его тогда.
Чтоб хорошо жилось рабочим,
По ночам в кино гулять,

³⁴ «Автор не обнаружен» – отмечено в сводке (Рязанская деревня 1998: 180).

Как сыр в масле кататься,
А мужику про то не знать.
Берегите, не кажите,
Добровольно не пишитесь,
Во всем мире известно,
Освободители нашлись.

В сводке от 31 мая 1928 года ОГПУ сообщает примеры листовок, содержащих «крестьянскую поэзию», среди них – текст из села Широкий Карамыш Большой Копенской волости Аткарского уезда:

Оброк берут (мотив Еремушки)

Стой, ямщик, мы обогреемся,
Наберемся свежих сил.
Что в деревне за оживление,
Иль вас здесь кто посетил.
У совета, что ль, у сельского
Видно множество людей,
Там скотинка понавязана,
Женский крик и плач детей.
Это что же? Мобилизация?
Или фельдшера здесь ждут?
Нет, последнюю кормилицу
За налог здесь продают.
Что ж, опять у нас опричнина?
Иль вернулся старый строй?
Ведь при царизме допускались
И насилие, и разбой.
Не разбой, а пополняется
Государственный бюджет.
А мужик теперь является
Он виновник общих бед.

(Трагедия советской деревни 1999: 274)

Песня-листочка своим заголовком отсылает к стихотворению Некрасова «Песня Еремушки» («Стой ямщик, жара несносная / Дальше ехать не могу...»), положенному на музыку Мусоргским и входившему в репертуар революционно настроенной молодежи, а с начала XX века попавшему в песенники (Гусев 1988: 446, примеч.). Не очень понятно, кому принадлежит пояснение «Мотив Еремушки» (ср. также ниже помету: «на мотив «Смело мы в бой пойдем»»), однако если помета сделана автором листовки (что можно предположить с очень большой степенью вероятности), то, значит, текст листовки опирается не столько на опубликованное стихотворение, сколько на песню, к тому же, очевидно, воспринимаемую как относящуюся к «революционному» репертуару. Сама эта помета отсылает к известной со второй половины XVIII века традиции создания песен «на голос» (т. е. на мелодию ранее

известной песни) (Гусев 1988: 17), ср. также листовку, обнаруженную утром в дужке замка на двери сельсовета в селе Увяз Ерахтурского района³⁵:

Не срывать
(на мотив «Смело мы в бой пойдем»)

Слушай крестьянин
Беда началась
Не лей свои слезы
В колхоз собирайся.

Припев:
Смело мы в бой пойдем
Строить коммуны
Чтобы крепче согнуть
Мужицкую спину
Бедный крестьянин не зная отрады
Нахалы рабочие создают бригады

Припев

Темные тучи над селами вьются
Заводская сволочь за дела берется.

Припев

Плачи и вопли в селе раздаются
Рабочие к мужицкой скотинке признаются.

Припев

Бедный крестьянин слезы роняет
А Коля Мокарке скотинку гоняет.

Припев

Бедный крестьянин пот проливает
Хрундин и Макеркен хлеб собирает
Последние зерна мужик отдает
Иуда Фламейкан народ продает
Время минует время пройдет
Безумные Каины, петля вас ждет.
Канец от мазолистых рук

³⁵ Спецсводка № 11/10 Рязанского окротдела ОГПУ о массовом выходе крестьян из колхозов и сопротивлении мероприятиям по коллективизации, 8 марта 1930 года (Рязанская деревня 1998: 405).

Отметим, что малограмотная среда рабочих и крестьян, еще вчера жившая по законам традиционного общества, а теперь получающая огромное количество политической информации и вынужденная соотносить эту внешнюю информацию с собственными представлениями, «обрабатывает» поступающие «сверху» тексты (и апеллирует к власти) с помощью того единственного «кода», которым владеет – традиционных фольклорных моделей, использующих, однако, язык революции (революционных песен и листовок); данный фактор обычно мало учитывается при описании текстов, порожденных в этой среде. В результате к 1930 годам складывается ситуация, когда носители новой советской ментальности, которая к этому моменту была сформирована благодаря значительным усилиям власти, говорят с этой властью и против этой власти на почти единственном доступном им «языке» – языке традиционных сюжетов и мотивов³⁶. Так, обнаруженная ОГПУ в 1929 году крестьянская листовка против голодомора и дефицита, адресованная умершему Ленину, построена в полном соответствии со структурой традиционного похоронного причитания, с использованием соответствующих формул (например, «Да ты встань-возстань, болезно мое дитятко / По-старому, кормилец мой, по-прежнему» [Барсов 1997: 95]), но при этом является, по сути, политическим памфлетом:

Ты устань-проснись, Владимир, встань-проснись, Ильич.
Посмотри-ка на невзгоду, какова лежит.
Какова легла на шею крестьянина-середняка.
В кооперации товару совершенно нет для нас.
Кроме спичек и бумаги, табаку, конфект,
Нет ни сахару, ни масла, нет ни ситца, ни сукна³⁷,
Загрузила всю Россию водочка одна.

(Осокина 1997: 65)

А уже через несколько лет, в 1937 году, советская власть, пытаясь создать «советский фольклор», также будет использовать традиционные плачи для составления нового, пропагандистского текста:

Пробудись-ка, восстань, дорогой Ильич,
Посмотри-ко, погляди на славну матушку,
Славну матушку, каменну Москву,
Ты зайди, зайди во палаточку,
Во палату – кабинет же свой...³⁸

Встречаются и тексты «наивной поэзии», опирающейся не на устную традицию, а на книжную литературу, как это и свойственно парафольклорной письменности данного типа (см. об этом подробнее: Неклюдов 2001; Минаева 2009):

³⁶ Например, чрезвычайно популярный в 1924 году анекдот о Ленине, который после смерти хитростью попадает в рай, является вариантом сюжета СУС 330 «Смерть и кузнец», широко распространенного в европейском фольклоре (AaTh 330); ср. например, сказку братьев Гримм «Брат Весельчак» (Архипова, Мельниченко 2008; Архипова, Мельниченко 2010: 36–63).

³⁷ Эта примечательная листовка интересна еще одной скрытой цитатой. Строчка «Нет ни сахару, ни масла, нет ни ситца, ни сукна» является перетекстовкой строки из песенки «Юный прапорщик армейский»: «Нет ни сахару, ни чаю, / Нет ни пива, ни вина, / Вот теперь я понимаю, / Что я прапора жена...», приводимой, в частности, А. Н. Куприным в рассказе «Прапорщик армейский» (1897).

³⁸ Плач записан от Марфы Крюковой и опубликован в «Правде» в 1937 году; цит. по: Иванова 2002: 443.

3 марта 1930 г. В Добро-Слободский сельсовет, Старожиловского района, 26 февраля с.г. подброшено анонимное письмо под заголовком «Переменная жизнь», следующего содержания: «Скоро жизнь колхоза будет, в деревушке и в селе, но жаль тех людей не будет, кто провел ее везде; к какой жизни Вы ведете не оглядываясь назад, а вот с должности слетите кто тогда вам будет рад. Посмотрите Вы в Малинищах кто в колхоз всех подводил; Председателя прислали – к нему в слуги угодишь. Если жизнь свою прожили то жалеете Вы детей, да и жизнь то не дожита ради чуждых Вам идей. Лучше бросьте, сейчас не поздно, а то сгубите себя, Вашу жизнь лишь мы жалеем за прожитые года. Мы надеемся что скоро Вы свернете в старину, позабудете все это: враки, лож и клевету, подышать если Вы не хотите будьте тверды как и мы, не смотря на то что гонят, нас до самой до тюрьмы, не далек тот час а близок в стенах тюрем будете Вы, Вам бригадиры не помогут, защитить не сможет РИК, хоть до одного всех посадят, конец Вашей жизни тоже не велик. Товарищам Сироткину и Антипову и все тем кто будет такой», направленная против местного актива. Подозревается сын б. торговца Глебовский А. А. Ведется разработка (Рязанская деревня 1998: 376).

Одним из «языков», с помощью которых крестьяне могли оценивать большевиков³⁹, был религиозный эсхатологический дискурс, в рамках которого новая власть рассматривалась как власть антихриста (хотя, например, тот же самый Ленин может расцениваться народной молвой и как царь-избавитель: Архипова 2010). Например:

В с. Дегтярное в жалобный ящик кто-то бросил письмо, которое написано антисоветски (скоро свету конец будет, колхозников клеймить будут). По данному письму ведется расследование. Об этом говорила женщина-делегатка (Рязанская деревня 1998: 108).

Баптисты с. Дубровка Шиловского р-на Ульяновки, Брехова, Володихина, Покатина, Спирин и др. (всего 9 чел.) вели среди крестьянства широкую антиколхозную агитацию, используя для этого собрания, беседы, разговоры и т. д. Агитация велась под религиозным соусом, вроде: «Писание говорит, что колхозы – антихристово царство, если имеешь печать, то будут тебе оказывать всяческие привилегии, а если не имеешь, то нет тебе ничего» и т. д. (Пятеро агитаторов-баптистов арестованы, следствие ведется) (Там же, 140).

Кр-н с. Чернышево Рязского р-на Скланский А. М. (церковник-фанатик) ходит по деревням и агитирует против колхозов, говоря: «Я видел виденье, что небо срослось с землей, что Христос сошел на землю и сказал о

³⁹ См. в этой связи интересное замечание А. А. Панченко по поводу инициирования комсомольцами создания «покойнишного воя по Ленину» (Хандзинский 1925: 53–64) в контексте святочной «игры в покойника»: «...Наличие священного коммунистического дискурса, требовавшего интерпретации и популяризации, не снимало проблемы поиска и выбора специфических форм повседневного поведения, необходимых для поддержания комсомольской идентичности и ее демонстрации односельчанам. Понятно, что формы эти комсомольцам приходилось заимствовать из традиционного фонда ритуальных и этикетных сценариев, характерных для крестьянской культуры. Вероятно, помимо демонстративного кошуинства (прежде всего – иконоборчества), модели для которого в равной степени предлагались и фольклорными сюжетами о наказании святотатцев, и реальной культурной практикой русских молокан, духоборцев и субботников, для конструирования «комсомольского поведения» использовались и различные формы субкультуры крестьянской молодежи» (Панченко 2005: 342).

коллективах, как о хомутах для кр-н». Агитация Склянского имеет особенно большой успех у женщин. (Склянский арестован) (Там же, 140).

В селе Борец Сараевского района 22-го февраля с.г. обнаружена наклеенная на телефонном столбу листовка, писанная от руки, следующего содержания: «Колхозники все будут клеймены граждане не ходите в колхоз, там будет перемена будет война то какие в колхозе их всех постреляют им будет гонение и прошу я Вас, апишут у колхозников и отправят в Москву коров порежут, кто у власти тот на месте, и свиней у тебе две, 2 шубы, то одну отберут, брезенту и в нем здохнешь зимой, кто пойдет в колхоз – тот будет клеймен. Писал Якобс РСФСР, СССР». Меры к выявлению автора приняты (Там же, 375–356).

На этой основе помимо всего прочего возникают формы магических и квазимагических практик:

По району распространяются разговоры о том, что наступает время антихриста, для доказательства практикуют примеры, складывая из спичек цифру 666, а затем из этого же числа спичек складывается имя Ленина (Там же, 143).

Член Святозерского с/совета, Шиловского района, ярый церковник Пряхин В. Г. 10/III – собрав вокруг себя несколько крестьянок, говорил, что он вычитал из евангелия, что сейчас настало время числа 666, из коих выходит имя «Ленин» и пятиконечная звезда. В евангелии сказано, что время настает самое тяжелое и т. д. В результате начался разбор обобществленных лошадей и выход из колхоза (Там же, 435).

Наконец, протестные формы могут приобретать и пародийно-карнавальный характер:

В Шиловском районе полит. хулиганство дошло до того, что подвесили к телеграфному проводу курицу и привесили записку: «Лишаюсь жизни, прошу никого не винить. Жизнь становится невыносимая и снести 80-ти яиц я не могу» (Там же, 423).

Таким образом, используемые в крестьянском фольклоре язык традиционного устного нарратива, эсхатологический и пародийный регистры могут включать и письменную, парифольклорную форму выражения, которая, в отличие от устной, ориентированной преимущественно на «горизонтальную» коммуникацию, на циркуляцию в своей среде, специально адресована власти.

3. Фольклор протестует в городе

В начале XX века в городской среде активно бытовал такой вид парафольклорной письменности, как сатирическая поэзия, в том числе построенная на перетекстовках известных стихов и песен (см., например:

Джекобсон, Джекобсон 1998: 164–191, 231–257). В. Д. Бонч-Бруевич собрал целых ряд таких сатирических песен (Комелина 2013). А. М. Астахова, собирая свою коллекцию «Песни уличных певцов», покупала их на базаре. Эта традиция пережила свой всплеск между двумя русскими революциями (Лурье 2010; Комелина 2013), и весьма нередко такие песни выступали в качестве пропаганды и распространялись в виде листовок. Вот перед нами редкий текст – письмо, посланное лично Ленину (не позднее 14 февраля 1918 года, приводим текст полностью):

Посвящается товарищу Ленину

Из-за города Кронштадта
На простор реки Невы
Выплывает много лодок,
В них сидят большевики.
На передней Колька Ленин
С Коллонтайхою мадам,
Свадьбу новую справляет
Русь продавший немцам хам.
Позади их слышен ропот:
Пропадет владыка наш,
Он идею большевизма
Отдал ночью за массаж
Этот ропот и насмешки
Слышит Ленин невзначай
И продажною рукою
Обнял крепче Коллонтай
Плешь широкая вспотела,
Рассердился он зело,
Под рукою затрещало
Непокорное весло.
А она, забыв массажи,
Только шепчет «не серчай»,
И кусками сыплет пудра
С вечно юной Коллонтай.
«Ничего не пожалею, –
Заорал тогда шпион,
– Чтобы даром не сажали
В plombированный вагон.
И чтоб не было раздора
Между бандой подкупной,
Ты, рассадница холеры,
О Нева, прими дар мой».

Мощным взмахом поднимает
Ленин фрау Коллонтай
И за борт ее бросает,
«Доннер ветер» наших знай.
Что ж вы, черти, приуныли
Аль не видели чудес,
Грянем, братцы, удалую,
И пусть пляшет Нахамкес

Один из обитателей будущего земного рая, устраиваемого Вами. NN (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 8. Л. 235; цит. по: Неизвестная Россия III: 392–393).

Такие песни распространялись и среди антисталинской оппозиции.

От него я услышала и песню на злобу дня, сочиненную ссыльными. В песне есть скрытая дата ее создания – ноябрь 1929 г., когда на Пленуме ЦК обсуждалось заявление Бухарина, Томского и Рыкова:

Духом НЭПа прет из склепа –
Там Ильич лежит.
Яркий светоч коммунизма
Там всегда горит.
«Только здесь найдешь Свободу!» –
Возвещает он,
Только нашей диктатурой
Будет мир спасен.
Только Троцкий против НЭПа
Робко возражал,
Заболевши «новым курсом»,
На Кавказ попал <...>

(Богданова 1994: 137–138)

Теперь, в годы внутривластной борьбы, у нас появились свои самостоятельные поэты, сочинявшие песни, направленные <...> против сползания руководства партии на позиции национализма и автократии, переделывали соответствующим образом популярные песни <...> В 1928 году большой популярностью в нашей среде пользовалась распеваемая на мотив «Аллаверды»⁴⁰ следующая песня:

Мы оппозицию разбили:
Кого в Сибирь, кого в тюрьму.
Шутить не любит Джугашвили.
Хвала ему, хвала ему!
Отправлен Троцкий за границу,
И если он исподтишка
Напишет хоть одну страницу,
Секир башка, секир башка!
И если Радек вновь покажет,

⁴⁰ Строчки песни представляют собой переделанную троцкистами балладу В. А. Соллогуба о взятии Гуниба во время Кавказской войны.

Разинув пасть, враждебный клык,
То некто в бурке грозно скажет:
«Руби в шашлык, руби в шашлык!»

(Абрамович 2004: 76–77)

В городской культуре 1920–1930-х годов также активно распространяются различные формы «низовой» политической сатиры – как устные, так и письменные.

Возвращаясь в воспоминаниях к саратовским годам – к тридцатому, к тридцать первому, – вспоминаю какие-то подробности, говорящие мне сейчас о том, что в воздухе витало разное. <...> Помню кем-то, кажется, в ФЗУ показанную мне бумажку вроде листовочки, – трудно сейчас сообразить, просто ли это было рисовано от руки, или переведено в нескольких экземплярах через копирку, или сделано на гектографе, – но ощущение какой-то размноженности этого листочка осталось, во всяком случае. На листке этом было нарисовано что-то вроде речки с высокими берегами. На одном стоят Троцкий, Зиновьев и Каменев, на другом – Сталин, Енукидзе и не то Микоян, не то Орджоникидзе – в общем, кто-то из кавказцев. Под этим текст: «И заспорили славяне, кому править на Руси». Впрочем, может быть, я и ошибаюсь, может, этот листок показывали мне не в ФЗУ, а еще раньше, в школе (Симонов 1990: 37)⁴¹.

В результате преследований фольклор подобной направленности вынужден переходить «на нелегальное положение»:

...как я запомнил показания (Старчакова): «Начиная с 1927 года и до самого последнего времени на квартире Аграновского <...> систематически происходили сборища контрреволюционной троцкистской группы в составе <...> На этих сборищах мы критиковали мероприятия Советской власти, рассказы вали анекдоты, писали статьи (Аграновский 1994: 81).

Политическая ситуация, расколовшая партию на два лагеря, приводит к тому, что протестный фольклор (прежде всего песни и анекдоты (Glassman 1930: 721–724)) становится также политическим оружием и «опознавательным знаком» оппозиции:

Обсуждая вопросы тактики, мы договорились не заявлять до поры до времени публично о своей принадлежности к оппозиции, а вести пропаганду ее взглядов и распространение печатных материалов исподволь. <...> После обычных приветствий и пары антисоветских анекдотов С. оглянулся и, понизив голос, сказал: «Если ты еще не превратился в хвост нашего кавказского ишака⁴², могу угостить тебя ха-арошим нелегальным собранием» (Павлов 2001: 63).

Популярность антисталинского анекдота (Архипова, Мельниченко 2010: 11–28) достигла такого масштаба, что выходивший за границей троцкистский журнал «Бюллетень

⁴¹ Надо отметить, еще с 1928 года особыми циркулярами Главлита карикатуры на вождей были запрещены (Блюм 2000: 128).

⁴² Отметим, что слова о «хвосте кавказского ишака» (т. е. Сталина), несомненно, восходят к эпиграмме Радека на Ворошилова, обозвавшего его «прихвостнем Льва Троцкого» («...Не лучше ль быть хвостом у Льва, / Чем задницей у Сталина?»). Эта эпиграмма, как и сопроводительная легенда, неоднократно приводится мемуаристами в нескольких различающихся редакциях, т. е. в режиме вполне фольклорного бытования (Архипова, Мельниченко 2009: 292). По всей видимости, использование данной метафоры в речи также служит своего рода паролем, одним из «опознавательных знаков» оппозиционеров.

оппозиции» вел целую рубрику – «Анекдоты от Мануильского»⁴³. Кроме того, о распространении антисталинского анекдота писал в «Бюллетене оппозиции» и сам Троцкий, говоря о том, чем, по его мнению, занимаются вернувшиеся в ряды кандидатов в члены ВКП(б) Зиновьев и Каменев:

Зиновьев и Каменев вернулись в партию с твердым намерением заслужить доверие верхов и снова подняться в их ряды. Но общее состояние низшей и средней бюрократии, к которой они приобщились, помешало им выполнить это намерение. Отдав в официальных заявлениях должное «величию» Сталина, в которое они могли верить меньше, чем кто-либо другой, они в повседневном обиходе заразились общим настроением, т. е. судачили, рассказы вали анекдоты о невежестве Сталина и пр. (Троцкий 1935).

Наконец, именно в это время в городской среде окончательно складывается мифологизированный образ Карла Радека как главного автора, рассказчика, распространителя анекдотов и частушек, высмеивающих политику Сталина. В воспоминаниях одного из работников сталинского секретариата, бежавшего в Париж, Радек представлен как автор большинства анекдотов (эпизод относится к 1926 году):

Порядочную часть советских и антисоветских анекдотов сочинял Радек. Я имел привилегию слышать их от него лично, так сказать, из первых рук. Анекдоты Радека живо отзывались на политическую злобу дня. <...> А когда Сталин удалил Троцкого и Зиновьева из Политбюро, Радек при встрече спросил меня: «Товарищ Бажанов, какая разница между Сталиным и Моисеем? Не знаете. Большая: Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из Политбюро» (Бажанов 1992: 205).

Американский журналист Лайонз также передает в своих записях анекдот, который он слышал в Москве в конце 20-х – начале 30-х годов:

Непопулярность коллективизации также привела к появлению такой истории: всемогущие жители Кремля подверглись нападению со стороны кровососов, неотступных как одна из египетских казней. Ученые были беспомощны. Наконец Карл Радек, – которому автоматически и совершенно несправедливо приписывали все подобного рода остроты, – сделал предложение, которое спасло ситуацию: «Коллективизируйте их, – будто бы сказал он, – половина из них умрет, а другая половина разбежится» (Layons 1935: 269).

Оба рассказчика были знакомы с Радеком, почти в одно время находились в Москве, и оба они считают, что большинство политических анекдотов было связано с именем Радека, хотя, как мы видим, Бажанов настаивает на том, что Радек их сам и придумывал, в то время как Лайонз вполне справедливо говорит о том, что сочинительство анекдотов Радеку приписывали. Однако представление о Радеке как об авторе политического фольклора стало настолько распространенным и привычным, что вошло в обвинительные формулы на процессе 1937 года: «Этот комедиант, рассказчик антисоветских анекдотов, верно служил Троцкому и использовал печатное и устное слово для борьбы с большевиками» (Подлая троцкистско-фашистская банда 1937: 1).

⁴³ Вероятно, имеется в виду автор многочисленных злых розыгрышей Дмитрий Захарович Мануильский (1883–1959), партийный деятель, в 1923–1952 годах – член ЦК партии, ярый сторонник курса Сталина, а возможно, Михаил Захарович Мануильский (1892–1955), редактировавший сатирический журнал «Крокодил». См. о нем: Письма Зощенко – Мануильскому 1988: 204–207. Благодарим Г. Г. Суперфина за эти указания.

4. Чекисты собирают фольклор

С самого момента возникновения советская власть сделала одной из своих важнейших задач контроль над распространением информации в формируемом «новом обществе», однако фольклорные тексты – т. е. тексты по определению анонимные, устные и репрезентирующие взгляды не одного человека, а целой группы – плохо поддавались такому контролю известными ранее методами. Поэтому в самом начале существования Советского государства карательные органы обратили самое пристальное внимание, с одной стороны, на городской «новый фольклор» (этот самый «язык улицы») и, с другой – на деревенские слухи и былички, в которых они усматривали антисоветскую агитацию.

Установка на тотальный контроль за жизнью и настроениями советского общества предполагала в обязательном порядке разработку иерархической системы наблюдения за гражданами: с 17 марта 1921 года всем региональным отделениям ВЧК было вменено в обязанность информировать партийные и советские учреждения о политическом настроении на обслуживаемой территории, представляя еженедельные сводки. В апреле 1921 года появляется «секретный циркуляр ВЦИК и ЦК РКП(б) о создании всеобъемлющей системы государственной информации в целях своевременного и полного осведомления и принятия соответствующих мер». В «Инструкции по госинформации» (приказ ВЧК № 85 от 23 февраля 1922 года) о необходимости отслеживать изменения, как бы сейчас сказали, в массовом сознании, значится следующее:

Важнейшей задачей госинформации является освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений. В настоящий момент чрезвычайно важным является освещение настроений, господствующих в частях Красной армии и флота. Особенно важным является отражение в этих настроениях мероприятий Соввласти политики... Для нас является необыкновенно важным знание того, как принимаются эти меры различными группами населения (рабочими, крестьянами, красноармейцами, мелкой буржуазией и проч.), поскольку эти группы уясняют себе смысл происходящего, как оно отражается в их сознании (Боева 2003: 57).

Эти сводки о настроениях собирались оперуполномоченными каждый день по заданной матрице (иногда при помощи специальной группы информаторов): агент обязан был зафиксировать, где именно и в какой ситуации услышан текст; если он не знал имени рассказчика, то должен был максимально подробно описать его предположительную социальную принадлежность. Таким образом, в поле зрения властей стало попадать огромное количество текстов, по мнению властей, репрезентирующих мнение «безмолвствующего большинства».

С 1922 года ежедневная информация с мест из сводок ЧК, в которых скрупулезнейшим образом фиксировались слухи, стала объединяться в госинформсводку, которая поступала напрямую членам Политбюро. На первом месте оказались слухи⁴⁴ (слухами в документах власти могли называться различные по объему, плохо структурированные тексты), в кото-

⁴⁴ Когда в 1947 году в рамках Гарвардского проекта началось изучение советской идеологии и повседневности на материале интервью невозвращенцев из СССР, в одной из первых же статей были представлены следующие данные: 50 % всех опрошенных (бывших советских граждан) указывали на слухи как на регулярный источник информации (Bauer, Gleicher 1953: 299). 74 % обсуждали слухи в разговорах с друзьями (из них самый значительный показатель – у крестьян и малообразованных групп – 27 %). 32 % среди профессиональных групп, 22 % среди служащих, 41 % среди рабочих, 73 % среди крестьян указали на слухи как на самый важный источник информации (Ibid., 302, Table 3).

рых органы усматривали антисоветскую агитацию и проводили мероприятия по розыску их «распространителей» (но не сочинителей!), но фиксировались и другие типы фольклорных текстов.

Насколько детально фиксировался каждый такой текст, показывает следующий выразительный пример из сводки за ноябрь 1920 года:

...До чего враги Советской власти стараются подорвать власть, характеризует слух, пущенный по крестьянам, т. е. как будто бы на крестьян наложена разверстка по 2 фунта тараканов с души и кто ее не выполнит, с того будут брать хлебом (Советская деревня I: 362).

Замечались самые мелочные и незначительные вещи, например, на протяжении одной недели в Рязанской области в разных районах «органы» зафиксировали слухи про украденную картошку (картошка просто украдена – картошка украдена для голодающих детей – колхозники издеваются над укравшими картошку – картошка украдена во время восстания). Отметим, что рассказы об одном и то же событии – краже картофеля – в одной сводке назывались слухом, в другой басней, в третьей – небылицей:

<...> в колхозе «Красный Маяк» члены сидят голодными; одна женщина, пытаясь укрыть горячую картофелину, украденную ею из общего котла, сунула ее за пазуху и сожглась (с. Киструс, Спасского района) (Рязанская деревня 1998: 168).

По многим селам Сараевского р-на циркулирует распущенный кулаками слух, что якобы в колхозах жить плохо – голодно, что в одном колхозе женщина для своих голодных детей заняла у соседки горячих печеных картошек, положила их за пазуху и обожгла живот. Этот слух распускает середнячка с. Борец Строилова В. (якшающаяся с кулачем с. Борец) среди женщин (Там же, 127).

По всему району распространена басня о том, что в коммуне «Заря» было восстание, во время которого 20 чел. убито, а одна из женщин сожгла себе живот картошкой, которую она украла горячей, якобы, потому что голодает (Пронский район) (Там же, 132).

Быв. торговец Бирюков явился на паровую мельницу и, собрав вокруг себя помольщиков, стал рассказывать и моколхозах следующие небылицы: <...> 3) в одном колхозе женщина, варившая картошку, украла одну картофелину и спрятала ее за пазуху для того, чтобы съесть. Колхозники обыскали ее и, найдя украденную картофелину, размяли ее и сожгли грудь женщине. «Вот вам и колхоз», – сказал Бирюков в заключение. Бирюков привлечен по ст. 58/10 УК (с. Насилово-Галицыно, Старожиловского района) (Там же, 169).

Органы политического сыска видели в слухах верное средство манипуляции населением:

Антисоветские элементы, используя настроения крестьян, распространяют провокационные слухи о голоде, скором падении власти (Советская деревня II: 746).

Часто власти выделяли «распространителей» слухов – как конкретного человека (первый текст), так и целую социальную группу (второй текст):

(Поп) пускается на авантюру, через церковного старосту Астахова распространил слухи о том, что в ночное время в церкви раздастся пение святых и загорятся сами свечи, население поверило слухам, целыми толпами стекались у церкви – часами прислушивались к вымышленному пению святых. Наглая ложь выдумка попа действовала на темных крестьян, часть из них стала выходить из колхоза (Рязанская деревня 1998: 188).

В с. 3. Починки Ерахтурского р-на циркулирует слух, что ежедневно, ночью в церкви горят свечи и слышно пение хора. Этот слух распространен церковниками, которые объясняют вышеуказанное «явление» как признак того, что бог не хочет того, чтобы христиане вступали в колхозы, переходили на сторону антихриста (Там же, 372).

Адресатов слухов агенты нового режима считали «темными», «поддающимися на провокационные небылицы»:

Кулаками и попами складываются интересные небылицы, запугивающие темное население деревни. Старики и старухи верят этим сказкам и быстро разносят их по деревне... (Осокина 1997: 205)

Из отдельных сюжетов особенное внимание властей привлекала история о том, как крестьянин видит гроб с кровью и неподъемный мешок с хлебом, а встреченный далее загадочный старик интерпретирует это как предсказание войны и голода⁴⁵. Сравните два текста:

По дороге через лес к П.-Володарску шло несколько мужиков, где увидели груды несмоленной ржи, они этому удивились откуда в лесу же могла взяться рожь, стали растаскивать, в середине оказался гроб, внутри гроба – кровь, они испугались этого через несколько сажен (нрзб) попадает на встречу женщина спрашивает что они видели (нрзб.) когда они рассказывают женщина превращается в Богородицу и говорит что это (нрзб.) знамение божье, рожь означает голод, а гроб и кровь войну и так исчезает. Эта «агитация» охватила всю волость (сведения из сводки ОГПУ 1928 года по Ярославской области) (Смит 2005: 291).

На днях должна быть война Советского Союза с капиталистическими странами. Об этом мне известно из разговоров с гражданами села Рогаткино, которые ездили в село Дубровку и по дороге нашли мешок с хлебом. Они попробовали взять его, но не смогли поднять, хотя их было несколько человек. Далее по дороге им попалась другая находка – ведро с человеческой кровью, вызвало у них недоумение, и они поняли, что эти находки обозначают какую-то загадку, которую им разгадал встретившийся на дороге неизвестный старик. Этот старик объяснил, что мешок с хлебом обозначает, что в 1937 году будет сильный урожай, а ведро с кровью означает, что в этом году будет война и большое кровопролитие (рассказ колхозницы М. В. Прытковой, записанной в 1937 году оперуполномоченным НКВД в АССР немцев Поволжья) (Осокина 1997: 205).

«Органы» видят в этом явную антисоветскую агитацию, однако сам сюжет представляет собой традиционный фольклорный мотив «неподъемной сумочки»⁴⁶, известный, в част-

⁴⁵ См. варианты этих быличек: Ончуков 1928: 28; Шевырин 2004: 363–364; Осокина 1997: 205; Смит 2005: 291.

⁴⁶ См., например, этот мотив в указателе: Кербелите 2001: 502.

ности, по былине о Святогоре, а варианты сюжета с гробом и кровью были распространены в Западной Европе еще в XVI веке⁴⁷.

Отметим, что нам редко попадались материалы, в которых «органы» искали бы «автора» конкретного текста. Чекисты никогда, видимо, не сомневались в анонимности фольклорного нарратива и в «авторстве народа», а степень вины обвиняемого, очевидно, определяли по тому, как он оперировал с этим текстом: слушал – пересказывал – записывал – давал прочитать другому:

В сентябре м-це 1935 г. обвиняемый Фурман А. П. в штабе отд. развед. батальона 78 с-д в присутствии командиров – лейтенанта Глазкова рассказывал к-р троцкистского характера анекдоты, направленные против вождей партии и соц. строительства, а, пользуясь тем, что являлся политработником, понуждал пересказывать Дунаева и Глазкова слышанные ими аналогично рассказанным им, т. е. Фурман, к-р анекдоты (Трепинин 2006:90).

⁴⁷ *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю., Петров Н. В.* Слухи 1928–1937 годов: от эпического сюжета к делу об антисоветской пропаганде, или Подлинная история «Сумочки Святогора» (Доклад на IX Международной летней школе по фольклористике и культурной антропологии, Переславль, 5 мая 2009 года).

5 фольклор подвергается репрессиям

Как определялась государственная политика по отношению к устной традиции? Во время Гражданской войны слухи и частушки в деревне были объектом пристального внимания со стороны «органов», которые проводили мероприятия по розыску их «распространителей»: в 1921 году Пермская ЧК издала приказ: «Расстреливать всех, кто распространяет нелепые слухи...»; в 1919 году Вятская ЧК сообщала:

«Советский у. переполнен дезертирами, распространяющими самые нелепые слухи о взятии Глазова, эвакуации Вятки, о сожжении хлеба в Котельниче и пр. ЧК совместно с представителями исполкомов ведут усиленную борьбу с распространением подобных слухов» (Советская деревня I: 129). Однако после окончания Гражданской войны «дела, связанные с появлением и распространением слухов, рассматривались довольно неохотно. Сама трактовка этого деяния во многом зависела от уровня квалификации следователя. Чаще всего те же действия трактовались в более широком смысле: «контрреволюционная агитация», «провокационная деятельность» и прочее» (Давыдов 2010: 108). Впрочем, к концу 1920-х годов ситуация изменилась: «Отныне распространение слухов, подпадавшее под пункт 10 статьи 58 УК РСФСР, подвергалось более строгому наказанию. Но при этом классовые льготы сохранялись. <...> Одновременно власти стали активно использовать весь инструментарий раздуваемой «классовой борьбы в деревне». Отныне главным распространителем слухов назывался кулак. В секретной информационной сводке Татарского обкома ВКП(б) от 3 ноября 1929 года приводился целый ряд примеров антисоветских, с точки зрения руководства, слухов и разговоров населения, инициаторами которых назывались кулаки. «Наиболее распространённым методом борьбы кулака против партии и соввласти является искажение действительного положения вещей и муссирование ложных и провокационных слухов»» (Там же, 109).

В 1924 году в Москве была проведена кампания, осуждающая рассказывание антисемитских шуток в рамках борьбы с антисемитизмом (Тепцов 1993: 327–358), однако серьёзной ситуация стала к апрелю 1927 года, когда ЦК ВКП(б) принял постановление «о сатирическо-юмористических журналах», в котором говорится, что «наша сатира» еще не доросла до позитивной критики, направленной против «некоторых отрицательных сторон нашего строительства» (Блюм 2000: 141–142). На практике это означало, что свободное высмеивание каких-либо сторон социалистической действительности теперь запрещено, в том числе и в анекдотах.

Даже в самых высоких кругах аппарата — уныние, подавленность. Пожалуй, меньше даже начали рассказывать анекдотов, как потому, что за анекдоты карают (в партийных инстанциях постановили: довольно анекдотов, за анекдоты будем исключать из партии), так и потому, что положение в партии и в стране не настраивает на анекдоты (Письмо из Москвы 1933: 25–26).

В «год великого перелома» окончательно изменилось отношение к неподцензурному фольклору. 13 мая 1929 года историк И. И. Шитц сделал следующую запись в своем дневнике: «ГПУ будто бы циркулярно распорядилось преследовать анекдоты, задевающие Советскую власть» (Шитц 1991: 115), в том же году в Ленинграде уличного певца арестовали за пение частушек антисоветского содержания «Жизнь крестьянина» и осудили на два месяца принудительных работ (Комелина 2013). В 1930 году два этнографа-музыковеды, посетившие базар городка недалеко от Киева, описали сцену ареста сотрудниками ОГПУ профессионального слепого певца, распевавшего сатирические песенки про колхоз-

ную жизнь; будучи арестован, певец в импровизированной песенке тут же высмеял этих сотрудников (Kuromiya 2007: 109).

В августе 1933 года в циркуляре Горьковского крайлита было приказано «указать случаи враждебной агитации, в чем бы она ни выражалась, в форме ли выступления, антисоветском анекдоте⁴⁸, в случайном разговоре и т. п.» (Общество и власть 2005: 466).

К 1935 году устное распространение антисоветских фольклорных текстов карается уже не только во внесудебном порядке, но и выделено Прокуратурой СССР в особую группу преступлений, а в докладной записке от 11 марта 1936 года председателя Спецколлегии Верховного суда РСФСР Я. Я. Кронберга по делам о контрреволюционной агитации (статья 58–10) среди проверенных 473 дел 33 (7 %) выделены в следующую группу: «исполнение и распространение контрреволюционных рассказов, песен, стихов, частушек, анекдотов и т. п.» (История сталинского ГУЛАГа 2004: 238).

16 апреля 1936 года Прокурор СССР А. Я. Вышинский в докладной записке И. В. Сталину и В. М. Молотову о росте количества дел по обвинению в контрреволюционной агитации пишет, что осуждение за контрреволюционную агитацию в ряде случаев было «неверным» по следующей причине:

...нередко под контрреволюционную агитацию подводится обычная обывательская болтовня, брюзжание, недовольство плохой работой отдельных лиц или организаций (сельпо, сберкасс и т. д.), а также исполнение частушек и песен с антисоветским содержанием, хотя бы и людьми, не имеющими никаких оснований считать их контрреволюционерами, преследующими исполнением этих частушек или песен контрреволюционные цели. Вот несколько примеров: <...> Саратовский крайсуд осудил по ст. 58–10 УК колхозницу Лезневу Евдокию, 1905 г. р., за то, что она распевала антисоветские частушки:

В колхоз я записался, пишу свою жену, жена меня ругает,
– провались ты с колхозом, в колхоз я не пойду (История сталинского ГУЛАГа 2004: 254–255).

Вот данные по Татарской АССР о том, какие наказания полагались за исполнение и распространения фольклорных текстов «антисоветской направленности». Отметим следующие факторы: (1) в первой половине 1930-х годов внимание уделялось скорее частушкам, а во второй половине – и анекдотам, и частушкам; (2) количество дел за анекдоты и частушки после 1935 года увеличивается, а приговоры становятся все более суровыми.

*Таблица 2. наказание за исполнение/распространение фольклорных текстов*⁴⁹⁵⁰

⁴⁸ Так выделено в самом документе.

⁴⁹ А/с – «антисоветский», к/р – «контрреволюционный».

⁵⁰ Высшая мера наказания, т. е. расстрел.

Год ареста	Формулировка	Приговор
1932	антиколхозная агитация, сочинение антиколхозных частушек	2 года в местном доме заключения
1933	слушал а/с ²⁹ частушки, распространял слухи о гот. вооруж. восстании	3 года условно
1935	Пел к/р частушки	2 года
1935	Пел к/р частушки, высказывал политически незрелые суждения	2 года
1935	дискредитация СССР и ВКП(б) путем распространения анекдота	3 года
1935	анекдоты, дискредитирующие вождя и партию	4 года
1935	рассказал 2 а/с анекдота	35 — дело прек.
1935	а/с анекдот	36 — дело прек.
1936	а/с частушки, надругательство над портретами вождей, избиение коммунистов	4 (5) лет
1936	к/р анекдот о рук. партии и прав.	Оправдан в 1937
1936	анекдот про прав.	Оправдан в 1937
1936	к/р, террористическая агитация — песни, частушки	3 года
1937	Распевание а/с частушек	5 лет
1937	пение а/с частушек	5 лет
1937	клевета на ВКП(б) политику прав., а/с частушки	10 лет
1937	к/р частушки	3 года
1937	троцкистские анекдоты	39 — дело прек. за недоказанностью
1937	похабный анекдот про Сов. вл.	8 лет
1937	а/с анекдот и шпионаж	ВМН ³⁰
1937	дискредитация Сов. вл., сочинял и распространял к/р анекдоты	ВМН
1937	рассказывал анекдоты, дискредитирующие Сталина	Дело прек. за отсутствием улик
1937	а/с частушки и анекдоты	10 лет
1937	рассказывал к/р анекдоты	ВМН
1937	а/с анекдот	39 — дело прек.
1937	связь с белыми офицерами, а/с анекдот	ВМН
1938	пение песен, дискредитирующих вождей партий	7 лет
1939	систематическое распространение анекдотов а/с содержания, клевета на экономическое положение в стране	5 лет
1941	Пел а/с частушки, восхвалял гитлер. армию	Дело прекр., призван псих., осв.
1941	Пел песни к/р, клеветнического содержания	ВМН
1941	а/с агитация, к/р анекдот	ВМН
1941	к/р анекдот, клевета на рук. ВКП(б)	8 лет
1941	а/с анекдот, недовольство мероприятиями Сов. вл.	ВМН, заменен на 10 лет
1941	клеветнические анекдоты — дискредитировал Сов. вл.	5 лет, потом ВМН
1945	а/с анекдот	47 — оправ.
1946	клеветнический анекдот	5 лет
1946	клеветнические анекдоты	5 лет

Источник: Книга памяти 2000–2002; таблица составлена по электронной версии книги, опубликованной на сайте общества «Мемориал» [<http://www.memo.ru/library/bkmemory/tatar.htm>].

Бывший старший следователь следственного отдела УКГБ Томской области А. И. Спраговский вспоминает:

В делах, по которым проходили колхозники, основными пунктами обвинения были рассказанные анекдоты. Они квалифицировались как «клевета на колхозный строй». Помню, например, такой анекдот. Сталин, Черчилль и Рузвельт ехали по дороге. Путь им преградил бык и, несмотря ни на какие уговоры, с дороги не уходил. Черчилль обещал ему вольготные

пастбища в Шотландии, Рузвельт обещал отправить в Соединенные Штаты. Однако бык упорно стоял. Тогда Сталин, обращаясь к быку, произнес: «Уходи, а не то в колхоз отправлю». Бык, испугавшись, тут же освободил путь. За подобные анекдоты многие поплатились жизнью (Трепинин 2006: 393).

Стала хорошо работать и «обратная связь»: к середине и концу этого периода отмечается активное использование в доносах частушек («антиколхозных») (Тренин 2004: 60), анекдотов и других фольклорных материалов:

Еще Кальнин доносил, что Вегман ему и М. Д. Кордонской рассказал анекдот про завещание Льва Троцкого, услышанный в московском трамвае: В этом завещании Троцкий пишет, что если за границей (его) убьют или он умрет, то пусть тела не бальзамируют и (в) мавзолее не доставляют. Средства эти лучше отдать на индустриализацию. Пусть берут только мозги, заспиртуют и отправят в Москву. Спирт отдать Рыкову, а мозги Сталину (Тепляков 2007; варианты сюжета см.: Архипова, Мельниченко 2010: 296–299).

В период, когда проходил процесс антисоветского троцкистского центра, среди работников райкома имели место хождения контрреволюционных анекдотов следующего содержания: «Жена Сталина Аллилуева умерла с горя, потому, что жить со Сталиным нельзя. Слева к нему полезешь – левый загиб, справа пристроишься – правый уклон, из-под низу – примиренчество, а наверх залезешь – нажим на партию». <...> Анекдот по отношению жены т. Сталина распространял среди учителей парторг средней школы Кладов (Общество и власть 2005: 1045).

На рубеже 1920–1930-х годов складывается следующая ситуация: органы власти (ОГПУ/НКВД, цензура, парткомы) считают необходимым регулировать низовые культурные практики, разделяя их на «неправильные» и «правильные». Вот характерная переписка краевого и районного цензурных комитетов Нижегородской области о репертуаре слепых певцов на базаре, инициатива утверждения которого исходила от самих певцов (Там же, 823–824). 10 октября 1932 года Краснобаковский райлит (районный цензурный комитет) сделал в вышестоящую инстанцию – крайлит (краевой цензурный комитет) – запрос об утверждении репертуара нищих:

В райлит от инвалидов-одиночек-слепых, не состоящих в ВОСе, поступают просьбы о выдаче разрешения на исполнение народных песен на базарных площадях и др. местах скопления публики. Причем, репертуар сготовлен из произведений, не вошедших в репертуарный указатель, и в большинстве своем идеологически не выдержан. До получения разъяснений выдачу разрешений не произвожу.

Ответ начальника крайлита В. Бабкина на запрос об утверждении репертуара нищих на базарах был весьма эмоционален:

Завед. райлитом. Балахна.

На ваше письмо от 10 окт.

Никаких разрешений кому бы то ни было на исполнение песен на базарах-рынках выдавать не следует. Тем более не следует выдавать такие разрешения инвалидам-слепым (хотя бы и состоящим в ВОСе). Ясно, что «базарные певцы» по своему жанру не будут исполнять никаких других песен, кроме так называемых – жалостных (в расчете на хорошее подаяние). Было бы большой благоглупостью заставлять их петь идеологически

выдержанные революционные песни. Мы должны повести с этими певцами решительную борьбу также, как ведем ее с попрошайничаньем, с нищенством. Меры борьбы – в данном случае – аналогичны. Без борьбы с нищенством не может быть борьбы с «базарными-рыночными-певцами-калеками». Поэтому всякое хотя бы косвенное узаконивание «певцов-калек» выдачей разрешений на их «репертуар» будет противоречить борьбе с нищенством.

Из ответа начальника видно, что работники цензуры прекрасно понимали разницу между профессиональными категориями «народных исполнителей», которые могли и которые не могли исполнять, в чей репертуар могли входить «правильные» и «неправильные» тексты.

Подобное разделение было осознано и советскими фольклористами (через несколько лет это приведет к попытке искусственного создания «советского фольклора»). В числе целей фольклорной экспедиции А. М. Астахова и З. В. Эвальд называют следующие, практически совпадающие с задачами карательных органов (см. пункты 3 и 4):

1. Изучение на материале фольклора идеологических сдвигов в рабочей среде в процессе культурной революции и советского строительства. 2. Изучение фольклора как материала для истории фабрик и заводов. 3. Выявление в фольклоре как влияний, формирующих сознание нового человека, так и влияний идеологически чуждых и вредных. 4. Установление путей борьбы с классово-враждебными тенденциями и стимулирование развития идеологически ценных элементов путем активного воздействия на массовый музыкально-поэтический быт рабочих. <...> Вследствие слабости культурного фронта открывается доступ для всякого рода идеологически вредных влияний, вследствие чего изучение фольклорных явлений на данных предприятиях приобретает особое значение (Астахова, Эвальд 1932: 141–143).

Таким образом, «неправильные» исполнители подвергались репрессиям, тогда как с «правильными» проводилась разъяснительная и воспитательная работа, нацеленная на смену не только репертуара, но и в какой-то степени самого адресата текстов. Им становились уже не только (и даже не столько) представители той же социальной среды, что характерно для обычной фольклорной коммуникации, но и правящий режим. Однако теперь последний категорически не готов мириться с «бесконтрольным» существованием устных нарративов.

Именно в этом контексте начинается эксперимент по формированию «нового» «советского» фольклора.

6. Власть создает фольклор

В 1930-е годы, когда советская власть решает, наконец, всерьез заняться народной словесностью, возникает масштабный проект, имеющий своей целью сознательное и активное идеологическое управление фольклорным процессом. Однако этот проект не был придуман в 1930-е годы с «чистого листа», как полагают, например, некоторые исследователи (Miller 1997; Богданов 2010; Скрадоль 2011). Предпосылки этого проекта сложились еще в 20-е годы, когда романтическое отношение к фольклору как анонимному «голосу народа», доносящему до нас тексты «седой старины», уступило место более позитивистскому подходу к устным традициям, а в поле зрения исследователей стал попадать не фольклор «вообще», а мастерство отдельных исполнителей; это, в свою очередь, стимулировало поиск в народной словесности актов индивидуально-авторского творчества. Подобное отношение к носителю фольклорной традиции побуждало специалистов заниматься прежде всего так называемым художественным фольклором, уделяя меньше внимания различным внеэстетическим формам, информативным (меморативным) и функционально-прагматическим (прежде всего ритуально-магическим).

В первую очередь это относится к частушкам, причем, кроме профессионального собирательства, распространяется также собирательство любительское и литераторское – тексты записываются и в качестве источника поэтического вдохновения, и для возвращения в массы в «улучшенном» виде (Жаров 1923; Князев 1924; Акулышин 1926; Акулышин 1928; Артем Веселый 1936). Родион Акулышин так обосновывал необходимость публиковать частушки: «На кого рассчитан сборник? В первую очередь на рабочие и крестьянские клубы, деревенские посиделки, которым он должен дать материал и для кружковой работы, и для эстрадных выступлений» (Акулышин 1926:5).

Такой подход был не чужд этнографам и фольклористам 1920-х годов («этнографы и фольклористы 1920-х годов считали, что их исследования помогут в деле становления нового быта, включавшего новые праздники и новые обряды, как календарные, так и семейные» [Комелина 2013]).

При этом у тех же поэтов, которые сами собирали частушки, а затем и «улучшали их»⁵¹, существует позиция, что искусственное создание нового фольклора противоречит традиции:

Частушки не книжного порядка, которые в изобилии появились в последнее время, не «сочинительные» нашими спецами, а собранные и записанные мною в Тамбовской, Нижегородской и Орловской губерниях (Жаров 1923: 2).

За последнее время много частушек изготавливается «спецами» по заказу издательств и редакций. Частушки эти нередко попадают в деревню, но или перерабатываются последней на свой лад, или, если остаются нетронутыми, от подлинных всегда отличимы. У городских сочинителей нет той легкости в постройке, которая отличает подлинное крестьянское творчество (Акулышин 1926: 5).

В осуществлении проекта по созданию нового советского фольклора можно обнаружить некоторую закономерность. В 1920-е годы были рассмотрены разные жанры фольк-

⁵¹ Г. С. Виноградов в своей статье «Этнография и современность» отмечает, что одна из частушек, опубликованных в статье (Семеновский 1921), поддельная. Увы, какую именно частушку считал Виноградов искусственной, неизвестно, хотя подозрение падает на этот текст: «То не зоренька встает / Коммунизм к нам идет./ Коммунизм к нам идет – / Пляшет с радости народ./ Лучше зорьки, краше солнца / Жизнь хорошая идет» (Семеновский 1921: 61).

лора – с точки зрения их «адаптивности» к современным реалиям. Сначала творцы «советского фольклора» берутся за частушки, вероятно, как за самый оперативный жанр, к тому же доставляющий – вместе с анекдотом – особенно много беспокойств властям; во всяком случае первой продукцией «советского фольклора» оказывается именно частушка (Семеновский 1921; о дальнейшем создании «советских частушек» в 30-е годы см.: Скрадоль 2011; Комелина 2013).

Параллельно с частушками идет эксперимент с заговорами, и в этом случае экспериментатором оказался поэт Родион Акульшин⁵² (1896–1988), чья биография (от поэта к фальсификатору) вполне вписывается в контекст исследуемых событий. Он был поэтом «есенинского толка», участником группы «Перевал», «с полным правом может быть назван крестьянским писателем» (Раскольников 1927: 39), общался с фольклористкой О. Озаровской, которая, как известно, не только записывала севернорусские сказки и былины, но и «возвращала их в народ», активно выступая с их исполнением. Акульшин не только издавал сборники частушек (Акульшин 1926; Акульшин 1928), но и сам охотно исполнял их (в конце 1930-х и начале 1940-х годов это стало его профессиональным занятием, как и у Озаровской). Он пел частушки Волошиным в Коктебеле в 1927 году, выдавая их за фольклорные тексты:

Где-то черный ворон вьется,
Где-то совушки кричат,
Не хотелось, а придется
Траву кровью орошать <...>
Поведут нас всех под стражей,
(Коммунист, взводи курок),
По тропинке по овражей
Укокошат под шумок <...>
Не к лицу нам покаянье,
Коммунист, огонь, огонь,
Мы бессмертны, до свиданья,
Трупом пахнет самогон.

(Купченко 1993)

Кроме частушек, Акульшин занимался поиском новых форм, в частности, он якобы записал в 1924 году заговор («Заговор от всех болезней»), который, по его утверждению, сочинила вся деревня (Акульшин 1924: 281–283):

И вот какая диковина приключилась – перестали заговоры действовать – то ли потому, что Иисус да Богородица силы лишились, то ли власть другая. Даже дядя Василий другой год лихорадкой хворает: просит – вместо заговора – хины достать бы где.

И хины и много других лекарств надо, а больница далеко.

Все снадобья перепробовали, – собрались бабы, горюют, извелись все, а солдатка Марья, Василья Недобежкина дочь, баба ядреная, – никакая хворь ее не берет, слово такое решила удумать, чтоб без лекарств помогало.

– Ты вот что, Машенька, – бабы ей посоветовали, – новый заговор придумай, советский; песни с Микишкой сочиняешь, это для тебя плевое дело.

⁵² Спасибо Б. Равдину, Г. Суперфину и Р. Тименчику за консультацию о судьбе Акульшина. О нем см.: Панченко 2005: 344, 362–363.

Обещала Марья – попытаться. А через два дня читала листок заговорный, бабам на радость.

Привожу заговор этот в окончательном виде, после того как свекор Марьин, бабы и парни кто руку к нему приложил, кто словом присоветовал.

С северу море,
С югу море.
С западу горы,
С востоку доли,
А в середине город Москва.
В этом городе
Ленин и Троцкий
Как у Троцкого виски длинные и жесткие,
А у Ленина голова
Ясная, как солнышко.
Стоять они на высокой башне,
Держуть в руках пистолеты стальные,
Смотрю во все стороны,
Приглядывают,
Нет ли где неприятелей.
Как в морях вода взбаламутилась,
Как враги-неприятели зубами скрипят.
Хранцузы-тонкопузы,
Агличане-колчане
И белые и желтые,
И бурые и синие, –
Вся пакость,
Вся нечисть
Вся подлечесть.
Охота им Расею сглонуть,
Охота им царя поставить,
Охота им кровь крестьянскую пить,
Лезут они, напирают.
А Ленин как мигнеть,
А Троцкий как пальнеть,
А войска красная
Расейская,
Как крикнуть,
Как зыкнуть.
И никто из неприятелей не пикнуть.
Вы не лезьте ко мне, боли и хвори.
Головные и ножные,
Животные и спинные,
Глазные и зубные.
Отриньте и отзыньте,
Как неприятели заграничные.
Ты голова моя – Ленин,
Ты сердце мое – Троцкий,
Ты кровь моя – Армия красная,

Спасите,
Сохраните меня
От всякой боли и хвори,
От всякой болезни и недуга.

Это единственная известная нам попытка не только создать, но и теоретически обосновать необходимость существования подобных текстов в составе нового фольклора: «Нам не смешно, когда Сами в поэме Тихонова молится далекому Ленни, когда заброшенные корейцы, – у Всеволода Иванова, – говорят с чувством священного трепета о великом Леино, когда в дни морозного траура – незамысловатые старушки божия ставят свечу у Иверской за упокой души «раба божия Владимира», потому что он старался за бедных. Мы не сме-емся, когда именем Ленина в селе Виловатове Самарской губернии заклинаяют все болезни. В будущем все будет иначе, а пока и эти цветы нам дороги» (Акульшин 1924: 287).

Далее наступает очередь сказок. Уже с 1923 года начинается активно сбор «народных рассказов о Ленине» (Хлебцевич 1924). Первые публикации сказок о Ленине принадлежат Сейфуллиной (Сейфуллина 1924) и Гринковой (Гринкова 1936), однако, хотя текст Гринковой и назван сказкой, это песня (о первых публикациях «фольклора о Ленине» и их отношениях с «государственным заказом» см.: Панченко 2005). Дело и здесь не обошлось без Акульшина, который после своего эксперимента с заговором тоже обращается к сказкам (Акульшин 1925). Т. Г. Иванова совершенно напрасно утверждает, что опубликованная Акульшиным сказка «Хитрый Ленин», «по-видимому, является подлинно фольклорным» произведением (Иванова 2002: 962; критику этого разбора см.: Панченко 2005: 337, 344–345). И, наконец, в 1930 году выходит целый сборник сказок о Ленине (Пясковский 1930). На этом поток сказок был приостановлен. Итак, для этого периода становления «советского фольклора» характерно доминирование малых форм, а также сказки. Почему? А. А. Панченко справедливо полагает, что ««ленинский» период в истории «советского фольклора» существенно отличается от периода «сталинского». <...> На примере рассмотренных текстов можно видеть, что подобные нарративы действительно отчасти эксплуатируют элементы сказочной сюжетики. Если, однако, следовать стадильной концепции разграничения мифа и сказки, в отечественной фольклористике наиболее последовательно отстаиваемой Е. М. Мелетинским, можно заключить, что «сказки о Ленине» имеют больше общего с архаическими мифами, нежели с классическими сказками» (Панченко 2005: 351). В середине 1930-х годов «мифологический период» становления нового фольклора (Там же, 351–352) переходит в «эпический». Наступает очередь сказов и лишь затем «соавторы» обращаются к большой эпической форме (первое опубликованное произведение данного жанра – «Былина о Чапаеве» П. И. Рябиной-Андреева – относится к 1937 году⁵³). Ниже приводится таблица, составленная по нашей просьбе И. В. Козловой⁵⁴ по материалам ее диссертации (Козлова 2012), посвященной «новинам» и другим эпическим формам «нового фольклора» (о более подробном делении на жанры в данном случае говорить сложно). Как мы видим, единичные экспериментальные публикации такого рода были и до 1937 года, но с 1937 поток текстов начинает стремительно нарастать, и к 1940 году достигает своего пика. Соблазнительно поставить все это в связь с растущими имперскими амбициями советской власти и ее идеологов.

Таблица 3. Количество публикаций новин

⁵³ Северо-Западный водник. 1937. 3 марта. Благодарим И. В. Козлову за это уточнение.

⁵⁴ Выражаем огромную благодарность Ирине Козловой за предоставленные данные.

таблица 3. количество публикаций новин

	Количество публикаций новин и сказов	Количество без републикаций
1925	1	1
1935	1	1
1936	2	1
1937	35	18
1938	66	39
1939	111	39
1940	102	45
1941	23	17
1942	14	13
1943	26	16
1944	13	11
1945	23	19
1946	17	11
1947	88	58
1948	19	12
1949	57	35
1950	6	3
1951	16	8
1952	9	4
1953	1	1
1954	11	5
1955	1	1
1956	1	1
1958	2	1
1959	1	–
1962	3	2
1963	1	1
1964	1	1
1965	1	–

Примечательно, что обосновывается проект создания «нового фольклора» не советскими чиновниками, которых можно было бы заподозрить в элементарном фольклористическом невежестве, а таким выдающимся знатоком, как академик Ю. М. Соколов, который в 1931 году призывает к активному регулируемому вмешательству в стихию устной традиции (Фольклор России 1994: 117; Богданов 2009: 102–110; Комелина 2013). «Устное творчество масс, несмотря на острую классовую борьбу, отражаемую в нем и проводимую через него, остается в состоянии стихийности и большею частью лишено планомерного идеологического и художественного руководства, – пишет он в 1933 году. – Необходимо <...> активно вмешаться в фольклорный процесс, заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мещанского фольклора, поддерживать ростки здоровой, пролетарской и колхозной устной поэзии» (Фольклор России 1994: 22). Более того, по словам фольклориста А. К. Мореевой (1939), творцы устной поэзии, как и писатели, сами «нуждаются в систематической политико-воспитательной работе» (Там же, 84).

Подобные призывы не остаются пустыми декларациями. К известным «народным исполнителям» прикомандировываются литераторы и ученые, которые вместе со сказителями, сказочниками, певцами работают над составлением новых фольклорных текстов, анализируют причины неудачных опытов, подсказывают им более уместные жанры и темы:

Сказительница Барышникова из Воронежской области терпит неудачу в своем творчестве на советскую тематику исключительно потому, что не

осознала еще, какой устно-поэтический жанр ей более свойствен. <...> Мне кажется, что ей должна подойти тема: «Самураи на озере Хасан» и подобные ей (А. К. Мореева) (Там же, 85)⁵⁵.

Сами приемы работы с «мастером устного слова» разработаны до тонкостей: это одобрение или неодобрение первоначального замысла, ознакомление сказителя с избранной темой (используются книги, журналы, газеты, кино, музеи), обсуждение замысла и критика возможных противоречий «исторической правде», рецензирование окончательного текста, удаление «всего случайного, наносного, малоценного», даже отвержение произведения, которое почему-либо не удовлетворяет фольклориста и побуждение к составлению нового текста (писатель Н. П. Леонтьев, 1939; фольклорист и литературовед Н. Д. Комовская, 1937 [Фольклор России 1994: 115–116, 57]).

В специальном учебном плане «Принципы художественного и идеологического отбора словесных текстов частушки» на конференции-семинаре частушечников (1935) провозглашается «необходимость серьезной борьбы со всеми пережиточными формами в частушечном репертуаре» и обосновывается «противопоставление пережиточной частушке высокохудожественных образцов советского творчества» (Там же, 45), а в случае выбора «исторических» жанров рекомендуется проверять достоверность сообщаемых сведений, чье искажение может оказаться особенно чувствительным. Н. Д. Комовская специально отмечает:

Когда записываются бывальщины, каждая запись должна быть проверена по документам района или по литературным материалам. Тем более мы должны проверять материал, записывая историко-революционные сказы. Мы должны проверять по документам ист<ории> партии, парткабинета и т. д. При записи мы должны чрезвычайно осторожно относиться к хронологическим датам, к описанию политических событий, общественных деятелей, имена которых приводятся (Там же, 53–54).

Существовал, наконец, и другой путь формирования «советского фольклора». «По заданию ЦК партии композиторы и фольклористы командированы на сбор фольклора в Московской области, – рассказывает В. И. Чичеров (1935). – Вернувшись из колхозов, надо надеяться, композиторы будут работать и в области частушек. <...> Следующий этап – помощь композитором кружкам самодеятельного искусства. Композиторы должны вернуть к олхозу колхозные же частушки, но благодаря художественной обработке уже поднятые на более значительную высот у» (Там же, 28, 32).

Было бы ошибкой считать, что все эти выступления, звучащие сейчас столь гротескно, возникли лишь вследствие идеологического давления на научную интеллигенцию. В приведенных высказываниях достаточно искренности; во всяком случае для Ю. М. Соколова⁵⁶, максимально сближавшего фольклор и литературу (Соколов 1931: 280–289), да и, вероятно, для его младших коллег вышеописанное побуждение сказителя к творчеству вполне укладывалось в систему теоретических воззрений, явившихся естественным следствием

⁵⁵ Некоторым эта тема и действительно очень «подошла», ср. частушки из Чкаловской области (где, кстати, в 1937 году в «бригаде фольклористов» работала и сама А. К. Мореева): «Эх, яблочко, / Золотая репка / Мы японцев колотили / У Хасана крепко»; «Самураю часто снится / Край рабочих и крестьян, / Не угодно ль освежиться / В нашем озере Хасан?» и т. д. (Бардин 1940: 327–328).

⁵⁶ Заподозрить некоторую долю лицемерия или по крайней мере двоемыслия позволяет тот факт, что Ю. М. Соколов, призывая искоренить блатной и мещанский фольклор, в то же самое время продолжает пополнять свою весьма значительную коллекцию текстов, относящихся именно к этим традициям; тем же занимается и принимавшая участие в данных совещаниях А. М. Астахова. Не исключено, что в этом случае можно говорить о специфически советском феномене: публичном обругивании и тайном коллекционировании любимого материала, породившим также и специфический способ ознакомления читателей с запретным предметом.

тогдашнего развития российской фольклористической мысли. Не меньшей ошибкой было бы видеть в сотрудничестве идеологически ангажированного литератора или фольклориста с народным исполнителем исключительно насилие над последним. «Сказители, без сомнения, не только охотно шли навстречу пожеланиям собирателей, но и часто сами становились инициаторами подобных произведений <...> Без сомнения, психологической основой, на которой возникала инициатива сказителей по созданию советского эпоса, была атмосфера почета и уважения, окружавшая сказителей» (Иванова 2002: 412).

Вообще говоря, народный исполнитель мог достаточно высоко оценивать свое мастерство. Так, Фекла Семеновна Амосова (Заонежье, Обозеро) рассказывала, что в свое время хотела выучиться петь былины и ходила к известной сказительнице Н. С. Богдановой. Последняя, как она говорит, «запросила 100 рублей в месяц за учебу и еще: «Если же хочешь все былины знать, давай корову»». Очевидно, это обидело Феклу Семеновну, и она сказала собирателю: «Так и померла, никому не передала. И за это ей на том свете грех великий будет» (Курец 2008: 45). Если бы подобный «торг» произошел в обществе, характеризующемся достаточно высоким уровнем профессионализации эпического сказительства (как, например, это имеет место в ряде восточных культур), никаких обид у потенциального ученика не было бы, хотя запрос наставника и мог быть оценен как чрезмерный; отметим также, что сам по себе мотив загробного наказания за не переданный дар звучит весьма архаически (ср. с мучениями умирающего колдуна, не сумевшего передать свои умения преемнику).

Будучи, с точки зрения академической науки, несомненно интереснейшим опытом, в этом плане еще не вполне оцененным, проект, инициированный Ю. М. Соколовым, не достиг ни одной из поставленных целей и потерпел сокрушительную неудачу, хотя в практических мероприятиях по его воплощению, казалось бы, были учтены и даже использованы многие реальные свойства и обыкновения устной традиции. Это относится, в частности, к активизации памяти сказителя и своеобразной «цензуре» аудитории, корректирующей его репертуар, – именно к этому приему прибегали и консультанты народных исполнителей (Н. Д. Комовская, Н. П. Леонтьев); к специально организуемым соревнованиям между сказителями (Н. П. Леонтьев, А. К. Мореева), чему есть точные аналогии в некоторых культурах; к сильнейшему влиянию на фольклор массовых песенников (правда, речь здесь идет только о «продуманных и критически проверенных»; Ю. М. Соколов), даже к проверке по более «компетентному источнику» сведений, сообщаемых в устном тексте (Н. Д. Комовская).

В 1935 году музыковед-фольклорист Н. Я. Брюсова признает: «Тексты политического содержания, советские частушки исполнялись <лишь> для фонографа, а в быту живет только любовная частушка» (Фольклор России 1994: 39). Сказанное относится далеко не только к частушке. Практически все произведения, созданные вышеописанным образом, так и остались «разовыми» текстами, надиктованными собирателю и не имевшими устного пространства. Это и естественно – было нарушено главное условие их фольклоризации. Помимо характерной поэтической системы, жанр определяется специфической топикой, картиной мира, на которой и основывается сюжет устного произведения; этой картине мира оно должно соответствовать, чтобы быть воспринятым аудиторией и переданным дальше. Иными словами, есть предел, за которым нарушение пропорций «кода» и «сообщения», плана выражения и плана содержания неизбежно приводит к коммуникативной неудаче – фольклорный процесс осуществиться не может.

В какой-то мере это чувствовали и сами «реформаторы народной культуры». Как оговаривается Н. П. Леонтьев, «произведения Джамбула, по свидетельству знатока казахского фольклора Мухтара Ауэзова, вслед за их записью продолжают жить по всем законам художественной литературы – они редактируются, сокращаются и т. д.» (Там же, 117). Оговорка не случайная: речь действительно идет о своего рода устной литературе, способной далее существовать только в литературном качестве.

Думается, что программа «управления фольклором» со стороны деятелей советской практической фольклористики имеет под собой неприятие всяческих проявлений необузданной стихийности, т. е. ту же мировоззренческую базу, что и идея «покорения природы» (И. В. Мичурин, 1934: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача»⁵⁷). Показательно, что даже идущие снизу немногочисленные попытки продолжить эти традиции «советского фольклора», искусственно созданного властями, резко пресекались:

Народ в Котласе был преимущественно новенький – набора 1937–1938 годов. <...> В то время очень поощрялось создание «народных» сказов о Сталине, и некоторые ловкие сказители на этом хорошо заработали, а менее ловкие ломали шеи. Один северный старичок сказитель рассказывал, как он сочинил сказ, где главную роль играли усы Сталина, в которые он фукал. В сказе это звучало примерно так: сел Сталин на гору, огляделся и стал фукать в усы. Фукнет раз – Днепрогэс готов, фукнет другой – Магнитка заработает, а он все фукает и фукает и всю землю заводами зафукал. В районе похвалили сказителя, а в область вызвали – посадили, обвинили в клевете. Говорят: «Давай-ка пофукай в лагере десять лет» (Чирков 1991: 214).

Таким образом, если в 1920-е годы фольклорные тексты записываются, а к «голосу народа» прислушиваются (хотя бы и с неодобрением), то в 1930-е годы появляется идея «обучения фольклору», а его записи становятся все более и более избирательными: вплоть до середины 1980-х собирательская деятельность практически не включает целого ряда жанров (прежде всего, религиозно-магических) и традиций (городской фольклор).

⁵⁷ Ср. относящееся к тому же времени детское стихотворение С. Я. Маршака «Война с Днепром» («Человек сказал Днепру: я стеной тебя запру...», 1931) – о строительстве Днепрогэса.

7. «А завтра была война» (вместо заключения)

Итак, стратегии правящего режима по отношению к массовой устной культуре в 1920-е и 1930-е годы были различными, если не противоположными. В 1920-е годы для молодой советской власти фольклор – это заслуживающий пристального внимания анонимный голос народа (взгляд, в сущности, вполне романтический). Власть активно прислушивается к этому «голосу», пытается пресекать распространение слухов, содержащих «контрреволюционную пропаганду», но расценивает их не как акты «индивидуального творчества», а как некие идущие снизу «сообщения», чье авторство устанавливать бессмысленно. При этом, если после революции «голос городской улицы», собственно – городской фольклор⁵⁸, становится довольно значим, то к крестьянскому фольклору новая элита относится со сдержанной безразличностью, считая его «пережитком»⁵⁹.

Еще с конца 1920-х годов власть начинает борьбу с популярнейшими устными жанрами («слухами», анекдотами), а с 1930-х годов «враждебным» объявляется (устами Ю. М. Соколова) городской «мещанский», а также «блатной» фольклор⁶⁰, которые наряду с «кулацким»⁶¹ противостоят «пролетарской и колхозной устной поэзии»⁶². С этого времени городской фольклор более чем на полвека (до середины 1980-х) вообще перестают замечать – и как объект исследования, и как материал для культурных рецепций. Впрочем, он продолжает быть вполне реальным носителем «внесистемных» начал и даже выразителем протестных настроений.

По крайней мере, значительная (и едва ли не основная) часть «крестьянского фольклора» в 1930-е годы признается доживающей последние дни; заменить ее должен специально создаваемый «советский фольклор». К этому времени, в согласии с изменившейся политикоидеологической стратегией правящего режима, раскулаченное и коллективизированное крестьянство перестает восприниматься как потенциально враждебный класс мелких собственников⁶³. К 1937 году, когда появляется первая публикация новин, коллективизация считается почти завершенной. Соответственно, смягчается отношение к сельским культурным традициям, которые теперь расцениваются уже не столько как специфически крестьянские, сколько как общенародные (тем более что городской фольклор молчаливо признается как бы несуществующим).

⁵⁸ Заметим, что его идеологические векторы разнородны, даже противоположны: это тексты и «советские», и «анти-советские».

⁵⁹ Этим, очевидно, объясняется терпимое отношение (до поры до времени) к концепции «аристократического» происхождения былин – все равно «обреченных на вымирание». Согласно этой концепции, они являются продуктом искажения в крестьянской среде некоего «дружинного эпоса» (Вс. Миллер) – в полном согласии с теорией «опустившегося культурного достояния» (*gesunkenes Kulturgut*), сформулированной, впрочем, Г. Науманом четверть века спустя после выхода «Очерков» Вс. Миллера.

⁶⁰ Хотя, как гласит легенда, песня «С одесского кичмана» в исполнении Утесова нравилась Сталину и поэтому была разрешена. См.: Архипова, Неклюдов 2008: 40.

⁶¹ Не слишком ясно, что такое «кулацкий фольклор». Вероятно, данное понятие возникает в результате искусственного конструирования отсутствующего оппонента «устному творчеству трудового народа» – в соответствии с представлением о фольклоре как об отражении и орудии «классовой борьбы».

⁶² Помимо странной в устах ученого квалификации своего предмета как «враждебного» и подлежащего искоренению, само предложенное разделение представляется несколько беспредметным. После удаления из городского фольклора «слухов», анекдотов, «мещанских» и «блатных» песен (материала, по-видимому, недостойного даже для изучения) от него остается скудный по содержанию «рабочий фольклор» – принудительно выделенный, а частично и сфальсифицированный сегмент традиции, который даже в таком виде состоит преимущественно из дореволюционных текстов.

⁶³ «По мере проведения сплошной коллективизации и уничтожения на ее основе кулачества как класса <...> крестьянство перестает существовать как класс прежнего общества...» (МСЭ 1937: 950).

Для формирующейся неоимперской идеологии существование «русского национального эпоса» сулит определенные пропагандистские выгоды. Идеологические инстанции спохватываются, и взгляды Вс. Миллера на происхождение былин, к которым, как было сказано, в 1920-е годы относились терпимо, объявляются антидемократическими, реакционными, продиктованными неверием в творческие силы народа; соответственно, Ю. М. Соколову и другим советским фольклористам к концу 1930-х годов приходится отказываться от своих прежних воззрений на данную проблему.

Тут, по-видимому, следует поставить точку. Дальше была война, во многом изменившая как политико-идеологические стратегии властных инстанций, так и соотношение самих культурных стратов. На какое-то время фольклор вновь получает возможность зазвучать в полный голос, причем идеологически вполне солидарно с властью; это касается прежде всего антигерманской патриотической тематики (см., в частности: Пушкарев 1995; Блажес 2000: 20–37; Белафин, Подюков, Черных, Шумов 2005: 79–130). Более того, в 1945 году даже появляются «неопасные» анекдоты о мудром Сталине, который постоянно обходит недалеких Черчилля и Рузвельта⁶⁴:

В канун Висло-Одерской операции мы <...> узнали о начавшейся Ялтинской конференции глав государств антигитлеровской коалиции. Позднее начальник политотдела нашей 362-й стрелковой дивизии <...> привез свежий анекдот. Правда или выдумка, но ходили упорные разговоры, что гулять по миру он пошел с санкции самого Сталина. А анекдот такой. Идет межправительственная конференция в Крыму. В окно столовой ялтинского Ливадийского дворца, в которой обедают Рузвельт, Черчилль и Сталин, влетает шмель. Он стремительно облетает присутствующих и больно жалит поочередно президента США и премьер-министра Великобритании. Не тронув Сталина, но сделав над ним круг в воздухе, шмель вылетает обратно в окно. Рузвельт и Черчилль в недоумении. Черчилль интересуется у Сталина: «Как вы думаете, господин Верховный главнокомандующий, в чем мы с американским президентом провинились перед этим насекомым?» Нисколько не задумавшись, Сталин отвечает: «Помилуйте, друзья, да от вас липой пахнет». Это был единственный анекдот о Сталине, который можно было рассказывать без опасений за последствия (Концевой 2005).

Последний всплеск интереса властей к устным традициям, имевший место во время «антикосмополитической» кампании 1940-х годов, заключался в осуждении ими ряда национальных эпосов народов СССР как «феодално-байских» (бурятский «Абай Гэсэр», ногайский «Едиге» и др.) и их последующей «реабилитации» в 1950-е годы (впрочем, надо заметить, что еще начиная с середины 1930-х годов и вплоть до 1937-го проводилась серьезная кампания по борьбе с бандуристами, исполнителями украинских дум [Kuromiya 2007: 107–112]). Мероприятиями руководили идеологические отделы республиканских обкомов ВКП(б), чья деятельность, в свою очередь, координировалась ЦК партии. Как можно убедиться, «методологические» предпосылки для подобных оценок были теми же самыми, что и в былиноведении 1930-х годов, однако их подлинные причины имели совершенно «неака-

⁶⁴ 1 июня 1945 года некий Н. А. Востоков направил председателю Госплана СССР Вознесенскому большое письмо, возмущаясь карточной системой, и особенно иждивенческой карточкой, и апеллировал к анекдоту как к показателю общественного мнения: «<...> Вы, вероятно, знаете, что среди детей и всего населения широкой популярностью пользуется анекдот об иждивенческой карточке. «На Крымской конференции между Рузвельтом, Черчиллем и т. Сталиным обсуждался вопрос, какой казни подвергнуть Гитлера. Рузвельт предложил расстрел, Черчилль – виселицу, а Сталин предложил посадить его на русскую иждивенческую продкарточку. После ознакомления, что это за карточка, все пришли к единодушному решению, что более суровой казни не придумать»» (Зубкова и др. 2003: 68).

демический» характер и заключались в категорическом неприятии коммунистической партией любых проявлений национального самосознания, кроме русского.

Литература

Абрамович 2004 / *Абрамович И. Л.* Воспоминания и взгляды. М., 2004. Кн. 1: Воспоминания.

Аграновский 1994 / *Аграновский В. А.* Последний долг: Жизнь и судьба журналистской династии Аграновских с прологом и эпилогом: в воспоминаниях, свидетельствах, письмах с комментариями, документах, фотографиях, 1937–1953. М., 1994.

Акульшин 1924 / *Акульшин Р.* Заклятие Лениным и Троцким: История появления одного заговора // Перевал: Сборник / Под ред. А. Веселого, В. Казина, А. Макарова, В. Наседкина. М., 1924. Сб. 2. С. 281–287.

Акульшин 1925 / *Акульшин Р.* Три сказки: Гражданская война и Ленин в народном творчестве // Новый мир. 1925. № 11. С. 120–122.

Акульшин 1926 / *Акульшин Р.* Частушки. [М.]: Новая Москва, 1926.

Анисимов 1999 / *Анисимов Е.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛЮ, 1999.

Артем Веселый 1936 / *Артем Веселый.* Частушка колхозных деревень. М.: ГИХЛ, 1936.

Архипова 2008 / *Архипова А. С.* «Цари-избавители» и операции ГПУ // Живая старина. 2008. № 3. С. 47–50.

Архипова 2010 / *Архипова А. С.* Последний царь-избавитель // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1–30 [см. также наст. изд.].

Архипова, Мельниченко 2008 / *Архипова А., Мельниченко М.* «Получите проценты за Ваш капитал!» К вопросу о эволюции советского политического юмора // Габрэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина [<http://www.ruthenia.ru/document/545433.html>].

Архипова, Мельниченко 2009 / *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Ранние анекдоты о Сталине: Материалы к систематизированному собранию // Вест. РГГУ: Ежемесяч. науч. журн. Сер. Литературоведение. Фольклористика. 2009. Вып. 9.

Архипова, Мельниченко 2010 / *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ; РГГУ, 2010.

Архипова, Неклюдов 2008 / *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Два героя / два урка: привал на пути // *Natales grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008 (= *Studia Ethnologica*. Вып. 6).

Астахова 1932 / *Астахова А. М.* Песни уличных певцов // Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Р.V. К. 25. П. 7. № 1, 2. (1932).

Астахова, Эвальд 1932 / *Астахова А. М., Эвальд З. В.* Работа бригады ИПИН по соби- ранию и изучению фольклора рабочей среды // Советская этнография. 1932. № 2. С. 141–143.

Бажанов 1992 / *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.

Байкова 1931 / *Байкова Л.* «Лирика» в Донбассе // На литературном посту. М., 1931. № 29.

Бардин 1940 / Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. [Чкаловск]: Чкалов- ское областное изд-во, 1940.

Барсов 1997 / Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: Похоронные причитания.

Белавин, Подюков, Черных, Шумов 2005 / *Белавин А. М., Подюков И. А., Черных А. В., Шумов К. Э.* Война и песня: Солдатские и военные песни в фольклорной традиции Прика- мья. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2005.

Блажес 2000 / *Блажес В. В.* Солдатский юмор в свете народной поэтической традиции // Устная и рукописная традиции: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000 (= Фольклор Урала. Вып. 11). С. 20–37.

Блюм 2000 / *Блюм А.* Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб.: Академ. проект, 2000.

Блюм 2003 / *Блюм А.* «Если Троцкий не возьмет, выйду за Чичерина»: Запрещенные частушки из спецхрана // Новое время. 2003. № 17. С. 42–43.

Богданов 2009 / *Богданов К. А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: НЛЮ, 2009. С. 102–110.

Богданова 1994 / *Богданова Н. Б.* Мой отец – меньшевик. СПб., 1994.

Боева 2003 / *Боева Л. А.* Деятельность ВЧКОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921–1924 гг.). М., 2003.

Большаков 1925 / *Большаков А. М.* Советская деревня (1917–1925): Экономика и быт. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925.

Виноградов 1923 / *Виноградов Г. С.* Этнография и современность // Сибирская живая старина. Иркутск, 1923.

Виноградов 1926 / *Виноградов Г. С.* Детские тайные языки // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 2 (6).

Винокур 1923 / *Винокур Г. О.* Революционная фразеология // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 117–139.

Гринкова 1936 / *Гринкова Н. П.* Воронежская сказка о Ленине // Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена и Государственного научно-исследовательского института научной педагогики. Л., 1936. Т. II: Факультет языка и литературы. Вып. I. С. 319–325.

Гусев 1988 / *Гусев В.* Песни, романсы, баллады русских поэтов // Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988.

Давыдов 2010 / *Давыдов Д.* «А беззубые старухи их разносят по умам...»: Как боролись с крестьянскими слухами в 1920-е годы // Родина. 2010. № 8. С. 107–109.

Даль 1989 / *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2.

Джекобсон, Джекобсон 1998 / *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917–1939). М.: Современ. гуманитар. ун-т, 1998.

Жаров 1923 / Красная тальянка: Избранные деревенские частушки. М.: Красная гвардия, 1923.

Живов 2009 / *Живов В.* Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антропология революции: Сб. статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение» / Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М.: НЛЮ, 2009. С. 327–361.

Зеленин 1999 / *Зеленин Д. К.* Современная русская частушка // Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова: В 2 т. / Сост. А. В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. Т. 2: Политические частушки. С. 459–482.

Зубарев 1998 / *Зубарев Л.* Метаморфозы теории «хорового действия» Вячеслава Иванова после революции // Русская филология: Сб. работ молодых филологов. Тарту, 1998. [Вып.] 9. С. 140–148.

Зубкова и др. 2003 / Советская жизнь, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003.

Иванова 2002 / *Иванова Т. Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М.: Ладомир, 2002.

Иванова 2007 / *Иванова Т. Г.* Этнография и ГПУ: из жизни вологодского этнографа А. А. Веселовского // *Живая старина*. 2007. № 2. С. 41–43.

Иванова 2009 / *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб., 2009.

История сталинского ГУЛАГа 2004 / История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов: В 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР.

Карцевский 1923 / *Карцевский С. И.* Русский язык и революция // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Берлин, 1923 (репринт: М., 2001).

Кербелите 2001 / *Кербелите Б.* Типы народных сказаний: Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 502.

Книга памяти 2000–2002 / Книга памяти жертв политических репрессий: Республика Татарстан. М.: Книга памяти, 2000–2002. Т. 1–5.

Князев 1924 / *Князев В. В.* Современные частушки. 1924.

Козлова 2012 / *Козлова И. В.* Лиро-эпические новообразования в творчестве северо-русских сказителей 1930–1950-х годов: Дис.... канд. филол. наук. СПб.: ГРПУ, 2012.

Колоницкий 2001 / *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

Комелина 2013 / *Комелина Н. Г.* Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома // *Русский политический фольклор: исследования и публикации* / Сост. и ред. А. А. Панченко. М.: Новое издательство, 2013 (наст. изд.).

Концевой 2005 / *Концевой А.* Последний плацдарм // Республика Татарстан. 2005. 4 мая. № 90 (25 426).

Крюкова 2001 / Крестьянские истории: Российская история 20-х годов в письмах и документах / Сост. С. С. Крюкова. М., 2001.

Купченко 1993 / *Купченко В.* «Не могу забыть и никогда не забуду о Коктебеле»: Две жизни писателя Родиона Акулышина // *Русская мысль*. 1993. № 3998.

Курец 2008 / *Курец Т. С.* Исполнители фольклорных произведений (Заонежье, Карелия). Петрозаводск, 2008.

Лебедева 2009 / *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиция и перемены. М.: РОССПЭН, 2009.

Лукашин 1926 / Частушки: Сборник комсомольских и бытовых частушек в освещении новой деревни / Под. ред. Ильи Лукашина. М.: Г. Ф. Мириманов, 1926.

Лурье 2010 / *Лурье М. Л.* Политические и тюремные песни в начале XX в.: между пропагандой и фольклором. Антропологический форум. 2010. № 12. С. 1–20 [см. также наст. изд.].

Лурье 2011 / *Лурье М. Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам не вышедшего сборника А. М. Астаховой) // *Живая старина*. 2011. № 1. С. 2–6.

Минаева 2009 / До и после литературы: тексты наивной словесности / Сост. А. П. Минаева. М.: РГГУ, 2009.

МСЭ 1937–1938 / Малая советская энциклопедия / 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1937. Т. 5; М.: ОГИЗ, 1938. Т. 7.

Недзельский 1924 / *Недзельский Евг.* Народная поэзия в годы революции // *Воля России* (Прага). 1924. № 5 (март). С. 1–28; № 6–7. С. 44–66.

Неизвестная Россия I–IV / Неизвестная Россия: XX век. М.: Историческое наследие, 1993. Т. I–IV.

Неклюдов 2001 / «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001 (= Научные доклады, 129).

- Никитин 1928 / *Никитин Н. Н.* Собрание сочинений. Харьков: Пролетарий, 1928. Т. 1: Рвотный форт.
- Общество и власть 2005 / Общество и власть: Российская провинция, 1930 г. – июнь 1941 г. / Сост. А. А. Кулаков, В. В. Смирнов, Л. П. Колодникова. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2005. Т. 2.
- Огурцов 1922 / *Огурцов С.* Частушки (Иваново-Вознесенского края) // Красная новь. 1922. № 4 (8). С. 107–112.
- Окулова 1924 / Песни работницы и крестьянки: Сб. стихотворений. М.: Земля и фабрика, 1924.
- Ончуков 1928 / *Ончуков Н. Е.* Из уральского фольклора // Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928.
- Осокина 1997 / *Осокина Б. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997.
- ОСФ 1930 / О собирании современного фольклора // Сов. Азия. 1930. № 5–6. С. 352–353.
- Павлов 2001 / *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия: Записки оппозиционера. СПб.: Петербург – XXI век, 2001.
- Панченко, Панченко 1996 / *Панченко А. А., Панченко А. М.* Осьмое чудо света // Полярность в культуре / Сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. СПб., 1996 (= Канун: Альманах. Вып. 2). С. 166–202.
- Панченко 2005 / *Панченко А. А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей: Человек в истории. М., 2005. С. 334–366.
- Перцов 1927 / *Перцов В.* Анекдот: (Опыт социологического анализа) // Новый Леф. 1927. № 2. С. 41–43.
- Письма Зощенко – Мануильскому 1988 / «Понятие о сатире я имею более твердое...» (Письма М. М. Зощенко – М. З. Мануильскому) // Встречи с прошлым. М.: Сов. Россия, 1988. Вып. 6. С. 204–207.
- Письмо из Москвы 1933 / Письмо из Москвы // Бюллетень оппозиции. 1933. № 33 (Февраль). С. 25–26.
- Побережников 2006 / *Побережников И.*
- Непристойные речи про царей-государей: Политический анекдот XVIII века // Родина. 2006. № 3.
- Подлая троцкистско-фашистская банда 1937 / Подлая троцкистско-фашистская банда // Исторический журнал. 1937. 2 февраля. С. 1.
- Пушкарев 1995 / *Пушкарев Л. Н.* По дорогам войны: Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995.
- Пыпин 1900 / *Пыпин А. Н.* Дела о песнях в XVIII веке [Предисловие] // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1900. Т. V. Кн. 2.
- Пясковский 1930 / *Пясковский А. В.* Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. Л., 1930.
- Раскольников 1927 / *Раскольников Ф.* Родин Акульшин // На литературном посту. 1927. № 2.
- Рязанская деревня 1998 / Рязанская деревня в 1929–1930-х годах: Хроника головокружения / Сост. Л. Виола и др. М.: РОССПЭН, 1998.
- Сейфуллина 1924 / *Сейфуллина Л.* Мужичий сказ о Ленине // Красная новь. 1924. № 1 (18). С. 162–169.
- Селищев 1928 / *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) // Селищев А. М. Труды по русскому языку. М., 2003. Т. 1: Язык и общество.

Семеновский 1921 / *Семеновский Д.* Современная частушка // Красная новь. 1921. № 1. С. 53–61.

Симаков 1927 / *Симаков В.* Что такое частушка? К вопросу об ее историческом происхождении и значении в народном обиходе. М., 1927.

Симонов 1990 / *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990.

Скрадоль 2011 / *Скрадоль Н.* «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 160–183.

Смит 2005 / *Смит С.* Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 291.

Смолицкий 1994 / *Смолицкий В. Г.* Предисловие // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов / Сост. Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова, И. Д. Зюзина, В. Г. Смолицкий, И. В. Тумашева; предисл. В. Г. Смолицкого. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 4–18.

Советская деревня I–IV / Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, [В. Данилова]. М.: РОССПЭН, 2000–2012.

Соколов 1931 / *Соколов Ю. М.* Фольклористика и литературоведение // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М.: Никитин. субботники, 1931. С. 280–289.

Стратен 1927 / *Стратен В. В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор. № 2–3. М., 1927. С. 144–164.

СУС / Восточнославянская сказка: Сравнительный указатель сюжетов / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

Тепляков 2007 / *Тепляков А.* Вениамин Вегман: Материалы к биографии // Сибирские огни (Новосибирск). 2007. № 4.

Тепцов 1993 / Сводка ОГПУ о проявлениях антисемитизма в городе и деревне // Известная Россия: XX век. М.: Историческое наследие, 1993. Т. III. С. 327–358.

Трагедия советской деревни 1999 / Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929.

Тренин 2004 / 1936–1937 гг. Конвейер НКВД: Из хроники «большого террора» на Томской земле / Сост. Б. П. Тренин. М.: Водолей Publishers, 2004.

Тренин 2006 / 1937–1938 гг. Операции НКВД: Из хроники «большого террора» на Томской земле / Сост. Б. П. Тренин. Томск; М.: Водолей Publishers, 2006.

Троцкий 1935 / *Троцкий Л.* Сталинская бюрократия и убийство Кирова // Бюллетень оппозиции. 1935. № 41.

Тумаркин 1997 / *Тумаркин Н.* Ленин жив!

Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.

Ушаков 1938 / Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1938. Т. 2.

Фольклор России 1994 / Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов / Сост. Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова, И. Д. Зюзина, В. Г. Смолицкий, И. В. Тумашева; предисл. В. Г. Смолицкого. М.: ГРЦРФ, 1994.

Хандзинский 1925 / *Хандзинский Н.* «Покойнишний вой» по Ленине // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. III–IV. С. 53–64.

Хлебцевич 1924 / *Хлебцевич Е.* Собрание произведений устного творчества рабочих, крестьян и красноармейцев о Ленине // Коммунистическое просвещение. 1924. № 1. С. 117–118.

Чирков 1991 / *Чирков Ю. И.* А было всё так... / Предисл. А. Приставкина. М.: Политиздат, 1991.

Шевырин 2005 / *Шевырин С. А.* Проявление оппозиционных настроений политике советской власти в крестьянской среде // Астафьевские чтения. Пермь, 2005. Вып. 3.

Шитц 1991 / *Шитц И. И.* Дневник «великого перелома»: март 1928 – август 1931. Paris: YMCA-Press, 1991.

Шкловский 1922 / *Шкловский В.* К теории комического // Эпопея (Берлин). 1922. № 3. С. 57–67.

Шкловский Вл. 1922 / *Шкловский Вл.* Народ смеется: (Юмор современной речи) // Летопись Дома литераторов. 1922. № 8/9. С. 7–8.

Bauer, Gleicher 1953 / *Bauer R. A., Gleicher D. B.* Word-of-Mouth Communication in the Soviet Union // Public Opinion Quarterly. 1953. Vol. 17. № 3. P. 297–310.

Chamberlin 1934 / *Chamberlin W. H.* Russia's Iron Age. Boston, 1934.

Ennker 1997 / *Ennker B.* Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Böhlau, Köln 1997 (= Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Bd. 22).

Ginzburg 1989 / *Ginzburg C.* The Inquisitor as Anthropologist // Ginzburg C. Clues, Myths and the Historical Method. Baltimore, 1989. P. 156–164.

Glassman 1930 / *Glassman L. M.* The Bolsheviki as Humorists // Current History. 1930. May. P. 721–724. Jacobson 1921 / *Jacobson R.* Vliv revoluce na rusky jazyk // Nove Atheneum. Praha, 1921. Kuromiya 2007 / *Kuromiya H.* The voices of the dead: Stalin's great terror in the 1930s.

New Haven; London: Yale University Press, 2007. Lyons 1935 / *Lyons E.* Red Laughter // Lyons E.

Modern Moscow. London, 1935. P. 260–274.

Miller 1990 / *Miller F. J.* Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. New York; London, 1990.

Tumarkin 1983 / *Tumarkin N.* Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass.; London, 1983.

Velikanova 1996 / *Velikanova O.* Making of an Idol: On Uses of Lenin. Gottingen: Muster-Schmidt-Verlag, 1996.

Zelenin 1925 / *Zelenin D.* Das heutige russische Schnaderhüpfel (Častuška) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd. 1. № 3–4. S. 343–370.

Александра Архипова

Последний «царь-избавитель». Советская мифология и фольклор 20–30 годов XX века

Вступление

Кирилл Васильевич Чистов в конце своей известной книги «Русская народная утопия» (1967) описал сюжетный и социально-идеологический инвариант русских легенд и представлений о «царях-избавителях» со Смутного времени до конца XIX века⁶⁵. Вот максимальная последовательность мотивов, характерная для этой легенды и полностью реализованная только в легенде о Дмитрие Самозванце и Емельяне Пугачеве (в последнем случае без мотива М)⁶⁶.

- А. «Избавитель» намерен осуществить социальные преобразования.
- В. Отстранение «избавителя».
- С. Чудесное спасение «избавителя».
- Д. «Избавитель» скрывается, странствует или оказывается в заточении.
- Е. Встречи с «избавителем» или вести от него.
- Г. Правящий царь пытается помешать «избавителю» осуществить его намерения.
- Г. Возвращение «избавителя».
- Н. Узнавание «избавителя».
- И. Воцарение «избавителя».
- К. Осуществление «избавителем» социальных преобразований.
- Л. Пожалование ближайших сторонников.
- М. Наказание изменников, незаконного царя, придворных, дворян⁶⁷.

К. В. Чистов подчеркивает, что в XVII – первой половине XVIII века крестьяне, солдаты, казаки, люди «городского низа» так или иначе разделяли веру в царя-избавителя или по крайней мере распространяли нарративы, в которых фигурировал такой персонаж. Его исследование заканчивается на том, что «после 60-х годов XIX века подобные легенды (о царях-освободителях) нам неизвестны» (ЧК 2003: 252), «перестали быть продуктивны» (Там же, 258)⁶⁸.

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Тема проекта: «Динамика ритуально-мифологических традиций в региональных и социо-культурных контекстах конца XX – начала XXI в.»; при поддержке гранта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русский политический фольклор от Петра I до Горбачева»). Статья была

⁶⁵ Не все самозванцы стали «царями-избавителями». Так, ни княжне Таракановой, ни царевне Анастасии народными представлениями не приписывалось стремление к справедливым социальным преобразованиям для облегчения жизни народа.

⁶⁶ Подробную роспись вариантов реализации мотивов см. в приложении.

⁶⁷ Варианты мотивов см. в приложении.

⁶⁸ Однако отдельные мотивы продолжали появляться, в частности, в мотивировках крестьянских восстаний конца XIX века, см., например: FD 1996; ФД 2002.

опубликована в журнале «Антропологический форум», № 12 за 2010 год и публикуется здесь с любезного разрешения редакции журнала.

Стремление советских властей к тотальному контролю в отношении жизни и настроений общества подразумевало создание иерархизированной системы наблюдения за гражданами: с 17 марта 1921 года все региональные отделения ВЧК «обязаны были информировать партийные и советские учреждения о политическом настроении на обслуживаемой территории, представляя еженедельные сводки» (БЛ 2003: 62). Эти документы, особенно «сводки о настроениях по местам» сейчас представляют собой ценный социологический материал. Информация собиралась оперуполномоченными при помощи специальной группы агентов каждую неделю по некоторой заданной матрице: агент обязан был зафиксировать, где именно и в какой ситуации он услышал данный слух; если он не знал имени рассказчика, то должен был максимально подробно описать его предположительную социальную принадлежность⁶⁹.

По этим источникам (в первую очередь имеются в виду следственные дела и «сводки о настроениях» ГПУ – НКВД, но также и письма, как частные, как и «письма во власть», и публикации в эмигрантской прессе) удастся выявить следы нового витка легенд о царях-избавителях, причем в двух версиях: «монархической» и «большевистской».

⁶⁹ Подробнее о собирании чекистами фольклора см. раздел «Чекисты собирают фольклор» в статье: АА,НС 2010.

«Монархический» вариант новой легенды о царе-избавителе

К первой группе – «монархической» – относятся персонажи, которые принадлежали к дому Романовых либо так или иначе ассоциировались с ним (как, например, упоминаемый ниже «Гришка ихнего же роду»). Перечислим основные мотивы, связанные с царем-избавителем, реализованные в фольклоре и мифологии 1920–1930-х годов.

Царь-избавитель бежит, скрывается под видом известного человека или нищего странника, его узнают по портрету на монете

Это один из самых распространенных вариантов легенды: царь или законные наследники спаслись чудом (подробности обычно не сообщаются) – они либо скрываются за границей, либо странствуют по СССР тайно, обещают избавление крестьянам.

Представление о царе-избавителе также может реализоваться в менее часто фиксируемых слухах (еще во время Гражданской войны), согласно которым под видом вполне реального лица скрывается (до поры до времени!) настоящий царь. Например, в белогвардейских мемуарах упоминается, что крестьяне и простые люди любили генерала Слащева, потому что считали его скрывающимся царем Михаилом (НЕ 2007:11):

Крестьянское население очень любило Слащева. Многие крестьяне были глубоко убеждены, и их невозможно было разубедить в том, что Слащев в действительности брат государя, т. е. Великий Князь Михаил Александрович (АП 1929: 99).

В 1949 году в аргентинской газете русских эмигрантов «Наша Страна», издававшейся монархистом И. Солоневичем, под заголовком «Иван-царевич» был опубликован следующий текст⁷⁰ (воспроизводится с незначительными сокращениями):

В первые годы революции по всей Руси ходил в разных вариантах рассказ, принесенный вернувшимися военнопленными. Особенно распространен был он в деревне. Это – новорожденная сказка о заветном рубле <...> В той легенде рассказывалось о том, что какая-то партия военнопленных, возвращающаяся домой, была задержана в каком-то городе – то ли во Франции, то ли в Германии. Варианты менялись. Там к солдатам вышел одетый в штатское платье Император Николай Второй и держал приблизительно такую речь.

– Верные мои солдаты! Много тяготы и страданий вы перенесли, и еще больше вас ожидает. Знайте, что я чудом спасся, но вынужден еще скрываться. Верю, что милостив Бог: приведет Он Меня вернуться к вам облегчить вашу жизнь. А пока – всем Вам на память дарю по серебряному рублю. На нем мой портрет. Не забывайте!

Эту сказку я слышал в Козлове, в Самаре и на Соловках. Говорили, что солдат даже показывал свой заветный рубль.

Крестьяне верили этой легенде, ибо хотели ей верить: интеллигенция, конечно, не верила, но сочувственно прислушивалась к другой, также

⁷⁰ Под псевдонимом автора статьи «А. Алымов» скрывался Борис Николаевич Ширяев (1989–1959), писатель, журналист, сидевший на Соловках с 1922 по 1929 год, невозвращенец. Судя по его мемуарам, ему не чужд был интерес к фольклору, толкам и слухам.

рожденной в народных глубинах, в которой тоже со слов «очевидца» рассказывалось о том, что Великая Княжна Татьяна Николаевна (всегда она) бежала за несколько дней до убийства с влюбившимся в нее начальником стражи, и увезена им в Англию. Рождались какие-то смутные надежды.

В тридцатых годах нередко передавалась весть о том, что бродит по СССР Великий Князь Михаил Александрович, также чудом спасшийся от убийц, в образе нищего-странника и обещает колхозникам избавление в 1940-м году. Крестьянство, загнанное в колхозы, верило жадно и трепетно.

Уже здесь, за рубежом, мне случайно удалось найти «зерно» этой легенды. Александр У-ко, бывший красноармеец, рассказал мне о его личной встрече с этим странником, принятым к ним в дом его стариком отцом в 1937 году. Из опроса его стало ясным, что «Михаил Александрович» был смелым прощелыгой, выманившим деньги у монархически настроенных крестьян и живший за их счет. Но важно не это, а тот факт, что этот проходимец в течение нескольких лет находил себе приют и питание в силу принятого им царского имени и не был выдан ОГПУ, несмотря на непомерное развитие доношительства в СССР, и что легенда о скрывающемся, но ожидающем своего времени царе могла развиваться в стране «победившего социализма». <...> Тяги к монархии в среде крестьянства был не в силах заглушить даже прокатившийся по России в 1917 году оголтелый вой «долгой самодержавие». В 1919 году в Уренской волости Костромской губернии, защищенной от взбаламученной России лесами и топями, был избран крестьянами собственный «царь», сосланный позже на Соловки и там погибший <...> (АА 1949: 2–3).

Согласно Алымову (Ширяеву), первый вариант этого типа легенды сформировался, скорее всего, в 1918 году – после заключения Брестского мира (возвращение военнопленных), когда информация о расстреле царской семьи могла не иметь широкого распространения или не считаться достоверной.

При этом, как и в случае с царевичем Дмитрием (толки про убийство возникли до гибели царевича (ЧК 2003: 60–61)), слухи о победе Николая или его дочери Татьяны из тобольской ссылки возникают до появления сообщений о расстреле; вот запись в дневнике от 2 декабря 1917 года: «Во всех газетах сегодня сообщается о победе из Тобольска Николая Второго. Еще раньше писали о том, что его дочка Татьяна, переодевшись в мужской костюм, бежала в Англию» (ОН 1997); даже когда информация о казни Николая была обнародована, некоторое время сохранялись надежды, что его семье сохранена жизнь (это и прямо, и косвенно подтверждали газеты): «6–19 июля 1918 г. Императора Николая Второго расстреляли. “Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место”» (Там же, 202).

В 1918 году из Перми исчез⁷¹ сосланный туда и находившийся там под домашним арестом великий князь Михаил Александрович⁷²: «Слухи не то о похищении, не то о бегстве ссыльного покатались по стране со скоростью курьерских поездов, обрасстая по пути фантастическими подробностями и вызывая легкое замешательство в советских кругах, ошарашенных к тому же телеграммой из Перми от 13 июня: Срочная, вне всякой очереди. Москва, Со<вет> нар<одных> ком<иссаров>, Чрез<вычайная> Ком<иссия>, Петроград, Коммуна, Зиновьеву, копия Екатеринбург, Облас<тной> Сов<ет> деп<утато-

⁷¹ Скорее всего, он был расстрелян по инициативе местной ЧК.

⁷² Император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича, который, в свою очередь, отрекся и передал власть Учредительному собранию. Таким образом, князь Михаил в глазах многих монархистов являлся царем хотя бы в течение только одних суток.

в>, Чрез<вычайная> Ком<иссия>. Сегодня ночью неизвестными лицами <в> солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов. Приняты самые энергичные меры. Пермская окружная чрезвычайная комиссия» (ТВ 1999).

Газеты также были полны слухами о похищении или побеге великого князя:

В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явились трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской. Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуны и в Уральский Областной Совет. Производятся энергичные розыски (ТВ 1999).

Царь возвращается

На 1918–1927 годы приходится пик зафиксированных ГПУ слухов о том, что претендент на престол вот-вот вернется, и, наоборот, после 1927 года в сводках НКВД почти не встречаются упоминания о подобных рассказах:

Я слышал из Павлова, что царем скоро будет Михаил Александрович⁷³.

Контрреволюционные явления в резкой форме не выражаются, но все-таки провокационные слухи распространяются, например, в Краснослободском у. распространяются слухи о монархическом перевороте, который должен произойти обязательно осенью этого года (1920) и что на престол будет поставлен царь «Михаил» (СД I: 284).

Алтайская губ. 1 января. В с. Усть-Чарышской пристани Бийского у. кулачество заявляет: «Управляет кучка, а страдает масса». В этом селе кулаками распространяются слухи о восстании в Москве, что скоро в России будет царь Кирилл Владимирович (СД II: 277).

В 1922 году на Южном Урале ЧК зафиксировала следующие слухи:

...О том, что страной вскоре будет править Михаил Романов, Россия якобы разделена между Англией, Францией, Америкой и Японией, которые будут давать голодному населению по пуду муки на душу (НИ 2001: 424).

Часто этот слух становится устойчивым мотивом при фабрикации «политических» дел и самооговоре; см. «показания» в НКВД одного из участников «антисоветской группировки»:

После их отъезда я возле своего дома агитировал женщин, что в Средней Волге колхозы развалились, лошадей разобрали и хлеб будут делить

⁷³ Перлюстрированное письмо священника – цит. по двухнедельной информационной сводке НижгубЧК, 1920 (ОВ 2002: 103).

по единоличным хозяйствам, что скоро власть переменится и опять будет царь (СД IV: 221).

Очень часто ожидание царя было частью эсхатологических верований:

В с. Урицах Сарайского района секта баптистов ведет разлагающую антиколхозную работу. Уходящие с собраний верующие разносят слухи: «Скоро будет конец, последний год доживает советская власть, скоро придет война, приедет на белом коне царь Михаил». Благодаря этой агитации более 20 хозяйств выписались из колхоза⁷⁴.

В разных уголках страны, но чаще всего, по понятным причинам, в Сибири, в 1920-е годы появлялись своего рода «дети лейтенанта Шмидта» – люди, выдававшие себя за спасшихся представителей дома Романовых (см., например: АН 2000; упоминание о такой самозванке, выдающей себя за царицу: ОВ 2002: 173–274). Дольше всех продержался на плаву некий Михаил Поздеев (с 1920-х по 1950-е годы), выдавая себя за князя Михаила (АН 2000).

В рамках данного исследования нас интересуют прежде всего два аспекта. Во-первых, сами самозванцы, которые своим поведением реализовывали некоторые мотивы легенды о царе-избавителе. Так, например, одна из самозванок, выдавая себя за княжну Марию, в качестве доказательства показывала браслет с инициалами и «памятные знаки на теле» (см. дело Пугачева и мотив «Н» «Узнавание избавителя» по указателю К. В. Чистова) ровно так же, как это делали подследственные Тайной канцелярии в XVIII веке, публично демонстрировавшие некие «телесные знаки», которые могли сделать их, согласно политической мифологии XVIII века, легитимными претендентами на престол (АЕ 1999).

Особый интерес, однако, представляет не столько поведение самозванцев, сколько реакция, с которой они сталкивались. Большинство этих самозванцев находили поддержку у различных христианских сект и групп (ИПЦ, иоанниты), и именно представители последних часто убеждали новоявленных претендентов на престол, что они действительно являются спасшимися наследниками. В этом отношении очень характерна история комсомольца Алексея Шитова, злочленениям которого посвящена добрая половина исследования екатеринбургских историков о русских самозванцах XX века (АН 2000). Дело происходило в Томской области в 1926 году. Судя по показаниям свидетелей и следственному делу, Шитов был слабовольным молодым человеком и, возможно, даже страдал легким слабоумием. Его пригнали представители ИПЦ, «узнавшие» в нем царевича Алексея. «Узнавание» это произошло довольно необычным образом: Шитову показали фотокарточку царевича Алексея «во взрослом виде» (sic!). Интересна реакция Шитова: он расплакался и в ужасе убежал, порвав фотографию; это еще больше уверило окружающих, что он и есть «истинный наследник». Получается, что представители ИПЦ ждали и искали «истинного наследника», именно они и были настоящими «носителями» легенды о царе-избавителе. Вот что пишет исследователь архивов НКВД А. Г. Тепляков об этих событиях:

Сторонники культа Иоанна Кронштадтского, почитаемого воплощением святого духа, иоанниты страстно верили в различные чудеса, в спасение царской семьи, скорый конец света и пр. В 1923 г. все их общины в Сибири были разгромлены властями, но быстро восстановились. В 1926 г. с подачи барнаульских иоаннитов, распространявших слухи о появлении в крае детей Николая II, бывший комсомолец А. И. Шитов согласился сыграть роль наследника Алексея. Нашлась и претендентка на роль великой княжны Марии (ТА 2007: 215).

⁷⁴ Спецсводка № 5/5 Рязанского окротдела ОГПУ о ходе сплошной коллективизации, 16 февраля 1930 года (РД 1999: 230).

А вот, например, интереснейший документ – подробный отчет Пензенской ЧК о монархическом восстании, случившемся в Краснослободском уезде в 1919 году. Здесь эсхатологические ожидания, объявление советской власти «властью антихриста» тесно переплетаются с ожиданием воцарения царя-избавителя, недаром восставшие вышли под знаменами Николая Романова, митрополита Макария и Михаила Архангела:

Восстание вспыхнуло благодаря темной подпольной агитации сектантов и других темных личностей. Агитация тайно велась несколько месяцев. Центром и вдохновителем этой секты явился Московский митрополит Макарий, к которому приезжали краснослободские сектанты посоветоваться. Учение секты сводилось к тому, что без царя нет церкви, так как царь есть помазанник Божий, а так как теперь нет помазанника Божия, следовательно, нет и церкви. Кроме того, померкли светила небесные, т. е. нет солнца, луны и звезд. Солнце – это есть свет правды, которая теперь утеряна, луна – царь, которого нет, звезды – начальство, которого также нет, но к старому возврата нет, теперь должно быть новое, т. е. должен быть один выборный человек над всем земным шаром. Корона с Николая переходит на Алексея. Он должен быть правителем земли, старый завет упразднен навсегда, он окончился как с гражданской, так и с духовной стороны. Через святой дух святые отцы знали, что царская власть должна существовать 300 лет и весь закон был утвержден на 300 лет и закреплен царской властью дома Романовых. Только через царскую власть, которая удерживает строго весь закон, можно было достигнуть распространения веры. По писанию должно быть проповедование Евангелия по всей земле и это делалось за время царствования Романовых, теперь царя нет, но совершается тайна Божия. Настоящая Советская власть есть антихрист, которая имеет красное знамя, называющееся драконом... свобода и война происходит по писанию Божию.

1 марта 1919 г. к дому руководителя этой монархической секты Фокина стали собираться сектанты, монашки ближайших монастырей и сагитированные ими темные крестьяне и вся эта толпа стала ожидать падения Советской власти, что, по описанию, якобы должно совершиться сегодня. К толпе вышел сам Фокин и вывел мальчика, наряженного в монастырскую одежду – «Это сын Николая II Алексей – будущий царь». Толпа подходила под благословение Фокина и мальчика и совершила молебствие. Затем были вынесены заранее приготовленные флаги с монархическими и пасхальными лозунгами и рисунками Михаила Архангела, Николая II и митрополита Макария. С этими знаменами толпа с пением пасхальных молитв «Спаси, Господи, Люди твоя» и «Боже царя храни» отправляется к монастырю на Флегонтовой горе совершить молебствие по случаю падения власти «антихристов». По дороге толпа несколько раз останавливалась, выслушивала речь о Советской власти и ее падении и с криками «Долой Советскую власть! Да здравствует дом Романовых!» двигалась дальше. В толпе приверженцами Фокина распускался слух, что если будет стрельба, чтобы не пугались, ибо «с нами Бог». Около с. Волчанина толпу встретили коммунисты местных ячеек и стали разгонять, причем дали несколько выстрелов. Из толпы послышались ответные выстрелы, после чего открылась стрельба и толпа разбежалась, оставив восемь убитых и одного раненого. Губчека произвела срочно на

месте расследование и расстреляла главаря секты и восставших Фокина, об остальных участниках дело передала в ревтрибунал.

Несмотря на это, секта в конце 1919 г. готовила очередной свой трюк с выдвижением «на престол» дома Романовых. По уездам стал распространяться слух, что в Краснослободском женском монастыре скрывается бывшая царица Александра Федоровна с дочерью, и в монастырь начали ходить темные крестьяне, чтобы поклониться «царице» с дочерью. Уполномоченный губчека произвел арест, после чего выяснилось, что «царица» – дочь бывшего статского советника Поликарповича, а «дочка» – обитательница одного из бывших московских публичных домов Куликова. «Царица» по пути следования в Пензу из-под конвоя ночью бежала. Но монархисты из секты не унимаются, а ищут «царя», чтобы воздвигнуть его на «престол» (СД I: 310–311).

Царь-избавитель собирает войско и идет войной на Советскую Россию

Власть с волнением фиксировала слухи, в которых Николай не просто возвращается, но, спасшись от расстрела, идет войной на Советскую республику. Отметим, что здесь мы встречаемся с реализацией мотива «Избавитель собирает войско и идет войной», который отсутствует в классификации Чистова:

Особенно сильно наблюдается агитация в расположении Исиль-Кульского с/пункта, где в окрестных волостях, селах и станицах ходят всевозможные контрреволюционные слухи: что будто бы японцами занят Новониколаевск и даже Омск. <...> Кроме того, особенно сильно распространено то, что с японцами идет Николай Романов и Колчак, действующие заодно с Польшей, успевшей занять Москву. Все эти слухи рождаются впервые на с/п Куломзина, Мариановки и Павлограда, где особенно наблюдается присутствие кулацкого и казацкого элемента – приблизительно около 75 %⁷⁵.

Спасшийся от расстрела Николай II легко заменяется в некоторых вариантах слуха на живого в тот момент дядю последнего русского императора – великого князя Николая Николаевича:

Новониколаевская губ. 31 декабря. В пос. Троицком (Черепаново) среди крестьян шли толки о том, что Америка посылает в Совроссию Николая Николаевича для восстановления порядка, снабдив его средствами (это сообщение было, якобы, помещено в газете) (СД II: 277).

Царь дает обещания крестьянам

В своих мемуарах Б. Н. Ширяев передает следующий разговор о Распутине (он состоялся на Соловках между 1922 и 1927 годами):

⁷⁵ Из месячной информационной сводки № 19–20 Омской ГубЧК о положении в губернии за период с 15 июня по 15 августа 1920 года (СД II: 288–29).

Кораблиха, воспринявшая свое политическое кредо среди кронштадтских матросов⁷⁶, осветила вопрос иначе: «Один мужик до царя дошел и правду ему сказал, за то буржуи его и убили. Ему царь поклялся за Наследниково выздоровление землю крестьянам после войны отдать⁷⁷. Вот какое дело!» (ШБ 1991:289).

Здесь мы сталкиваемся со следующим мотивом: враги крестьян убили Распутина, потому что он хотел добиться социальных преобразований. В некотором роде это можно считать сильно трансформированным мотивом «Избавитель обещает социальные преобразования».

В чистом виде этот мотив встречается в сводке ГПУ 1925 года, где уже перечисляются конкретные блага, обещаемые избавителем крестьянам. Прежде всего это – отсутствие налогообложения – проблема, которая была более чем актуальной во взаимоотношении крестьян и советской власти.

Тамбовская губ. 11 июля. Борисоглебский у. <...> В Мучканской вол. Коновальцев Л. К. говорит, что он слышал от одного гражданина о том, что в Ленинграде с аэроплана бросили брошюру Николая Николаевича Романова, в которой указывается о том, что если Россия поставит его президентом, то он даст свободную торговлю, 5 лет не будет брать налоги, а с крестьян 7 лет не будет брать. Еще ходит слух о том, что под Ленинградом и Финляндией стоят до 50 шт. военных иностранных судов, которые требуют от наших вождей признания царских долгов и президента, а если не будет президента и не будут признаны долги, то начнется война⁷⁸.

Царя в президенты!

В этой группе легенд о Николае Втором наблюдаются существенные отступления от правил порождения подобных текстов в XVII–XIX веках. Согласно исследованию К. В. Чистова, царем-избавителем мог стать персонаж, не имевший шансов «испортить» свою репутацию, т. е. либо не царствовавший вовсе наследник престола, либо человек, занимавший престол весьма незначительное время: только при этом условии от него могли ожидать социальных преобразований. Николай Кровавый царствовал достаточно долго, чтобы заслужить самую мрачную репутацию. Однако его отречение и расстрел как бы перечеркнули последнюю; новый стереотип начал создаваться еще при жизни императора:

При батюшке-царе ничего не было, зато теперь – убийства. Пожалуйста, передайте батюшке-Николаю привет!; мы за него помолимся, чтобы он встал на престол; я и другие хотим проголосовать за батюшку царя Николая, при котором нас бедняков никто не трогал и все было доступно и дешево <...> Господи, <...> верим, нас защитит царь⁷⁹.

⁷⁶ Некоторые участники Кронштадского восстания 1921 года отбывали срок заключения на Соловках.

⁷⁷ Ожидание раздачи земли было постоянным и использовалось как агитационное средство: «Аткарский у. Пленными, отпущенными Колчаком, распространяются слухи, что Колчак не за помещиков, а за крестьян, что он очень добрый и раздает землю, скотину и любит, когда Богу молятся, стоит не за монархию, а за Учредительное собрание. Агитаторы Колчака имеют благодарную почву среди деревенского населения» (из информационной сводки секретного отдела ВЧК за 1–8 августа 1919 года [СД I: 160]).

⁷⁸ Из сводки № 16 материалов о положении районов, пораженных недородом, по состоянию на 23 июля 1925 года (СД II: 336–337).

⁷⁹ Из писем крестьян по поводу Учредительного собрания, не позднее 31 декабря 1917 года (НР II: 187–188 [ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 20]).

Отречение Николая от престола как бы позволило ему появиться в новом качестве – настоящего царя-избавителя. Трансформация этого обновленного образа к концу XX века приводит к появлению народного культа царя-мученика:

...В народном культе Царственных мучеников сложился <...> узнаваемый стереотип царя, наиболее часто воплощаемый в образах военного и священника, что связано с двумя наиболее важными патерналистскими функциями, приписываемыми Николаю II, – защитной и пастырской (ЛЕ 2006).

В 1920-е годы преимущественно в крестьянской среде реализуется абсолютно ожидаемая оппозиция *раньше было лучше – сейчас стало хуже*, противоположная советской идеологической модели *сейчас лучше – при царе все было хуже*. Об этом спецслужбы с волнением информировали Политбюро в 1930 году:

В с. Азееве, Кадомского района, 4 февраля с. г. провизором аптеки во дворе с/совета обнаружена привешенная тряпкой на гвоздь стены листовка: «Долой Советы и ни нужно ваш колхоз да здравствует наша царизма, а провалился Ленинизм дурак тот кто пошел в колхоз, а нас вы ни подвидети – грабители острожник». Ведется агентурная разработка (РД 1999: 251).

Это противопоставление стало общим местом в фольклорных текстах, например:

Ново-Покровский район. В ст. Калниболотской молодежь в количестве 5 чел. распевает а/с песенку следующего содержания: «Я на бочке сижу, бочка золотая, я в колхоз не пойду, давай Николая»⁸⁰.

В с. Саблино Сасовского р-на 4/III-с.г. на телефонном столбе обнаружена листовка следующего содержания: «Долой Совет, долой конину, даешь царя, даешь свинину. Долой Совет, козлам сена нет, Совет со зла убил козла» (РД 1999: 404).

Листовок, частушек, песен, основанных на этой оппозиции, было очень много. Но после 1930 года власть стала оценивать исполнение подобных текстов как «намерение реставрировать монархический строй» и, естественно, «контрреволюционную пропаганду».

Сочетание наивного монархизма и новых для крестьянства представлений о выборности высшей власти привели к идее выборов царя вместо представителей Советов или даже в президенты Советской республики (см. также пример в предыдущем разделе).

Я и другие хотим проголосовать за батюшку царя Николая, при котором нас бедняков никто не трогал и все было доступно и дешево <...> Господи, <...> верим, нас защитит царь⁸¹.

Положение учительства безысходное. Если бы поставили вопрос на голосование – за какой строй мы стоим, так голосовали бы за царя⁸².

В Тамбовской губ. церковный староста заявил на перевыборах ЕПО: «Нам нужно царя, раньше все было дешево, а теперь эта кооперация пользы не дает» (СД II: 484).

⁸⁰ Спецсправка ПП ОГПУ СКК о настроениях и антисоветских проявлениях среди сельской молодежи русских районов края (СД III, 2: 96).

⁸¹ Из писем крестьян по поводу Учредительного собрания, не позднее 31 декабря 1917 года (НР II: 187–188 [ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 20]).

⁸² Из обзора информотдела ОГПУ о политическом состоянии СССР за октябрь 1926 года (СД II: 472).

Ойратская область. 24 ноября. В с. Щеболино группа зажиточных крестьян и быв. бандитов, враждебно настроенных против соввласти во главе с гражданином Шадриным, распространяла слух о том, что «Китай идет на Советский Союз войной и скоро всех коммунистов перебьют и верховодить посадят царя из дома Романовых, что коммунисты, боясь народных крестьянских восстаний, устроили «переворот» (так на их языке получил название поворот лицом к деревне, проводимый партией), и они (кулаки, зажиточные) в избирательной кампании участвовать не будут и в сельсовет не пойдут, т. к. соввласть скоро падет» (СД II: 384).

В Ложниковском сельсовете Тарского района общим собранием отведены два коммуниста, два сельактивиста. Выступавшие середняки заявляли: «Выберем коммунистов, так в деревне кошки не останется, все отберут. Советская власть нам не нужна, нам царь нужен, нам легче жилось» (СД III: 538).

Джанкойский район. В д.... Из толпы слышались ругательства по адресу Советской власти и компартии и выкрики: «Долой Советскую власть и компартию», «Дайте нам царя-батюшку, который нас накормит» и т. д. (ТСД 2000: 536).

В 1921 году Уральское ГПУ фиксирует слухи, в которых царь уже назначен президентом:

Президентом России назначен великий князь Михаил Александрович, которому из-за границы для помощи голодающим отпускается 200 млн пудов хлеба, но он согласится возглавить страну только в том случае, если помощь возрастет до 400 млн пудов (НИ 2001: 424).

«Большевистская версия»

Версию легенды о царях-избавителях нового типа можно назвать «большевистской», поскольку в ней фигурируют не представители царской семьи, а Ленин, а потом и другие представители советской администрации.

Прежде всего отметим одно представление, которое имеет прямое отношение к «наивному монархизму» и «царям-избавителям».

Хорошие намерения верховного правителя искажаются неверными подданными

Так, Д. Филд приводит пример такого рода, относящийся к крестьянским волнениям 1861 года: «Бездненское «восстание». В апреле 1861 года, немногим более, чем через месяц после обнародования «Положений 19 февраля», около 10 тыс. крестьян собрались в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, чтобы узнать, как Антон Петров нашел в Положениях «настоящую волю». Как ему это удалось? Составители Положений старались не пользоваться даже словами «воля» или «свобода». Но на бланке уставной грамоты было указано: «Число душ по 10-й ревизии... / Из них, отпущенные на волю после ревизии». Здесь без слова «воля» обойтись было невозможно, чем и воспользовался Петров» (ФД 2002: 112).

Другими словами, плохое обращение с народом не доводится до сведения верховной власти, или по-простому говоря, царь не знает о бедственном положении крестьян. Эта парадигма существовала и после 1917 года. Так, Челябинская ЧК в сводке за январь 1921 отмечала:

Население к Советской власти, как к системе управления, относится доброжелательно, чего нельзя сказать по отношению к местным представителям власти. Во всех постигших крестьян тяготах крестьяне винят не Советскую власть, а только местных ее представителей и часто думают, что многие мероприятия, проводимые на местах, не соответствуют директиве из центра, и что центр об этих мероприятиях не знает. Последнее имело много случаев подтверждения: крестьяне неоднократно посылали и пытаются послать в центр телеграммы с жалобами на те или иные действия местных властей (НИ 2001: 407).

А в сводке Оренбургско-Тургайской ЧК в апреле 1921 года описывались следующие «настроения» интеллигенции, рабочих и крестьян:

Неправильную, по ее <интеллигенции> мнению, политику, разруху и все прочее она объясняет тем, что от тов. Ленина скрывают все, что творится на местах, и освещают только с хорошей стороны. Поэтому-то и рабочие (напр., во время забастовки в главных мастерских) и крестьяне во всех затруднительных случаях собираются посылать к тов. Ленину делегатов (НИ 2001: 407).

В 1929 году Рязанское ГПУ располагало сходными сведениями:

До сего времени среди некоторой части середняков существует мнение, а его надо отнести за счет опять-таки недостаточной разъяснительной работы о том, что хотя Правительство и хороший закон издало о налоге, т. е. в нем есть много льгот для кр-н, но места, т. е. работники низового советского

аппарата этот закон исказят и получится такая же вещь, как и прошлый год – переобложение середняка и т. д. <...>.

Центр выносит правильные постановления, а места их искажают, у нас в прошлую кампанию не всю бедноту освободили, сильно обложили середняка, а есть случаи недообложения кулака и зажиточного <...>.

Центр проводит политику правильно, но на месте здесь решают неверно⁸³.

О том, что нет хлеба, мы должны собраться и послать делегатов в Москву, потому что Центр не знает, какое безобразие творит наша местная власть⁸⁴.

Иногда это приводило к тому, что крестьяне собирались в некотором определенном месте под влиянием слуха, что Ленин (а затем – Сталин) сейчас приедет и разберется во всех злоупотреблениях.

Вера в эффективность прямого обращения к представителю верховной власти была совершенно непобедима, так, например, в 1921 году на собрании рабочих Кулебакского завода (Нижегородская губерния) по поводу нехватки продовольствия, когда обстановка совсем накалилась, один из выступающих выразил общее мнение: «Вот Вам факт налицо, как только мы послали «своих представителей» в Москву, то нам сразу привезли хлеба...» (ОВ 2002: 183). Попытки властей указать на то, что «эти пять вагонов <хлеба> были высланы из Москвы до приезда этих почетных представителей» (Там же, 184) никакого впечатления на собравшихся, естественно, не произвели.

Ленин

Ленина считают избавителем

Первые слухи такого рода возникли во время болезни Ленина и сразу после его смерти; они ежедневно фиксировались ГПУ:

Ленин был единственной светлой личностью среди правительства. Смерть его ускорили врачи, а заболел он от огорчения, узнав о массовых расстрелах без его ведома (ВО 1994: 179).

Со смертью Ильича некому будет строго защищать рабочие интересы и помнить об их нуждах (ВО 1994: 179).

Среди крестьян ходят слухи... что теперь будет хуже, так как Ленин защищал их интересы... Ленин был хороший мужик... у него была большая голова: все понимать мог (НР IV: 19).

Крестьяне делают отчисления в пользу неимущих, мотивируя это тем, что Ленин был защитником бедноты (Там же, 16).

⁸³ Спецсводка № 42/3 Рязанского губотдела ОГПУ о суждениях крестьян о едином сельхозналоге, 4 мая 1929 года (РД 1998: 27).

⁸⁴ Спецсводка 10/1 Рязанского губотдела ОГПУ, 4 февраля 1929 года (Там же, 4).

Среди уезжающих в деревню... наблюдались разговоры о том, что со смертью Ленина начнутся крестьянские восстания (Там же, 13).

Ленин хочет быть ближе к народу, а его окружение этого не допускает

Троцкий хотел арестовать Ленина за его сдвиг вправо, а сам попал под домашний арест. Затем будто Ленин, видя полную разруху, собирает вокруг себя беспартийных, которым намеревается передать бразды правления (ВО 1994: 178).

<ГПУ отмечало провокационные слухи> о демонстрации безработных, которые явились в Кремль и потребовали для переговоров т. Ленина, но вместо него была выслана <армия> (НР IV: 14–15).

Враги-приближенные пытаются отстранить или убить избавителя

Ленин отравлен врагами-евреями (Там же, 19).

Троцкий подослал убийц, дабы стать на место Ленина (Там же, 16).

Ленина отравили, стараются изжить Калинина, и власть будет жидовская (Там же, 19).

Ленин хотел облегчить жизнь простого народа

Отмечаются слухи, что Ленин перед смертью оставил записку «не обижать крестьян» (Там же).

В связи со смертью Ленина среди населения <Тверская обл.> распространились слухи, что Ленин не умер, его отравили жида, стремящиеся захватить власть в свои руки, так как Ленин якобы говорил, что необходимо отменить единый налог для крестьян, и налог для торговцев, но Троцкому и всем жидам этого не хотелось (Там же).

Ленин подменен восковой куклой Ленин заменен фигурой из воска (Там же).

Советская власть изготовила фигуру Ленина из воска, которая находилась в колонном зале (Там же, 185).

Ленин спасается бегством за границу

Ленин жив и уехал за границу с Троцким (Там же, 15).

Ленин не умер, а хочет бежать за границу (Там же, 19).

Красноармеец... говорил, что Ленин вообще не умер, а живет в Крыму и хочет удрать за границу (Там же, 17).

Воскресший Ленин придет и спасет от большевиков

В 1932 г., во время страшного голода в деревне, вызванного коллективизацией, среди крестьян ходили слухи, что Ленин воскрес и скоро придет громить большевиков (ВО 1994: 184, без ссылки на документ).

Как видно из этих примеров, вокруг фигуры Ленина начала складываться «избавительская легенда»; однако дальнейшего развития она не получила⁸⁵.

Троцкий

Причины опалы Троцкого очень интересовали народ, об этом свидетельствует следующая выдержка из письма красноармейца (1925):

И пропиши нам где сейчас находится Тротцкий, и кто на его месте и как это дело могло случится смести его или он сам ушел.

Пока досвидания, пишите нам письма и пишите, какие новости. Если Вам писать нельзя новости то пишите условный знак – три точки когда начинаешь писать письмо, тама ставьте (КР 2001: 68).

Троцкий хотел помочь крестьянам

Причины опалы и высылки Троцкого крестьяне могли видеть в его стремлении облегчить жизнь «простого народа». Вот пример «наивной поэзии», нечто вроде стихотворной листовки⁸⁶:

Проблеск давнишних желаний
Сверкнул откуда народ не ждал
Троцкий в Кремле затрубил
Дай народу что он заслужил
Тут тогда товарищ Кагонович (сек. ЦК РКПб)
С Москвы увидел в селах грязь
И стал болеть душою за обиженную мразь.

(КР 2001: 117)

Согласно отчетам агитаторов, представлявшимся в районные партийные организации и ГПУ, во время подготовки выборов крестьяне высказывали такое мнение:

⁸⁵ Вот редкий и очень странный пример жалобы на имя умершего Ленина: «12 марта 1953 Кулев П. К. (он же Балякин А. Е., 1910 года рождения, русский, малограмотный, неоднократно судим, заключенный, Мордовская АССР) в лагере «неоднократно высказывал террористические намерения в отношении одного из руководителей партии и советского правительства», говорил: «Вот придет Трумэн, тогда мы заживем»; руководил 16 бандитской группой, убивавшей заключенных, в 1951 г. заставил одного из заключенных написать кровью жалобу на имя Ленина» (НПП 1999: 69).

⁸⁶ О других примерах подобного типа «словесности» см. раздел «Фольклор протестует в деревне» в статье: АА, НС 2010.

Троцкий хотел освободить крестьян от налогов, а вы его арестовали. Он хотел принять в партию, а Вы боитесь этого (Там же, 208).

Из доклада ОГПУ о влиянии деревни на политико-моральное состояние частей Красной армии Северо-Кавказского военного округа мы также узнаем, что «когда на Кубани распространились слухи о том, что Троцкий идет за крестьянство и против налога, некоторые красноармейцы под влиянием этих слухов между собой определенно высказывали симпатии Троцкому (КР 2001: 208).

Троцкий спасается бегством

Как уже было сказано, спецслужбы уделяли особое внимание отношению народа к Троцкому. Вот что пишет по этому поводу Рязанское ГПУ:

Вопрос военной опасности среди крестьянского населения теперь занимает одно из видных мест, причем в большинстве он рассматривается ими как опасность, непосредственно угрожающая Советскому Союзу. Такому положению способствует целый ряд обстоятельств, неверно истолкованных крестьянами. Хозяйственные трудности страны, перебои в снабжении населения товарами (мануфактура, спички, хлеб, сахар и т. п.), проведение пробных мобилизаций – все это вместе взятое претворяется в умах крестьян как соответствующая подготовка Советского Правительства к войне. Источник сведений крестьян по этому вопросу имеет довольно разнообразный характер: кто-то прислал письмо из Москвы, Ленинграда, кто-то приехал из города, кто-то читал в газете и все эти источники передают сведения о приближающейся войне в самом превратном и нелепом виде. Для характеристики можно привести следующее:

«Красноармеец из Ленинграда прислал письмо о том, что 15 мая их угоняют на позицию в Польшу. Из Москвы тоже красноармейцев скоро будут угонять на войну и Троцкий улетел на аэроплане, даже не успели поставить стражу, я сам слежу за газетой, как в Польше мобилизовали конную артиллерию, конницу и пешую артиллерию»⁸⁷.

Троцкий возвращается в СССР тайно или с армией

Троцкий может в любой момент вернуться и отменить коллективизацию:

За последнее время мы имеем основательные прорывы: в 4-х с/советах есть выходы из колхозов. <...> Вторая причина – носят нелепые слухи, что к нам приезжает Троцкий и все начнется по-новому – вся коллективизация полетит в сторону⁸⁸.

В конце 1920-х годов по стране прокатился слух, что Троцкий (как несколькими годами ранее – претендент на престол) собрал армию и идет войной на Советский Союз:

⁸⁷ Спецсводка № 43 Рязанского губотдела ОГПУ о суждениях крестьян относительно военной опасности, 29 апреля 1929 года (РД 1998: 22).

⁸⁸ Из протокола совещания секретарей райкомов ВКП(б) Рязанского округа о ходе коллективизации и подготовке к весенней посевной кампании, 26–27 февраля 1930 года (Там же, 308).

Попы в беседах, проповедях и вообще при удобных случаях, прикрываясь борьбой с безбожниками, произносят явно контрреволюционные речи, распространяют нелепые слухи вроде того, что: западные страны не потерпят насилие над православным духовенством, они весной объявят войну. Троцкий подготавливает войска, чтобы пойти войной на Союз и т. д. в этом духе⁸⁹.

Среди некоторой части кр-н середняков, не оправдывающих высылку Троцкого за границу, в силу того, что последний использует это с целью усиления антисоветской деятельности, наблюдаются суждения о приготовлениях Троцкого к войне с Советским Союзом, для чего последний якобы собирает в Турции войска. Будучи большим специалистом в военном деле, Троцкий для Союза непобедим.

«Троцкий сейчас собирает в Турции войско и к весне нужно обязательно ожидать войны»⁹⁰.

В 1937 году в Томске был даже зафиксирован слух, что Троцкий тайно возвращается для участия в выборах (ТВ 2004: 60).

Калинин, Крупская, Маленков Калинин

«Всероссийский староста» и «крестьянский дедушка» М. И. Калинин также мог восприниматься в качестве подлинного защитника крестьян:

Крестьяне Челябинской области передавали друг другу слух, что между Лениным и Калининским раскол и последний присоединился к крестьянским повстанцам (НИ 2001: 422).

Вдова Ленина, Надежда Константиновна Крупская, могла ассоциироваться с покойным мужем, тем более из уст в уста передавались рассказы о ее постоянном несогласии со Сталиным. Крупская изображается как защитница крестьян:

Ходит такой провокационный слух в районе села Петрова, что Надежда Константиновна Крупская не согласна с ЦК в вопросе о коллективизации и за это несогласие сидит в домзаке, говоря, что до тех пор не выйдет, пока ЦК не отменит своего решения о коллективизации. Значит, мол, среди вождей начинается разногласие⁹¹.

В 1937 году эмигрантская пресса была полна сенсационными известиями об аресте Крупской:

«Пари Суар» сообщает: известие о том, что в Москве арестована Крупская, вдова Ленина, подтверждается. Несмотря на официальное опровержение, слухи не прекращаются⁹².

⁸⁹ Из письма начальника Рязанского губотдела ОГПУ И. Ремизова секретарю губкома ВКП(б) и председателю губисполкома о ситуации в губернии 18 мая 1929 года (Там же, 22).

⁹⁰ Спецсводка № 43 Рязанского губотдела ОГПУ о суждениях крестьян относительно военной опасности, 29 апреля 1929 года (РД 1998: 22).

⁹¹ Из протокола совещания секретарей райкомов ВКП(б) Рязанского округа о ходе коллективизации и подготовке к весенней посевной кампании, 26–27 февраля 1930 года (РД 1998: 303).

⁹² Последние новости (Париж). 1937. № 5793. С. 1.

В конце 1930-х годов москвичи рассказывали следующую легенду, в которой легко угадываются характерные мотивы легенд об избавителях – *отстранение от власти* и *подмена тела*:

27 марта 1939 года, на семидесятом году жизни, в Москве скончалась Надежда Константиновна Крупская, вдова Владимира Ильича Ленина. Гроб с ее телом простоял в Колонном зале Дома союзов один день – 1 марта. Ночью тело было кремировано и на следующий день, 2 марта, москвичи прощались с урной, в которой находился сожженный в крематории прах. Враждебно настроенные к советской власти личности, как всегда, задавали ехидные вопросы: «Почему это Крупскую сожгли раньше времени? Кому она помешала?» Дошло до того, что кто-то спросил: «Да она ли это была в гробу?» А кто-то рассказал про старушку-большевичку, поведавшую под строжайшим секретом одной женщине на Чехинском (в Госпитальном переулке) рынке о том, что в гробу была не Крупская, а неизвестная женщина, загримированная под покойницу, и что настоящую Крупскую посадили и на Соловки отправили. Ну а когда правители наши узнали, что народ обо всем догадался, так старушку-то эту быстренько сожгли, а Надежда Константиновна, сердешная, так в тюрьме и мается (АА 2003: 67).

Рой Медведев в своей книге «Они окружали Сталина», говоря о выступлении Маленкова в 1953 году на сессии Верховного Совета СССР с предложением о значительном снижении налогов с крестьянства и аннулировании всех прежних долгов колхозов и колхозников, добавляет следующее: «Эти предложения надолго обеспечили Маленкову популярность среди населения и особенно среди крестьянства, ибо деревня впервые за много лет почувствовала некоторое облегчение. Среди простых людей появился и упорно держался слух, что Маленков – «племянник» или даже «приемный сын» В. И. Ленина. Главным основанием для подобной легенды было, вероятно, то обстоятельство, что мать Маленкова носила фамилию Ульянова».

Слух о том, что Маленков хотел помочь крестьянам, потому что был сыном / племянником Ленина, находит свое отражение и в других источниках:

Первые послесталинские решения правительства способствовали и популярности Маленкова в народе. На том основании, что девичья фамилия его матери была Ульянова, его «окрестили» племянником и даже приемным сыном Ленина. Сам Георгий Максимилианович не препятствовал распространению подобных слухов...⁹³

Сегодня была лекция по истории России: тема борьба за власть после смерти Сталина. Так вот я вспомнил, когда речь зашла о Маленкове и его идеях уменьшить налоговое бремя с деревни, повысить закупочные цены, я вспомнил удивительный факт: в то время среди крестьян-колхозников бытовал слух, что Маленков – сын Ленина⁹⁴.

⁹³ [www.nomad.su/?a=15-200306280014].

⁹⁴ [www.liveinternet.ru/showjournal.php?journalid=850528&jday=16&jyear=2008&jmonth=4].

Заключение

«Монархическая» (справа) и «большевистская» (слева) версии «избавительских легенд» советского времени включают следующие центральные мотивы (подробный перечень мотивов см. в приложении):

1 Б. Избавитель хотел облегчить жизнь народа, поэтому отстранен / подменен / выслан

2 М-Б. Царь / наследник / верховный правитель спасся, он скрывается под именем другого человека или за границей

2 М-Б. Видя страдания народа, Царь / наследник / верховный правитель собрал войско и идет войной на Советскую Россию

3 М. Он назначен / будет назначен президентом России / выбран правителем и потребует свободной торговли / отсутствия налогов / раздачи хлеба

К концу 30-х годов слухи об избавителях утихли; в конце XX века наиболее полно и четко легенда о грядущем царе-избавителе сохранилась только в культуре представителей замкнутых религиозных сообществ: «Потомок Романовых спасся, он скрыт от людей, он ходит тайно по России, скоро придет срок его открытия верующим, он подготовит народ ко Второму пришествию» (АМ 2010: 252–255); это еще раз демонстрирует, как внутри субкультур консервируются тексты, ранее бывшие достоянием гораздо более широких слоев населения.

Еще раз хочется подчеркнуть, что обе рассмотренные версии опираются на традиционную модель взаимоотношений человека и верховной власти в России. Крестьяне, отправлявшие вышитые рубахи Александру III (ГС 2007), женщина, вышившая рубашку Хрущеву, или отшельница, сделавшая рубашку президенту Медведеву⁹⁵, по сути дела, действуют в рамках одной и той же модели, впрочем, как и милиционер, апеллирующий к Путину и рассказывающий о беззаконии на местах, в этом плане ничем не отличается ни от крестьян, пробивавшихся к Петру I, ни от ходоков к Ленину.

⁹⁵ [<http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=124959>].

Мотивы легенды о царях-избавителях по указателю Чистова (ЧК 2003)	Реализация мотивов легенды в 1918–1945 годах: монархическая версия	«большевистская» версия
А. «Избавитель» намерен осуществить социальные преобразования		
А ₁ — это намерение приписывается «природному» царю	Ленин хотел отменить единый налог для крестьян, поэтому евреи его отравили	* Распутин хотел освободить крестьян — «вымолить» для них землю у царя после войны;
А ₂ — царевичу, который должен воцариться		
А ₃ — царевич намерен вернуть народу волю, которая была дарована царем, но скрывается крепостниками	Ленин оставил записку «не обижать крестьян» Ленин просил не организовывать колхозов	
В. Отстранение «избавителя»		
В ₁ — бояре/дворяне/крепостники свергают царя-«избавителя» и хотят его убить (заточить в тюрьму, монастырь и т.п.);	Ленина довели до болезни/отравили евреи Крупская сидит в тюрьме за то, что выступила против колхозов	Николай отрекся от престола и сослан
В ₂ — на жизнь царевича-«избавителя» покушается правящий царь или придворные;	Ленин отравлен врагами-евреями/Троцким	
В ₃ — царевич-«избавитель» после рождения подменен царевной;		
В ₄ — придворные демонстрируют чей-нибудь труп для того, чтобы провозгласить «избавителя» умершим	Восковая кукла выставлена в Мавзолее для доказательства смерти Ленина	
В ₅ — крепостники скрывают задержание, согласно которому царевич-«избавитель» должен наследовать престол		
С. Чудесное спасение «избавителя»		
С ₁ — верный слуга (солдат, казак, адъютант и т.п.) подменяет его и гибнет сам		
С ₂ — вместо «избавителя» хоронят куклу (восковую или металлическую статую и т.д.);	Ленин подменен восковой куклой	Вместо тел казненной царской семьи сжигают кукол
С ₃ — «избавитель» совершает побег из заточения	Ленин бежал за границу; скрывается в Крыму Троцкий улетает на аэроплане, обманув стражу	Николай Второй чудом спасся; князь Михаил чудом спасся от убийц; Великая княжна Татьяна спаслась от расстрела; Татьяна бежит в Англию, переодевшись в мужской костюм
Д. «Избавитель» скрывается, странствует или оказывается в заточении		
Д ₁ — скрывается в пещере (на острове, в горах, в далеком городе, на чужбине и т.п.);	Ленин скрывается за границей с Троцким, Троцкий скрывается за границей	В Германии или во Франции солдатам является Николай Второй; Великая княжна Татьяна Николаевна скрывается в Англии
Д ₂ — странствует по Руси	Троцкий нелегально странствует по СССР	Великий князь Михаил странствует по СССР под видом нищего-странника
Д ₃ — заточен в тюрьму («заключен в столб»).	Крупская спрятана в тюрьме	Наследники арестованы
Е. Встречи с «избавителем» или вести от него		
Е ₁ — встречи с неузнанным «избавителем», его объявление и исчезновение;		Царь Николай выходит к солдатам и обещает избавление
Е ₂ — встречи с вестниками или послами «избавителя», которые предвещают его появление		
Е ₃ — «избавитель» рассылает указы с «золотой строчкой»		
Ф. Правящий царь пытается помешать «избавителю» осуществить его намерения		
Ф ₁ — преследует «избавителя»	Троцкий в опале	Власти преследуют князя Михаила
Ф ₂ — предлагает компромисс, который отвергается «избавителем»		
Г. Возвращение «избавителя»		
Г ₁ — «избавитель» должен вернуться в предсказанный час (через три, девять, двенадцать лет);		Князь Михаил обещает облегчение жизни крестьян к 40-му году Через год придет царь Михаил на белом коне
Г ₂ — он явится после определенного события (когда восставшие войдут в Москву, Петербург)	Ленин / Троцкий придет и спасет от коллективизации/от большевиков Троцкий с поляками собрал армию и идет на Советскую Россию	Наследник придет после войны
Г ₃ — он явится раньше времени, так как страдания народа очень тяжки	Троцкий неузнанный прибыл на выборы 1937 года	
Н. Узнавание «избавителя»		
Н ₁ — по «царским отметинам» на теле		Царица и княжны показывают памятные знаки
Н ₂ — по какому-либо предмету, который удалось сохранить		Царь Николай дает заветный рубль со своим портретом
Н ₃ — «избавителя» узнают люди, которые знали его до устранения		В генерале Слащеве узнают Михаила Александровича

Литература

- АА 1949 / Алымов А. [Ширяев Б.] «Иван-царевич» // Наша страна (Аргентина). 1949. 7 августа. № 24. С. 2–3.
- АА 2008 / Архипова А. С. «Цари-избавители» и операции ГПУ // Живая старина. 2008. № 3. С. 47–49.
- АА, НС 2010 / Архипова А. С., Неклюдов С. Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // НЛО. 2010. № 101 [см. также наст. изд.].
- АГ 1998 / Андреевский Г. Москва: 20–30-е годы. М., 1998.

- АЕ 1999 / *Анисимов Е.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛЮ, 1999.
- АМ 2010 / *Ахметова М. В.* Конец света в одной отдельно взятой стране. М.: ОГИ, 2010.
- АН 2000 / *Алексеев В. В., Нечаева М. Ю.* Воскресшие Романовы?...: К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург, 2000. Ч. I.
- АП 1929 / [*Аверьянов П.*] Очерк о генерале Слащеве, составленный в 1929 году // *Неизвестная Россия: XX век.* М.: Ист. наследие, 1993. Т. 3.
- БЛ 2003 / *Боева Л. А.* Деятельность ВЧК – ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921–1924 гг.) М., 2003.
- ВО 1994 / *Великанова О. В.* Образ Ленина в массовом сознании // *Отечественная история.* 1994. № 2. С. 117–185.
- ГС 2007 / *Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917). СПб.: Алетейя, 2007.
- КР 2001 / *Крестьянские истории: Российская история 20-х годов в письмах и документах* / Сост. С. С. Крюкова. М.: РОССПЭН, 2001.
- ЛЕ 2006 / *Левкиевская Е. Е.* Народный культ царя-мученика и проблемы идентичности в современном русском обществе // *Культура сквозь призму идентичности.* М.: Индрик, 2006.
- НЕ 2007 / *Немировский А. А.* Слухи и сплетни в белогвардейском лагере // *Живая старина.* 2007. № 4. С. 10–11.
- НИ 2001 / *Нарский И.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
- НПП 1999 / 58.10: Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, март 1953–1991: Аннот. каталог / Под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. М., 1999.
- НР I–IV / *Неизвестная Россия: XX век.* М.: Ист. наследие, 1993. Т. I–IV.
- ОВ 2002 / *Общество и власть: Российская провинция, 1917 – середина 30-х годов.* М.; Нижний Новгород; Париж, 2002. Т. 1.
- ОН 1997 / *Окунев Н.* Дневник москвича (1917–1924). М., 1997. Т. I–II.
- РД 1998 / *Рязанская деревня в 1929–1930 годах: Хроника головокружения* / Сост. Л. Виола и др. М.: РОССПЭН, 1998.
- СД I–IV / *Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т.* / Под ред. А. Береловича, [В. Данилова]. М.: РОССПЭН, 2000–2012.
- ТА 2007 / *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири, 1918–1929 гг. М.: АИРО – XXI, 2007.
- ТВ 1999 / *Тополянский В.* «Величие Смердяковых»: партийный отчет об убийстве // *Континент.* 1999. № 100.
- ТР 2004 / 1936–1937: Конвейер НКВД: Сб. статей и материалов / Сост. – ред. Б. П. Тренин. Томск, 2004.
- ТСД 2000 / *Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание.* М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930.
- ФД 2002 / *Филд Д.* Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // *Экономическая история: Обзор* / Под ред. Л. И. Бородкина. М., 2002. Вып. 8. С. 110–115.
- ЧК 2003 / *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- ШБ 1991 / *Ширяев Б. Н.* Неугасимая лампада. М.: Товарищество русских художников, 1991.

FD 1976 / *Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

Ирина Козлова «Сталинские соколы». Тоталитарная фразеология и «советский фольклор»

Исследователи советской культуры 1930-х – начала 1950-х годов неоднократно отмечали специфическую роль, отводившуюся фольклору в политико-идеологических дискурсах этого времени (см.: Богданов 2009). Интерес сталинского общества к «народно-поэтическому творчеству» выразился не только в тиражировании идеологически инспирированных текстов «советского фольклора» о партийных лидерах, бойцах Красной армии и представителях «героических» профессий⁹⁶, но и в эксплуатации жанровых форм, образов, символов и тропов, характерных для реальных либо воображаемых «фольклорных традиций народов СССР». С этой точки зрения представляется небезынтересным определение фольклорных либо псевдофольклорных подтекстов пропагандистской лексики и фразеологии в СССР 1930-х годов. Настоящая статья посвящена проблемам генезиса одного из устойчивых фразеологизмов этого времени – словосочетания «сталинские соколы», часто использовавшегося применительно к «героям советской авиации».

Первые русскоязычные публикации «советского эпоса» появляются весной 1937 года. Это «Былина о Чапаеве» П. И. Рябикина-Андреева, «Песня о Ленине» Т. А. Долгушевой и две «новины» М. С. Крюковой: «Чапай», а также «Поколен-Борода и ясные соколы» (Рябинин-Андреев 1937; Долгушева 1937; Крюкова 1937а; Крюкова 1937в). В новине «Поколен-Борода и ясные соколы» переданы основные обстоятельства экспедиции на пароходе «Челюскин» (1933–1934), подробно описано плавание и гибель корабля. При этом внимание сказителя фокусируется на эпизоде спасения участников экспедиции:

День идет ко вечеру,
Соньце катится ко западу,
Загудела, зашумела птица прилетная,
Птица прилетная, советский богатырь, ясный сокол.

(Крюкова 1937а: 28)

Здесь летчики оказываются не менее заметными героями, чем сами зимовавшие на льдине челюскинцы. Это подчеркивается и в финале новины, где сказительница описывает встречу прибывших в Кремль челюскинцев и летчиков со Сталиным:

Выходил же тут сам Сталин-свет <...>
Во-первых, целовал дитя малого,
Во-вторых, целовал Поколен-Бороду,
Во-третьих целовал ясных соколов...

(Крюкова 1937а: 29)

В том же 1937 году еще одна новина о челюскинцах была записана от заонежского сказителя М. Е. Самылина (Самылин 1937). Сюжетно она во многом совпадает с новинкой Крюковой: в ней также подробно описывается плавание, катастрофа, жизнь на льдине. Здесь также специально подчеркивается роль летчиков, спасших участников экспедиции:

⁹⁶ Об истории и жанровой специфике «советского фольклора» см.: Миллер 2006; Фольклор России в документах советского периода 1994; Иванова 2002; Соколов 1941: 498–512.

Вдруг поднялся шум в небе ясным,
Видим мы, ероплан спускается
<...>
И спасли всех людей от гибели.

Заканчивается новина описанием встречи челюскинцев со Сталиным, где присутствуют и летчики:

Приглашал к себе героев-летчиков, Наградил героев за спасение.
(цит. по: Самылин 1937: 115–116)

Крюкова называет летчиков «ясными соколами», а самолеты сравнивает с птицами. Самылин использует выражение «герои-летчики»⁹⁷.

Советские «новины» о челюскинцах появляются позже, чем газетные корреспонденции и литературные тексты, посвященные этой экспедиции. Центральные и областные газеты подробно описывали плавание «Челюскина», жизнь команды на льдине, эвакуацию челюскинцев на материк и возвращение их в Москву. В газетных статьях о спасении экспедиции весной 1934 года летчикам отводится особое место: газеты печатают их портреты, пишут о представлении пилотов к наградам, публикуют их интервью. В том же году о челюскинцах были написаны стихотворения С. Михалкова («Курьерский»), Н. Ушакова («Челюскинское»), В. Гусева («Челюскинцы едут»), М. Цветаевой («Челюскинцы»). Х. Гюнтер отмечал, что именно спасение экспедиции «открыло первую страницу героического периода советской авиации» и положило начало «государственному подходу к созданию института героев» (Гюнтер 1991: 122).

Анализ газетных статей, освещавших эпопею челюскинцев, показывает, что с пилотами, осуществлявшими эвакуацию, устойчиво ассоциируется слово «герои»: все газеты называют спасителей экспедиции «героями-летчиками». Значительно реже встречаются другие клише, например, «капитаны летных судов», «отважные пилоты», «лучшие из лучших летающих людей советской страны». В публицистике и литературных текстах 1934 года нет сравнений летчиков ни с соколами, ни с богатырями.

Устойчивое словосочетание «ясный сокол» встречается в разных жанрах русского крестьянского фольклора – былинах, свадебных и лирических песнях, причитаниях. Речь может идти о женихе или просто о «добром молодце»⁹⁸. Владевшая навыками эпического сказительства М. С. Крюкова использовала знакомый образ по принципу сходства: летчик – это «добрый молодец», умеющий управлять крылатой машиной, т. е. летать по небу. В истории с «Челюскиным» летчики совершают героический поступок – спасают граждан своей страны, т. е. свой народ, от неминуемой смерти, что роднит их с эпическими богатырями. Так появляется «советский богатырь, ясный сокол». Традиционный образ «доброго молодца» сужается до представителя определенной профессии – летчика.

Новина Крюковой была опубликована только в мае 1937 года. Как раз тогда в СССР вновь заговорили об Арктике и полярной авиации: создавалась станция «Северный полюс-1». Высадка исследователей на Северный полюс продолжалась с 22 марта по 25 июня 1937 года. Все это время газеты подробно освещали деятельность участников экспедиции. Летчикам уделялось не меньше внимания, чем ученым, так как именно от авиации зависело, будет ли открыта научная станция. 21 мая 1937 года первый самолет экспедиции, управля-

⁹⁷ Называя летчиков героями, Самылин однажды сравнивает их и с ангелами. Это сравнение не встречается в других памятниках «советского фольклора», посвященных авиации, и исчезает из текста при републикациях.

⁹⁸ См., например: Гура 1997: 681–682; Бернштам 1982; Бобунова 2006; Петренко, Хроленко 1995: 117–118; Виноградов, Лозанова 1941.

емый М. В. Водопьяновым, приземлился на льдине в районе Северного полюса; 6 июня состоялось торжественное открытие станции, а летчики отправились в обратный путь.

С 22 мая по 6 июня на страницах газет печатаются приветствия и поздравления полярникам от правительства, ученых, писателей, рабочих и колхозников. Участников экспедиции называют «покорителями / завоевателями полюса», «героями», «смелыми / достойными сынами советской родины». Среди метафорических обозначений участвующих в открытии первой полярной станции летчиков дважды встречается и словосочетание «сталинские соколы»: в «Известиях» от 22 мая и в «Правде» от 27 мая. Можно было бы предположить, что «сталинские соколы» появляются в советской литературе и публицистике именно после новости Крюковой, однако это не так.

Между эвакуацией челюскинцев и открытием первой полярной станции в истории советской авиации произошло еще несколько знаменательных событий. В первую очередь это – перелет экипажа Чкалова по «сталинскому маршруту» (Москва – остров Удд) 20–22 июля 1936 года⁹⁹. В «Правде» от 21 июля 1936 года фигурирует фраза «тройка гордых соколов нашей родины», а в «Известиях» от 21 июля 1936 года говорится: «Тронулась красная, длиннокрылая, словно сокол, распластавший свои крылья, машина». Впрочем, сравнения летчиков с соколами встречаются в периодике и до перелета Чкалова. Первое из них появляется в «Правде» 20 мая 1935 года после трагической гибели самолета «Максим Горький». Х. Гюнтер полагал, что художественные образы, вышедшие из-под пера Горького – Сокол, Буревестник, – обрели в 1930-е новое содержание и «придали героическому фольклору сталинского времени политическую окраску» (Гюнтер 1991: 127)¹⁰⁰. По всей видимости, упомянутая статья «Правды» действительно содержит аллюзию на Горького, и никак не связана с фольклорной традицией. В следующий раз «летчики-соколы» появляются на страницах «Правды» от 18 августа и «Известий» от 20 августа 1935 года в связи с праздником Дня авиации¹⁰¹.

В 1935 году все сравнения летчиков с соколами следуют «горьковской» формуле «гордый сокол». Эпитет «сталинский» впервые встречается в «Правде» от 24 июля 1936 года после посадки Чкалова на острове Удд (заголовок передовой статьи – «Слава сталинским соколам»¹⁰²). В «Литературной газете» от 5 августа в статье «Слава героям!» летчики называются «буревестниками грядущих побед» и «парящими, подобно орлам». В «Правде» от 10 августа страна приветствует «славных героев, бесстрашных сталинских соколов». Перелет экипажа Чкалова по «сталинскому маршруту» вызвал и поэтические отклики. Из десяти стихотворений о перелете Чкалова на Дальний Восток в двух пилоты названы соколами и в одном – орлами¹⁰³.

Сразу же после открытия «Северного полюса-1», когда летчики, отвозившие папанинцев, были еще на пути домой, экипаж Чкалова совершил первый в мире беспосадочный

⁹⁹ Перелет по маршруту «Москва – остров Удд» был осуществлен экипажем: В. П. Чкалов (первый пилот), Г. Ф. Байдуков (второй пилот) и А. В. Беляков (штурман).

¹⁰⁰ Высказывая это предположение, Х. Гюнтер ссылается на статью С. Д. Балухатого «Песня о Соколе». Однако С. Д. Балухатый признавал значимость образа сокола в традиционном фольклоре. Он отмечал, что «в народной и личной поэзии образ сокола (орла) бытует прежде всего в традиционном смысле и стиле», но в то же время подчеркивал, что «творческая инициатива М. Горького внесла новое качество в традиционное народное понимание образа сокола» (Балухатый 1941: 266–267).

¹⁰¹ День Воздушного Флота СССР 18 августа был установлен Постановлением Совета Народных Комиссаров от 28 апреля 1933 года. На первой полосе «Правды» читаем: «гордые соколы нашей страны – так назвал летчиков т. Сталин».

¹⁰² Заметим, что к тому времени в Германии уже бытовало выражение «Görling Falke-Division» («соколы Геринга»), с 1935 года существовал специальный летный дивизион с таким названием. Автор статьи выражает благодарность К. А. Богданову за это дополнение.

¹⁰³ С соколами летчики сравниваются в стихах Вс. Вишневского «Гордые соколы» (Правда. 1936. 24 июля) и В. Гусева «Победа» (Правда. 1936. 11 августа), с орлами – в стихотворении Л. Первомайского «Крылья» (Известия. 1936. 24 июля).

перелет через Северный полюс¹⁰⁴. Поэтому 20–23 июня 1937 года первые полосы всех советских газет были посвящены главным образом перелету Чкалова. 20 июня «Правда Севера» печатает «напутствие» летчикам: «Счастливого пути, бесстрашные соколы великой и могучей страны!»; 21 июня «Комсомольская правда» воздаст «славу и честь» «героям <...>, смелым сталинским соколам», а в «Правде» от 23 июня читаем: «Да здравствуют советские богатыри, гордые соколы нашей родины – тт. Чкалов, Байдуков и Беляков».

24 июня центральные газеты поздравляли летчиков, участвовавших в высадке «Северного полюса-1», с возвращением. В «Правде» и «Известиях» были опубликованы приличествующие случаю стихи Маршака и Заболоцкого, а в «Комсомольской правде» – «Сказание про полюс» М. С. Крюковой, где также фигурируют «ясные соколы, герои-перелетчики» (Крюкова 1937б). Помимо новины Крюковой, открытию полярной станции посвящены еще три новины: «Былина о героях» В. В. Адамова (Адамов 1937), «Сказ о полярных летчиках» М. Р. Голубковой¹⁰⁵, «Советские соколы» И. В. Ольховского (Ольховский 1938). Если в стихах об открытии полярной станции летчики сравниваются с соколами только в двух из восьми¹⁰⁶, то у «советских сказителей» это сравнение присутствует в каждом тексте. В трех из четырех новин соколы названы «ясными», в то время как в стихах и в газетных статьях этого эпитета нет. 12–14 июля 1937 года был совершен второй беспосадочный перелет через Северный полюс под командованием М. М. Громова¹⁰⁷. Несмотря на значительное количество поздравлений, стихотворных текстов на страницах газет экипажу Громова посвящено всего два¹⁰⁸. Этой экспедиции посвящена одна новина, опубликованная только в 1949 году, где Громов и его товарищи также называются «ясными соколами» (Рогожникова 1949: 28–29). Еще до возвращения Громова в третий беспосадочный перелет вылетел экипаж С. А. Леваневского. Летчики отправились в путь 14 августа, но на следующий день связь с самолетом оборвалась. Полет Леваневского тоже широко освещался в прессе, но именований его соколом в газетных текстах нам не встретилось, также как и посвященных его старту стихов. Однако об этой экспедиции упоминается в «Советских соколах» Ольховского (Ольховский 1938)¹⁰⁹, кроме того, ему посвящено причитание С. В. Якушевой:

Что погинуло шесть летчиков
Вместе с соколом Леваневским...

(Русские плачи Карелии 1940: 303)¹¹⁰

¹⁰⁴ Перелет по маршруту Москва – Северный полюс – Ванкувер был осуществлен В. П. Чкаловым (первый пилот), Г. Ф. Байдуковым (второй пилот) и А. В. Беляковым (штурман) на самолете АНТ-25.

¹⁰⁵ Текст новины хранится в неопisanном архиве Н. П. Леонтьева в рукописном отделе ИРЛИ РАН. Текст записан Н. П. Леонтьевым, дата записи не указана, авторство М. Р. Голубковой установлено предположительно. За предоставление материала автор статьи выражает глубокую благодарность заведующей РО ИРЛИ Т. С. Царьковой и хранителю фольклорного фонда РО ИРЛИ Я. В. Зверевой.

¹⁰⁶ Из восьми стихотворений, посвященных открытию полярной станции, шесть напечатаны в мае, во время пребывания летчиков на полюсе, и два – при возвращении летчиков в Москву. Сравнения с соколами присутствуют в стихах Н. Сидоренко «Осуществленная мечта» (Известия. 1937. 22 мая) и М. Рыльского «Песня победы» (Известия. 1937. 24 мая). Кроме того, Вл. Жилкин в «Песне о завоевателях полюса» сравнивает самолеты с птицами (Правда Севера. 1937. 28 мая). У Сидоренко соколы называются «отважными» и «стальнокрылыми», у Рыльского эпитеты отсутствуют.

¹⁰⁷ Перелет экипажа в составе: М. М. Громов (первый пилот), А. Б. Юмашев (второй пилот), С. А. Данилин (штурман) по маршруту «Москва – Северный полюс – Сан-Джасинто». В результате этого перелета было установлено два мировых рекорда: дальности по прямой и по кривой линии.

¹⁰⁸ Стихотворения П. Маркиша «Сталинский маршрут» (Известия. 1937. 14 июля) и С. Кирсанова «Страна рукоплещет» (Известия. 1937. 23 августа). Маркиш называет экипаж Громова богатырями.

¹⁰⁹ Исходя из того, что в тексте выражается надежда найти Леваневского живым, можно предполагать, что новина, скорее всего, была записана в августе 1937 года.

¹¹⁰ В этом плаче уже не высказывается надежда найти Леваневского живым, но допускается возможность обнаружить останки членов экипажа, чтобы схоронить их на родине, таким образом, плач был, вероятно, записан не позднее марта

Заканчивается плач утверждением, что дети героических летчиков сменят на работе родителей и станут «гордыми соколами победными».

Еще одним значимым для «советского фольклора» событием, связанным с жизнью авиации, стала гибель Чкалова во время испытательного полета 15 декабря 1938 года. На следующий день сообщение о смерти летчика появилось в советских газетах, где покойного называли «сталинским соколом», «гордым соколом», «сталинским питомцем», «гордым соколом сталинской авиации», «богатырем», «большевистским рыцарем культуры и прогресса». Сразу же появились и поэтические отклики на смерть аэронавта¹¹¹. А в декабре того же года были записаны первые плачи по Чкалову от А. М. Пашковой, А. Т. Конашковой и Ф. И. Быковой.

А. М. Пашкова называет Чкалова в плаче и «сталинским» и «ясным» соколом:

Повырвала смертушка
Как из сталинских из соколов
Человека самолучшего,
А Валерия да Чкалова
Не страшился наш ясён сокол
Перелетушков-то дальних...

(Русские плачи Карелии 1940: 292)¹¹²

А. Т. Конашкова называет Чкалова героем, депутатом и богатырем, однако с соколом не сравнивает. Нет таких сравнений и в плаче Ф. И. Быковой, а также в плаче Е. С. Журавлевой, записанном в мае 1939 года (Русские плачи Карелии 1940: 297, 295–296). В причитании А. В. Ватчиевой Чкалов фигурирует как «гордый сокол, всем любимый нам», «сталинский» и «ясный» сокол», заканчивается плач славословием Чкалову, научившему много летчиков, которые будут летать по воздуху «бесстрашными соколами» (Русские плачи Карелии 1940: 298–299)¹¹³. М. В. Работягова, оплакивая летчика, называет его «сокол Чкалов наш, молодой орел», повествуя о перелете Чкалова через полюс, сообщает, что он «пролетал впервой гордым соколом» (Работягова 1940)¹¹⁴. В «плаче-сказе» П. С. Губиной «Памяти Чкалова» (Губина 1940) летчик тоже именуется и соколом, и орлом, однако эта исполнительница, в отличие от Работяговой, использует сочетание «ясный сокол». Так же называют Чкалова А. Е. Суховерхова в сказе «Он родился с крыльями сокола» (Суховерхова: 91–92)¹¹⁵ и А. М. Пашкова в новине о папанинцах: «Пролетал только советский наш ясен сокол / А Валерий Чкалов да свет Павлович» (Пашкова 1941: 183).

Несколько «советских плачей» было посвящено другим катастрофам в истории советского воздухоплавания конца 1930-х годов. Так, в феврале – марте 1938 года Е. А. Кокуновой был сложен плач-сказ о гибели дирижабля «СССР В-6», в июле 1938 года от Ф. И. Быковой был записан плач «Поломался самолет героев-летчиков», посвященный, по всей видимости, гибели самолета «СССР Н-212»¹¹⁶. Здесь используется орнитоним, ранее не встречавшийся

1938 года, когда было официально объявлено о прекращении поисков самолета.

¹¹¹ Гибели Чкалова посвящены три стихотворения: В. Лебедева-Кумача «О нем, как о живом» (Известия. 1938. 16 декабря), М. Голодного «Сталинский герой» и Ал. Ойслендера «На смерть Чкалова» (Литературная газета. 1938. 20 декабря). М. Голодный называет Чкалова «знаменитым соколом».

¹¹² Записано в декабре 1938 года в Петрозаводске Е. П. Родиной.

¹¹³ Более ранняя и краткая публикация этого текста: Ватчиева 1939. О сравнении записей см. в примечаниях к публикации этих текстов: Иванова 2002: 914–915.

¹¹⁴ Плач записан в с. Ак-Булак Чкаловской (Оренбургской) области.

¹¹⁵ Поскольку о смерти летчика в сказе не говорится, возможно, он был записан еще при его жизни.

¹¹⁶ Самолет потерпел крушение в мае 1938 года в ходе поисков затонувшего экипажа С. А. Леваневского. О катастрофе в печати сообщалось кратко, стихов о героях не печаталось.

в советских плачах и новинах о летчиках: «А летели они белой лебедушкой, / Белой лебедью по поднебесью» (Русские плачи Карелии 1940: 309). 11 мая 1939 года при испытании самолета разбились А. К. Серов и П. Д. Осипенко. Это событие получило широкий отклик в советской прессе. На страницах газет публиковались некрологи погибшим, где летчиков часто называли соколами¹¹⁷. В июне того же года от Е. С. Журавлевой был записан плач по Серову и Осипенко. Сказительница Е. С. Журавлева называет обоих летчиков «ясными соколами», а Полину Осипенко еще и лебедью:

Как не стало у нас, у бедных,
Как двух соколов да ясных
Уж как поднебесной крылатой лебедушки
Как Осипенко Полины Денисовны.

(Русские плачи Карелии 1940: 305)¹¹⁸

Подведем итоги наших наблюдений.

Советские газеты начинают сравнивать летчиков с соколами в 1935 году, после гибели самолета «Максим Горький», и, по всей видимости, заимствуют этот орнитоним у писателя, в чью честь был назван разбившийся аэроплан. В новине Крюковой (1937) летчики впервые именуются «ясными соколами», причем речь идет о событиях 1934 года. Кроме того, с середины 1930-х годов в Германии бытовало выражение «Görling Falke-Division» («соколы Геринга»), которое наверняка было известно советским журналистам и писателям. В советских газетных статьях и стихотворениях 1930-х годов летчиков сравнивали не только с соколами, но и с орлами, а также просто с птицами, однако эти сравнения не привели к появлению устойчивых фразеологизмов, подобных выражению «сталинские соколы». Думается, что на сложение последнего повлияли, скорее всего, и немецкое выражение «соколы Геринга», и «Песня о Соколе» Горького, и фольклорный образ сокола.

Из 20 рассмотренных памятников «советского фольклора», посвященных авиации и воздухоплаванию, образ сокола используют 15, причем в 11 из них фигурирует формулировка «ясный сокол». Из 36 учтенных нами стихотворений 1930-х годов на «авиационные» темы сравнения с соколами содержат лишь 7, а сочетание «ясный сокол» в них вовсе не встречается. В газетных статьях и заголовках оно также отсутствует, здесь фигурируют «сталинские соколы», «гордые соколы» и «смелые соколы».

Литература

- Адамов 1937 / Адамов В. В. Былина о героях // Сов. Арктика. 1937. № 11. С. 100–101.
Балухатый 1941 / Балухатый С. Д. Песня о Соколе // Максим Горький. Материалы и исследования: В 4 т. / Под. ред. С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого. М.; Л.: АН СССР, 1934–1951. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 161–273.
Бернштам 1982 / Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С. 22–34.
Бобунова 2006 / Бобунова М. А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 1: Мир природы / М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко. Курск, 2006.

¹¹⁷ В «Известиях» от 14 мая и в «Литературной газете» от 15 мая приводятся речи и воспоминания о Серове и Осипенко, где их называют «сталинскими соколами» и «гордыми соколами». В «Правде» от 13 и от 15 мая печатаются стихотворения, посвященные Серову, в одном из которых («Боевым друзьям») М. Матусовский сравнивает летчика с орлом.

¹¹⁸ Здесь образ лебеди можно объяснить тем, что речь идет о летчице-женщине. Сравнение умершей женщины с лебедью часто встречается в традиционных похоронных причитаниях на территории Карелии (см.: Виноградов, Лозанова 1941).

- Богданов 2009 / *Богданов К. А.* Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009.
- Ватчиева 1939 / *Ватчиева А. В.* Плач о Чкалове // Карелия: Альманах. 1939. Кн. 2. С. 21–22.
- Виноградов, Лозанова 1941 / *Виноградов Г. С., Лозанова А. Н.* Плачи и сказы // Фольклор Карело-Финской ССР: Сб. статей. Петрозаводск, 1941. Вып. 1. С. 105–131.
- Губина 1940 / *Губина П. С.* Памяти Чкалова // Сталинский путь (Сольвычегодск). 1940. 11 мая. № 47. С. 4.
- Гура 1997 / *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гюнтер 1991 / *Гюнтер Х.* Сталинские соколы // Вопросы литературы. 1991. № 11–12. С. 122–141.
- Долгушева 1937 / *Долгушева Т. А.* «Песня о Ленине» // Народное творчество. 1937. № 6. С. 12.
- Иванова 2002 / *Иванова Т. Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403–431.
- Крюкова 1937а / *Крюкова М. С.* Поколен-Борода и ясные соколы // Новый мир. 1937. № 5. С. 25–29.
- Крюкова 1937б / *Крюкова М. С.* Сказание про полюс // Комсомольская правда. 1937. 24 июня. С. 2.
- Крюкова 1937в / *Крюкова М. С.* Чапай // Новый мир. 1937. № 5. С. 29–36.
- Миллер 2006 / *Миллер Ф.* Сталинский фольклор. СПб., 2006.
- Ольховский 1938 / *Ольховский И. В.* Советские соколы: Былина. // Лите. Воронеж: Альманах. 1938. № 4. С. 287.
- Пашкова 1941 / *Пашкова А. М.* Былина // Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 182–185.
- Петренко, Хроленко 1995 / *Петренко О. А., Хроленко А. Т.* Орнитонимы в песенном фольклоре русского и английского этносов (К методике сопоставительного изучения фольклорного менталитета) // Этническое и языковое самосознание: Материалы конф. М., 1995. С. 117–118.
- Работягова 1940 / *Работягова М. В.* О Чкалове // Фольклор Чкаловской области / Сост. А. В. Бардин. Чкалов, 1940. С. 278–280.
- Рогожникова 1949 / *Рогожникова А. Е.* Сказы и песни. Новосибирск, 1949.
- Русские плачи Карелии 1940 / Русские плачи Карелии / Подгот. М. М. Михайлов; ред. М. К. Азадовский. Петрозаводск, 1940.
- Рябинин-Андреев 1937 / *Рябинин-Андреев П. И.* Былина о Чапаеве // Северо-Западный водник. 1937. 3 марта. № 30. С. 3.
- Самылин 1937 / *Самылин М. Е.* Былина о Челюскинцах // Студенческие записки филологического факультета (специальный номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского кружка) / Ленинградский государственный университет; отв. ред. М. К. Азадовский. Л., 1937. С. 112–116.
- Соколов 1941 / *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941.
- Суховерхова / *Суховерхова А. Е.* Песни и сказы (машинопись) // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова. Ф. 868692. Б. д.
- Фольклор России в документах советского периода 1994 / Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сборник документов / Сост. Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова, И. А. Зюзина, В. Г. Смолицкий, И. В. Тумашева. М., 1994.

Александр Панченко

Беглецы и доносчики «Военные нарративы» в современной новгородской деревне

Вступление

Одна из главных тем исторической антропологии – массовые социальные практики или, если воспользоваться выражением А. Я. Гуревича, – «культура безмолвствующего большинства». И для медиевистов, и для специалистов по раннему Новому времени, и для антропологов, занимающихся повседневной жизнью XIX–XX веков, это словосочетание подразумевает прежде всего земледельческую – крестьянскую культуру. Впрочем, в данном случае исследовательские приоритеты историка и антрополога оказываются в известной степени противоположными. С точки зрения большинства специалистов по фольклористике и этнологии, специфика аграрной культуры – в ее «традиционности», т. е. в обиходном консерватизме, сопротивлении инновациям, приверженности некоей устойчивой «картине мира». Что касается исследователя «истории ментальностей», то, даже говоря о «картинах» или «моделях» мира, якобы присущих тому или иному обществу либо эпохе, он все же будет говорить об изменениях (как внутри «традиционной» культуры, так и вне ее), поскольку последние и составляют содержание исторического процесса.

Надо сказать, однако, что это противоречие представляется мне несколько надуманным. Дело в том, что само представление об особой «традиционности» крестьянской культуры вряд ли можно считать научно обоснованным. Хотя, в силу очевидных особенностей социальной организации и средств коммуникации, аграрные сообщества, разумеется, обладают меньшим динамическим потенциалом не только по сравнению с индустриальными и постиндустриальными обществами, но и со средневековым городом, это еще не подразумевает какого бы то ни было гиперконсерватизма. В действительности, как я думаю и как можно судить, в частности, по истории русской деревни в XVIII–XIX веках, культура крестьян была в достаточной степени изменчива – и вследствие внешних воздействий, и благодаря внутренним процессам.

Другое дело, что наблюдение динамических явлений, обычно определяемых нами в соответствии с «событийным» пластом культуры, сопряжено в данном случае с серьезными трудностями. Проблема здесь не только в отсутствии либо специфическом характере доступных исследователю источников, но и в том, что мы зачастую не в состоянии опознать те инновативные формы и «культурные события», которые оказываются ключевыми в процессе трансформации повседневной жизни аграрных сообществ. Поэтому анализ и консервативных, и инновативных механизмов крестьянской культуры, как мне кажется, становится более плодотворным в ситуациях, так сказать, маргинального характера, когда в силу тех или иных причин крестьянину и его общине приходится сталкиваться с приходящими извне социокультурными воздействиями и как-то на них реагировать. Об одной я бы и хотел поговорить в этой статье.

Вопросы рецепции и репрезентации государственной власти, социального контроля и общественного насилия в русской крестьянской культуре XIX – первой половины XX века, неоднократно обсуждались в трудах отечественных и западных историков, этнологов и фольклористов. Однако, как мне кажется, эта проблематика до сих пор остается не вполне проясненной. И дело не только в том навязывании крестьянской культуре официальной героики или идеологии «классовой борьбы», которое мы встречаем в работах исследова-

телей советской эпохи. Зачастую нам по-прежнему остаются непонятными психологические мотивы и культурные механизмы, заставлявшие рядовых деревенских жителей принимать ту или иную сторону в гражданских и межгосударственных войнах, поднимать вооруженные восстания, проявлять изощренную и, казалось бы, плохо мотивированную жестокость в отношении представителей власти, а также собственных односельчан. Полагаю, что эти механизмы заслуживают специального анализа, причем – не только на обобщенном уровне, но в рамках варьирующихся микроисторических, микросоциальных и локальных контекстов.

Ниже речь пойдет о некоторых перспективах такого анализа применительно к крестьянским рассказам о Второй мировой войне и немецкой оккупации. Корпус использованных в этой статье текстов сравнительно невелик – это около 20 интервью, записанных летом 2003 года в с. Менюша Шимского района Новгородской области¹¹⁹. Тем не менее, как я думаю, они все же достаточно репрезентативны, по крайней мере применительно к тому региону, о котором идет речь. С точки зрения антрополога и фольклориста, крестьянские рассказы о Второй мировой войне представляют собой не только «персональные документы» и один из источников «устной истории» этой драматической эпохи, но и форму типизации и адаптации социального опыта, индикатор ценностных моделей и механизмов построения идентичности. Крестьянская культура неоднородна: она складывается из локальных вариантов, обусловленных разнообразными социальными, историческими, географическими и прочими факторами. Поэтому наши полевые записи демонстрируют не только общие тенденции построения «военных нарративов», но и своеобразие региональных моделей восприятия войны в целом, а также стратегий поведения в условиях боевых действий и оккупации.

¹¹⁹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Генеральному консульству ФРГ в Санкт-Петербурге, предоставившему финансовую поддержку для проведения экспедиции, Д. В. Дубровскому и С. А. Штыркову, занимавшимся организацией этих работ, Е. А. Мельниковой и О. Н. Филичевой, принимавшим участие в полевых исследованиях, а также главе администрации Медведского сельского поселения Шимского района М. В. Гусевой, всемерно способствовавшей нашей работе.

Устная история и персональный нарратив

Не секрет, что материалы устных интервью на историко-биографические и, так сказать, «повседневные» темы можно квалифицировать и интерпретировать по-разному – в зависимости от концептуальных, методологических и дисциплинарных предпочтений исследователя. Хотя в последние десятилетия специалисты по устной истории довольно интенсивно занимались пересмотром теоретических оснований своей дисциплины, обсуждая социальные, психологические и культурные факторы, которые воздействуют на восприятие и репрезентацию прошлого в персональном и коллективном обиходе (см.: Thompson 1994), сама идея «устно-исторического» подхода к персональным речевым практикам неизбежно подразумевает редукцию изучаемого нарратива к обобщенной трансперсональной реальности, будь то «объективная» историческая реальность *per se* или способы «восприятия» либо «конструирования» прошлого, характерные для современных исследователю социальных групп. Существует и другой способ интерпретации подобных текстов, представленный, в частности, американской фольклористической традицией исследования персональных нарративов (см.: Dolby 1989). Здесь преимущественное внимание уделяется специфике ситуаций непосредственного порождения и воспроизведения тех или иных рассказов, т. е. процессуальной стороне вопроса. Добавлю, что с этой точки зрения важно иметь в виду и особенности самого процесса записи этих рассказов – этнографического или «устно-исторического» интервью. Не так важно, считаем ли мы подобные интервью формой «диалога культур» или средством социального насилия и присвоения. Очевидно другое: профессиональные записи памятников «устной истории» и персональных нарративов на исторические темы не только и не столько отражают некую монолитную культурно-историческую реальность, сколько формируют специфическое поле взаимодействия дискурсов собирателя и информанта.

Не углубляясь в вопросы теоретического характера, я лишь хочу подчеркнуть, что способы интерпретации подобных записей могут быть достаточно разными. Короче говоря, рассуждая о проблеме устной истории, мы возвращаемся к привычному для современной антропологии вопросу: а кого или что мы, собственно говоря, изучаем? Ответов на этот вопрос много, и все они в равной степени могут быть признаны и справедливыми, и ошибочными. Впрочем, сомнение в данном случае играет и положительную роль: оно не только останавливает или обескураживает исследователя, но и дает ему право на известный методологический эклектизм. Этим правом я и хочу воспользоваться, чтобы поговорить о некоторых общих местах, топосах записанных нами рассказов, не останавливаясь на источниковедческих аспектах проблемы. Думаю, однако, что эти общие места или устойчивые темы все же имеют определенное отношение к специфическим когнитивным и социальным механизмам, характерным для крестьянской культуры. Пожалуй, необходимо сделать лишь одну оговорку. Речь пойдет не о рассказах людей, принимавших участие в боевых действиях, но о воспоминаниях тех, кто оставался в оккупированной зоне, а затем был вывезен на принудительные работы в Латвию и Германию. Поэтому подавляющее большинство информантов составляют женщины, которым в 1941 году было от 10 до 20 лет. Причины здесь вполне прозрачны: с одной стороны, почти все мужчины призывного возраста были мобилизованы в армию еще до приближения линии фронта, с другой – сейчас в Менюше практически не осталось мужчин 1920-х годов рождения. Так что в данном случае мы имеем дело, так сказать, с «женскими текстами» и «женским взглядом» на войну. Впрочем, я не думаю, что это обстоятельство делает наши записи не репрезентативными по отношению к крестьянской культуре в целом.

Село Menüша и Вторая мировая война

Село Menüша расположено в Шимском районе Новгородской области в 50 км к юго-западу от Новгорода, на берегах впадающей в Шелонь реки Струпенки. По меркам региона это довольно крупное сельское поселение: оно растянулось на четыре с лишним километра в длину и насчитывает более ста домов. Большие размеры и необычная планировка села обусловлены тем, что Menüша входила в число новгородских военных поселений. Вероятно, это обстоятельство вообще наложило определенный отпечаток на местную крестьянскую культуру. Существенное влияние на жизнь села оказала находящаяся здесь святыня – мощи праведных отроков Иоанна и Иакова Menüшских, чья память празднуется 7 июля по новому стилю, в день Рождества Иоанна Предтечи¹²⁰. В течение советского времени местные жители в той или иной форме поддерживали контакты с официальной православной церковью; современная устная традиция села изобилует различными формами религиозного фольклора. Наконец, достаточно важную роль в истории Menüши сыграли географические факторы. Некогда здесь проходила одна из дорог, связывавших Новгород с Псковом. Это «придорожное» положение в значительной степени обусловило военную судьбу села, поскольку через Menüшу шло наступление на Новгород 1-го армейского корпуса группы армий «Север». Линия фронта подошла к селу 10 августа 1941 года. «15 августа на совещании командно-политического состава 70-й дивизии в районе д. Menüша был зачитан приказ генерала Федюнина об отходе на новый рубеж с целью избежать окружения с левого фланга и сохранения личного состава и вооружения» (Вязинин 1995: 10). Во время отступления советских войск село подверглось интенсивным бомбовым и артиллерийским ударам с немецкой стороны, вследствие чего было почти полностью разрушено (в Menüше было около 550 домов, после прохождения линии фронта их осталось около 10). К этому времени в селе оставались в основном старики, женщины, дети и подростки: большинство взрослых мужчин было мобилизовано в действующую армию. С 1941 по 1943 год оставшееся население жило под контролем оккупационного режима. Часть менюшцев жила на территории села – в землянках и наскоро построенных бревенчатых хижинах. Однако многие переселились в лес, где практически у каждой семьи была землянка или место в землянке. Эти «окопы», как их называли сами крестьяне, служили постоянным (хотя, как выяснилось, и не слишком надежным) местом убежища от военных действий и оккупационных властей. До осени 1943 года местные жители не подвергались серьезным репрессиям со стороны оккупационного режима. В этом регионе действовало мало партизанских групп¹²¹, и сосуществование сельчан с немецкой администрацией было достаточно мирным (правда, одна из небольших деревень в округе Menüши – Бедрины – все же была сожжена карательными войсками). Крестьяне из Menüши и других окрестных деревень должны были выполнять работы по расчистке дорог от снега, заготовке дров и сена и т. п. В 1942 году часть местной молодежи была направлена на принудительные работы в несколько населенных пунктов Ленинградской и Новгородской областей (в частности, Тосно, Лисино, Оредеж). Там они преимущественно занимались строительством железных и шоссейных дорог. Спустя примерно полгода большинство мобилизованных бежало из этих лагерей и вернулось в Menüшу.

В ноябре 1943 года почти все, кто оставался в Menüше, были вывезены на принудительные работы в Латвию, а затем – в Германию. Избежать высылки удалось немногим: большинство жителей вернулось домой только в 1945 и даже 1946 годах. В январе 1944 года к селу снова приблизилась линия фронта. 26 января Menüша была занята частями 382-й

¹²⁰ О культе прав. Иоанна и Иакова Menüшских см.: Панченко 2012.

¹²¹ Так, о «медведской подпольной группе» см.: Новгородские партизаны 2001: 49–59.

Новгородской стрелковой дивизии. Бои за село были достаточно ожесточенными, однако наблюдать за ними было почти некому: в лесах вокруг Менюши пряталось всего несколько человек.

«Свои» и «чужие»: локальная идентичность в военных условиях

Крестьянские нарративы, повествующие о древних вражеских нашествиях, обычно рисуют войну как нечто сопоставимое с эпидемией или стихийным бедствием. Война «проходит» через деревню, приносит разрушения, оставляет следы своего пребывания (древние курганы, специфические детали местного ландшафта и т. п.) и «уходит». Вероятно, такая специфика «фольклорной» репрезентации войны (не важно, реальной или вымышленной) связана с тем, что крестьянская идентичность (по крайней мере в России) всегда строилась на локальных основаниях: человек идентифицировал себя со своей деревней (и в социальном, и в географическом отношении), а не с нацией, государством или страной (см.: Moon 1996). Подобный эффект мы можем наблюдать и в рассказах о Второй мировой войне: на вопрос о начале войны большинство наших информантов вспоминало не сообщения радио и газет 22 июня и не знаменитую речь Молотова, а бомбардировку села немецкими самолетами. Вот вполне типичные рассказы такого рода:

Собиратель: Как война началась, помните?

Информант: Да как жо, помню. Как жо война началась. Стали бомбить, дак хошь и не хошь ус... услышишь.

Собиратель: Вы узнали именно потому, что бомбить стали?

Информант: Да мы уж спали. Соскочили. Самолеты летят, и мы горим. Вся деревня выгорела, дак как же. Узнали сразу. Всё война. Э-эх¹²².

Ну, потом вот началась война. Началась бомбежка. Налетели самолеты – как пчел в ульё. <...> Вот, прилетели два самолета. Один самолет вернулсы. И... упали две бомбы. Мне, вот, попало, вот в это место – насквозь пробило щеку. Во<т> видите, у меня метка. Вот. Насквозь мне пробило. Убило лошадь одну. Убило девушку одну¹²³.

Собиратель: А вот вы не помните, как война началась?

Информант: Как как... спали мы, мама приходит, начали бомбить сразу зажигательными бомбами. И мы сразу из дому убежали, ничего не брали, всё горело, ничего не жалко. Я-то уже ладно была, а те, кто с мамой, ничего не выносили. Когда соседям дали в двор, тоже отец пошел корову, овец, корову нашел, а овцы так и пропали, а то всё сгорело¹²⁴.

Только в одной записи информант предлагает более «историзованное» описание начала войны, однако и здесь нарратив строится при помощи традиционных фольклорных средств. Гитлер, согласно этой истории, обманывает Сталина, продавая ему «грифель» для строительства дорог. Вскоре по этим дорогам уже маршируют фашистские войска:

...Сталин дал им пшаницы скоко-то тонн-то..., а ены нам дали грифелю. На дороги. <...> Я уже не от одново слышала, што так обменилсы Стали... Сталин. А почём ин знал, для чово оны. Вот тожо хитрыи

¹²² Е.К.Б., женщина, 1920 г. р., местная уроженка.

¹²³ Н.Я.З., 1925 г. р., женщина, местная уроженка.

¹²⁴ М.Я.С., 1926 г. р., женщина, местная уроженка.

какие были. И теперь такие же хитрые, лукавые, подойдут може близко – Германия¹²⁵.

Характерна и другая особенность крестьянских рассказов о военных действиях и оккупации. Зачастую рассказчики не идентифицируют себя ни с одной из воюющих сторон. Фашистские войска они, как правило, называют «немецкими», советские – «русскими», а в качестве «наших» чаще фигурируют односельчане, причем в этом случае совершенно неважно, какой из воюющих сторон они сочувствуют, сотрудничают ли они с оккупантами и т. п. Одна из крестьянок, избежавшая высылки в Германию и прятаясь в лесах до прихода советских войск, рассказывает об этом так:

За два километра в лес жили, а то ишо дальше ходили за два. Штоб нас не поймали. А руский пришли – к нам сосед приходит и говорит, што руский пришли. <...> И руский-то тожо нас стали и доспрашивать...¹²⁶

Справедливости ради нужно подчеркнуть, что «нашими» могут называть и советские войска, однако это обозначение не является обязательным и постоянным. Возможно, что дело здесь не только в локальной идентичности. В силу ряда причин Менюша серьезно пострадала во времена массовых репрессий 1930-х годов. Между 1930-м и 1938-м здесь было арестовано и осуждено более 50 человек (преимущественно взрослые мужчины), и большинство из них было расстреляно либо погибло в лагерях¹²⁷. Не исключено, что это обстоятельство усилило крестьянское восприятие советской администрации (а, следовательно, и войск) как потенциально опасного и враждебного начала.

Стоит, вероятно, добавить, что в действительности начало войны в Менюше и ее окрестностях сопровождалось и пропагандистскими акциями, и мобилизационными мерами. Уже 23 июня 1941 года Шимский райком партии рапортовал в Ленинград:

...Прослушав речь тов. Молотова по радио о переходе наших границ германскими войсками 22/VI в 4 часа утра, РК ВКП(б) провел следующую политмассовую работу:

22/VI–41 г. в 18 часов в пос. Шимск проведены митинги (общий и <по> учреждениям), присутствовало 650 человек. Кроме того, 22/VI проведены митинги в колхозах Г-Веретьевского, Менюшенского, Мшагского сельсоветов, присутствовало 856 человек. 22/VI проведено совещание с политуполномоченными и о задачах в связи с проведением мобилизации и в 23.00 <час> политуполномоченные направлены по сельсоветам. 23/VI–41 г. силами политуполномоченных и партийно-советского актива проведены митинги в колхозах, на которых присутствовало 4659 человек.

¹²⁵ Е.М.К., 1922 г. р., женщина, местная уроженка.

¹²⁶ Е.М.К., 1922 г.р., женщина, местная уроженка.

¹²⁷ Сведения получены из электронной базы данных «Возвращенные имена: северо-запад России» [<http://visz.nlr.ru:8101/>]. См. также: Книга памяти 1993–1999. Ср. записанный нами рассказ дочери репрессированного в 1934 году крестьянина из Менюши: «У нас в каждом дому считай, што взятый мужчина. Ужо как-нибудь вот таки бедный не бра... не браный, а то много-много браных. Браны много, вот – Сашка... этот... Стахов, Ваня Стахов, папка наш и этот... и Павел Ванчихин и этот... Скучаев ишо один... Михаил и двое... ужо и не знаю што... и Якимов Сашка забраной и Король и Отин Ваня... и там-то тожо... и Зайцов Петя и... Подряд, подряд, подряд – там тожо круг церкви, дак крылосный были которы, дак оны... Наш-то нигде и не был-то – ён не касалсы к этому ни к чому. Дядя Васька на крылоси роботал, дак забрали ево первой-то раз: на их написали, што ены восе... восемь человек и пели где-то в подвали. Дак, когда написали, наш-то и говорит: «Видели в подвали-то, што там тако? Дак где там – пятки едва пролезёшь. Ну какое там пеньё – приди в ето... в избы и пой, когда хочешь петь». А это всё брали всё. Вот такой Вася Поташин, дак ево партизаны убили, ён на папку-то на нашево говорил: сидит в углу и всё и врёт. Што был ты и был. «Да где ж я, – говорит, – был в огороде тогда, когда мне вот глаз такой был – конь лягнул? Я и не был-то там». Ну всё-таки в тот раз выкарабались оны и... А второй раз ужо не всех их забрали. Ишо больше накатили дак. Всё по злу» (Е.М.К., 1922 г. р., женщина, местная уроженка).

Всего присутствовало на митингах 6165 человек. Морально-политическое состояние колхозников поднятое.

Наравне с проведением массово-политической работы была развернута боевая организационная работа по обеспечению нарядов, на стопроцентную явку военнообязанных на сборные пункты, поставку лошадей, транспорта и фуража¹²⁸.

Показательно, что никто из наших информантов не вспомнил о колхозных митингах и «боевой организационной работе» в конце июня 1941 года. По всей видимости, и они, и их родители в действительности не испытывали никакого «морально-политического» подъема. Война, однако, вскоре нагрянула к ним на порог: в виде бомбежек, артиллерийских обстрелов, пожаров и смерти.

¹²⁸ Из политического донесения Шимского райкома ВКП(б) Ленинградскому обкому ВКП(б) о настроениях жителей района. 23 июня 1941 года (Новгородская земля в эпоху социальных потрясений 2008: 17–18).

«Рассказы беглецов»: жизнь в оккупированной зоне

Значительное число записанных нами рассказов о жизни в условиях оккупации посвящено принудительным работам в Ленинградской области и бегству из трудовых лагерей в родную деревню. Похоже, что именно эти впечатления оказались наиболее сильными и наиболее трагичными для большинства наших информантов. Собственно говоря, многие из них впервые покидали места, где родились и выросли. Кроме того, условия содержания в трудовых лагерях были достаточно тяжелыми (по крайней мере так они репрезентируются в записанных нами рассказах):

На работы нас там с лагеря возили на машинах, работали мы в лесу. Носили там бревна. Ой, голодные! Вот утром дадут кружку кофею несладкой, хлеба у них маленький, ну вот маленький ломоточек, вот с палец толщиной. В обед ничего нам не давали, а вечером придем с работы, вот эта баночка, сходишь, баланды нальют: вода замоченная мукой и все. Ой, поплакано на работы там¹²⁹.

Среди наших записей – перетекстовка популярной в 1930-е годы лагерной песни «Я живу близ Охотского моря»¹³⁰, сложенная, согласно сообщению информанта, на принудительных работах. Судя по всему, различные переложения этой песни вообще были широко распространены в среде «восточных рабочих»¹³¹:

Далеко из Апраксина Бора,
Где дорога идет на восток,
Я живу и в тоске и заботе,
Строю новый для немцев проспект.

Но работа у нас не плохая,
Ни минуты нельзя постоять,
мы таскаем тяжелые бревна <пропустила куплет>,
Вспоминаем родимую мать.

Чай немецкий дают нам не сладкий <это перед было>,
Хлеба только всего лишь сто грамм.
Выпиваем мы кружка за кружкой
И спешим на работу к часам.

Приезжая с работы усталым,

¹²⁹ М.Я.С., 1926 г. р., женщина, местная уроженка.

¹³⁰ Предполагается, что она появилась в первой половине 1930-х годов на строительстве Магадана. См.: Джекобсон 1998: 309–312; Жигулин 1989: 103; Песни узников 1995: 66.

¹³¹ Ср. вариант, записанный В. С. Бахтиным в 1966 году в соседнем регионе (д. Печково Лужского района Ленинградской области): «Далеко от балтийского края...» (Бахтин 1994: 130–131, № 6). По сообщению В. С. Бахтина, песню «пели в концлагерях на территории Прибалтики». Ряд вариантов содержится в письмах «восточных рабочих», опубликованных Б. Е. Чистовой и К. В. Чистовым (Преодоление рабства 1998: 92, № 549 [«Я живу в этом длинном бараче...»], 94, № 1270 [«Из Французского дальнего краю...»], 124, № 1301 [«Привет из Олденбурга!»], 125, № 1148 [«Далеко из чужого края...»]). Еще одну перетекстовку («Из далекого брянского леса») находим в подборке песен брянских партизан [http://www.bryanskobl.ru/region/history/guerilla/pril5_songspar.php].

За баландой бежим поскорей,
И ложимся на стружки голодным,
Проклиная немецких властей.

Вставая со стружек голодный,
Не опомнившись ночи еще,
Мы дрожим от цыганского пота,
А патруль уже здесь на лицо.

Утром рано, еще на рассвете,
Прилетает соколик родной,
Он бросает стальные конфеты,
Проздравляет нас ранней зарей.

Мамаша, мамаша родная,
Ведь не долго продлится все так,
Что любимая дочка стальная
Перетерпит все муки и ад.

Скоро кончится срок предневольный,
Распрощаюсь с лопатой, киргой,
И на поезде в грязном вагоне
Я приеду обратно домой¹³².

В конце концов крестьянки бежали с принудительных работ, и возвращение в Менюшу описывается в их рассказах наиболее подробно и драматично. «Шли – сто километров нам было итить-то. И вот на второй день рано встали и сто километров – на одной воды. Воды вскипятим с солью и с кислицы, похлеbam – и опять идём. <...> И соль была у нас. А хлеба не было. Вот четыре дня шли. Ишо сразу-то мы на Ленинград бросились. <...> До Гатчина не дошли. Четыре километра. Первой... первую-то ночь отбёгши-то – на Гатчино ударились. Нады сюды бежать – а мы туды»¹³³. Впрочем, мотив бегства вообще чрезвычайно широко представлен в рассказах менюшских крестьянок о жизни «при немцах». Бегут из волостного центра в свое село, из села в лес, в лесу – из одних землянок в другие. Создается впечатление, что «стратегия избегания» была доминирующим поведенческим принципом крестьянского населения этой части оккупированной зоны.

Другая широко распространенная тема рассказов об оккупации – это мотив доноса. Формула «на нас (или – на них) доказали» (т. е. донесли) – одна из самых частых в описании взаимоотношений между односельчанами. При этом «доказать» могут как и немецкой администрации, так и советским властям, вернувшимся после освобождения села. Так, во время высылки в Латвию кто-то сообщает немцам, где в лесу находится землянка: «И <на> наш окоп доказали. А хто доказал – ведь никто ничово не знал. Так и... вси и молчат. Вдруг немцы и приезжают на танке»¹³⁴. А когда приходят советские войска, соседка сообщает новой администрации, что брат информантки подлежит призыву в действующую армию: «Вот братишко-то тожо, которой погиб на фронти. Потом, когда рускии пришли, ево

¹³² Записано от М.Я.С., 1926 г. р., женщины, ур. д. Менюша. Курсивом в угловых скобках отмечены ремарки исполнительницы.

¹³³ Е.М.К., 1922 г. р., женщина, местная уроженка.

¹³⁴ М.С.Т., 1925 г. р., женщина, местная уроженка.

взяли тожо. Ему ишо было – и молодой, а доказала одна соседка, што ён тожо с двадцать шестово году. Я говорю: «Ой вы не врили! Почём-то ты знала, на хутори жила! После меня веть ён, – говорю, – роженной-то!» Тожо год воевал»¹³⁵.

Важно подчеркнуть, что общее отношение к оккупационным войскам в записанных нами текстах варьируется от нейтрального до сдержанно доброжелательного. «Немцы худого не делали», – наиболее распространенная формула подобных высказываний. Однако «худое» все же иногда случалось, и для объяснения отдельных расстрелов и грабежей конструируется фигура «зловещего третьего». В нашем случае это (вероятно, вымышленные) финны, якобы отличавшиеся рыжим цветом волос и злым характером: «Немцы были не злые, вот финны худые были, ехидные»¹³⁶. В целом можно, по-видимому, говорить о своеобразном пацифизме наших информантов, зачастую полагающих, что солдаты воевать никогда не хотят, а занимаются этим делом исключительно из-за непонятных им приказов «начальства»:

Информант: ... Четыре года мучились. Солдатам-то не хотцы было воевать. Говорили: «Когда там у нас кончитцы война-то эта? Когда Сталин розрешит закончить нам?»

Собиратель: А немцы хотели воевать?

Информант: Да яны не немцы, а во я говорила – вси де... эты... страны-то захвачены у евы были. Дак оны ругалися всё время. Вот мы хоть были в Тосны на дороги – дак оны ругалися! Заматюгали ево всяко – нем... немца... этово... Гитлера. Кому-то хотцы воевать?! <...> И ругали, неужели не ругали. Хотели оны воевать?! Какой-то солдат хочет воевать?!¹³⁷

И этот пацифизм, и упомянутая «стратегия избегания» в общем-то вполне объяснимы. Речь идет об аграрном сообществе, где, как уже было сказано, персональная и коллективная идентичность формируется на основе принципа локальности и где война воспринимается как чуждая, мало понятная и вредоносная деятельность хотя и противоборствующих, но в равной степени враждебных крестьянину сил. Сложнее объяснить столь заметную роль мотива доноса и предательства, широко представленного в наших записях. Впрочем, как мне представляется, он тоже поддается толкованию. Напомню, что, согласно известной теории «ограниченного блага» (*limited good*), высказанной в 1960-х годах американским антропологом Джорджем Фостером, аграрные культуры воспринимают любые блага и ценности (экономические, социальные, культурные) как замкнутую систему – своего рода ограниченный ресурс. Поэтому любой дисбаланс в дистрибуции блага воспринимается членами крестьянской общины как процветание одних за счет других, как ситуация, требующая перераспределения ценностей (см.: Foster 1965).

Одним из средств репрезентации и актуализации этого принципа в русской деревне были, как я думаю, поверья о вредоносном колдовстве (порче) и о сглазе¹³⁸. Лишившись привычного предметного обихода и, следовательно, большей части материальных ценностей, менюшские крестьяне сохранили в своих лесных «окопах» социальную структуру, основанную на принципе «ограниченного блага» и подразумевающую, что один всегда процветает за счет других. Однако привычные для них нарративы о колдунье-«зажинщице», похищающей зерно с поля, или о «тетке с черным глазом», «опризорившей» корову либо новорожденного, в новой ситуации уже не работали: здесь не было ни колосющихся полей, ни коров,

¹³⁵ Е.М.К., 1922 г. р., женщина, местная уроженка.

¹³⁶ М.И.И., 1930 г. р., женщина, местная уроженка.

¹³⁷ Е.М.К., 1922 г. р., женщина, местная уроженка.

¹³⁸ Об использовании концепции Фостера в антропологических исследованиях колдовства см.: Христофорова 2010: 40–44.

ни новорожденных. Полагаю, что место подобных историй и заступили разговоры об односельчанах, «доказывающих» друг на друга: предательство в данном случае оказывается символическим эквивалентом порчи. Показательно, что в записанных нами рассказах о высылке на принудительные работы, а также о жизни в Латвии и Германии мотив предательства полностью исчезает, поскольку в мире оstarбайтеров разрушается не только привычный материальный обиход, но и сама структура крестьянской общины. Надо заметить, кроме того, что нарративы о жизни в «чужих землях» в нашем случае вообще оказываются менее драматичными и не слишком детализированными.

Литература

Бахтин 1994 / *Бахтин В. С.* Песни фашистского плена // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В. С. Бахтин, Б. Н. Путилов. СПб., 1994. С. 124–137.

Вязинин 1995 / *Вязинин И.* «Помним вас...» // Книга Памяти: Шимский район. Новгород, 1995. С. 6–27.

Джекобсон 1998 / *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917–1939). М., 1998.

Жигулин 1989 / *Жигулин А. В.* Черные камни. М., 1989.

Книга Памяти 1993–1999 / Книга Памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Новгород, 1993–1999. Т. 1–9.

Новгородская земля в эпоху социальных потрясений 2008 / Новгородская земля в эпоху социальных потрясений, 1941–1945: Сборник документов. СПб., 2008. Кн. 3.

Новгородские партизаны 2001 / Новгородские партизаны: Партизанское движение на Новгородской земле в 1941–1944 гг.: Сборник документов и воспоминаний. Новгород, 2001.

Панченко 2012 / *Панченко А. А.* Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012.

Песни узников 1995 / Песни узников / Сост. В. Пентюхов. Красноярск, 1995.

Преодоление рабства 1998 / Преодоление рабства: Фольклор и язык оstarбайтеров / Сост. и текстология Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. М., 1998.

Христофорова 2010 / *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.

Dolby 1989 / *Dolby S.* Literary Folkloristics and the Personal Narrative. Bloomington; Indianapolis, 1989.

Foster 1965 / *Foster G. M.* Peasant Society and the Image of Limited Good // *American Anthropologist*. 1965. Vol. 67. № 2. P. 293–315.

Moon 1996 / *Moon D.* Peasants into Russian Citizens: A Comparative Perspective // *Revolutionary Russia*. 1996. Vol. 9. № 1. P. 43–81.

Thompson 1994 / *Thompson P.* Believe It or not: Rethinking the Historical Interpretation of Memory // *Memory and History: Essays on Recalling and Interpreting Experience* / Ed. by J. Jeffrey, G. Edwall. Lanham, Maryland, 1994. P. 1–16.

Константин Богданов

Чудак, чувак и чукча. Историко-филологический комментарий к одному анекдоту

В подавляющем количестве анекдоты о чукчах, как известно, варьируют одну тему – придурковатое простодушие северных аборигенов и непонимание ими элементарных для цивилизованного человека вещей. Анекдотов такого типа в мировом фольклоре очень много. Французы рассказывают анекдоты о бельгийцах, испанцы – о португальцах, финны – о шведах, американцы – о поляках, мексиканцы – о жителях полуострова Юкатан, южные немцы – о немцах-северянах, ирландцы – об обывателях побережья Керри, и т. д. (Davies 1990). Есть такие анекдоты и в традиционном русском фольклоре, например, анекдоты о соседях-глупцах, которые никак не могут по недомыслию досчитаться одного человека, так как считающий все время самого себя не считает (АТУ 1287; см. по этому поводу, например: Айрапетян 2010). Жители одной Заонежской деревни даже получили соответствующее прозвище – «девятые люди». Это десять человек, которые все время считают друг друга, но насчитывают только девять человек (Куликовский 1898: 18).

При этом очевидность сюжетного сходства анекдотических рассказов о глупости соседей или инородцев предсказуемо позволяет предполагать, что происхождение, причины и функции такого рассказывания в мировом фольклоре в общем и целом одинаковы, а их этническая специфика вторична. Несколько лет назад это мнение на сайте gran1.ru в эссе под названием «При чем здесь чукча?» не без нажима повторил Лев Рубинштейн. Лев Рубинштейн высказал убеждение в том, что суть анекдотического жанра состоит не в желании унижить и оскорбить кого-либо, а в стремлении к языковой игре, неожиданной речевой ситуации, в удовольствии от метко сказанного слова. В качестве иллюстрации такой игры сам Рубинштейн привел забавные «чеченские» имена, придуманные им вместе со своими друзьями из одного московского журнала и благодаря Интернету ставшие со временем вполне фольклорными: Букет Левкоев, Рулон Обоев, Ушат Помоев, Камаз Отходов, Рекорд Надоев, Билет Догаваев, Парад Уродов¹³⁹. В том же ряду Лев Рубинштейн нашел и некое выдуманного эстонца по имени Порносайт из поселка Трахнувыдру. Упор в этом списке был сделан на то, что хороший анекдот хорош сказанным словом, а вовсе не сюжетом (Рубинштейн 2005).

С филологической точки зрения, Рубинштейн в определенном смысле прав, потому что анекдот как жанр зачастую действительно абсолютно безразличен к фигурирующим в нем персонажам. И мировой фольклор действительно знает очень много совершенно однотипных анекдотов, которые рассказываются о носителях разных национальностей и разных культур. Анекдоты о тех же чукчах в целом ряде случаев повторяют сюжеты и языковые шутки, которые обыгрываются в анекдотах о героях совсем других культур, не имеющих отношения к северу. Поэтому же немалое количество фольклористических исследований об анекдотах посвящено именно типологизации сходств: вроде бы герои разные, а шутки все одинаковые. Но вот вопрос: насколько внимание к языковым основаниям анекдотического жанра исчерпывает его пусть даже и собственно филологическое объяснение? Дискуссия, которая развернулась на сайте stengazeta.net после публикации эссе Рубинштейна, может служить ярким примером того, что одной филологии для объяснения анекдотов мало. Благодарные Рубинштейна, поставившего знак равенства между всеми анекдотами о чудаках-соседях, не только не убедило читателей в том, что такое равенство существует, но и породило

¹³⁹ Об этой языковой игре в русском городском фольклоре второй половины XX века см.: Архипова, Иткин 2007.

здесь же разноголосую волну взаимных националистических оскорблений, рассуждений о чеченской войне, заговоре евреев, подлости русских и т. д. При этом больше всего, конечно, досталось самому автору статьи – еврею Рубинштейну, чье эссе, вопреки своему названию, очень хорошо продемонстрировало, что чукча здесь очень даже причем.

Важно подчеркнуть, что как рассказывание анекдотов, так и исследования анекдотического жанра психологически не беспроблемны. Я далек от мысли думать, что восприятие любых текстов, обыгрывающих особенности национального характера, предрасполагает к эмоциям, чей социальный и психологический эффект всегда травматичен. Но ясно, что анекдоты о евреях воспринимаются иначе, будучи рассказанными, например, в фундаментальных исламистских и космополитических сообществах. Этические и в конечном счете идеологические последствия такого рассказывания опять же осложняют и само его изучение.

Исследователю, рассуждающему о словах и текстах, которые могут восприниматься как оскорбляющие национальное достоинство, вольно или невольно приходится считаться с тем, что филологическая наука чревата не филологическими страстями и разного рода ограничениями. В отечественной филологии ярким примером такого рода ограничений может служить эдиционная история всем известного словаря Даля, из которого советские цензоры во имя специфически декларируемой борьбы с антисемитизмом выкинули все слова и все словарные примеры на слово «жид». Во втором, фототипическом, переиздании словаря Даля (1955-го и последующих годов издания) для этого даже пришлось разрезать на мелкие полоски и заново переклеить 541-ю страницу первого тома, вдвое увеличив ее межстрочный интервал.

Лексикографическая история слова «чукча» не столь драматична, но и здесь есть свои сюрпризы, которые в известном смысле схожи с историей того же слова «жид» (не имевшего во времена Даля привычного сегодня пейоративного и инвективного смысла). С одной стороны, «чукча» – это официальный этноним одной из северных народностей, населения Чукотки, с другой – слово с уничижительным этническим значением. При этом сходстве важным содержательным различием слов «жид» и «чукча» является то, что вторичное, уничижающее значение слова «чукча» шире его, как сказали бы лингвисты, этнического референта, поскольку в своем широком бытовании оно связывается не только с жителями Чукотки, но и с представителями фактически всех народностей Крайнего Севера.

Сама по себе такая ситуация не уникальна, схожее значение демонстрирует, например, употребление слова «чухна», которое сегодня также относится не только к собственно финнам, но и к самым разным народностям русского Северо-Запада, скандинавам, эстонцам и т. д. Уникальным в данном случае является экстенсивное распространение этого уничижительного, анекдотического значения слова «чукча» за сравнительно короткий исторический промежуток времени.

Популяризация самой чукотской темы в советской культуре во многом связана с писательской и просветительской деятельностью Тихона Захаровича Сёмушкина (1900–1970). Сёмушкин отправился на Чукотский полуостров в 1924 году в составе экспедиции, ставившей своей целью ликвидацию американской концессии «Гудзон-бей компании». Впоследствии он неоднократно возвращался на Чукотку, принимал деятельное участие (под руководством В. Г. Богораз-Тана) в создании чукотской письменности, в 1928-м был директором первой школы-интерната для детей-чукчей. Свои наблюдения и размышления о чукчах и строительстве советской власти на Чукотке Сёмушкин изложил в ряде очерков, изданных отдельной книгой в 1938 году и одобрительно принятой критикой. В описании уклада, быта и характера чукчей Сёмушкин был неизменно серьезен и идеологически сосредоточен, но некоторые страницы его книги все же могли давать повод к анекдотическому прочтению вопреки намерениям их автора. Так, например, читатель узнавал, что детям из чукотских стойбищ, набранным в устроенный для них интернат при школе, «пришлось показывать,

как садиться на скамейки, как пользоваться кроватью, подушкой, одеялом. Утром, проходя с первым обходом по спальням, можно было наблюдать следующие картины: лежит какой-нибудь карапуз, положив ноги на подушку...; другой спит, стоя у кровати на коленях и опустив на нее голову. <...> Встал вопрос об обучении детей сну». «Чтобы получить на излечение ребенка (чукчу – К.Б.), надо было брать в больницу его, мать, отца и всю семью... Вероятно, на всем земном шаре это был своего рода уникам: в одной палате лежит больной мальчик, а в других палатах расположилась вся его семья, совершенно здоровая». Замечателен приводимый там же рассказ о делегатах-чукчах на первом районном съезде Советов Чукотки, состоявшемся в 1928 году в Уэллене:

Все делегаты были неграмотные. <...> Самые дальние проехали 1200 километров на собаках. Ехать нужно было больше пятидесяти дней и, самое главное, не ошибиться, – не приехать, когда съезд кончится. Делегатов предупредили за год. Календаря или подобия его у чукчей нет. <...> Чтобы не пропустить съезд, делегаты нарезали зарубки на палках. Когда набиралось тридцать таких зарубок, они брали другую палку. Когда палок было девять и на десятой имелось двадцать зарубок, делегат знал уже, что завтра надо ехать на «праздник говоренья», как они называли съезд. Делегаты приехали все как один (Семушкин 1936: 44)¹⁴⁰.

В 1939–1941 годах появляется двухтомная повесть для детей Сёмушкина «Чукотка», беллетризирующая мотивы ранее изданных очерков, а в 1947–1948 годах – рассчитанный на взрослую аудиторию роман «Алитет уходит в горы», за который его автор удостоился Сталинской премии второй степени (1948). И первая, и особенно вторая книга, живописующая нищету и жестокую эксплуатацию чукчей до революции и спасительную миссию советской власти, также едва ли могут рассматриваться как материал для анекдотической традиции – если только не предположить их (трудно представимое для этих лет) травестийное вышучивание в жанре «черного юмора». В 1949 году на экраны страны вышел снятый по роману одноименный художественный фильм (режиссер Марк Донской, оператор Сергей Урусевский), давший кинематографическую жизнь образам охотников-бедняков, шамана, местного богатея Алитета, алчных американских колонизаторов отца и сына Томпсонов и благородных посланников советской власти – этнографа Жукова и уполномоченного Камчатского ревкома по фамилии Лось.

Не исключено, что книги Сёмушкина и в еще большей степени художественный фильм «Алитет уходит в горы» могли предопределить дискурсивное бытование представлений о чукчах в образе жалких дикарей, жертв или, напротив, пособников эксплуататоров, но все они сравнительно далеки от героя тех анекдотов, которые фиксируются как «чукотская серия». Судя по мемуарным и фольклорным свидетельствам, такие анекдоты получают хождение не ранее конца 1960-х годов. Но почему? О том, что именно послужило источником новой анекдотической традиции, судить приходится предположительно, но с большой долей уверенности можно предположить, что ближайшим контекстом, способствовавшим популяризации насмешек над чукчами, стал фильм «Начальник Чукотки» режиссера Виталия Мельникова по сценарию Владимира Валуцкого и Виктора Викторова. Вышедший на экраны страны в 1967 году «Начальник Чукотки» уже в первый год кинопроката собрал

¹⁴⁰ Рецензировавший в «Литературной газете» этот рассказ В. Финк оговаривался, что «трудно сразу определить, в чем главная сущность интереса работы тов. Семушкина, что волнует больше всего», но подсказывал надлежащий ответ: «Быть может, это – ясный показ того, как пульс нашей жизни бьется и в далекой тундре Чукотки, как ранее темный народ, который царское правительство принудительно держало в диком состоянии, как бы впервые родился и дышит одним дыханием с нами.<...> Повествование тов. Семушкина подкупает своей теплой правдивостью и безыскусственностью, которых не встретишь у многих наших писателей» (Финк 1937: 4).

более 15 миллионов зрителей, а впоследствии стал регулярно транслируемым фильмом советского телевидения.

Влияние кинофильмов на создание анекдотического жанра именно в СССР – факт засвидетельствованный. Не книга, но именно экран порождает анекдоты о Чапаеве и Штирлице. Не книга, а мультфильм привел к появлению анекдотов о Чебурашке и крокодиле Гене. Не книга, а фильм дает начало анекдотам о докторе Ватсоне и Шерлоке Холмсе. Можно предположить, что так обстояло дело и в данном случае.

Сюжет фильма «Начальник Чукотки» комедийно обыгрывал приключения молодого ревкомовского писаря Алексея Бычкова (в этой роли снялся недавно умерший Михаил Кононов), который в 1921 году был назначен представлять на Чукотке советскую власть. Здесь, согласно революционному мандату, новый романтически настроенный начальник начинает собирать с американских предпринимателей пошлину за покупку меха и оказывается на свою беду обладателем миллиона долларов. На собранные деньги, как водится, тут же найдутся охотники, и Алексею приходится бежать в Америку, откуда после разных мытарств и странствий он возвращается в Питер, чтобы сдать схороненные им деньги государству.

По ходу сюжета чукчи изображаются в этом фильме в комедийно утрированном виде, вполне соответствующем тому образу, который позже будет обыгрываться в «чукотском» цикле анекдотов: смесь раболепия, лести и глупости, что выглядит довольно забавно и, как мы сказали бы сегодня, в общем не слишком политкорректно. Интересно вместе с тем, что на фоне всей предшествующей культурной традиции выведенный в фильме образ чукчи, готового подчиняться пусть и чудаковатому, но зато по-революционному сознательному начальнику, сам по себе был весьма и весьма новым. Новым было уже то, что вопреки историческим свидетельствам чукчи в фильме изображаются не воинственными, а исключительно миролюбивыми туземцами (одной из «крылатых фраз» фильма стала сентенция «песец бить можно, человек стрелять нельзя»). В традиционном фольклоре образ чукчей рисуется иначе – таким, например, каким он предстает в былине «Добрыня чудь покори!» из сборника древних российских стихотворений Кирилла Данилова. По сюжету этой быliny, отразившей представления о врагах Новгородско-Киевской Руси, киевский князь Владимир собирает богатырей и обращается к ним с призывом «сослужить службу дальнюю»:

Кто бы съездил в орды немирныя И очистил дороги прямоезжия <...>
Вырубил чудь белоглазую, Прекротил сорочину долгополую, А и тех черкас
петигорских И тех калмыков с татарами, Чукши все бы и аlyторы?»
(Древние российские стихотворения 1977: 106).

За время со второй половины XVII века, когда казаки дошли до Чукотки, по первую четверть XVIII века известно по меньшей мере о 23 вооруженных столкновениях с чукчами (Зуев 2001: 84). В конечном счете чукчи были замирены, но, как и в случае с находящимися восточнее их на побережье азиатскими эскимосами, это замирение не было результатом военного покорения: чукчи вошли в состав Российской империи номинально в конце XVIII века, платя ясак по своему желанию (Нефедкин 2003: 17). Опасливо-настороженное отношение к чукчам дает знать о себе на протяжении XVIII и всего XIX века. Так, участник «физической» сибирской экспедиции 1768–1774 годов И. Г. Георги характеризовал чукчей следующим образом: «Они наравне с страной своею крайне дики, суровы, необузданны и жестокае всех сибирских народов» (Георги 1777: 81; ср.: Крашенинников 1949: 450, 728). Пятьдесят с лишним лет спустя Ф. Ф. Матюшкин, член экспедиции Ф. П. Врангеля в 1820-е годы, наблюдавший ярмарку в Островном и давший достаточно подробный очерк быта и обрядов чукчей, указывал на взаимную подозрительность в торговых взаимоотношениях русских и чукчей. «К счастью, – отмечал он здесь же, – не бывает ссор между торгующими, а то деревянные стены крепости и комиссар с малочисленным, плохо вооруженным гарнизо-

ном не были бы в состоянии ни минуты сопротивляться многочисленной толпе воинственных чукчей» (Путешествие по северным берегам Сибири 1948¹⁴¹; ср.: Кибер 1824: 116–117). И. А. Гончаров, описывая свое путешествие 1852–1855 годов на фрегате «Паллада», свидетельствует о том же:

Чукчи держат себя поодаль от наших поселенцев, полагая, что русские придут и перережут их, а русские думают – и гораздо с большим основанием, – что их перережут чукчи. От этого происходит то, что те и другие избегают друг друга, хотя живут рядом, не оказывают взаимной помощи в нужде во время голода, не торгуют и того гляди еще подерутся между собой (Гончаров 1987: 692).

К. К. Нейман, член чукотской экспедиции Г. Л. Майделя в конце 1860-х годов засвидетельствовал те же настроения, отметив, в частности, что жители Нижнеколымска, ближе, чем другие, знакомые с чукчами, больше всех их и боятся (Нейман 1871: 17; см. также: Суворов 1867: 17–18; Аргентов 1857: 15–16). В самом конце XIX века автор статьи о чукчах в энциклопедии Брокгауза и Эфрона также характеризует их в терминах враждебного противостояния и вообще создает вполне расистский текст: «Лица их злобны, характер враждебен» и т. д. Правда, справедливости ради, надо сказать, что в некоторых отношениях образ чукчей рисовался и анекдотическим: так, например, тот же Ф. Ф. Матюшкин сообщает, что «для большей части чукчей крещение составляет только спекуляцию, посредством которой они надеются получить несколько фунтов табаку, медный котел и тому подобные подарки. От того нередко случается, что иные добровольно вызываются вторично креститься и явно выражают свое негодование, когда им в том отказывают». Сам Матюшкин был свидетелем вполне анекдотической сцены крещения, по ходу которой согласившийся окреститься за несколько фунтов табаку молодой чукча стал решительно отказываться окунуться в купель с водой, а когда после уговоров он на это, «наконец, решился и с видимым нехотением вскочил в купель, но тотчас выскочил и, дрожа от холода, начал бегать по часовне, крича: «Давай табак! Мой табак!» Никакие убеждения не могли принудить чукчу дожидаться окончания действия; он продолжал бегать и скакать по часовне, повторяя: «Нет! Более не хочу, более не нужно! Давай табак!»» (Путешествие по северным берегам Сибири 1948). Подобная сцена, вероятно, вполне допускает анекдотическое рассказывание, но, по общему контексту исторических и этнографических сведений о чукчах, ее, вероятно, правильнее сопоставлять с историей освоения американцами Дикого Запада, а не с руссоистскими идиллиями колониальных нарративов о наивных и добрых дикарях.

Другое дело, что в советской культуре, вопреки реальной исторической и фольклорно-этнографической действительности, восторжествовал образ, который менее всего связывался с чукчами в XIX веке даже у тех исследователей, кто относился к ним с симпатией (см., напр.: Крушанов 1987). Вероятно, какую-то роль в трансформации образа чукчей сыграли реальные обстоятельства: к началу XX века то, «что не могли сделать ружья и пушки, сделали табак, водка и эпидемии: чукчи постепенно утратили былую воинственность» (Нефедкин 2003: 18). Пугающие рассказы о воинственных чукчах, а также былички и предания, которые рассказывались еще в 1920-е годы о так называемых синдушных, или худых, чукчах, или чичунах, среди старожилов Индигирки, Колымы, Лены, Яны, вытеснялись анекдотами, собравшими под именем чукчей незлобных и доверчивых дуралеев, которые достойны насмешки, но в чем-то и своего рода снисхождения. Не исключено, что определенную роль в этом объединении сыграл тот самый языковой фактор, о котором писал Лев Рубинштейн, а именно семантическая инерция русского языкового сознания, наделяю-

¹⁴¹ Здесь и далее цитируется по электронной публикации [http://az.lib.ru/w/wrangelx_f_p/text_0060.shtml].

щая слова с начальным «чу» особой эмфатической содержательностью, которая указывает на нечто чужое и при этом обязывающее к бдительности. Междометие «чу!» представляется здесь вполне знаковым. Не случайно, может быть, что и само слово «чукча» не является самоназванием чукчей, а является именем, которое дано им русскими. Даже если это слово и восходит, как утверждают некоторые словари, к чукотскому слову «чауча» – «оленьи люди», то его выбор кажется вполне симптоматичным на фоне других русскоязычных этнонимов на «чу»: чудь, чухна, чуваша, диалектное чуча (так называли первых людей, населявших Забайкалье), чудаки (в середине XIX века так называли первобытных жителей Сибири, от которых будто бы остались бугры и курганы).

Применительно к анекдотической традиции звуковой символизм русских слов на начальное «чу» отмечался Эмилем Драйцером в книге, посвященной этническому юмору в Советском Союзе (Draitser 1998: 82–83). Книга Драйцера в целом не может считаться научной, это скорее публицистическая работа, где всячески подчеркивается русский расизм и принижено положение других народностей страны. О не случайности для анекдотов о чукче звукового символизма слов с формантом «чу» упоминали и другие исследователи (так, в частности, Сету Грэхему «смешным» кажется само столкновение гортанной взрывной согласной *к* и аффриката *ч* [Грэхем 2007]). Этому же обстоятельству посвятила детальную статью Александра Архипова под названием «Что общего между *чукчей* и *чебурашкой*?» (Архипова 2006). Семантическое соотнесение начальных «чу» и «че» в статье Архиповой представляется мне лингвистически натянутым, но о смысловой специфике существительных на «чу» говорить, по-видимому, и можно, и нужно, тем более что синхронно-семантические переключки между такими словами поддерживаются их временной, диахронической трансформацией. Что я имею в виду? Можно заметить, например, что слово «чукча» в данном случае претерпело такие же изменения оценочного характера, как, например, и грозное некогда слово «чудь», давшее в конечном счете вполне миролюбивые слова «чудак» и «чудик». А некогда оценочные нейтральные слова «чурбан» (обрубок бревна) и «чушка» (молодая свинья) стали пейоративными прозвищами, пополнившими ряд других слов с экспрессивной дифтонгизацией. Диалектное «чуча», служившее для обозначения автохтонного населения Забайкалья, также сопутствовало его бранному употреблению в Томской губернии в XIX веке.

Сегодня слово «чукча» воспринимается в ряду слов на «чу», которые могут считаться своего рода нарративными заготовками, т. е. прозвищами и микроэтнонимами, которые как бы заведомо содержат в себе возможность анекдотического рассказывания. Можно сказать, что анекдотический персонаж по имени Чукча, с психолингвистической (а не этимологической) точки зрения оказывается ближайшим родственником чудака, чувака, чумака, чучмека, чуваша, чурки, чурека, чухны, чухаря, чучела, чучи, чувырлы, чупы, чуйки и т. д. Все эти слова (а слов на начальное «чу» в русском языке не так много) наделены экспрессивной дифтонгизацией, чья семантическая специфика кажется сравнительно устойчивой и прозрачной. Все они указывают на нечто, что достойно недоумения и насмешки (исключением в этом ряду является слово «чума», все еще сохраняющее преимущественно негативные коннотации).

Как бы, впрочем, не был важен фонетико-стилистический контекст для понимания анекдотического жанра вообще и анекдотов о чукчах в частности, он мало объясняет психологические и социальные обстоятельства происхождения этих самых анекдотов. Популяризации анекдотов про чукчей также, вероятно, способствовали разные факторы как собственно языкового, так и экстралингвистического порядка. Так, в частности, помимо кинофильма «Начальник Чукотки», здесь уместно вспомнить и о таком незаурядном таланте советской эстрады, как якутский певец Кола Бельды, чей рассвет и широкая популярность приходится на 1970-е годы. В 1973 году Кола Бельды, кстати говоря, стал первым из совет-

ских певцов, удостоенных звания лауреата Международного конкурса вокалистов в Сопоте. Певец часто появлялся на экране, его песни транслировались по радио, выпускались на грам-пластинках. Шлягерами этих лет стали хорошо известные песни «Увезу тебя я в тундру», «Якутянка», «Нарьян-Мар», «Песенка о терпении». «Песенка о терпении» (на слова Леонида Дербенева и музыку Игоря Гранова), исполнявшаяся Кола Бельды в дуэте с одним из наиболее знаменитых в конце 1970-х годов «вокально-инструментальных ансамблей» (ВИА) «Голубые гитары» (Гранов был лидером группы), в данном случае особенно важна своим замечательным припевом:

А чукча в чуме, чукча в чуме
Полярной ночью ждет рассвета.
С запорошенного неба
Звезды льют неяркий свет.
А чукча в чуме ждет рассвета,
А рассвет наступит летом,
А зимой рассвета в тундре
За полярным кругом нет.

Этот припев, повторяющийся рефреном в песне три раза, выпевался Кола Бельды с величественно эпической интонацией, контрастирующей торопливо бодрому мотиву остального текста, исполнявшегося группой «Голубые гитары»:

На крылатых глиссерах мчимся мы по рекам,
По дорогам катимся, по небу летим.
Стремительные дети стремительного века
Терпеть мы не желаем, и ждать мы не хотим.

Припев:

Все быстрее крутится колесо прогресса,
Может быть, и следует так спешить ему.
А мы за счастьем мчимся и догоняем стрессы,
Спешим мы за успехом, который ни к чему.

Припев

Помогает в трудный час мысль порой простая,
И мы лишь поэтому дать рискнем совет:
В часы, когда терпения нам очень не хватает,
Вы вспомните, что в тундре зимой рассвета нет.

Припев

Замечательно, что сам Кола Бельды, хотя и был по национальности нанайцем, с видимым удовольствием обыгрывал на публике уже сложившиеся особенности так называемого чукотского выговора и любил рассказывать анекдоты о чукчах¹⁴². В грамзаписи той же «Песенки о терпении» певец использовал и эмфатически выделял характерное для этих

¹⁴² См. например, воспоминания о Кола Бельды солиста группы «Чайф» Владимира Шахрина [<http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/44n/n44n-s36.shtml>].

анекдотов словцо «однако». Ничего специфически чукотского в таком исполнении, конечно, не было. Так, строгий эксперт-северовед, пожалуй, придрался бы уже к тому, что вопреки словам той же песни чукчи живут не в чумах, а в ярангах. Но Кола Бельды позиционировал на эстраде именно тот образ, который имел отношение не к этнографической, а к вполне воображаемой – «фольклорной» – действительности Советского Союза. Парадоксом в этой ситуации является то, что этнографическая действительность СССР изначально была в существенной степени «воображаемой», определявшейся и «проектируемой» в угоду идеологии и политике.

О том, к чему приводила такая стратегия на практике, можно судить, в частности, по той неразберихе, которая царила в годы советской власти в паспортизации коренного населения Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока. При всех сложностях и известных условностях этнического самоопределения как такового наведение этнического «порядка» применительно к народностям Севера демонстрирует беспрецедентную сумбурность и непоследовательность. Так, по наблюдениям Н. Б. Вахтина и Е. В. Головки, перепись населения варьирует в этих случаях то административно-территориальные различия, то социальные льготы, то удивительные национальные группы вроде «чукчей с родным русским языком» (Вахтин, Головка 2004). Хорошим примером идеологического неразличения этнографических деталей в советской культуре 1970-х годов может служить, например, текст из изданного в 1972 году учебника английского языка для студентов технических вузов. Этот учебник был проанализирован Еленой Рабинович как еще один возможный источник чукотской серии анекдотов (Рабинович 1989: 100–103). Одно из упражнений этого учебника контрастно противопоставляет счастливых обитателей советской Чукотки и эскимосов Аляски, прозябающих под гнетом капитализма.

В отличие от нашего народа, эскимосы не имеют больниц, кинотеатров, клубов, больные люди не получают медицинской помощи, дети никогда не ходят в школу. В то время как широкая и счастливая дорога к культуре и прогрессу открыта перед всеми народами Советского Союза, американские эскимосы, в отличие от чукчей, не имеют надежды на будущее и вымирают¹⁴³.

Приведенный текст замечателен смешением, с одной стороны, «нашего народа» и чукчей, а с другой – противопоставлением «всех народов СССР» вымирающим американским эскимосам. Аргументацию Елены Рабинович, увидевшей в этом тексте вероятный источник «чукотской серии» анекдотов, существенно ослабляет тот факт, что анализируемый ею текст в учебнике приводится по-английски, студенты должны были его переводить и пересказывать с тем, чтобы затем отвечать на вопросы вроде того, живут ли чукчи в вигвамах? Но даже если и не видеть в этом тексте еще один источник интересующей нас серии анекдотов, легко представить, как могли потешаться над ним студенты – ровесники самой Рабинович.

Оформление анекдотического образа советского чукчи небезразлично, быть может, и к литературным текстам, разрабатывавшим тему чукотской экзотики. Именно в 1960–1970-е годы появляется целый ряд произведений, созданных писателями-чукчами А. А. Кымытваль (р. 1938), М. В. Вальгиргиным (1939–1978), В. В. Тынескиным (1945–1979) и прежде всего Ю. С. Рытхэу (1930–2008), много печатавшимся в столичных издательствах и удостоенным в эти годы широкого читательского внимания. Жители Чукотки, какими они предстают в произведениях названных писателей, различны, но все они так или иначе иллюстративны к одному общему пафосу – пафосу советской литературы о Крайнем Севере, возвеличивающему цивилизаторские достижения советской власти и оправдывающему социальное тер-

¹⁴³ Цитирую по публикации и в переводе Е. Г. Рабинович.

ление советского человека – строителя коммунизма. В этом контексте анекдотический образ чукчи не только вполне соответствовал условному образу доброго и терпеливого дикаря – образу, который был исключительно популярен в Европе, начиная с эпохи Просвещения, – но оказывался универсально приложимым к образу советского человека как такового. Говоря попросту, анекдоты о чукчах – это анекдоты не столько о чукчах, сколько о «простых советских людях».

Утверждение Юрия Левады о том, что социально-идеологическая установка на терпение оставалась на протяжении десятилетий психологической доминантой поведенческой стратегии «простого советского человека» выглядит, на мой взгляд, корректной не только применительно к материалам социологических опросов, но и к эмоционально-психологической модальности литературных и фольклорных жанров советской культуры (Левада 1997: 13). Чукча предстает на этом фоне героем, наилучшим образом выражающим стратегию «позитивного» терпения. Это образ доброго и терпеливого туземца, подверженного цивилизаторским усилиям власти, хорошо, вместе с тем, коррелирующий с дискурсивными средствами, обеспечивающими некоторого рода социальную (само) терапию. Социально-психологическая функция анекдотов в этом случае интересна не их литературными достоинствами и языковой игрой (анекдоты о чукчах в отличие, скажем, от анекдотов о Чапаеве, Штирлице или армянском радио за немногими исключениями кажутся мне примитивными), а таким эффектом речевого взаимопонимания, которое позволяет аудитории самозабвенно рефигурировать социальную реальность и подменять ее реальностью Воображаемого. И смех в этих случаях – следствие того, что искомое взаимопонимание достигнуто. Один из хороших анекдотов о чукчах обыгрывает это обстоятельство непосредственно: чукча разбрасывает листовки на Красной площади, его ловят, приводят в милицию, а листовки пустые, там ни одного слова. «Ты что, обалдел?» – говорят ему в милиции. «А что писать-то? И так все понятно», – отвечает чукча.

История анекдотического жанра в СССР сама по себе замечательна своей спецификой. Анекдоты существуют в самых различных культурах, но такого распространения анекдотического рассказывания, какое наблюдалось в Советском Союзе, не отмечалось где-либо еще. Причин у этого обстоятельства, вероятно, несколько: это и тотальная цензура официальной культуры, и характерное для советского быта и речевого обихода идеологическое «двоемыслие», и необходимость эмоциональной разрядки в условиях бесправия и повседневной рутины. Применительно к «чукотскому циклу» причина его популярности кроется, вероятно, в катартическом эффекте «согласия на социальное терпение», которое вместе с тем допускает известный психологический произвол: безальтернативно счастливое будущее требует от советского человека в принципе только терпения, но коль скоро это будущее гарантированно наступит («Пришла зима, – настало лето. Спасибо партии за это»), то для его приближения не нужно ничего и делать. Расхожая и, как давно и справедливо замечено, мазохистическая идея долготерпения оказывается в этих случаях по-новому актуальной в паре с не менее важным для нее утопизмом. Утопия не только искажает, но и разнообразит действительность, допуская в нее самые невероятные вещи. Анекдотические приключения чукчи демонстрируют это не лишней раз, подсказывая, что в воображаемой социальной действительности Советского Союза «всё возможно» – даже такое: «Захотел чукча стать генеральным секретарем ЦК КПСС. И стал им».

Литература

Айрапетян 2010 / *Айрапетян В.* Толкование на анекдот про девярых людей (АТ 1287). М., 2010.

Аргентов 1857 / *Аргентов А.* Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1857. Кн. 4. С. 1–59.

Архипова 2006 / *Архипова А. С.* Что общего между чукчей и чебурашкой? Этюд по фольклористической ономастике. Доклад на круглом столе «Русские глазами русских» в Институте мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, 7 декабря 2006 года [http://www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_arkhipova_chukca.doc].

Архипова, Иткин 2007 / *Архипова А. С., Иткин И. Б.* Легко ли выйти на Ружу: имена-имитаторы в текстах современного фольклора // Именослов: Историческая семантика имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2. С. 392–419.

Вахтин, Головкин 2004 / *Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.* «Разве мы виноваты, что так пишемся?»: Смешанные этнические общности северо-востока Сибири в официальных классификациях // *Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии.* СПб., 2004. С. 61–97.

Георги 1777 / *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов / Пер. с нем. СПб., 1777. Вып. 2.

Гончаров 1987 / *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 1987. Т. 2.

Грэхем 2007 / *Грэхем С.* Анекдотический цикл о чукчах: откуда, однако? // Живая старина. 2007. № 4. С. 33–35.

Древние российские стихотворения 1977 / Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977.

Зуев 2001 / *Зуев А. С.* «Конквистадоры» империи: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // *Ab imperio.* 2001. № 4. С. 81–108.

Кибер 1824 / *Кибер <А. Ф.>* Чукчи // Сибирский вестник. 1824. Ч. 2. С. 87–126.

Крашенинников 1949 / *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

Крушанов 1987 / *Крушанов А. И.* История и культура чукчей: историко-этно-графические очерки. Л.: Наука, 1987.

Куликовский 1898 / *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Левада 1997 / *Левада Ю.* Социальные типы переходного периода: попытки характеристики // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1997. № 2. С. 9–15.

Нейман 1871 / *Нейман К. К.* Исторический обзор действий Чукотской экспедиции // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1871. Т. I. № 4–5. С. 6–31.

Нефедкин 2003 / *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей: Середина XVII – начало XX века. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Путешествие по северным берегам Сибири 1948 / Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля / Под общ. ред. контр-адмирала Е. Шведе. М.: Изд. Главсевморпути, 1948.

Рабинович 1989 / *Рабинович Е. Г.* Об одном из предположительных источников «чукотской серии» // Учебный материал по теории литературы: Жанры словесного текста: Анекдот / Сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн, 1989. С. 100–103.

Рубинштейн 2005 / *Рубинштейн Л.* При чем здесь чукча? // Грани. Ру. 2005. 2 ноября [http://grani.ru/Culture/essay/m_97473.html].

Сёмушкин 1936 / *Сёмушкин З.* Моя Чукотка // Год девятнадцатый: Альманахи девятый и десятый. М., 1936.

Суворов 1867 / *Суворов П.* Миссионерская записка священника Петра Суворова за 1863 год // Душеполезное чтение. 1867. Ч. 3. С. 17–26 (2-я паг.).

Финк 1937 / *Финк В.* Рассказ Тихона Семушкина «Моя Чукотка» // Литературная газета. 1937. 10 мая.

Davies 1990 / *Davies C.* Ethnic Humor Around the World: A Comparative Analysis.

Bloomington, 1990. Draitser 1998 / *Draitser E. A.* Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit, 1998.

Михаил Лурье, Мария Ахметова *Rex ex machina* в локальном нарративе. Рассказы о проезде Хрущева через Бологое

1

Для локальных текстов¹⁴⁴ характерно своего рода «коллекционирование» известных личностей, так или иначе связанных с городом. Как верно замечает И. А. Разумова, «они привлекаются к местной истории с тем, чтобы повысить авторитет города, особенно провинциального, служить знаком этого авторитета, своего рода достопримечательностью» (Разумова 2003: 549). Иначе говоря, эти фигуры, соприкасаясь с городом, как бы подтягивают его к своему масштабу, что символически повышает престиж места, его культурно-историческую значимость в глазах жителей. Если говорить о Бологое¹⁴⁵, среди такого рода персонажей местного культурного пантеона стоит назвать тех, кто родился в городе (композитор Б. А. Александров), жил в самом Бологое или вблизи него (друзья А. С. Пушкина Д. А. Эристов и адмирал Ф. Ф. Матюшкин), жил и работал (композитор А. В. Александров), приезжал в город (поэт В. Ф. Ходасевич, художник Н. К. Рерих) или проезжал через него (Теофиль Готье).

Один из таких значимых «гостевых» персонажей в бологовском локальном тексте – Никита Сергеевич Хрущев. Согласно местному преданию, глава партии и правительства, проезжая на поезде, во время остановки в Бологое имел короткую беседу с его жителями, после чего в городе был построен завод. Несколько рассказов с этим сюжетом, записанных от жителей города, мы хотим предложить вниманию читателей, предварив их некоторыми наблюдениями и соображениями о данном локальном нарративе, его связях как с системой актуальных для городского сообщества знаний и представлений, так и с более широкой традицией – в частности, национального политического фольклора.

Сразу оговорим, что фактическая подоплека этой истории нам пока неизвестна: это требует не столь уж простых разысканий, которые еще предстоит осуществить¹⁴⁶. Но в данном случае фактор достоверности не имеет определяющего значения: материал рассматривается не как исторический источник, а как составляющая локального знания, функция кото-

¹⁴⁴ О понятии «локальный текст» в антропологических исследованиях см.: Лурье 2008.

¹⁴⁵ Топоним *Бологое* по правилам русского языка склоняется как прилагательное среднего рода. Однако согласно местной речевой норме название города является несклоняемым словом, что соблюдается не только в устном узусе жителей города (рефлексии бологовцев о (не)склонении названия города), но и в местных газетах, в которых, кроме того, регулярно публикуются заметки на эту тему (см. об этом: Ахметова 2011). Здесь и далее в тексте статьи авторы следуют локальной норме.

¹⁴⁶ Неожиданным результатом наших поисков в этом направлении оказалось свидетельство о посещении Н. С. Хрущевым Бологое в 1963 году (именно 1962 и 1963 годы обычно называют информанты, датируя проезд вождя через свой город), но при особых обстоятельствах и со специфической целью: советский вождь вместе с кубинским лидером Фиделем Кастро приезжал в расположение части ракетных войск стратегического назначения, находящееся недалеко от города в военном городке (ныне – ЗАТО Озёрный). Однако не понятно не только, как могут соотноситься эти две истории, но и то, насколько можно доверять единственному пока источнику – газетной статье (приводим соответствующий отрывок): «Ветераны никогда не забудут, как 24 мая 1963 года дивизию посетили Никита Хрущев и Фидель Кастро. – Не теряя ни секунды, – рассказывает полковник в отставке Михаил Кузьмин, – они отправились в расположение полка. Премьер-министр революционного правительства Республики Куба спустился в шахту и через некоторое время вышел из нее воодушевленный. Затем специально для Фиделя Кастро ракету извлекли из шахты. Он обошел вокруг нее, трижды, как по дереву, постучал по металлическому корпусу изделия, расписался на ракете шариковой ручкой, а затем на русском, почти без акцента, добавил: «Защита Кубы есть... надежная». По его лицу было заметно, что визитом в Бологое он остался доволен» (Андреев 2008).

рого – не «отражать», а «создавать» городскую историю, мифологию, задавать параметры местной идентичности. В область коллективного знания о Бологое данный сюжет входит вне зависимости от характера своего отношения к реальности (не говоря уже о том, что в различных версиях и вариантах предания «доля правды» может быть различной). Для нас важно, что сюжет о проезде Хрущева через Бологое и его общении с жителями достаточно хорошо известен в городе. Рассказы и упоминания об этой истории были записаны еще в первых экспедициях¹⁴⁷, когда основные сюжеты бологовского локального текста были нам еще не слишком хорошо известны. Вопрос о проезде Хрущева после этого был включен в собирательскую программу, и целенаправленные опросы показали, что этот сюжет актуален для жителей города старшего и среднего возраста вне зависимости от их профессии и образовательного уровня. Формы реализации сюжета различны: он может быть представлен и как воспоминание из собственной жизни – автобиографический меморат с множеством конкретных деталей («я тогда в аккурат ночью этой дежурил» [2]¹⁴⁸, «и математику сдал, и увидел Хрущева» [46]), и как пересказ событий со слов непосредственных очевидцев («ну я-то не была, конечно, но по рассказам товарищей, значит, говорили...» [8]), и как исторический эпизод, реальность которого не вызывает сомнения («А вы такую же версию слышали? – Да это потому что не версия, это потому что факт» [5]), и как городское предание («Так, это народ наш, это уже как... Хотите, как фольклор воспринимайте» [3]), и как история малоизвестная, но опосредованно связанная с фактически подтверждаемым событием («То, что не к мифам <относится из рассказов о значении Хрущева для Бологое¹⁴⁹>, – что конкретно завод построен по приказу Никиты Сергеевича, это да»¹⁵⁰).

Помимо того что эта история вызывает к жизни устные нарративы, с достаточной регулярностью она фигурирует и как «вставная новелла» в текстах областной журналистики (в том числе в интервью с главой Бологовского района) (см., например: Летуев 2001; Мартынова 2007; Сивакова 2000; Тимашев 2004; Удавка для малых городов 2002) – такая кросс-дискурсивность вообще свойственна сюжетам локальных текстов¹⁵¹. Естественно также, что история, при устойчивости общей канвы (центральное событие и его последствия), варьируется не только по характеру своего воплощения, но и по содержательным и прагматическим параметрам. Так, согласно одним сообщениям, Хрущев вышел «к народу» из поезда, согласно другим – он только высунулся в окно; в одних случаях подразумевается, что визит Хрущева был чуть ли не запланирован и анонсирован городским властям заранее или что он сам пожелал поговорить с горожанами, в других случаях это подается как стечение обстоятельств, сделавшее возможным общение жителей города с правителем, в третьих – как волеизъявление самих жителей; согласно одним вариантам, бологовцы отправляют к Хрущеву делегата, согласно другим, – обращаются к нему коллективно; в одних рассказах сообщается только о просьбе к вождю, в других пересказываются и его вопросы к жителям города – и т. п.

¹⁴⁷ См.: Ахметова, Лурье 2005. Два текста о проезде Хрущева через Бологое помещены в этой публикации на с. 347–349, однако здесь мы сочли нужным републиковать их в контексте других рассказов с этим сюжетом (см. текст 2).

¹⁴⁸ Здесь и далее цифры в квадратных скобках отсылают к номеру опубликованного ниже текста.

¹⁴⁹ Здесь и далее пояснения в угловых скобках принадлежат авторам статьи.

¹⁵⁰ Андрей Иванович Пожарский, 1961 г. р., художник, преподаватель в училище; записали в 2008 году М. В. Ахметова, Т. М. Кожевникова.

¹⁵¹ Подробный анализ вариантов, структуры и прагматики устных и печатных изложений одного городского нарратива см.: Алексеевский, Лурье, Сенькина 2009–2010 (см. части 1 и 4).

2

Надо учесть, что в случае с Бологое проезд знаменитой личности через город на поезде – казалось бы, наименее символически ценный вариант взаимоотношений персонажа и места по шкале престижности – приобретает особый вес. Это связано с важнейшей для города идентичностью «крупного железнодорожного узла», через который «все проезжают». Значимость бологовского железнодорожного узла для всей страны находит разные риторические и сюжетные воплощения, актуализируется в различных тематических и коммуникативных контекстах. В разговорах о городе бологовцы постоянно подчеркивают множественность направлений железнодорожных путей, проходящих через город-станцию. Эта же позиция регулярно присутствует и в текстах о войне: фашистам было важно разрушить Бологое (чем объяснялись жестокие бомбежки в 1943 году), а советской армии и труженикам тыла – отстоять его и восстановить железнодорожный узел, из которого расходятся пути в несколько направлений и который соединяет два главных города страны.

Подчеркнем, что Бологое позиционируется не только как место, через которое многие проезжают, но и как город, который невозможно объехать, нельзя миновать. Эта идея отражена и в творчестве местных литераторов: «Эту станцию вам не объехать / По Октябрьской дороге никак...»¹⁵². «Неминуемость» города-станции для руководителей страны особо подчеркивается и в наших рассказах: «Кто не был в Бологое? В Бологое были все руководители, потому что хотя бы проездом» [9]; «Хрущеву здесь из Москвы в Ленинград никак больше не проехать» [6]. Кстати, наряду с Хрущевым в числе «проезжающих» могут называть и других советских лидеров: Н. И. Рыжкова, который в одном из приведенных текстов [4] дублирует Хрущева в функции персонажа-благодетеля, а также В. И. Ленина, Н. К. Крупскую, И. В. Сталина, которые тоже выходят из поезда и общаются с жителями города [7], и Б. Н. Ельцина [9].

Такое положение города и профессиональный статус значительной части его жителей как бы позволяет им контролировать железнодорожную коммуникацию. Это самоощущение ярче всего отразилось в предании о царском поезде. Когда Николай II в 1917 году возвращался из могилёвской ставки в Петроград, бологовские железнодорожники перевели стрелки, и поезд был отправлен на станцию Дно: «Мы ж железнодорожники... Это ведь мы же... Мы же стрелки перевели <на> станцию Дно, когда он ехал в Питер <...> Это было ночью. Когда как раз поезд подъехал <...> Это из музейных данных. Рабочие, железнодорожники, перевели стрелки, и поезд отправили не в Питер, как он должен был ехать, а на Дно, станцию Дно, как ехать на Псков. Вот. Неизвестно, чем бы все это кончилось, да?»¹⁵³. Это предание не вполне соответствует исторической истине (на самом деле поезд благополучно проехал через Бологое и шел по направлению к Петрограду до Малой Вишеры, откуда уже отправился в обратном направлении), и искажение исторического факта, в целом обычное для фольклорной традиции, обусловлено здесь определенной прагматикой: для локального текста в данном случае важно не то, что царь проезжал через Бологое навстречу своей гибели, а то, что именно в этом городе и по воле его жителей наступил переломный момент истории.

В рассказах о Хрущеве тоже возникает этот мотив «управления» поездами: согласно одной из версий, Хрущев не собирался выходить или даже останавливаться в Бологое –

¹⁵² Из песни бологовского барда Сергея Семёнова, неоднократно исполнявшейся автором на праздновании дней города.

¹⁵³ Нина Семеновна, ок. 1955 г. р., живет в Бологое с 1980-х годов, работает в церкви; записала в 2004 году М. В. Ахметова.

поезд остановили бологовские железнодорожники: «Остановили поезд, попросили. И он вышел» [1].

3

Разумеется, хрущевский «царский поезд» тоже остановили не без повода, и этот повод, что характерно, как и сама возможность такого проявления народной воли, непосредственно связывается с «железнодорожной» идентичностью города. Здесь необходимо небольшое историческое пояснение. Бывшее сельцо Бологое обрело новый статус после строительства железной дороги и станции Бологое; благодаря дороге оно росло, развивалось и в конечном итоге стало в чистом виде моногородом. Железная дорога, таким образом, до определенного момента была не только градообразующим предприятием, но и единственным экономическим и социальным ресурсом, единственной «кормилицей», единственным фактором развития города. Зависимость города от железной дороги, по рассказам, была настолько сильной, что, когда в 1960-е годы управление стрелками перевели «на автоматику» (по другой версии, локомотивы – на электротягу), количество рабочих мест на железной дороге резко снизилось, произошли массовые увольнения и началась безработица. (Эта ситуация, по ощущениям жителей, повторилась в 1990-е годы: чрезвычайно распространенный мотив сетований бологовцев – закрытие в городе управления Октябрьской железной дороги, воспринимающееся как социальная катастрофа.) Впрочем, иногда в качестве причины безработицы называется именно исключительное положение железной дороги, не способной обеспечить работой всех жителей города. И в наиболее часто воспроизводимой версии рассказов о проезде Хрущева через Бологое жители города просят главу государства именно о помощи в обеспечении рабочими местами.

Как сказано в одной из газетных публикаций, в которых упоминается эта история, «задача, которую в свое время *бологовцы поставили перед Хрущевым*, была выполнена» (Мартыанова 2007). Результатом беседы с Хрущевым, согласно городскому нарративу, стала постройка в Бологое завода «Строммашина» (открыт в 1967 году). Иногда с именем Хрущева связывают и строительство арматурного завода, который был открыт более чем через 10 лет после его смещения – в 1978 году¹⁵⁴. В результате Бологое перестало быть монофункциональным городом; при этом трудоустройство на «Строммашину» предполагало определенные блага, что заставляло железнодорожников временно переквалифицироваться: «У нас одно время было, когда завод «Строммашина» построили, в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году начали его строить, в шестьдесят пятом – шестьдесят девятом я пришел <на железную дорогу>. Он был построен. Часть железнодорожников из-за квартир, значит, все туда рванули. Большинство все вернулись назад. На железную дорогу»¹⁵⁵; «И завод вот этот «Строммашина» был, многие отсюда убежали, чтобы получить квартиры. Потом назад возвращались»¹⁵⁶.

Масштабы последствий разговора жителей города с Хрущевым оказались более существенными, чем преодоление кризиса трудовой обеспеченности: кроме появления новых рабочих мест, благодаря заводам развернулось городское жилищное строительство (построены Заводской и Западный микрорайоны) и, соответственно, была создана дополнительная инфраструктура¹⁵⁷. Это наиболее отчетливо звучит в публицистическом, представительском

¹⁵⁴ См. сайт ОАО «Бологовский арматурный завод» [<http://bolarm.ru/baz>].

¹⁵⁵ Владимир Павлович Степанов, ок. 1950 г.р., преподаватель в железнодорожном техникуме, записали в 2006 году М. В. Ахметова, В. В. Головин, М. Л. Лурье, М. В. Калашникова, А. А. Сенькина.

¹⁵⁶ Борис Павлович Трофимов (см. [4b]).

¹⁵⁷ Один из рассказчиков упомянул еще об одном, без сомнения, привлекательном последствии легендарного посещения города Хрущевым: «Когда Хрущев проезжал мимо, водка стала сразу наполовину дешевле. (*А почему?*) А почему? (смеется). Значит, так надо было» (Сергей Владимирович, около 1930 г. р., подводник; записали в 2008 году Т. М. Кожевникова, И. Ю. Назарова, С. Райт). Впрочем, не вполне понятно, как следует трактовать последнюю фразу – было ли, по

дискуссе: «Завод <«Строммашина»> обеспечил горожанам свыше полутора тысяч рабочих мест, построил за годы работы для своих работников около двух с половиной тысяч квартир, детский сад, общежитие» (Мартыанова 2007). Кроме того, предприятия стимулировали развитие системы подготовки рабочих кадров: «Дело в том, что молодежи было некуда идти, кроме железной дороги. «Строммашина» давала возможность работать... получить рабочую специальность и иметь возможность потом уехать в любое место. Потому что... (*Но подождите, это же не училище, а завод*). Дак там учеников набирали. (*Школа рабочей молодежи наверняка была?*) Да. И школа рабочей молодежи, и учеников, все там было. (*Какие там специальности получали?*) Ну, у них запорную арматуру в основном делали, это токари. Дальше шлифовщики. Ну, в общем, много профессий»¹⁵⁸.

Соразмерно подобным описаниям периода приращения / процветания, рисуящим последние советские десятилетия как золотой век города (представление, характерное для современных локальных текстов, особенно провинциальных, и в целом для социально-исторического сознания старших поколений), нынешнее его состояние расценивается как упадок и деградация. Соответственно, когда хрущевский сюжет возникает в контексте разговора о «Строммашине» и в нем доминирует мотив *Хрущев подарил городу заводы с рабочими местами*, часто актуализируется и парный мотив: *сейчас завод переживает плохие времена*. Иногда прямо сравнивается положение на заводе в нынешнее время и в годы его процветания – ср., например, фрагмент из интервью с директором завода: «Как память о печально известном «переходном» периоде предприятию достались огромные долги. Но, несмотря на это, завод, можно сказать, чудом удалось уберечь от банкротства. И сегодня «Строммашина» постепенно возрождает производство, восстанавливает рабочие места. Из тысячи семисот человек, занятых на предприятии в прежние годы, сегодня трудятся пятьсот» (Летуев 2001). (Впрочем, в 2010 году, по свидетельству редактора местной газеты, завод «претерпел процедуру банкротства» [9].) Таким образом, проезд Хрущева через Бологое становится как бы точкой исторического отсчета двух последующих эпох в жизни города – эпохи подъема и стабилизации и сменившей ее эпохи упадка и растерянности.

Хрущев выступает в данном сюжете как правитель-благодетель, почти буквально воплощая фразеологизм «бог из машины». Стоит вспомнить, что в фольклоре (обычно в легендах и преданиях) мотив пути какого-либо лица, обладающего высоким статусом и особыми возможностями, характеризуется особой топикой и особым набором мотивов-спутников. Персонаж (как правило, царского рода или святой), следуя через населенный пункт, во-первых, дает ему имя, а его жителям – прозвище или емкую формульную характеристику, во-вторых, либо наделяет город (село) какими-то благами или благословляет его, либо, напротив, наказывает или проклинает¹⁵⁹. По «Указателю типов, мотивов и основных элементов преданий», составленному Н. А. Криничной, бологовский сюжет достаточно отчетливо идентифицируется с позицией Ж. 5.г. где тип Ж – «основание (предполагаемое или осуществленное) строительного объекта», мотив 5 – «основание строительного объекта историческим лицом (князем, вождем, царем, купцом, зодчим)», элемент г. – «заводов, верфей, пристаней» (Криничная 1990: 10–11).

В старых преданиях в этой группе повествовательных мотивов, как известно, наиболее активно задействованы Петр I и Екатерина II, в фольклоре советского времени – прежде всего С. М. Киров, а в следующую очередь – безусловно, Хрущев. Например, существуют

мнению рассказчика, подешевение спиртного результатом распоряжения самого Хрущева или, наоборот, предназначенной для него «показухой», инспирированной местными властями.

¹⁵⁸ Майя Михайловна Фурс, ок. 1940 г. р., учительница; записали в 2006 году М. В. Ахметова, В. В. Головин, М. В. Калашникова, М. Л. Лурье, А. А. Сенькина.

¹⁵⁹ Из недавних публикаций, рассматривающих этот пучок мотивов на конкретном локальном материале, см. например: (Лимеров 2006; Виноградов, Громов 2007).

рассказы о том, как он назначил региональную денежную надбавку жителям Мурманской области и отказал в ней петрозаводчанам, причем в обоих случаях именно по результатам своего посещения этих мест (Разумова 2003: 550). Не случайно в одном из наших интервью поступок Хрущева – то, что он вышел из поезда к людям и откликнулся на их просьбу, – интерпретируется как модель поведения, не характерная для постоянно проезжающих мимо города государственных деятелей, по крайней мере в настоящее время: «...Вот он вышел на перрон, как он, почему он вышел – шас ведь проезжают мимо всё ведь с занавешенными этими окнами все эти. Что Путин.<...> Но они стараются не выходить. На проблемные участки стараются не выходить» [10].

Устойчивая приуроченность фигуры Хрущева к роли правителя, путешествующего по стране и раздающего (или обещающего) различные блага населению, объясняется, с одной стороны, его реформаторской активностью как в управленческой, так и в экономической сфере, с другой стороны, что особенно важно в нашем случае, – его постоянными поездками по разным регионам Союза, выступлениями перед жителями городов и сел, посещениями заводов, колхозов, институтов и т. п. Некоторые описанные случаи реализации Хрущевым этой модели поведения сюжетно чрезвычайно схожи с бологовской историей (что заслуживает внимания вне зависимости от того, реальны они или вымышлены). В статье, приуроченной к 40-летию со дня смерти Хрущева, приводится рассказ Алексея Сальникова, одного из офицеров КГБ, обеспечивавших его безопасность: «Во время поездки в Волгоград мы ехали на тракторный завод. Было очень жарко, пылица жуткая. А впереди нас по дороге несколько телег едут с цыганским табором... Никита Сергеевич говорит: «Остановитесь!» Машины тормозят. Цыгане тоже остановились, стоят, смотрят. Хрущёв выходит к ним: «Кто у вас главный?» Они вместе с бароном своим собрались в кучу вокруг руководителя государства. Никита Сергеевич говорит: «Хотите работать? Давайте я вам помогу. Организуем колхоз. Техникой, деньгами вас обеспечим, жилье вам построим»» (Богомоллов 2011).

Пристрастие Хрущева к подобным сеансам стихийного общения с местным населением во время поездок, порой сопровождаемым быстрым и эффектным решением вопросов социального благополучия целых поселений, не только, по-видимому, имело место в действительности, но и сделалось одной из основных составляющих его образа в массовом сознании и фольклоре. Помимо анекдотов, о которых речь пойдет ниже, эта черта регулярно упоминается и обсуждается в биографических нарративах, появившихся в последние десятилетия в большом количестве и тиражируемых СМИ¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Специфическая общительность Хрущева трактуется двояко: с одной стороны, как человеческая простота и истинная близость к народу (таким он представлен в воспоминаниях близких и в ангажированных текстах эпохи его правления), с другой – как самолюбование и популизм, что характерно для фольклора и современных публицистических текстов. Так, рассказывая о последних годах жизни отца, старшая дочь Хрущева вспоминает (и резюмирует): «Рядом с его дачей был простой профсоюзный санаторий. И когда он гулял по берегу реки, собирался народ, завязывалась беседа. Он отвечал на вопросы. Это была его стихия – общение с людьми» (Неизвестный Хрущев 2003). В цитируемой выше публикации сообщается: «Хрущёв, по воспоминаниям Алексея Сальникова, стремился больше бывать на людях особенно в то время, когда дела в экономике шли относительно хорошо. Заходил в магазины, общался с покупателями. Иногда даже ругал охранников, когда они ограничивали его в чём-то» (Богомоллов 2011).

4

Другим, более редким фрагментом в рассказах о проезде Хрущева является беседа Никиты Сергеевича с бологовцами об их жизни. В нескольких текстах повествуется о его расспросах, об ответах и жалобах горожан. В отличие от основного мотива (сетования на нехватку рабочих мест и просьба о заводе) в данном случае речь идет именно о плохом положении с продуктами питания, создающем необходимость «выживать». В частности, у двух никак не связанных друг с другом рассказчиков возникает (несколько неожиданно) мотив обилия грибов, которые заменяют жителям города отсутствующее в продаже мясо (последнее проговаривается с разной степенью отчетливости): ««Чего вам много тут? Чего хорошего?» Ему говорят: «Да грибов много» <...> Ну, говорит: «Ешьте грибы»» [7]. Этот же мотив упомянут и в изложениях истории в местной публицистике, что лишний раз свидетельствует о его устойчивости: «Н. С. Хрущев живо интересовался: много ли нынче грибов, других лесных даров природы уродилось и как людям здесь живется?» (Тимашев 2004).

Интересно, что один и тот же рассказчик может воспроизводить разные (но при этом релевантные для данной традиции) варианты реализации этого мотива. Так, согласно рассказу, записанному в 2005 году, на вопрос об обеспечении города мясом Хрущев получил уклончивый ответ: мол, «у нас грибки» [4а], а в рассказе, записанном от того же информанта через два года, уже упоминались жалобы горожан, вынужденных ездить за продуктами в столичные города: ««Как насчет мяса?» – «Мясо... <смеется>. Не спрашивайте про мясо. В Ленинград, в Москву ездим за колбасой и за маслом»» [4б].

Фрагмент, описывающий разговор Хрущева с горожанами о продуктах, не только в целом коррелирует с его репутацией любителя запросто пообщаться «с народом», расспросить о насущных бытовых нуждах и т. п., но и находит прямые соответствия в анекдотическом фольклоре. В частности, начало диалога на платформе, когда заезжий вождь интересуется уровнем обеспеченности местных жителей и получает ответ, по сути, саркастический – позитивный по форме и негативный по смыслу («Чего вам много тут? Чего хорошего?» Ему говорят: «Да грибов много»; «Как у вас там с мясом?» – «Да у нас грибки»), практически воспроизводит структуру и комический эффект следующего анекдота:

Хрущев приезжает в колхоз и по-отечески разговаривает с колхозниками.

– Ну, как живете? – шутит Никита Сергеевич.

– Хорошо живем! – шутят в ответ колхозники (Телесин 1986, № 328).

А продолжение этого диалога, где Хрущев фактически рекомендует заменять отсутствующие продукты питания «подножным кормом» («Ну, говорит: «Ешьте грибы»»; «Ну, это Божья благодать»), напоминает развязку другого сюжета из хрущевского анекдотического цикла:

Приехал американский рабочий к советскому и спрашивает:

– Как живешь?

– Хорошо, у меня все есть: и машина, и дача, и холодильник.

– А если по-честному, по-рабочему?

– Да знаешь, по-честному ничего нет!

– А ты поступи так, как я, – сказал американский рабочий. – Я пошел к Белому дому и начал есть сено на глазах у президента. Вышел президент, спросил, в чем дело, я рассказал ему все. И он мне помог. Теперь у меня все есть.

Пошел и наш рабочий на Красную площадь, начал есть сено. Выходит Никита Сергеевич, спрашивает, в чем дело. Рабочий ему все объяснил. Тогда Хрущев и говорит:

– Ты сено на зиму оставь. Зима ожидается суровой, холодной и голодной. Летом можно и травой прокормиться. Не по-хозяйски ты, мужик, поступаешь!¹⁶¹

В этой связи кажется тем более закономерным, что в одном из интервью вслед за бологовским сюжетом прозвучали два анекдотических текста: один – наиболее известный из хрущевского цикла анекдот о вождях на том свете («трепло кукурузное»)¹⁶², другой – высмеивающий отсутствие важнейших продуктов в хрущевские времена, т. е. разрабатывающий ту же самую тему, что и диалог о грибах (см. [46]).

Вообще, тема продуктового дефицита и связанные с ней мемуарно-биографические и фольклорные тексты, прямо выражающие насмешливое и неприязненное отношение к Хрущеву, которого традиционно обвиняли в развале сельского хозяйства, регулярно возникают в бологовских интервью – как в связке с нашим сюжетом, так и в других контекстах. Например, информант, родившийся в период хрущевского правления, привел такой стишок времен своего детства: «Раз куку, два ку-ку, в деповском (это у нас магазин деповской, это от депо) дают муку. Как не стало мудака – появилась мука»¹⁶³. В одном из публикуемых ниже интервью рассказчица, изложив историю о появлении «Строммашины», по прошествии некоторого времени беседы, добавляет: «Знаю, что мы Хрущеву благодарны... должны были быть благодарны за завод. Но Хрущева терпеть здесь не могли. <...> Ведь он ведь, Хрущев это кукурузой всё засадил, все ругались страшно, кукуруза эта не росла, не вызревала...» [9].

Подобного рода рефлексия весьма показательна. В сознании жительницы города столкнулись два варианта отношения к Хрущеву: как к благодетелю места, даровавшему населению возможность пережить локальный кризис и достичь процветания, и как к правителю – дураку и самодуру, фантазии и эксперименты которого привели к нехватке насущных продуктов в масштабах целой страны. Вероятно, в этой двоякости сказывается общее представление об экономической политике СССР хрущевской эпохи как об относительно успешной в научно-технической и промышленной сферах и провальной в области сельского хозяйства. Но для нас в данном случае важнее другое: именно сосуществование этих двух вариантов восприятия фигуры Хрущева, по-видимому характерное для многих российских городов (в особенности, провинциальных), и обусловило появление двух версий рассматриваемого городского предания. Заметим, кстати, что «заводской» и «грибной» эпизоды разговора ни в одном из учтенных нами текстов не присутствуют как два фрагмента единого повествования (хотя с точки зрения сюжета этому ничто не мешает): даже следуя друг за другом в рамках одного коллективного нарратива, они исходят от разных рассказчиков (см. [7]).

Итак, с одной стороны, сюжет о проезде Хрущева через Бологое обнаруживает включенность в систему представлений, характерных для местной мифологии и самосознания городского сообщества (например, о железнодорожной специфике города, его положении

¹⁶¹ Анекдот опубликован на нескольких сайтах, см. в частности: TLtinfo: Информационный сервер Тольятти [<http://www.tltinfo.ru/anek/index.php?c=&w=%D5%F0%F3%F9%E5%E2&o=10>].

¹⁶² См. например, вариант, опубликованный на сайте anekdot.ru [<http://v1.anekdot.ru:8080/an/an9610/961021.html#5>]: «Попал Хрущев в ад, и при входе черт у ворот поставил ему клеймо на лоб «Т.К.» Ходит/бродит Хрущев по аду и видит, что у Ленина и у Сталина – точно такие же клейма. Ну, тогда он решил разобраться, в чем тут дело, и пошел к черту, что бы тот все ему рассказал. Хрущев: – Черт, что это значит: «Т.К.» на лбу у Ленина, у Сталина и у меня? Черт: – У Ленина «Т.К.» – теоретик коммунизма. Хрущев: – Понятно, а у Сталина? Черт: – У Сталина «Т.К.» – тиран коммунизма. Хрущев (с нетерпением): – Ага-ага, а у меня, что это значит, а? Черт: – Трепло кукурузное!»

¹⁶³ Владимир Станиславович Чернявский, 1957 г.р., родился в пос. Медведево (сейчас – район Бологое).

между двумя столицами и т. д.), что определяет его поликонтекстность и множественную локальную прагматику. Это наблюдение свидетельствует о значимости данного сюжета в бологовском локальном тексте и одновременно указывает на плотность самого этого текстового поля, его пронизанность внутренними связями. Мы сталкиваемся здесь с важной структурно-прагматической особенностью любого локального текста, по крайней мере свойственного провинциальному городу: он устроен таким образом, что каждый его конкретный компонент (в частности, сюжет или группа сюжетов), в явном виде или имплицитно, реализует ограниченный круг идей, определяющих уникальную конфигурацию местной идентичности.

С другой стороны, как и всякий локальный нарратив, это предание, во всей совокупности его версий и вариантов, базируется на более широкой традиции, используя устоявшиеся в ней структурно-семантические элементы различного уровня. В данном случае в качестве такого фундамента выступает национальный фонд фольклорных повествований о правителях – от Петра I до Никиты Хрущева. И потенциал этой традиции реализуется достаточно полно: для воплощения двух вариантов (или ипостасей) фольклорного образа Хрущева бологовское предание задействует не только устойчивые характеристики и приемы изображения этого персонажа, но и две основные жанровые модели повествовательного политического фольклора – легендарную и анекдотическую. Границы между этими моделями, в принципе весьма отчетливые, могут оказаться достаточно зыбкими или не очевидными: как свидетельствует наш материал, это происходит в тех случаях, когда повествовательной формой их (моделей) реализации в текстах становится меморат.

Тексты

Ниже мы публикуем 11 фрагментов интервью (два из них – из разных бесед с одним информантом), записанных от жителей города участниками Бологовской экспедиции с 2004 по 2010 год. Вопросы и реплики собирателей даны курсивом, пояснения публикаторов – в квадратных скобках, сведения о записи приводятся после каждого фрагмента.

1

В общем, Бологое – это был очень огромный железнодорожный узел, пять направлений. Можно в Финляндию поехать, можно в Германию поехать. Большой узел был. Даже когда перевели сигнализацию (раньше вручную переставляли стрелки), ехал Хрущев, остановили поезд, попросили. И он вышел. Ему говорят: «Из нас четыре тысячи уволили, из-за того что перевели стрелки на автоматику, что нам делать?» Он дал слово, и построили два завода: арматурный и «Электромаш». Сигнализация и автоматика стала.

Мария Николаевна Штейнмеллер, 1920 г. р., работала учителем истории; записали в 2004 году М. В. Ахметова, Я. Фрухтманн.

2

Вообще, через Бологое ведь всё правительство проезжало. Между Ленинградом и Москвой-то они как-то общались. А как? Самолеты в то время были такие, что... Страшно на нем было и летчику-то летать, не только, значит, члену правительства. А бронепоезда были, ну, не бронепоезда, а специальные поезда, правительственные поезда, они у нас назывались литерные. Они ходили довольно часто, кто в них едет, чего? Вагоны как вагоны.

Ну как. Если кто строил, дак знает, что они не как вагоны, они пуленепробиваемые. Их не возьмешь таким простым путем, если даже рельсы разберешь. Вот. Поэтому. Вот, выходили здесь, у нас, значит, Папанин первый вышел в Бологое. Когда папанинцы, знаешь, первый, Северный полюс один-то был, вот. Потом, после него кто тут у нас был, трудно сказать, уже забыл. Ну вот, на Валдайских островах, вот, Длинные Бороды, такие острова есть, там правительственный санаторий, дак многие приезжали. Последний председатель Совета Министров при Советском Союзе-то, как его... Николай Иванович...

Рыжков?

Рыжков, ага. Рыжков выходил, он каждый год ездил, он выходил. Посмотрит Бологое. В частности, вот ведь и завод «Строммашина». <...> Заводы «Строммашина» и запорной арматуры – это когда Хрущев ехал, да, из Москвы в Ленинград, зачем там, я не знаю, давно это было, в 63-м году, по моему, в 60... 62-м. Ну, в общем, когда он был еще не снятым, вот. Он вышел здесь... Вернее, не вышел, открыл окно, и вот так вот вот, по пояс. Я тогда в аккурат ночью этой дежурил в круглом депо, дежурным по депо был. Вот. И я тоже его видел. Обыкновенный, простой русский мужчина, говорит: «Э-э», – так это, не спеша.

Подэживая. Вот. Мы его, конечно, не я – из горкома партии, не помню, кто там к нему близко подходил. Ну, все из уважения метров вот так, наверно, как до березы <показывает>, до вагона выходили. Ну, мало ли чего, кто знает. Вообще, с ним договорились уже, с это, с железнодорожной милицией, что вот будем вот так держать себя, и не обращайтесь на это внимания, мы тоже не будем нарушать ваши порядки. Вот мы пожаловались, что молодежь уезжает. У нас обыкновенно вся молодежь уезжала в Ленинград. Редко в Москву, а то всё в Ленинград. Вот это все бологовские, там, и это, из деревень, что оно в Ленинграде, ленинградское ПУ, да? Это вот всё из наших мест здесь. Рабочих мест не было. Буквально на второй год уже в план города, план области, внесли построение завода «Строммашина». <...>

А кому пожаловались, что рабочих мест нет?

Хрущеву непосредственно самому. А там, видно, сзади за ним стоял мальчик, который записывал. Вот, он записал, и после этого, сразу после этого построили, значит. Это по плану областное начальство, наверно, не думало в Бологое расширять. А сейчас...

Перестали уезжать после этого?

Да. Перестали. Ну, а зачем – три тысячи сразу, даже рабочих не хватало. Пришлось, приходилось откуда-то приглашать специалистов. А сейчас, а сейчас осталось, наверно, человек пятьсот-то, наверно, осталось на этом заводе. Может быть, побольше, может быть, поменьше.

Валентин Владимирович Мирошин, 1927 г. р., работал машинистом, начальником смены, партторгом депо, учителем истории, директором пионерского лагеря; записали в 2004 году М. В. Ахметова, В. В. Головин, М. Л. Лурье, А. А. Сенькина.

3

Западный микрорайон – это строил уже арматурный завод. Его строить начали значительно позже Бологовского, Бологовский начали строить в 65-м... Так, это народ наш, это уже как... Хотите, как фольклор воспринимайте. Проезжал здесь наш глава правительства, народ на вокзале ему выкрикивал. Что «дайте нам чего-нибудь хоть построить, чтобы чем-то было жить». Вот у нас появился завод «Строммашина». Вот. Строительных машин, ясно? Таких было шесть в СССР. Вот Могилев, Бологое, Киев, ну еще кто-то три это знает. Знают работники «Строммашин». <...>

А вот вы говорили, глава правительства проезжал, это кто был?

Ой... Леонид Ильич. Кто ж еще мог быть в это время. Не Хрущев. Или Хрущев? Чё-то у меня, знаете, заскок произошёл. Что, теперь – 62-й год... Нет, это, наверное, всё-таки Хрущев.

Лидия Александровна Гончарова, около 1940 г. р., в Бологое с 10 лет, работала учителем истории и английского языка; записали в 2006 году М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова.

4а

А говорят, сюда Хрущев приезжал, была встреча...

Нет. Встречи не было. А он э... знать бы, откуда он ехал, там... Со стороны Ленинграда, вот. В общем, всё, все поезда, идут спецпоезда, на особом учете. И всегда они идут секретно, через первый отдел. Так называется. Откуда всегда появляется утечка. Или было от отделения, или от чего... Или почему... В общем... Это было вечерняя школа, сдавали экзамен по математике – сдал... Геометрия с применимой тригонометрией была. Такой предмет. Сижу тогда на последней парте: то один тогда спросит решить, там, шпаргалку бросить, то другой. Подходит учительница. Вот. Гопова. <...> Людмила Александровна. «Слушай, чего ты тут будешь сидеть-то, все равно тебе спасибо не скажут. Сдать сдадут, а спасибо не скажут, иди-ка посмотри, у нас Хрущев сейчас поедет». На вокзал пришел, а вокзал оцеплен. У каждого... в общем, проходы закрыты, чтоб через вокзал не пройдешь. С этой, с этой стороны тоже оцеплено милицией. Народ стоит, а туда не попасть. Перрон пустой и никого нет. Никто и не подходит, ничего. Вдруг какой-то этот, маленький ребенок, там, лет десять, с цветами, под руку милиции как порулил туда, к вагону <смеется>. Милиция – раз, за тем погналась – кольцо разорвалось. И эта толпа – раз! – и уже у вагона. Ку-ку. Вот. Там ему цветов подарил – телохранители эти цветы берут, потом их к себе, ну, чего там. Вот. Ну, что там было? Митинг через открытое окно. Беседа.<...> Но вплотную с народом. Там а... Как всегда, эти бытовые вопросы поднимались. Вот. Как раз там мужчина... <Хрущев спрашивает:> «Как у вас там с мясом?» – «Да у нас грибки». – «Ну, это Божья благодать». Вот в таком духе был разговор, в общем: кто-то с тещей поругался, кто-то чего. Таких-то типа глобальных вопросов или чё, это, там, болезненных, особо не поднимали. По сельской местности каждый свое мещанское чего-то тянул.

Говорят, что жаловались на отсутствие рабочих мест и что потом был построен арматурный завод.

Это я не знаю, мне кажется, не... Не... Не Рыжков ли с Валдая ехал? Тот мужик – молодец, общался с бригадами. Вот. Николай Иванович Рыжков. Он выходил и вот. Кто-то беседовал, если чего, и спрашивал, и разговаривал, и присылал корреспондентов после своей этой поездки, что даже в «Правде» появлялись личности бологовских, там, инструкторов или машинистов – ну, которые привезли, там, интервью, вот: «Мы с вами беседовали». Я не думал, что центральные газеты <будут писать про бологовских>, думал – хоть попасть вот на центральную газету <смеется>.

4б

А вот что была за история, когда Хрущев через Бологое проезжал?

История? Моя личная или какая? Я кончал вечернюю школу, понятно? Сдал по математике экзамен и сижу там это – спросят – кому-то решаю, шпаргалки подаю. Подходит учительница и говорит: «Слушай, – Людмила Александровна Гопова, – чего ты пишешь тут им и решаешь? Они тебе спасибо не скажут. Иди ты – Хрущев проезжает, и сходи на вок-

зал: сейчас Хрущев поедет». Понятно? Прихожу – всё оцеплено. Это, милицией. И выходы, чтоб с вокзала не выходили к дверям, и там это как вокзал. Как у нас вокзал – с одной стороны и с другой, и туда на перрон не попасть. Вот и поезд подошел. Понятно? Вот. Там есть – и с цветами стоят, и с букетами – никого милиция не пускает. И вдруг эти, ребяташки, милиционеров – раз! <смеется> – и побежали туда. Никак что трое. Милиция – раз за ними, и вся толпа. И, в общем, ребяташки прорвали так... Значит, подскочили к окну, он окно открыл. Два это, как, мордоворота его охраняют <смеется>. Ему букет – они сразу берут, в сторону. Понятно? Ну, начинается: «Вот, я еду с Ленинграда, ленинградцы там недовольны, значит, насчет реабилитации вот этих, коммунистов... Как вы живете? Как вы?» – «Да у нас сейчас грибы пошли». – «Да это дар Божий! Как насчет мяса?» – «Мясо... <смеется>. Не спрашивайте про мясо. В Ленинград, в Москву ездим за колбасой и за маслом». Понятно? Вот. Ну, а и то какой-то встрял там насчет жилья, что вот живет на общей комна... кухне, и вот ему не дают, и он, это, участник – и вот такую аллилуйю-аллилуйю развил. И это, толпу стали уже милиция, это, отталкивать. Выйти он не вышел, только окно открыл. И всё. И вот два мальчика, с меня, но пошире эти, как называют-то... физиомордии. Вот я его видел. А так... И математику сдал, и увидел Хрущева. Был он загорелый, такой молодецватый был, вид у него не был как больного еще. Холеный мужичишка. Но «кузькину мать» он не кричал <смеется>. Сказал: «Насчет квартиры вы обратитесь в свою администрацию, вы ко мне с этим вопросом не обращайтесь». Понятно? Он <проситель из народа> как просил, вроде, это – награды, чего он там о награде развоевался, или чего он там... Недоволен на Ленинград <был Хрущев>. <...> Где-то у кого-то нарисовано: сумка через плечо, батон в руках и надпись написана: «Кому еще помочь?»

Это про что?

В Ленинграде у кого-то был нарисован Никита Хрущев, какая-то торба у его и батон в руках, и внизу написано: «Кому еще помочь?»

В смысле – нарисовано?

Плакат. Вот. Ну, а если так продолжить, значит, это... Играют дети в посольстве. Американский и русский. Не слышали такой анекдот?

Нет.

Вот. Играют эти дети, и вдруг из-за игрушек поспорили. Вот. Давай дразниться. Вот. И русский: «А у вас Кеннеди убили. А у вас Кеннеди убили. А у вас Кеннеди...» Тому чего-то надо отвечать, американцу: «А мы у вас Хрущева украдем. А мы у вас Хрущева украдем». Он: «А у вас тоже булок не будет. А у вас тоже булок не будет». Понятно? <...> Если к анекдотам подошли. Значит, умер Хрущев. Попадает в заведение. Там ангелы, всё. Повесили ему повязку: «ТР». Не слышали такой?

Не-а.

Вышел он там, видит – Карл Маркс, Энгельс идет, какую-то книгу читает. «ТР». Ленин – тоже бежит, руки в жилетке – тоже «ТР». Сталин в сапогах и в шинели идет. Тоже «ТР». Он успокоился. Приходит и говорит, это... там: «Бог мой! – или: Ангелы мои, шо это обозначает?» – «А каждому свое. Ну, вот это Маркс, там, у него ТР – а это «теоретик революции». Вот». – «А Ленин?» – «Творец революции». – «А Сталин?» – «Тиран революции». – «А я?» – «А ты трепач революции».

Борис Павлович Трофимов, 1935 г. р., работал машинистом, заведовал музеем депо; [4а] записали в 2005 году К. И. Зорина, Е. В. Кулешов, С. В. Милкина, [4б] – в 2007 году М. В. Ахметова, Е. В. Кулешов.

5

Есть здесь такая история про то, как здесь в 60-е годы Хрущев проезжал через Бологое. Вы не слышали?

Г. А. П.: Было.

А. С. П.: Было такое.

Г. А. П.: Это он построил этот завод.

Л. А. Г.: Когда он остановился, здесь его просили, чтобы дали какое-нибудь – работы нет, работы найти негде. И он сказал, что: «Будет вам какой-нибудь завод». И вот построил «Строммашину».

А вы такую же версию слышали?

А. С. П.: Да это потому что не версия, это потому что факт.

А вы там были, вы видели?

А. С. П.: Я его не видела, но факт то, того, что на вокзале его встречали, и он пообещал... Завод построили.

Г. А. П.: Вы понимаете, когда везли тех людей <из правительства>, на вокзал не пускали.

А как же там?..

Л. А. Г.: А работники-то вокзала там.

Г. А. П.: Непосредственные работники. Или пассажиры непосредственно попали. Вот они видели. И работники.

Л. А. Г.: А когда же у нас был этот, фестиваль молодежный? Точно так же, там никого не пускали. Потому что мой отец был только, и я там была. Только мне отец сказал: «Попробуй только к кому подойти! Стой на месте, молчи». Стояла на месте смотрела. На мексиканцев.

Это где было?

Л. А. Г.: Вот на вокзале было.

На вокзале? А можно поподробнее?

Л. А. Г.: Ну, чего поподробнее? И это же все-таки пятьдесят шестой год, я еще маленькая. Вот. Ну, с отцом пустили – там очень немногие отобранные люди. А и сейчас же на встречи отбирают людей. И чуть ли не покажут, какие вопросы кто задаст. <...> Мы знали, что фестиваль – ну, интересно было, вот отец и провел меня. На фестиваль на этот. Я стояла, где он мне сказал, ни к кому не обращалась, ничего. А там вышли из вагонов иностранцы, которых впервые увидела, вот очень заинтересовали меня мексиканцы, у них сомбреро были. Да. Чернокожего впервые увидела, очень интересно. Так хотелось мне чего-нибудь спросить, они там стали раздавать значки, еще чего-то там такое раздавать. Но мне отец так пригрозил, что, конечно, я никуда не двинулась.

*Алевтина Степановна Пузыревская, 1935 г. р., работала учительницей;
Геннадий Александрович Пузыревский, 1934 г. р., работал электриком на
железной дороге; Лидия Александровна Гончарова, ок. 1940 г. р., в Бологое
с 10 лет, работала учителем истории и английского языка; записали в 2008
году М. В. Ахметова, А. В. Тарабукина.*

6

А ведь тут же через Бологое, наверное, много людей проезжало известных?

Это центральный, центральный угол... узел.

А Хрущев проезжал?

Конечно. Конечно. Проезжал. Он как раз нам и заводы-то вот эти дал добро открыть. «Строймаш» огромный и этот, как его, арматурный завод. Это ж его заслуга.

А что, он выходил?

Выходил на перрон, да. Наша рабочая с ним здоровалась за руку даже.

Это делегация, что ль, пришла?

Да, но это... это было... ну, не при мне это, может быть, было, но... может быть, не в 65-м, а может, в 64-м или 63-м. Но я пришел – мне на свежую рассказывали это, что Никита Сергеич приезжает, и вот это, как ее, надо, мол, это, говорили, что, мол, надо... благодаря его руководству, это, вернее, его распоряжению, вот это, чтобы этот край ожил. У нас же безработица была здесь. Вообще. Я приехал мальчишкой, это, со слабовидящих детей со школы – некуда было устроиться вообще. Некуда. Одна железная дорога. Ну, а куда, извините – туда комиссия не пропускает. И вот в ресторан на тяжелые работы. И то только через горком партии – понимаете, в чем дело? Вот почему Никита Сергеичу... дал здесь указание открыть эти заводы. Чтобы люди работали. Из-за чего у нас население выросло намного? У нас же был небольшой город. Он вообще считался не город, а это, как ее, ну станция Бологое считалась, станция Бологое. И вот что только жили вокруг при ней – значит, это вот обслуживали железную дорогу. А потом уже заводы-то выстроили, и пошло. Выстроили, можете посмотреть даже, прокатиться на автобусе, Заводской микрорайон большущий этот самый, там много очень народу, тысячи живут. Вот Заозерный микрорайон выстроили. Вот Западный несколько домов поставили. Ну, расстраивается Бологое-то.

Это вот от заводов?

Да, от завода, да. Это заводы, как его, строили-то при коммунистах же. <...> А на завод если ты пришла работать, то тебе надо квартиру давать, правильно? Значит, что – одно за другое цепляется. Значит, жильем обеспечивать, чтоб человек работал и был спокоен и за семью, и за всё.

А Хрущеву что, пожаловались, что безработица?

Ну, а он чего, не знал, что ли? Он не знал? Он, наверное, знал. А Хрущеву здесь из Москвы в Ленинград никак больше не проехать. У нас центральный узел. С нашей станции в любую точку Советского Союза можно попасть. Вот с Твери – не... уже не туда. Вы посмотрите карту – уже не попадешь. А у нас в пять или в шесть направлений нитка расходится железнодорожная. Это сейчас немножко заглохло все это. Заглохло. А так оно функционировало, еще, а летом еще двести поездов в сутки функционирует. Двести – пропускная способность вокзала, представляете?

*Владимир, около 1949 г. р., работал грузчиком; записали в 2008 году
М. В. Ахметова, М. А. Маршак.*

7

М.А.И.: Вот когда убили Кирова, Сталин сам ехал здесь на поезде по железной дороге, чтобы... значит, ну, сам, лично разобрался, в чем дело. И выходил... поезд стоял тогда еще долго, узловая станция. Менялись команды, вот, и он, значит, выходил, и встречался – ну, окружен там был, никого не пропускали, но тем не менее встречался с людьми. А когда был Хрущев – я уже тут работал, конечно, в то время, вот, тут многие очень видели его. Он вышел – как, значит, начал, это, всех... разговаривать свободно...

А.П.И.: Ну попросту: «Как вы живете, что вам, чего вам не...»

М.А.И.: «Чего вам много тут? Чего хорошего?» Ему говорят: «Да грибов много» <смеется>.

Грибов много?

М.А.И.: Да, наши-то. Ну, говорит: «Ешьте грибы» <смеется>.

А.П.И.: Нет, он потом... потом ему сказали, что...

М.А.И.: Ну, что сказали? Ну давай, смени меня.

А.П.И.: Ну, мало рабочих мест, вот только железная дорога – узел, работать негде. «Нам бы заводик какой!» Он сказал: «Будет вам заводик!» И буквально вот в скором вот времени два завода – «Строммашина» и арматурный завод были построены. Прямо это вот прям быстро-быстро. И работой, конечно, были все обеспечены.<...>

М.А.И.: ...Когда, значит, в Москву переводили столицу. И документы там, и Ленин в этом составе был. Ехали, значит, они. Он тоже знал, что остановка, и тоже там охраняли. И тем не менее, значит, он выходил, вот, и поздоровался, сказал: «Здравствуйте, товарищи!» Вышла Крупская, сказала, что Ленин нездоров, все-таки это было после ранения. Вот, и она уже проводила с ним... ну, с народом разговор вела.

Михаил Алексеевич Иванов, 1931 г. р., урож. Великолукской обл., кандидат сельскохозяйственных наук, известный в городе краевед, работал учителем; Алевтина Петровна Иванова, ок. 1935 г. р., урож. Великолукской обл.; записали в 2008 году И. Ю. Назарова, С. Райт.

8

А вот вы не слышали такое, что через Бологое Хрущев проезжал?

Это было.

А что это была за история?

Это было, да, это я слышала и знаю. Откуда, каким путем, почему ехала правительственная делегация, делегация Центрального Комитета партии во главе с Хрущевым, я не могу сказать, какая у них была задача, но ехали они поездом через наше Бологое. Выходили встречать его секретарь городского комитета партии.

Выходил встречать, потому что он знал, что будет проезжать?

Да, они знали. Центральный Комитет предупредили о том, что поедет Хрущев. Ну, во-первых, по системе железнодорожной нужно было, ведь и поезд шел, нужно было дорогу подготовить там, как говорится, на все пять с плюсом. Вот это во-первых знали. Во-вторых, по партийной линии было сообщение, безусловно. Вот, и секретарь горкома партии у нас была женщина. Антонова Вера Николаевна. Затем, значит, председатель исполкома горсовета Афанасьев Михаил Александрович. Он был в составе делегации. Секретарь по идеологии <...> Милов Василий Афанасьевич. Он был начальник Октя... начальник отделения дороги нашего бологовского. Моисеев Владимир Наумович.<...>

С какой собственно целью пошла наша делегация? Да, с целью того, чтобы попросить финансирование, выделение средств на строительство завода в нашем Бологое. Просмотреть вот этот, значит, вариант для... с целью трудоустройства наших бологовцев. Почему, в основном только это считался город железнодорожников. В основном на железную дорогу и, знаете, весь город не примешь, всех желающих. И поэтому просили построить, помочь построить здесь у нас завод. Любого профиля, какой только можно. Ну и, конечно, такое финансирование было получено, и началось строительство завода «Строммашина». Это строительных, завод строительных материалов. Вот с этих позиций, значит, наша делегация встречала партийную делегацию Хрущева. Хрущев вышел на платформу, разговаривал очень это, как говорится, лояльно, тепло с нашими партийными работниками, вот и... <...> Ну о чем он с ними разговаривал, ну я-то не была, конечно, но по рассказам товарищей, значит, говорили о том, что он спрашивал, как живет провинция, как живет вот Бологовский район, чем занимаетесь, что культивируете. Вот сельское хозяйство, промышленности у нас

не было тогда почти никакой. Только железная дорога и сельское хозяйство. Вот, как настроение у народа, спрашивал, какие зарплаты, как оплачивают, как торговля работает, ну в общем все эти экономические проблемы. Ну поняли они, что мы такой провинциальный город по сути дела, не промышленный, вот чуть не сельского типа, и поэтому вот помогли. Вот такие разговоры были, как потом впоследствии рассказывали наши товарищи, наши работники.

А это вы слышали от тех, кто непосредственно туда ходил?

Да. Да, почему, потому что 62-й год – я работала в клубе железнодорожников, да. <...> Это только лишь, как говорится, разговоры, разговоры от людей, которые ходили туда. Вот Милов Василий Афанасьевич, потом секретарем в идеологии работал в городском комитете партии, да и Владимир Наумович, начальник отделения дороги, рассказывал об этом. <...>

А вообще через Бологое какие знаменитые люди проезжали? Про Хрущева вы рассказывали...

Про Хрущева – да, проезжали... А потом эти... литерных поездов шло очень много через Бологое, правительственные поезда в основном шли. Ну если по истории там, по историческим-то, по историческим данным, то это, конечно, там были выдающиеся революционеры, которые ехали мимо нас. Я вот помню, мы встречали монгольскую делегацию. Угу. Он отдыхал у нас в этом, в Валдае. В Новгородской области, в Валдае, но здесь в Бологое садился на Москву? А вот кто, я не помню, с женой ехал.

Галина Яковлевна Лапина, 1933 г. р., живет в Бологовском районе с 1957 года, работала учительницей, зав. детским сектором в клубе пос. Медведево и в клубе железнодорожников, директором клуба железнодорожников, в городском комитете партии инструктором, затем зав. отделом пропаганды и агитации, потом секретарем горкома; записала в 2010 году М. В. Ахметова.

9

Вот есть такой вопрос исторический или псевдоисторический – говорят, что через Бологое Хрущев проезжал.

Да. Проезжал. Да.

А вот что вы про это знаете?

Это совершенно точно, он проезжал, да. Люди вышли к нему.

Какие люди?

Бологовцы, естественно.

Это была какая-то специальная делегация?

Нет, нет, нет, это не специальная делегация, просто люди собрались стихийно, чтобы построить в Бологое предприятие. У нас железная дорога, конечно, все железнодорожники, ну, в основном, население. Но молодежь подрастала – куда идти, на железной дороге для всех не хватало места. Надо было строить завод. И все решили пойти, узнав, что... ну здесь секретов нет, проезжал Ельцин, проезжали все. Кто не был в Бологое? В Бологое были все руководители, потому что хотя бы проездом. Вот. А тут сказали, что Хрущев выйдет на несколько минут из поезда. Ну, естественно, народ говорит: «А чё бы нам не попросить у него завод?» Вот, попросили у него завод. Он сказал: «Хорошо, завод будет». Завод «Строммашина» был построен. В этом году он уже обанкрочен один раз, претерпел процедуру банкротства. Была тысяча с лишним рабочих. «Строммашина» – строительных материалов и машин для строительства. Вот, они и блоки производили строительные, испанская линия там была установлена. Хороший завод, люди так его любили, свое предприятие. Выстроил практически целый микрорайон Заводской завод «Строммашина». Все эти – и инфраструктура заводская,

всё, спортсмены, всё свое. Всё рухнуло, вот остался сейчас уже после двух банкротств сначала «Промзавод», а теперь уже «Автоком» так называемый. И котельная заводская, которая выделилась сейчас в самостоятельное предприятие «Теплотехника». И там занятость 117 человек на «Автокоме» и 30 что ли с чем-то на «Теплотехнике». Всё. Заводчане теперь в этом году 400 человек лишилось работы. Вот такая трагедия с этим заводом. Ну арматурный еще следом.

А арматурный завод тоже у Хрущева попросили?

Нет, нет, нет. У Хрущева попросили «Строммашину». А арматурный уже потом возник.<...>

...Я была маленькой девочкой в то время и сама, конечно, участия не принимала. Мои родители совершенно точно в этом тоже не принимали участия. Вот только так вот. Знаю, что мы Хрущеву благодарны должны были быть благодарны за завод. Но Хрущева терпеть здесь не могли. Я сама помню, маленькой девочкой смотрела, у нас в учебном уголке, я, наверно, в первом классе училась, висела его фотография. Я думала: «Господи...» Ему сколько, 60 там с чем-то лет, ну я щас на все это другими глазами смотрю. Царство ему небесное, Никита Сергеевич, у меня внук Никита. Вот. Ну тогда ему или 70 лет, или там 60 с чем-то лет, думаю: «Ой, это еще, наверно, мало для смерти». Ведь он ведь, Хрущев это кукурузой всё засадил, все ругались страшно, кукуруза эта не росла, не вызревала, и в общем-то...

Нина Петровна Морозова, 1952 г. р., редактор районной газеты «Новая жизнь»; записала в 2010 году М. В. Ахметова.

10

Этот узел давно железнодорожный, и в основном у нас были машинисты. Город железнодорожный. Ну и, естественно, служба была, и путейцы, и вагонники, город был один железнодорожный. А потом когда приехал сюда Хрущев, проезжал мимо, вышел на перрон, тут люди собрались, начали говорить, что негде людям работать, город-то вроде разрастается, а работать-то негде. И вот, значит, решили, что здесь надо построить вот завод, «Строммашина» вот эта. Ну начали строительство, и все железнодорожники ринулись туда на этот завод. Там потому что, как говорится, поначалу там были хорошие зарплаты, и все туда ринулись. Ну а потом недолго он и просуществовал. Да как недолго, вот у меня муж пошел туда работать в 1967 году. Вот мы поженились, он туда пошел на работу. Вот. В 67 году. А завод, наверно, пустили году в 65-м или 66-м, где-то вот так приблизительно. А потом уже стали строить арматурный завод, а теперь, как говорится, ни тот ни другой не фурычат.<...>

А вот когда Хрущев проезжал, говорили только про завод?

Да тут вот, у нас как ведь народ – увидит человека и скорее там жалобы всякие. Ну негде было людям работать, там вот в общем и зарплаты маленькие, и работать негде. И вот вопрос встал тогда об этом заводе. Они же, они же долго не стоят, вот он вышел на перрон, как он, почему он вышел – щас ведь проезжают мимо всё ведь с занавешенными этими окнами все эти. Что Путин. Что этот... я помню, в свое время, когда готовились, ехал... У нас был этот, премьер-министр-то с этим, не при Брежневе был, а уже перед этим... он еще с Горбачевым. На «Р».

Рыжков?

Рыжков, да. Рыжков. У нас же тут рядом валдайская дача правительственная. И вот они туда ездили и проезжали мимо. И вот эту всю железную дорогу, я как раз работала оформителем, художник-оформитель. И вот красили, все надписи делали, всё-всё-всё-всё. А он тогда на вертолете и пролетел. А мы готовились – столько денег было угрохано на всё это. Но бывает, проезжают. Но они стараются не выходить. На проблемные участки стараются

не выходить. <...> Конечно, и зачем им здесь останавливаться, проблемы какие решать – какие проблемы решать? Теперь проблемы решать кто будет – бизнесмены? Вот они магазинов настроили.

Наталья Дмитриевна Писаренко, 1946 г. р., работала на железной дороге оператором в учетном отделе, секретарем, художником-оформителем, механиком на арматурном заводе; техником в ПЧ, перед пенсией – кассиром; записали в 2010 году М. В. Ахметова, В. В. Головин.

Литература

Алексеевский, Лурье, Сенькина 2009–2010 / Алексеевский М. Д., Лурье М. Л., Сенькина А. А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 275–312; 2010. № 12. С. 375–420.

Андреев 2008 / Андреев Д. Стратегическая цитадель // Красная звезда. 2008. 31 июля.

Ахметова 2011 / Ахметова М. В. «Своя» и «чужая» грамматика: случай города Бологое // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 157–170.

Ахметова, Лурье 2005 / Ахметова М., Лурье М. Материалы бологовских экспедиций // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 336–356.

Богомолов 2011 / Богомолов А. «Хрущёва боялись даже мёртвого...» // Совершенно секретно. 2011. № 9 268 (сентябрь).

Виноградов, Громов 2007 / Виноградов В. В., Громов Д. В. Легенды о путешествующей императрице // Живая старина. 2007. № 3. С. 4–6.

Криничная 1990 / Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и элементов преданий. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1990.

Летуев 2001 / Летуев М. Не то мясо, или память от реформ // Тверская жизнь. 2001. 25 мая.

Лимеров 2006 / Лимеров П. Ф. Стефан Пермский и крещение чуди в коми устной традиции // Известия РАН (сер. «Язык и литература»). 2006. Т. 65. № 6. С. 36–45.

Лурье 2008 / Лурье М. Л. Локальный текст города и его словарное описание // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008 (= Studia Ethnologica. Вып. 5). С. 186–196.

Мартьянова 2007 / Мартьянова Л. С днем рождения, завод! // Тверские ведомости. 2007. 4 октября.

Неизвестный Хрущев 2003 / Неизвестный Хрущев: (Интервью с дочерью Н. С. Хрущева Радой Никитичной Аджубей) // АиФ Суперзвёзды. 2003. 15 сентября. № 18(24).

Разумова 2003 / Разумова И. А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор / Сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 544–559.

Сивакова 2000 / Сивакова М. Что ожидает Тверское Заволжье? // Караван + Я (Тверь). 2000. 7 июня.

Телесин 1986 / 1001 избранный советский политический анекдот / Сост. Ю. Телесин. Тенафлай (Нью-Джерси): Эрмитаж, 1986.

Тимашев 2004 / Тимашев В. Бологовский узел // Тверские ведомости. 2004. 30 июля.

Удавка для малых городов 2002 / Удавка для малых городов: (Интервью с главой Бологовского района А. М. Лебедевым) // Караван + Я (Тверь). 2002. 6 марта.

Анна Минаева, Александр Панченко «Сон Горбачева» и русский политический фольклор эпохи перестройки

Изменения структуры и средств массовой коммуникации, произошедшие в мире за последние 20 лет, привели если не к полному уничтожению, то к серьезной деградации массовой рукописной культуры. Единственной формой «рукописного фольклора», сохраняющейся в обиходе современного города, остаются граффити, однако функциональная и медийная специфика последних в существенной степени отличает их от рукописей на бумаге, будь то альбом или песенник, сборник религиозных текстов или афоризмов, дневник или анкета. Существование всемирной компьютерной сети, где любой человек вне зависимости от возраста, социального статуса и имущественного ценза может публиковать все или почти все, что захочет, тиражируя и распространяя информацию, тотчас же становящуюся доступной миллионам пользователей во всех частях света, привело к демократизации литературного процесса. В Советском Союзе, как мы помним, дело обстояло совсем по-другому. Очевидно, что в обществе, где монополия на распространение печатного слова принадлежит лишь ограниченному числу официальных агентств, рукописная традиция выполняет демократические функции в широком смысле этого слова: речь идет не только о выражении диссидентских политических взглядов, но и о пародиях, переделках, сатирических текстах, тем или иным образом касающихся актуальных проблем общественной жизни. Вероятно, в эпоху сталинских репрессий сочинение и хранение подобных текстов считалось – и не без оснований – настолько опасным, что «смеховая политическая культура» практически полностью перешла в устный обиход. О ее возрождении при преемниках Сталина речь пойдет ниже. Что касается эпохи перестройки, то в это время мы уже встречаем значительное число сатирических и пародийных текстов на политические темы, распространявшихся в рукописном или машинописном виде.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Русский политический фольклор от Петра I до Горбачева»).

Антропологическое изучение современности имеет свои преимущества, в частности, оно нередко дает исследователю возможности ориентироваться не только на результаты интервью, полевых записей и наблюдений, но и на собственный жизненный опыт, не имеющий прямой связи с профессиональной деятельностью. С воспоминаний такого рода мы и начнем. В июне 1987 года один из авторов этой статьи закончил 9-й класс средней общеобразовательной школы № 52 Ждановского (ныне – Приморского) района г. Ленинграда (ныне – Санкт-Петербурга) и был направлен для прохождения трудовой практики на учебный участок завода «Водтрансприбор», находившегося в том же районе. Поскольку в межшкольном учебно-производственном комбинате он изучал профессию токаря, то и на заводе тоже должен был заниматься токарным делом. Распорядок дня на заводе включал не только работу за станком, но и учебное время, в течение которого мастер участка должен был посвящать практикантов в тайны своего ремесла. Однако он не хотел или не умел этого делать и поэтому проводил «учебный» час, рассказывая анекдоты либо занимательные и не всегда приличные истории из своей жизни. Однажды в качестве интересной новинки мастер принес и прочитал вслух будущим токарям анонимное рукописное стихотворение, озаглавленное «Сон Горбачева». По-видимому, он не считал его политически опасным, поскольку обращался к аудитории, о которой знал очень мало. Как бы то ни было, насколько нам известно, никаких дурных последствий это чтение не имело.

В 1994 году текст «Сна Горбачева» был напечатан фольклористом В. С. Бахтиным в газете «Вечерний Петербург» (Бахтин 1994). Позднее этот же вариант был опубликован Бахтиным в антологии «Самиздат века» (Бахтин 1997: 796–797). Фрагмент того же самого стихотворения встречаем и в литературном тексте – повести петербургского писателя Сергея Воронина «Все думаю, думаю, думаю...», написанной в первой половине или середине 1990-х годов и рисующей драматические последствия наступившей капиталистической эпохи для жизни рядовых граждан России (Воронин 1998: 23–26). Здесь «Сон Горбачева» вложен в уста деревенского грамотея: предполагается, что последний и был автором стихотворения. Наконец, еще один вариант этого текста был скопирован М. Н. Власовой из рукописной тетрадки пожилой жительницы Холмского района Новгородской области, переписавшей его, в свою очередь, у кого-то из знакомых в конце 1980-х годов¹⁶⁴. Эти случаи характеризуют если не географический, то социальный контекст распространения «Сна Горбачева» в России эпохи перестройки: это стихотворение было частью «низовой» массовой культуры городского населения, но достигало и деревенской элиты. Нам не приходилось сталкиваться с бытованием «Сна Горбачева» в среде интеллигенции, однако вопрос этот требует отдельного исследования, тем более что анонимный автор рассматриваемого текста был, по всей видимости, образованным человеком. Что касается географии распространения «Сна Горбачева», то речь здесь может идти не только о северо-западе или европейской части России, поскольку среди современных интернет-публикаций того же стихотворения есть текст, озаглавленный «Страшный суд» и размещенный на развлекательном портале города Томска¹⁶⁵. Всего нам удалось зафиксировать четыре сетевых варианта «Сна Горбачева»: два опубликованы в «Живом журнале» (пользователь *tired_pilot* – 29 ноября 2005 года под заголовком «Страшный суд»¹⁶⁶; пользователь *dveia* – 13 октября 2007 года под заголовком «Страшный Суд»¹⁶⁷), одно – в сетевой библиотеке «Изда-читальня»¹⁶⁸, где некий автор, подписавшийся как Михаил Бар, поместил не только оригинал анонимного стихотворения (под заголовком «Страшный суд государей» с датой 1987 год), но и собственную его переработку, и, наконец, еще одно – на упомянутом томском сайте. Хотя в некоторых из учтенных нами вариантов «Сна Горбачева» имеются незначительные вариации, связанные, по всей видимости, с ошибками при переписывании, все эти тексты, за исключением перделки Михаила Бара, принадлежат к одной и той же редакции, не имеющей серьезных различий.

Стихотворение повествует о сновидении Михаила Сергеевича Горбачева – тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС, – в котором он попадает в загробный мир:

Видит длинный стол во сне
И решетку на окне.
На скамейке трое в ряд
Свесив головы, сидят.
Он, конечно, понял тут,
Что попал на страшный суд.
Вдруг затихло все и вот
Объявляют: «Суд идет!»

¹⁶⁴ См. Приложение 1 к настоящей статье.

¹⁶⁵ [<http://gorod.tomsk.ru>].

¹⁶⁶ [<http://tired-pilot.livejournal.com/2005/11/29/>].

¹⁶⁷ [<http://dveia.livejournal.com/32277.html>].

¹⁶⁸ [<http://www.chitalnya.ru/work.php?work=36249>]. Ко времени подготовки настоящей статьи к публикации эта страница была удалена с сайта. Копия находится в архиве авторов.

Преклоняют все колени,
Вместо Бога входит Ленин.
Грозно руку поднимает,
Суд загробный начинается...

Оказывается, что трое, сидящие на скамейке, это – предшественники Горбачева на посту руководителя КПСС: Сталин, Хрущев и Брежнев. Именно их и собирается судить основатель партии. Каждому предъявляется отдельное обвинение. Хотя за Сталиным и признаются какие-то «минувшие заслуги», однако его вина все же очень велика:

Ты себе присвоил право
Суд вершить, чинить расправу,
Кто в Сибирь, кому – расстрел,
Как же это ты посмел?
Или ты умом отстал?
А ведь я ж предупреждал!
Если хочешь быть у власти –
Обуздай покрепче страсти.

У Хрущева, как выясняется, вообще не было ни ума, ни заслуг. В вину же ему ставится многое: он «не зная броду, лез всегда и всюду в воду», учил людей разводить кукурузу и доить коров, разбазаривал зерно, отправляя его за границу, и напрасно распахал целинные земли:

Ты народ обидел кровно,
Даже тем, что и Петровна,
Возомнив себя царицей
Хлеб дарила за границу.
И зачем скажи, нахал,
Целину ты распахал?
Ведь хватило б на века
Мяса там и молока.

Кроме того, Ленин вполне негативно оценивает и международную деятельность Хрущева:

Но и тут уж, братец мой
Удивлял ты всех порой.
Даже опытных в дебатах
Заграничных дипломатов.
До сих пор им не понять,
Чем страшна у Кузьки мать.

Брежневу вождь пролетариата ставит в вину экономический упадок, распространение алкоголизма, коррупцию, а также полученные ни за что награды:

Так за что же, милый мой,
Ты четырежды герой?
Может, мира на планете

Ты добился в годы эти?
Или был во вражьем стане
Где-нибудь в Афганистане?
Нет, в боях и в дни труда
Не оставил ты следа.

Каждому из проштрафившихся советских лидеров Ленин назначает соответствующее его прегрешениям загробное наказание. Сталин поступает на место секретаря у Ивана Грозного, Хрущев становится шутом у Петра I, Брежнев же должен таскать на себе все свои медали и ордена:

Эй, несите-ка сюда
Все медали, ордена.
Звезды, ленты, аксельбанты,
Все значки и транспаранты!
Так неси теперь, старайся,
Да под ношей не сгибайся!

Наконец, Ленин обращает внимание и на самого сновидца. Впрочем, выясняется, что Горбачева пока еще не за что судить. Однако вождь пролетариата просит нового генерального секретаря не забывать увиденного и никогда не поступать так, как его предшественники:

Твердым будь, но не тираном!
Не царем, а капитаном!
Будь скромней, по заграницам
Не вози с собой царицу,
Не пугайся! Будь здоров!
И не вешай орденов!

На этом стихотворение заканчивается.

Прежде чем коснуться содержательных особенностей «Сна Горбачева», а также сопутствовавших ему фольклорных текстов, скажем так, менее оптимистического и толерантного характера, необходимо кратко остановиться на его формальных особенностях.

«Сон Горбачева» написан характерным для сказок Пушкина четырехстопным хореем с парными рифмовками. Единственное отличие заключается в том, во «Сне Горбачева» не выдерживается строгого чередования парных мужских и женских рифм. Специфика четырехстопного хорей заключается в его связи с песней. М. Л. Гаспаров считает, что «во всей восточноевропейской силлабо-тонике хорей ощутимо противостоит ямбу как метр национальный, народный – метру заемному и книжному», объясняя это четкостью песенного ритма: размер с сильным местом на первом слоге, без затакта, подчеркивает музыкальность и ритм (Гаспаров 1990: 5).

Если семантика четырехстопного хорей первой половины XIX века имеет яркую экзотическую окраску (поворот к экзотике сделал, по мнению Гаспарова, не Пушкин, а поздний Денис Давыдов, хотя и перешедший в своих стихах к любовной тематике, но сохранивший «гусарский» пафос), то во второй половине XIX века «направление его развития меняется от вторжения народно-бытовой тематики» (Там же, 14). За четырехстопным хореем прочно закрепляется ассоциация с «простым» и «народным».

«Сон Горбачева», однако, подражает не «Сказкам» Пушкина. В сущности, это переделка ершовского «Конька-горбунка». Из «Конька-горбунка» заимствованы не только рифмы (служит – тужит; дело – смело и пр.), но и прямые цитаты:

«Конек-горбунок»

Мужички такой печали
Отродясь не видали
Что Иванушка не весел
Что головушку повесил <...>
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?

«Сон Горбачева»

На Руси такой печали
Отродясь не видали
Леня, что же ты не весел?
Что ты челюсти отвесил?
Выходи на правый суд,
Или ноги не несут?

«Конек-горбунок», безусловно, дает больше материала для политической сатиры, именно поэтому автор или авторы «Сна Горбачева» ориентировались на Ершова, а не на Пушкина. Некоторые рифмы находят аналогии в детском и школьном фольклоре. Например, рифмы *царица – пшеница – заграница* встречаются в разных вариациях в считалках и стихотворных текстах, связанных с некоторыми играми (так называемые хлопушки и др.):

Царь уехал за границу,
А царица в Ленинград.
Царь посеял там пшеницу,
А царица – виноград¹⁶⁹.

Таким образом, форма «Сна Горбачева» указывает на его если не фольклоризованный, то, так сказать, «псевдонародный» характер: политическая сатира не маскируется, но смягчается очевидными ассоциациями с литературной сказкой. Думается, что и содержательные особенности этого стихотворения указывают на его «народную» атрибуцию либо адресацию. Понятно, что тема «вещего», провиденциального сна вообще хорошо представлена в русской литературе XIX века: среднему советскому человеку она была известна прежде всего по изучаемым в школьном курсе литературы сну Татьяны Лариной и снам Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать?». В нашем случае, однако, речь идет о сне с посещением загробного мира и видением посмертного суда, что скорее связывает его со снами, так сказать, «народно-религиозными», с фольклорным жанром «обмираний», где человек, находящийся в летаргическом состоянии, посещает «тот свет» и видит, какие именно наказания ожидают грешников после смерти¹⁷⁰. Трудно, впрочем, решить, имел ли автор «Сна Горбачева» в виду эту ассоциацию. Мотив сна государственного лидера, вообще говоря, встречается в анекдотах эпохи холодной войны, однако здесь он связан с категорией «политического абсурда» и может восходить к фразеологическим клише, в которых фигурирует словосочетание «страшный сон» («и в страшном сне не привидится» и т. п.). Так, в начале 1980-х годов был популярен следующий анекдот о сне Рейгана:

Рейган... просыпается посреди ночи в холодном поту. Его жена спрашивает:
– Рони, что случилось?
– Дорогая, кошмар мне приснился. Будто идет двадцать-очередной съезд КПСС, на трибуне Брежнев говорит: «Дорогие товарищи, мы

¹⁶⁹ Фольклорный архив Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Колл. 48. Ед. хр. 55. № 50 [цит. по: <http://www.unn.ru/folklore/massag.htm>].

¹⁷⁰ Об этом жанре см.: Лурье, Тарабукина 1994; Пигин, Разумова 1995; Толстая 1999; Шевченко 1999; Чередникова 2002; Пигин 2006.

заслушали доклады о положении дел на Брянщине и Орловщине. Теперь хотелось бы услышать, как дела на Вашингтонщине. Слово предоставляется первому секретарю Вашингтонского обкома КПСС товарищу Рейгану». А я сижу и чувствую – не готов. НЕ ГОТОВ!¹⁷¹

Существовал анекдот и про самый страшный сон Брежнева: «по Красной площади едут американские танки, в них сидят китайцы и жуют мацу» (Netinalju Stalinist: 82–85).

Как бы то ни было, можно предполагать, что формальная и содержательная специфика «Сна Горбачева» может быть обусловлена двумя факторами: либо стремлением выдать стихотворение за аутентичный фольклорный текст и, соответственно, представить его в качестве «гласа народа» (надо сказать, что писатель Воронин (или герой его повести) действительно попадает на эту уловку), либо тем, что он был специально предназначен «для народа», а фольклоризованная форма «сказочного» сна представлялась его автору или авторам наиболее удобной, чтобы донести до широкой аудитории соответствующее политическое содержание (что, в общем-то, тоже в какой-то степени удалось, если судить по степени распространения этого текста). Показательно, помимо всего прочего, что в качестве загробного судьи в стихотворении фигурирует именно Ленин: напомним, что партийная идеология эпохи перестройки была ознаменована очередным обращением к «ленинскому наследию» для обоснования демократического переустройства общественных институтов и борьбы с тоталитарными тенденциями вообще и сталинизмом в частности. Особое значение в этом контексте придавалось так называемому политическому завещанию Ленина (это выражение, насколько мы знаем, впервые появляется в докладе Бухарина, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина) – последним и, как представляется, не слишком осмысленным статьям, написанным умирающим советским лидером («Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации»). Бухарин, впрочем, считал эти работы «замечательными и глубочайшими по своему содержанию» и утверждал, что они представляют собой «не отдельные разрозненные кусочки, а органические части одного большого целого, одного большого плана ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной перспективы, которую провидел гениальный и острый взгляд полководца мировых революционных сил» (Бухарин 1988: 93). К перестроечным публикациям «политического завещания» добавлялось так называемое письмо к съезду – продиктованные Лениным в декабре 1922 года и адресованные XIII съезду партии заметки о «переменах в... политическом строе», где предлагалось увеличить «число членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни», а также говорилось, что «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть», что трудно сказать, «сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью», что «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в отношениях между... коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека» (Ленин 1988: 440–443). Именно «письмо к съезду», по всей видимости, подразумевал автор «Сна Горбачева», вложив в уста Ленина реплику «А ведь я предупреждал!» Думается, что широкая популяризация «политического завещания Ленина» в перестроечные годы могла способствовать специфической роли последнего в «Сне Горбачева». Что касается сопоставительной репрезентации внутренней и внешней политики сменявших друг друга лидеров государства, чему, собственно говоря, и посвящена значительная часть рассматриваемого текста, то она также, разумеется, достаточно традиционна и для литературы, и для устной повествовательной культуры; здесь можно, например, вспомнить известное стихотворение А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868) с рефреном

¹⁷¹ Цит. по анонимной публикации на интернет-сайте «Люди» в разделе «Анекдоты о знаменитостях» [<http://www.peoples.ru/anekdote/4168.shtml>].

«порядка только нет», песню А. Д. Флейтмана «Год тысяча девятьсот юбилейный» (середина 1960-х годов) с рефреном «тогда всю правду мы узнали про него» или довольно широко распространенный анекдотический сюжет о том, что делают те или иные руководители страны, когда их поезд сходит с рельсов (Netinalju Stalinist 2004: 62–71). Близкую аналогию сюжету «Сна Горбачева» находим в одном из анекдотов о Хрущеве («Трепло кукурузное»; см., например, вариант, опубликованный в работе М. Л. Лурье и М. В. Ахметовой в настоящем сборнике).

Итак, «Сон Горбачева» представляет собой политическую сатиру «для народа» или «от имени народа», сочиненную, кстати, не слишком молодым человеком, поскольку в ней фигурирует супруга Хрущева Нина Петровна Кухарчук (1900–1984), которая первой из жен советских лидеров начала сопровождать супруга в заграничных поездках. Трудно сказать, до какой степени появление и распространение этого текста было обусловлено чьими-то конкретными политическими интересами или задачами. Настораживает, однако, что в «Сне» отсутствует какая бы то ни было критика Горбачева. Стоит напомнить, что уже в самом начале его правления был дан старт антиалкогольной кампании (соответствующие постановления ЦК КПСС, Совета Министров и Верховного Совета СССР появились в мае 1985 года, спустя два месяца после избрания Горбачева генеральным секретарем), вызвавшей крайне негативную массовую реакцию уже в 1986–1987 годах (она касалась прежде всего подорожания алкоголя, ограничения времени его продажи – с 14 до 19 часов – и резкого сокращения числа винных магазинов, что привело к огромным очередям). В предисловии к вышеупомянутой публикации в антологии «Самиздат века» В. С. Бахтин предположил, что и «Сон Горбачева», и рукописные сатирические стихотворения о Хрущеве середины 1960-х годов (см. ниже) могли быть созданы «в недрах органов госбезопасности во вполне определенных целях», т. е. для пропагандистской поддержки нового режима (Бахтин 1997: 793). Не отвергая эту гипотезу в принципе, мы, однако, считаем ее не очень вероятной: вряд ли стоит думать, что советская политическая полиция прибегала к столь замысловатым методам скрытой пропаганды. Скорее всего, «Сон Горбачева» все же был результатом «частной инициативы», исходившей от кого-то из сторонников нового советского лидера.

Как бы то ни было, автор «Сна Горбачева», по всей видимости, ориентировался не только на «Конька-горбунка» и сказки Пушкина, но и на группу сатирических стихотворений (чаще всего четверостиший), которые также появились в первые годы перестройки и рисовали внутреннюю и внешнюю политику горбачевского СССР с изрядной долей критики и иронии. Все они написаны тем же четырехстопным хореем (нередко с парной рифмовкой) и, как нам кажется, в той или иной степени могут восходить к традиции советской «агитационной» политической частушки, зачастую не предназначавшейся для песенного исполнения и, соответственно, сохранявшей «литературные» ритмические особенности. «Ядром» этого цикла, к которому могут в достаточно произвольных комбинациях добавляться другие тексты, можно считать нецензурное трехстрофное стихотворение, возникшее, по всей вероятности, во времена встречи советского и американского лидеров в Рейкьявике (октябрь 1986 года), когда внешнеполитический курс СССР претерпел резкие изменения:

Рейган пишет Горбачёву:
«Ты ебал-ли Пугачёву?
Присылай её ко мне,
И тогда пиздец войне».

Горбачёв спешит с ответом:
«Если дело только в этом,
Присылаю сразу пару –

Пугачёву и Ротару,

А управишься коль к маю,
Высылаю тебе Раю.
Мне для блага всех людей
и не жалко т<р>ех блядей»¹⁷².

Этот текст, как нам кажется, указывает на некоторые гендерные стереотипы коллективного политического воображения поздней советской эпохи. Можно, конечно, предположить, что известная эстрадная певица А. Б. Пугачева, ставшая в 1985 году народной артисткой РСФСР попала в это и некоторые другие сатирические стихотворения эпохи перестройки (см. ниже) исключительно благодаря богатой падежной рифме к фамилии советского лидера. Не исключено, вместе с тем, что ее появление в подобном «фольклорно-политическом» контексте может быть обусловлено и другими факторами. Один из типов «круговых писем» 1980-х – начала 1990-х известный как «письмо счастья» и включающий перечисление «счастливых» и «несчастливых» героев, переписавших либо не переписавших письмо, упоминает в качестве таковых Хрущева и Пугачеву: генерального секретаря, «выбросившего» письмо, свергают «друзья» по партии, тогда как певица, «отправив 30 писем счастья», через четыре дня получает «на свой счет 2 миллиона долларов». Как утверждают разные варианты писем, дело происходит либо конце 1970-х, либо в начале 1980-х (Панченко 2003: 637–641). В одном из советских анекдотов того же времени Пугачева фигурирует вместе с преемником Хрущева:

Когда-то был анекдот о Пугачевой, который все знают. Армянское радио спрашивают: «Кто такой Брежнев?» – «Мелкий политический деятель эпохи Аллы Пугачевой», – отвечает радио¹⁷³.

Представляется, таким образом, что в массовом сознании позднего советского времени Пугачева претендовала на роль «первой леди» СССР, равной по своему статусу «главному мужчине» государства. Дело здесь, как нам кажется, не только в несомненной и крайне широкой популярности певицы и ее реальном либо воображаемом финансовом достатке, но и в топике женской «истории успеха», на которую очевидным образом ориентировалась Пугачева в конструировании своей биографии. В этом отношении массовое политическое воображение, по всей видимости, противопоставляло певицу (как, вероятно, и конкурировавшую с ней на эстраде Софию Ротару) жене последнего генерального секретаря Р. М. Горбачевой (1932–1999), чья публичная политическая деятельность воспринималась большинством граждан СССР преимущественно негативно. Напомним, что Горбачева не только встречалась с женами зарубежных политических деятелей, приезжавших в страну (до нее это обычно делала первая женщина-космонавт Валентина Терешкова), а также участвовала в приемах иностранных делегаций, но и была членом президиума Советского фонда

¹⁷² См. Приложение 2, подборка 2.1. Цитируемый вариант размещен пользователем «Живого журнала» *ardrig* 12 декабря 2006 года и сопровождается следующим комментарием: «Эхо перестройки. Разбирая завалы в бабушкиной квартире, извлёк из таинственных глубин утробы письменного стола оригинальный манускрипт, написанный на фирменной обёрточной бумаге ГУМа... <...> Рука моего деда вывела на этом историческом документе несколько частушек (местами матерных), по которым можно чётко определить тогдашнее отношение народа к власти и событиям в стране» [<http://ardrig.livejournal.com/17072.html>]. Сохраняем орфографию и пунктуацию подлинника с единственной поправкой: «трех» (как во всех остальных вариантах) вместо «тех». Единственный известный нам вариант, опубликованный в научной литературе, – это копия студенческого граффити из Пермского университета, сделанная в 1994 году К. Э. Шумовым (Шумов 1996: 462). Варианты, опубликованные в Интернете, см. в приложении к этой статье.

¹⁷³ [<http://www.allapugacheva.ucoz.ru/load/27-1-0-119>].

культуры и других благотворительных организаций, часто выступала по телевидению и в прессе. Судя по всему, упоминание в «Сне Горбачева» о жене Хрущева, якобы «дарившей» иностранцам хлеб, равно как и завершающий стихотворение совет не возить «царицу» «по заграницам» связаны именно с массовой obsession на общественно-политическую деятельность Р. М. Горбачевой. В одном из рассматриваемых четверостиший, например, читаем:

Райка мчится по стране
Точно ведьма на метле.
С ней ее царевич –
Михаил Сергеич¹⁷⁴.

Добавим, что, судя по всему, инициативу по проведению антиалкогольной кампании, принадлежавшую в действительности членам Политбюро М. С. Соломенцеву и Е. К. Лигачеву, также могли приписывать и жене Горбачева. По крайней мере претензии, связанные с отсутствием в магазинах спиртных напитков, адресуются в рассматриваемых текстах не только генеральному секретарю, но и его супруге:

Мы напишем Горбачеву
И Раиске лично:
От томатной пасты
Хер стоит отлично¹⁷⁵.

При этом в текстах, посвященных «борьбе с алкоголизмом», также фигурирует Пугачева (что, впрочем, опять-таки может объясняться особенностями рифмы):

В шесть часов поет петух,
В десять – Пугачева.
Магазин закрыт до двух,
А ключ – у Горбачева¹⁷⁶.

Одновременно с запретом на алкоголь осуждается и продовольственный кризис:

Водку мы теперь не пьем,
Колбасу не кушаем –
Банку браги ебанем
И перестройку слушаем¹⁷⁷.

Именно в связи с жалобами на тяжелое экономическое положение в рассматриваемых текстах фигурирует образ оживающего Ленина:

Милый Ленин, открой глазки!
Нет ни хлеба, ни колбаски;
Нет ни пива, ни вина –

¹⁷⁴ Приложение 2, подборка 2.1. Варианты см. в подборках 2.2 и 2.4.

¹⁷⁵ Приложение 2, подборка 2.1. Варианты см. в подборках 2.2 и 2.4. Под «томатной пастой» (в других вариантах вместо нее фигурирует «народная самогонка») подразумевается самогон, приготовленный на основе томатной пасты.

¹⁷⁶ Приложение 2, подборка 2.1. Варианты см. в подборках 2.2, 2.3 и 2.4, а также в публикации Шумова (Шумов 1996: 462).

¹⁷⁷ Приложение 2, подборка 2.1. Вариант см. в подборке 2.4.

Радиация одна¹⁷⁸.

Обращение к Ленину, который должен «проснуться» и покарать своего преемника, виновного в продовольственном кризисе, мы встречаем и до перестройки: уже в первой половине 1960-х годов получило широкое распространение четверостишие, начинавшееся или заканчивавшееся словами «Дорогой Ильич, проснись / и с Хрущевым (вар. Никитой) разберись». Вот, например, вариант, происходящий из Ярославля:

Мяса, масла нет совсем,
Водка стоит двадцать семь.
Дорогой Ильич, проснись
И с Никитой разберись!

(Гвоздев 2007)

Любопытно, что по устным (и, вероятно, далеко не всегда достоверным) свидетельствам, происходящим из разных регионов, этот текст якобы писали на постаментах памятников Ленину¹⁷⁹. Таким образом, представление о вожде мирового пролетариата, встающем из гроба и проверяющем, хорошо ли идут дела после его смерти, которое было использовано уже в псевдофольклорной сказке Родиона Акулышина «Хитрый Ленин» (Панченко 2005; Тумаркин 1997: 178–181), здесь дополняется значительно более древним литературным и фольклорным топосом «оживающей статуи». В стихотворной политической сатире эпохи перестройки переделка этого текста («Дорогой Ильич проснись, / с Горбачёвым разберись»)¹⁸⁰ также встречается, хотя, судя по всему и не очень часто. Как бы то ни было, очевидно, что образ «оживающего Ленина» был по-прежнему достаточно популярен в массовом политическом воображении эпохи «Сна Горбачева» и оказал на этот последний известное влияние.

Наконец, в еще одном сатирическом стихотворении, содержащем критику режима Горбачева и, вероятно, достаточно часто фигурировавшем в рассматриваемом цикле, перечисляются негативные события, ассоциировавшиеся с первыми годами перестройки: авария на Чернобыльской АЭС; полет Матиаса Руста, приземлившегося 27 мая 1987 года на Большом Москворецком мосту; гибель парохода «Адмирал Нахимов» на выходе из Новороссийской бухты 31 августа 1986 года, во время которой утонуло 423 человека; первый случай положительного анализа на ВИЧ у советской пациентки (1986), а также массовое заражение детей СПИДом в Элисте в 1988 году; распространение наркомании в СССР середины 1980-х годов; крушение поезда «Аврора» 16 августа 1988 года на перегоне Березайка – Поплавенец:

Перестройка – важный фактор:
Расхуячили реактор,
Пропустили самолёт,
Потопили пароход,
СПИД в Россию завезли,
Наркоманов развели,
И какая-то пизда
С рельсов валит поезда¹⁸¹.

¹⁷⁸ Приложение 2, подборка 2.1. Варианты см. в подборке 2.2, а также в публикации Шумова (Шумов 1996: 462).

¹⁷⁹ О подобном случае в Перми см.: Гафуров 2004.

¹⁸⁰ См. Приложение 2, подборка 2.3.

¹⁸¹ Приложение 2, подборка 2.1. Варианты см. в подборках 2.2–2.4.

К сожалению, мы не располагаем профессиональными записями этих текстов, сделанными в эпоху их актуального бытования, т. е. во второй половине 1980-х годов. События начала следующего десятилетия, радикально изменившие социально-политическую и экономическую жизнь бывшего Советского Союза, по всей видимости, довольно скоро вытеснили их из массового обихода. Поэтому нам пришлось преимущественно пользоваться современными (2006–2009) сетевыми публикациями, чьи авторы, в свою очередь, воспроизводят письменные тексты, сохранившиеся в домашних архивах. В двух случаях (подборки 2.1 и 2.2) публикаторы дают краткие описания своих источников, позволяющие говорить о том, что речь идет о текстах, распространявшихся, как и «Сон Горбачева», в рукописной либо машинописной форме. Можно сказать, что рассматриваемые тексты обнаруживают своеобразную «тенденцию к циклизации»: переписчики пытаются компоновать отдельные четверо– или восьмистишия так, чтобы составить из них более или менее целостное стихотворение. Что касается первых 22 строк подборки 2.4, то они, скорее всего, представляют собой отдельный «антигорбачевский» памфлет, написанный, судя по первому двустишию («Прошел год, пришел другой, / Михаил, ты стал другой»), в 1986 или 1987 году.

Как бы то ни было, очевидно, что все эти сатирические стихотворения представляют собой непосредственный литературный контекст «Сна Горбачева»: даже отличаясь от последнего в содержательном отношении, они сохраняют достаточную формальную близость. Большинство из них также написано четырехстопным хореем, хотя и с более разнообразным набором рифм (встречаются не только мужские и женские, но и дактилические окончания). Это обстоятельство позволяет предположить, что популярность четырехстопного хорea в качестве устойчивой формы для стихотворной политической сатиры может определяться не только аллюзиями на литературную сказку XIX века и общим «народно-экзотическим» ореолом этого размера. Не исключено, что известную роль здесь сыграла традиция «просоветских» частушек, сочинявшихся и публиковавшихся, начиная с 1930-х годов, с агитационными целями и вследствие этого нередко терявших ритмическую связь с собственно песенной традицией: можно думать, что наряду с другими памятниками «советского фольклора» некоторые подобные частушки никогда никем не пелись и, собственно говоря, функционировали исключительно как часть печатной культуры.

Стоит, однако, задаться вопросом, насколько неподцензурные политико-сатирические тексты второй половины 1980-х годов связаны с массовой советской культурой предшествующих десятилетий. Можем ли мы найти аналогии «Сна Горбачева» в 1960-е или 1970-е? Можно ли вообще говорить о сколько-нибудь устойчивой традиции неофициальной политической сатиры применительно к советской эпохе? Известно, что политические анекдоты появлялись и рассказывались на протяжении всей истории СССР. Однако функциональная специфика анекдота вообще и политического анекдота, в частности, не сводится, на наш взгляд, к репрезентации тех или иных политических событий; здесь же речь идет о текстах именно политико-сатирической направленности. Выше уже было сказано, что нам не известны подобные памятники, относящиеся к эпохе Сталина; возможно, что они еще будут найдены. Однако в середине 1960-х годов неподцензурные сатирические стихотворения имели, по всей видимости, достаточно широкое распространение, при этом они во многом сходны с рассмотренными выше текстами эпохи перестройки.

Наиболее пространный текст этого рода – «Сказка (или Сказ) про царя Никиту»¹⁸², также ориентированная на стихотворную литературную сказку XIX века. В формаль-

¹⁸² Один из вариантов этого текста, хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН («Сказ про царя Никиту и его свиту»), см. в публикации Н. Г. Комелиной в настоящем сборнике. Ниже мы цитируем этот текст. Еще один вариант хранится в Государственном архиве РФ (Ф. Р-8131. Оп. 31. № 99291). В 1965 году он был прислан в Прокуратуру СССР жителем Ростована-Дону, обнаружившем его в уборной жилого дома (публикацию текста и цитаты из дела см.: [<http://eversti->

ном отношении здесь, однако, преобладает «пушкинская» традиция чередования парных мужских и женских рифм, а в качестве «титulyного» претекста стихотворения сам автор называет сказку «Царь Никита и сорок его дочерей» (Пушкин 1977: 126–131):

Если Пушкина прочтете,
Царь Никиту там найдете,
Только был тот подурней,
Имел сорок дочерей.
Все красивы, все пригожи,
Друг на друга не похожи.
И на всех как на беду
Не найдешь одну Балду.

Впрочем, за исключением этой ремарки, а также искаженной цитаты из пушкинского текста («Принц Никита жил когда-то, / Ни высоко, ни богато») содержательного сходства две «сказки» не имеют. Основная часть стихотворения о Хрущеве состоит в подробном изложении биографии и политической деятельности советского лидера, начиная с его работы на посту первого секретаря ЦК КП(б) Украины в конце 1930-х годов и в послевоенные годы. Впрочем, большинство описываемых в этом тексте событий происходит уже после смерти Сталина, именуемого здесь «Кашеем» («Вот пришел конец Кашею – / Смерть взяла к себе злодея») и ареста Берия («Засаживали, расстреляли / И Никите власть отдали»). Дважды – сначала кратко, а затем подробно – описывается разгром «антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 года; упоминается последующее падение Булганина, а также исключение маршала Жукова из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1957 года. Внешнеполитическая деятельность «царя Никиты» представлена в стихотворении визитами Иосипа Броз Тито в СССР в середине 1950-х годов («Вот однажды царь Никита / Пригласил в Россию Тита»), поездкой Хрущева и Булганина в Индию, Бирму и Афганистан в 1955 году («Спьяна влезли в ту страну, / Где хозяин был У-Ну») ¹⁸³ и демонстративно бесцеремонным поведением советского лидера на заседании 15-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 12 октября 1960 года. Что касается внутренней жизни страны, то здесь внимание анонимного автора привлекли печально памятная кампания по разведению кукурузы (рубеж 1950–1960-х годов), освоение целинных и залежных земель (1954–1956), отказ от обязательных государственных займов в 1956 году с одновременным замораживанием на 20 лет выплат по старым займам («В долг его с народа брал, / А обратно не отдал»), семилетний план развития народного хозяйства СССР (1959–1965), а также запуск первых автоматических станций для изучения Луны в 1959 году:

Сам придумал семилетку.
Приказал пустить ракетку

rymin.livejournal.com/2009/05/08/). Три варианта «Сказки про царя Никиту» хранятся в Историческом архиве Исследовательского института Восточной Европы при Бременском университете (см. в публикации Н. Г. Комелиной в настоящем сборнике). Фрагмент еще одного варианта, происходящий из Ярославля, см.: Гвоздев 2007. См. также варианты, опубликованные в Интернете: [<http://djelunchik.livejournal.com/2006/03/14/>; <http://bayousong.livejournal.com/2008/11/28/>].

¹⁸³ Здесь можно вспомнить и другие «низовые» тексты, посвященные внешнеполитической деятельности правительства Хрущева, в частности, следующее стихотворение, рифмующее экзотические фамилии зарубежных партнеров Советского Союза: «В водке есть витамин – сказал Хо Ши Мин. / Ну – сказал У Ну. / Шикарно – сказал президент Сухарно. / Но пить ее надо в меру – сказал Джавахарлал Неру. / А мои ребята пьют досыта – сказал Хрущев Никита. / То-то у Вас все пропито – сказал Иосип Броз Тито. / Тогда поскорей наливай – закончил Чжоу Энь Лай» [http://slava-kpss.ucoz.ru/index/period_khrushcheva/0-17].

На далекую луну
Разбудить там Сотону.

Хотя очевидно, что «Сказка про царя Никиту» была написана уже после падения Хрущева, обстоятельства октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года в ней подробно не оговариваются; сообщается лишь, что

...потом он заблудился
И с вершины покатился.
Ты скорби, народ-творец,
Тут и сказочки конец.
Но скажу вам по секрету,
Я продолжу сказку эту.

Другое стихотворение о Хрущеве – «В СССР Никита жил...»¹⁸⁴, – появившееся, по всей видимости, одновременно со «Сказкой», значительно короче и не подразумевает прямых литературных аллюзий. Здесь в вину Хрущеву ставятся несколько иные аспекты внутренней и внешней политики СССР рубежа 1950–1960-х годов: кредит на возведение промышленных объектов, предоставленный в 1960 году недавно обретшей независимость Гане, начатое в том же году строительство Асуанской плотины в Египте, предоставление режиму Патриса Лумумбы военных грузовиков и транспортных самолетов, карьерные и финансовые успехи А. И. Аджубея (1924–1993), в 1949 году женившегося на дочке Хрущева Раде, а с 1959-го по 1964-й работавшего главным редактором газеты «Известия». В отличие от «Сказки про царя Никиту», «В СССР Никита жил...» содержит более пространное описание октябрьского Пленума, включающее подробности, которые могли быть известны далеко не всем современникам этих событий. Сообщается, в частности, что Хрущева заставили подписать заявление об отставке (написанное не им, а Л. Ф. Ильичевым; см. об этом: Постников 2004) и что последним во время смещения «царя Никиты» выступал Л. И. Брежнев (Аджубей 1989: 307):

Он хотя сопротивлялся,
Но потом во всем сознался,
Заявление написал,
На здоровье упирал.
Дескать слаб я стал мозгой,
Допустил промах большой.
Но прошу меня простить,
Зла на сердце не таить.
Вдруг тут Брежнев говорит:
«А народ-то не простит
Чем народ-то ты кормил,
Только речи говорил.
Так что вот давай нам дело
Поведем народ мы смело,
Скоро лучше будем жить».

¹⁸⁴ Вариант, датированный 1965 годом и хранящийся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Колл. 193. П. 1. № 11), см. в публикации Н. Г. Комелиной в настоящем сборнике. Еще два варианта, в том числе один устный, публикуются в Приложении 4 к настоящей статье. Наконец, еще один – наиболее пространный – вариант этого текста был опубликован В. С. Бахтиным вместе с текстом «Сна Горбачева» (Бахтин 1997: 794–795).

Кроме того, к числу антихрущевских стихотворений, появившихся после «октябрьского переворота» 1964 года, относится «Ответ царя Никиты зятю Аджубею», который в некоторых рукописях фигурирует как продолжение «Сказки о царе Никите», а также отличающееся в метрическом отношении стихотворение «Был король у нас такой...»¹⁸⁵. В них, как и в текстах, процитированных выше, Хрущеву адресуются преимущественно «экономические» упреки. Вообще говоря, и внешняя, внутренняя политика страны интерпретируется во всех этих сатирических стихотворениях именно в терминах, так сказать, «национального благосостояния». Международная активность Хрущева репрезентируется здесь как постоянная раздача «подарков», приобретенных за счет собственного народа:

А Никита, словно птица,
Стал летать по границам.
И куда б он не летал.
Всем подарки раздавал:
Тем дворец, тому заводик.
Здесь пшеницы пароходик.
Так он грабил свой народ,
Чтоб другой кормился сброд.

(«Сказ про царя Никиту и его свиту»)

Примечательно, что обвинения в торговле хлебом с другими странами, адресуемые «царю Никите» почти во всех этих стихотворениях, также сопровождаются рифмами *царица* – *пшеница* – *заграница*, которые, как мы помним, фигурируют в «Сне Горбачева» именно применительно к хрущевской эпохе:

Часто ездил за границу,
Продавал свою пшеницу.

(«В СССР Никита жил...»)

Зря я только за границу слал им русскую пшеницу. <...>
Разве были за границей Царь с зятьями и царицей?

(«Ответ царя Никиты зятю Аджубею»)

Скорее всего, обвинения в экспорте «пшеницы», которые, как мы помним, фигурируют и в «Сне Горбачева», были обусловлены продовольственным кризисом 1963 года, когда в связи с неурожаем и засухой сборы зерна в СССР сократились почти на 30 % и страна стояла на пороге голода (Зеленин 1999). Вероятно, нехватка продовольствия и в первую очередь хлеба, возникшая, несмотря на освоение целинных земель и высокие урожаи зерновых в конце 1950-х годов, вызывала у многих подозрение, что правительство отправляет хлеб на экспорт вместо того, чтобы кормить им собственных граждан. В действительности, однако, все обстояло противоположным образом: именно в 1963 году СССР начал массовые закупки зерна за рубежом (они составили около 10 % от валового сбора), а кризис с поставками хлеба, по мнению современных исследователей, можно объяснить интенсивной миграцией

¹⁸⁵ РО ИРЛИ. Колл. 193.П. 1. № 11. Без пагинации. Материалы из архива Л. В. Домановского. Колл. 111. См. в публикации Н. Г. Комелиной в настоящем сборнике.

сельского населения в города в конце 1950-х – начале 1960-х годов, а также общим ростом потребления продуктов питания в эпоху Хрущева (Там же).

В известном смысле соотношение «Сказки о царе Никите» и стихотворения ««В СССР Никита жил...» сходны с «фольклорной» контекстуализацией «Сна Горбачева» в первые годы перестройки. «В СССР Никита жил...» отличается меньшей «литературностью», имело, как мы видим, не только письменное, но и устное распространение и отличается значительной вариативностью. Впрочем, история этого текста требует более специального анализа.

Как бы то ни было, очевидно, что «Сон Горбачева», а также неподцензурная сатирическая поэзия эпохи перестройки в целом наследуют уже сложившейся традиции рукописной политической сатиры, которая, возможно, восходит не только к 1960-м годам, но и к предшествующему времени. Здесь необходимо вспомнить стихотворные политические памфлеты начала XX века, в частности, сочинения народника С. А. Басина-Верхоянцева (1869–1952), также восходящие к «Коньку-горбунку» Ершова (см.: Спиридонова 1977: 35; а также вступительную статью к публикации Н. Г. Комелиной в настоящем сборнике). Среди соответствующих текстов послереволюционного периода и, соответственно, «антисоветского» содержания, стоит, например, иметь в виду опубликованное С. Н. Азбелевым восьмистишие о «красной жопе Ильича», появившееся, вероятнее всего, вскоре после смерти Ленина (Азбелев 1998: 279, № 15).

Понятно, что и в случае с отставкой Хрущева, и применительно к эпохе перестройки речь идет о текстах, написанных достаточно образованными авторами и имевших хождение преимущественно, если не исключительно, в городской среде. Вместе с тем, на наш взгляд, содержательные особенности этих сатирических стихотворений вполне отвечают стереотипам социально-политического воображения, характерным для массовой культуры советского времени. Впрочем, подробный анализ этих стереотипов – предмет для отдельного исследования.

Приложения

1.

Сон Горбачева¹⁸⁶

Горбачеву снится сон,
Что на том уж свете он.
Видит длинный стол во сне
И решетку на окне.
На скамейке трое в ряд
Свесив головы, сидят.
Он, конечно, понял тут,
Что попал на страшный суд.
Вдруг затихло все и вот
Объявляют: «Суд идет!»
Преклоняют все колени,
Вместо Бога входит Ленин.
Грозно руку поднимает,
Суд загробный начинает:
Подойди, товарищ Сталин,
Чтить тебя хоть перестали,
Но заслуг минувших лет
Сохранился все же след.
Впрочем, речь пойдет о том,
Как испортился потом.
И скажу я, не тая,
Велика вина твоя.
Ты себе присвоил право
Суд вершить, чинить расправу,
Кто в Сибирь, кому – расстрел,
Как же это ты посмел?
Или ты умом отстал?
А ведь я ж предупреждал!
Если хочешь быть у власти –
Обуздай покрепче страсти.
Должен быть слугой народа,
Не царем, не воеводой.
Ты нарушил договор,
Так послушай приговор:
Есть тебе о чем тужить,
Будешь верою служить
Ты у Грозного царя
(Он прибил секретаря)
Сам узнаешь у Ивана,
Каково служить тирану!

¹⁸⁶ Публикуемый текст скопирован в 2000 году М. Н. Власовой из тетради с записями частушек, примет и пр., принадлежащей жительнице г. Холм Новгородской области А. В. Майоровой (1926 г. р., местная уроженка). Пользуемся случаем выразить признательность М. Н. Власовой, любезно предоставившей нам копию текста. Он публикуется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Перечень известных нам вариантов «Сна Горбачева» см. в начале настоящей статьи.

Ну, Никита, твой черед,
Выходи сюда вперед!
Здесь сплошная темнота,
Ни заслуг и ни ума.
Ты зачем, не зная броду,
Лез всегда и всюду в воду?
И везде совался смело?
Да твое ли это дело?
Кукурузу разводить
И коров доить учить?
Ты зачем по заграницам
Разбазаривал пшеницу.
Ты народ обидел кровно,
Даже тем, что и Петровна,
Возомнив себя царицей
Хлеб дарила за границу.
И зачем скажи, нахал,
Целину ты распахал?
Ведь хватило б на века
Мяса там и молока.
Но и тут уж, братец мой
Удивлял ты всех порой.
Даже опытных в дебатах
Заграничных дипломатов.
До сих пор им не понять,
Чем страшна у Кузьки мать
Шутовство – твое призванье
Так прими ты наказание:
Хоть тебе не по нутру –
Послужи шутлом Петру!
Леня, что же ты не весел?
Что ты челюсти отвесил?
Выходи на правый суд,
Или ноги не несут?
Расскажи же, как ты правил,
Без штанов ведь всех оставил!
В магазинах хлеб да кильки,
В промтоварах только шпильки.
На Руси такой печали
Отродясь не видали.
Стали бледными девицы,
И чему же тут дивиться.
Разве хватит для красы
В год полфунта колбасы
Мужики печаль и горе
Утопили в пьяном море.
Запустенье, лень и скука,
Захирела вся наука.

Ни с кого тут не спроси.
Серость бродит по Руси.
Но зато, как на болоте,
Нечисть всякая в почете,
Казнокрады и хапуги,
Спекулянты и ворюги,
Тунеядцы, бюрократы,
Несуны и горлохваты.
Вот такой взрастил букет
За неполных 20 лет
Так за что же, милый мой?
Ты четырежды герой?
Может мира на планете
Ты добился в годы эти?
Или был во вражьем стане
Где-нибудь в Афганистане?
Нет, в боях и в дни труда
Не оставил ты следа.
Где же мог ты ухитриться
Так геройски отличиться?
Ах, писал воспоминанья?
Заслужил ты наказание:
Эй, несите-ка сюда
Все медали, ордена.
Звезды, ленты, аксельбанты,
Все значки и транспаранты!
Так неси теперь, старайся,
Да под ношей не сгибайся!

Ленин голову поднял,
Горбачева увидал:
Михаил Сергеич, друг,
Почему такой испуг?
Ведь тебя пока бы вроде
Не за что судить в народе.
Ясность мысли, ум и честь.
У тебя, что видел, есть.
Но на весь дальнейший путь
То, что видел, не забудь!
Твердым будь, но не тираном!
Не царем, а капитаном!
Будь скромней, по заграницам
Не вози с собой царицу,
Не пугайся! Будь здоров!
И не вешай орденов!

2. Сатирическая стихотворная культура эпохи перестройки

2.1. Подборка 1¹⁸⁷

1)

Песни пишет Горбачёв,
Рая пишет ноты.
Ельцин песен не поёт –
Выгнали сработы.

2)

Райка мчиться по стране,
Точно ведьма на метле.
С ней её царевич –
Михаил Сергеич.

3)

Рейган пишет Горбачёву:
«Ты ебал-ли Пугачёву?
Присылай её ко мне,
И тогда пиздец войне».
Горбачёв спешит с ответом:
«Если дело только в этом,
Присылаю сразу пару –
Пугачёву и Ротару,
А управисься коль к маю,
Высылаю тебе Раю.
Мне для блага всех людей
и не жалко тех блядей».

4)

Перестройка – важный фактор:
Расхуячили реактор,
Пропустили самолёт,
Потопили пароход,
СПИД в Россию завезли,
Наркоманов развели,
И какая-то пизда
с рельсов валит поезда.

¹⁸⁷ Размещена в «Живом журнале» пользователем *ardrig* 12 декабря 2006 года [<http://ardrig.livejournal.com/2006/12/12/>].
Комментарий, сопровождающий публикацию, см. выше в примеч. 13. Сохраняем орфографию и пунктуацию оригинала.

5)

Милый Ленин, открой глазки!
Нет ни хлеба, ни колбаски;
Нет ни пива, ни вина –
Радиация одна...

6)

В шесть часов поёт петух,
В десять – Пугачёва.
Магазин закрыт до двух,
А ключ – у Горбачёва.
Водку мы теперь не пьём,
Колбасу не кушаем –
Банку браги ебанём
И перестройку слушаем.

7)

Мы напишем Горбачёву
И Раиске лично:
от томатной пасты
Хер стоит отлично.

8)

Раньше пили каждый день,
А теперь с полочки.
Этот хуй с пятном во лбу
Доведёт до ручки.

2.2. Подборка 2¹⁸⁸

Рейган пишет Горбачеву
не ебал ли Пугачеву
посылай её ко мне
и тогда конец войне.

Горбачев спешит с ответом
если дело только в этом
посылаю сразу пару

¹⁸⁸ Размещена на частном сайте П. В. Лихачева, посвященном истории российского флота [<http://li-k.narod.ru/PERESTROICA.txt>]. Подборка предваряется следующим комментарием: «Копия снята с тетрадного листочка, переписанного одной славной старушкой в самый разгар ПЕРЕСТРОЙКИ. Внимание! Не для детей!» Сохраняем графику, орфографию и пунктуацию оригинала.

Пугачеву и Ротару.

Если справишься ты к маю
То пришлю тогда и Раю
ради жизни всех людей
мне не жалко трех блядей.

Перестройка важный фактор
расхуячили реактор
утопили пароход
пропустили самолет.

Наркоманов завели
спид в Россию завезли
и какая-то пизда
с рельс спускает поезда.

Передайте Горбачеву
и Раисе лично
от народной самогонки
хуй стоит отлично.

ВОДКУ БОЛЬШЕ МЫ НЕ ПЬЁМ
колбасу не кушаем
браги банку наебеним
перестройку слушаем

В пять часов петух поёт
в восемь Пугачева
магазин закрыт до двух
ключ у Горбачева.

Вот как ведьма на метле
мчится Раика по стране
С ней её царевич
Михайл Сергеевич.

Перестройка мать родная
хозрасчет отец родной
на хуя родня такая
лучше буду сиротой.

Мишка песни сочиняет
Рая пишет ноты к ним
откажись ка песни петь –
вылетишь с работы.

Раньше пили каждый день
а теперь с получки

этот хуй с пятном на лбу
доведе́т до ручки

Ленин! Милый открой глазки
Нет ни мяса ни колбаски
нет ни водки ни вина
радиация одна.

2.3. Подборка 3¹⁸⁹

Красные фуражки, багровые лица
Это милиция идёт похмелиться
Впереди шагает мур, вечно пьяный, вечно хмур,
А за ним ОБХСС – много пьёт и много ест.

Дальше следует ГАИ, эти пьют не на свои,
А потом уж вытрезвитель, он карманник и грабитель
Дальше следственный отдел, этот пьёт без всяких мер,
А потом прокуратура, эти пьют похлеще мура.

Вот весёлая семья, вместе с ними пьёт судья
А когда же выпью я, денег нету ни *вырезано цензурой*

Водка – 20, мясо – 30,
ох*ел мужик совсем
Дорогой Ильич проснись,
с Горбачёвым разберись

Перестройка – это фактор,
загубили мы реактор
Потопили пароход,
пропустили самолёт,

Наркоманов развели,
Спид в Россию завезли
9–20 стала водка,
1–30 колбаса:
От такой то перестройки
дыбом встали волоса

В 6 часов петух поёт, в 8 – Пугачёва, в 2 часа вино дают
Ключ у Горбачёва

¹⁸⁹ Размещена 26 мая 2009 года на сайте знакомств LovePlanet пользователем, называющим себя Юрой (1989 г.р., проживает в Севастополе) [<http://loveplanet.ru/a-ljcmmpost-5674000/>]. Комментарии к публикации отсутствуют. Сохраняем графику, орфографию и пунктуацию оригинала.

Что ты плохо так поёшь, Алла Пугачёва?
«На сухую пусть поёт Рая Горбачёва»

Рейган пишет Горбачёву – «Не еб*шь ли Пугачёву,
Если нет пришли ко мне и не быть тогда войне»
Горбачёв спешит с ответом –

«Если дело только в этом, высылаю тебе пару –
Пугачеву и Ротару, если справишься ты к маю,
То тогда я вышлю Раю
Ради мира всех людей мне не жалко трёх бл*дей!»

2.4. Подборка 4¹⁹⁰

Прошёл год, пришёл другой
Михаил, ты стал другой
Перестроился ты быстро
Поснимал ты всех министров
У народа ни гроша
В магазинах ни шиша
И когда же это было
Чтоб пропало с полок мыло
Речь твоя течёт так плавно
Зубы чистишь ты исправно
Ты народу рот закрыл
Зубы чистить запретил
На Руси был славный чай
Где же сахар – отвечай
Вдруг народ наш стал алкаш
Миша может, ты не наш?
Может с Райкой заодно
Пьёшь коньяк, а не вино?
Возишь ты свою царицу
По морям по заграницам
Мы возьмём твою башкирку
И с пристало вон за шкирку
Урал опорный край державный
Трудом ковал свою он славу
Кормит Вас он москвичей
Настоящих трепачей
Вы нам Ельцена верните
Москвича же уберите
Ускоренье – важный фактор

¹⁹⁰ Размещено 25 марта 2009 года в сетевом дневнике Вагифа Джафарова (1992 г. р., проживает в Москве) под заголовком «Перестройка!!!!!!!!!! СОВЕТСКОГО СОЮЗА!!!!!!!!!!» [<http://www.liveinternet.ru/users/2975573/post98958975>]. Комментарии к публикации отсутствуют. Сохраняем графику, орфографию и пунктуацию оригинала.

Но не выдержал реактор
А теперь наш мирный атом
Вся Европа кроет матом
Пишет Рейган Горбачёву
Не ебёшь ты Пугачёву
Если нет – пришли ко мне
И тогда не быть войне.
Горбачёв спешит с ответом
Если дело только в этом
Я пришлю тебе их сразу пару
Пугачёву и Ротару
Если справишься ты к маю
То пришлю тебе и Раю
Ведь за жизнь простых людей
Мне не жалко трёх блядей
Перестройка – главный фактор
Расхуячили реактор
Утопили пароход, пропустили самолёт
СПИД в Россию завезли
Наркоманов развели
И какая то пизда
С рельсов сводит поезда
Ленин милый открой глазки
Нет ни сыры ни колбаски
Нет ни водки ни вина
Радиация одна
Водку мы сейчас не пьём
Колбасы не кушаем
Банку браги ебанём – перестройку слушаем
Передайте Горбачёву и Раисе лично
От народной самогонки хуй стоит отлично
В шесть утра поёт петух, в 10 Пугачёва
Магазин закрыт до двух, ключ у Горбачёва
Что ты жалобно поёшь Алла Пугачёва
На сухую пусть поёт Райка Горбачёва
И как ведьма на метле
Райка мчится по стране
А за ней царевич –
Михаил Сергеич
Раньше пили каждый день,
а теперь с получки
Этот хуй с пятном на лбу
доведет до ручки.

3. «В СССР Никита жил»

Вариант 1¹⁹¹

¹⁹¹ Текст размещен 12 августа 2007 года на форуме сайта Guns.Ru пользователем *rexfox* [<http://talks.guns.ru/forummessage/102/236620.html>]. Публикация сопровождается следующим комментарием (сохраняем пунктуацию оригинала): «Перебирая барахло нашел книгу 1902 года «Первые уроки церковно славянского языка», внутри был листок читайте и наслаждайтесь самиздатом». Воспроизводим с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Фрагменты еще одного варианта этого стихотворения опубликованы в блоге жителя г. Орел Юрия Левина 19 августа 2004 года, читаем: «Из какой-то книги выпали желтые, рассыпающиеся в руках машинописные листочки. Теперь уж трудно предположить, откуда они. По некоторым признакам можно догадаться, что тексты возникли в середине 80-х. Может стихи эти ходили в списках, не знаю. «Письмо Аджубея Хрущеву» и «Ответ Хрущева Аджубею». Хрущев с мертвым Сталиным таскался, да с китайцами ругался, в Гане строил он заводы, покорял в Египте воды // со своих три шкуры драл, за границу в дар давал. За что Брежнев ему выговаривает на Пленуме, добавляя еще собственные обвинения: Тут вдруг Брежнев говорит: что народ тебя простит // Чем народ то ты кормил только речи говорил» [<http://yu-l.livejournal.com/2004/08/19/>].

Было на Руси.

В СССР Никита жил
сладко речи говорил
часто ездил за границу
Продавал свою пшеницу

В Гане строил он заводы
Покорил в Египте воды
В Африке его любили
Он дарил автомобили

Дал Лумумбе самолет
Тот кто знает сам поймет
Деньги всем давал он с хода
Не свои – за счет народа
Что ж народ, народ терпел
Хоть и досыта не ел

Помогал работе сей
Зять Никиты Аджубей
тот на дочке был женат
он тому был очень рад

Был он парень развитой
Быстро в деле преуспел
И с подружкой такой
Он в Известию засел

Так мы жили не тужили
белый хлеб совсем забыли
Хоть и масла не видали
Планы все же выполняли

Наконец решил народ
дальше дело не пойдет
Пленум быстро мы собрали
Все вопросы разобрали
Говорим пиши Никита
Может мы тебя простим
И с поста тебя сместим

Он хотя сопротивлялся
Но потом все же признался
Заявление подписал
На здоровье подпирал

Дескать слаб я стал годами
Допустил промах большой
Но прошу меня простить
Зла на сердце не таить

Вдруг тут Брежнев выступает
а народ то не прощает
чем народ то ты кормил
только речи говорил
так что вон сдавай нам дело
Поведем его мы смело
Скоро лучше будем жить
Только так тому и быть

Крылов

Вариант 2¹⁹²

Был у нас Никита-царь,
Тостопузый государь.
Крал свинину, водку пил,
Лихо речи говорил.
Часто ездил за границу.
Проектировал заводы,
Покорял в Египте воды,
В Африке его любили:
Слал туда автомобили.
Дал Сукану¹⁹³ самолет,
А Фиделю¹⁹⁴ вертолет.
И дымили пароходы,
Увозя добро народа,
За моря и океаны
Президентам и султанам.
Как из сказочной страны
Щедры сыпались дары.
Помогал казну спускать

¹⁹² Текст записан 20 июля 2010 года в д. Верхняя Зимняя Золотица Приморского района Архангельской области сотрудниками фольклорной экспедиции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН А. И. Васкул и Я. В. Зверевой от В.А.С., мужчины, 1951 г. р., местного уроженца. Пользуемся случаем выразить признательность А. И. Васкул и Я. В. Зверевой, предоставившим нам эту полевую запись.

¹⁹³ Имеется в виду Ахмед Сукарно (1901–1970), один из основателей Индонезийской национальной партии, президент Индонезии в 1945–1967 годах. После визита Хрущева в Индонезию в 1960 году СССР начал масштабные поставки оружия и военной техники (в том числе авиации) в эту страну. Сукарно посещал Советский Союз в сентябре 1964 года, т. е. незадолго до свержения Хрущева.

¹⁹⁴ Фидель Алехандро Кастро Рус (р. 1926) – один из лидеров кубинской революции 1953–1959 годов, премьер-министр Кубы (1959–1976), председатель Государственного совета Кубы (1976–2008), лидер Коммунистической партии Кубы (1965–2006). Начиная с 1961 года, поддерживал тесные политические и экономические связи с СССР. Развертывание советских ядерных ракет на Кубе в 1962 году привело к так называемому Карибскому кризису, едва не закончившемуся войной между США и СССР. После завершения кризиса и вывода ракет Советский Союз продолжал поставки обычных вооружений и гражданской техники на Кубу. Советская военная база на Кубе была закрыта в 1991-м.

Аджубей – Никиты зять.
Ну, мужичек он башковитый,
А поддержка – сам Никита.
По закону своего тестя
Стал редактором «Известий».
Мол, порядок, пьяных нет.
Как же нам неурожай,
Кукурузный каравай.
Широка – мала страна родная,
Ешьте кильку, пейте квас.
Наконец цека прозрев,
Что Никита обнаглев.
Пленум экстренно собрали,
Все порядком разобрали.
Говорят они Никите
Откровенно и открыто.
Но Никита отпирался,
Как признали, так признался,
Описание описал.
Мол, я стар стал башкой,
Что я промах дал такой
«Хе, как не так, паразит, –
Ленька Брежнев говорит, –
Это вам уж не <нрзб>
Вспомни батюшку <нрзб>
Оплошал, пошел ко дну.
Ты народ нам не мути,
Дрыхни, мать твою ети».
И сиди<т> злодей Никита
У разбитого корыта.
Мир тебе, старинный дед,
Сельсовет и дармояд.

4. «Ответ царя Никиты зятю Аджубею»¹⁹⁵

Здравствуй батюшка родной,
Как живешь, ты, дорогой?
С тучных залежных полей
Зять твой пишет Аджубей.
Шлю большой поклон супруге
Моей теще и подруге.
Как папаша поживаешь?
С кем по площади гуляешь?
Вспоминают ли друзья,
Или помощь слали зря?

¹⁹⁵ Размещено 14 марта 2004 года в блоге белорусского пользователя *djelunchik* как продолжение рукописной «Сказки о царе Никите» [<http://djelunchik.livejournal.com/2006/03/14/>]. Воспроизводим с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Напиши мне брат открыто
Как отец и тесть Никита.

Ответ царя Никиты зятю Аджубею.

Дорогой ты мой зятек,
Получил на днях паек:
Два талона на муку
Принесли как старику.
Будем мы теперь с блинами
С бабкой Ниной и друзьями.
Обещал прийти Булганин,
Он теперь живет над нами.
А друзей уж прежних нет
Посрамили мой портрет.
Зарубежные друзья
Тоже бросили меня.
Зря я только за границу
Слал им русскую пшеницу.
Из-за этих же друзей
Погорел я Аджубей.
Все народ припомнил мне:
Как я рвался к целине,
Как колхозные поля
«Королевой» сеял я.
Все постройки совнархозов,
Укрепление колхозов,
Взмах одной моей руки –
Без усадеб мужики.
В деревнях быки остались.
И с коровами расстались.
Все припомнил мне народ,
Кукурузу, хлеб и скот.
Не забыл и про вино,
Что так дорого оно.
Помнят мясо и сметану...
Я про все писать не стану.
В заключение скажу,
Я особо не тужу.
Не один на свете царь,
Император государь
Лучше нас еще не жил,
Кто из них имел свой «Ил»!
Разве были за границей
Царь с зятьями и царицей?
Я без малого три года
Жил с женою в турпоходах...
Вот и все, на том кончаю,
Получил я уж по краю.
И попало мне не зря

В середине октября.

Литература

- Аджубей 1989 / *Аджубей А. И.* Те десять лет. М., 1989.
- Азбелев 1998 / *Азбелев С. Н.* Идеологемы фольклористического сознания // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 года / Сост. К. А. Богданов, А. А. Панченко. СПб., 1998.
- Бахтин 1994 / *Бахтин В. С.* Впрок ли урок? // Вечерний Петербург. 1994. 30 апреля.
- Бахтин 1997 / *Бахтин В. С.* На окраине где-то города // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. Минск; М., 1997. С. 783–799.
- Бухарин 1988 / *Бухарин Н. И.* Политическое завещание Ленина // Коммунист. 1988. № 2. С. 93–102.
- Воронин 1998 / *Воронин С. А.* Мы никому не мешали: Повести, рассказы, многоголосие. СПб., 1998.
- Гаспаров 1990 / *Гаспаров М. Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея // Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 5–14.
- Гафуров 2004 / *Гафуров М.* С прошлым расстанусь, смеясь... Из журналистской жизни // Бельские просторы (Уфа). 2004. № 4 [http://www.hrono.info/text/2004/gafur04_04.html].
- Гвоздев 2007 / *Гвоздев С.* 1957-й: вдогонку за Америкой // Аргументы и факты (Ярославль). 2007. 31 октября. № 44 (464) [http://yaroslavl.aif.ru/issues/464/13_01].
- Зеленин 1999 / *Зеленин И. Е.* Характерная страница аграрной истории России (как решалась зерновая проблема при Н. С. Хрущеве) // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под общей ред. Т. И. Заславской. М., 1999. С. 90–96.
- Ленин 1988 / *Ленин В. И.* Избранные произведения: В 4 т. / 2-е изд. М., 1988. Т. 4.
- Лурье, Тарабукина 1994 / *Лурье М. Л., Тарабукина А. В.* Странствования души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–25.
- Панченко 2003 / *Панченко А. А.* Магические письма // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 620–642.
- Панченко 2005 / *Панченко А. А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей: Человек в истории, 2005. М., 2005. С. 334–366.
- Пигин 2006 / *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
- Пигин, Разумова 1995 / *Пигин А. В., Разумова И. А.* Эсхатологические мотивы в русской народной прозе // Фольклористика Карелии: Сборник научных статей. Петрозаводск, 1995. Вып. 9. С. 52–79.
- Постников 2004 / *Постников А. В.* Из истории подготовки заявления Н. С. Хрущева об отставке 14 октября 1964 г. // Отечественные архивы. 2004. № 1. С. 65–71.
- Пушкин 1977 / *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977. Т. 2: Стихотворения, 1820–1826.
- Спиридонова 1977 / *Спиридонова (Евстигнеева) Л. А.* Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977.
- Толстая 1999 / *Толстая С. М.* Полесские «обмирания» // Живая старина. 1999. № 2. С. 22–25.
- Тумаркин 1997 / *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.
- Чередникова 2002 / *Чередникова М. П.* Письменная традиция обмираний // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 227–246.

Шевченко 1999 / *Шевченко В. Ф.* «Велел Господь показать тебе...» // Живая старина. 1999. № 2. С. 27–29.

Шумов 1996 / *Шумов К. Э.* «Эротические» студенческие граффити // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А. Л. Топорков. М., 1996. С. 454–483.

Netinalju Stalinist / Netinalju Stalinist / Интернет-анекдоты о Сталине. Koostanud ja toimetanud Arvo Krikmann / Сост. и ред. Арво Крикманн. Tartu, 2004.

Жанна Кормина

Политические персонажи в современной агиографии. Как Матрона Сталина благословляла

Осенью 2008 года в храме Равноапостольной Ольги под Санкт-Петербургом появилась икона, на которой были изображены святая Матрона Московская (1881–1952) и И. В. Сталин (1878–1953)¹⁹⁶. Первой об этом сообщила национал-патриотическая газета «Завтра», опубликовавшая интервью с автором идеи и заказчиком этого иконописного изображения, настоятелем храма игуменом Евстафием (Жаковым)¹⁹⁷. В краткой преамбуле к интервью газета писала: «Сталин теперь – в одной из церквей. В той, что за Стрельней (так!), близ Петербурга. На иконе. В своей простой шинели, в какой его запомнили миллионы советских людей, смотрит на вас задумчивыми и глубокими глазами из-под густых бровей. Рядом с ним святая. Матрёна Московская с нимбом вокруг головы осеняет красного цезаря крестным знамением» (Бойков 2008). Месяц спустя новость о Сталине на иконе появилась в «Новых известиях», а затем и в других печатных и интернет-изданиях, православных и светских, в телевизионных и радионовостях (Поздняев 2008; Пастухова, Коробов 2008; МК 2008; Коняев 2008; НГ 2008; Петлянова 2008). О том, что история с иконой стала настоящим скандалом, свидетельствует приглашение игумена Евстафия и дьякона Андрея Кураева в качестве его оппонента для участия в одном из самых популярных телешоу на центральном Первом канале¹⁹⁸.

На ток-шоу, защищаясь от обвинений Кураева в невежестве и самочинии, игумен Евстафий утверждал, что эта икона – всего-навсего увеличенное клеймо из житийной иконы Матроны Московской, благополучно висящей в целом ряде православных церквей¹⁹⁹, а ему лично история о посещении Матроны Сталиным осенью 1941 года была известна давно, «годов с 1970-х». Главным аргументом Кураева было отсутствие этого сюжета в житии Матроны Московской, и, следовательно, его неканоничность. Представляющий официальную позицию РПЦ Кураев и ряд его коллег заявляли, что произошедшее – локальная личная инициатива известного своей эксцентричностью батюшки, которую Церковь не поддерживает и даже осуждает.

Чтобы разобраться с происхождением слухов о визите Сталина к старице Матроне, нам придется обратиться к истории прославления этой исключительно популярной ныне святой.

¹⁹⁶ Автор иконы петербургский художник Илья Пивник познакомился с игуменом Евстафием еще в 1993 году, когда тот пригласил его работать на восстановлении храма Рождества Иоанна Предтечи в Старой Ладоге (Ленинградская область). И. Пивник выполнял для о. Евстафия и другие заказы, в частности икону новомученика Юрия Новицкого. Икону Матроны со Сталиным, по требованию о. Евстафия, художник переписывал дважды: не удалось портретное сходство, и заказчик хотел большей монументальности в фигуре Сталина (интервью с Ильей Пивником, февраль 2010 года).

¹⁹⁷ Родом из Иваново, по образованию врач, в 1970 году защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему «Нейрофизиологические основы идеального отражения материального мира в форме субъективного образа». Относится к поколению священников-строителей: восстановил три храма: Серафима Саровского г. Пудож (Карелия), Рождества Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, Св. Петра и Павла в Знаменке под Петергофом. Один из авторов националистического ресурса «Русская линия». Устраивает вечера романсов о Сталине собственного сочинения. Утверждает, что является родственником В. И. Ленина. Открыто заявляет о своих симпатиях И. В. Сталину. Активно участвовал в кампании по подготовке канонизации Евгения Родионова, солдата срочной службы, погибшего в Чечне в середине 1990-х годов, повесил в своем храме в Знаменке его икону.

¹⁹⁸ Телешоу «Пусть говорят» от 22 января 2008 года.

¹⁹⁹ Такое клеймо действительно есть, например, на житийной иконе Матроны Московской в церкви Николая Чудотворца в Старом Ваганькове (Москва). Я благодарна Веронике Макаровой, подтвердившей это.

Канонизация старицы

В 1993 году в издательстве начавшего недавно восстанавливаться женского Ново-Голутвина монастыря в подмосковной Коломне вышла маленькая, в четверть листа, книжка на дешевой газетной бумаге с фотографией березок на обложке – «Сказание о житии блаженной старицы Матроны». Написала (или составила) книгу некая Зинаида Жданова, дочь односельчанки Матроны, удачно вышедшей замуж в Москве (за сына людей, у которых она работала прислугой). У матери Зинаиды слепая от рождения, парализованная Матрона, переехавшая в Москву из Тульской области в 1925 году, жила с 1942 по 1950 год.

К сожалению, никаких дополнительных биографических данных о Зинаиде Ждановой, за исключением сообщенных ею же в «Сказании», мне раздобыть не удалось. Согласно «Сказанию», в 1946 году она окончила архитектурный институт в Москве, 6 января 1950 года была осуждена по статье 58, п. 10–11 (участие в церковно-монархической группе (Жданова 1993: 126), очевидно в связи с проживанием Матроны в доме ее матери), реабилитирована в 1955 году. Книга представляет собой сборник рассказов о Матроне лично знавших ее людей, почти исключительно ее родственниц и односельчанок. Трудно представить, чтобы в столь преклонном возрасте (р. в 1917) Жданова отправилась в д. Себено Тульской области, чтобы встретиться с этими людьми, или отыскала их в Москве. Каким образом был написан текст этой книги, какова степень редакторской правки, осуществленной, по-видимому, кем-то из издательства Ново-Голутвина монастыря, – ответы на эти вопросы могут носить только гипотетический характер. Ясно, что редактор или скрывший свое имя соавтор имел некоторое представление о том, каким образом осуществляется подготовка к прославлению святого: собираются и публикуются свидетельства о его или ее жизни и чудотворениях. Текст написан разговорным, даже простонародным, языком («ихний домик», «враз все просветлело», «он аккурат попал в плен», «ее прислужница» и проч.). Скорее всего, сохранение просторечий должно было служить доказательством аутентичности информации о Матроне; таким образом рисуется узнаваемый речевой портрет человека из народа, действительно приехавшего в Москву из деревни²⁰⁰. Вероятно, составители или редакторы попросту сохранили индивидуальные особенности речи реальных рассказчиков, например, сделав расшифровку интервью с ними. Косвенным доказательством документальности может служить тот факт, что единственное агиографическое клише в тексте, позволяющее предположить некоторое знакомство рассказчицы с соответствующей традицией (соблюдение святым поста по средам и пятницам с младенчества: Матрона младенцем не берет грудь в среду и пятницу, спит в эти дни сутками) (Жданова 1993: 26), обнаруживается в рассказе явно имевшей опыт регулярной церковной жизни А. Малаховой, которая, согласно второму изданию этой книжки, и занималась розыском тех, кто «знал Матушку, кто жил с ней в одном селе» (Житие и чудеса 1998: 6). Речь единственного среди рассказчиков мужчины сохраняет особенности мужской речи, в частности, он единственный называет профессию мужа Ждановой – «он был инженером по возведению кессонных работ» (Жданова 1993: 63). Все это говорит в пользу не только действительной документальности текстов, но и того, что организацией сбора материала и составлением должен был заниматься кто-то кроме Ждановой. Само название книги «Сказание о житии» свидетельствует о работе над текстом человека, вероятно, имеющего филологическое или историческое образование. Может быть, введение в заголовок слова «сказание...» должно было не только добавить произведению эпичности

²⁰⁰ Вообще деревенское происхождение Матроны явно представляется в середине 1990-х годов привлекательным: березки на обложке первого издания сменяются деревенским пейзажем с цветущей черемухой в издании Даниловского монастыря 1997 года и с гроздьями рябины в издании 1998 года (О жизни и чудесах 1997; О жизни и чудесах 1998).

и народности, но и сообщить о том, что это все-таки не житие, и тем самым защитить книгу от возможной критики.

Любопытен сам факт появления такой книжки в недавно открытом женском монастыре. Можно предположить, что занятые устройением монастырской жизни насельницы, в основном молодые и образованные²⁰¹, инициировали кампанию по подготовке канонизации старицы Матроны, планируя сделать ее «своей» святой, которая привлекала бы в их обитель паломников и инвестиции. Однако после прославления Матроны в 1999 году как местно-чтимой московской святой ее мощи были переданы в московский Покровский монастырь на Таганке. Вероятно, так церковные власти решили поддержать только что начавшую функционировать обитель, которой еще предстояло решить труднейшую задачу освобождения (или захвата) монастырских зданий в центре Москвы от многочисленных светских насельников. И действительно, мощи Матроны оказались внушительным символическим капиталом; они обеспечили массовый приток паломников и стали основой нынешнего процветания монастыря²⁰².

Матрона стала первой в истории РПЦ канонизированной *старицей*²⁰³. К сожалению, современное старчество вообще остается областью мало исследованной²⁰⁴, а о женском старчестве практически ничего не написано. Небольшая небезынтересная книга священника А. Шантаева о святых блаженных-калеках в современной житийной литературе остается в рамках внутрицерковной дискуссии (Шантаев 2004). Шантаев называет «Сказание о житии...» и ряд других современных агиографических сочинений о старицах «агиографическим китчем», упрекая авторов за отход от житийных канонов. «Китчу» он противопоставляет монастырскую агиографическую традицию, представленную житиями стариц Дивеевского монастыря. Написанная в 2001 году книга ценна тем, что в ней впервые женское старчество – вернее, агиографическая литература о старицах – становится объектом исследования. Однако полемический характер сочинения не позволяет его автору предпринять беспристрастный анализ выбранного им предмета. Вопрос о причинах и траекториях «порчи» жанра им не рассматривается, а действительно распространенный в современном российском православии культ блаженных калек он объясняет скорее историософски – «великой усталостью нации, сломившей себя в изнурительном покорении вершин» (Там же, 70).

Продолжила критику «агиографического китча» светская исследовательница М. М. Лоевская в статье и защищенной в МГУ докторской диссертации (Лоевская 2005а, Лоевская 2005б). Указав на то, что уже в конце XIX века жития святых «часто были неудачными», Лоевская пишет, что к концу XX века качество агиографических сочинений совсем

²⁰¹ Настоятельница Ново-Голутвина монастыря Ксения (Зайцева), родилась в 1954 году. Окончила журфак МГУ, с юности дружна с группой петербургских художников круга В. Стерлигова (последователя и ученика Малевича). Стала игуменьей Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря в 1990 году в возрасте 36 лет.

²⁰² О том, что спор о мощах существовал, свидетельствует нарратив о сне, привидевшемся с 4 на 5 ноября 1996 года некой москвичке Н. М. Шевыриной. Она приходит на Даниловское кладбище к могиле Матроны, но на месте могилы обнаруживает фонтан; Матрона, явившаяся ей «в зеленых ризах и лиловом омофоре» говорит, что могилки у нее еще нет: «Хотят увезти меня в тьмутаракань и там положить. Да только я туда не пойду. Я – московская чудотворица и буду лежать только в стольном граде Москве». Она хочет лежать в большом храме, например, преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе: «Раз я на небесах в обителях Преподобного пребываю, то и на земле хочу в его храме покоемся» (Житие и чудеса 1998: 187–188). Подразумевалась ли под «тьмутараканью» Коломна с Ново-Голутвиным монастырем или какое-то другое место, нам не известно.

²⁰³ Официального чина «старица» в номенклатуре святых (пока) не существует. Матрона канонизирована как праведная, но даже в таком официальном документе, как Определение Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II о канонизации она именуется также и блаженной, и старицей: «1. Причислить к лику праведных для местного церковного почитания в городе Москве и Московской епархии старицу Матрону Московскую. <...> 3. Память блаженной Матроне Московской совершать в день ее преставления...» (Житие и чудеса 1998: 68).

²⁰⁴ Едва ли не единственное исключение в светской историографии – два небольших раздела в книге Н. М. Митрохина (Митрохин 2004: 92–106) и его же статья (Митрохин 2006).

испортилось: «в ущерб житийной ясности и простоте стали преобладать дешевые художественные эффекты и визионерство» (Лоевская 2005а: 104). Автор полагает, что современная агиография плохо исследована, потому что качество ее «ниже любого уровня критики», а для спасения жанра необходимо «воссоздать почву христианской духовности». Лоевская верно указывает на популярность творений «горе-агиографов» (Там же, 103), однако ничего, кроме испорченного, невежественного православия, не имеющего права на существование, она в них не видит.

Еще одна специальная работа о женской святости в России XX века издана недавно финской русисткой Элиной Кахла. Этот труд, составленный из статей и докладов разных лет, отличается методологическая неуверенность, маскируемая, как это часто бывает, суждениями метафизического характера, вроде утверждений о «биполярной природе русской души». В этом Кахла близка не читавшей ее Лоевской: последняя подменяет аналитическую работу с замеченными ею особенностями современной агиографии констатацией особенной психологии русского народа, с неизбежностью проявившейся в этих текстах (Там же, 106–107)²⁰⁵. Трудно согласиться и с некоторыми более частными идеями Э. Кахлы, в частности, с предположением о том, что житие Матроны было сфабриковано органами госбезопасности, чтобы культивировать в верующих политический конформизм (Kahla 2007: 97–98)²⁰⁶.

Все три автора находятся вне обширной и продуктивной академической дискуссии о народной (повседневной, низовой и т. п.) религиозности, развернувшейся среди историков и антропологов. Мне известны два интересных опыта такого рода: магистерская работа о современном русском юродстве Натальи Окашевой, где целая глава посвящена агиографии Матроны, и доклад британской русистки Беттины Вайхерт о почитании Матроны (Окашева 2003; Weichert 2003). К сожалению, обе они не были опубликованы. Работы же Шантаева и Лоевской, строго говоря, вообще вряд ли могут быть названы научными; они скорее представляют одну из существующих в православной среде точек зрения на новейшую агиографию, наиболее отчетливо и страстно сформулированную в книге А. Кураева «Оккультизм в православии» (Кураев 1998). Лоевская в своей статье прямо воспроизводит целый ряд идей и логических построений Кураева, при этом по каким-то неизвестным нам причинам на него не ссылаясь.

В настоящей статье я буду придерживаться традиционной для антрополога религии позиции методологического агностицизма. Эта позиция позволяет избежать тупикового для антропологического исследования нормативного подхода к социальным фактам. Понимая религиозность и, в частности, формирование и использование образа святой как процесс, я буду говорить о двух конкурирующих тенденциях в агиографии (и, может быть, в религиозной жизни вообще): консервативной, направленной на точное воспроизводство сложившегося агиографического нарратива, и креативной, порождающей новые тексты и смыслы²⁰⁷. До некоторой степени эти две тенденции соответствуют принятому в антропологических исследованиях религии разделению на официальную и народную религиозность²⁰⁸; однако процессуальный подход позволяет избежать диктуемого вводимой оппозицией схематизма и, главное, точнее описать современную религиозную повседневность, где основательно

²⁰⁵ При этом автор ссылается, как водится, на по-школярски понятых классиков: Достоевского, Толстого, Лескова и Салтыкова-Щедрина. Впрочем, без ссылок на конкретные работы.

²⁰⁶ Это предположение основано на двух фактах из «Сказания»: визита к Матроне Сталина и спокойной реакции Матроны на известие о том, что регулярно посещавший ее священник сотрудничал с органами госбезопасности.

²⁰⁷ Так, вся агиографическая литература о Матроне может быть разделена на два типа – креативную и консервативную. К первой я отношу ту житийную литературу о Матроне, в которой происходит приращение информации; ко второй – такую, которая ориентирована на внесение корректив (за счет купюр) в первоисточник. К первой группе относятся само «Сказание», его исправленное переиздание братством Александра Невского и новейшие авторские варианты жития. Агиографические издания второго типа осуществляются от имени официальной Церкви.

²⁰⁸ См. об этой дискуссии: Панченко 1999; Штырков 2006.

размыты границы как между «официальным» и народным», так и между религиозным и светским.

Анализ агиографических публикаций середины 1990-х годов показывает, что идея прославления такой принципиально новой святой – *старицы* – возникла не на пустом месте. В православной среде этого времени сформировался повышенный спрос на женских святых определенного типа – мирянка, инвалид (слепая от рождения и/или парализованная) или юродивая, деревенского происхождения, жившая в советское время и почитаемая как старица, т. е. духовная наставница, обладающая даром предсказания и, как правило, целительства. Показательно, что канонизированная в 1996 году как местночтимая святая Московской епархии преподобная (монахиня) Рахиль Бородинская (1833–1928) не получила широкого народного почитания.

Принимая решение о канонизации Матроны, Церковь поддержала одну инициативу из нескольких подобных, казавшихся, видимо, канонически менее приемлемыми или политически неоправданными. Одновременно с публикацией «Сказания» выходит первое издание книги этнографа-любителя и журналиста Геннадия Дурасова о его духовной матери старице схимонахине Макарии Темкинской (1926–1993) (Дурасов 1994), подвизавшейся в Смоленской области. Год спустя в светском издательстве «Литературная учеба» появляется большой материал Анны Ильинской о киевской «блаженной старице Алипии» (1910–1988) (Ильинская 1994). Двумя годами позже в нескольких выпусках малотиражной газеты «Жизнь вечная» некий К.В.П. публикует насыщенные апокалипсическими идеями и антиклерикальными настроениями воспоминания о старице Пелагее Рязанской ее крестного сына Петра (К.В.П. 1996). Все три публикации были жестко раскритикованы Андреем Кураевым в разделе «Второе пришествие апокрифов» упомянутой книги «Оккультизм в православии» (Кураев 1998). В настоящее время разные православные сайты упоминают их как не рекомендованные для чтения, содержащие «сектантские идеи» или просто «обман»²⁰⁹. «Сказание» также было включено Кураевым в число «псевдоцерковных книг, на которые надо ставить гриф «Перед прочтением жечь»» (Кураев 1998: 215).

Героинь этих агиографических сочинений ждала разная судьба. Канонизационная комиссия отклонила «Сказание» в качестве основы для канонизации Матроны, но все же приняла решение о прославлении этой святой как местночтимой. В 1998 году состоялось обретение мощей, годом позже Матрона (Никонова) была прославлена как местночтимая святая Московской, а позже и Тульской епархии. Почитание ее приняло такие грандиозные размеры, что в 2004 году, по личной инициативе патриарха Алексия II, Матрона была прославлена уже для всецерковного почитания (Ювеналий 2004)²¹⁰. Макария и Алипия не были прославлены, однако активисты их канонизации до сих пор не оставили надежды на успех своего предприятия. Книга Дурасова о Макарии вышла уже шестым изданием, в сумме почти полумиллионным тиражом, существует Народный музей Макарии и организуются паломнические поездки на ее родину в д. Темкино Смоленской области, несмотря на то что идея ее прославления, по данным Н. М. Митрохина, еще в 2001 году вызвала «жесткую критику патриарха» (Митрохин 2004: 95)²¹¹. Публикацию московской писательницы А. Ильин-

²⁰⁹ Например, сайт «Правкнига» [<http://www.pravkniga.ru/>] поместил их в раздел «Осторожно, обман!».

²¹⁰ «Ежедневно Покровский монастырь в Москве, где покоятся мощи праведницы, посещает около 5000 паломников, а в дни памяти святой – не менее 20 000 человек. На поклонение святой едут из многих стран. Почти во всех храмах Русской Православной Церкви имеется ее образ, многие епархии и монастыри обратились к Святейшему Патриарху с просьбой получить частицы святых мощей блаженной Матроны. В самой Покровской обители собраны многие сотни свидетельств о чудесной помощи, полученной богомольцами по молитвам к святой старице» (Ювеналий 2004).

²¹¹ Согласно Н. Митрохину, иерархию беспокоит вопрос о присвоении Макарии и Пелагее функций священства, таких как исполнение таинств, критика попыток канонизации вызвана необходимостью «обороны от женского священства» (Митрохин 2004: 95). В отличие от Макарии и Пелагеи, Матрона подчиняется церковной иерархии: она советует не бегать по старцам и отказывается менять священника, заподозренного в сговоре с органами госбезопасности (см.

ской о старице Алипии ее «духовные чада не приняли» (Некрашевич 2007: 186). Только в начале 2000-х годов продолжилась работа по подготовке материалов для канонизации, был составлен акафист (Некрашевич 2001; Некрашевич 2005; Некрашевич 2007; Савчук, Удовиченко 2004; 2005). Однако поскольку еще до Ильинской эта работа была начата вышедшим из юрисдикции РПЦ МП Олегом Моленко, основателем и главой церкви Иоанна Богослова²¹², предъявляющим право своей церкви на эту старицу, возможность ее канонизации для РПЦ МП сомнительна. Пелагея Рязанская вместе с Иваном Грозным и Григорием Распутиным вошла в сонм святых, почитаемых радикальными фундаменталистами. Поэтому предпринимаемые ныне попытки ее «реабилитации» в новых, очень умеренных вариантах жития вряд ли могут увенчаться успехом²¹³.

Внутрицерковная критика «Сказания», начатая А. Кураевым, главным образом фокусируется на такой канонически безусловной специализации Матроны, как исцеление от порчи через изгнание беса: «Это скорее жизнеописание какой-нибудь магической целительницы и ясновидицы вроде Ванги, но не христианки» (Кураев 1998: 217). В тексте «Сказания» приводятся описания процедуры избавления от порчи посетителей Матроны, в основном таких же, как она, мигрантов, переехавших из деревни в большой город, ее односельчан и дальних родственников, очень близкие традиционным фольклорным нарративам о колдовстве: «Одну больную привезли, порченная была. Матрона ей рукой по голове водит, другой рукой крестит, а сама читает. Больную вырвало в таз, враг вышел, ящерица с рожками, и кружит по тазу. Мать плеснула в таз кипятку, ящерица сдохла, она ее в туалет спустила. А Матрона потом сказала: Надо было ее посадить в баночку и закрыть крышечкой, ведьма бы сама и пришла» (Жданова 1993: 50). Указывает Кураев и на ряд догматически сомнительных историй, зафиксированных в этой книге. Он заявляет даже, что в случае церковной канонизации он сам вряд ли сможет искренне молиться Матроне: «книжка Ждановой содержит слишком много оскорбительных для христианского слуха высказываний, которые звучат от имени Матроны. И пока не доказано, что сама Матрона этих слов не говорила, – я буду проходить мимо ее икон. Если Матрона действительно святая, – она на меня не обидится, ибо, во-первых, святые не обижаются, а во-вторых, она будет знать мотивы моего прохладного отношения к ней» (Кураев 1998: 112, примеч. 309). Кураев не одинок в своем неприятии Матроны. С ним солидарен уже упоминавшийся священник РПЦ Александр Шантаев: «Святость такого рода покидает пределы церковной традиции и обретается более в полустихийном полуязыческом космосе, непросвещенном светом евангельского учения» (Шантаев 2004: 54).

Поскольку никаких других источников, кроме «Сказания», для составления жития и акафиста не было, оно, неоднократно издававшееся большими тиражами, фактически и легло в основу последних. Изгнание бесов как особое призвание этой святой зафиксировано в тексте акафиста²¹⁴, составленного к прославлению Матроны Московской: «беснующимся – духов злобы отгнание» (икос 5), «непрестанно ведущи брань с силами тьмы, обличающи

примеч. 7).

²¹² Олег Моленко (Урюпин Олег Федорович), 1954 г. р., после смены нескольких церковных юрисдикций основал собственную религиозную организацию харизматического типа – Единую Святую Соборную Апостольскую Церковь Святого Иоанна Богослова Истинно Православного Вероисповедания. Сейчас живет в Канаде. РПЦ называет эту организацию «псевдоправославной церковью» и ведет с нею довольно активную борьбу.

²¹³ См., например, недавнюю книгу о Пелагее рязанского православного журналиста И. В. Евсина (Евсин 2007).

²¹⁴ Есть два акафиста Матроне. Первый, назовем его каноническим, публикуется в основном в изданиях Покровского монастыря, где находятся мощи Матроны; во всех светских и других церковных издательствах публикуется обычно второй акафист, назовем его альтернативным, во втором акафисте сюжет изгнания бесов также представлен: «бесов от человек страждущих изгоняющая» (икос 5); «безкровная мученице Христова, злейшаго мучителя, диавола, победительнице» (икос 7); «ты же недуги изгоняла еси, бесов изгоняла еси» (кондак 12). См. также примеч. 25.

козни и коварства их и изгоняющи бесы от одержимых» (кондак 9), «добрая воительнице Христова, мечем молитвы демонския полки устрашающая» (икос 11).

Однако не истории о поражающих воображение случаях экзорцизма волнуют современных почитателей Матроны – в более поздних версиях жития, равно канонических и «вольных», эти сюжеты совершенно исчезают, видимо, как раз по причине своей фольклорности. В то же время история встречи Матроны со Сталиным, вообще не замеченная Кураевым, оказывается на удивление живучей. Будучи изгнанной из официальной версии жития, она появляется, видоизменяясь, в разнообразных авторских его вариантах и получает визуальное воплощение в иконографии.

Визит Сталина к Матроне: версии

В «Сказании» сюжет посещения Сталиным Матроны осенью 1941 года встречается дважды: в пространной версии, записанной в форме мемората, и версии сжатой. Начнем с первой, записанной от уже упоминавшейся Антонины Борисовны Малаховой, которой позже, при подготовке Матроны к канонизации, будет поручено фиксировать свидетельства о чудесах на могиле (На могиле Матушки 1997: 120).

В августе 1989 года на кладбище, где захоронена мать Матрона, пришла женщина лет восьмидесяти и сказала Антонине²¹⁵, которая постоянно ухаживает за могилой Матронушки, что она дочь подруги матери Матроны. <Она рассказала:> «Мой дядя, Никита Ермаков, работал во время войны в Кремле, подвозил продукты. Когда немцы приблизились к Москве, вот-вот возьмут, то Сталин стал готовиться к выезду из Москвы. Мой дядя сумел к нему подойти и сказать, что есть такая блаженная мать Матрона, прозорливая, которая может сказать Вам, как поступить: уезжать или нет. И дал адрес. К ней он приезжал, она сказала: *«Русский народ победит, победа будет за тобой. Из начальства ты один не выведешь из Москвы»*». Антонина это слышала раньше, но не верила. После рассказа дочери подруги матери матушки Матроны, она вспомнила рассказ академика Александра Николаевича Бакулева, который лежал в 1964 году в Первой городской больнице, в институте сердечно-сосудистой хирургии (он построил этот корпус на свои деньги), где работала медсестрой Антонина, обслуживая этот пост. Он доверительно относился к Антонине и сказал: «Спрашивай у меня все, что захочешь, я сам начал работать санитаром, я такой же простой человек, как и ты». Антонине пришла мысль спросить, почему после смерти Сталина его так унизили? Он ответил, что Сталин расстрелял много, очень много хороших людей, а я на это отвечала, что ему Берия подсовывал документы, которые вредили Русскому народу и государству. «Как же не было никого, кто раскрыл бы ему глаза на все?» – «А почему же народ так его хоронил?» Бакулев ответил: «Потому что все знали, что он до последнего не покинул Москву».

Как-то Бакулев рассказал Антонине, что Сталин до последнего не покинул Москву. В это время Бакулев был вместе с ним, главным хирургом г. Москвы – все командование отступлением было на Сталине. «Мы со Сталиным И. В. сутками не спали. По сообщению, что немец завтра будет в Москве, мы вечером с семьями отправились на Белорусский вокзал, с которого отправлялось ранее все Правительство, в 21 час. Сели в поезд. Утром видим в окно, что мы на месте, при вокзале. В вагоне был телефон – я первый проснулся, взял трубку, спросил: «В чем дело, почему нас не отправили?» Мне ответили: «Немцы отступили от Москвы»». Таким образом подтвердились и исполнились слова Матушки, что он один из начальства не выйдет из Москвы (Жданова 1993: 26–28).

В этом тексте о встрече Матроны со Сталиным видны следы широкой общественной дискуссии второй половины 1980-х – начала 1990-х годов о роли Сталина в советской истории, в частности его личной ответственности за репрессии 1930-х годов и личного вклада в победу СССР во Второй мировой войне. В беседе с А. Н. Бакулевым (1890–1967, из вятских крестьян, известный врач-хирург, удостоенный многих государственных наград, с 1941 по 1953 год главный хирург лечебно-санитарного управления Кремля) Антонина предлагает типично фольклорное представление о добром царе, которого обманывают коварные чинов-

²¹⁵ Согласно «Сказанию», она родилась в деревне в восьми километрах от Себено, впервые посетила Матрону вместе со своей матерью в возрасте 22 лет в 1951 году. Работала в больнице сначала в котельной, потом главврач ее повысил до завскладом, потом стала работать в бухгалтерии; наконец, она «выучилась» и стала медсестрой.

ники (Берия, Каганович²¹⁶). Академик Бакулев и медсестра Антонина представляют в этом отрывке «интеллигентскую» и «народную» версии оценки советской истории 1930–1950-х годов. Им удастся прийти к компромиссному решению: осудить Сталина за репрессии, но оправдать за то, что он «не покинул Москву» и выиграл войну. Правда, эта дискуссия о Сталине факультативна для основной цели вставки с рассказом о беседах с Бакулевым; она нужна автору прежде всего для того, чтобы документально, со ссылкой на авторитетный источник, подтвердить прозорливость Матроны: сказала, что он не покинет Москву, и так оно и случилось.

«Сказание» отличает обилие реалистических деталей, говорящих многое о среде, в которой поддерживалось почитание Матроны Московской, – советских крестьянах. В него вошли истории о коллективизации и раскулачивании, о помощи Матроны в продаже коровы, которую ведут из Тульской области продавать в Москву, и т. п. Все эти истории рассказывают об ошибках, которые можно исправить, обратившись к вышестоящему начальству и заручившись поддержкой Матроны. При этом помощь Матроны осуществляется не через ее вмешательство в решения «начальства», а через чудесное обеспечение доступа к нему. Например, девушке Шуре обращение к Матроне помогает обойти огромную очередь к Калинину: «Неожиданно к ней подошла незнакомая женщина, сказала: «Пойдемте со мной, я вас другим ходом проведу». Провела кругом, поднялись они на 7-й этаж, и в кабинет Калинина. Он говорит: «Садитесь, что случилось у вас?» – «У нас взяли лошадь, корову и землю, – отвечает Шурка, – что ж нам, помирать с голоду?» – «Нет, это неправильно, вам все отдадут. Идите, не волнуйтесь». На другой день она уехала домой. Тетя Наташа ее встречает: «Шурка, где ты была-то? Все нам отдали – корову, лошадь». Так они и жили единоличниками» (Жданова 1993: 20–21).

Иными словами, Матрона ведет себя как традиционная деревенская «знающая», которая может при помощи специальных молитв или заговоров обеспечить доступ к властям.

Интересно, что в рассказах об арестах и несправедливом раскулачивании отсутствует какая-либо критика советского режима. Обратившая внимание на это обстоятельство Э. Кахла трактует его как призыв составителей жития к лояльности светским властям, приспособлению к существующему порядку (Kahla 2007: 97–98). Однако важно понимать, что житие написано после падения советской системы, и у агиографов не было причин эту систему оправдывать. Думается, для объяснения эта особенность текста дает возможность делать выводы не о политической позиции агиографов, а о модусе их религиозной креативности. Здесь мы имеем дело с попыткой вывести новую формулу святости. Святость Матроны и других советских стариц заключается не в борьбе с властями, а в принятии новых условий существования православной веры. Собственно, феномен женского старчества является продуктом советского православия, вернее, его постсоветского осмысления.

Деревенское происхождение почитателей Матроны явствует и из таких ее чудес, как обличение женщины, продававшей молоко, в которое попала мышь, помощь в поиске потерявшихся лошадей, советы относительно покупки коровы и проч. Неудивительно, что все эти истории совершенно исчезают из последующих популярных кратких изданий жития Матроны: вероятно, слишком они экзотичны для современного читателя. В то же время «деревенские» истории сохраняются в монастырских изданиях жития – и Ново-Голутвина, и Свято-Покровского, где находятся мощи Матроны.

История о встрече со Сталиным, организованной через земляческую сеть деревенских мигрантов из Себено, также не вошла в последующие многочисленные издания жития

²¹⁶ «Как-то сказала: «Кто знает, может Господь и простит Сталина. Он сам пленник». Я спросила: «У кого?» Она – «У Кагановича и всех Тех!» Показывала, как перед смертью Сталин будет кричать: «Что вы, что вы!» А по одной стороне постели будет стоять Каганович, а по другой стороне сестра его. «Что хотите делать со мной?» А Они наложат подушку на него. Это было сказано Матронушкой в 1943 году» (Жданова 1993: 113–114).

Матроны. Исключением является переиздание «Сказания» братством Александра Невского (Переславль-Залесский) совместно с Ново-Голутвиным монастырем, но и в нем первоначальный рассказ укорочен и значительно отредактирован. Приведу его начало:

Мой сын (рассказчицы, поведавшей свою историю А. Малаховой; в первоначальной версии – дядя. – Ж.К.) во время войны подвозил продукты в Кремль. И однажды, увидев Сталина, он набрался смелости и сказал ему: «Иосиф Виссарионович, вы хотите узнать, кто выиграет войну? Есть прозорливая женщина, которая может Вам все рассказать. Она живет по адресу: Арбат, Староконюшенный переулок». И вскоре Сталин действительно посетил блаженную Матрону. Это было в 1941 г. Блаженная Матрона его приняла и постучала по правому плечу: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Ты один из начальства не покинешь Москву» (Житие и чудеса 1998: 60; Житие святой 1999: 60).

В этом варианте сюжета упрощенный «земляческий» нарратив соединяется с другим, более коротким рассказом из текста Ждановой: «Люди рассказывают, что Сталин был у Матроны, она ему не велела уезжать из Москвы, похлопала его по правому плечу и сказала: «Красный петух победит»» (Жданова 1993: 77).

Предсказание победы красного петуха (над белым)²¹⁷ – сюжет, типичный для крестьянского эсхатологического фольклора, – лишний раз указывает на социальную среду, в которой происходило почитание Матроны. В такого рода рассказах эта битва обычно соотносится с победой русских (красного петуха) в Великой Отечественной войне (ср.: Белова 2004: 408–410; Панченко 2006: 236, 243). Как правило, при этом сообщается, что предсказание исхода битвы записано в Библии, см., напр.: «<Во время войны в Луганске> бабка по Библии читала, што красный петух белово победит: красный петух – мы, а белый – немец» (Мороз 2006: 270). В современных «городских» текстах о Матроне «красный петух» утрачивает фольклорные эсхатологические коннотации (см. о них: Панченко 2004: 363), становясь просто примером иносказательности, вообще свойственной речи старцев.

В большинстве вариантов жития Матроны «земляческий» нарратив вообще исчезает; встреча Матроны со Сталиным теряет характер частного визита, устроенного при посредничестве земляка Матроны, привозившего в Кремль продукты; меморат уступает место фабулату. Вот как пересказывает этот сюжет православная писательница, «профессиональный текстолог» Инесса Серова, которая «в свое время училась у знаменитого Дмитрия Сергеевича Лихачева работе с текстом» (Серова 2009: 17–18), в выдержавшей уже несколько переизданий книжке из серии «Помощь святым»:

Не могу прокомментировать эти сведения – были они или небыль. Но рассказывают в народе такое. К Матронушке в комнату в Староконюшенном переулке на Арбате приезжал осенью 1942 (так! – Ж.К.) сам Сталин. Ему рассказали, что живет в Москве блаженная прозорливица старица Матрона, которая своими молитвами город держит, врагу в него войти не дает. Вот Сталин и пошел испрашивать совета, не сдать ли ему, как Кутузову, Москву. По легенде, Матронушка благословила его собраться с духом и силами. (Так Сергей Радонежский напутствовал Дмитрия Донского перед Куликовской битвой.)

Она маленьким своим пухлым кулачком постучала вождя всех времен и народов по лбу и сказала: «Москву не сдавай, думай-думай, а как придет Александр Невский, так всех за собой и поведет... Все наше воинство небесное тебе помогает. Красный петух черного закроет. Помогут тебе рассеять тучи сатанинские (Серова 2009: 71).

²¹⁷ Цвет «русского» петуха определенно связан с именованием соответствующей, Красной, армии, противником которой была армия Белая – отсюда цвет петуха-соперника. Ср.: Козлова 2008.

От первоначального текста в версии Серовой остается только «красный петух». Фольклорный его белый противник по велению автора становится черным, видимо, из-за соседства с «тучами сатанинскими». Покровительственно-ободряющее похлопывание по плечу заменяется на постукивание по лбу, видимо, более понятное читателям, ожидающим от старцев юродского поведения. Если в книжке Ждановой Иосиф Сталин идет к прозорливой Матроне Никоновой за советом как частное лицо, то в тексте Серовой политический лидер православного государства отправляется за благословением к святой старице. Он становится эпическим героем, сопоставимым со святыми Дмитрием Донским и Александром Невским.

Как уже говорилось, сюжет о встрече православной святой и главы советского государства не вошел в официальный вариант жития Матроны, изданный к ее канонизации. Однако чрезвычайная популярность этой святой порождает высокий спрос на литературу о ней и стимулирует издательства и авторов к публикации агиографических материалов о ней. При этом у Церкви, видимо, нет инструментов контроля над качеством выпускаемой православной продукции и над существующими в условиях относительно либерального рынка издательствами, в том числе православными. Поэтому признанный апокрифическим сюжет появляется в книжках о Матроне, даже изданных с благословения того или иного церковного иерарха.

Вообще вопрос о том, какие православные издания считать признанными официальной Церковью, а какие – нет, совсем не прост. Практически никакие формальные издательские характеристики книги не могут быть надежным свидетельством ее каноничности. Подвергнувшееся критике Комиссии по канонизации святых «Сказание» издано маленьким монастырским издательством, но первое переиздание, сохранившее практически весь текст оригинала, включая истории о встрече со Сталиным, сделано в солидном издательстве Свято-Данилова монастыря, от которого логично было бы ожидать серьезной цензуры (Жизнеописание 1996), тем более что на книжке стоит благословение патриарха. Благословение епископа или патриарха на форзаце книжки, относительно недавно введенное в православный издательский обиход, видимо, с целью контроля над качеством выпускаемой литературы, также не является гарантией соответствия текста церковным канонам. Во-первых, разные епископы внутри Церкви нередко занимают несхожие позиции, и можно попросить благословения у наиболее «подходящего»; во-вторых, благословение может браться устно и пониматься вольно, не обязательно как разрешение на какое-то конкретное дело или книгу. В случае с благословением старцев, которые, как известно, склонны говорить притчами, не отвечать на поставленный вопрос и т. п., получение благословения часто становится вопросом личной герменевтической находчивости.

Ситуация еще более осложняется тем обстоятельством, что и светские издательства нередко берутся за публикацию книг как будто православного содержания. Некоторые считают полезным для улучшения продажи тиража получить благословение епископа. Другие, видимо, уверенные в том, что популярность выбранной темы достаточна для обеспечения успешных продаж, обходятся без этого. На книге упомянутой выше И. Ю. Серовой благословения нет, как нет его и на брошюре, выпущенной под именем Анны Чудновой в некоем издательстве АСТ, вообще специализирующемся на выпуске дешевых книжек о здоровье²¹⁸. В обеих этих книгах помещен также альтернативный акафист Матроне, согласно Чудновой, продиктованный самой святой некой рабе божьей Наталье (Чуднова 2009: 96–105; в тексте Серовой этот же акафист помещен без комментариев)²¹⁹. В книге Чудновой размещен и текст

²¹⁸ В этом издательстве под именем А. Чудновой вышли, например, следующие книги: «Вам поможет Владимирская икона Божией Матери»; «Тибетский гриб: новые возможности, усиленные Луной»; «Универсальное средство от всех болезней. Тренажер Фролова».

²¹⁹ Этот же акафист помещается и в других светских изданиях, например, в житии Матроны (Рассказы 2005: 47–61), имеющем, кстати, благословение почему-то епископа Шадринского и Курганского, и книжке о чудесной помощи Матроны

службы святой праведной Матроне Московской (Чуднова 2009: 106–121). В глазах неискушенного потребителя православной «литературы для народа» нет разницы между книжкой с официально признанными житием и акафистом и их разнообразными авторскими вариантами: достаточно темы и оформления книги (икона на обложке, особые шрифты), чтобы сделать ее легитимной. В этой ситуации рыночной конкуренции выживание сюжета о благословении Сталина Матроной (этнографические истории об изгнании беса не попадают в такие издания) свидетельствует о его востребованности в читательской среде.

и Ксении Петербургской (Семенова 2005: 127–137). Подробный анализ различий между двумя вариантами акафиста Матроне выходит за рамки этой статьи. Отмечу только, что в альтернативном варианте Матрона послана Богом «в последние времена», пришедшие «за отступление от Бога и нераскаянность во многочисленных гресех» (икос 7) (Рассказы 2005: 53–54), а в раннем, каноническом, она несла свой подвиг «во дни лихолетия во Отечестве нашем» и наставляла «словом и делом» маловерных и заблудших (икос 7), «во ограду церковную расточенныя овцы собирающая» (икос 6) (Житие и акафист 2004: 118). Иными словами, второй (новый) вариант акафиста, публикуемый светскими издательствами в дешевых книжках для народа, созвучен эсхатологическим настроениям «России перед вторым пришествием» (см. подробно далее), в отличие от его канонического варианта.

Церковный сталинизм

Публичное обсуждение сюжета о встрече Матроны со Сталиным (или о благословении Сталина Матроной) происходит в рамках дискуссии о *церковном*, или *православном*, сталинизме. Так публицисты и исследователи называют заметную в современной церковной среде тенденцию видеть в Сталине православного, а следовательно, «хорошего» правителя. Предполагается, что когда-то учившийся в православной духовной семинарии Сталин в годы Великой Отечественной войны обратился к вере и результатом его личного обращения стало изменение политики государства в отношении православной церкви.

Бить тревогу по поводу такой апологии Сталина Церковь начала совсем недавно, хотя тексты, зафиксировавшие соответствующие слухи, появились еще в первой половине 1990-х годов. Самым заметным свидетельством подобных настроений стала книга «Россия перед вторым пришествием», вышедшая в 1993 году стотысячным тиражом в издательстве главного русского православного монастыря – Троице-Сергиевой лавры – и выдержавшая несколько переизданий. Книга представляет собой коллекцию цитат из разных источников, объединенных общей темой – предсказаниями о приближении конца света в России. Автор-составитель этого православного бестселлера – бывший филолог-пушкинист С. В. Фомин, ныне весьма продуктивный православный писатель, активный сторонник канонизации Г. Распутина.

В этой книге в разделе «Отодвинутое время» рассказывается история об архиепископе Антиохийской православной церкви, ливанском митрополите Илии (Караме), которому зимой 1941 года через трое суток бдения «явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского»²²⁰. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет. «Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, – сдавать нельзя. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена». Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им все, что было определено» (Фомин 1993). Иными словами, согласно этой книге, советское правительство во главе с И. В. Сталиным прислушалось к пророчествам Богородицы, явившейся митрополиту Илии, не стало сдавать Ленинград и Сталинград и восстановило церковную жизнь в России. Наибольший резонанс в православной среде получила информация о якобы происходивших во время войны крестных ходах с чудотворными иконами по приказу или с разрешения советского руководства. Фрагмент облета Москвы с Тихвинской иконой Божьей Матери вошел в снятый по мотивам этой легенды фильм (1999–2000)²²¹. Все эти слухи, между прочим, попадают во второе, исправленное и дополненное издание «Сказания», подготовленное совместно Ново-Голутвиным монастырем и братством во имя святого благоверного князя Александра Невского (Житие и чудеса 1998: 59; Житие святой 1999: 59). Только спустя

²²⁰ Согласно С. Фомину, впервые этот текст публикуется в московской всероссийской газете союза «Православное возвращение» «Земщина» (1990. № 10, 12), газете «Благовест» (1990. № 1–2) и издании «Собеседник православных христиан» (1991. № 1) под именем Василия Швеца, настоятеля одного из храмов Псковской области, пользовавшегося в это время даже репутацией старца и популярного среди воцерковлявшейся московской и ленинградской творческой интеллигенции.

²²¹ Документальный фильм был снят режиссером Николаем Раужиным, специализирующемся на православной тематике, по заказу некоего «иеромонаха В.». Путевые расходы съемочной группы в Ливан оплатила неизвестная «благочестивая богомолка». Протоиерей Василий Швец был то ли информантом, то ли консультантом группы (Раужин 2008).

десять лет эта легенда подверглась официальному осуждению Церкви, в частности в просветительских православных журналах «Альфа и омега» и «Благодатный огонь» (Васильева 2003; Кураев 2003; см. также: Каверин 2005)²²². Конечно, полдесятка критических статей в интеллектуальных православных изданиях не могли одолеть силу патриотической традиции, которая не только репрезентирует Сталина как православного человека, но и прямо соотносит перспективу победы в страшной войне с восстановлением православия в СССР; согласно этой трактовке истории, только обретя свою истинную – православную – идентичность, страна оказывается способной одержать победу. В 2005 году, например, эти сюжеты вновь воспроизводятся в «Листках» Свято-Успенского Святогорского монастыря, изданных в родной для их вероятного автора Псковской епархии (Эдельштейн 2010)²²³.

Православность приписывается и второму, после Сталина, герою войны – Георгию Жукову. В частности, упомянутый выше источник пишет: «Знаменитое Сталинградское наступление наших войск 19 ноября 1942 года началось молебном перед Казанской иконой. Тогда, перед сигналом к наступлению, легендарный маршал Жуков сказал: «С Богом!»» (цит. по: Там же). Согласно инициатору (состоявшейся) канонизации адмирала Ушакова, активисту православно-патриотического движения Валерию Ганичеву, Г. К. Жуков «был глубоко верующим человеком, но в силу обстоятельств не мог проявлять это внешне», и его канонизация – лишь вопрос времени (цит. по: Филатов 2005: 329). Главным источником информации о тайной религиозности Жукова является его младшая дочь Мария, сотрудница редакции Сретенского монастыря, написавшая книгу «Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души» (Жукова 1999). В частности, ей принадлежит авторство рассказа о тайном благословении, полученном будущим маршалом «году в 1925» от последнего оптинского старца отца Нектария: «Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет» (Жукова б.г.).

Объектом «православной» ревизии могут становиться и биографии других героев войны. Например, в конце 1990-х годов в масс-медиа появилась информация о том, что знаменитый персонаж советского героического нарратива о войне, герой обороны Сталинграда сержант Яков Павлов и известный в православной среде духовник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кирилл (Павлов) – на самом деле одно лицо. Этот слух был создан средствами массовой информации. По сведениям главного редактора Новгородской областной Книги Памяти, заведующего отделом публикации документов Новгородского областного архива (сержант Павлов родом из Валдайского района Новгородской области, похоронен в Новгороде) С. Ф. Витушкина, «утка» была запущена в 1998 году «Комсомольской правдой»²²⁴. Реакцией на «утку» стал шквал публикаций, в которых со ссылками на свидетельства близких родственников (жены и сына) умершего в 1981 году Я. Ф. Павлова, а также на архивные документы убедительно доказывалось обратное: знаменитый сержант в монастырь не уходил²²⁵. Однако ни сам архимандрит, ни руководство лавры этот слух не опровергали. И хотя

²²² Среди немногих православных публицистов, принимающих участие в этой дискуссии, следует также отметить Е. А. Газова, опубликовавшего ряд критических статей по поводу православных мифов о Второй мировой войне на сайте храма Св. Владимира Киевского и Галицкого в г. Королеве «Богомыслие» [<http://www.theonoesis.ru>] [Газов (а); Газов (б)].

²²³ Любопытно, что предполагаемый автор рассказа о митрополите Илии протоиерей Василий Швец является клириком Псковской епархии, для которой память о войне остается болезненным вопросом из-за Псковской православной миссии, работавшей там во время войны при поддержке оккупационных германских властей.

²²⁴ Хрусталева П. Реальный Павлов умер в бедности // Комсомольская правда. 1998. № 85; Мастная Е. Стал ли сержант Павлов старцем Кириллом? // Там же. Ссылки даны по: (Витушкин б.г.).

²²⁵ Как пишет С. Ф. Витушкин, «Новгородский областной и Вологодский областной советы ветеранов, устав отвечать на запросы ветеранов из разных городов, попросили редакцию газеты «Труд» опровергнуть большую ложь. Она опубликовала материал на целую страницу (Вержба М. Сержант Павлов не уходил в монастырь // Труд-7. 09.11.2001)» [<http://novarchiv.by.ru>]. См. в материале С. Ф. Витушкина библиографию газетных публикаций по вопросу идентификации сержанта Павлова со старцем Павловым.

ошибочность соотнесения сержанта Павлова и старца Кирилла Павлова Церковью как будто признана, слух оказался исключительно живучим и, надо полагать, прочно вошел в ткань большого нарратива «священной войны», в котором роли православной церкви и государства (армии) оказываются тесно сопряжены. Это и неудивительно, учитывая, каким образом строится опровержение слухов, например, в очерке петербургского православного писателя Н. М. Коняева: «На самом деле есть в этой истории и та непостижимая до конца мистическая сторона, которая не позволяет говорить о соединении в православном народном сознании Героя Советского Союза сержанта Я. Ф. Павлова и духовника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Павлова просто как об ошибке. <...> Не путаницу, а высокий небесный свет различаешь в <этой истории>» (Коняев 2006). Согласно версии Коняева, на развалинах знаменитого дома Павлова будущий старец, а тогда боец Советской армии, нашел Евангелие, которое и привело его в Церковь.

Визит Сталина к старице Матроне в таком контексте выглядит вполне уместно и даже правдоподобно. Упоминание об этой встрече появляется во втором, исправленном и дополненном издании «России перед вторым пришествием»²²⁶ со ссылкой на «Сказание». С. Фомин творчески соединяет пророчество из «земляческого» мемората с апокалиптическим символом из второй версии рассказа: «Безспорным (так! – Ж.К.) фактом является приезд к ней в Царицыно в октябре 1941 года И. В. Сталина. Блаженная сказала ему: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Из начальства один ты не выедешь из Москвы»» (Фомин 1994: 271). Не исключено, что именно через популярную и авторитетную в православной среде книгу Фомина сюжет о встрече Матроны и Сталина попадает в православный фольклор так же, как это стало с рассказами о Василии (Швеца) о крестных ходах с чудотворными иконами во время войны. Это тот же самый сюжет «благословения» Сталина, что попал и в книжку Серовой, и на икону.

В ровесницах и «конкурентах» «Сказания» – агиографических опытах Дурасова о Макарии и Ильинской об Алипии – также фигурируют политические персонажи и события советской истории. Макарию Темкинскую неоднократно посещала жившая в полусотне километров мать Гагарина и сам Гагарин. Он обещал похлопотать о ее пенсии: «Я маленько справлюсь с делами, тогда и направлю пенсию, это не дело, что Вам столько платят» (Дурасов 2007: 76–77). Макария не велела ему больше летать, а когда он, не послушавшись ее предостережения, погиб, попросила одного из приезжавших к ней священников заочно его отпеть и сама молилась об упокоении его души. В изданном чуть позже житии московской старицы Ольги Ложкиной (1996 год) есть предвидение гибели Юрия Гагарина и предсказание ею Чернобыльской аварии, ставшей одним из самых трагических событий конца советской эпохи и, в постсоветском осмыслении, предвестием ее конца (Трофимов 1996: 24–26; 32)²²⁷. Сюжет о вкладе в победу появляется в ее житиях позже. Войну старица предвидела: «Незадолго до начала Великой Отечественной войны матушки Моисея (Ольга Ложкина) и Севастиана (Ольга Лещева) закрыли Москву от врага «на замок» – они ночью с молитвой из одной точки в разных направлениях отправились по Садовому кольцу, а встретившись, вышли на бульварное кольцо и снова направились навстречу друг другу» (Девятова 2009: 38).

Зачем агиографам нужны политические персонажи? Жданова (между прочим, репрессированная), очевидно, пишет о Сталине не для того, чтобы его обелить или сделать право-

²²⁶ Первое издание вышло до публикации «Сказания».

²²⁷ Предсказывала Чернобыльскую катастрофу киевская старица Алипия и указала на лекарство от радиации: смесь кагора с пепси-колой. В результате употребления этого напитка, «освященного молитвами старицы», ее духовные чада, согласно А. Ильинской, избежали болезней, вызванных радиационным облучением (Ильинская 1994: 120). Ильинская предполагает даже, что радиационное облако обошло Киев, потому что «матушка... молитвенно ограждала его от пагубы, как крестный ход совершала» (Там же, 117).

славным. Ее (или редакторов) мотивы состоят в том, чтобы: а) «историзовать» свою героиню через соотнесение с реальной личностью и событиями; б) заявить о «могуществе» святой; в) дать еще один убедительный пример ее неоднократно проявившегося дара предвидения. Видимо, похожими мотивами руководствуются и биографы других потенциальных святых, чья жизнь пришлась на советское время. Сочетание в одном тексте, нарративном или визуальном, двух штампов – иконы («аутентично-русского») и плаката – (назовем этот ход китчем или постмодернизмом), является одновременно стилевой и сущностной характеристикой современного российского православия. Новые агиографы чутко воспринимают перспективы использования таких важных для массового сознания образов советского прошлого, как победу в Великой Отечественной войне и освоение космоса, а также связанных с ними исторических личностей. Лояльная к советскому прошлому история православия (и история святых советского времени) оказывается понятной и востребованной довольно широким кругом верующих. Видимо, слова Ювеналия о провале церковного проекта канонизации новомучеников не только отражают современное состояние дел с почитанием святых советского времени, но и указывают, что державно-патриотическая редакция истории православной церкви в Советском Союзе имеет не меньшую популярность и перспективы, чем нарратив о страданиях и унижениях, выпавших на долю церкви и верующих в советские годы.

Заключение

С момента публикации «Сказания» в 1993 году образ Матроны претерпел серьезные изменения: произошло стремительное превращение деревенской «знающей» в старицу «национального масштаба». Консервативное агиографическое (и шире – религиозное) направление внутри современного православия поддерживает образ Матроны – простой мирянки, сохранившей в советском обществе деревенскую православную веру и передавшей ее своим почитателям. В этих вариантах ее жития, издаваемых, в частности, Свято-Покровским монастырем, сохраняются бытовые подробности советской деревенской жизни – от раскулачивания до веры в сглаз и порчу. Эпическая репрезентация героини осуществляется в рамках креативной религиозности, порождающей националистический религиозный нарратив. Он разрабатывается как в откровенно национал-патриотических изданиях, вроде «России перед вторым пришествием», так и в выпускаемых светскими издательствами книжках для широкой («невоцерковленной») аудитории. В последних Матрона может сравниваться с Сергием Радонежским; предпринимается даже попытка использовать «патриотический» образ Куликова поля, в относительной близости от которого находится родная деревня Матроны (Серова 2009: 20; Чуднова 2009: 16). В зависимости от политики агиографов меняется и роль истории о встрече Матроны со Сталиным. Если автору «Сказания» исторический персонаж по имени Сталин нужен для придания убедительности и масштабности ее «земляческому» рассказу о старице-мигрантке, то националистический нарратив, наоборот, эксплуатирует Матрону в качестве фона для создания образа православного правителя, близкого народу и о народе радеющего. Консервативный вариант жития вообще избавляется от этой неоднозначной для истории РПЦ МП политической фигуры.

История с иконой наглядно показывает, какие формы принимает процесс (де) секуляризации постсоветского общества в его российском варианте. Одна из его особенностей, в православном сегменте религиозности, – размывание границ между светским и религиозным. При этом экспансия православных символов и практик в светскую сферу, от публичной политики до приватной фертильности, вовсе не говорит об успешности религиозной миссии; наоборот, выполняя главным образом орнаментальную функцию в светской сфере, православие само неизбежно секуляризируется.

А злополучную икону из церкви убрали. Говорят, сейчас она хранится в семье давших на нее пожертвование благотворителей. Отца Евстафия понизили в должности, сделав вторым священником в том же храме. Иконописец, написавший образ, потерял ряд заказчиков и до сих пор недоумевает, почему эта его работа вызвала такой общественный резонанс.

Литература

Белова 2004 / «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М.: Индрик, 2004.

Бойков 2008 / Бойков И. «Сталин был верующим...»: Беседа с игуменом Евстафием // Завтра. 2008. 22 окт. № 43.

Васильева 2003 / Васильева О. Ю. «Церковный сталинизм»: легенды и факты // Альфа и омега. 2003. № 4 (38).

Витушкин Б.Г./ Витушкин С. Ф. Тот самый Павлов [<http://novarchiv.by.ru>].

Газов (а) / Газов А. «Православность»

Великой Отечественной войны: (безобидно ли «подкрашивание» церковной истории?) [б. г.] [<http://www.theonoesis.ru>].

Газов (б) / Газов А. Великая Отечественная война в современной церковной литературе [б. г.] [<http://www.theonoesis.ru>].

Девятова 2009 / Православные подвижницы XX столетия / Сост. С. Девятова. М.: Артос-Медиа. 2009.

Дурасов 1994 / *Дурасов Г.* Богом данная: Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. М.: Сатис, 1994.

Дурасов 2007 / *Дурасов Г. П.* Схимонахиня Макария. М.: Валаамское общество Америки, 2007.

Евсин 2007 / *Евсин И. В.* Светильник веры: Жизнеописание блаженной Пелагеи Захаровской. Рязань: Зерна, 2007.

Жданова 1993 / *Жданова З. В.* Сказание о житии блаженной старицы Матроны. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993.

Жизнеописание 1996 / Жизнеописание блаженной старицы Матроны / Авт. – сост. З. В. Жданова. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1996.

Житие и акафист 2004 / Житие и акафист святой праведной блаженной Матроны Московской. М.: Издание Покровского ставропигиального женского монастыря, 2004.

Житие и чудеса 1998 / Житие и чудеса блаженной старицы Матроны / Авт. – сост. З. В. Жданова. Переславль-Залесский: Букварь, 1998.

Житие святой 1999 / Житие святой блаженной старицы Матроны / Авт. – сост. З. В. Жданова. Переславль-Залесский: Букварь, 1999.

Жукова б.г. / *Жукова М. Г.* Маршал Жуков и старец Нектарий: Верил ли Жуков в Бога? [<http://www.kelia.ru/pages/marshal-starets.htm>].

Жукова 1999 / *Жукова М. Г.* Маршал Жуков: Сокровенная жизнь души. М., 1999.

Ильинская 1994 / *Ильинская А.* Светильник леса Голосеевского – блаженная старица Алипия // Ильинская А. Матушки земли русской. М.: Литературная учеба, 1994. С. 101–168.

К.В.П. 1996 / Угодница Божия Пелагея Рязанская: Воспоминания раба Божия Петра записал и составил К.В.П. // Жизнь вечная. 1996. № 18 (март).

Каверин 2005 / *Каверин Н.* «Православные» мифы о Великой Отечественной войне // Благодатный огонь (Прил. к журн. «Москва»). 2005. № 13. С. 6–10.

Козлова 2008 / *Козлова М. А.* Конец света и время настоящее: Эсхатология в современной деревне [<http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=66604>].

Коняев 2006 / *Коняев Н. М.* Россия стоит на сержантах Павловых: Защитники Отечества // Православие и мир. 2006. 9 мая [<http://www.pravmir.ru>].

Коняев 2009 / *Коняев Н.* «Надлежит быть и разномыслиям...» // Вера-Эском. 2009. Февраль.

Кураев 1998 / *Кураев А.* Оккультизм в православии. М.: Фонд «Благовест», 1998.

Кураев 2003 / *Кураев А.* Война: чудо и сказки // Альфа и омега. 2003. № 4 (38).

Лоевская 2005а / *Лоевская М. М.* Проблемы современной житийной литературы: агнографический кич, миссионерство, мифологизация // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 102–117.

Лоевская 2005 / *Лоевская М. М.* Русская агнография в культурно-историческом контексте переходных эпох: Автореф. дис.... д-ра культурологии. М., 2005.

Митрохин 2004 / *Митрохин Н. М.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛЮ, 2004.

Митрохин 2006 / *Митрохин Н. М.* Архимандрит Наум и «наумовцы» как квинтэссенция современного старчества // Религиозные практики в современной России / Под ред. К. Русселе, А. С. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. С. 126–148.

МК 2008 / Приход Сталина под Санкт-Петербург // Московский комсомолец. 2008. 27 ноября.

Мороз 2006 / *Мороз А. Б.* К семантике слова «Книга» в народной культуре: книга как сакральный предмет // *Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии.* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 267–276.

На могиле Матушки 1997 / *На могиле Матушки: Свидетельства о посмертных чудесах блаженной Матроны.* М.: Даниловский благовестник, 2007. С. 120–141.

НГ 2008 / *Скандал: в РПЦ завелись сталинисты* // *НГ-религии.* 2008.3 декабря.

Некрашевич 2007 / *На пажити Богоматери: Киево-Печерской лавры монахиня Алипия* / Сост. Л. А. Некрашевич. Киев, 2007 (то же: 2001, 2005).

Окашева 2003 / *Окашева Н. Е.* Современное русское юродство: Магистер. дис. СПбГУ, 2003 (рукопись).

Панченко 1999 / *Панченко А. А.* Религиозные практики: к изучению «народной религии» // *Мифология и повседневность.* СПб., 1999. С. 198–218.

Панченко 2004 / *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004.

Панченко 2006 / *Панченко А. А.* Эсхатологические рассказы // *Традиционный фольклор Новгородской области.* СПб.: Тропа Троянова, 2006. С. 232–249.

Пастухова, Коробов 2008 / *Пастухова Е., Коробов П.* Образ Сталина отлучили от церкви // *Коммерсантъ.* 2008. 28 ноября. № 217 (4034).

Петлянова 2008 / *Петлянова Н.* Сталин в нижнем приделе // *Новая газета.* 2008. 1–3 декабря.

Поздняев 2008 / *Поздняев М.* Молитва палачу // *Новые известия.* 2008. 26 ноября.

Рассказы 2005 / *Рассказы о чудесах блаженной Матроны. Житие. Акафист. Молитвы.* М.: Артос-Медиа, 2005.

Савчук, Удовиченко 2004 / *Савчук А. Н., Удовиченко В. Ф.* Стяжавшая любовь. Киев, 2004 (переизд.: 2005).

Раужин 2008 / *Раужин Н.* «И услышал я голос с неба»: История создания фильма о митрополите гор Ливанских Илие Карам [<http://old.portal-slovo.ru>].

Семенова 2005 / *Семенова А.* Святые Ксения и Матрона: Чудеса спасения. СПб.: Невский проспект, 2005.

Серова 2009 / *Серова И.* Помощь святых: Матрона Московская. СПб.: Веды, 2009.

Трофимов 1996 / *Трофимов А. А.* Блаженная старица схимонахиня матушка Ольга (Ложкина Мария Ивановна). М.: Храм во имя Фрола и Лавра в селе Ям; Русский хронограф; Паломник, 1996 (= Православный приходской сборник. Вып. 1).

Филатов 2005 / *Филатов С.* Русская Православная Церковь в поисках культурно-эстетического национального идеала // *Aesthetics as a religious factor in Eastern and Western Christianity: Selected Papers of the International Conference at the University of Utrecht in June 2004* / Ed. by Wil van den Bercken and Jonathan Sutton. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2005. P. 325–339.

Фомин 1993 / *Россия перед вторым пришествием: Материалы к очерку русской эсхатологии* / Сост. С. В. Фомин. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993.

Фомин 1994 / *Россия перед вторым пришествием: Материалы к очерку русской эсхатологии* / Сост. С. В. Фомин; 2-е изд., испр. и доп. М.: Родник, 1994.

Шантаев 2004 / *Шантаев А., свящ.* Святые блаженные-калеки в современной житийной литературе: Рассмотрение основных типологических признаков. М.: Благо, 2004.

Штырков 2006 / *Штырков С. А.* После «народной религиозности» // *Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии.* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 7–15.

Эдельштейн 2010 / *Эдельштейн Г., прот.* Возрождение Русской Православной Церкви под сенью свастики, серпа и молота: Фрагмент из нового издания «Записок сельского священника» // Credo.Ru. 2010. 11 января.

Ювеналий 2004 / Ювеналий, митрополит Крутицкий и Коломенский. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых. 5 октября 2004 года // Церковный Вестник. 2004. № 19–20 (296–297) (октябрь) [<http://tserkov.eparhia.ru/numbers/synodalinstitutions/?ID=1199>].

Kahla 2007 / *Kahla E.* Life as Exploit: Representations of Twentieth-Century Saintly Women in Russia. Helsinki: Kikimora Publications, 2007.

Weichert 2003 / *Weichert B.* «Помолимся побыстрее! Другие тоже хотят»: The veneration of Saint Matrona of Moscow, righteous and blessed. Доклад на конференции «Spiritual Spaces of Russian Culture: Meanings of Space, Place and Religion in Russia's Past and Present», Грегиног, 11–13 апреля 2003 года.

Мария Ахметова

Видение о загробной участи патриарха Алексия II. Об одном современном эсхатологическом тексте и его контексте

10 февраля 2009 года, т. е. через два месяца после смерти патриарха Русской православной церкви (РПЦ) Алексия II и через девять дней после избрания его преемника, на форуме, посвященном епископу Анадырскому и Чукотскому Диомиду (Diomid.Info), пользователь под ником «Евгений-воин», называющий себя монахом, рассказал о своем видении касательно посмертной судьбы Алексия. В видении содержались также предупреждения в адрес новоизбранного патриарха Кирилла и всей России в целом. Сообщение вызвало довольно вялую дискуссию, которая содержала в основном более или менее резкие обвинения визионера в состоянии прельщения, а также обсуждение личности покойного патриарха. 12 февраля сообщение и дискуссия были стерты модераторами форума. 3 марта 2009 года текст видения (расширенный за счет ответов визионера на вопросы, заданные на форуме) публикуется на сайте «Православие и любовь»²²⁸; 4 марта 2009 года – на «Форуме издательства «Русская идея» и движения «ЖБСИ!» (Жизнь без страха иудейска!)»²²⁹; публикация на сайте Духовно-патриотического союза «Новороссия» была удалена, как и публикация на форуме «Православное братство» (6 октября 2009 года). В 2010 году сокращенный и отредактированный текст видения был размещен в издании «Церковный вестник» (январь 2010 года, № 2)²³⁰, издаваемом по благословию епископа Тверского Корнилия – бывшего сподвижника епископа Диомида. Еще один вариант видения 27 марта 2009 года был опубликован в блоге некоего православного монархиста²³¹; этот вариант содержит также дополнительные откровения и информацию о визионере – он называет себя Евгением Бондарем-Романовым, правнуком великого князя Дмитрия Романова, убийцы Григория Распутина.

Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2000–2013 годы, тема проекта «Динамика ритуально-мифологических традиций в региональных и социокультурных контекстах конца XX – начала XXI в.».

С тех пор републикации видения были единичны. О распространении текста в бумажных копиях мне ничего не известно (возможно, оно и имеет место). Имели место и критические публикации. Например, в мае 2009 года версия с сайта «Православие и любовь» была опубликована в социальной сети «ВКонтакте» в группе «Против ереси царебожия и прочих искажений Православия» с преамбулой: «А в последнее время царебожники и диомидовцы распространяют вот этот бред прельщенного человека»; мнение двоих отреагировавших на это сообщение сводится к тому, что визионер находится в состоянии прельщения и психически болен (при этом один из высказавшихся сослался на комментарий к данному видению, полученный им по электронной почте от священника Даниила Сысоева, известного своей миссионерской деятельностью и убитого в ноябре 2009 года).

Насколько можно судить по данным, обнаруживаемым в Интернете, визионер является не выдуманным персонажем, а реальным лицом. Как пишет блогер, опубликовавший один

²²⁸ [<http://pravoslavielove.ucoz.ru/publ/7-1-0-126>].

²²⁹ [<http://www.rusidea.org/forum/viewtopic.php?p=18682>].

²³⁰ [<http://www.diomid.info/forum/index.php?action=dlattach;topic=1358.0;attach=1986>].

²³¹ [<http://1613.livejournal.com/101877.html>].

из вариантов, «есть в Дивеево дядька. Представляется – воин (монах) Евгений. Православный мистик, визионер». Кроме того, под ником «Евгений-воин» было сделано несколько других записей на разных православных форумах, на которые, впрочем, практически никто не отвечал. Сообщения позволяют составить представление о мировоззрении визионера: это монархист, антисемит и конспиролог. Приведу выдержки из некоторых его записей. Например, на форуме «Народное ополчение имени Минина и Пожарского»²³² он написал:

Придел жидовской наглости – вышедший в 2007 году комедийный фильм «День выборов», в котором четыре еврея и татарин на всю страну выставили Русского человека, народного депутата за пидора и весь народ равнодушно посмеялся над своим безчестием²³³.

На форуме «Русская Пасха»²³⁴ в 2010 году он разместил стихотворение собственного сочинения, заканчивающееся аллюзией на известную песню В. И. Лебедева-Кумача:

Вставайте люди Русские
На смертный бой – Священный бой
С жидовской силой темною
С прокля-ятою ордой.

В 2011 году им было опубликовано на форумах несколько сообщений под ником «священник Евгений (Бондарь-Романов)».

Я оставляю в стороне вопрос о психическом здоровье или искренности визионера и сосредоточусь на его видении, которое вполне отвечает своему жанру и достойно занять свое место в ряду других откровений подобного рода.

Вообще говоря, виртуальное помещение своего оппонента в ад – довольно распространенное явление в христианской культуре (стоит вспомнить, например, «Божественную комедию» Данте или известную фреску из церкви села Тазово Курской области 1883 года, где в адском пламени в объятиях сатаны изображен Лев Толстой²³⁵).

В целом обсуждаемый текст представляет собой типичный образец жанра видений загробного мира, имевший в русской культуре широкое распространение как минимум с позднего Средневековья. Визионеру, который находится в состоянии временной смерти (также известен термин *обмирание*), во сне или в откровении показывают устройство загробного мира, при этом особенное внимание уделяется загробным наказаниям за конкретные грехи.

А. В. Пигин, исследовавший русскую книжную традицию видений загробного мира на материале XV–XX веков, выделил среди них пласт так называемых полемических видений, в центре которых – полемика об истинности веры между различными конфессиональными группами (прежде всего между старообрядцами и никонианами, а также между различными направлениями старообрядчества). Видения, показывавшие тяжелую загробную участь религиозных оппонентов, призваны были служить доказательством ложности их веры (соответственно, умершие сторонники «правильного» религиозного течения представлялись в райском сиянии). Иногда, согласно видениям, в раю или в аду оказывались непосредственно личности, знаковые для религиозной полемики: например, визионеры-старооб-

²³² Сейчас запись перенесена на «Форум издательства «Русская идея» и движения «ЖБСИ!» (Жизнь без страха иудейска!)).

²³³ Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

²³⁴ Сейчас запись удалена.

²³⁵ Хранится в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург).

рядцы видели в аду царя Алексея Михайловича, при котором начался церковный раскол, и других гонителей «древнего благочестия», а в раю – протопопа Аввакума; лидеры различных старообрядческих течений могли оказываться в раю или в аду в зависимости от отношения к их учению среды, к которой принадлежал визионер (это может касаться, например, лидеров беспоповства или сторонников самосожжений). При этом часто тексты видений содержали филиппики против оппонентов, обсуждение их еретических воззрений²³⁶.

В послереволюционную эпоху, т. е. в условиях новой религиозной ситуации, в видениях находит отражение иная религиозная полемика. Например, так называемое «Видение Иоанна Кронштадтского» (очевидно, относящееся к 1920-м годам) направлено против обновленцев и атеистов²³⁷; в записях обмираний XX века обнаруживается осуждение атеистов, некрещеных и сектантов²³⁸, хотя в целом пафос значительной части обмираний носит больше морально-этический, нежели религиозно-полемический характер, а если там и обсуждается чья-то конкретно загробная участь, то это прежде всего родственники и знакомые обмиравшего (см.: Вигзелл 2006). Примечательно, однако, что в XX веке видения также могут показывать посмертную судьбу определенных знаковых личностей, например, в «Видении Иоанна Кронштадтского» визионеру является царь Николай II и свидетельствует о том, что он погиб как мученик.

Информация о загробной участи знаковых исторических личностей содержится в различных откровениях. Приведу для примера текст об «отроке Вячеславе» – персонаже неофициального православного культа, мальчике из Чебаркуля, который умер в 10 лет и при жизни якобы обладал даром пророчества и ясновидения:

Славик сказал, что ад существует реально и он под нами. Я спросила о Сталине. Славик объяснил, что в аду есть место, где течет кипятки и в этом кипятке кто стоит по пяточки, кто – по колено, кто – по грудь, а Сталин полностью с головой там (Отрок 2006: 91–92).

Наряду с традицией религиозной, православной (будь то старо-или новообрядческая) в XX веке имела распространение и другая традиция, отнюдь не единая, которую с оговорками можно назвать эзотерической. Визионеры (или «контакты», которые сами обычно не видят иной мир, но получают сообщения оттуда) в данном случае чаще всего не относятся

²³⁶ «И в то время аз, юзник Феодор, молих Господа моего света Христа, да явит ми о царе Алексее, в каком месте он, добродей наш, пребывает по смерти. <Царь сидит в аду в яме>, в той же 12 сажень глубины, яко храмина тесна соделана, и ту он сидит скован до судного дне» («Послание дьякона Федора сыну Максиму», XVII век [Пигин 2006: 207]); «И узрех в реце оной дьявола, мучима со Иудею, и человека некоего с народы тяжко опалена. И глагола водияя мя: «Сей Козма со ученики своими». <...> И еще видех некоего человека, со священной одежде ходяща, и глагола водияя мя: «Се есть авва Досифей». И слыша его глаголюща: «Козма, Козма! Что се страждещи за неправо свое разсуждение? Зане укорил еси священство и таинство и сказывал ты, яко река огненная не будет и Христос, де, чувственно не придет на землю судити живым и мертвым...»» («Слово о некоем муже именем Тимофее», XVII век [Там же: 251]); «...В единой стране бяше множество людей, службу совершающие. И свет у них зряшеся велик, якобы иконам сущим и свещам многим возженным. Сии же бяху Даниилова согласия. У сущи за мрачною завесою света не видяшеся. Тии же сущи Филиппова согласия. <...> Данииил нача тем Филипповому поношати, глаголя: «Безумнии и окаяннии! Не точию вы сами удалистесь зрения сладкаго света, но и других с собою во мрак лютаго разделения соотведосте...»» («Видение жены Акилины», XVIII век [Там же: 264]).

²³⁷ «Смотрю – идет масса людей, страшно измученных, на лбу у каждого звезда. Они, увидев нас, зарычали: «Молитесь за нас, святые отцы, Богу, очень нам тяжело, а сами не можем. Отцы и матери нас не учили Закону Божьему и даже имени христианского у нас нет. Мы не получили печати дара Духа Святого (а красного знамени)». <...> Вот идет толпа людей, гонимая страшными бесами, которые немилосердно били и кололи людей длинными пиками, вилами и крючками. «Что это за люди?», – спросил я старца. «Это те, – ответил старец, – которые отпали от Веры и Святой Апостольской Соборной Церкви и приняли еретическую живообновленческую»» (цит. по: Россия 1995: 157–160). См. также вариант видения: Шеваренкова 2008: 190–198.

²³⁸ «...Переходят в вечное мучение, уготованное им же безверием» (Видение девы Веры [Чередникова 2002: 242]); «Некрещенные мучаются, есть им не дают, страдают...» (Лурье, Тарабукина 1994: 26); «Они будут вечно в темной преисподней и никогда не увидят белого дня. Они при жизни заблудились от православной веры, вошли в разные секты...» (Видение рабы Божией Веры [Пигин 2006: 359]); «Дети мучаются, потому что они некрещенные и не получили святых имен от Святого Духа. Отцы и матери несут за них большое наказание» (Видение Веры [Шеваренкова 2008: 208]).

к православной среде или же принадлежат к ней формально, а картина мира, выявляющаяся по их видениям или по результатам «контактов», сильно отличается от христианской (впрочем, и от других религий тоже). Но, несмотря на то что «эзотерический» потусторонний мир не слишком похож на христианские рай и ад, загробная судьба известных личностей может описываться и в подобной эсхатологической перспективе. Так, наиболее значимым для русской эзотерической традиции текстом является «Роза Мира» Даниила Андреева (1940–1950-е, впервые опубликована в 1991 году, до этого распространялась в самиздате), где предлагается целостная религиозно-философская система устройства Вселенной, включающей «верхние» и «нижние» миры, в том числе так называемые миры возмездия, в определенном смысле соотносящиеся с адом. В этом условном аду, согласно «Розе Мира», находятся исторические фигуры, осмысливаемые как одиозные:

В очередном двойнике Инженерного замка (такой есть и в Буствиче) находился в то время, то есть в 1949 году, император Павел I <...> Мне было объяснено, что, если бы часть груза не была снята с него мукой его умерщвления в ночь на 12 марта и вместо этого он продолжал бы тиранствовать вплоть до своей естественной кончины – груз содеянного повлек бы его еще глубже, вниз, пока не был бы достигнут Пропулк – одно из самых ужасающих страдалищ. <...>

Далее идет Пропулк – магма твердая: мир искупительных страданий массовых палачей, виновников кровопролитных войн и мучителей народных множеств.

Свобода движения утрачивается. Тело как бы замуровано в твердый состав, сдавлено со всех сторон. Но даже страшнейшую телесную муку здесь перерастает страдание души. Это такое жгучее раскаяние и такая тоска о Боге, какие невозможны ни в одном из высших слоев. К счастью, до Пропулка спускаются немногие. Нужно ли говорить, что здесь такие существа, как Ежов или сподвижники Берии? Удивительно то, что здесь совсем еще недавно продолжал томиться Малюта Скуратов, а в Пропулке западных метакультур все еще не развязали своей кармы не только Робеспьер и Сен-Жюст, но даже некоторые из инквизиторов XVI века (Андреев 1992:89–90).

В качестве другого «эзотерического» примера можно привести книгу «Небесный собеседник» контактерши и визионерши Валентины Хрусталевой (1992). Хрусталева имела контакты с потусторонними сущностями, которые именовали себя «Господом» и «Иисусом Христом», эти сущности отвечали контактерше на вопросы различной тематики, начиная от бытовых проблем и заканчивая устройством мира, в том числе касательно посмертной участи известных личностей (например, в аду, согласно откровениям 1989–1990 годов, находятся Сталин, Маркс, Блаватская, Пушкин, Лев Толстой, Василий Шукшин, и, что небезынтересно, патриарх Пимен, причем о загробной судьбе последнего контактерша спросила 7 мая 1990 года, т. е. через несколько дней после его смерти):

- Жива ли душа Сталина?
- Да.
- Где она?
- В аду.<...>
- Господи, кто был Василий Шукшин?
- <...> Господь наказал его за плохой характер. Мучается, томится в аду. <...>
- Господи Боже, кто был Лев Толстой?

- Шоры его Господу не нужны. Подонок его в ад послал.<...>
- Кто такая Блаватская?
- <...> ...Мучается в аду тоже до конца своих мимо тебя идущих дней.
- <...>
- Господи Боже! Душа А. С. Пушкина жива?
- Тебе это не надо. Точно она есть, и в аду, потому что порешил сходить на дуэль. Желания плотские поставил выше духовных. Тот огород не исчерпал, который дал ему Господь.<...>
- Можно ли мне поговорить с Пименом?
- Нет. Он потух и ушёл адовой дорогой Моей. <...> Мучения принимает за утешь роскошью.<...>
- Господи Боже, а где душа Карла Маркса?
- Но ты и сама знаешь. Я его в ад послал (Хрусталева 1992).

Далее обращусь к рассматриваемому видению. Визионер, помолившийся о новоизбранном патриархе Кирилле, слышит голос (очевидно, Божий), который говорит, что покажет участь патриарха Алексия, и требует записать все, что визионер увидит и услышит. Появляются Николай II и Серафим Саровский, в сопровождении которых визионер погружается в бездну. Там он видит двух ангелов, держащих «тлеющую в ультрафиолетовых лучах, но не сгорающую плоть патриарха Алексия II. «Святейший» (Господи помилуй!), с ног до головы был иссиня черным и светился ультрафиолетовым свечением. Ноги его хрустели, как обугленная головня, но не распадались. На лице застыли ужас и безысходность». Серафим Саровский зачитывает «хартию», где перечисляются грехи Алексия II, за них, как объявляется, он не будет прощен вовек. После этого визионер вместе со своими святыми спутниками переносится, очевидно, в горный мир, где получает информацию о грехах Московской патриархии и предупреждения для патриарха Кирилла. Завершается видение «свидетельствами», в качестве первого выступает приписываемое Серафиму Саровскому пророчество о нечестии церкви в грядущие времена (которые, очевидно, наступили уже сейчас), а в качестве второго – отрывок из Евангелия. В зависимости от версии рассуждения самого визионера и полученные им откровения могут быть более или менее подробными.

Очевидно, что данное видение (по своему характеру вполне полемическое) происходит из среды православной оппозиции²³⁹, воззрения которой частично близки воззрениям Истинно-православной, или Катакомбной, церкви. Оппозиционные настроения среди православных верующих начинают широко распространяться с конца XX века; для них часто свойственны радикальный монархизм (в частности, почитание Николая II как царя-искупителя, в противоположность общецерковному почитанию его как страстотерпца, и нередко ожидание восстановления монархии), конспирология (представление о «жидомасонском заговоре»), но главное – осуждение Московской патриархии за «отступничество» (так называемую апостасию) и подчинение «безбожному государству». Патриархии вменяются в вину «экуменизм» и сотрудничество с духовенством других конфессий, в том числе нехристианских (один из наиболее серьезных пунктов обвинения – речь патриарха Алексия II в 1991 году к раввинам Нью-Йорка, содержащая слова «Ваши пророки – наши пророки»²⁴⁰ – именно это имеется в виду в видении под «панибратством с жидомасонами»); ее также обвиняют за соглашательскую позицию по отношению к ряду проводимых государством мероприятий, таких как введение нового паспорта, ИНН и др., которые рассматриваются как средства контроля над людьми со стороны антихристового «мирового правительства». Именно за

²³⁹ Под православной оппозицией я условно понимаю часть верующих, находящихся под юрисдикцией Русской православной церкви, но имеющих к высшей церковной иерархии претензии духовного плана.

²⁴⁰ Впервые опубликовано в газете «Московские новости» (1992. 26 января).

это, согласно видению, в числе прочего осужден на том свете патриарх. Пункт «возглавлял нечестивый Собор 2006 г.» может служить свидетельством принадлежности визионера как к кругам православной оппозиции, так и к Истинно-православной церкви или какой-либо из других православных неканонических юрисдикций: речь идет о Всезарубежном Соборе 2006 года, на котором был одобрен проект Акта о каноническом общении Русской православной церкви за границей с Московским патриархатом; за шаг к «унии» зарубежников с «нечестивой» Московской патриархией собор был наиболее жестко осужден представителями Русской истинно-православной церкви²⁴¹, Российской православной церкви (Виктор 2005), а также некоторыми деятелями православной оппозиции, в частности главой московского отдела Союза русского народа Михаилом Назаровым (Назаров 2006).

Остальные пункты обвинительной «хартии» патриарха (неправильная позиция по отношению к почитанию Николая II, стяжательство и разврат священства) являют собой общие места в критике оппозицией Московской патриархии.

Кроме обособленных православных сообществ или приходов с явной антипатриархальной направленностью, оппозиционные настроения могут быть свойственны и обычным прихожанам, не состоящим ни в каких группах. Приведу пример из записанного мною в 2002 году разговора между тремя женщинами, одна из которых живет в с. Дивеево (инф. 1), а две (из Хабаровска и Мурманска; соответственно инф. 2 и инф. 3) остановились у нее, приехав в Свято-Троицко-Серафимо-Дивеевский монастырь в качестве паломниц:

Инф. 2: Вот когда Алексей еще не был патриархом, он был еще тогда в Прибалтике <...> в старой Риге был у него приход, вот он там епископом был.<...> У него было, вот, проповедь <...> ее выпустили, напечатали,<...> так обронил, что <...> у христианской религии может быть запанибратство даже с синагогой, потому что у нас единый Бог, что-то вот такое говорил. Это у нас – какое-то братство с синагогой²⁴².

<**Инф. 1** рассказывает о крестном ходе в Дивеево во время приезда Алексия II, когда произошло явление, осмысливающееся как знамение:> ... Ходила туча там, ходила, с грозой. Туча была. Мы с царем Николаем <с иконой> прошли по этой, по Канавке <...> и только добежали до нашего <храма> – такая туча, черная... <...> **Инф. 3:** А мощи чьи были?

Инф. 1: Серафимушки.

Инф. 3: Ну это знак был от Серафимушки. Это Господь, но через Серафимушку.

<Затем обсуждается, что Алексей II пригласил в Россию папу римского, после чего «униаты стали возрождаться». **Инф. 2** заключает:> А кто предаст? Сверху предаст.

Инф. 3: Не эти простые батюшки. Патриарх предаст.

Открытых конфликтов оппозиции с официальными церковными властями не было, пожалуй, вплоть до 2007 года, когда было опубликовано обращение, подписанное епископом Анадырским и Чукотским Диомидом²⁴³ и содержащее критику Московской патриархии, за чем последовало снятие с Диомида сана в 2008 году. Не случайно именно на сайте, открытом последователями Диомида, впервые размещается текст видения о загробной судьбе Алексия II. Кстати, в одной из версий видения визионер упоминает: «Нам ставят в упрек, почему

²⁴¹ См. электронные издания: «Верность» (2006. № 34) [<http://metanthonymemorial.org/Vernost№34.html>], «Церковные ведомости» [<http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=933>].

²⁴² Очевидно, здесь есть переключка с рассматриваемым видением, где говорится о «панибратстве с иудеями»; вероятно, и моя информантка, и видение цитируют некоторый текст, осмысляющий речь патриарха, к сожалению, мне неизвестный.

²⁴³ Опубликовано на сайте «Русь Православная» [<http://www.rusprav.org/2007/3.htm>].

вы вышли из Московской Патриархии. Мы не вышли, нас выгнали», – что может служить подтверждением того, что визионер является последователем Диомида.

Многие фрагменты видения помещают в широкий эсхатологический контекст (что соответствует обостренным эсхатологическим настроениям православной оппозиции). Слова, которые слышит визионер («я есмь Суций, Первый и Последний»), заставляют вспомнить голос Божий в Откровении Иоанна Богослова (Откр 1: 10); другая цитата из Апокалипсиса сопровождает откровение: «Выйди из нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее...» (в Апокалипсисе (Откр 18: 4); эти слова применяются к Вавилонской блуднице, здесь – к Московской патриархии, что в целом соотносится с их отождествлением «катакомбниками», а в последние годы и православной оппозицией). Одним из грехов, которые ставятся в вину патриарху, является «благословение паствы на вхождение в антихристову систему», да и само нынешнее время характеризуется как «антихристово».

Отнюдь не случайно святыми собеседниками визионера становятся Николай II и Серафим Саровский. Последний русский император – фигура, необыкновенно важная в православной эсхатологической картине мира, в которой ликвидация в России монархии и убийство большевиками царской семьи видится как устранение препятствия перед антихристовыми силами для захвата России. Велика в современной эсхатологии и роль Серафима Саровского: кроме того, что это один из самых почитаемых современными православными святыми, ему приписывается несколько пророчеств о «последних временах» (одно из них, о нечестии архиереев, в видении цитируется), а также пророчество о собственном воскресении в Дивеево и об указании им на грядущего праведного царя, царство которого, по убеждениям ряда монархистов, должно предшествовать всемирной власти Антихриста либо существовать параллельно с ним²⁴⁴. Отсылки к последнему пророчеству содержатся и в видении: визионер заявляет: «Верую, завтра по своему Святому Воскрешению, Преподобный Серафим не откажется от данных мне откровений», а также передает сказанный в откровении ему призыв к избранным собираться в Дивеево, где патриархом над избранными «до скончания века антихриста» будет Серафим Саровский, а царем – «угодник Божий Николай» (что имплицитно содержит ожидание воскресения не только Серафима Саровского, но и Николая II²⁴⁵, впрочем, воскресение последнего – не настолько распространенный мотив, как воскресение Серафима Саровского). Более того, заявление о том, что царем над Россией является Николай II, а патриархом – Серафим Саровский, имплицитно служит дискредитации реальной власти (и светской, и духовной) как таковой.

Именно Серафим Саровский выступает в роли «проводника» по иному миру в «Видении Иоанна Кронштадтского» – тексте, благодаря обилию публикаций в массовой православной литературе широко известном в современной православной среде. Однако и Николай II может появляться в функции своеобразного посредника между мирами, открывая тайны эсхатологического будущего, о чем свидетельствует, к примеру, текст «Царь Николай предупреждает о грядущем», в котором излагается явление Николая II некоему художнику, находящемуся в состоянии клинической смерти; царь показывает ему, что Россию вскоре ожидает война и диктатура «антихристиан»²⁴⁶.

В подтверждающем видение «воина Евгения» толковании евангельского чтения присутствует отсылка к «третьей мировой – ядерной войне», а в одном из вариантов текста приводятся более подробные откровения о судьбах России и мира (очищение от

²⁴⁴ См. об этом подробнее: Ахметова 2010, гл. 3.

²⁴⁵ Например, епископ Корнилий заявляет, что воскресению Христову в истории России должно мистически соответствовать «Воскрешение Богом Государя и Царской Семьи» (Церковный вестник. 2010. № 3 (февраль) [lampada.ucoz.ru/_fr/0/_3.doc]).

²⁴⁶ Листовка с этим текстом распространялась в 2003 году при Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском монастыре; см. публикацию на портале «Credo» [<http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=2255>].

«жидовского ига», восстановление монархии, войны и бедствия, разрушение Москвы, необходимость уходить из больших городов), т. е. общие места современной эсхатологии (см. об этом: Ахметова 2010, гл. 2). Более того, вариант, приведенный блогером [<http://1613.livejournal.com/101877.html>], расширяет контекст видения до политического; главы современной России (Путин и Медведев) в этом контексте стоят в одном ряду с Горбачевым и Лениным, и всем им находится место среди фигур Апокалипсиса (примечательно, что Сталин здесь является скорее положительным персонажем, что в целом соотносится с переосмыслением его образа частью современных православных, рассматривающих его как борца с демоническими «жидовскими» силами). Все эти образы, наряду с «чипом» – печатью антихриста и «жидовским игом» над Россией²⁴⁷ в обилии содержатся в массовой православной литературе и должны легко считываться православными читателями. Примечательно, что в этом варианте присутствует и неявная полемика с актуальными событиями современности, когда в 2007–2008 годах группа верующих в Пензенской области в ожидании конца света ушла в затвор в подземные укрытия (очевидно, на это намекает фраза: «Зарываться никуда не надо»). Приведу некоторые цитаты из данного расширенного варианта:

Затем ко мне обратился Святой Преподобный Серафим:

– Послушайте Ваше Боголюбие²⁴⁸, что следует знать людям на последние времена: Царство антихриста будет стоять до тех пор, пока дух «Атеизма» (Тибет), дух «Эгоизма» (Ватикан) и дух лукавый, он же хулитель Святого Духа (Москва), будут пребывать в мире.

Для начала очистительной войны от ига жидовского Русским людям надобно предать огню малое зерно, от которого Православные сердца поросли лукавством словно плевелами. Зерно это – мумия Ленина, в которой хранится дух лукавого.

<...>

Многих интересует вторая часть откровений. Тем, кто ищет сенсаций должен сказать: в них нет ничего нового. Обо всем, что происходит с нами сказано в Откровении Иисуса Христа через Святого Иоанна Богослова, читайте главы 13, 14. В них говорится об иге жидовском над Богом хранимой Россией. О Ленине – хулителе Святого Духа. О Сталине – жезле железном, сразившим, жидовского зверя в одну из голов его. Но рана на одной из голов его исцелела – отметина на голове Горбачева, вторая меченая голова – безпалый Ельцин, третья меченая голова – Путин, «на голове его два рога» в паре с Медведевым. Оба есть Гога и Магога (имеющий око да видит). Это еще не конец, их вместе со лжепророком Ангел Господень закует цепью на тысячу лет. О печати антихриста – ЧИП – Человек Имплантант Погибели, «число это человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Число человеческое – то есть частота потока энергии от высокочастотного генератора, созданного не Богом, а человеком. В природе существует естественная сила с частотой шестьсот шестьдесят шесть, после падения Денницы над ней поставлен Святой Архангел Михаил. Исследования в области нанотехнологий есть хула на Святого Духа, а хула на Святого Духа не простится во век. <...> Остановить все можно

²⁴⁷ См. подробнее об этом концепте и его происхождении: Ахметова 2009.

²⁴⁸ Так обращался к своим собеседникам Серафим Саровский, согласно записям Н. А. Мотовилова, близко общавшегося с ним.

либо человеческими усилиями – войной, либо Силой Божией, глобальным природным катаклизмом.

О Москве и о каре Божией над ней говорится в главах 17, 18. Тайна имени Вавилон не Рим, не Нью-Йорк (как многие предполагают). Москва хранительница крови многих Православных святых. Почему воскрешение Святой Росси<и> от Дивеево? Нет Москвы источника духовного содома, нет ожидавленной Московской Патриархии, нет «прокуренного»²⁴⁹ Патриарха Гундяева.<...>

Христианский уклад жизни своей ведите тайно, не на показ. Особенно когда антихрист взойдет на трон. Зарываться никуда не надо, но из больших городов уходить на землю надо было еще вчера и теперь не поздно. Но время коротко.

Так в рассматриваемом видении «малая эсхатология» (информация о посмертной судьбе конкретного лица, т. е. патриарха Алексия) встраивается в контекст «большой эсхатологии» (представлений о «последних временах» и последующей кончине мира).

Таким образом, видение о загробной участи патриарха Алексия, с одной стороны, создано в традиции «полемических» видений, а с другой стороны, отражает современный эсхатологический дискурс. Довольно нетипично, впрочем, само описание патриарха в аду: он «иссиня-черный», «тлеет в ультрафиолетовых лучах» и «светится ультрафиолетовым свечением». В значительной части видений если о внешнем виде грешников и говорится, то они предстают взору визионеров либо черными (варианты – темными, мрачными), либо огненными (горящими в пламени), а «ультрафиолетовый» или даже фиолетовый цвет для «цветового кода» русских видений отнюдь не свойствен. С одной стороны, это может говорить об адаптации естественно-научной терминологии, что сегодня довольно широко распространено в языке религиозных сообществ: если вирус может представляться как одержимая бесом материя (см. подробнее: Ахметова 2010: 56), почему тогда адское пламя не может быть ультрафиолетовым? С другой стороны, не исключено и заимствование из эзотерических текстов, где «ультрафиолетовый» и фиолетовый цвета маркированы (например, в уже упоминавшейся «Розе Мира» в демоническом мире «блещет светило непредставимого цвета, отдаленно напоминающего фиолетовый» [Андреев 1992: 83]; в учении популярных в России американских эзотериков Марка и Элизабет Клэр Профет большое значение уделяется «фиолетовому пламени» как особой духовной энергии; см.: Профет 2006). Если для эзотериков, служащих, с православной точки зрения, сатане, фиолетовый цвет маркирован как духовно позитивный, то для православных эта духовная позитивность оборачивается другой стороной²⁵⁰.

Возникает, однако, вопрос, почему данное видение, содержащее столько образов, которые должны находить отклик у современных православных апокалиптиков (не говоря уже о православной оппозиции), оказывается столь непопулярным (об этом свидетельствует как исключительно низкая цитируемость в православном Рунете, так и то, что видение довольно мало обсуждалось на православных форумах, а доверие ему высказали единицы)?

²⁴⁹ Имеется в виду фоновое знание об участии в 1990-е годы Кирилла (Гундяева), бывшего тогда архиепископом Смоленским и Калининградским, в беспорядочном ввозе в Россию табачной продукции, популяризовавшееся благодаря серии статей в «Московском комсомольце» (см., например: Бычков 1997). Результатом «табачного скандала» стало появление у Кирилла таких прозвищ, как *табачный митрополит* / *патриарх*, *митрополит* / *патриарх Кирилл* и т. д.

²⁵⁰ По мнению К. А. Маслинского, высказанному в частной беседе, тема ультрафиолетового свечения может быть навеяна ультрафиолетовыми лампами, использующимися в дискотеках (которые, согласно мнению многих православных, безусловно, являются нечистыми местами). О том, что визионер посещал дискотеки, неизвестно, однако данная гипотеза стоит упоминания.

По всей вероятности, дело в некоторой неадекватности визионера – с точки зрения не психиатрии, а соответствия представлений среды о том, каким должен быть православный визионер. «Воин Евгений» называет себя монахом (и даже схимонахом), при этом проявляя удивительную и очевидную любому воцерковленному человеку безграмотность в духовной и богослужебной терминологии. Дело даже не в орфографических ошибках и не в искаженных цитатах из Писания. Например, заголовок «Алексий II упокоился...» несовместим с содержанием видения, согласно которому патриарх находится в аду, в то время как глагол *упокоиться* в церковном узусе отсылает к загробному бытию праведных душ²⁵¹. Платы за совершение таинств визионер называет *требами*, тогда как общеизвестно, что это слово обозначает не плату, а сам обряд. Безграмотно звучит употребление слова Боже (звательный падеж) в значении именительного падежа («Мое имя в схиме знает Святый Боже Отец Вседержитель»).

Исключительно странно выглядят и некоторые положения, высказываемые визионером. Например, «воин Евгений» упрекает Патриархию в «исповедании догмата непротivления злу». Известна заповедь «не противься злему» (Мф 5: 38) и толстовская идея «непротivления злу насилием», но такого догмата не существует. Довольно нетипичной для православной среды является трактовка крещения за деньги как «продажи душ». Общим местом в критике Патриархии является осуждение храма Христа Спасителя за роскошь, но что стоит за положением, согласно которому последний освящен «на жертвенной крови его строителей», также совершенно непонятно.

Вероятно, смущает православных читателей и сам тон текста: несмотря на самоуничижительные формулы («я, убогий монах» и т. д.), очевидно, что визионер считает свою миссию чрезвычайно важной. Так, он говорит о себе как о «духовном почтальоне» или утверждает, что некто из архиереев «положил миллион» за его голову; недвусмысленно и его заявление о ситуации видения: «Я был в духе...», – в то время как видение начинается с голоса, который произносит: «Я есмь (sic!) Суций, Первый и Последний» – безусловная аллюзия на Апокалипсис, где Иоанн Богослов, также будучи «в духе», слышит: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» (Откр 1: 10). Поскольку читатели имеют дело не с известным духовным авторитетом, за которым признано право так заявлять о себе, а с никому не ведомым монахом, который к тому же по необъясняемой причине именуется «воином» (очевидно, воином духовным), у православного читателя естественным образом возникает вопрос о том, не находится ли автор текста в состоянии прельщения.

Наконец, основной посыл видения, т. е. то, что патриарх Алексий II находится в аду (тем более учитывая натуралистические подробности видения), при всей антипатии оппозиции к Патриархии и лично к покойному патриарху, как мне представляется, не должен был найти широкого отклика в сердцах православных читателей, по крайней мере большей их части. Негативная мифология конкретного предстоятеля Русской православной церкви для оппозиции ограничивается в первую очередь его речью к раввинам Нью-Йорка, а во вторую – представлением о том, что он был агентом КГБ (впрочем, эта идея восходит к расследованию архивных документов священником Глебом Якуниным (Якунин 1995) и благодаря общественной деятельности последнего актуально в значительно большей степени для светских, нежели религиозных кругов; показательно, что в видении «воина Евгения» нет ни намека на причастность покойного патриарха к спецслужбам). Как мне представляется, для православной оппозиции намного большим жупелом, чем личность Алексия II, является Московская патриархия – система, осмысливаемая как коллективная «Вавилонская блудница», проводник дьявольских («жидомасонских») сил.

²⁵¹ Ср.: «В покоищи Твоем, Господи, / идеже вси святии Твои упоковаются, / упокой и души раб Твоих, / яко Един еси Человеколюбец» (Последование панихиды).

Иными словами, автор текста видения о посмертной судьбе патриарха Алексия II эксплуатирует известные сообществу сюжеты и образы, при этом излишне проявляя личное начало и демонстрируя некоторое невладение культурным кодом, что и приводит к его отторжению, если не сказать – к невосприятию и даже игнорированию.

В этом смысле показательна судьба гораздо более цитируемого текста, связанного с «обличением» Алексия II и созданного еще при его жизни²⁵². Согласно данному тексту, отсылающему к свидетельству неких приближенных к Алексию людей, в 2002 году во время поездки в Астраханскую епархию патриарх пережил сердечный приступ после посещения его в видении преподобным Феодосием Печерским, который, укоризненно глядя на предстоятеля, произнес, что патриарх и «многие братья» его отпали от Бога и «к диаволу припали», что «многие правители Руси не правители уж суть, а кривители. И церковь потворствует им» и что если они не опомнятся и не искупят свои «бесчисленные грехи», то их ждет «скрежет зубовой, страдания бесконечные». Вероятно, абстрактный характер как обличений, так и наказаний в адрес и лично патриарха, и властей – церковных и светских – импонирует всем, кто распространял данный текст, экстраполируя на обличаемых персонажей те грехи и просчеты, которые считал нужным, тем более что лексика, приписываемая печерскому игумену, была, в отличие от таковой «воина Евгения», практически безупречной.

Ниже приводится один из вариантов видения, опубликованный на «Форуме издательства «Русская идея» и движения «ЖБСИ!» (Жизнь без страха иудейска!)).

Алексий II упокоился по пророчествам преподобного Серафима Символ Веры. Вы какого изменения ждете? Когда слова все заменят? Для нас: «чаю воскресения мертвых» уже изменение. Воскресать из мертвых может только Единородный Сын Божий Царь Славы Иисус Христос. Мы же грешные сами собой не можем воскресать, по сему чаем воскрешения мертвых.

Мир Вам! Русской Православной Церкви. Всем во Христе братьям радоваться. Молитвами Пресвятой Богородицы и Всех Святых спасаться. Люди добрые, сами видите, не в простое время живем. О нашем времени в Писании сказано: искушения и соблазны в те дни будут такие, что Ной, Лот и Иов праведностью своею спасли бы только себя, а не семьи свои.

Свидетельство

Не в суд или в осуждение, но во свидетельство для вразумления многих.

Дивеево. 09.02.2009 г. от Р. Х.

В ночь с 6 на 7 февраля я убогий монах из числа Мелхиседекова священства был на келейном всенощном бдении и, когда помолился о вновь избранном Патриархе Русской Православной Церкви Кирилле (Гундяеве) вот, что произошло.

Келья наполнилась ярким светом и раздался громкий голос:

– Я есмь Сущий, Первый и Последний. Напиши обо всем что увидишь и услышишь. Мы покажем тебе место, которого удостоился погибший Патриарх Алексий II, с тем, чтобы кто из живущих на земле не соблазнился его лукавым служением Богу.

И когда я был в духе, явились мне истинные во Христе правители России Святой Царь Искупитель Николай II (Романов) и с ним Патриарх Святой России по чину Мелхиседека Преподобный Серафим (Саровский).

²⁵² Первоначально опубликовано «Агентством русской информации» 1 ноября 2002 года [<http://ari.ru/news/1410/>].

Государь Император в военном мундире находился по левую сторону от меня, Преподобный Серафим в монашеском облачении по правую сторону. Мы молча, все трое, стали погружаться в крошечную тьму. Как долго было наше погружение, не могу сказать. Там – во тьме чувство времени и пространства отсутствует – БЕЗДНА. Во тьме забрезжила маленькая звездочка. Она стала увеличиваться и когда достигла размера «луны» (образно говоря), от нее отделилась как бы искра и стала приближаться к нам. Как оказалось, это были два ангела держащие под руки тлеющую в ультрафиолетовых лучах, но не сгорающую плоть патриарха Алексия II. «Святейший» (Господи помилуй!), с ног до головы был иссиня черным и светился ультрафиолетовым свечением. Ноги его хрустели, как обугленная головня, но не распадались. На лице застыли ужас и безысходность.

Преподобный Серафим принял от ангела свиток и зачитал хартию Алексия II:

1. Торговля в храмах Благодатью Святого Духа. (Требы за совершение церковных таинств).

2. Возвышение грешной человеческой плоти своей выше Бога Отца Вседержителя, величанием патриарха при жизни словом «Святейший», когда сказано: никто не Свят как только Бог.

3. Нарушение духовной иерархии. Возношение соборных молитв, минуя Царский чин.

4. Лукавые (на словах) призывы к всенародному покаянию в грехе Цареубийства. (На деле покаяния нет).

5. Расцвет в России через Архиереев РПЦ МП блуда, разврата, содомии.

6. Воспитание проповедников атеистического Богословия.

7. Исповедание догмата непротивления злу.

8. Благословение паствы на вхождение в антихристову систему. (Паспорта. ИНН. Пластиковые карты).

9. Освящение Храма Христа Спасителя на жертвенной крови его строителей. Служение в Храме Христа Спасителя Божественной Литургии для духовной подпитки демонократов.

10. Преображение Православных святынь в туристические центры, на десятины от продаж наркотиков, алкоголя, табака, человеческой плоти (проститутки, донорские органы, жертвы несправедливой войны). Также от продаж человеческих душ (крещение за деньги).

11. Возглавлял нечестивый Собор 2006 года от Р. Х.

12. Совместное Богослужение с еретиками католиками.

13. Панибратство с врагами Русской Православной Церкви жидомасонами.

14. Тайные и явные гонения проповедников Истины ревнителей за Иисуса Христа.

15. Извращенное толкование заповеди о Любви Божией.

Все это есть хула на Святаго Духа, а хула на Святаго Духа не простится во век. Аминь.

Преподобный Серафим вернул свиток ангелу, и оба ангела с Алексием II стали отдаляться от нас в сторону ярко светящей «дыры», а мы со Святыми Царем Николаем и Патриархом Серафимом начали возноситься

из тьмы. Мы оказались у подножья высокой горы, на зрелом пшеничном поле, ярко освещенном Светом, где состоялось наше общение в Духе Истины. На мое удивление, почему там – во тьме, не было слышно стонов, нераскаившихся грешников, плача и скрежета зубов от адских мук, был ответ: сыны погибли по смерти своей не проходят мытарства и, минуя ад, напрямую уходят в геенну огненную. К ним относятся: атеистические правители, атеистическое духовенство, гении науки, колдуны и ворожеи, Христа продавцы, содомиты.

Ответ на вопрос о новом Патриархе РПЦ МП Кирилле (Гундяеве):

Лукавые пастыри действуют по принципу лукавого отца своего: усыплай и бесчинствуй. Алексей II усыпил Дух Истины Русской Православной Церкви. Кириллу следует сделать выбор: либо бесчинствовать в Доме Господнем, продолжая дело начатое Алексием II и идти вслед за ним в погибель, либо пробудить паству и тем спасти себя и хоть «малое стадо» Христово. Кирилл Гундяев по достоинству занял место Патриарха. Такого лукавого Архиеерея как Кирилл не сыщешь во всем православном мире. Здесь надо понимать милосердие Господне – не здоровые Архиеереи нуждаются во врачах, но больные.

О РПЦ МП. У Бога нет большого или малого греха, есть одно понятие грех. За одно только нарушение слова Божиего, реченное через Иисуса Христа в главе 23 ст. 8–10 Евангелие от Матфея, Русская Православная Церковь Московской Патриархии находится под анафемой, не говоря о нарушении клятвы данной Русским народом на верность Дому Романовых и других бесчинствах творимых собором Русского народа. Но покайтесь, ибо время близко.

Еще много чего было открыто на нынешнее анти-христово время о покаянии, о причастии, но то для Верных Церкви Христовой. Оглашенных в таинства Церкви не посвящают.

Для подтверждения истинности полученных мной откровений нужен второй свидетель. Мой свидетель Святой Преподобный Серафим (Саровский).

Вот свидетельство. Одно из пророчеств Святого Преподобного Серафима по существу полученных мной откровений.

«Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле Русской будут великие бедствия. Православная вера будет попрана, архиеереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия, и за это Господь тяжко их накажет. Я, убогий Серафим, три дня и три ночи молил Господа, чтобы он лучше меня лишил Царствия Небесного, а их помиловал. Но Господь ответил: «Не помилую их: ибо они учат учениям человеческим, и языком чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня» †

Всякое желание внести изменения в правила и учения Святой Церкви есть ересь + хула на Духа Святого, которая не простится вовек. По этому пути пойдут архиеереи Русской земли и духовенство, и гнев Божий поразит их» †

Сегодня я, убогий монах, свидетельствую о том, что пророчества Святого Преподобного Серафима уже исполняются. Рясами атеистических богословов, красных комиссаров, дорога в ад устлана. Верую, завтра по своему Святому Воскрешению, Преподобный Серафим не откажется от данных мне откровений.

Не обошлось и без искушений. Так обычно бывает после Благодатного посещения. Во время утреннего правила незримо подступился искушитель. Стал змей в помыслах жути нагонять, мол: подумай о себе, когда послушники Алексея II ополчатся против тебя и пойдут всем миром войной, за «Святейшего отца и великого господина» своего. Что будет с тобой? А

если «отцы» церкви причислят тебя к сумасшедшим и упекут в психушку?
Промелькнула мысль: «Надо ли об этом писать»?

Грешен. Каюсь.

На чтении Святого Евангелия открылось от Луки гл. 12 ст. 45–53. (Для скептиков еще одно свидетельство.) Здесь полный ответ для каждого сомневающегося. Кому как, а для меня сразу, куда все сомнения делись. Слава Святая Богу Отцу Вседержителю Троице Единосущной и Нераздельной!

Миром Господу помолимся.

Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа!

От Луки Святого Евангелие чтение.

Слава Тебе Боже наш! Слава Тебе!

Глава 12

(Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу)

45 Если же раб тот скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить слуг и служанок, есть и пить и напиваться,—

46 то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными.

(мне малодушному)

47 Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много;

(тем кто воспрепятствует откровениям об участии Алексия II)

48 а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут.

(о грядущей третьей мировой – ядерной войне)

49 Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!

50 Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!

(о репрессиях и гражданской войне)

51 Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение;

52 ибо от ныне пятеро в одном доме станут разделяться против двух, и двое против трех:

53 отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.

Аминь.

Мир тебе благовествующий. Разве можно что добавить к словам сим? Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам.

(Из полученных откровений)

Благословение Господа Бога нашего Иисуса Христа Верным чадам Русской Православной Церкви относительно Московской Патриархии:

Выйди из нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба, и Бог вспоманул

неправды ее. Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам ее; в чаше, в которой она приготавлила вам вино, приготовьте ей вдвое.

Призываю народ Мой на соборное покаяние в Дивеево избранный удел Матери Моей, где Царем над вами от ныне и до скончания века антихриста будет Святой Угодник Божий Николай, Патриархом Святой Угодник Божий Серафим. Аминь. Аминь глаголю вам.

Благославен грядый во имя Господне! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!

Люди добрые! Для кого Алексей II во святых, пусть будет по-вашему. Кто спорит! Только, не приведи, Господь, никому светиться так, как светится он.

О моем духовном сане и о том, как и где подавались откровения, в документе указано. Мое монашеское дело волю Божию исполнять, а не человекам угождать. Когда бы я не передал полученных откровений, то грех был бы на мне. От Бога ли они, решайте сами. Самого Господа Иисуса Христа одни называли Сыном Божиим, в то время как другие – князем бесовским. (Господи, помилуй!) Хотите, ищите иеромонахов и старцев, или встаньте на соборную молитву об участии Алексея II. Ваше право.

Посмотрите, как мы живем. 2000 лет прошло, а люди и по сей день Господу Богу нашему Иисусу Христу не верят. Как мне, грешному, поверят? Задумайтесь, не мы ли будем в первых рядах побивать камнями последних двух пророков, о которых сказано в Откровении, в случае, если не обрящем веру?

Спрашивали мой адрес. Мой адрес: земля Русская. Образ жизни – странник. Как знать, может сегодня Господь меня к вам приведет. Мое имя в схиме знает Святой Боже Отец Вседержитель и все во Христе братья наши. Оглашенным имени знать не положено по законам военного времени. Идет реальная духовная война не на жизнь, а на смерть.

Мои сердечные пожелания всем верующим и неверующим и сынам противления: Спаси, Господи, всех от огня геенны. Я его на своей шкуре испытал. Не приведи, Господи, никому!!!

Оставайтесь с Богом. Аминь.

Мир Вам!

Святая Любовь и Благодать Господа Бога нашего Иисуса Христа да будет со всеми нами. Троица Святая Всеблагая Слава тебе.

В мой адрес поступает много вопросов, постараюсь коротко на них ответить. Как Господь сподобит.

Те, кто по жестокосердию своему видит в данных мне откровениях злорадство, ошибаются. Я давно не живу вашими земными мерками. В 2000 году от Р. Х. один православный монах схимник изрек пророчество надо мной, данное ему Богом Отцом Вседержителем о том, что: если я отступлю от чистоты Православной Веры и от истоков Христианства, то мое место по смерти в самом центре огня геенны. Сам схимник был сильно удивлен, ибо по его словам такого пророчества ни для кого иного он никогда и нигде прежде не встречал.

В 2006 году от Р. Х. я по великой милости Бога Сущего всего лишь на миг испытал на своей плоти силу огня геенны. Это сравнимо разве что с температурой плазмы, да и то это только преддверье огня геенны. Не приведи

Господи такого никому!!! Зато, Слава Богу, быстро научился молиться за врагов своих и благословлять проклинающих и гонящих меня.

Так что простите, не в упрек будет сказано, я не из тех православных, кто познает Бога по книжкам, читая труды подвижников благочестия, сидя на мягком диване в теплых тапочках с бутербродом в зубах.

По откровениям об участии Алексия II. Если все то, о чем сказано в его хартии не творится даже до сего дня в храмах Московской Патриархии, то огня геенны достоин я как лжец и клеветник. Но если все так и происходит, а лукавая паства делает вид, что не замечает этого, значит православные МП со «святейшим» одним миром мазаны.

Очнитесь, братья! Откровения об Алексии даны не для того, чтобы его очернить, он уже получает свое. А для того, чтобы живых уберечь от одной участи с ним.

По понятиям блудного мира Ной злодей по отношению к тем, кого поглотили воды Всемирного потопа. Для содомитов и Лот злодей. Но для Иисуса Христа злодеи те, кто плодит и благословляет блудников и содомитов.

Приятно порадовала детская наивность вопроса о современном изложении грехов в хартии. Вы и вправду считаете, что осквернять уста богохульством можно на современном языке, а хартия должна писаться на церковнославянском? Я как слышал, так и написал. В скобках мои личные пояснения.

Многие ссылаются на учения Святых подвижников. Разве и мы ныне не говорим о том же, о чем говорят они? Истинную Церковь Христову и врата ада не одолеют. Так и есть. Объясняю на пальцах: если даже Храм Христа Спасителя наполнится до предела верующими, но среди них не будет хотя бы двоих-троих истинных, не устоит храм. Камня на камне от него не останется.

Но если двое-трое истинных выйдут помолиться в поле или какое иное место, а с ними и другие многие, то даже в огне устоит поле то и все кто на нем. Три отрока в печи тому доказательство.

Символ Веры. Вы какого изменения ждете? Когда слова все заменят? Для нас: «чаю воскрешения мертвых» уже изменение. Воскресать из мертвых может только Единородный Сын Божий Царь Славы Иисус Христос. Мы же грешные сами собой не можем воскресать, по сему чаем воскрешения мертвых.

О гонениях. Нам ставят в упрек, почему вы вышли из Московской Патриархии. Мы не вышли, нас выгнали. Но Русскую Православную Церковь никто из нас не бросал. Смирненно молимся о ней на паперти. Но даже с паперти нас гонят. Могу даже похвалиться, без иронии, в июле 2008 года от Р. Х. по монашеской почте получил сообщение, что некто из Архιεреев МП за мою грешную голову, миллион положил. Так что, я теперь миллионер. Мелочь, а приятно. Только вот беда, про второго Искаріота нигде не сказано, а без его услуги мой миллион не обналичить.

Мельхиседеково священство было есть и будет во веки веков. Это те, кто прибывает всегда, везде и во всем с Богом в Боге и от Бога. Если кто не понял – не огорчайтесь, придет время – поймете. Как на Царей не учатся – ими рождаются, так и священнику по чину Мельхиседека надо родиться. Моя миссия на земле – духовный почтальон, связной между тем Светом и этой тьмой. Если кого Бог накажет за многословие, то меня за безмолвие.

Миссия духовного почтальона и опасна и трудна – одни принимают откровения за благою весть, другие за похоронку, трети пытаются в свои интриги втянуть.

Этой ночью пришло благословение для Кирилла Гундяева: Весь Великий пост Кириллу следует провести в Дивеево, облачившись во вретище, строго постясь на хлебе и воде. После чего Господь откроет ему, как избежать одной участи с Алексием II и Россию спасти от гибели.

Если кто имеет возможность передать благословение Кириллу лично, не лишиться награды своей.

Простите ради Христа, если кому не угодил ответами или того хуже прогневал. Грешен. Каюсь.

ПОМНИТЕ БРАТЯ, МИР ДЕРЖИТСЯ НЕ РЕШЕНИЯМИ НАРОДНЫХ ИЗБРАННИКОВ, А МОЛИТВАМИ АРХИЕРЕЙСКИХ ИЗГНАННИКОВ. СЛАВА ТЕБЕ БОЖЕ НАШ! СЛАВА ТЕБЕ!

Литература

Андреев 1992 / *Андреев Д.* Роза Мира. М.: Иной мир, 1992.

Ахметова 2009 / *Ахметова М. В.* Пророчество монаха Авеля и концепт «жидовского ига» // История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Ин-т славяноведения РАН. М., 2009. С. 122–141.

Ахметова 2010 / *Ахметова М.В.* Конец света в одной отдельно взятой стране (религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф). М.: ОГИ, 2010.

Бычков 1997 / *Бычков С.* Табачный митрополит // Московский комсомолец. 1997. 18 февраля.

Вигзелл 2006 / *Вигзелл Ф.* Моральный аспект обмираний и его связь с гендером и обществом // Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии / Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 290–302.

Виктор 2005 / *Виктор (Пивоваров), архиеп.* «Логика» отступников // Эсхатология: Сайт архиепископа Виктора (Пивоварова), Российская православная церковь [<http://www.eschatologia.org/component/content/article/84-logika-otstupnikov.html>].

Лурье, Тарабукина 1994 / *Лурье М. Л., Тарабукина А. В.* Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–26.

Назаров 2006 / *Назаров М.* Вместо объединения капитулянтского необходимо объединение сил православного сопротивления: Размышления об итогах IV Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей // Русь Православная. 2006. 22 мая.

Отрок 2006 / *Отрок Вячеслав.* СПб.: Благовещение, 2006.

Пигин 2006 / *Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Профет 2006 / *Профет Э. К.* Фиолетовое пламя для исцеления тела, ума и души. М.; СПб.: ДИЛЯ, 2006.

Россия 1995 / Россия перед вторым пришествием (материалы к очерку русской эсхатологии) / Сост. С. Фомин. Тбилиси: Тифлиси, 1995.

Шеваренкова 2008 / Рукописная религиозная проза Нижегородского края: тексты и комментарии / Сост. подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. Н. Шеваренковой. Нижний Новгород: Растр-НН, 2008.

Хрусталева 1992 / *Хрусталева В.А.* Небесный собеседник. М.: О-во по изучению тайн и загадок Земли, 1992 [<http://www.universevoice.ru/index.php/section>].

Чередникова 2002 / *Чередникова М. П.* Письменная традиция обмираний // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 227–245.

Якунин 1995 / *Якунин Г., свящ.* Подлинный лик Московской патриархии. М., 1995.

Михаил Алексеевский

Очерки из новейшей истории русского политического анекдота

Политический анекдот, один из ключевых жанров политического фольклора XX века, начал активно изучаться отечественными фольклористами лишь в 1980–1990-е годы. До этого времени в Советском Союзе исследования в области анекдота вообще и политического анекдота, в частности, были под негласным идеологическим запретом. Публикации текстов и научные работы об анекдотах выходили преимущественно за границей и выполнялись эмигрантами²⁵³ или зарубежными славистами²⁵⁴.

В годы перестройки, когда барьеры цензуры ослабли, политические анекдоты пережили всплеск общественной популярности вплоть до того, что их тексты и статьи о них публиковались в таких изданиях, как «Литературная газета» (Бахтин 1989а) и «Правда» (Бахтин 1989б). Политические анекдоты не только выходили в периодической печати, но и издавались в виде небольших сборников. Наибольшей популярностью у широкой общественности пользовались «антисоветские анекдоты», которые традиционно группировались в блоки по эпохам правления политических лидеров.

Тенденция понимать под политическими анекдотами прежде всего тексты «антисоветского» характера сохранилась до наших дней, однако, как справедливо заметил А. Ф. Белоусов, «антисоветские анекдоты вовсе не исчерпывают собой политических анекдотов советской эпохи» (Белоусов 2003: 586). По его определению, политические анекдоты «посвящены правителям и государственному строю, господствующей идеологии, важнейшим событиям, самым характерным ситуациям и коллизиям общественной жизни. <...> Анекдоты подобного рода существуют при любом строе, существовали они и в царской России» (Там же, 584).

В основу статьи положены материалы докладов, с которыми автор выступал на семинаре «Русский политический фольклор» в 2009–2010 годах.

К сожалению, большая часть исследований, посвященных отечественному политическому анекдоту, базируется исключительно на советском материале (Yurchak 1997; Oring 2004; Dmitriev 2006; Davies 2007; Lewis 2008; Архипова, Мельниченко 2010). Иногда постсоветские политические анекдоты бегло рассматриваются в такого рода работах в качестве своеобразного дополнения (Graham 2003; Adams 2005; Лебедински 2007; Graham 2009), обычно занимая там маргинальное место. Отдельных исследований, посвященных современным политическим анекдотам на постсоветском пространстве, пока сравнительно немного: среди них следует выделить труды фольклористки Л. Лайнесте об эстонских политических анекдотах (Лайнесте 2007; Laineste 2008; Laineste 2009а; Laineste 2009б; Laineste 2011), многочисленные небольшие статьи С. Ю. Добринской и А. Н. Сперанской (Добринская 2001; Добринская, Сперанская 2002; Добринская 2003; Добринская, Сперанская 2004; Добринская 2005а; Добринская 2005б), а также работы разных авторов об анекдотах про Путина (Mustajoki 2006; Архипова 2009; Sheygal-Placzek 2009; Cassidy, Johnson 2010).

Впрочем, проблема не только в том, что современный политический анекдот редко становится объектом научного рассмотрения (в конце концов дореволюционные политические анекдоты изучались еще реже). Гораздо важнее, что в этих немногочисленных работах

²⁵³ См., например, самую крупную зарубежную публикацию советских политических анекдотов: Штурман, Тиктин 1985.

²⁵⁴ Обзор иностранных работ об анекдотах см.: Архипова 2001.

о современном политическом анекдоте практически не учитываются те радикальные изменения, которые произошли с анекдотами и их бытованием за последние два десятилетия. В этом отношении кажется методологически неверным рассматривать как равноправные части единой традиции анекдоты про Брежнева, появившиеся в эпоху «застоя», и современные анекдоты о Путине. Разумеется, при их сравнении можно найти и черты преемственности, и общие мотивы. Однако необходимо осознавать, что по формам бытования эти анекдотические циклы серьезнейшим образом различаются, причем дело тут не только в цензуре или отсутствии оной.

Исследование трансформаций, которым подвергается политический анекдот как при новом политическом режиме, так и в новых социокультурных обстоятельствах, может помочь понять некоторые закономерности развития и специфику бытования фольклора в современном российском обществе, где роль медийных каналов распространения информации значительно выше, чем в советское время.

Задача настоящей статьи – рассмотреть, как функционирует современный политический анекдот в России, как он создается и изменяется, кто и зачем его использует в политической борьбе, наконец, как соотносится специфика бытования современного политического анекдота со спецификой бытования анекдота вообще. Заявленная в названии статьи форма очерков позволяет не претендовать на всеобъемлющее исчерпывающее исследование традиций современного политического анекдота, а сосредоточиться на отдельных сюжетах, которые кажутся знаковыми и показательными. В связи с этим статья состоит из трех частей разного размера: в первой части кратко описываются трансформации, которые пережил отечественный анекдот за последние несколько десятилетий, во второй – на материале анекдотов о бывшем мэре Москвы Ю. М. Лужкове рассматривается механизм формирования новых анекдотических сюжетов; в третьей – излагается история создания политического пиар-проекта «Анекдоты от Зюганова», основанного на манипулировании текстами современного фольклора, анализируются отдельные тексты «зюгановских анекдотов» и раскрываются механизмы их создания. Хочется надеяться, что все три очерка будут взаимно дополнять друг друга и в совокупности позволят читателю представить более или менее цельную картину бытования политического анекдота в современной России.

1. Из подполья – в Интернет: судьбы политического анекдота в России

С первых месяцев советской власти пошли политические анекдоты, осмеивающие те или иные нововведения, поступки того или иного вождя. Распространялись они с быстротой невероятной, передавались из уст в уста с оглядкой и одновременно со вкусом.

Сергей Голицын. Записки уцелевшего

Раньше анекдоты передавались из уст в уста, записывались, фиксируясь в записных книжках, письмах, дневниках. иначе говоря, циркулировал анекдот весьма активно, но было много всяческих препон, которые сдерживали, затрудняли необыкновенную мобильность жанра. И только теперь, благодаря интернету, доступ к анекдоту необычайно ускорился и упростился. характер распространения анекдотов наконец-то стал соответствовать природе жанра.

Ефим Курганов. Похвальное слово анекдоту

Когда речь заходит о политическом антисоветском фольклоре, наибольшее внимание исследователей привлекают два самых популярных жанра: *анекдот* и *частушка*. За исполнение контрреволюционных частушек и рассказывание антисоветских анекдотов в годы сталинских репрессий были арестованы десятки тысяч людей²⁵⁵. И частушка, и анекдот являются произведениями «малой формы», оба жанра в той или иной степени относятся к устной смеховой культуре, объединяет их и то, что они часто возникают в качестве ответной реакции на то или иное событие. Вместе с тем частушки бытовали преимущественно среди крестьян и отчасти рабочих, в то время как рассказывание анекдотов было характерно скорее для городской интеллигенции.

Принципиально различным было и отношение власти к этим жанрам. Политическая частушка еще в годы революции выполняла функцию «оружия идеологической борьбы», причем пользовались этим оружием все стороны противостояния (подробнее см.: Недзельский 1924; Недзельский 2007). Впоследствии власти будут всячески поощрять сочинение колхозниками просоветских частушек (Фольклор России 1994: 26–49); во второй половине 1930-х годов количество публикаций «колхозных частушек» на актуальные политические темы приобретает небывалые масштабы (Скрадоль 2011); а в 1934 году на экраны Советского Союза выходит музыкальный фильм Игоря Савченко «Гармонь», в красках изображающий идеологическую борьбу в области музыкального фольклора, где комсомольцы с помощью гармонь и частушек успешно противостоят кулакам, вооруженным гитарой и слезливыми мещанскими романсами. Высокий статус частушки как «народной поэзии» продержится все годы советской власти: произведения этого жанра будут многократно публиковаться, активно изучаться фольклористами и пропагандироваться культурно-массовыми работниками.

Совсем иначе в Советском Союзе сложилась судьба анекдота. Несмотря на огромную популярность анекдотов в среде городской интеллигенции, о чем можно судить по многочисленным мемуарным свидетельствам, этот жанр до середины 1980-х годов находился под негласным запретом. Судя по имеющейся информации, попытки сделать анекдот «идеоло-

²⁵⁵ Подробнее о путях формирования и развития советского довоенного политического фольклора см.: Архипова, Неклюдов 2010; Архипова, Мельниченко 2010; Мельниченко 2011.

гическим оружием» советской власти не предпринимались, эту функцию успешно выполняли сатирические фельетоны и карикатуры. Анекдоты (причем не только политические) почти не публиковались и совершенно не изучались советскими исследователями²⁵⁶. Показательно, что даже в библиографическом указателе «Русский фольклор, 1981–1985», вышедшем в 1993 году, раздел «Анекдоты» отсутствует.

Ситуация радикально изменилась в годы перестройки, когда анекдот (в том числе политический) внезапно оказался одним из самых общественно значимых жанров современного фольклора. В это время происходит очень важное изменение формы бытования жанра – анекдот начинает функционировать и распространяться *в печатном виде* (Graham 2003: 205–209). Благодаря ослаблению цензуры анекдот проникает на страницы газет и журналов, в то же время огромной популярностью пользуются тоненькие тематические сборники анекдотов, которые печатаются в мелких кооперативных издательствах, а затем продаются частными торговцами в переходах метро, в электричках, на улицах с лотков. Для советского политического анекдота печатная форма бытования особенно непривычна, прежде такие анекдоты на территории СССР распространялись только устно, так как письменная или печатная фиксация антисоветского фольклора грозила тому, кто ее осуществляет, самыми печальными последствиями. Политические анекдоты могли быть опубликованы только за рубежом, в эмигрантской прессе.

В 1990-е годы популярность сборников анекдотов постепенно идет на спад. В это время публикации анекдотов в периодической печати начинают приобретать систематический характер, многие массовые газеты начинают обзаводиться регулярными рубриками с названиями вроде «Горячая пятерка анекдотов» или «Анекдоты недели». Именно тогда появляются первые радио- и телепередачи, посвященные анекдотам, например программа «Белый попугай» (1993–2002; до 1997 года ее ведущим был Юрий Никулин). Таким образом, анекдоты начинают использоваться в индустрии развлечений.

Во второй половине 1990-х годов начинается еще один важный этап в трансформации бытования анекдотов – они проникают в Интернет, где быстро обретают огромную популярность. Судьбы анекдота в русскоязычном сегменте Всемирной сети хорошо прослеживаются на материале истории сайта Anekdot.Ru – самого популярного ресурса, посвященного этому жанру.

Первая версия сайта появляется в ноябре 1995 года: немногочисленным в ту пору пользователям Интернета предлагается присылать для размещения на сайте анекдоты, которые они знают. В январе 1997 года на сайте открыто голосование за новые анекдоты, по результатам которого определяются списки анекдотов дня, месяца, года. В марте 1997 года на сайте начинается учет статистики посещений, по результатам которого выясняется, что Anekdot.Ru является самым посещаемым сайтом Рунета. Лидирующие позиции проект будет удерживать до конца 1999 года, после чего его популярность медленно пойдет на спад. По состоянию на начало 2010 года, проект уже не входит даже в пятерку самых посещаемых сайтов в категории «Развлечения» каталога Rambler Top 100, однако до сих пор его посещает более 20 тыс. человек в день и более 500 тыс. человек в месяц.

В 2000-е годы Интернет и периодическая печать окончательно становятся основной средой бытования современного анекдота. При этом устное бытование жанра отходит на второй план: анекдот теперь не *рассказывают*, а *читают* (ну, или в лучшем случае *пере-*

²⁵⁶ Следует оговориться, что под окончательный запрет анекдоты попали на рубеже 1920–1930-х годов, до этого в Советском Союзе произведения этого жанра иногда публиковались в юмористических журналах и сборниках и даже один раз стали предметом анализа в небольшой статье (Перцов 1927). Некоторое послабление репрессивной политики государства в отношении анекдотов и «анекдотчиков» наблюдается также в годы войны, когда подборки анекдотов публикуются в сборниках фронтового юмора и агитационных материалах (подробнее см.: Мельниченко 2009).

сказывают прочитанное); однако ключевым оказывается бытование в Интернете – именно оттуда обычно берут анекдоты журналисты для своих публикаций.

Параллельно анекдот окончательно утверждается в качестве одного из элементов индустрии юмора: продолжают издаваться сборники анекдотов, появляются новые передачи, посвященные этому жанру, наконец, формируется круг «анекдотчиков-звезд», шоуменов, имеющих статус мастеров по рассказыванию анекдотов. Первым признанным «анекдотчиком» был знаменитый актер и клоун Юрий Никулин; еще с 1985 года в различных изданиях (первоначально – в журнале «Огонек») публиковались небольшие подборки анекдотов, имевшие общее брендовое название «Анекдоты от Никулина»; под тем же названием впоследствии вышла серия книг. Чуть позднее эта модель использовалась для серии сборников анекдотов, подготовленных известным шоуменом, теле- и радиоведущим Романом Трахтенбергом («Тонна анекдотов от Трахтенберга»). По той же схеме готовились и книги менее известных мастеров анекдота («Озорные еврейские анекдоты от Лензона», «Анекдоты от Доценко», «Петросмешки, или Анекдоты от Евгения Петросяна», «Анекдоты от Альфа» и т. п.²⁵⁷).

Политический анекдот в постсоветский период также претерпел значительные трансформации, большинство из которых напрямую связано с вышеописанным изменением бытования анекдота вообще. Как и остальные виды этого жанра, он преимущественно ушел из устного бытования в Интернет и периодическую печать (на материале анекдотов про Путина А. С. Архипова отмечает повышенную частотность их публикаций в региональных газетах [Архипова 2009: 182]). При этом, по субъективным наблюдениям, удельная масса политических анекдотов несколько сократилась по сравнению с советским временем. Впрочем, в некотором отношении политический анекдот продемонстрировал устойчивость: как и прежде, он преимущественно посвящен правителям и государственному строю, господствующей идеологии, которые и становятся предметом осмеяния. Однако если в СССР политические анекдоты главным образом имели антисоветский характер, то теперь основными героями сатиры становятся представители новой демократической власти: президенты, члены правительства, партийные лидеры, депутаты, чиновники.

Вышеизложенная схема истории развития анекдота в советское и постсоветское время имеет самый общий характер и нуждается в корректировках и уточнениях. Однако для нас она станет отправной точкой для исследования механизмов возникновения и функционирования современных политических анекдотов. И начнем мы этот разговор с вопроса о том, кто же является создателем современных политических анекдотов.

²⁵⁷ Продуктивность этой модели хорошо видна на следующем ярком примере. В 2008 году издательство Ассоциации строительных вузов выпустило в свет двухтомный сборник анекдотов, подготовленный проректором Московского государственного строительного университета В. Ф. Касьяновым. Книга получила несколько дикое, но характерное название «Убойные анекдоты от Касьянова для взрослого читателя».

2. «Не попавшие никуда»: механизмы возникновения современных политических анекдотов

Когда б вы знали, из какого сора...
Анна Ахматова

Заслуживает внимания и то, что в последнее время появились анекдоты о Лужкове, в которых почти неременной деталью его внешности является также кепка.
Елена Шмелева, Алексей Шмелев. Клишированные формы в русском анекдоте

Вопрос об авторстве современных политических анекдотов не так прост, как кажется на первый взгляд. То, что одной из отличительных черт фольклора является коллективность и анонимность, знает любой студент-филолог; в этом смысле логично было бы объявить, что автором политических анекдотов является условный «народ». С другой стороны, на практике многие тексты фольклора (особенно современного городского) вполне могут иметь конкретного создателя, просто при определении степени их «фольклорности» более значимой оказывается форма их бытования, а не авторство. Скажем, многие жестокие романсы, которые записываются фольклористами в деревенских экспедициях, на самом деле исполняются на стихи известных поэтов, однако для носителей традиции в данном случае не имеет значения, кто автор произведения, которое таким образом становится «народным».

Политический анекдот можно отнести к фольклорным жанрам, где вопрос об авторстве, напротив, стоит достаточно остро, в том числе и из-за стремления тоталитарных режимов выявить создателей «крамолы». Не случайно героями политических анекдотов могут становиться исторические персонажи, которые их сочиняют. Так, в Советском Союзе самым известным «сочинителем» политических анекдотов считался троцкист Карл Радек (1885–1939), которому приписываются многие анекдоты и шутки о Сталине²⁵⁸ (Курганов 2001: 69–71; Graham 2003: 52; Крикманн 2004: 27–28).

Обнаружить авторов анекдотов стремятся и авторы статьи «Анекдот» в популярной сетевой энциклопедии Wikipedia.org, где дополнять и править текст словарной статьи может любой желающий. В особом подразделе «Авторские анекдоты» генезис жанра описывается следующим образом: «На самом деле авторские анекдоты все, и это очевидно. Но с уверенностью определить авторство можно лишь некоторых. Часто анекдотом становится чья-нибудь удачная шутка, которую кто-то захочет повторить и передать друзьям». При всей наивности подобных рассуждений в них есть здоровое зерно. Очевидно, что анекдот не может возникнуть из ниоткуда, в начале цепочки его распространения всегда будет человек, который его сформулирует и первый раз расскажет. Однако встает вопрос, в какой степени в данном случае можно говорить об «авторском творчестве».

Дело в том, что политические анекдоты (в отличие от многих других типов анекдотов) всегда являются ответной реакцией на события или ситуации, которые являются актуальными для носителей традиции. Политический анекдот не может возникать и существовать сам по себе, он обязательно спровоцирован какими-то внешними обстоятельствами и напрямую апеллирует к ним. Так, скажем, цикл анекдотов про медали Брежнева является ответной реакцией на регулярные сообщения в советских СМИ об очередных церемониях награж-

²⁵⁸ В этих анекдотах Радек часто выступает и в качестве одного из действующих лиц, например, в следующем тексте: «Вызывает Сталин Радека: «Слушай, Карл, что ты анекдоты про меня сочиняешь, это неудобно». – «А почему неудобно?» – «Ну как же? Я ведь вождь народов!» – «Ну знаешь, этого анекдота я еще не рассказывал!»» (Крикманн 2004: 203).

дения генерального секретаря ЦК КПСС. Особая страсть Брежнева к получению государственных наград воспринималась как актуальное явление политической жизни и теми, кто рассказывал подобные анекдоты, и теми, кто над ними смеялся. Можно утверждать, что возникновение цикла анекдотов о наградах Брежнева было обусловлено прежде всего существованием подобной практики. Получается, что авторский почин неизвестных нам создателей анекдотов отходит на второй план: если не сюжеты, то уж как минимум темы анекдотов им подсказывала объективная политическая реальность.

Из вышесказанного следует, что срок активного бытования политического анекдота в значительной степени зависел от того, сколь долго оставались актуальными те события или ситуации, которые его породили. Так, например, анекдоты о Ленине, возникшие на рубеже 1960–1970-х годов как ответная реакция на масштабную подготовку к празднованию столетнего юбилея вождя (Штурман, Тиктин 1985: 164), благополучно просуществовали все позднее советское время, поскольку накал страстей вокруг ленинского культа хоть и спал после празднования юбилея, но все же оставался достаточно высок, чтобы анекдоты о нем были актуальными. В то же время цикл анекдотов, связанных с подготовкой Олимпиады 1980 года в Москве (Там же, 236, 347), вскоре после ее проведения ушел из активного бытования. В некоторых случаях можно говорить о циклической популярности и реактуализации отдельных тематических циклов анекдотов: так, в постсоветское время с предсказуемой периодичностью (примерно раз в четыре года) наблюдается активное бытование анекдотов о парламентских и президентских выборах. Именно из-за того, что многие политические анекдоты тесно связаны с породившими их событиями и быстро теряют актуальность, существуют определенные методологические проблемы, связанные с ретроспективным изучением данного жанра. Особенно уязвимы в этом отношении попытки изучения ранее бытовавших анекдотов по устным воспоминаниям и письменным мемуарам²⁵⁹: в памяти носителей традиции обычно сохраняется лишь ограниченное число сюжетов широкого спектра актуальности, в то время как сюжеты, для которых ключевое значение имеет определенный историко-культурный контекст, обычно быстро уходят как из активного, так и из пассивного бытования²⁶⁰.

К счастью, для исследователей традиций современного политического анекдота эта проблема не столь актуальна. Как было отмечено выше, в наши дни анекдоты широко бытуют в Интернете, а это означает, что даже те тексты, которые сохраняли актуальность и активно распространялись считанные дни или даже часы, можно находить и изучать, пользуясь поисковыми системами. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в Сети позволяет попробовать разобраться в том, как и почему возникают новые анекдоты, кто их распространяет, а кто является их аудиторией.

Следует отметить, что упомянутое выше расхожее представление о том, что все анекдоты «кто-то сочинил», поддерживается спецификой бытования анекдота в интернет-среде. Создатель сайта Anekdot.Ru

Дмитрий Вернер в статье об истории проекта рассказывает, что первоначально им публиковались «только «традиционные» анекдоты – не имеющие авторства, прошедшие обкатку устным пересказом», однако когда основной корпус традиционных анекдотов был исчерпан, в ход пошли «сочиненные анекдоты», которые присылали пользователи: «В основном это «попытки анекдотов». Далеко не все из них станут настоящими, разойдутся по

²⁵⁹ О сравнительно низкой ценности подобного рода источников при исследованиях в области истории политического анекдота см.: Мельниченко 2011.

²⁶⁰ В этом отношении показательное сравнение корпуса текстов из книги А. С. Архиповой и М. А. Мельниченко «Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования» (Архипова, Мельниченко 2010), где большинство текстов получено в ходе архивных разысканий, и собрания А. Крикманна «Интернет-анекдоты о Сталине» (Крикманн 2004), представляющего преимущественно поздние самозаписи пользователей Сети.

свету, уйдут в фольклор. Но автор имеет возможность немедленно запустить свое детище «в люди», увидеть реакцию широкой аудитории» (Вернер 2003). В настоящее время «сочиненные анекдоты» занимают значительное место среди новых публикаций анекдотов в Сети. Некоторые «сочинители» таких анекдотов пытаются указать авторство, помещая после текста значок копирайта «(с)» и свое имя / никнейм. Когда читатель такого анекдота решает «перепостить» текст себе в блог или на сайт, хорошим тоном считается сохранить указание копирайта. Таким образом, бытование «авторских анекдотов» является в Сети вполне обычным явлением, хотя анекдотов «без копирайта» и здесь значительно больше.

Если мы говорим об анекдотах, для которых приоритетной формой бытования является распространение через Интернет, можно предположить, что, умело пользуясь поисковыми системами, мы сможем определить, где и когда определенный анекдот начал свою жизнь, и узнать имя пользователя, который его впервые «выложил». Означает ли это, что мы наконец-то сможем узнать, кто сочиняет анекдоты? Едва ли. Вопервых, информация о самых ранних случаях размещения анекдота в Сети могла просто не сохраниться, так как многие сайты со временем перестают действовать. Во-вторых, анекдот впервые мог попасть в Сеть из других ресурсов (скажем, из публикации в газете). В-третьих, у нас обычно нет возможности доказать, что тот пользователь, который первым разместил текст анекдота в Сети, является его автором; он вполне мог его где-то услышать или прочитать.

Оставив в стороне и без того неоднозначный вопрос об «авторах» анекдотов, сосредоточимся лучше на рассмотрении того, где и как начинается распространение новых сюжетов в Сети. Ключевым источником материала для исследований для нас станет уже неоднократно упоминавшийся сайт Anekdot.Ru. Его ценность не только в том, что это самый старый и самый популярный ресурс, размещающий анекдоты, присланные пользователями, где можно найти практически все сюжеты анекдотов, бытовавших в России с середины 1990-х годов. Очень важно, что все выложенные на сайте тексты строго датированы, т. е. можно с точностью до дня определить, когда был прислан тот или иной текст. Несомненным достоинством ресурса является и то, что на нем размещаются все анекдоты, присланные пользователями, вне зависимости от того, выкладывались ли они там раньше. За счет этого можно по частотности размещения того или иного текста определять его популярность и время активного бытования, а также проводить текстологические разыскания, сравнивая несколько версий одного сюжета.

Есть и еще одна особенность этого сайта, имеющая ключевое значение для изучения генезиса современных политических анекдотов. Как отмечал процитированный выше создатель Anekdot.Ru Дмитрий Вернер, с самого начала на сайте размещались не только устоявшиеся анекдоты, но и неудачные авторские «попытки анекдотов», так и не сумевшие «войти в традицию». Как кажется на первый взгляд, эти тексты не представляют особого интереса, ведь они так и не стали фольклором. И создатели сайта, и большинство посетителей относятся к ним явно пренебрежительно, рассматривая их как творческие неудачи. Действительно, многие из этих текстов кажутся совершенно не смешными, а иногда и откровенно бредовыми. Однако для исследования механизмов возникновения новых анекдотических сюжетов они имеют огромную ценность: получившие широкое хождение анекдоты можно рассматривать как видимую всем маленькую верхушку айсберга, в то время как большая его часть, состоящая из нереализовавшихся «попыток анекдотов», остается вне поля зрения как носителей традиции, так и исследователей. Комплексное изучение «удачных» и «неудачных» анекдотов позволяет разобраться в том, какие темы привлекают внимание создателей анекдотов, какие приемы они используют для достижения комического эффекта, какие устоявшиеся сюжетные схемы применяют.

Разумеется, результаты несостоявшихся попыток создания анекдотов можно обнаружить и на других ресурсах Сети, однако именно Anekdot.Ru кажется наиболее удобной

площадкой для подобного рода исследований. Помимо уже упомянутых достоинств, он обладает еще двумя важными особенностями: во-первых, собственной поисковой системой, позволяющей эффективно искать тексты по заданным параметрам; во-вторых, достаточно четкой системой классификации анекдотов в зависимости от их статуса. На последнем пункте следует остановиться поподробнее. Основным принципом разделения анекдотов на сайте является дата их размещения: каждый день формируется новая подборка присланных за сутки анекдотов, чтобы регулярные посетители ресурса легко могли найти самые свежие шутки. Однако внутри «Анекдотов дня» существует дополнительная классификация, которую осуществляют модераторы сайта. На разных этапах истории существования ресурса названия разделов менялись, но общий принцип оставался неизменным: самые удачные анекдоты попадают в так называемый «Основной выпуск», в то время как все прочие анекдоты отсеиваются в другие рубрики. Подавляющее большинство пользователей сайта читают только анекдоты из «Основного выпуска», соответственно, у текста, который туда попал, гарантированно будет широкая читательская аудитория и (с большой вероятностью) успешная последующая судьба: пользователи могут начать пересылать его друзьям, зачитывать и пересказывать знакомым; его могут опубликовать в газете или включить в готовящийся к печати сборник анекдотов. Судьба «отбракованных» модератором вариантов, напротив, печальна: хотя они тоже размещаются на сайте, разделы, куда их помещают, привлекают внимание совсем незначительного числа пользователей, которые, познакомившись с отборными анекдотами «Основного выпуска», готовы тратить время на то, чтобы искать в груде «песка» случайно попавшие туда «жемчужины» юмора.

Существовавшие в разные периоды истории сайта «остальные» разделы также имеют свою иерархию. Наиболее высокий статус имели разделы «Повторные анекдоты» и особенно «Лучшие из повторных»; в начале истории Anekdot.Ru сюда попадали те анекдоты, которые уже появлялись на сайте в других вариантах, однако признавались полноценными и качественными. Значительно более низкий статус имели разделы «Остальные анекдоты» и «Злободневные анекдоты», куда помещались те тексты, которые, вероятно, казались модератору недостаточно смешными и удачными по форме. При этом названия разделов звучали достаточно мягко и благожелательно по отношению к тем, чьи «творения» туда попадали. Наконец, существовали разделы «Не попавшие никуда» и «Всякая всячина», которые как раз вполне ясно давали понять незадачливым «анекдотчикам», что они делают что-то не так. Впрочем, на судьбу анекдотов практически не влияло то, к какой из «остальных» категорий их отнесут модераторы, поскольку единственным разделом, имеющим «режим наибольшего благоприятствования» был «Основной выпуск».

Для того чтобы разобраться, какие тексты попадали в различные разделы сайта и почему это происходит, рассмотрим подробно цикл анекдотов о бывшем мэре Москвы Ю. М. Лужкове²⁶¹. Выбор именно этого политика не является случайным. Во-первых, период, в течение которого Лужков был градоначальником российской столицы (1992–2010), хорошо соотносится со временем работы сайта Anekdot.Ru (существует с 1995 года). Во-вторых, яркость и неоднозначность фигуры столичного мэра привела к тому, что он исключительно часто становился героем анекдотов: по состоянию на январь 2012 года, на сайте Anekdot.Ru в разделе «Анекдоты» фиксировалось 765 текстов, содержащих слово «Лужков», и, к примеру, лишь 128 текстов, содержащих слово «Матвиенко» и посвященных бывшему губернатору Санкт-Петербурга Валентине Матвиенко²⁶². Это объясняется тем, что облада-

²⁶¹ Следует отметить, что анекдоты о Ю. М. Лужкове уже становились предметом рассмотрения исследователей. Так, О. Е. Фролова рассматривала их в контексте более широкого пласта анекдотов о Москве (Фролова 2011), а А. Ильченко анализировала анекдоты и шутки, бытовавшие в Интернете в связи с отставкой Лужкова в 2010 году (Ilchenko 2012).

²⁶² Поиск текстов осуществлялся с помощью внутреннего поискового механизма Anekdot.Ru. Следует оговориться, что результат поиска по фамилии может быть не совсем точным: так, в подборку могут не попасть те анекдоты про мэра Москвы,

ющий большими политическими амбициями мэр Москвы воспринимался в обществе как политик не только регионального, но и федерального масштаба. Впрочем, часть анекдотов отсылает как раз к градостроительной деятельности Ю. М. Лужкова (например, те тексты, где после инициированных им ремонта Кольцевой автодороги и строительства Третьего транспортного кольца его в шутку называют «Властилином колец»); можно предположить, что такие анекдоты имеют хождение преимущественно среди москвичей, не являясь актуальными для жителей других регионов.

Встроенный поиск Anekdot.Ru позволяет автоматически определить, сколько текстов с заданным ключевым словом размещено в каждом из разделов сайта. Поиск по слову «Лужков» дает следующую картину: из 765 (100 %) выявленных текстов лишь 181 (23,7 %) анекдот попал в раздел «Основной выпуск»; все прочие тексты распределились следующим образом: «Остальные» – 112 (14,6 %); «Лучшие из повторных» – 8 (1 %); «Не попавшие никуда» – 336 (44 %); «Злободневные» – 65 (8,5 %); «Всякая всячина» – 63 (8,2 %) ²⁶³. Таким образом, как мы видим, лишь меньше четверти выявленных анекдотов с упоминанием Лужкова были предложены широкой аудитории сайта, а все остальные тексты составляют «подводную часть айсберга».

Сплошной просмотр выявленного корпуса текстов показывает, что анекдоты о Лужкове имеют тенденцию к циклизации как по формальному, так и по тематическому принципу. Укажем типы некоторых наиболее популярных циклов, часть из которых мы подробнее рассмотрим далее. Наибольшее число анекдотов о Лужкове (58 текстов) связано со скандальными телевизионными программами журналиста Сергея Доренко, активно выступавшего с разоблачительными обвинениями в адрес мэра Москвы в конце 1999-го – начале 2000-х годов. Немало анекдотов (52 текста) построено на языковой игре, связанной с фамилией московского градоначальника. В 2000-е годы набирает популярность цикл анекдотов (49 текстов) о взаимоотношениях Лужкова и его супруги Елены Батуриной, где поводом для шуток становится либо невероятное богатство семьи, которое объявляется результатом коррупционных схем, либо внешняя непривлекательность жены московского мэра. В середине 2000-х годов широкое распространение получают шутки о запрете Лужковым столичных гей-парадов (48 текстов). Среди менее популярных циклов можно выделить следующие: «Лужков разгоняет облака над Москвой» (26 текстов), «Лужков и скульптор Церетели» (24 текста); «Лужков покровительствует приезжим кавказцам» (21 текст); «Лужков и пчелы» (18 текстов); «Кепка Лужкова» (14 текстов) и т. п. Нередки случаи, когда в одном анекдоте совмещается несколько популярных тем (например, в корпусе дважды встречается анекдот о том, как Церетели, чтобы порадовать Лужкова, делает в Москве гигантский памятник пчеле). Показательно, что в каждом тематическом цикле есть как анекдоты из «Основного выпуска», так и «остальные анекдоты», однако их соотношение в конкретных циклах бывает различным.

Анализируя далее отдельные тематические группы анекдотов про Лужкова, мы будем придерживаться базовых принципов текстологического анализа фольклора в Интернете, описанных ранее в отдельной работе (Алексеевский 2009). Напомним, что основной формой передачи фольклорных текстов в Интернете является их распространение по принципу *copy-paste*. Обнаружив на одном из сетевых ресурсов интересный текст, пользователь выделяет его мышкой, копирует (опция *copy*), а затем вставляет (опция *paste*) туда, куда считает

где его обозначают не по фамилии, а, допустим, как «Юрия Михайловича» «Известного любителя пчел» или «Старика Батурина». В свою очередь, в выборку по слову «Матвиенко» первоначально попало несколько анекдотов, где упоминается известный музыкальный продюсер Игорь Матвиенко; впрочем, как раз они были исключены из итоговой статистики при просмотре всех текстов.

²⁶³ В получившейся схеме отсутствует раздел «Повторные анекдоты»; вероятнее всего, эти тексты были автоматически включены в один из других разделов (либо в «Остальные», либо в «Не попавшие никуда»), что связано с тем, что раздел «Повторные анекдоты» существовал лишь на ранней стадии истории ресурса.

необходимым для дальнейшего распространения (в блог, на форум, в электронное письмо, в сообщение чата и т. п.). При подобной операции исходный текст воспроизводится без изменений, поэтому если мы обнаруживаем на разных ресурсах Сети два абсолютно идентичных текста, то с большой вероятностью можно говорить о том, что один из них является копией другого, распространяющейся через Интернет. В случае если мы имеем дело с фольклорными текстами на один сюжет, сильно различающимися между собой, следует предположить, что каждый из этих текстов является самозаписью произведения, бытующего в устной форме, где вариативность фольклора является абсолютно естественной. Чем больше разных вариантов одного сюжета мы находим, тем больше шансов, что этот текст активно бытует в устной форме.

Рассмотрение избранных циклов анекдотов о Лужкове мы начнем с одного из самых ранних сюжетов, связанных с мэром Москвы. 15 ноября 1999 года на сайте Anekdot.Ru появился анекдот²⁶⁴, сразу попавший в «Основной выпуск»:

- Юрий Михайлович, почему вы даже зимой в кепке?
- Пробовал шапку – *горит*...

Данный анекдот, с одной стороны, отсылал к известной поговорке «На воре и шапка горит», с другой стороны, намекал на кепку Ю. М. Лужкова, которая с ранних лет его мэрства воспринималась как отличительная деталь его внешнего облика. Можно предположить, что этот анекдот имел большой успех и начал активно бытовать в устной форме. Во всяком случае всего через четыре дня он снова появляется на сайте в разделе «Повторные анекдоты» уже в измененном виде: «Мэра Москвы спрашивают: Ю. М. уже зима, а Вы все в кепке ходите, почему? – Ю. М: Не могу шапку носить – горит». (19 ноября 1999 года). В чуть измененном виде этот же анекдот появляется на сайте и на следующий день, а еще через день там появляется авторская шутка, являющаяся прямой репликой к данному анекдоту: «На воре и кепка горит... (по поводу анекдота про шапку от 15.11.99)». Показательно, что этот текст модератор помещает в раздел «Остальные анекдоты». Вероятно, что именно тогда анекдот о горящей на Лужкове шапке попадает в поле зрения лингвистов Шмелевых, которые в 2000 году цитируют его в своей статье о клишированных формулах в современном анекдоте (Шмелева, Шмелев 2000).

Однако на этом история бытования данного сюжета не заканчивается. Всего на Anekdot.Ru встречаются 14 фиксаций анекдота про шапку и кепку, причем последний раз он появляется на сайте за неделю до отставки мэра в сентябре 2010 года. Показательно, что большинство из вариантов этого анекдота не являются полностью идентичными, что свидетельствует о том, что с 1999 по 2010 год этот сюжет продолжал бытовать в устном виде, а пользователи, не знавшие о его богатой истории, в среднем раз в год заново записывали его и размещали на сайте. Не удивительно, что все эти «поздние» версии размещались модератором исключительно в разделе «Остальные анекдоты». Можно предположить, что секрет живучести этого сюжета заключается в его неизменной актуальности. Слухи о том, что мэр Москвы нечист на руку, были характерны для всего периода его нахождения у власти, а кепка на протяжении всего этого времени оставалась его фирменным атрибутом. Любопытно, что при этом сюжет про шапку и кепку не порождает никаких ответвлений, все варианты этого анекдота различаются лишь по форме, а не по содержанию.

Совсем иначе дело обстоит с циклом анекдотов, основанном на языковой игре с фамилией мэра. Автор статьи впервые услышал один из этих анекдотов в ноябре 1997 года от случайного попутчика по вагону в поезде Санкт-Петербург – Москва. Попутчик был нетрезвым

²⁶⁴ При цитировании материалов с сайта Anekdot.Ru указывается лишь дата размещения анекдота и (при необходимости) раздел, куда он был отсортирован. Орфография и пунктуация исходного текста при использовании материалов с интернет-ресурсов сохраняется.

мужиной средних лет, который нарочито акцентировал свой московский говор (с характерным аканьем) и несколько раз рассказывал один и тот же «чиста масковский» анекдот. В анекдоте использовалась характерная для того времени сюжетная схема: автомобильная авария, в которой столкнулись «шестисотый мерседес», за рулем которого «новый русский», и более скромная машина. Водитель «мерседеса» выскакивал из машины, чтобы разобраться с обидчиком, но, прежде чем «быковать», хотел выяснить, с кем имеет дело. Испуганный водитель второй машины мял кепку в руках и дрожащим голосом отвечал, что он – мэр Лужков, на что рассерженный водитель «мерса» кричал: «Какой-такой мэр?! Каких-таких Лужков?!»

Материалы сайта Anekdot.Ru показывают, что впервые анекдот с этим сюжетом (однако значительно более простым) был зафиксирован на пару месяцев раньше – в сентябре 1997 года:

- Ты кто?
- Мэр Лужков.
- Каких таких лужков?

(Основной выпуск. 2 сентября 1997 года)

Речь идет, как кажется, о самой первой фиксации анекдота про Лужкова на Anekdot.Ru. Показательно, что здесь мы имеем дело с языковой игрой в чистом виде, контекст, объясняющий смысл данного диалога появится чуть позднее. Уже в начале 1998 года появляется второй популярный сюжет о конфликте Лужкова и водителя «мерса», где их перепалка изображена значительно подробнее.

На перекрестке останавливается 600-й Мерс, и в зад ему въезжает...
Волга!

Из Мерса вылезает новый русский и вытаскивает из Волги мужика:
маленького такого, лысенького, в кепочке:

– Ну, мужик, ты попал! Ты посмотри, какая тачка была! Ты посмотри, что ты с ней сделал! Ну так, на Волгу ты попал точно... У тебя квартира-то есть?

- Ну, есть...
- Хорошая квартира? На квартиру ты тоже попал... А дача есть?
- Ну, есть дача...
- И на дачу ты, мужик, попал... Может, у тебя и деньги есть?
- Есть деньги...
- И на деньги... А ты вообще кто такой, что у тебя и квартира, и дача,

и деньги, и Волга вот эта?

- Я – мэр.
- Какой-такой мэр?
- Ну, мэр... Лужков.
- Так, мужик, на лужки свои ты тоже попал!

(Основной выпуск. 30 января 1998 года)

Принцип языковой игры, на которой построен данный анекдот, тот же самый, что и в первом случае: водитель «мерса» не понимает, что слово «Лужков» является фамилией мэра, предполагая, что это родительный падеж от названия населенного пункта Лужки. В первом анекдоте это вызывает у него недоумение («Каких-таких Лужков?»), во втором случае – желание присвоить Лужки себе. В 1998–2000 годах оба этих анекдота неоднократно появляются на сайте, каждый раз в новом варианте, что свидетельствует о том, что в это время они активно бытуют в устной форме. Разумеется, все эти варианты модераторы размещали либо в «Повторные анекдоты», либо в «Остальные анекдоты». Любопытно, что при этом

они забраковали появившуюся чуть позже третью сюжетную схему, незначительно отличающуюся от двух предыдущих. В марте 1998 года на сайте появляется анекдот про перепалку водителей «мерса» и «Волги», где в ответ на фразу «Я мэр Лужков» звучит вопрос: «Каких Лужков? Мы ж в Москве!» Модератор, вероятно, счел, что этот анекдот совсем незначительно отличается от уже размещенных, поэтому не включил его в «Основной выпуск». Между тем в нашей подборке встречается еще три варианта текстов, где ключевая фраза содержит апелляцию к тому, что собеседники находятся в Москве. Едва ли это случайность, можно предположить, что в ходе устного бытования сюжет с ключевым вопросом «Каких-таких Лужков?» параллельно был переработан в две обновленные версии: одна из них («И на Лужки свои ты тоже попал!») была признана модераторами самоценной и попала в «Основной выпуск», а вторая («Какие Лужки? Мы же в Москве!») каждый раз отсеивалась модераторами в «Остальные анекдоты». При этом, судя по количеству вариантов, представленных на сайте, в устной традиции каждый из этих сюжетов имел полноценное бытование.

Во второй половине 1990-х годов Ю. М. Лужков был менее известен широкой общественности, чем в дальнейшем, поэтому сюжетная схема, когда его не узнает в лицо водитель «мерса», была возможной. Показательно, что в этих анекдотах мэр Москвы выглядит очень скромным и забитым («маленький такой, лысенький, в кепочке»), в то время как в более поздних сюжетах он предстает властным и деятельным начальником. В любом случае очень популярный в 1990-е годы сюжет о перепалке на месте аварии Лужкова и водителя «мерса» после 2000 года фиксируется крайне редко. Однако возможность языковой игры с фамилией мэра продолжала оставаться привлекательной для создателей анекдотов. На сайте Anekdot.Ru фиксируется несколько десятков разновременных записей анекдотов, основанных на этом принципе. Приведем несколько самых показательных текстов, отсортированных по хронологии:

Мэр Лужков (мэр каких-таких лужков?)
Мэр Черепков (каких-таких черепков?!)
(Основной выпуск. 27 декабря 1998 года)

Словосочетание «мэр Лужков» звучит как градоначальник некого города Лужки. Вопрос: градоначальником какого города был его предшественник Гавриил Попов?
(Не поповшие никуда. 29 августа 1999 года).

Мэр Лужков и вице-президент Гор...
Каких лужков, каких гор?
(Не поповшие никуда. 15 октября 2000 года)

Мэр Лужков прибыл на место происшествия. Лужки остались без градоначальника...:((
(Злободневные анекдоты. 26 октября 2002 года).

– Почему в Москве не убирают снег?
– Так у нас мэр лужков, а не сугробов.
(Основной выпуск. 5 января 2003 года)

Мэр одного из городов гневно отозвался в прессе: «Я подам на Вас в суд, я не мэр Лужков, я мэр Москвы»
(Остальные анекдоты. 15 марта 2007 года)

Для того, чтобы привести в соответствие фамилию мэра и его должность, г. Москва переименовывается в г. Лужки.
(*Не поповшие никуда. 28 января 2008 года*)

Если верить новостям, то мэр Лужков скоро станет мэром Лужков.
(*Не поповшие никуда. 22 сентября 2010 года*)

Главная новость дня – Мэр Лужков отстранён от должности. И ведь никто даже не знает, что за город – Лужки.
(*Не поповшие никуда. 30 сентября 2010 года*)

Администрация г. Лужки обратилась к Юрию Михайловичу стать мэром этого города.
(*Не поповшие никуда. 21 октября 2010 года*).

Прежде всего бросается в глаза как многочисленность подобных анекдотов, так и то, что почти все они были забракованы модераторами и в итоге «не попали никуда». Очевидно, что модель языковой игры с фамилией «мэра Лужкова» все время его правления остается привлекательной и востребованной для создателей анекдотов, однако получившиеся в результате тексты не получают распространения. Можно спорить о том, изменилось ли что-нибудь, если бы модераторы все же пропустили бы какие-то из этих текстов в «Основной выпуск». Опыт тех двух текстов, которые туда все-таки попали («мэр черепков»²⁶⁵ и «мэр сугробов»²⁶⁶), показывает, что, скорее всего, нет; ни один из этих анекдотов не стал популярным и не был зафиксирован на сайте повторно. Вероятнее всего, это произошло из-за того, что ниша анекдотов про Лужки и их мэра уже была занята очень популярными анекдотами про конфликт после аварии. Показательно, что ранние анекдоты с подобной языковой игрой содержат отсылки к этому сюжету («Каких-таких черепков?»; «Каких гор»²⁶⁷?»). Однако сам принцип языковой игры с фамилией политика все равно остается продуктивным для создания новых текстов, что видно по следующим анекдотам, уже не имеющим прямого отношения к мифическим Лужкам.

Лужок – он ведь зелень любит!
(*Основной выпуск. 19 января 1998 года*)

В связи с очередным избранием Лужкова мэром, вышло постановление: «Станцию метро Полянка переименовать в станцию метро Лужайка».
(*Основной выпуск. 1 июня 2003 года*)

Лужков приказал взять Лужники под крышу.
(*Не поповшие никуда. 30 марта 2004 года*)

²⁶⁵ Имеется в виду В. И. Черепков, политический деятель, который был мэром Владивостока в 1993–1994 и 1996–1998 годах.

²⁶⁶ Данный текст, скорее всего, восходит к популярному советскому анекдоту про «страну советов»: «Решил Гиви жениться. Пошёл к отцу своему, типа, батону, помоги мне – жениться хочу, надо свадьбу играть, барана жарить... Посмотрел на него отец и говорит: «Барана, любимый мой сын, нет у меня, но дам я тебе один совет – сходи-ка-ты к старшему брату своему». Пошёл Гиви к старшему брату просить барана, но тот не смог дать ему барана, но дал дельный совет – сходить к дяде ихнему... Пошёл Гиви к дяде, но и тот не дал ему барана, но предложил мудрый совет... На что Гиви воскликнул «Зачем мне ваши советы, мне баран нужен!» «Эх, – сказал горец, – это страна СОВЕТОВ, а не страна баранов...»» [<http://www.sql.ru/forum/actualthread.aspx?tid=111961&pg=1000>].

²⁶⁷ Имеется в виду А. Гор, вице-президент США в 1993–2001 годах.

«Лужок» в Москве на месте «Москвы» строит лужок.
(Основной выпуск. 26 октября 2004 года)

А правда, что Лужков хочет Лужники переименовать в Лужки?
(Не попавшие никуда. 28 августа 2006 года)

Станция метро Лубянка будет скоро переименована в станцию
Лужайка в честь мэра Москвы Лужкова.
(Всякая всячина. 30 марта 2010 года)

Лужков сел в Лужу...
(Основной выпуск. 29 сентября 2010 года)

В связи с отставкой Лужкова объявлен конкурс на новое название
«Лужников».
(Не попавшие никуда. 9 октября 2010 года)

Обращает на себя внимание то, что в данном случае модераторы относились значительно более благожелательно по отношению к данным анекдотам: почти половина из этих текстов попала в раздел «Основной выпуск», и в результате, судя по появлению вариантов, как минимум один из этих анекдотов (про переименование станции метро «Полянка»/«Лубянка» в «Лужайку») имел хождение в устном виде. Вероятно, именно под влиянием этого сюжета возникли анекдоты, обыгрывающие созвучие фамилии мэра Лужкова и название московского стадиона «Лужники»; впрочем, ни один из этих анекдотов так и не попал в «Основной выпуск». В целом анекдоты этого типа оказываются достаточно разнообразными по приемам языковой игры (обыгрывание устойчивого прозвища мэра; выражение «сесть в лужу», использование слова «зелень» в значении «деньги») и чуть более зависимыми от контекста²⁶⁸. Таким образом можно предположить, что языковая игра является одним из устойчивых способов создания сюжетов новых политических анекдотов, хотя далеко не все тексты, созданные подобным образом, получают популярность.

Самый обширный по общему числу текстов цикл анекдотов про Лужкова возник на рубеже 1990–2000-х годов и имел не очень долгую, но крайне насыщенную историю. По мнению аналитиков, в конце 1990-х годов Ю. М. Лужков намеревался стать президентом России, а партия «Отечество – Вся Россия», одним из лидеров которой он являлся, составляла серьезную конкуренцию прокремлевскому избирательному блоку «Единство», на основе которого в дальнейшем была создана партия «Единая Россия». Чтобы ослабить растущее влияние Лужкова, контролируемый поддерживавшим кремлевские силы предпринимателем Борисом Березовским канал ОРТ с сентября 1999 года посвящал очернению московского мэра многие программы, и наиболее известными в этом отношении стали передачи известного журналиста Сергея Доренко, уже имевшего к тому времени репутацию политического «телекиллера». Информационная война против Лужкова была приурочена к избирательной компании перед выборами мэра Москвы и депутатов Государственной думы в декабре 1999 года, однако некоторое время продолжалась и в начале 2000 года. Разоблачительные передачи о Лужкове Сергея Доренко имели широкий общественный резонанс и породили сразу несколько весьма популярных серий анекдотов.

²⁶⁸ Скажем, анекдот про «Москву» и лужок отсылает к следующей истории: после того, как в 2004 году была демонтирована гостиница «Москва», мэр Лужков 20 октября того же года сообщил прессе, что власти рассматривают идею не восстанавливать здание, а разбить на этом месте площадь с парком (Ходнев 2004). Через несколько дней после опубликования интервью мэра возник данный анекдот.

Первый анекдот, возникший как ответная реакция на разоблачительные передачи ОРТ, появился на сайте Anekdot.Ru 27 ноября 1999 года: «Умер Лужков. Естественно, пышные похороны, масса народу, венки... Во главе траурной процессии несут гроб с табличкой: «по заказу ОРТ»». Пользователь, разместивший этот текст на сайте, подписался псевдонимом «Даренко», недвусмысленно намекая на журналиста-разоблачителя. Любопытно, что модератор сайта не посчитал этот анекдот удачным и отправил его в раздел «Не попавшие никуда». Однако в устном бытовании (и, возможно, на других интернет-ресурсах) анекдот оказался весьма популярным; во всяком случае 8 января 2000 года его чуть измененная версия снова размещается на сайте и на этот раз попадает в «Основной выпуск», 22 февраля того же года на Anekdot.Ru попадает новый вариант, в котором на похоронах Лужкова траурный венок «По заказу ОРТ» несет лично Сергей Доренко. Однако невероятно популярным в масштабах страны было суждено стать другому сюжету про Лужкова и Доренко. 15 марта 2000 года на сайте был размещен анекдот, пародирующий риторику обличительных передач «телекиллера»: «Доренко заканчивает свою программу: «И наконец, ровно 80 лет назад в тайге упал тунгусский метеорит... Казалось бы, причем тут Лужков? Но он всегда оказывается ни при чем. Задумайтесь над моими словами»». Модераторы Anekdot.Ru снова проявили недальновидность и забраковали этот текст, поместив его в раздел «Не попавшие никуда» (возможно, что их смутили многочисленные орфографические и пунктуационные ошибки). Однако анекдот про московского мэра и Тунгусский метеорит оказался невероятно популярен в устном бытовании: в 2000–2001 годах он размещался на сайте более 20 раз (абсолютный рекорд среди анекдотов о Лужкове), причем почти всегда в разных вариантах. Если анекдот про траурный венок от ОРТ не породил новых сюжетных модификаций, то фраза «Казалось бы, причем здесь Лужков?» оказалась крылатой²⁶⁹ и начала использоваться в качестве основы для новых анекдотов.

У Доренко родился сын, казалось бы – при чем тут Лужков?
(*Не попавшие никуда. 4 июня 2000 года*)

Начальник отдела штаба ВМФ Валерий Никитин был сбит в воскресенье мотоциклистом на пешеходной дорожке зоны отдыха Крылатское. Как сообщили агентству РИА в пресс-службе ВМФ, за рулем мотоцикла находился известный телеведущий Сергей Доренко... Казалось бы, причем тут Юрий Лужков.
(*Основной выпуск. 17 апреля 2001 года*)

На одной сибирской зоне паханы пользуют очко бывшего известного тележурналиста. Казалось бы, причем здесь Лужков?
(*Не попавшие никуда. 22 апреля 2001 года*)

Запретили корриду...
...казалось бы при чем здесь Лужков?
(*Не попавшие никуда. 6 сентября 2001 года*)

По сообщениям известного российского журналиста в Америке проведен ряд крупных террористических актов. Казалось бы, причем здесь Лужков?
(*Злободневные анекдоты. 11 сентября 2001 года*)

²⁶⁹ Любопытно, что ни в одной из передач С. Доренко эта фраза никогда не звучала, однако по стилю она полностью соответствовала узнаваемой риторике «телекиллера».

На вопрос «кто причастен к терактам в США?» Сергей Доренко ответил: Казалось бы, при чем здесь Лужков???

(Злободневные анекдоты. 24 сентября 2001 года)

Снова вышла в эфир авторская программа Сергея Доренко. Теперь на московском канале ТВЦ. Казалось бы, причем здесь Лужков?

(Основной выпуск. 28 сентября 2001 года)

Доренко ведет передачу:

– Все мы видели страшную трагедию в Америке, два красивейших небоскреба рухнули в мгновение ока, поврежден Пентагон, погибли тысячи людей... казалось-бы, причем здесь Лужков?!..

(Злободневные анекдоты. 29 сентября 2001 года)

Доренко дали четыре года. Казалось бы, при чем тут Лужков...

(Основной выпуск. 10 ноября 2001 года)

Доренко остался без мотоцикла. Казалось бы, причем здесь Лужков?

(Не попавшие никуда. 10 ноября 2001 года)

Доренко не приняли на работу в американские телевизионные компании даже стажером. Казалось бы, причем здесь Лужков?

(Остальные анекдоты. 7 февраля 2002 года)

Программа Сергея Доренко:

– У Бережной и Сихарулидзе отбирают золото. Казалось бы, при чем здесь Лужков?

(Основной выпуск. 1 марта 2002 года)

Правительство Российской Федерации категорически отрицает факт продажи Ираку 50 самолетов, 120 танков и 300 вагонов со снарядами...

Казалось-бы, причем тут Лужков?

(Злободневные анекдоты. 25 марта 2003 года)

В здании парижского аэропорта обрушилась крыша, казалось бы причем тут Лужков.

(Не попавшие никуда. 24 мая 2004 года)

в аэропорту г. Дубай, ОАЭ обрушилась крыша, казалось бы при чем тут Лужков??!!! да и времени уже столько прошло, а все не успокоится.

(Не попавшие никуда. 30 сентября 2004 года)

Из новостей:

– Москва будет бороться с пробками

– за ночь сожжено 4 автомобиля Казалось бы... причем здесь Лужков?

(Не попавшие никуда. 5 июня 2008 года)

Что нам показывают эти записи? Как мы видим, разнообразные анекдоты, построенные на фразе «Казалось бы, причем тут Лужков?», возникают на волне популярности сюжета про Тунгусский метеорит, фактически находясь в его тени. Подавляющее большинство этих текстов не попадает в «Основной выпуск» и не фиксируется повторно²⁷⁰. После того как

²⁷⁰ Исключением являются анекдоты про террористическую атаку на США, которые подробнее будут рассмотрены

обличительные передачи Доренко постепенно начинают забываться, количество анекдотов из серии «Причем тут Лужков» заметно уменьшается.

В отличие от анекдотов, основанных на языковой игре, анекдоты, возникшие под влиянием передач Доренко, сугубо контекстуальны: с одной стороны, их невозможно понять без знания того, каким образом «телекиллер» обычно разоблачал мэра Москвы; с другой стороны, они почти всегда являются ответной реакцией на какое-то событие (будь то скандал с российскими фигуристами или теракты в США 2001 года). Многие анекдоты из цикла возникают как комментарий к новостям из жизни самого Сергея Доренко: 14 апреля 2001 года журналист действительно совершил наезд на мотоцикле на офицера Генштаба ВМФ России В. Никитина, который сделал ему замечание; 9 ноября 2001 года Кунцевский суд, разбиравший данный инцидент, присудил Доренко четыре года условного срока и конфисковал у него мотоцикл как «орудие преступления». Все эти события нашли отражение в анекдотах, сложенных «по горячим следам».

Из анекдотов, где комментируются более масштабные события, следует выделить три текста, где ставится вопрос о связи Лужкова с терактами в Америке. Самый первый такой анекдот был размещен на сайте непосредственно 11 сентября 2001 года, в день террористической атаки. Модераторы не включили его в «Основной выпуск», отправив в раздел «Злободневные анекдоты». Однако, судя по тому, что через некоторое время этот же анекдот еще два раза появился на сайте в других вариантах, он все-таки получил определенное распространение в устной форме.

Заслуживают внимания и анекдоты про обрушение крыши в аэропортах в Париже и Дубае, которые отсылают к реальным событиям: 23 мая 2004 года в парижском международном аэропорту Шарля де Голля обрушилась стеклянная крыша одного из новых пассажирских терминалов, в результате чего погибли пять человек; 27 сентября того же года похожая трагедия произошла в аэропорту Дубая, где рухнул один из строящихся терминалов. Анекдоты, ставящие вопрос о связи Лужкова с этими событиями, возникли по горячим следам, однако они относятся к поздним текстам данного цикла (к 2004 году передачи Доренко уже успели позабыться). Почему же тогда эти события, произошедшие далеко от Москвы, получили отражение в анекдотах о Лужкове? Дело в том, что в то время была свежа память о похожей катастрофе, случившейся в России: 14 февраля 2004 года произошло обрушение стеклянной крыши в московском аквапарке «Трансвааль-парк», в результате чего 28 человек погибли, а 198 человек получили травмы. В результате расследования виновным в трагедии был признан проектировавший здание архитектор Нодар Канчели, регулярно работавший по заказу правительства Москвы и пользовавшийся личной поддержкой Ю. М. Лужкова. Очевидное сходство между трагедией в «Трансвааль-парке» и катастрофами в международных аэропортах стимулировало появление новых анекдотов из цикла «Казалось бы, причем здесь Лужков».

На примере анекдотов, возникших под влиянием разоблачительных передач Сергея Доренко, мы можем проследить, как происходит создание и развитие сюжетов политических анекдотов. Ключевым моментом для формирования нового цикла анекдотов стала повышенная медийная активность, связанная с фигурой мэра Москвы и вызвавшая широкий общественный резонанс. В качестве ответной реакции на эти передачи и появляются анекдоты, самые удачные из которых «выстреливают», получая широкую популярность даже вне зависимости от того, попадают они в «Основной выпуск» или нет. Параллельно возникают и другие сюжеты, не получающие такой популярности, но имеющие тот же механизм создани-

ниже, и анекдоты про фигуристов Бережную и Сихарулидзе, которые из-за судейского скандала в 2002 году были вынуждены разделить золотые медали с канадскими спортсменами. Впрочем, вторая версия этого анекдота появилась на сайте на следующий день после первой и, судя по ремаркам, была попыткой рассказать тот же анекдот «правильно».

я²⁷¹. Но и у популярных анекдотов судьба может оказаться различной: если сюжетная схема про траурный венок «По заказу ОРТ» оказывается закрытой и не порождает вариантов, то анекдот про Тунгусский метеорит благодаря удачной ключевой фразе оказывается крайне продуктивным для разработки новых сюжетов. При этом анекдоты-сателлиты продолжают появляться до тех пор, пока актуальным и широко известным остается исходный сюжет, а поводом для создания очередных анекдотов становятся новости, прямо или косвенно связанные с его героями. При этом жизненный срок и популярность подобных анекдотов, завязанных на новостях, оказываются очень ограниченными.

Последний цикл анекдотов о Лужкове, который мы будем рассматривать, может вызвать ряд вопросов и сомнений в правомерности его выделения. Речь пойдет об анекдотах, где мэр Москвы изображен как покровитель приезжих инородцев (главным образом, кавказцев). Возникновение такого рода анекдотов может показаться парадоксальным, ведь за годы руководства Москвой Ю. М. Лужков прославился скорее как рьяный борец с незаконными мигрантами, который в 1999 году ввел в Москве особо жесткий режим обязательной регистрации людей, постоянно или временно проживающих в городе, и принципиально отказался его отменять, несмотря на то, что эти правила являлись нарушением конституционных прав граждан на свободу передвижения и выбора места жительства. Несмотря на это, в текстах, размещенных на Anekdot.Ru, мэр Москвы всячески поддерживает кавказцев, за что они ему нередко отвечают взаимностью.

Приезжает Лужков в Норд Ост. Бежит к главарю террористов и говорит:

– Я мэр Лужков! Я пришел! Возьмите меня в заложники, а людей отпустите! Главарь:

– Слюш, дарагой, атайды, да? Нэ мэшай! Своих нэ трогаем! Тэ, кто носит кэпка, свободны!

(Злободневные анекдоты. 26 октября 2002 года).

Анонс на ТВЦ.

Дорогие жители столицы! Сегодня на нашем канале вы можете увидеть новогоднее поздравление мэра Москвы Юрия Лужкова! (на азербайджанском языке).

(Остальные анекдоты. 1 января 2003 года)

На архитектурном совете Москвы, было рассмотрено и принято предложение мэра столицы Лужкова построить на месте сгоревшего Манежа мечеть-торговый центр...

(Злободневные анекдоты. 18 марта 2004 года)

– Мэра Москвы Юрия Лужкова в этом году назовут самым лучшим кавказцем.

– Почему?

– Потому что он решил подарить кавказцам московский кинотеатр «Баку».

²⁷¹ Приведем в качестве примера несколько анекдотов, напрямую отсылающих к передачам Доренко о Лужкове, которые попали в раздел «Основной выпуск», но так и не стали широко популярными: «Начинается передача на ОРТ, отбивка, ведущий в кадре: – Здравствуйте, в студии Сергей Доренко. Коротко о главном: Лужков-козел!» (25 февраля 2000 года); «Доренко: – Добрый вечер! Сегодня я не готов к своей программе, поэтому говорить мы будем о Лужкове» (15 апреля 2000 года).

– Тогда президента Владимира Путина должны назвать самым лучшим китайцем, потому что он подарил китайцам российский остров.
(*Не попавшие никуда. 23 октября 2004 года*)

На заседании Мосгордумы Лужков предложил переименовать Рублевское шоссе в Бакинское Шоссе.
(*Основной выпуск. 17 января 2006 года*)

Лужков постоянно ходит в кепке и с ней не расстается. Многих интересует почему. Ответ прост: в Москву уже так давно и столько понаехало грузин, армян и азербайджанцев (которые также носят кепки и с ними не расстаются), что кепка Лужкова – дань уважения настоящим хозяевам Москвы.
(*Не попавшие никуда. 22 апреля 2009 года*)

На многочисленные просьбы мэра Москвы Юрия Лужкова сделать в странах СНГ русский язык вторым государственным, ему поступило предложение сделать в Москве вторым языком чеченский.
(*Не попавшие никуда. 5 сентября 2010 года*)

Некоторые из вышеприведенных текстов кажутся мало похожими на анекдоты, а скорее напоминают авторскую публицистику шовинистического толка²⁷², однако в совокупности, как кажется, они убедительно показывают, что среди пользователей, присылающих тексты на сайт Anekdot.Ru, немало тех, кто считает, что мэр Лужков покровительствует приезжим кавказцам. Главными доказательствами этого объявляется передача азербайджанской диаспоре кинотеатра «Баку»²⁷³, а также привычка мэра носить кепку, которая воспринимается как традиционный головной убор кавказцев, торгующих на российских рынках.

Объединяет эти тексты и то, что все они (кроме анекдота про Бакинское шоссе) были забракованы модераторами и в итоге «не попали никуда». Здесь важно поднять еще один важный вопрос: кто и по какому принципу распределяет присланные тексты анекдотов по разделам? До настоящего момента мы описывали деятельность модераторов сайта как некоторую данность, однако очевидно, что у них есть определенные принципы работы. Как представляется, основных критериев, по которым модераторы оценивают текст, два: во-первых, в «Основной выпуск» попадают тексты, которые хотя бы в общем виде соответствуют по форме устойчивым представлениям о том, каким должен быть анекдот; во-вторых, большое значение имеет «новизна» текста, так как повторные записи почти всегда отсеиваются в «остальные» разделы. Создатели сайта утверждают, что принципиально не вводят на сайте никакой цензуры (ни по идеологии, ни по ненормативной лексике), однако весьма вероятно, что элементы неосознанной (или осознанной) цензуры все же имеют место во время сортировки присланных текстов, в том числе «отбраковываются» анекдоты, имеющие ярко выраженный шовинистический и ксенофобский характер. В результате подобные анекдоты, порой имеющие неплохой потенциал для того, чтобы стать популярными, оседают в дополнительных разделах, куда почти не заходят читатели.

²⁷² Приведем еще один яркий пример текста, странно смотрящегося среди анекдотов, который был размещен пользователем с характерным ником СКИН: «– Нынешнее правительство очень доброе. Мэр Москвы Ю. Лужков дарит кавказцам московские кинотеатры, для других нацменов проводится «приватизация» общенародных памятников, президент В. Путин собирается дарить китайцам российские острова, а японцам – Курилы... – А что они подарят русскому народу? – Русскому народу правительством, как всегда, будут подарены цепи и оковы» (*Не попавшие никуда. 27 октября 2004 года*).

²⁷³ Ю. М. Лужков в 2004 году на Российском азербайджанском конгрессе действительно предложил передать находящийся в государственной собственности кинотеатр «Баку» азербайджанской диаспоре для создания национального культурного центра (Колесников 2004). В 2007 году здание кинотеатра было сдано представителям диаспоры в аренду на 15 лет.

Все приведенные выше сюжеты встречаются на сайте в единичных фиксациях. Не означает ли это, что наши предположения, что мы имеем дело не с циклом, а с разрозненными неудачными «попытками анекдотов», верны? Как кажется, нет. Дополнительный просмотр корпуса текстов позволяет выделить шовинистические анекдоты про Лужкова, которые встречаются в нескольких вариантах. Сравним, к примеру, следующие тексты:

Собрался как-то Лужков со своей командой в рабочую командировку на Кавказ. Прилетели, их там хлебом-солью, все дела... город посмотрели, фабрику посетили, решили их сводить на рынок, ну там их черные со всем их подарками завалили. Лужков довольный весь, цветет и пахнет, подходит к Шанцеву и говорит: «Слышь, Павлиныч, как будто никуда и не уезжали...»
(*Не попавшие никуда. 21 января 2001 года*)

Лужков с большого бодуна проводит плановый осмотр колхозного рынка. Ходит, мутный, ничего не понимает. Потом подходит к Цою и говорит: «Мы, случаем вчера по-пьяни в Азербайджан не уехали??!!!»
(*Не попавшие никуда. 12 февраля 2001 года*)

Несмотря на определенные сюжетные различия (например, в одном тексте собеседником Лужкова является вице-мэр В. П. Шанцев, а в другом – пресс-секретарь С. П. Цой), очевидно, что это две версии одного анекдота. Хотя оба текста были отправлены в раздел «Не попавшие никуда», различия между ними показывают, что текст бытовал в устной форме. Если бы один из этих вариантов попал бы в «Основной выпуск» и был бы прочитан большим количеством посетителей сайта, его популярность могла бы быть выше. Похожая ситуация возникает и с другим шовинистическим анекдотом о Лужкове в будущем, который дважды появлялся на сайте: 23 ноября 2008 года (в краткой версии) и 24 ноября 2009-го (в трансформированной и дополненной версии)²⁷⁴; при этом первая версия «не попадает никуда», а вторая включается модераторами в «Основной выпуск».

Итак, в данном случае мы видим, что предпосылками к возникновению новых сюжетов анекдотов становятся общественные фобии (страх перед приезжими, неприязнь к ним), которые проецируются на представителя власти, ответственного за миграционную политику. Хотя в действительности мэр Москвы Юрий Лужков проводил достаточно жесткую политику по отношению к приезжим, в анекдотах он превращается в их защитника и покровителя. Своеобразным «спусковым крючком», трансформирующим фобии в сюжеты анекдотов, могут становиться новостные сообщения (например, новость о том, что мэр пообещал передать азербайджанской диаспоре кинотеатр, или о теракте на мюзикле «Норд-Ост»). При этом распространение анекдотов может ограничиваться внешними причинами (например, политикой модераторов, отсеивающих шовинистические анекдоты), в результате чего могут образовываться своего рода «невидимые» тематические группы анекдотов. Так, рассмотренные нами анекдоты, где мэр Москвы покровительствует кавказцам, не на слуху, широкой публике они почти неизвестны; между тем подобные анекдоты и «попытки анекдотов» появляются с завидным постоянством и в сумме составляют достаточно значительный корпус текстов. Можно предположить, что в определенных кругах (например, среди русских националистов) они имеют широкое хождение.

Завершая разговор об анекдотах про Лужкова, отметим, что в августе – сентябре 2010 года, когда решался вопрос об отставке мэра и имела место еще одна мощная информаци-

²⁷⁴ Приводим поздний развернутый вариант: «2010 год. Лужков в кепке. Входит помощник: «Здравствуйте, господин мэр». – «Здравствуйте». 2015 год. Лужков в кипе. Входит помощник: «Шалом, мэр». – «Шалом». 2020 год. Лужков в тюбетейке. Входит помощник: «Ассалом алейкум, мэр-ага». – «Ваалейкум ассалом». 2025 год. Лужков без головного убора, но сощурившись. Входит помощник: «Глубокоуважаемая мэра. Моя принесла Вам китайский шапочка». – «Моя очень благодарна». Долго кланяются друг другу».

онная кампания с критикой в его адрес, произошел мощнейший всплеск числа анекдотов и шуток, посвященных его личности (подробнее см.: Pchenka 2012). При этом наблюдалось не только возникновение новых сюжетов, посвященных непосредственно отставке (основанных, к примеру, на обыгрывании формулы «в связи с утратой доверия»), но и реактуализация значительного числа старых, давно забытых сюжетов. Например, один из пользователей 2 ноября 2010 года заново выложил анекдот про траурный венок «По заказу ОРТ», добавив в начале от себя фразу «Десять лет назад на Anekdot.ru» как намек на то, что история с информационной кампанией против мэра повторяется. Количество выкладываемых старых и новых анекдотов о Лужкове оказалось столь велико, что породило несколько постмодернистских метатекстовых анекдотов, высмеивающих это явление: ««Тысяча и один анекдот об отставке Лужкова» – хит сезона». (Всякая всячина. 2 октября 2010 года); «Сколько же боянов порвали на «Ан. Ру», пока провожали Лужкова в последний путь из мэрии!» (Всякая всячина. 14 октября 2010 года). Однако этот период стал лебединой песней для анекдотов о Лужкове; уйдя в отставку, он перестал быть актуальным политическим персонажем, а значит и героем свежих анекдотов. Впрочем, накопленный за долгие годы запас сюжетных схем, связанных с бывшим мэром Москвы, не остался без дела; буквально в первые же дни вступления в должность нового мэра Сергея Собинина на Anekdot.Ru стали появляться анекдоты про него, прямо или косвенно отсылающие к существующему корпусу анекдотов про Лужкова. Впрочем, это уже другая история, которая требует отдельного рассмотрения. Ну а мы, приблизительно разобравшись в том, как и почему возникают новые политические анекдоты, попробуем проследить, как они бытуют в современной культуре, кто, как и зачем их распространяет, и делать это мы будем на материале любопытнейшего PR-проекта «Анекдоты от Зюганова», созданного Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ) в 2007 году.

3. Cracking Zuganov's Jokes: использование анекдотов в современной политической борьбе

Умение пошутить, способность увидеть многие вещи сквозь призму юмора – необходимые качества для политика.

Геннадий Зюганов

Можно действовать и по-другому. например, начинать сочинять политические анекдоты, запускать их в массы, а потом реконструировать из признанных смешными анекдотов объединяющие идеи. Инструмент для проверки анекдотов для этого есть.

Симон Кордонский. Чапаев, Штирлиц, русский, еврей, Брежнев, чукча + Ельцин = Пушкин

Широкая общественность впервые услышала про «Анекдоты от Зюганова» в марте 2007 года, когда среди журналистов был распространен пресс-релиз, в котором сообщалось, что 29 марта в издательском доме «Комсомольская правда» состоится пресс-конференция лидера КПРФ Геннадия Зюганова на тему «Ко Дню смеха – 100 анекдотов от Зюганова» («Политические партии в преддверии выборов – неформальный взгляд лидера КПРФ»). Текст пресс-релиза был выдержан в непривычно игривом стиле, хотя и содержал скрытую цитату из И. В. Сталина: «Лидер партии КПРФ, экс-капитан команды КВН физмата Геннадий Зюганов выпустил новую книжку «100 анекдотов от Зюганова». В течение часа Геннадий Андреевич намерен «травить» анекдоты, забыв про привычную риторику. Жить станет лучше и, конечно же, веселее!» (цит. по: Брифинг 2007).

Необычная пресс-конференция, очевидным образом приуроченная к Дню смеха (1 апреля), вызвала повышенный интерес журналистов. Их ожидания в полной мере оправдались: лидер коммунистов действительно много шутил, рассказывал анекдоты, дарил всем желающим свою новую книгу и общался с ряженым медведем, который ходил по залу и мял в лапах буденовку²⁷⁵. Столь неординарное событие не осталось незамеченным: в федеральных газетах были опубликованы статьи про презентацию²⁷⁶, а несколько телеканалов показали в новостных передачах репортажи об этом событии²⁷⁷.

Хотя в самой книге «100 анекдотов от Зюганова» причины, побудившие автора ее написать, нигде четко не указаны²⁷⁸, всем участникам пресс-конференции было очевидно, что это событие стало одним из этапов агитационной кампании КПРФ перед выборами в Государственную думу, которые были запланированы на 2 декабря 2007 года. Эксперты прогнозировали, что безоговорочным триумфатором на выборах станет партия «Единая Россия», поэтому КПРФ, чья популярность среди избирателей неуклонно снижалась, остро нуждалась в необычных и ярких пиар-акциях, которые помогли бы улучшить ситуацию и привлечь СМИ, уделявших коммунистам слишком мало внимания.

²⁷⁵ Полная стенограмма пресс-конференции доступна в Сети по адресу: [<http://kp.ru/daily/23878.4/65343/>].

²⁷⁶ Например: Анекдот ходячий 2007; Геннадий Зюганов как Петросян и Пелевин 2007; Владимиров 2007; Короткова 2007 и др.

²⁷⁷ См., например, репортаж на телеканале НТВ: [<http://www.ntv.ru/novosti/106376/video/>].

²⁷⁸ В несколько корявой аннотации упор делается на развлекательный характер книги: «Представленные здесь анекдоты, в краткой, иногда шутилой, иногда сатирической форме, остроумно и с юмором отражают отношения людей в обществе. Анекдоты от Зюганова отличаются светской культурой и могут рассказываться в непринужденной обстановке в самых различных компаниях, встречах, беседах. Читателю будет интересно ознакомиться с ними». Здесь и далее цитаты даются по изданию (Зюганов 2007).

Издание книги анекдотов, автором которой значился партийный лидер Г. А. Зюганов, оказалось удачным предвыборным ходом, а «привязка» к информационному поводу – Дню смеха, помогла обеспечить дополнительное внимание журналистов. Вероятно, автором идеи был Александр Ющенко, личный пресс-секретарь Г. А. Зюганова и руководитель пресс-службы ЦК КПРФ, который указан как составитель сборника. Ему же принадлежит небольшое предисловие, где сообщается, как создавалась книга: во время утомительных агитационных поездок по стране Г. А. Зюганов развлекал своих соратников смешными анекдотами, а сам А. Ющенко старательно записывал их в блокнот²⁷⁹. Эта история использовалась и при оформлении одного из вариантов обложки сборника, где в виде карикатуры изображены политик и журналист, общающиеся в вагоне поезда.

Тематический состав сборника «100 анекдотов от Зюганова» также не вызывает сомнений в его агитационной направленности. Книга состоит из четырех разделов с красноречивыми названиями: «Не выборы, а анекдот», «Между нами, президентами», «Из жизни «реформаторов»», «Чудики». В первом разделе собраны анекдоты про медведя и выхухоль (намек на партийные символы партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия»), а также про нечестные выборы; во втором разделе главным образом представлены анекдоты про Путина и Буша; третий раздел посвящен деятельности «реформаторов» (больше всего там анекдотов про Чубайса) и «новым русским»/олигархам; четвертый раздел не имеет четко выраженной тематики, но политические анекдоты встречаются и там.

Сборник «100 анекдотов от Зюганова» использовался не только для того, чтобы привлечь внимание журналистов на пресс-конференции. Партийные активисты на местах раздавали его потенциальным избирателям в качестве «агитационного материала», несколько раз во время встреч с избирателями Г. А. Зюганов дарил книги со своим автографом всем желающим. Кроме того, небольшие подборки анекдотов из сборника регулярно публиковались в партийных агитационных газетах в рубрике «Анекдоты от Зюганова». Наконец, на официальном партийном сайте KPRF.Ru в разделе КПРФ-ТВ было размещено несколько видеороликов с общим заглавием «Новый анекдот от Зюганова» [<http://kprf.tv/funny/?scr=1>]. Данное название исчерпывающим образом описывало содержание роликов: в каждом из них партийный лидер российских коммунистов, глядя в камеру, рассказывал анекдот, иногда добавляя несколько слов от себя в качестве моралистического вывода.

Проект «Анекдоты от Зюганова» наглядно демонстрирует, как радикально изменилось бытование политического анекдота со времен Советского Союза. Хотя составители сборника эксплуатируют протестный потенциал жанра, для которого основным объектом осмеяния являются правители и другие представители власти, в целом данная пиаракция основывается на использовании новых механизмов трансляции фольклорных текстов. Политические «анекдоты от Зюганова» не нужно шепотом рассказывать на кухне, их можно спокойно читать в книге или газете, слушать по радио или смотреть в новостях по телевидению.

Рассмотрим, какие формы бытования современных анекдотов использует проект. Форма тоненькой книжки с большим количеством карикатур однозначно отсылает к традиции издания сборников анекдотов, выпускаемых с конца 1980-х годов. По модели широко распространенных газетных публикаций «горячих пятерок анекдотов» осуществляется издание подборок текстов из книги в партийной прессе. Название сборника «100 анекдотов от Зюганова» использует традицию выпуска именных серий «Анекдоты от...» и автоматически ставит генерального секретаря КПРФ в один ряд с известными мастерами

²⁷⁹ Любопытно, что в пресс-службе КПРФ журналистам рассказывали совсем другую версию создания сборника. Вот что писали об этом журналисты газеты «Московский комсомолец»: «Как рассказали «МК» в пресс-службе КПРФ, идея выпустить сборник анекдотов появилась у Зюганова около года назад. Все это время главный коммунист страны старательно пополнял свою коллекцию, записывая наиболее понравившиеся образцы устного народного творчества» (Галимова 2007).

юмора²⁸⁰. Наконец, видеоролики, в которых Зюганов рассказывает анекдот, являются очевидной попыткой использовать формат «вирусного видео», активно используемого в современном маркетинге.

Вирусное видео – это смешные и/или необычные видеоролики, созданные специально для того, чтобы привлечь внимание интернет-пользователей и заставить их по собственному желанию распространять ссылки на них среди своих друзей. Таким образом, удается проводить недорогие, но эффективные рекламные кампании, ведь удачное вирусное видео смотрят и пересылают друг другу миллионы людей по всему миру. Вероятно, авторы роликов на сайте KPRF.ru также рассчитывали, что пользователи Сети начнут активно распространять ссылки на видео, где лидер Коммунистической партии РФ рассказывает анекдоты, однако широкого хождения эти ролики не имели. Вскоре новое видео с анекдотами перестало появляться на сайте, казалось, что этот удачный проект исчерпал себя. Однако главный скандал с «анекдотами от Зюганова» был еще впереди.

23 октября 2007 года, когда до выборов в Государственную думу оставалось чуть больше месяца, в почтовые ящики жителей верхней зоны Академгородка в Новосибирске были разложены бесплатные агитационные газеты «За народную власть!», изготовленные по заказу Новосибирского областного отделения политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». На следующий день председателю территориальной избирательной комиссии по Советскому району Новосибирска было направлено официальное письмо из Управления Федеральной службы безопасности России по Новосибирской области. Автор письма сообщал, что «в результате ОРМ по линии защиты конституционного строя установлен факт незаконной агитационной деятельности со стороны представителей НОО КПРФ.<...> Публикации в газете «За народную власть!» целиком посвящены компрометации политических партий «ЛДПР», «Справедливая Россия», «Единая Россия». <...> Кроме этого на последней странице опубликованы анекдоты «от Зюганова», в которых в некорректной форме упомянуты «Единая Россия», «Справедливая Россия» и президент РФ Путин В. В.» (цит. по: Попов 2007).

Бдительные сотрудники новосибирского Управления ФСБ, сами того не ведая, сделали роскошный предвыборный подарок КПРФ. Властные структуры демократического государства пытаются объявить вне закона политические анекдоты про президента, которые печатают коммунисты – громкий скандал был неизбежен. Через неделю после описываемых событий сам Г. А. Зюганов, желая закрепить успех, отправил директору Федеральной службы безопасности РФ Н. П. Патрушеву ироничное письмо по поводу данного инцидента, где среди прочего указывал, что сборник «Анекдоты от Зюганова» вызвал положительные эмоции у самого В. В. Путина: «Направляю Вам экземпляр этой книги с надеждой, что чувство юмора в Вашей службе остается на высоком уровне, что и Вы, и Ваши коллеги прочитаете «Анекдоты от Зюганова» с улыбкой. В случае, если будет принято решение о проведении в структурах ФСБ читательской конференции, с удовольствием приму в ней участие. Кстати, эта книга уже вручена мною Президенту В. В. Путину и нашла у него хорошее и веселое понимание» (Пресс-служба 2007).

Общественная реакция на скандал с «Анекдотами от Зюганова» оказалась крайне бурной. Телекомпании активно освещали эту историю в новостных программах, статьи про противостояние коммунистов и ФСБ публиковались в газетах и журналах. Вне сомнения скандал привлек повышенное внимание к Коммунистической партии РФ и стал для нее отличной бесплатной рекламой перед выборами.

²⁸⁰ Не случайно одна из статей о презентации сборника называется «Зюганов стал Петросяном» [<http://www.nr2.ru/kiyv/111911.html>].

В своих комментариях эксперты почти всегда проводили параллель между действиями новосибирского Управления ФСБ и уголовным преследованием «анекдотчиков» в СССР, что ставило партию власти и ее лидеров в крайне невыгодное положение. Ситуация осложнялась тем, что упомянутый «в некорректной форме» в анекдотах от Зюганова «президент РФ Путин В. В.» в свое время работал в органах государственной безопасности, и это косвенно работало на версию о преемственности гонений на «анекдотчиков».

Пресс-служба КПРФ стремилась извлечь максимум выгоды из получившегося скандала, внимательно отслеживая все яркие высказывания на эту тему. Так, на сайте КПРФ был размещен видеоролик с репортажем РенТВ о скандале вокруг «Анекдотов от Зюганова», а также перевод статьи английского журналиста Шона Уокера из газеты Independent²⁸¹, недвусмысленно намекавшей на связь между Путиным, КГБ и ФСБ: «Сибирский город Новосибирск на своей шкуре почувствовал, какую опасность таит свобода слова. ФСБ начала расследование в связи с публикацией агитационной брошюры КПРФ, в которой содержатся шутки о президенте Владимире Путине.<...> Вряд ли Россия вернется в 1930-е годы, когда «троцкистские шутки» могли привести к фатальным последствиям, но в отношении подшучивания над Путиным осторожность и в самом деле не помешает. Ранее в этом году одна региональная газета уже попала в переделку, когда на первой полосе опубликовала коллаж с изображением Путина в нацистской униформе в образе советского двойного агента» (цит. по: Английская «Индепендент» 2007)²⁸². Перепечатка статьи была проиллюстрирована карикатурой, изображавшей сотрудников ФСБ, которые не могут вести расследование дела об «Анекдотах от Зюганова» из-за того, что читают эту книгу и четыре дня подряд смеются.

Большую обеспокоенность по поводу этой истории выразили и российские правозащитники. 1 ноября 2007 года на сайте «Права человека в России» (HRO.org) была опубликована статья Андрея Блинушова с характерным названием «Новые дела «анекдотчиков»?». В ней кратко излагалась суть скандала, связанного с «Анекдотами от Зюганова», а затем в большом подразделе «Дела «анекдотчиков»: как это было» читателю предлагалось вспомнить, чем заканчивалось упоминание «в некорректной форме» советских лидеров в политических анекдотах 1930-х годов²⁸³. К этой статье также прилагалась карикатура, красноречиво изображающая взаимоотношения сотрудника ФСБ, угрожающего дубинкой, и несчастного «анекдотчика», испуганно отпрянувшего в сторону.

Подводя итоги скандала вокруг «Анекдотов от Зюганова», можно констатировать, что он оказался очень полезен для предвыборной кампании КПРФ. За месяц до выборов он привлёк большое внимание к самой партии и к ее лидеру, получил мощнейшее освещение в СМИ; причем даже издания, мало симпатизирующие российским коммунистам, на этот раз выступили в их защиту. В свою очередь, президент В. В. Путин, ФСБ и партия «Единая Россия» оказались в невыигрышном положении: российские избиратели отрицательно отнеслись к идее запрета политических анекдотов, а невольные ассоциации с преследованиями «анекдотчиков» органами НКВД при Сталине значительно подпортили имидж власти как в России, так и за рубежом.

²⁸¹ Любопытно, что перед статьей было помещено небольшое предисловие от представителей партии, объяснявших, почему они перепечатывают материал из западной «буржуазной прессы»: «Ежедневная английская газета «Индепендент» рассказала про конфликт «Анекдотов от Зюганова» с новосибирским ФСБ. Ясно, что антикоммунистическая и либеральная направленность издания не могла не отразиться на содержании материала, но ряд оценок носит объективный характер».

²⁸² Автор статьи имеет в виду скандал, связанный с публикацией 31 августа 2007 года в газете «Саратовский репортер» фотоколлажа, где В. В. Путин был изображен в виде героя телесериала «Семнадцать мгновений весны» Штирлица. Тогда саратовское отделение партии «Единая Россия» подало в суд на издателей газеты, требуя возбудить уголовное дело по статье 319 УК РФ («Оскорбление представителя власти»).

²⁸³ Пример текста: «Бельский Сергей Васильевич, 1884 г. р., место рождения: п. Лаишево, жил: г. Казань. Русский, юрист, «Союзпромстрой». Арестован 6.12.1937 («рассказывал контрреволюционные анекдоты»). Осужден тройкой НКВД ТАССР 15.12.1937. Приговор: ВМН, конфискация имущества. Расстрелян 19.12.1937 в г. Казань» (Блинушов 2007).

Создавая проект «Анекдоты от Зюганова», Коммунистическая партия РФ ставила перед собой сразу несколько целей. Во-первых, с помощью политических анекдотов осуществлялась критика действующей власти и партий-конкурентов. Во-вторых, был опробован новый тип агитационных материалов: сборники анекдотов неизменно вызывали у избирателей больший интерес, чем партийные газеты и брошюры. В-третьих, была произведена попытка использовать для агитации фольклорную трансмиссию: в идеале избиратель, прочитавший смешной «анекдот от Зюганова», должен начать рассказывать его своим знакомым, запуская цепочку естественной передачи фольклорных текстов «из уст в уста»; при этом транслируются не только сами анекдоты, но и идеи осмеяния власти, заложенные в них. В-четвертых, на материале видеороликов с Зюгановым, рассказывающим анекдоты, отрабатывались новые медийные технологии идеологической пропаганды, основанные на идее вирусного маркетинга. Наконец, нельзя не отметить, что «Анекдоты от Зюганова» способствовали улучшению имиджа самого лидера коммунистов, прежде имевшего репутацию человека серьезного и скучного.

Известно, что хорошее чувство юмора способствует успешному развитию политической карьеры (см. об этом: Cohick et al. 2007). Партийный лидер, который, «забыв про привычную риторику», охотно «травит» анекдоты, особенно выигрышно смотрелся по сравнению с представителями власти, устроившими скандал вокруг «Анекдотов от Зюганова» и продемонстрировавшими общественности, что они «шуток не понимают». Практически все указанные цели были коммунистами успешно достигнуты, проблемы возникли лишь с использованием формата «вирусного видео».

Обращение КПРФ к политическим анекдотам, которые в массовом сознании до сих пор ассоциируются прежде всего с антисоветскими анекдотами, может на первый взгляд показаться парадоксальным, однако его нельзя назвать случайным. С одной стороны, современные коммунисты, находящиеся в оппозиции к действующей власти, используют протестный потенциал политического анекдота, характерный для этого жанра. С другой стороны, для КПРФ вообще характерно обращение к фольклору при работе с избирателями. Не случайно на пресс-конференции, посвященной выходу «Анекдотов от Зюганова», солист национального оркестра народных инструментов им. Н. П. Осипова, народный артист России Василий Овсянников исполнял журналистам классику песенного фольклора «Вдоль по Питерской» и «Раз прислал мне барин чаю», а Г. А. Зюганов в своем выступлении признался в любви к русской народной песне²⁸⁴.

Основным социальным слоем, поддерживающим российских коммунистов, являются пенсионеры, у многих из них само слово «фольклор» вызывает вереницу приятных воспоминаний о советской эпохе, когда «народное искусство» высоко ценилось и поддерживалось государством. В такой системе координат «высоко духовная» народная песня прошлого противостоит «бездуховной» попсе настоящего.

Современные российские коммунисты учитывают это обстоятельство и активно используют любовь своих избирателей к фольклору: организуют конкурсы политических частушек²⁸⁵ и устраивают концерты фольклорных коллективов на партийных мероприятиях. В этом отношении показательна статья немецкого журналиста Нильса Креймайера в газете *Financial Times Deutschland* с неожиданным названием «Фольклорист советской эпохи», где описывается, как в 2008 году в концертном зале «Измайлово» праздновался 15-летний юби-

²⁸⁴ «Как-то отдыхал в Болгарии, в Габрово, там любой человек мог подняться на сцену и рассказать серию своих анекдотов. Я там получил хороший приз, который и сегодня храню. Но, когда трудно, то с удовольствием обращаюсь к этому жанру и хорошей народной песне. В России великолепно поют русские народные песни, смешные песни». Цит. по стенограмме пресс-конференции: К 1 апреля – «красные» анекдоты 2007.

²⁸⁵ В марте 2007 года такой конкурс был организован редакцией газеты «Правда» и инициативной группой Московской городской организации КПРФ.

лей КПРФ: ««Мы повысим пенсии в пять раз, – гремит голос Зюганова, неуклюжего мужчины с редкой растительностью на голове. – Если мы национализируем природные ресурсы России, мы сможем в три раза увеличить бюджет государства». Дальше все продолжается в том же духе. Каждое высказывание кандидата в президенты России сопровождается возторженными криками. В завершение его выступления публикa встает и хлопает в ладоши. Вечер в московском концертном зале «Измайлово» для Зюганова – игра на своем поле. Празднуется 15-летний юбилей основания Коммунистической партии Российской Федерации. Выступают фольклорные группы в разноцветных народных костюмах, хор военных и ансамбль матросов. Глаза зрителей, преимущественно пожилого возраста, блестят. Все это немножко напоминает телевизионное шоу «Blauen Vock» («Голубой козел») немецкого телеканала ARD» (Фольклорист советской эпохи 2008).

До настоящего времени речь шла лишь об истории проекта «Анекдоты от Зюганова» и его культурных связях, но почти ни слова не говорилось о самих анекдотах, которые публиковались под этим названием. Теперь самое время подробнее остановиться на том, что собой представляют эти тексты, как они устроены и какое отношение имеют к традициям советского и постсоветского политического анекдота.

29 марта 2007 года на пресс-конференции, посвященной выходу книги «Анекдоты от Зюганова», руководитель пресс-центра газеты «Комсомольская правда», политический обозреватель Наталья Андрущенко спросила Г. А. Зюганова: «А есть анекдоты, придуманные вами? Это устное народное творчество? Авторство-то объявляйте». Вместо лидера российских коммунистов ответил его пресс-секретарь Александр Ющенко: «Авторство – это народ». «Это понятно, – сказала Н. Андрущенко. – Ну а лично от Геннадия Андреевича есть какие-нибудь?» (цит. по стенограмме пресс-конференции: К 1 апреля – «красные» анекдоты 2007).

Вопрос об авторстве «Анекдотов от Зюганова» имеет дополнительную остроту из-за того, что этот предвыборный проект создавался пресс-службой КПРФ с вполне определенными политическими целями. Учитывая отмеченное выше расхождение двух версий создания сборника (по одной, анекдоты в течение года собирал сам Зюганов; по другой, он их рассказывал, а тексты записывал его пресс-секретарь Александр Ющенко), можно было бы предположить, что данная книга имеет косвенное отношение к фольклорному репертуару лидера российских коммунистов, будучи результатом работы профессиональных политтехнологов.

О. Н. Щенникова в статье «Неформальная коммуникация в политике» сообщает, что «в настоящее время политический анекдот активно и успешно используется как политтехнология в ходе избирательных кампаний и осуществления повседневной деятельности государственных органов власти» (Щенникова 2008: 208). Не имеем ли мы дело именно с таким случаем? Как создавался сборник «Анекдоты от Зюганова»? Быть может, «составитель сборника» Александр Ющенко не записывал за Зюгановым анекдоты во время предвыборных поездок, а просто составил тематическую подборку по материалам Интернета? Или вовсе сочинил эти тексты сам, стремясь в форме анекдота обличить политических противников партии?

Как бы ни обстояло дело, для исследователя современного бытования политического анекдота любой вариант представляет значительный интерес. Бытование «сочиненных» авторских анекдотов в современной культуре является объективной данностью. Даже если «анекдоты от Зюганова» созданы профессиональными политтехнологами специально к выборам, интересно рассмотреть, по каким законам конструируются эти тексты, а также проследить, что с ними происходит в дальнейшем: уходят ли они «в народ», а если уходят, то что с ними там происходит.

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо провести текстологический анализ анекдотов из сборника, пытаясь определить их происхождение. Так как практически все активно бытующие в современной российской культуре сюжеты анекдотов так или иначе представлены в Интернете, именно поиск соответствий «анекдотов от Зюганова» в Сети будет одним из главных инструментов, позволяющих, условно говоря, оценить их «аутентичность». Абсолютная идентичность текста из сборника «Анекдотов от Зюганова» с текстом на тот же сюжет из Интернета свидетельствует о прямом заимствовании (в ту или иную сторону), в то время как расхождения потребуют дополнительного рассмотрения. Так или иначе, текстологический анализ сборника поможет получить более точный ответ на вопрос политического обозревателя Натальи Андрущенко об авторстве «Анекдотов от Зюганова».

Впрочем, еще до начала этой работы имеет смысл воспользоваться подсказкой, которую заботливо предоставила пресс-служба КПРФ. Журналистам газеты «Московский комсомолец» она сообщила, что Г. А. Зюганов не только собирал анекдоты «народного авторства», но и «параллельно придумывал анекдоты сам»: «Генсек похвастался журналистам, что анекдоты про выхухоль сочинял он лично» (Галиманова 2007). Именно с рассмотрения цикла анекдотов про этого зверька мы и начнем наш анализ.

Повышенный интерес Г. А. Зюганова и его соратников к выхухоли требует небольшого комментария. Напомним, что в декабре 2007 года главными конкурентами КПРФ на выборах была не только «Единая Россия» (получившая в итоге 63,4 % голосов) и ЛДПР (8,1 %), но и возглавляемая Сергеем Мироновым партия «Справедливая Россия». Многие эксперты считали «Справедливую Россию» прокремлевским клоном КПРФ, партией, собранной специально для того, чтобы отобрать часть голосов избирателей у коммунистов. По итогам выборов КПРФ получила 11,5 % голосов, в то время как «Справедливая Россия» набрала 7,7 % и также прошла в Думу. Таким образом, во время предвыборной кампании 2007 года «Единая Россия» и «Справедливая Россия» были основными соперниками КПРФ в борьбе за избирателя, что заметно и по сборнику «Анекдоты от Зюганова». В разделе «Не выборы, а анекдот» главным героем большинства текстов является Медведь, партийный символ «Единой России», однако в нескольких сюжетах с ним соседствует Выхухоль, которая в тот момент считалась неофициальным символом «Справедливой России».

Сложная история взаимоотношений партии Сергея Миронова и выхухоли описана в статье Раиса Сабитова «Метафизика рекламы «Партия жизни»» (2003), размещенной на сайте Compromat.ru. По сведениям автора, когда в начале 2003 года создавалась Российская партия жизни, возглавляемая Сергеем Мироновым, для ее раскрутки перед парламентскими выборами решено было использовать «семиотическую рекламу». Команда специалистов по политтехнологиям (важное место в которой занимал семиолог, доктор филологических наук В. П. Руднев²⁸⁶, автор книг «Морфология реальности», «Винни Пух и философия обыденного языка», «Энциклопедический словарь русской культуры XX века») решила, что партия быстро запомнится избирателям, если организует движение в защиту русских выхухолей: «На выхухоль выбор пал потому, что, по мнению тех самых семиологов, именно это слово способствует максимальной цитируемости – уж больно много оно ассоциаций рождает. В итоге о том, что Партия жизни борется за жизнь выхухоли, в период летнего политического затишья говорили все, кому не лень. В РПЖ отчаянно потирали руки, радуясь каждому такому упоминанию» (Сабитов 2003).

²⁸⁶ «Как заявил ведущий ученый-семиолог Вадим Руднев, сотрудничающий с партией Сергея Миронова, в создании политических агитационных материалов ему помогает опыт работы с бытовой рекламой: «Знакомство с теорией речевых актов, семантикой возможных миров, модальной логикой, характерологией, психоанализом помимо чисто семиотического образования, помогло мне влить в избирательную кампанию Российской партии Жизни такие интеллектуальные инъекции, которых она, с одной стороны, не ожидала, но которые, как ни странно, пришлись ей по вкусу»» (Семиотика заменит «черный PR» 2003).

Сложно определить, помогла ли выхухоль Российской партии жизни во время предвыборной кампании²⁸⁷, однако ассоциативная связь между Сергеем Мироновым и выхухолью оказалась невероятно устойчивой. Хотя впоследствии председатель Совета Федерации многократно отрекся от этого проекта²⁸⁸, утверждая, что Российская партия жизни «никогда не намеревалась заняться спасением выхухоли»²⁸⁹, его идейные противники постоянно вспоминали про этого зверька, когда речь шла о политической деятельности Сергея Миронова и его партии (сперва – Российской партии жизни, позднее – партии «Справедливая Россия»)²⁹⁰.

Вероятнее всего, выбирая неофициальный символ для Российской партии жизни, политтехнологи вдохновлялись не только богатыми «ассоциациями», которые порождает слово «выхухоль», но и традицией его использования в языковой игре, в том числе в анекдотах. Расширенный поиск по ключевому слову «выхухоль» среди анекдотов, размещенных на ресурсе Anekdot.Ru, дает 330 текстов, многие из которых являются вариантами одного сюжета. Практически во всех полученных таким образом анекдотах про выхухоль юмористический эффект построен на неблагозвучности ее имени, располагающей к языковой игре:

Студенты вывели новый вид выхухоли – у нее по жилам вместо крови течет алкоголь. Ее зовут бухухоль.

А наркоманы из соседнего дома вывели пыхухоль.
(11 октября 1997 года)

От Советского информбюро: Вчера советскими мичуринцами были выведены две новые разновидности животных. Теперь семейство выхухолей включает в себя три вида: ВЫХУХОЛЬ, НАХУХОЛЬ и ПОХУХОЛЬ!
(23 июль 1999 года)

Встречаются три зверька и начинают знакомиться.

(1) – Я выхухоль.

(2) – А я Нахухоль!!

(1) – ????????

(2) – А потому я Нахухоль, что сажаю на хуй таких выхухолей как ты!!!

(хуяк, и посадил)

(3) – А я Похухоль!!!

(1) – (испуганно) Как это???

(3) – (глядя на бедную выхухоль, корчащуюся на хуе Похухоли)

А мне похуй то, что с выхухолями Нахухоль делает!!!

(17 ноября 1999 года)

Приходит молодая выхухоль к сове и спрашивает:

– Ты мудрая, сова, это все знают! А я сирота, некому меня жизни учить.

Вот научи как нам с мужем ребеночка завести?

Сова и говорит:

²⁸⁷ В итоге Российская партия жизни в блоке с Партией возрождения России набрала на выборах лишь 1,88 %, заняв девятое место.

²⁸⁸ Подробности см. в статье Арины Семеновой «Миронов и выхухоль: история любви и предательства» (Семенова 2007).

²⁸⁹ «Наша партия никогда не выступала с инициативой поддержки этого интересного зверька. Это была лишь журналистская байка, либо журналистская шутка, и автора этой шутки я даже не знаю», – сказал он в среду, отвечая на вопрос журналистов, по-прежнему ли РПЖ спасает выхухоль» (РПЖ 2006) (РИА Новости, 7 июня 2006 года).

²⁹⁰ См., например, название статьи на сайте Самарского регионального отделения партии «Яблоко»: «Сергей Миронов провел сеанс аутотренинга и направил силы партии выхухолей на помощь президенту» (9 января 2004 года) [<http://www.samara.yabloko.ru/actually/index.phtml?id=1504>].

– Ты, выхухоль, возьми своего похухоль захухоль положи его нахухоль
вот и родишь тогда выхухоль!
(20 марта 2004 года)

Утро. Ежик с похмелья стоя у норы тихо говорит:
Вы-ы-вы-хухоличка!
Выбегает выхухоль и радостно:
Что тебе ежик?
Ежик:
Дай рубль опохмелится. Завтра верну.
Выхухоль отдает рубль.
Вечером. Пьяный ежик громко орет:
Х@@ня! Х@@ня! Х@@ня!!!
Выхухоль грустно думая:
Утром Выхухоль....а вечером х@@ня!!!
(29 августа 1999 года)

Последний анекдот является редким вариантом самого распространенного анекдота про выхухоль, более известного в следующих двух вариантах (более длинный имеет дополнительную реплику):

Идет пьяный ежик по лесу, видит дырка, в смысле нора, в земле,
наклоняется и так прищуриваясь хитро говорит:
– Хуйня, е-ей, хуйня-аа, хуйня, ну, выходи, хуйня...
Слышится шорох, вылезает маленький зверек и говорит обиженным
голосом:
– Ну сколько раз повторять, выхухоль я, выхухоль...
(2 января 1999 года)

Идет медведь по лесу и споткнулся о нору.
Разворачивается и орет в нору «Эй *уйня» тишина, опять «Эй *уйня»
опять тишина, рассердился и начал шарить лапой в норе.
Вытаскивает от туда кокогого зверька и говорит
– Ну ты чего *уйня
– Я не *уйня, Я выхухоль
– Ну вот буду Я всякую *уйню на Вы называть.
(7 декабря 1999)

Варианты анекдота с этим сюжетом²⁹¹ в сумме составляют более 70 % всех анекдотов с упоминанием выхухоли, размещенных на сайте Anekdot.Ru. Пик популярности анекдота в Сети приходится на 1997–1999 годы, когда его многочисленные варианты появляются на Anekdot.Ru по несколько раз в месяц. В качестве ответной реакции на многократно повторяемый анекдот «с бородой» («баян») на сайте в это же время появляются авторские пародийные анекдоты, где сюжет про ежика и выхухоль обыгрывается в постмодернистском ключе:

²⁹¹ Данный сюжет имел хождение задолго до всплеска популярности в Сети в конце 1990-х годов. В «Указателе сюжетов советских политических анекдотов 1918–1953 годов», который составил в качестве приложения к своему диссертационному исследованию историк М. А. Мельниченко, особый раздел составляют анекдоты про «генеральш», крайне популярные в послевоенное время. Великая Отечественная война позволила многим фронтовикам получить стремительное повышение по службе и войти в элиту советского общества, однако культурный уровень «новоиспеченных» генералов и членов их семей зачастую не соответствовал их положению в обществе, что и стало поводом для возникновения анекдотического цикла. В одном из таких анекдотов генеральша отказывается употреблять слово «выхухоль»: «Буду я всякую паршивую зверюшку на Вы называть!» (Мельниченко 2011: 336).

Решила как-то раз выхухоль выйти в Internet, да и залезла в www.anekdot.ru. Ну, знаете... Как-то так получилось...

Нет, право слово, лучше не надо!
(25 октября 1997 года)

Ёжик подходит к норке, зовет: – Хуйня! Хуйня!
Вылезает выхухоль и злобно говорит:
ЗАЕБАЛ УЖЕ ЭТОТ АНЕКДОТ!!!
(18 августа 1999 года)

Идет ежик по лесу и кричит:
Хуйня-а! Хуйня-а-а! Хуйня-я-аа!
Выходит навстречу выхухоль и говорит:
– Ежик, чего орешь?
– А, выхухоль, привет! Да понимаешь, анекдотом про тещу с баянами
вконец достали!
(26 июля 1999 года)

Подходит ежик к норе, задумчиво читает табличку: «Выхухоль здесь
больше не живет. Осталась одна х@йня».
(5 ноября 1999 года)

Таким образом, в конце 1990-х годов анекдот про выхухоль был широко известен среди ценителей этого жанра и имел статус прецедентного текста, что, судя по всему, учитывали и политтехнологи, занимавшиеся раскруткой Российской партии жизни. Любопытно, что летом 2003 года, т. е. как раз тогда, когда инициативы Российской партии жизни по спасению выхухолей имели широкий общественный резонанс, окончательно складывается сетевой анекдот²⁹², получивший название «Словарь выхухолей» или «Классификация выхухолей».

Предшественниками этих текстов были небольшие анекдоты про виды выхухолей, которые фиксируются в Интернете с 1997 года. Примеры таких текстов приводились выше (анекдоты про студентов и мичуринцев). Однако именно с 2003 года «Классификация выхухолей» начинает бытовать в виде списков²⁹³, которые пересылаются по электронной почте и размещаются на развлекательных сайтах. Иногда преамбула к списку напрямую отсылает к деятельности Российской партии жизни:

Обстановка сейчас понятная, выборы там и прочее. Всякие партии усиленно занимаются саморекламой и обозначают для общественности свои цели. И вот одна такая партия провозгласила среди своих целей ЗАЩИТУ ВЫХУХОЛЕЙ. Общественность среагировала на такое заявление созданием КЛАССИФИКАЦИИ ВЫХУХОЛЕЙ

Бздюхухоль – трусливая выхухоль, склонная к «медвежьей болезни»
Бляхухоль – выхухоль с беспорядочными половыми связями
Бухухоль – выхухоль, склонная к злоупотреблению алкоголем
Вздохухоль – депрессивная выхухоль
Впопухоль – выхухоль нестандартной сексуальной ориентации
Вхухоль – сексуально невоздержанный самец выхухоли
Выхухоль – исходная автохтонная выхухоль

²⁹² О специфике сетевого анекдота (интернет-анекдота) как жанра интернет-фольклора см. (Фролова 2007). О современных научных подходах к определению интернет-фольклора см. (Алексеевский 2010).

²⁹³ Подробнее о текстах интернет-фольклора, бытующих в форме списков и классификаций см. (Радченко 2010).

Дохухоль – богатая, самодостаточная выхухоль
Дыхухоль – выхухоль, страдающая одышкой
Е-хухоль – интернетовская выхухоль
Лихухоль – лихая, отвязная выхухоль
Лохухоль – излишне доверчивая выхухоль
Ляхухоль – польская выхухоль
Моухухоль – а) порода выхухоли, питающаяся мхом; б) московская выхухоль
Нахухоль – агрессивная выхухоль
Недохухоль – малорослая, карликовая выхухоль
Нехухоль – выхухоль, наделенная запретительными полномочиями
Нихухоль – незаметная, никакая выхухоль; почти что и не выхухоль
Нихуяхухоль – нищая выхухоль
Нухухоль – нетерпеливая выхухоль
Нюхухоль – выхухоль-ищейка
Опухоль – жирная выхухоль
Охухоль – бестолковая выхухоль без царя в голове
Перехухоль – выхухоль гигантских размеров
Плохухоль – плохая, негодная выхухоль
Похухоль – индифферентная выхухоль
Прахухоль – первобытная выхухоль
Пыхухоль – выхухоль, обитающая в коноплевых лесах
Рохухоль – выхухоль-рохля; производное от лохухоли, охухоли и похухоли
Сдохухоль – мертвая выхухоль
Трахобухоль – выхухоль, исповедующая антисекс
Трахухоль – выхухоль, кидающаяся на все, что движется, с явными сексуальными намерениями
Тухухоль – неприятно пахнущая выхухоль
Тыхухоль – фамильярно настроенная выхухоль
Хохухоль – украинская выхухоль
Хрюхухоль – неаккуратная, грязная выхухоль
Хухоль – выхухоль без префикса
Чмохухоль – всеми отверженная выхухоль
Эхухоль – выхухоль, живущая в горах и притворяющаяся эхом
Юхухоль – твоя выхухоль
Яхухоль – хвастливая, нескромная выхухоль
(15 октября 2003 года)

У нас нет оснований утверждать, что появление текстов типа «Классификация выхухоль» напрямую связано с акциями Российской партии жизни по спасению этого животного (первые «классификации» появились еще в апреле 2003 года, т. е. до акций), однако можно предположить, что повышенная популярность этих образцов интернет-юмора летом 2003 года была стимулирована общественным резонансом, который вызвала соответствующая политическая кампания.

Так или иначе, можно констатировать, что к моменту создания сборника «Анекдоты от Зюганова» выхухоль уже была признанным героем шуток и анекдотов, которые, как правило, основывались на языковой игре. Однако ни один реально бытующий анекдот про выхухоль в книгу не попал. Вероятно, это можно объяснить тем, что для составителей сборника принципиальной была «нормативность» текстов («Анекдоты от Зюганова» отличаются светской

культурой)), поэтому сомнительные с этой точки зрения анекдоты, обыгрывавшие неблагозвучность слова «выхухоль», были отвергнуты.

Какие же анекдоты про выхухоль можно найти в книге? Всего в сборник «Анекдоты от Зюганова» попало три текста, героем которых является выхухоль, очевидным образом символизирующая партию «Справедливая Россия». Во всех случаях вторым действующим персонажем является медведь, который олицетворяет партию «Единая Россия». Попытка найти варианты сюжетов этих анекдотов в Интернете приводят к любопытным результатам. Один из текстов оказывается довольно грубо переделанным детским анекдотом, а два других – авторскими сочинениями «под анекдот», не имеющими сюжетных аналогов в фольклоре.

Рассмотрим сначала первый текст из сборника:

Пришли Медведь и Выхухоль на лесные теледебаты. Там и заспорили: кто из них сильнее да круче.

– Давай, – говорит Выхухоль, – как в цивилизованных джунглях, праймериз учиним: кто кому за раз больше зубов выбьет, тот и самым крутым будет.

– Давай, – отвечает Медведь, – начинай.

Разбежалась Выхухоль, прыгнула. Да всеми четырьмя лапами Медведя по физиономии – хрясть.

– Ну как? – спрашивает.

– Нормально, – бурчит Медведь. – Только пять штук вылетело. Ну а теперь я, – развернулся, и лапой – бац!

Вылезла Выхухоль из кустов. Медведь ухмыляется: «Ну что?»

– Все холосо, – шепелявит Выхухоль, – только тфа. Я клуче!

– Как два? – удивляется Медведь. – У меня пять, а у тебя только два?!

– Дфа, дфа, – трясет головенкой Выхухоль. – Остальные на плослых выболах высыбли...

(Зюганов 2007: 12).

Поиски в Сети анекдота про Медведя и Выхухоль с подобным сюжетом позволили обнаружить лишь несколько перепечаток этого текста (со ссылкой на книгу «100 анекдотов от Зюганова») в изданиях, принадлежащих КПРФ, например в «Рабочей газете» от 1 июня 2007 года [<http://www.rb4.ru/issues/2007/5/8/621/>]. Однако расширенный поиск на сайте Anekdot.Ru по фразе «кто больше зубов выбьет» дает возможность легко найти в нескольких вариантах исходную версию данного анекдота:

Поспорили медведь и заяц кто кому больше зубов выбьет. Ну заяц зажмурился каак дать медведю, тот, выплевывая считает – Один, дфа, три, четыре, пять. Ну – говорит – Косой готовься ща я тебе врежу. Размахнулся, врезал зайцу так, что он метров на 50 улетел. Заяц считает: один, два, все. Медведь – А чего так мало, только два. Заяц – Ты чо??? У меня их всего два и было.

(3 октября 2003 года)

Беглое сравнение двух этих текстов позволяет легко понять механизм создания «анекдота от Зюганова»: в незамысловатом детском анекдоте про медведя и зайца второй зверь заменяется на выхухоль, а общая сюжетная канва дополняется предвыборным антуражем. В исходном тексте симпатии рассказчика и слушателей скорее на стороне хитрого зайца, сумевшего обмануть медведя. В «анекдоте от Зюганова» негатив должны вызывать оба персонажа, поэтому Выхухоль изображается нарочито жалкой (она «трясет головенкой»), а ее победа в споре объясняется не хитростью, а тем, что остальные зубы выбили еще «на плослых выболах».

Прагматика редактирования текста в данном случае очевидна, однако необходимо признать, что, приобретя при переделывании дополнительные политические смыслы, анекдот растерял свой и без того небогатый юмористический потенциал. Отсутствие текстов этого анекдота в Интернете (перепечатки в изданиях КПРФ не в счет) свидетельствует о том, что он не вызвал никого интереса у ценителей юмора и не «ушел в народ».

Зато два других «анекдота от Зюганова» про выхухоль вызвали определенный резонанс. Их тексты также можно обнаружить не только на сайтах различных изданий КПРФ. Так, 19 июля 2007 года в блоге (интернет-дневнике) студента из Перми с ником *ravens_doll* было размещено сообщение про «Анекдоты от Зюганова», где приводились и интересные нас тексты. Вот текст сообщения целиком:

Сегодня схватил зачем-то в универе бесплатную газету. Газета оказалась рабочей. Так и называется – «Рабочая газета». Ну на большинстве страниц, естественно, всякая фигня, зато раздел анекдотов на последней странице порадовал безмерно. Раздел носит гордое название «Анекдоты от Зюганова». Я, конечно, насторожился, но тем не менее прочитал. Геннадий Андреевич Зюганов сожрал, сука такая, мой мозг. Бежит медведь по лесу, поторапливается. Глядь – выхухоль навстречу семенит.

– Ты, Миш, куда?

– Да вот на партсобрание в «Единую Россию», партсимволом меня выдвигают. А ты?

– И я тоже буду партсимволом.

– Ну какой из тебя символ? От горшка два вершка, только нос и торчит.

– Да я – редкий вид, вымирающий. Во все красные книги занесена. Меня все знают.

– Ну и вымирай себе наздоровье. Чего под ноги лезешь?

– А сам-то, сам-то! – раскричалась выхухоль, – Да твою шкуру только на пол и стелют, чтоб сапоги да копыта вытирать.

Вот так, слово за слово, и поссорились. И ходила всю избирательную кампанию выхухоль с синяком – от кончика хвоста до носа – на всю медвежью лапу.

Несётся Выхухоль в лесной избирком регистрироваться. Глядь, и Медведь туда же. Опережает.

Выхухоль к нему:

– Возьми, Миша, меня с собой. Не поспеваю.

– Ладно, – отвечает Медведь, сунул Выхухоль за пазуху – и галопом. Прибежал. Тут к нему председатель избиркома Барсук пристал с экспертизой. Принюхался и говорит:

– А что это ты, Миша, за пазухой прячешь? У нас на выборах союзы да блоки запрещены.

Насупился Медведь:

– Тут, что ли? – И хватя себя лапой по груди. – Это подружка моя. Глянь, какая фотка – цветная, объёмная. А что язык и глаза вылупила – не смущайся. Шуткует. Озорница она у меня, затейница. Была.

Пам пам.

Язык, блять, вылупленный.

Вы засмеялись меньше трёх раз? Хреновый бы, наверное, из вас коммунист получился.

[\[http://ravens-doll.livejournal.com/21292.html\]](http://ravens-doll.livejournal.com/21292.html)

Сообщение блогера *ravens_doll* собрало немало комментариев в диапазоне от «Отстой» до «Бляяяяяяяяяя)) моск анеки жгуттт))))», но в целом очевидно, что внимание автора процитированного текста и его комментаторов заинтересовал не юмор «анекдотов от Зюганова», а, напротив, их радикальное несоответствие канонам жанра. Если во втором тексте еще можно с трудом найти юмористический пуант (Медведь выдает раздавленную Выхухоль за «цветную объемную фотку»), то первый текст полностью его лишен: ругань, взаимные оскорбления и рукоприкладство Медведя и Выхухоли никак нельзя назвать хоть в чем-то смешными.

Поиск вариантов анекдотов с этими сюжетами в Сети обречен на неудачу, никаких аналогов среди традиционных анекдотов обнаружить не удастся. Это косвенно подтверждает информацию, сообщенную в пресс-службе КПРФ журналистам: вероятнее всего, «анекдоты про выхухоль сочинял сам» Г. А. Зюганов или его соратники. В сюжетах этих анекдотов легко увидеть проекцию подсознательных желаний коммунистов (все три текста заканчиваются тем, что символ «Единой России» избивает/давит символ «Справедливой России»), однако юмористический их потенциал крайне низок. Эти анекдоты не получают широкого распространения, не «уходят в народ» и воспроизводятся только в официальной партийной печати. Размещение этих текстов в блоге *ravens_doll* – не исключение из правила, а его подтверждение: «анекдоты от Зюганова» приводятся там не как актуальный юмор, а как чудовищный курьез. Можно констатировать, что анализ этого материала подтверждает справедливость замечания О. Н. Щенниковой: «Запущенный сверху анекдот, как правило, менее удачен, чем тот, который возник в обществе стихийно, отличается довольно непродолжительным периодом существования, в нем чувствуется чужеродность» (Щенникова 2008: 208).

Анекдоты про выхухоль заметно выделяются на фоне других текстов из книги «100 анекдотов от Зюганова», их никак нельзя назвать типичными. Большинство текстов, представленных в сборнике, все же нельзя назвать авторскими «сочиненными» анекдотами. Рассмотрим теперь «анекдот от Зюганова», который, напротив, ждала очень успешная судьба.

3 ноября 2007 года (за месяц до выборов в Государственную думу, но спустя неделю после скандала с новосибирским отделением ФСБ) в вечернем эфире Первого канала в передаче «Времена» известный телеведущий В. В. Познер неожиданно закончил свое выступление «анекдотом от Зюганова»:

Я завершу программу, я этого никогда не делаю, но в данном случае это сделаю, завершу программу анекдотом, потому что анекдот на эту тему.

Джордж Буш звонит президенту Путину и спрашивает: «Владимир, как поживаете?»

– Хорошо. А вы как?

– Да, не очень. Вы понимаете, у меня скоро выборы как у вас, у меня вот в конгресс. И во всех 50 штатах моя партия республиканская отстает, в общем, плохое настроение.

Путин говорит, давайте я вам подошлю своего председателя Центральной избирательной комиссии, Чуров его фамилия, пусть он вам поможет. И отправил.

Дней через десять Чуров звонит Путину и говорит: «Владимир Владимирович, я могу доложить, есть некоторые успехи».

– Доложите.

– В общем так, во всех 50 Штатах лидирует, но с небольшим преимуществом, но лидирует «Единая Россия».

Кстати говоря, этот анекдот, первым, как я знаю, рассказал Геннадий Андреевич Зюганов. Вот такие времена.

(Цит. по стенограмме на сайте КПРФ: *Скандалное завершение телепрограммы 2007*)

Почти сразу же видеоролик с отрывком из этой передачи был размещен на сайте КПРФ под нарочито броским заголовком «Скандалное завершение телепрограммы Познера «Времена»: Ведущий решился рассказать политический «анекдот от Зюганова». Как отреагируют ФСБ и телена начальство? (видео)». В сопроводительной заметке к стенограмме передачи дополнительно нагнетался градус «скандалности»: «Пресное обсуждение в кругу журналистов, близких к «Единой России», выборной темы в передаче В. В. Познера «Времена» в субботу на «Первом» получило довольно скандалное завершение. Ведущий решился рассказать политический «анекдот от Зюганова». Интересно как отреагируют ФСБ и телена начальство? Новосибирский прецедент, где «Анекдоты от Зюганова» местное ФСБ готово было рассматривать как угрозу конституционному строю, еще довольно свеж в памяти...» (Там же).

В действительности, насколько можно судить по открытым данным, никаких печальных последствий ни для В. В. Познера, ни для его передачи эта история не имела²⁹⁴. Однако на популярном видеохостинге YouTube «скандалное видео» [<http://www.youtube.com/watch?v=0CL1LbR8ApU>], размещенное пользователем *CommunistPartyRF*, имело большой успех: по состоянию на февраль 2010 года число его просмотров превышало 160 тыс., к нему было оставлено более 190 комментариев и свыше 270 оценок. Очевидно, что в данном случае пресс-служба КПРФ, занимавшаяся распространением ролика, использовала все ту же технологию «вирусного видео», и нужно признать, что данная попытка оказалась значительно удачнее предыдущих²⁹⁵. Успех ролика можно объяснить тремя факторами: политической актуальностью анекдота (ролик появился перед выборами), обаянием рассказчика (профессиональный ведущий В. В. Познер рассказывает анекдоты явно лучше, чем политик Г. А. Зюганов) и грамотной раскруткой в Сети (с упором на «скандалность» и «запретность»).

Но действительно ли «первым этот анекдот рассказал Геннадий Андреевич Зюганов»? Поиск на Anekdot.Ru по ключевому слову «Чуров» вроде бы подтверждает это предположение: председатель Центральной избирательной комиссии В. Е. Чуров часто становился героем анекдотов, однако тексты с интересующим нас сюжетом появляются на сайте только лишь в ноябре 2007 года, т. е. и после выхода книги Зюганова, и после эфира Познера. Однако не все так просто: среди анекдотов про Путина, собранных в статье А. С. Архиповой, мы находим следующий текст:

В связи с возникшей неопределенностью американцы обратились за технической помощью в российский Центризбирком. В США вылетел Вешняков, и к настоящему времени получены новые данные относительно выборов в США: лидирует Владимир Путин (Архипова 2009: 206).

В качестве источника текста А. С. Архипова указывает статью «Анекдот «в тему»» из газеты «Якутия» от 18 ноября 2000 года, однако нет никаких сомнений в том, что это перепечатка – точно такой же текст появился на сайте Anekdot.Ru еще 9 ноября 2000 года и сразу попал в раздел «АНЕКДОТЫ Основные», т. е. в этот день он был особо рекомендован

²⁹⁴ Впрочем, в сентябре 2008 года программа «Времена» была закрыта. В. Познер объяснял, что утратил к ней интерес, однако на нескольких политических форумах в Интернете обсуждалось, что причиной закрытия передачи могло стать давление политической цензуры.

²⁹⁵ Для сравнения: более старый ролик «Свежий анекдот от Зюганова», размещенный на этом же сервисе, к февралю 2010 года собрал лишь 1500 просмотров, 1 комментарий и 14 оценок [<http://www.youtube.com/watch?v=ujuR1eZWqCQ>].

посетителям ресурса. Разнообразные варианты этого анекдота несколько раз выкладывались на сайте в том же месяце, что свидетельствует о его активном устном бытовании в данный период.

Таким образом, «анекдот от Зюганова» про Чурова, созданный в 2007 году, оказывается переделкой анекдота про Вешнякова 2000 года²⁹⁶. Если сравнить механику редактирования в данном случае и в случае анекдота про выбивание зубов, становится очевидно, что сюжет про главу Центризбиркома «осовременен» куда более деликатно: изменены лишь имена персонажей («старый» глава Центризбиркома Вешняков заменен «новым» – Чуровым) и «победители» на американских выборах (вместо Владимира Путина «с небольшим преимуществом» лидирует «Единая Россия»). В результате этих изменений анекдот не утратил свой юмористический потенциал, а, напротив, стал более злободневным. Это определило его дальнейшую успешную судьбу: переделанный вариант анекдота про Чурова и «Единую Россию» пользовался большой популярностью, многократно появляясь в блогах и интернет-форумах. Этот пример показывает, что «переделанный» ради большей политической актуальности «старый анекдот» вполне может обрести новую жизнь и стать эффективным политическим оружием, однако огромное значение имеет то, насколько продуманно осуществляется редактирование.

Среди «анекдотов от Зюганова» есть тексты, которые никаким редакторским правкам не подвергались и были попросту скопированы в книгу из Интернета или какого-то другого источника. Свидетельствует об этом абсолютное совпадение двух текстов одного и того же анекдота из книги и из Сети. Так, например, следующий текст был размещен на сайте Anekdot.Ru 27 июля 2001 года, а затем без изменений воспроизведен в книге «Анекдоты от Зюганова»:

Встречаются два кандидата на пост мэра. Поздоровались.
– Как у тебя дела? – спрашивает один.
– Нормально. А у тебя?
– А у меня рейтинг в полтора раза упал!
– Да ну! А что случилось?
– Теща на выборы идти отказалась!

(Зюганов 2007: 26)

Как было показано выше, в сборнике «Анекдоты от Зюганова» были напечатаны тексты, состоящие в различных отношениях, условно говоря, с «фольклорной традицией». Здесь есть и «настоящие» анекдоты, активно бытовавшие до выхода книги²⁹⁷, и разного рода «переделки», и сочиненные «авторские» образцы политического юмора. Точное процентное соотношение между этими типами текстов установить затруднительно, однако имеющиеся данные показывают, что преобладают «переделки»: более 50 % анекдотов из сборника в

²⁹⁶ Вероятнее всего, трансформация сюжета анекдота была еще более сложной и многоэтапной, так как в тексте из сборника «Анекдоты от Зюганова» речь идет не про выборы в США, а про выборы на Украине: «После двух недель кризиса с выборами на Украине Путин направил туда на помощь председателя российского Центризбиркома Чурова. Через два дня из избирательной комиссии пришло сообщение: «Ситуация нормализовалась. С небольшим перевесом во всех регионах лидирует Единая Россия!»». Сложно сказать, кто впоследствии изменил этот сюжет, «отправив» Чурова не на Украину, а в Америку: Зюганов, Познер или кто-то другой. В любом случае генетическая связь этих трех текстов несомненна.

²⁹⁷ Вероятно, создателям книги в какой-то момент пришлось «добирать» тексты до необходимой сотни, пользуясь ресурсами собственной памяти. Ничем другим нельзя объяснить появление в книге в разделе «Между нами, президентами» нескольких политических анекдотов брежневской эпохи, мало актуальных в условиях предвыборной кампании 2007 года. См., например, следующий текст: «Жена Никсона приходит к врачу сексопатологу и говорит: «С СССР дружит, за мир борется, мною не занимается». Врач: «Это же президент. Я могу только вам посоветовать: на мужчину возбуждающе действует черный цвет. Наденьте один капроновый чулок такого цвета и все будет в порядке». Та пришла домой. Чулок такого цвета у нее не оказалось, и она надела черный бюстгальтер на одну грудь. Никсон вернулся домой. Поел. Задумчиво заходит в спальню. Откидывает одеяло и говорит: «Спасибо, милая, как же ты мне помогла! Ведь я совсем забыл Моше Даяну позвонить...»» (Зюганов 2007: 33).

той или иной степени отредактировано его создателями. Хотя лишь немногие «анекдоты от Зюганова» получили признание у ценителей жанра и оказались востребованными в обществе, в целом этот проект следует признать творческой удачей политтехнологов КПРФ.

Суммируя вышесказанное, перечислим основные тенденции современного бытования политического анекдота в России, о которых можно судить по проекту «Анекдоты от Зюганова». Прежде всего следует отметить, что вопреки скептическим оценкам отдельных исследователей (Вознесенский 1996) этот жанр жив и достаточно динамично развивается: постоянно появляются новые тексты, новые герои и даже новые циклы анекдотов (например, анекдоты про главу Центризбиркома). При этом современный политический анекдот по целому ряду параметров значительно отличается от советского политического анекдота, причем главные различия между ними не в сюжете²⁹⁸, а в формах бытования. Традиционное для советского анекдота устное бытование в новых социокультурных условиях отходит на второй план, уступая место печатным и электронным формам. Неизменной характеристикой жанра остается его «оппозиционность» власти, поэтому наибольший интерес к нему проявляют представители политической оппозиции.

Они используют протестный потенциал анекдота в своей политической борьбе, при этом свободно редактируют текст в соответствии со своими идеологическими задачами или даже сочиняют новые «народные» анекдоты. «Переделанные» или «сочиненные» политические анекдоты имеют шанс «уйти в народ», однако для этого они должны соответствовать жанровым канонам.

Опыт работы с «Анекдотами от Зюганова» самими коммунистами был признан успешным. В марте 2009 года на семинаре секретарей региональных отделений КПРФ член Президиума, секретарь ЦК С. П. Обухов выступил с докладом «Кризисное состояние современного российского избирателя и проблемы электоральной работы партии в свете решений XIII съезда КПРФ». В его выступлении речь шла о том, каким образом можно воспользоваться растущим из-за кризиса недовольством властью и привлечь к КПРФ избирателей, прежде голосовавших за другие партии.

Когда речь заходит о политической агитации, докладчик подводит краткие итоги использования «анекдотов от Зюганова» и описывает перспективы дальнейшей работы в этом направлении. Показательный отрывок из стенограммы выступления позволяет заглянуть в «творческую кухню» КПРФ и посмотреть, как оценивают эффективность этого вида политической пропаганды ее лидеры:

С. П. Обухов:

– <...> Как видно из исследования, потенциал для работы есть. Вопрос лишь в том, какие мы с вами найдем социально-психологические «ключики» к этой массе «бывших» и «потенциальных» избирателей КПРФ.

Кстати, один из путей, который мы вам предлагаем, и он уже, кстати, опробован, это известное всем издание с анекдотами и политическими миниатюрами от Зюганова. Меткая карикатура и острое слово нередко более эффективно воздействуют на слои «бывших» и «потенциальных» избирателей КПРФ, чем наши традиционные агитматериалы. В раздаточном

²⁹⁸ Исследователи отмечают связь между советскими и постсоветскими политическими анекдотами на уровне сюжетов, но признают, что случаев прямого заимствования не так уж и много. Так, анализируя анекдоты о Путине, А. С. Архипова пишет, что лишь в 12 % их сюжеты заимствуются из советских анекдотов о правителях (Архипова 2009: 182–183). Фольклорист из Тарту Л. Лайнесте сообщает, что около четверти политических анекдотов, бытующих в современной Эстонии, составляют советские анекдоты, однако их удельный вес постепенно сокращается (Laineste 2008: 44). Впрочем, И. В. Тубалова предполагает, что влияние советской анекдотической традиции на постсоветскую в большей степени осуществляется не через прямое заимствование сюжетов, а через актуализацию устойчивых советских культурных моделей, которые «функционируют в современном анекдоте в качестве стереотипов, в основе которых как «осколки» советской мифологии, так и культурно-бытовые представления массового сознания в советскую эпоху» (Тубалова 2008: 38).

материале мы предложили вам подборку и новых, и старых, и усовершенствованных политминиатюр для листовочного материала, рассчитанного, в том числе, на колеблющуюся, маргинализованную массу избирателей.

Г. А. Зюганов:

– Я, извините, не успел дописать до семинара раздел анекдотов о кризисе, но вы получите и его (цит. по стенограмме: Из выступлений на семинаре).

Вместо заключения

За то время, пока шла работа над статьей, со многими из ее героев произошло много интересного. Бывший мэр Москвы Ю. М. Лужков после отставки большую часть времени проводит с семьей в Великобритании, а осенью 2011 года был вынужден специально приезжать в Россию, чтобы давать свидетельские показания по уголовному делу о крупных хищениях в «Банке Москвы». За это время анекдоты о нем почти сошли на нет, зато постепенно обретает устойчивый тематический набор сюжетов его преемник Сергей Собинин (после первого года его пребывания у власти лидируют анекдоты про борьбу с автомобильными пробками и про укладку тротуарной плитки).

К декабрьским выборам 2011 года КПРФ оживило проект «Анекдоты от Зюганова»: в 2010 году была выпущена новая книга «Еще 100 с хвостиком анекдотов от Зюганова», а с сентября 2011 года в Сети стали появляться новые «вирусные» ролики, подготовленные партийным интернет-телеканалом Politpros.Tv²⁹⁹. На этот раз создатели роликов не стали заставлять лидера коммунистов рассказывать анекдоты перед камерой, а пригласили профессиональных актеров, которые разыграли сюжеты анекдотов в виде коротких скетчей. Судя по количеству просмотров, этот проект оказался достаточно удачным.

Но самая примечательная трансформация касается не сюжетов и форм современных политических анекдотов, а способов их распространения. Главенствующий многие годы принцип *copy-paste*, описанный в этой статье, понемногу уходит в прошлое, а на его место приходит принцип *repost* (или *retweet*). Интенсивное развитие социальных сетей, блогов и микроблогов делает сайты вроде Anekdot.Ru милой архаикой, пульс жизни теперь бьется в другом месте. Просматривая в социальных сетях новости и сообщения от интернет-друзей и тематических групп, пользователь теперь может одной кнопкой «перепостить» или «добавить» понравившийся текст к себе, в свою очередь, сделав его доступным своим «друзьям».

С формальной точки зрения изменения кажутся не столь существенными – просто раньше нужно было два раза кликать «мышкой», а теперь только один раз. На самом деле эти изменения радикально меняют принципы передачи фольклорных текстов в Сети: почти исчезают промежуточные звенья (вроде того же сайта Anekdot.Ru) при распространении анекдотов между пользователями; тебе больше не надо специально искать новые анекдоты, ведь если у тебя «правильные» друзья в социальных сетях, то свежайшие шутки и анекдоты сами придут к тебе через «ленту друзей», причем скорость их распространения увеличивается в разы.

Одновременно происходит трансформация внешнего облика анекдота, распространяемого через Интернет. Уже ставшая привычной форма письменного текста перестает быть единственно возможной: анекдоты начинают распространяться в виде картинок, звуковых файлов, видеороликов. Разумеется, встает вопрос, корректно ли все это называть анекдотами, однако терминологические споры можно оставить на потом – очевидно, что все это актуальный интернет-юмор, который в 2010-е годы имеет примерно те же функции, что и анекдоты в Сети во второй половине 1990-х годов.

Развитие всех этих тенденций с особой наглядностью можно было наблюдать после того, как после выборов в Государственную думу в декабре 2011 года, по стране прокатилась волна протестов, связанных с массовыми фальсификациями. Огромную роль в выражении протестных настроений играл Интернет, где размещались материалы о фальсификациях, обсуждался план дальнейших действий, осуществлялась координация митингов и акций,

²⁹⁹ По состоянию на начало 2012 года, для просмотра было доступно четыре выпуска видеопрограммы «Анекдоты от Зюганова» [<http://www.politpros.tv/programs/program/14>].

происходивших на улицах городов. Шутки, анекдоты, юмористические ролики и картинки, связанные с выборами и актуальной политической ситуацией, стали одним из ключевых орудий идеологической войны, которая развернулась в Интернете. Отрадно, что фольклористы и антропологи не остались в стороне от этих явлений, оперативно начав их фиксировать и изучать³⁰⁰. Можно предположить, что результаты этих и им подобных разысканий помогут лучше понять, что происходит с политическим анекдотом (и шире, с политическим юмором) в эпоху стремительного развития новых систем массовых коммуникаций, как изменение форм бытования отражается на его содержании, в какой степени можно говорить о наследовании традиций политического протестного фольклора, а где мы имеем дело с принципиально новыми явлениями.

Литература

Алексеевский 2009 / *Алексеевский М. Д.* «Что мне водка в летний зной...»: Проблемы текстологии фольклора в Интернете // Интернет и фольклор: Сб. ст. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 71–89. Алексеевский 2010 / *Алексеевский М. Д.* Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. материалов. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 151–166.

Алексеевский 2010а / *Алексеевский М. Д.*

Анекдоты от Зюганова: фольклор в современной политической борьбе // Антропологический форум.

2010. № 12. С. 1–36. Английская «Индепендент» 2007 / Английская «Индепендент» рассказала про конфликт «Анекдотов от Зюганова» с новосибирским ФСБ // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации. 2007. 6 ноября [http://kprf.ru/rus_soc/52762.html].

Анекдот ходячий 2007 / Анекдот ходячий // Твой день. 2007. 29 марта.

Архипова 2001 / *Архипова А. С.* Анекдот в зарубежных исследованиях XX века // Живая старина. 2001. № 1. С. 30–31.

Архипова 2009 / *Архипова А. С.* Традиции и новации в анекдотах о Путине // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 181–251.

Архипова, Мельниченко 2010 / *Архипова А. С., Мельниченко М. А.* Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования. М.: РГГУ; ОГИ, 2010.

Архипова, Неклюдов 2010 / *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–108 [см. также наст. изд.].

Бахтин 1989а / *Бахтин В. С.* «Вчера мне рассказали анекдот...» // Литературная газета. 1989. 17 мая.

Бахтин 1989б / *Бахтин В. С.* «Расскажу вам анекдот...» // Правда. 1989. 18 июня.

Белоусов 2003 / *Белоусов А. Ф.* Современный анекдот // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 581–594.

Блинушов 2007 / *Блинушов А.* Новые дела «анекдотчиков»? // Сайт «Права человека в России». 2007. 1 ноября [<http://www.hro.org/node/139>].

Брифинг 2007 / Брифинг «Ко Дню смеха – 100 анекдотов от Зюганова» (анонс) // Сайт Ком. партии Рос. Федерации. 2007. 28 марта [http://www.cprf.info/news/party_news/48318.html].

Вернер 2003 / *Вернер Д.* «Анекдоты из России» и фольклор интернетовской эпохи // Рус. журн. 2003. 17 июня [http://old.russ.ru/netcult/20030617_verner.html].

Владимиров 2007 / *Владимиров Д.* От горя к шутке // Российская газета. 2007. 30 марта. № 4329.

³⁰⁰ Азбука протеста. М., 2012; «Мы не немцы!»: Антропология протеста в современной России. М., 2013 (в печати).

Вознесенский 1996 / *Вознесенский А. В.* О современном анекдотопечатании // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 393–399.

Галимова 2007 / *Галимова Н.* Зюганов насмешил народ // Московский комсомолец. 2007. 12 марта.

Геннадий Зюганов как Петросян и Пелевин 2007 / Геннадий Зюганов как Петросян и Пелевин в одном флаконе // Независимая газета. 2007. 29 апреля. № 63.

Добринская 2001 / *Добринская С. Ю.* Об истоках политического анекдота // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск, 2001. С. 191–194.

Добринская 2002 / *Добринская С. Ю., Сперанская А. Н.* Представитель власти в политическом анекдоте // Студент и гуманитарные науки. Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2002. С. 74–76.

Добринская 2003 / *Добринская С. Ю.* Деталь в современном политическом анекдоте // Молодежь Сибири – науке России. Красноярск: Сибир. ин-т бизнеса, упр. и психологии, 2003. Ч. 1. С. 175–178.

Добринская 2004 / *Добринская С. Ю., Сперанская А. Н.* Исторические трансформации жанра политического анекдота // Российский лингвистический ежегодник. 2004. № 6. С. 19–30.

Добринская 2005а / *Добринская С. Ю.* Типология жанра политического анекдота // Российский лингвистический ежегодник. 2005. № 7. С. 123–129.

Добринская 2005б / *Добринская С. Ю.* Второстепенные персонажи политического анекдота // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сборник материалов международной научной конференции на факультете филологии и журналистики, 21–23 сентября 2005 года. Красноярск: КрасГУ, 2005. С. 31–37.

Зюганов 2007 / *Зюганов Г. А.* 100 анекдотов от Зюганова. М.: ИТРК, 2007.

Из выступлений на семинаре / Из выступлений на семинаре секретарей региональных отделений КППРФ // Сайт Центра исследований политической культуры России [<http://www.cipkr.ru/research/ind/vestnik2.html>].

К 1 апреля – «красные» анекдоты 2007 /

К 1 апреля – «красные» анекдоты: Стенограмма пресс-конференции лидера КППРФ по поводу выхода в свет сборника «100 анекдотов от Зюганова» от 29 марта <2007 года> [<http://kp.ru/daily/23878.4/65343/>].

Колесников 2004 / *Колесников А.* Мэр устроил разнос президентам // Коммерсантъ. 2004. 20 октября.

Короткова 2007 / *Короткова О.* Зюганов взялся сочинять анекдоты // Комсомольская правда. 2007. 30 марта.

Крикманн 2004 / *Крикманн А.* Интернет-анекдоты о Сталине. Тарту: Эстонский литературный музей, 2004.

Курганов 2001 / *Курганов Е.* Похвальное слово анекдоту. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001.

Лайнесте 2007 / *Лайнесте Л.* Постсоциализм и политические анекдоты в эстонском Интернете // Постсоциалистический анекдот: Международный симпозиум 15–16 января 2007 г. Тезисы. Tartu: Эстонский литературный музей, 2007. С. 13–14.

Лебедински 2007 / *Лебедински Т.-Р.* Политический анекдот как зеркало Советского Союза и постсоветской России (от Октябрьской революции до 1994 года): Диплом. работа. Ун-т г. Ювяскюля, 2007 [https://jyx.jyu.fi/dspace/bitstream/handle/123456789/12735/URN_NBN_fi_jyu-2007746.pdf;jsessionid=CD644E133E5CE6972_464CABFD8BBE4F4?sequence=1].

Мельниченко 2009 / *Мельниченко М. А.* Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации // Российская история. 2009. № 6. С. 28–40.

Мельниченко 2011 / *Мельниченко М. А.* Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник: Дис.... канд. ист. наук. М., 2011.

Недзельский 1924 / *Недзельский Е.* Народная поэзия в годы революции // Воля России. Прага. 1924. № 5. С. 1–28; № 6–7. С. 44–66.

Недзельский 2007 / *Недзельский Е.* Народная поэзия в годы революции // Живая старина. 2007. № 4. С. 2–6.

Перцов 1927 / *Перцов В.* Анекдот. Опыт социологического анализа // Новый Леф. 1927. № 2. С. 41–43.

Попов 2007 / *Попов А.* ФСБ не дремлет: Новосибирские чекисты внимательно изучили анекдоты от Зюганова // Сайт Коммунистической партии Российской Федерации. 2007. 30 октября [http://kprf.ru/party_live/52559.html].

Пресс-служба 2007 / Пресс-служба фракции КПРФ: «Анекдоты от Зюганова» как угроза конституционному строю в России? // Сайт Ком. партии Рос. Федерации. 2007. 30 октября [http://kprf.ru/rus_law/52563.html].

Радченко 2010 / *Радченко Д. А.* Комплексные тексты в сетевом фольклоре // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сборник докладов. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. Т. 1. С. 69–82.

РПЖ 2006 / РПЖ не намеревалась заниматься спасением выхухоли, заявил Миронов // Сайт РИА Новости. 2006. 7 июня [<http://www.rian.ru/politics/20060607/49176063.html>].

Сабитов 2003 / *Сабитов Р.* Метафизика рекламы «Партии жизни» // Сайт «Компромат. ru». 2003. 9 октября [http://www.compromat.ru/page_13716.htm].

Семенова 2007 / *Семенова А.* Миронов и выхухоль: история любви и предательства // Сайт молодежного журнала «Yoki.ru». 2007. 13 апреля [<http://www.yoki.ru/social/politics/13-04-2007/40829-0>].

Семиотика заменит «черный PR» 2003 / Семиотика заменит «черный PR» // Интернет-газета «Дни.ру». 2003. 28 августа [<http://www.dni.ru/polit/2003/8/28/25874.print.html>].

Скандальное завершение телепрограммы 2007 / Скандальное завершение телепрограммы Познера «Времена»: Ведущий решился рассказать политический «анекдот от Зюганова». Как отреагируют ФСБ и телена начальство? (видео) // Сайт Ком. партии Рос. Федерации. 2007. 3 ноября [<http://kprf.ru/funny/52695.html>].

Скрадоль 2011 / *Скрадоль Н.* «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 160–193.

Тубалова 2008 / *Тубалова И. В.* «Голоса» советской эпохи в полифонической структуре современного анекдота // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 34–38.

Фольклор России 1994 / Фольклор России в документах советского периода, 1933–1941 гг.: Сб. документов. М.: ГРЦРФ, 1994.

Фольклорист советской эпохи 2008 / Фольклорист советской эпохи («Financial Times», Германия) // Сайт «inoСМИ.Ru». 2008. 28 февраля [<http://www.inosmi.ru/inrussia/20080228/239901.html>].

Фролова 2007 / *Фролова О. Е.* Визуальная специфика сетевого анекдота // Традиционная культура. 2007. № 3. С. 30–36.

Фролова 2011 / *Фролова О. Е.* Современные анекдоты о Москве // Живая старина. 2011. № 1. С. 40–43.

Ходнев 2004 / *Ходнев С.* Пустота – страшная сила // Коммерсантъ. 2004. 22 октября.

Шмелева, Шмелев 2000 / *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Клишированные формулы в современном русском анекдоте // Труды Международного семинара Диалог-2000 по ком-

пьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. Т. 1 [<http://www.ruthenia.ru/folklore/shmelev2.htm>].

Штурман, Тиктин 1985 / Советский Союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. London: Overseas Publications Interchange, 1985. Щенникова 2008 / Щенникова О. Н. Неформальная коммуникация в политике // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–1 (60). С. 207–208.

Adams 2005 / *Adams B.* Tiny Revolutions in Russia: Twentieth-Century Soviet and Russian History in Anecdotes. N.Y.: Taylor and Francis, 2005.

Cassiday, Johnson 2010 / *Cassiday J., Johnson E.* Putin, Putiniana and the Question of a Post-Soviet Cult of Personality // Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. № 4. P. 681–707.

Cohick et al. 2007 / *Cohick J., Crosby M., Jackson M., Peterson A.* More Than a Quick Laugh: The Face of Political Humor // The Wittenberg University Department of Communication Yearbook. 2007. Vol. II: Other-Oriented Communication. P. 120–141. [<http://www4.wittenberg.edu/academics/communication/yearbook/documents/Comm.YearbookVol2.pdf>].

Davies 2007 / *Davies Ch.* Humor and Protest: Jokes under Communism // International Review of Social History. 2007. Vol. 52. Suppl. 15. P. 291–305.

Dmitriev 2006 / *Dmitriev A. V.* Humor and Politics // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2006. Vol. 44. P. 64–100.

Graham 2003 / *Graham S. B.* A Cultural Analysis of the Russo-Soviet Anekdot. PhD dissertation. University of Pittsburgh. 2003 [http://etd.library.pitt.edu/ETD/available/etd-11032003-192424/unrestricted/grahamsethb_etd2003.pdf].

Graham 2009 / *Graham S. B.* Resonant Dissonance: The Russian Joke in Cultural Context. Evanston: Northwestern University Press, 2009.

Ilchenka 2012 / *Ilchenka A.* How Much are the Jokes Reactional? (based on Yury Luzhkov dismissal joke cycle) // Folklore. 2012. (in print).

Laineste 2008 / *Laineste L.* Post-Socialist Jokes in Estonia: Continuity and Change. Dissertationes Folkloristicae. Tartu, 2008 [<http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/10062/7808/1/lainesteliisi.pdf>].

Laineste 2009a / *Laineste L.* Political Jokes in Post-Socialis Estonia (2000–2007) // Permitted Laughter: Socialist, Post-Socialist and Never-Socialist Humour. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 2009. P. 41–72.

Laineste 2009b / *Laineste L.* Post-Socialist Jokelore: Preliminary Findings and Further Research Suggestions // Acta Ethnographica Hungarica. 2009. Vol. 54. № 1. P. 31–45.

Laineste 2011 / *Laineste L.* Politics of Taste in a Post-socialist state: A Case Study // Studies in Political Humour: In Between Political Critique and Public Entertainment. Amsterdam, 2011. P. 217–241.

Lewis 2008 / *Lewis B.* Hammer and Tickle: A History of Communism Told Through Communist Jokes. London: Weidenfeld & Nicolson, 2008.

Mustajoki A. 2006 / *Mustajoki A.* Putin vitsien kohteena // Idäntutkimus. 2006. № 2. S. 26–34.

Oring 2004 / *Oring E.* Risky Business: Political Jokes under Repressive Regimes // Western Folklore. 2004. Vol. 63. P. 209–236.

Sheygal-Placzek 2009 / *Sheygal-Placzek E.* The World of Politics in the Russian Political Anekdot // Russian Journal of Communication. 2009. Vol. 2. № 3/4. P. 234–249.

Yurchak 1997 / *Yurchak A.* The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretense, and the Anekdot // Public Culture. 1997. Vol. 9. № 2. P. 161–188.

Наталья Комелина

Политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда Пушкинского Дома

Смена режимов в истории России вызвала к жизни публикацию и исследование запрещенных и скрываемых прежними властями документов, в том числе и фольклорных текстов. После революции 1917 года активно стали изучаться песни о Пугачевском бунте, Стеньке Разине, выходили сборники антиклерикального фольклора³⁰¹.

Трансформация представлений о «народе» в послереволюционные годы³⁰², ужесточение цензуры (Горяева 2002) и контроля за деятельностью научных организаций (РН 1991) привели к изменению задач фольклористики. Как правило, ученые отмечают перемещение акцентов с научных задач на пропагандистские, «стимулирующие» творчество масс в нужном русле применительно к 1930-м годам, когда появляются псевдофольклорные тексты (новины и плачи) (Иванова 2000).

Однако уже в 1920-е годы фольклористы решали не только научные задачи: они фиксировали настроения масс и участвовали в разработке новой советской обрядности и «строительстве нового быта».

³⁰¹ См., например: ФКВ 1973; Лозанова 1947; Мирер 1940.

³⁰² С победой большевиков после революции 1917 года «народ» из угнетаемого класса был провозглашен правящим. Но уже во время Гражданской войны и нэпа роль Советов значительно снижается, а политическая власть сосредоточивается в руках большевистской партии, и под диктатурой пролетариата/народа стали понимать диктатуру партии (см.: Боева 2003: 38). Фактически во время коллективизации в России возвращается крепостное право, а риторическое «народовластие» вызывает «расцвет народного творчества». По-видимому, представления о «власти народа» могли повлиять на негативное отношение советских функционеров от науки к теории «спущенных сверху ценностей», согласно которой народ лишен творческих способностей и является передатчиком и хранителем творчества высших слоев общества. См. о понятиях «народ» и «фольклор» в XVIII–XIX веках: Богданов 2003; Панченко 2005б.

Программы по собиранию фольклора: 1920-е годы

Как правило, работы о полевой практике фольклористов начала XX века описывают отдельные экспедиции или специфику записи текстов, «поле» упоминается также в контексте научной биографии того или иного ученого.

На сегодняшний момент не существует специальных работ, анализирующих программы и опросники, составлявшиеся научными обществами XIX века, а также рекомендации по записи фольклора советского времени. Однако именно они позволяют реконструировать «образ фольклора», характерный для той или иной эпохи.

Чтобы понять, что нового записывалось фольклористами и этнографами в 1920-х – начале 1930-х годов мною были просмотрены методические рекомендации по записи фольклора.

Ю. М. Соколов в статье «Очередные задачи изучения русского фольклора» (1926) называл одним из направлений фольклористической работы «анализ социальной, классовой среды, в которой в настоящее время бытует фольклор» (Соколов 1926: 12). В связи с этим многочисленные методические пособия и программы для местных краеведов и высших учебных заведений так или иначе оговаривали необходимость фиксации политического фольклора и социальной принадлежности его исполнителей.

Собирать «новый» фольклор, отражающий революционное время, одним из первых предложил Е. И. Хлебцевич. После смерти Ленина он составил рекомендацию по сбору фольклора о вожде революции, в которой говорилось: «Если каждая эпоха отражается в произведениях отдельных писателей и в произведениях коллективного устного творчества, то тем более ярко должна отразиться Октябрьская революция, олицетворение которой массы находили в Ленине. Произведения устного творчества очень подвержены утечке, изменениям, распылению, поэтому следует поспешно приступить к собиранию произведений коллективного устного творчества масс о Ленине» (Хлебцевич 1924: 117–118; Панченко 2005а).

В рекомендации по записи современного фольклора, подготовленной Институтом речевой культуры, говорится: «Гигантские изменения, происходящие в промышленности и сельском хозяйстве нашей страны и ведущие за собою мощные классовые сдвиги, должны вызвать в широких народных массах разнообразные поэтические отклики: песни, частушки, загадки, пословицы, поговорки, сказки, анекдоты и тому подобные рассказы. Долг науки – неустанно собирать все эти произведения, учитывая факты положительного и *отрицательного* отношения всех слоев населения к происходящему» (ОССФ 1930: 352; курсив мой).

В известных инструкциях 1920-х годов братьев Соколовых «Поэзия деревни» (1926) и М. К. Азадовского «Беседы собирателя» (1924) имеются советы по записи фольклора, отражающего революционные события и новый быт, однако не оговаривается необходимость записи антисоветского и контрреволюционного фольклора, хотя отмечается его существование: «Но консервативная, может быть, пожилая, а может быть, и кулацкая часть деревни по-своему откликнулась на революцию, создав бесчисленное количество легенд об антихристах-большевиках, о наступающем конце мира, о жестоком наказании безбожников, позволивших себе нарушить покой святых мощей, о комиссарах, запечатывавших церкви, о раскаянии и обращении безбожников «на правый путь веры», о пятиконечной звезде, как антихристовой печати, и т. д. и т. п.» (Соколовы 1926: 12).

В методических рекомендациях 1920-х годов подчеркивалась общественная значимость собирания фольклора, объяснявшаяся необходимостью сохранить устную историю революции и гражданской войны, стихийно отразившуюся в фольклоре³⁰³, а также полити-

³⁰³ «Регрессивный принцип» в фольклористике предполагает существование «золотого века» фольклора, фольклори-

ческие настроения народа: «Устная словесность может быть рассматриваема как живая и поэтическая летопись быстротекущей жизни. В этом ее общественное значение. Она облегчает понимание народных настроений и тех перемен, которые происходили и происходят в народном быту» (Там же, 13); «этим мы поможем нашему правительству, партии и всем работникам настоящего, а также сохраним драгоценные материалы для будущего» (ОССФ 1930: 352).

Кроме того, при записи политически окрашенных текстов подразумевалось их использование в агитации и пропаганде: «Мы предполагаем брать материал исключительно из живой жизни (пока она еще не забылась), этот материал немедленно же художественно обрабатывать и превращать в орудие пропаганды» (Шнеер 1924: 143).

Краеведческие общества призывали сельскую молодежь и комсомольцев записывать фольклор. В подобных рекомендациях подчеркивается культурно-просветительская функция собирателя, что вполне соответствует активной роли комсомольцев в антирелигиозных и культуртрегерских кампаниях 1920-х годов. Н. Е. Ончуков предостерегал против подобных подходов к полевой фольклористике: «Если неопытный молодой собиратель, записывая произведения народного творчества, выкажет нетерпимость к религиозным воззрениям сказочника или другого кого, с кем он будет иметь дело, – дело пропало. Никак нельзя мешать два дела в одно: запись произведений народного творчества и политпропаганду, нельзя мешать фольклор, так сказать, с публицистикой» (Ончуков 1925: 280).

В некрологе В. Г. Богоразу, опубликованном в журнале «Советский фольклор», говорится, что изучение народностей Севера предполагалось для изживания ими архаичных верований и религиозных предрассудков (Францов 1936). Те же цели декларировал и В. Д. Бонч-Бруевич применительно к исследованию фольклора сектантов. На совещании при отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) в 1926 году он отметил, что «с большим удовлетворением видит, как, наконец, приступили к серьезному изучению сектанства. Без серьезного научного знания сектанства нельзя, разумеется, поставить правильно и антирелигиозную пропаганду среди них» (Лукачевский 1926: 23)³⁰⁴.

Кроме того, многими программами предлагался метод скрытой записи: «Запись лучше всего производить незаметно»; «Удобным местом наблюдения и записи являются: сход, суд, кооператив и т. д. места скопления людей» (Бейман 1926: 26).

Таким образом, этнографы и фольклористы 1920-х годов считали, что их исследования помогут в деле становления нового быта, включавшего новые праздники и новые обряды, – как календарные, так и семейные. Роль фольклористов в этих процессах, по-видимому, заключалась в регистрации традиционного фольклора и поисках форм для советского «народного творчества»³⁰⁵. В методических рекомендациях предлагалось и «спасение» уга-

стам же приходится (ре)конструировать это первоначальное «идеальное» состояние. В настоящем фольклор умирает или уже умер, и ученые могут зафиксировать остатки и осколки некогда «хорошего» фольклора (Дандес 2003). В советской фольклористике 1920-х годов «регрессивный принцип» распространяется и на «новый фольклор». Часто необходимость записи последнего объясняется его «умиранием». Такой подход, по-видимому, обусловлен «переходным характером» эпохи и инерцией идей дореволюционной фольклористики. В 1930-е годы будут высказаны противоположные, прогрессистские, идеи касательно нового просоветского фольклора: Ю. М. Соколов, А. М. Астахова, В. Я. Пропп будут писать о «новом этапе эпического творчества» без тревоги за будущее соответствующих текстов.

³⁰⁴ Сектовед и партийный деятель В. Д. Бонч Бруевич считал сектантов и старообрядцев в силу их социально-утопических представлений, издавна живших «по правилам коммунизма», способными построить «особый русский коммунизм». Было составлено и распространено «Воззвание», осуществлялось переселение сектантов из Канады и других стран в Советскую Россию. Однако после 1921 года «сектантский проект» Бонч-Бруевича провалился, во главе антирелигиозной кампании встал Л. Д. Троцкий и началось преследование сектантов (Эткинд 1996).

³⁰⁵ Пропагандой, как правило, занимались не профессиональные фольклористы, а местные активисты. Однако есть и исключения. Так Н. П. Колпакова во время экспедиции на Терский берег выступила перед местными жителями с докладом: «Религиозные суеверия терчан и антирелигиозная работа в колхозах» (Колпакова 1933: 120).

сающего фольклора, но не религиозного, а светского – песенного, – при помощи самодеятельности и организации народных хоров.

А. С. Архипова и С. Ю. Неклюдов в статье «Фольклор и власть в закрытом обществе» отмечают, что «еще с конца 1920-х годов власть начинает борьбу с популярнейшими устными жанрами («слухами», анекдотами), а с 1930-х годов «враждебным» объявляется (устами Ю. М. Соколова) городской «мещанский», а также «блатной» фольклор, которые наряду с «кулацким» противостоят «пролетарской и колхозной устной поэзии»» (Архипова, Неклюдов 2010: 100).

Я попыталась объяснить причину, почему подобные тексты были записаны и попали в государственные хранилища.

Что же с ними происходило дальше?

Изъятие антисоветского фольклора из архивов

Одним из крупных хранилищ фольклорных записей в советское время и сейчас является фольклорный фонд Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Историю Отдела фольклора, на базе которого было сформировано фольклорное собрание, описала Т. Г. Иванова в монографии «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г.» (Иванова 2009). Фольклорная комиссия в разное время входила в состав Государственного института истории искусств, Института по изучению народов СССР (ИПИИ), Института антропологии и этнографии АН СССР. С 1939 года Фольклорная комиссия была переведена в Институт литературы (Пушкинский Дом) АН. Рукописное фольклорное хранилище, по мнению Т. Г. Ивановой, было сформировано в ИПИИ в 1930–1931 годах. Его хранителем на протяжении долгих лет была А. М. Астахова³⁰⁶. В 1939 году к ней присоединилась В. А. Кравчинская³⁰⁷.

А. Н. Мартынова³⁰⁸, бывший хранитель фольклорного фонда, в записанном мной интервью передает воспоминания А. М. Астаховой и заведующего фонограммархивом В. В. Коргузалова³⁰⁹ о посещении фольклорного хранилища сотрудниками органов государственной безопасности в конце 1940-х годов:

А. Н. Мартынова (далее – АНМ): <...> Анна Михайловна сказала, в 47, по-моему, году. <...> Надо уточнить. Сейчас могу уже забыть. <...> Но, по-моему, это 47-й год, послевоенные, во всяком случае. Пришли люди в одинаковых плащах, сказали, что им нужно посмотреть все материалы архива на случай. <...> **Н. Г. Комелина (далее – НГК):** Пришли, они к кому пришли?

АНМ: Пришли они. <...> Анна Михайловна о себе говорит. До этого они, конечно, побывали в дирекции.

НГК: Это было связано с космополитами?

АНМ: В той волне, но не только с космополитами. Они всякое искали, всякое антисоветское. В то время, знаете, всех, кто был в плену, начали арестовывать. <...> И сказали, что им надо посмотреть все материалы. Они сели и сидели, и листали всё и читали всё. Но вот вы не застали, когда в этой комнате были?³¹⁰ **НГК:** Нет.

АНМ: Всё от пола до потолка и всё забито папками и с другой стороны еще шкаф. Вот они сидели и все читали и вырезали антисоветские частушки, прозы не было тогда. <...> Они вырезали, но вот видишь. Там были еще вторые экземпляры. Видела там вторые экземпляры? В общем, короче говоря, они пропустили кое-что.

НГК: А кто им выдавал дела, Астахова?

АНМ: Она помогала даже выбирать. Это мне рассказывал уже Коргузалов. Наташа, это сейчас вы смотрите современными глазами, а тогда страшно же было. Сколько людей сидело.

НГК: Но ведь тут хранится?

³⁰⁶ Анна Михайловна Астахова работала в ИРЛИ с 1939 по 1965 год.

³⁰⁷ Об истории формирования фольклорного архива Пушкинского Дома см.: Иванова 2009: 571–586; Астахова 1936.

³⁰⁸ Антонина Николаевна Мартынова работала в ИРЛИ с 1968 года (ПД 2005: 479–480).

³⁰⁹ Всеволод Владимирович Коргузалов работал в ИРЛИ с 1955 года (ПД 2005: 460).

³¹⁰ До постройки нового здания Рукописного отдела фольклорный фонд находился в одном из кабинетов Отдела фольклора и формально находился в ведении последнего.

АНМ: А зачем хранится, зачем не доложено, зачем не сказано? <...>
Ну, значит, пришли, выбирали, вырезали, сжигали в кочегарке, которая у нас там отапливает институт.

НГК: Сами сжигали? И с собой не уносили?

АНМ: Нет.

НГК: Им не нужно это было?

АНМ: Уничтожить, чтобы не читали³¹¹.

Справка по документам внутреннего пользования архива подтверждает факт изъятия и уничтожения фольклорных материалов чекистами в 1948–1950 годах:

Акт от 24 октября 1951 г. По поручению зав<едующего> Сектором были просмотрены колл. 1, 2, 3, 5, 17, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 38, 39, 42, 57, 65, 67, 77, 78, 92, из которых изъяты и уничтожены материалы блатного и порнографического характера. Акт от 8 декабря 1956 г.<...> Отсутствие вышеуказанных материалов объясняется тем, что часть из них, в период 1948–1950 гг. была отобрана спецотделом, другая же часть использована при работе над фольклорными изданиями³¹².

Посещение сотрудниками НКВД фольклорного хранилища в конце 1940-х годов могло иметь отношение к делу «космополитов», в связи с которым был уволен заведующий отделом народнопоэтического творчества М. К. Азадовский (Азадовский 2006; Дружинин 2012; Иванова 2006а). Кроме того, в 1948 году в поезде Москва – Ленинград был убит Л. Б. Модзалевский. Существует версия о причастности к его убийству органов государственной безопасности (Иванова 2006б: 304).

Случаи изъятия фольклорных материалов антисоветского содержания фиксировались и в других фольклорных архивах. По идеологическим мотивам из Государственного архива Тверской области было изъято дело под заглавием «Литературный материал народного творчества. Блатной фольклор и блатная музыка тверской текстильной фабрики и деревни» (Иванова, Строганов 2003: 541).

Ранее во время «академического дела» (1929–1931) внимание Правительственной комиссии по проверке Академии наук, возглавляемой Ю. П. Фигатнером, привлекали политические материалы, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, Библиотеке Академии наук и Археографической комиссии (АД 1998; Перченко 1995). В «Красной газете» от 6 ноября 1929 года перечисляются эти документы: «Материалы департамента полиции, корпуса жандармов, царской охранки, контрразведки, ЦК партии социал-революционеров, ЦК партии кадетов, подпольного съезда меньшевиков от 1918 года, списки охранников и провокаторов с относящимися сюда данными (размер вознаграждения, командировки), оригиналы отречений от престола Николая II и Михаила»³¹³. На протяжении 1930-х годов сотрудникам Рукописного отдела приходилось выявлять в фондах материалы, не подлежащие хранению, и передавать их в Центрархив. На основании описей переданных материалов Т. Г. Иванова делает вывод, что изымались документы, связанные с царской семьей и высшими государственными деятелями империи, бумаги контрреволюционного, антисоветского и религиозного содержания.

³¹¹ Интервью было записано 30 января 2011 года. Личный архив Н. Г. Комелиной.

³¹² Справка по документам внутреннего пользования была предоставлена мне хранителем фольклорного фонда РО ИРЛИ Я. В. Зверевой. Пользуясь случаем, хочу выразить ей глубокую благодарность за сотрудничество и помощь.

³¹³ Незаконное хранение политических документов в Академии наук: Непременный секретарь Академии отстранен от работы // Красная газета. 1929. 6 ноября (вечерний выпуск). № 280; цит. по: Иванова 2006: 192.

Из рукописного отдела Пушкинского Дома были изъяты материалы П. Н. Врангеля, из архива А. А. Шахматова – «пасквиль на Ленина», документы, связанные с Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым (Иванова 2004)³¹⁴.

Кроме изъятия и уничтожения репрессированных материалов в диалоге фольклориста-архивиста и власти возможны были пути сокрытия этих текстов. Наиболее безобидным способом было возвращение материалов владельцам. Так, согласно книге поступлений Фольклорной секции Академии наук в 1933(5?) году были возвращены «Цыганские песни» Е. В. Гиппиусу, в 1937-м по распоряжению замдиректора Макарова отданы «Материалы по скопчеству», полученные от Н. А. Бутакова, в 1950-м А. Д. Ковалеву – «Рассказы, воспоминания, документы эпохи Гражданской войны» и др. Судить о причинах возвращения рукописей авторам сложно: кроме опасного содержания могли играть роль и вполне прозаические мотивы. Владелец мог потребовать свои материалы обратно, переданные документы могли быть признаны не представляющими ценности или научного интереса и др.

Занесение рукописи в книгу поступлений было обязательным: не описанные материалы считались сокрытыми. Будучи директором Литературного музея, В. Д. Бонч-Бруевич писал заведующему Отделом фольклора Ю. М. Соколову: «Материалы, поступившие в любой музей и не записанные в шнуровую книгу поступлений, считаются сокрытыми материалами для какой-то преступной цели. И при обнаружении таких материалов, все лица, причастные к этому, несут очень строгую ответственность. Я нисколько не сомневаюсь, что здесь все делалось из той анархичности, которая, очевидно, свойственна сотрудникам Фольклорного Отдела...» (ОР РГБ. Ф. 369. Кар. 203. Д. 24. Л. 17–18).

Возможны были и другие пути спасения «запрещенного фольклора» и его хранителей от карательных органов. Можно предположить, что в таких случаях использовались «слепые» описи, неправильное указание названия единиц хранения, уничтожение карточек в картотеках и др.

Так или иначе, определенная часть записей была уничтожена. Изъятию подвергались тексты антисоветского, блатного и порнографического содержания. Эти материалы уничтожались, изымались сотрудниками спецотдела и перемещались в спецхраны.

³¹⁴ Документы П. Н. Врангеля и его брата историка искусств Н. Н. Врангеля были переданы их матерью М. Д. Врангель.

«Особое хранение»

В 1920 году в Книжной палате был организован спецхран; в 1921-м по постановлению Совета народных комиссаров был создан спецхран Государственного Румянцевского музея. В ноябре 1926 года появились спецхраны в массовых библиотеках. Было принято «Положение о спецхране в библиотеке», согласно которому на особое хранение передавались книги и периодические издания, которые, по мнению цензуры, можно было предоставлять только по специальному разрешению (Лютова 1999; Зеленев 2000).

В своем указателе книг, помещенных в спецхраны библиотек, А. В. Блюм отмечает два вида запретов (Блюм 2003б):

1) «персонифицированный»

Автор подвергся политическим репрессиям (арест – расстрел – ГУЛАГ).

Выслан или иммигрировал

Предисловие, послесловие, вступительная статья, примечания содержат упоминание лица, относящегося к вышеперечисленным категориям.

В произведении выводится в качестве литературного персонажа или просто упоминается реальное неугодное лицо («в положительном контексте упоминается «враг народа»»)

2) «содержательный»

Изображение кровопролитной междоусобицы эпохи революции и гражданской войны, ужасов и жестокости (со стороны красных), пьянства, погромов, партизанщины, массового голода, дезертирства из Красной армии.

Цитирование первых слов царского гимна или лозунгов или призывов «враждебных партий».

Упаднические настроения, мотивы безысходности, преобладающие в молодежной литературе.

Издержки насильственной коллективизации, в том числе проявление автором сочувствия к раскулаченным и сосланным крестьянам, изображение массового бегства из деревни в голод 1932–33 годов.

Негативное или сатирическое изображение сотрудников ЧК– ОГПУ.

Упоминание о существовании концлагерей.

Массовая гибель людей в годы Великой отечественной войны

«Представление трибуны врагу» (излишнее цитирование).

На конференции, проходившей в июне 1938 года в Ленинграде, после доклада Ю. М. Соколова о работе московских фольклорных организаций грузинский исследователь М. Я. Чиковани задал вопрос: «Когда люди разоблачены, а их собрания записей у нас находятся в архиве, как этим пользоваться, что делать с материалом?»

Ю. М. Соколов в ответ рассказал о том, что происходит в этом случае в Фольклорном отделе Государственного литературного музея (ГЛМ). Приведу фрагмент протокола заседания конференции:

Ю. М. Соколов: Что делать с материалом собирателей, которые оказались врагами народа или которые были разоблачены в каком-либо неблагоприятном поступке?

Мы проверяем весь материал. Если самый материал не вызывает у нас никакого сомнения, – бывает так, что человек собирал через других лиц и лица эти не причем – мы его оставляем. Но все, что касается данного собирателя, его личных замечаний и комментариев, указаний, справок, писем, все это нами изымается и сдается в особый секретный фонд, который находится в руках специального лица, доверенного Партии в самом музее. Вне музея это не выносятся. Это оставляется в музее, засекреченным, под ответственность нашего руководителя фольклорного отдела, заведующего этим фольклорным фондом, который отчитывается перед соответствующей организацией. Мы не имеем права пользоваться этими материалами.

С места: Каким образом хранить материалы, не имеющие политического значения контрреволюционного, напр<имер>, порнографический, мещанский фольклор и т. д.

Ю. М. Соколов: По предписанию дирекции у нас был просмотрен весь материал и то, что широкой публике признано неудобным давать, то заносится в особые списки и тут происходят известные соглашения с теми лицами, которые ведают политической стороной. Если это нужно по политическим соображениям изъять, то это изымается, а если это не вызывает таких сомнений, то остается с пометкой «не выдавать для широкого пользования»³¹⁵.

Впрочем, история фольклорного архива Пушкинского Дома не подтверждает фактов изъятия коллекций по персональному принципу.

При обыске и последующем аресте у Н. Е. Ончукова в 1932 году были изъяты письма, но не фольклорные записи: «Письмо покойного харьковского профессора А. И. Яцимирского к члену-корреспонд<енту> Академии наук А. И. Лященко – в них излагается новая теория происхождения русских былин, над которыми я работаю. Материалы моей работы по библиографии былин с 1917 года. Письма разных ученых ко мне» (ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 312. № 16. Л. 1)³¹⁶. Находясь в ссылке, Н. Е. Ончуков посылал в Государственный литературный музей свои полевые записи. В 1938 году ГЛМ приобрел материалы также подвергнувшегося политическим преследованиям фольклориста В. П. Чужимова. Следовательно, репрессии в отношении собирателей не влияли на судьбу записанного ими фольклора.

В фольклорном архиве Пушкинского Дома имеется коллекция № 193 «Особое хранение», сформированная в 1969 году. Она представляет собой папку с материалами, извлеченными из других коллекций. Однако в ней не всегда есть указание на номер фонда, где раньше хранились эти записи. Большинство текстов не паспортизировано, не указан исполнитель, место и время записи.

Видимо, в конце 1940-х годов просмотр сотрудниками КГБ или архивистами фольклорных записей был выборочным. Можно предположить, что в первую очередь прочитывались перебеленные и машинописные тексты.

А. Н. Мартынова рассказывает о том, как была создана эта коллекция, следующее:

³¹⁵ Отдел русского фольклора ИРЛИ. Стенографические отчеты конференции. Сессия Института антропологии и этнографии 1938 года. Л. 33–34. В переписке директора ГЛМ В. Д. Бонч-Бруевича и заведующего фольклорным отделом Ю. М. Соколова есть упоминания о проверках архива. Например, в письме от 1936 года В. Д. Бонч-Бруевич пишет: «Считаю своим долгом сообщить Вам, что в настоящее время у меня ведется проверка особой комиссией всего архива и думаю, что в скором времени они подойдут к фольклорному Отделу, когда эта Комиссия, пригласив Вас в свой состав, займется тщательной проверкой всего Фольклорного Отдела, и будет крайне печально, если там и по этой административной, совершенно для нас обязательной стороне дела, найдутся какие-нибудь сильные отклонения от правил, утвержденных Правительством. Очень прошу Вас сейчас же на это обратить внимание и заставить Ваших помощников все исправить, а Вам лично прошу за этим Строжайшим образом проследить» (ОР РГБ. Ф. 369. Кар. 203. № 24. Л. 18–19). К этому же периоду относится обсуждение вопроса о перепечатке и хранении эротического фольклора в фольклорном архиве ГЛМ.

³¹⁶ Т. Г. Иванова в статье «Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова» (Иванова 1996 [1998]) среди причин ареста ученого в 1929 году указывает на его работу в колчаковских газетах в 1919 году и «контрреволюционный заговор в Бюро краеведения». Во время второго ареста в 1939-м была опечатана его библиотека.

НГК: Вот вы говорите, что пришли в институт в 68-м году, через год была уже сформирована особая коллекция.

АНМ: Не помню уже. В 70-й или когда там было. Нет, не 68-м. В 68-м я сидела, год во всяком случае, не поднимая головы. <...> **НГК:** Сверка наличия?

АНМ: Да, я сверяла, проверяла все. И не вчитывалась даже. Это потом я стала вчитываться и уже Малова, по-моему, сказала, что там есть антисоветское. Наверное, Малова мне это сказала: «ты отбери в какую-нибудь папочку все, не выдавай». <...> Просто посоветовала, не то, чтобы она приказала, или что-то.

НГК: И никому вы не выдавали? Не приходили проверяющие?

АНМ: Нет, и никто особо не интересовался.

НГК: А вот вы по какому принципу выбирали материал?

АНМ: Ну если мне так кажется, что там что-то антисоветское есть, так и вытаскивала оттуда, из коллекции.

НГК: Антисоветское?

АНМ: Да. <...> Нет, ни духовных стихов, ни заговоров, я ничего не выкладывала. Заговоры тоже были заброшены. <...> Да, только антисоветское. То, что еще осталось, то, что эти добры молодцы не сожгли. А то, что это сожжено было в кочегарке нашей, это мне Коргузалов сказал. А то что она (А. М. Астахова. – *Н.К.*) в этом участвовала, он это говорил.

НГК: А не рассказывали, что отбирали?

АНМ: Антисоветское. <...> Я говорю, я тогда еще не сильно вчиталась. <...> **НГК:** Не прятали?

АНМ: Это тоже прятание было, когда я вытащила и положила в отдельную папку. Я их не уничтожила. Но я... Вот если конкретно кто-то сказал, выяснила я, как и что, куда и зачем. <...> Вас не спрашивали, а я не рекламировала и ничего не издавала.

Коллекция № 193 была создана по устной рекомендации сотрудника Рукописного отдела М. И. Маловой, в чьи обязанности входило консультирование по разборке и описанию архивных фондов, организация работы экспертно-закупочной комиссии³¹⁷. Из основного фонда рукописного фольклорного хранилища были отобраны антисоветские материалы, пропущенные чекистами в конце 1940-х годов. А. Н. Мартынова не называет эту коллекцию «спецхраном» и считает такую форму хранения запрещенного фольклора – «утаиванием», так как она была сформирована без официальных инструкций и рекомендаций.

В устной беседе заведующая Рукописным отделом Т. С. Царькова рассказала мне о существовании в позднее советское время стеллажа с описями коллекций, не предназначавшихся для читателей. Это были, например, описи коллекций М. А. Волошина, Р. В. Иванова-Разумника и архива масонов. Она также отрицает факт существования официального «спецхрана» в рамках Рукописного отдела. Однако, по-видимому, существовало негласное правило хранить отдельно и не выдавать читателям некоторые документы опасного политического содержания или рукописи «запрещенных» авторов.

Можно сказать, что папка «особого хранения» фольклорного фонда была сформирована примерно с такими же целями, и эта коллекция вписывается в общие тенденции формирования фондов Рукописного отдела.

³¹⁷ Малова Марфа Ивановна (1907–1978) (ПД 2005: 477).

Общая характеристика коллекции № 193 («Особое хранение»)

Коллекция включает 32 единицы хранения и нумерованную подборку частушек, а также машинописный сборник Алексея Цитварова «Сборник бытовых народных анекдотов»³¹⁸). Единицы хранения за № 1, 2, 4, 5, 6 в папке отсутствуют. Все материалы можно разделить тематически на три группы: антисоветский фольклор, блатной и эротический, согласно принципам уничтожения материалов фольклорного фонда по одному из процитированных выше актов.

Изъятия производились из архивов И. С. Фридриха, А. А. Измайлова, М. И. Романова. Большинство материалов в папке «особое хранение» были изъяты из архива Л. В. Домановского, сотрудника Отдела фольклора Пушкинского Дома³¹⁹ (№ 8–28). Леонид Владимирович Домановский (1920–1968) работал в ИРЛИ с 1953 года сначала как внештатный, а потом как штатный сотрудник. Его записи материалов, перемещенных в «особое хранение», можно датировать периодом 1937–1967 годов.

В «особое хранение» вошли следующие конспекты Л. В. Домановского:

№ 8 включает выписки из мемуаров Георгия Виллиама «Побежденные», опубликованных в журнале «Красная новь» (Виллиам 1923: 326, 327–328). Выписки касаются деятельности «Осваг» – осведомительнопропагандистского агентства «Вооруженных сил Юга России». Автор мемуаров пересказывает сюжеты «лубочных» пропагандистских картинок, виденных им в Новороссийске, и рассказывает о подкупленных пропагандистами нищих, кричавших, что их изуродовали в «чрезвычайке».

№ 9 представляет собой выписку из воспоминаний А. К. Югова «Колывань» (Югов 1927: 181–183)³²⁰ о восстании крестьян против продразверстки в 1920 году в Сибири. А. К. Югов сообщает, что крестьяне ожидали прихода великого князя Михаила Александровича³²¹ и помощи японцев, цитирует лозунги восставших³²² и говорит о жестоком подавлении бунта.

№ 13 содержит переписанный Л. В. Домановским текст песни «Тише, тише... Все заботы прочь в эту ночь...» из сборника А. В. Пяковского «Коллективная пролетарская поэзия» (Пяковский 1927: 192). Песня была написана одесскими комсомольцами во время оккупации Одессы войсками Белой армии.

№ 15 – выписка Л. В. Домановского из хранящейся в архиве ИРЛИ (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 105. П. 27. № 3. Л. 2) песни «В далекий край товарищ улетает / Бомбить родные села, города» (альбом Лиды Лубниковой, в годы Великой Отечественной войны увезенной в Норвегию и прожившей там два года).

№ 16 включает выписку из песни «Свисток паровоза за оградой тюремной», написанной в 1918 году политическим заключенным Нерчинской тюрьмы (архивная коллекции № 102). Любопытно, что эта песня, которую в 1969 году поместили в «особое хранение», за

³¹⁸ Эта единица хранения прежде была в РО ИРЛИ Р. V. Колл. 1. П. 34. № 1 (1940–1960). Анекдоты, записанные Цитваровым, хранятся в папке ОХ. Анекдоты были записаны в 1964 году в Ленинграде.

³¹⁹ Леонид Владимирович Домановский (1920–1968) был сотрудником Пушкинского Дома с 1953 по 1968 год. В круг его научных интересов входили история фольклора, советский фольклор, текстология фольклора, исторические песни. См. о нем: ПД 2005:493; Домановский 1968.

³²⁰ Автор воспоминаний Алексей Кузьмич Югов (1902–1979), писатель. В конце 1920-х годов работал врачом в сибирском селе Колывань.

³²¹ Ожидание Михаила Александровича провоцирует возрождение легенд о «царе-избавителе». Актуализация этого сюжета в советское время рассматривается в работе А. С. Архиповой: (Архипова 2010).

³²² В частности, вполне «фольклорный» лозунг «Долой коммуны с кониной, да здравствует царь со свининой».

два года до этого была опубликована в сборнике «Русский советский фольклор», подготовленном Л. В. Домановским (РСФ 1967: 67). Можно предположить, что здесь сыграло роль изменение политической атмосферы в стране после оккупации Чехословакии в 1968 году.

В № 27 содержатся выписки Л. В. Домановского из неустановленного сборника частушек. В конспекте указываются страницы и заголовки разделов: «Женский вопрос», «Дезертиры», «Февральская революция», «Октябрьская революция», «Кулацкая деревня», «Трудовая деревня», «Партия и направления». Можно предположить, что сборник был издан в 1920-е годы, судя по упоминанию Л. Д. Троцкого. Среди текстов, выписанных Л. В. Домановским из сборника, встречаются явно авторские сочинения, просоветские тексты и распространенные антисоветские³²³.

«Мещанские», блатные и авторские песни также представлены в виде изъятий из коллекции Л. В. Домановского. Это, например, «Там в саду при долине громко пел соловей», «Сынок Вася зародился в 902 году», «Я сын рабочего подпольного партийца», песни из репертуара В. Высоцкого («Где твои семнадцать лет» и др.). Л. В. Домановский интересовался современной / бардовской песней: в антологию «Русский советский фольклор» он включил туристские песни «Баксанская», «Глобус», «Я смотрю на костер угасающий» и студенческую «Факультет» (РСФ 1967).

От одного информанта Л. В. Домановский записал довольно много разножанровых текстов антисоветского фольклора. Это жительница Бокситогорска О. Н. Минаева, 1905 г.р. В 1940-х годах Л. В. Домановский записывал от нее свадебные, хороводные, посиделочные, плясовые, шуточные, солдатские, тюремные песни, а также песни литературного происхождения (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 111. П. 5). Записи антисоветского фольклора производились от нее в 1963 году в Ленинграде. Интересны комментарии во время исполнения, которые зафиксировал Л. В. Домановский. О. Н. Минаева указывала на источники тех или иных текстов – политический заключенный, дядя, бывший белый офицер, «в Орловской области слышала, проклинали Берия» и др. Она рассказывала, что «сама сложила» некоторые частушки:

Сталин едет на свинье,
Берия на собаке,
Берий Сталину сказал:
Мы с тобой свояки.

Зачин этой частушки очень популярен. О. Н. Минаевой, видимо, принадлежит лишь концовка текста. По ее комментариям можно представить, как происходил обмен политическими репликами среди крестьян. От нее записаны частушки, певшиеся как «кулаками», так и «бедняками»:

А, советская власть,
Чем ты не довольна?
По амбарам, сундукам
Ходишь добровольно?

Кулаки складывали, пели это со сцены. Попов зять пел.

Коммунисты лодыри

³²³ Из мало распространенных текстов приведу несколько: «Дезертиры в ряды стройся. / Красной армии не бойся. / Заряжайте пистолеты, / Разбивать пойдем советы»; «Моего дружка убили / В Ярославском бою. / За идею монархизма / Сложил голову свою»; «Девки, хлопайте в ладоши: / Троцкий коронуется. / Красну армию распустят, / Все горе минуется».

Всю Россию продали.
Нет ни бога, ни царя
И похлебка не соля.

Он же пел.

Беднота пела:

Как у наших у ворот,
У нашей калитки,
Повесился буржуй
На суровой нитке.

По-видимому, О. Н. Минаева не была настроена ни просоветски, ни антисоветски. Она сообщала Л. В. Домановскому услышанные ею тексты, указывая на источники и ситуации исполнения. Подобное отношение к фольклорным текстам политического содержания вряд ли стоит считать единичным. Об исполнительнице антисоветского фольклора, всецело поддерживавшей «советскую власть», писал С. Н. Азбелев (Азбелев 1998; Азбелев 1999).

В архиве Пушкинского Дома фольклорные материалы изымались для «особого хранения» преимущественно по содержательному принципу. Персональные критерии в данном случае не использовались. Не имело значения, кем были записаны тексты или от кого. Важным было употребление имен «вождей» в антисоветском контексте, упоминание советских лидеров, подвергнутых опале и репрессиям (Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. П. Берия и др.), критика советской действительности, жестокие сцены из истории Великой Отечественной войны. В фольклорный спецхран попадали тексты, созданные на территории, занятой белогвардейцами, тексты, содержавшие критику продразверстки, описывавшие дезертирство, голод, концлагеря. В целом тематические группы, выделенные А. Блюмом для «содержательного» критерия запрещения печатной продукции, подходят и для фольклорных текстов 193-й коллекции фольклорного хранилища.

Обычной практикой архивистов в 1990-е годы было возвращение «репрессированных» материалов в основной фонд и в те коллекции, из которых дела были изъяты. На вопрос о спецхране в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, мне ответили, что, как и во всех архивах, до 1991 года в РГБ был спецхран, но затем он был расформирован, а единицы хранения возвращены в исходные коллекции.

Узнать, что было изъято и впоследствии возвращено, можно по описям – отсутствовавшие прежде единицы хранения впечатывались или вписывались.

В фольклорном архиве ИРЛИ мною были просмотрены описи нескольких коллекций. Так, в коллекции 1, в папке 5 находились записи узбекского фольклора (собрание Х. Зарифова). Имеются пометки, согласно которым собрание находилось в папке «особое хранение», но затем некоторые тексты были уничтожены. Исходя из содержания первой части собрания Зарифова, можно предположить, что были уничтожены фрагменты поэмы Ергаш Джумал Бульбуди Оглы из Нур-Атинского района о юности Ленина («Товарищ Ленин»). Пометка «О.Х.» имеется на единице хранения «Песни тюремные» в архиве В. С. Бахтина (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 166. П. 1. № 6). Эти песни были записаны в 1955–1956 годах в одной из ленинградских тюрем.

В настоящей публикации представлен политический фольклор из «особого хранения» фольклорного фонда. Материалы в публикации расположены так, как они находились в папке «особое хранение». Часто единицы хранения в коллекции имели только указание на

номер коллекции основного фонда, из которой материалы были перемещены в «спецхран». Для выяснения места записи, датировки материалов и возможной паспортизации текста нам приходилось обращаться к коллекциям основного фонда, из которых проводилось изъятие. В коллекции объединены крестьянский и городской политический фольклор. В публикации представлены политические частушки, анекдоты, относящиеся ко времени Н. С. Хрущева и записанные Л. В. Домановским в Ленинграде, сатирические и политические поэмы 1950–1960-х годов.

Тексты блатного и эротического содержания, вспоминая о Великой Отечественной войне, а также выписки Л. В. Домановского из печатных источников не вошли в настоящую публикацию.

Тексты публикуются по автографам, полевой или переписанной записи, машинописи. В текстах были исправлены грубые орфографические ошибки и расставлены отсутствующие знаки препинания. Если текст отражал диалектные особенности, то исправления не вносились. Случаи перестановок, переносов, выделения цветом и прочие пометы прокомментированы.

Политическая частушка

Политическая частушка привлекала внимание фольклористов Советской России еще в 1920-е годы и была одним из «признанных» официальной наукой жанров политического фольклора. В эти годы политические частушки публиковались в сборниках пропагандистского характера (Жаров 1923; Жаров 1925; Князев 1925), песенниках и сборниках, посвященных современному фольклору (Огурцов 1922; Князев 1924).

Василий Князев, включая в небольшой сборник политические частушки, оговаривает во введении: «Само собой разумеется, что в книжке для широкой читательской аудитории некоторым явлениям быта первичных дней революции нет, и не может быть места. Например, контрреволюционной, в том или ином преломлении, проповеди, человеконенавистнической, на почве национализма, травле народностей (латыши, китайцы, евреи) и прочая» (Князев 1924: 3). Ю. М. Соколов в статье «О чем поет и рассказывает деревня», цитируя антисоветские частушки, избегает текстов, в которых упоминаются имена вождей (Соколов 1924). Так что в довольно либеральные 1920-е годы при публикации или цитировании антисоветских частушек возникала тенденция к самоцензуре. Так, статья Д. К. Зеленина о политической частушке с подборкой текстов вышла в немецком издании, на русский она была переведена только в 1990-е годы (Zelenin 1925; Зеленин 1999). К 1990-м годам относятся несколько небольших научных публикаций антисоветских частушек – В. С. Бахтина (Бахтин 1994), С. Н. Азбелева (Азбелев 1994; Азбелев 1998; Азбелев 1999) и др.

А. Блюм в небольшой статье, посвященной сборникам частушек из спецхранов библиотек, цитирует любопытный документ из Центрального государственного архива историко-политических документов в Санкт-Петербурге о цензурных купюрах: «Из книги А. Веселого, «Частушка колхозных деревень» (Веселый 1936) изъяты идеологически чуждые и политически чуждые невыдержанные частушки:

Нам не надо шить карманы,
Нынче нечего в них класть.
Нам не нужно старо право,
Нам нужна советска власть.

Изъят целый раздел «Уходящая деревня». Здесь были собраны кулацкие, хулиганские и воровские частушки, включение которых в сборник политически недопустимо. Например:

В ДОПрЕ годик посидел,
Показалось хорошо.
Пойду хлопну активиста –
Не посадят ли еще»» (Блюм 2003а: 42–43)³²⁴.

В спецхранах библиотек оказались сборники частушек, составленные А. Жаровым (Жаров 1923), В. И. Симаковым (Симаков 1927)³²⁵, И. Лукашиным (Лукашин 1926), Р. Акульшиным (Акульшин 1928), – авторами, чьи имена вошли в главлитовский «Список лиц, все произведения которых подлежат изъятию». «Современные частушки, 1917–1922» В. В. Кня-

³²⁴ Ссылка на архив по публикации А. Блюма: Центральный государственный архив историко-политических документов в Санкт-Петербурге. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 1623. Л. 58.

³²⁵ Это исследование, в котором цитируются кулацкие частушки. В. И. Симаков еще во время Первой мировой войны публиковал сборники частушек на актуальные политические темы: о войне, немцах, Вильгельме, австрийцах и др. (Симаков 1915а; Симаков 1915б).

зева, как указывает А. Блюм, «упомянуты в приказе Главлита «Об изъятии книг из библиотек» от 31.12.1947 года с таким примечанием: «Во многих частушках положительно упоминается Троцкий»» (Блюм 2003а: 42).

Наиболее крупной публикацией политических частушек является издание, подготовленное А. В. Кулагиной, – «Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова» (ЗЧ 1999). Оно охватывает весь период советской истории. Недостатком издания можно назвать поздний характер фиксации текстов – все они были записаны в военное или послевоенное время, отсутствие научных комментариев к текстам и указания на место записи и степени распространения. Вызывает вопросы и способ собирания текстов А. Д. Волковым: большинство из них было куплено им на рынке за деньги, что повышает процент авторских частушек.

Определенная часть политических частушек сохранилась в архивных собраниях. Существование частных коллекций политического фольклора отмечал В. В. Стратен (Стратен 1927: 147), называя имена Д. К. Зеленина³²⁶ и Ю. М. Соколова. В фольклорном архиве Пушкинского Дома политические частушки, находящиеся в «особом хранении», были перемещены из разных коллекций: это коллекция № 66 («Собрание М. И. Романова. Частушки и песни (Северный край)», 1926); коллекция № 209 («Записи русского фольклора на территории Латвийской ССР. Копии материалов отдела фольклора АН СССР», 1911–1948); фонд № 115 (сатирика и критика А. А. Измайлова, до 1921); записи частушек, сделанные Л. В. Домановским (коллекции № 111, 99).

К 1918–1919 годам можно отнести записи сатирика А. А. Измайлова. Он записал частушки в окрестностях Петрограда. В 1926 году записаны частушки И. С. Фридрихом в Ругайской волости Яунлатгальского (Абренского) уезда (район современного г. Пыталово Псковской области). К 1929–1936 годам относятся материалы, записанные в Дмитровском сельсовете Черевковского района Северного края (ныне Устьянский район Архангельской области) учениками местного краеведа Михаила Ивановича Романова (1886–1956)³²⁷. В письме 1936 года к А. М. Астаховой он говорит: «Записи их <учеников> считаю вполне доброкачественными» (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 66. № 101. Л. 19 об.).

Фольклорная секция Академии наук, а затем – Отдел фольклора ориентировались на исследование традиционного крестьянского народно-поэтического творчества. Записи городского фольклора в собрании архива Пушкинского Дома редки и случайны. Поэтому частушка, записанная преимущественно у крестьянского населения, – преобладающий жанр политического фольклора в «особом хранении».

Ю. М. Соколов отмечал «исторический интерес» частушек «на темы старой экономической политики, соединенной с системой разверстки и реквизиции (о Ленине и Троцком, о комиссарах и пр.):

Сидит милый на телеге,
Свесив ноги до колес.
Ты куда, товарищ, едешь?
Реквизировать овес.

³²⁶ Санкт-Петербургское отделение архива Российской академии наук. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 562 «Политическая частушка. Ч. 1–2». Небольшую подборку частушек из этой коллекции подготовила к публикации Т. Г. Иванова (Иванова 1994).

³²⁷ Краевед, вел собирательскую деятельность на территории Архангельской области (по р. Устье, в Вельском районе и пр.). Его материалы хранятся в РО ИМЛИ, РО ИРЛИ и в краеведческом музее Вельска. Он является автором книги «Уходящие тени. Пережитки древних эпох в фольклоре и обрядности северной деревни». См. о нем: Щипин 2007: 42.

(Моск. губ., 1923 г.)). При этом он добавлял, что «певшие подобные частушки... говорили: «Боишься говорить вам; верно, вы коммунисты. Девчонки страшат, что нам попадет. Зачем имена наши пишете?»» (Соколов 1924: 305)³²⁸.

Начиная с 1930-х годов, исполнение антисоветских частушек расценивалось карательными органами как антисоветская и контрреволюционная деятельность, подобные факты фиксировались в доносах и сводках НКВД. Обратившись к документам, можно понять, в какой ситуации могли исполняться политические частушки:

1931: «Под влиянием разлагающей агитации а/с учительства ученики пишут и распространяют среди остальной части учеников а/с частушки, распевают их и вывешивают на стенах» (СД 2003: 642).

1934: «Колхоз им. Ворошилова Шкловского района совершенно не готовится к севу. Председатель колхоза Алданов, председатель ревизионной комиссии Корнейчиков и счетовод Михалюто совместно с кулаками Рубановым, Михейчиковым и другими пьянствуют и разбазаривают колхозное имущество. 17 и 19 декабря указанные лица устроили пьянки, израсходовав на это дело около 80 пуд<ов> колхозного хлеба. Во время пьянки распевали религиозные песни и антисоветские частушки. Возглавлял эту пьянку счетовод колхоза Михалюто» (ТСД 2002: 51).

1936: «Юрьевецкий район. В колхозе «Красный льновод» ликвидирована группа анти-советски настроенной молодежи. Арестованы Балахонов А. В., Отроков Е. М. и Аникин А. В.

Одной из форм контрреволюционной деятельности этой группы было распевание среди колхозников контрреволюционных частушек, дискредитирующих вождей партии и правительства. Следствием установлено, что такого рода контрреволюционные частушки Балахонов, Отроков и Аникин распевали в колхозе во время работы на льнопункте, а также и в бараках среди лесорубов» (ТСД 2002: 898).

1953: «Анисина М. Г. (1937 г. р., русская образование 7 классов, колхозница, Малинский район Московской области) в 1952 – начале 1953 направила в редакции местных газет «Вперед» и «Московская правда» десять анонимных писем с частушками про руководителей партии и правительства, про колхозную жизнь. Также пела эти частушки среди односельчан» (58.10. 1999: 29). «Максимович А. П. (1913 г. р., русский, образование низшее, колхозник, Печорский район Псковской области) в январе 1952 года на новогоднем вечере в школе спел антисоветскую частушку» (Там же, 84). «Акимов М. Е. (1904 г. р., русский, прежде судим, образование 2 класса, без определенных занятий, Орловская область) 29 мая 1953 года на вокзале станции Орел хулиганил, нецензурно ругался и пел частушку: «Коммунисты просят масло, комсомольцы молока, а им С. отвечает <...> сломался у быка». В приговоре отмечалось, что частушка, которую распевал Акимов по своему содержанию носит антисоветский характер, т. к. в ней с исключительным цинизмом высмеиваются, комсомол, партия и вождь» (Там же, 171).

1958: «Рыбкин В. В. (1929 г. р., слесарь, г. Брянск) в 1958 году среди рабочих критиковал советскую действительность, ругал коммунистов, пел антисоветские частушки» (Там же, 493).

В 1963 году в приговорах по статье 58.10 «Антисоветская агитация и пропаганда» фиксируется исполнение политических частушек в лагере (58.10. 1999). Во всех перечисленных случаях исполнение антисоветских частушек было публичным, будь то школа, вокзал или редакция газеты. А. С. Архипова и С. Ю. Неклюдов приводят статистические данные по Татарской АССР о наказаниях за исполнение антисоветского фольклора и на их основе приходят к выводам, что «(1) в первой половине 1930-х годов внимание уделялось скорее

³²⁸ Те же мысли о восприятии фольклориста как представителя власти, чиновника или «антихриста» братья Соколовы высказывали в методичке по сбору фольклора «Поэзия деревни» (Соколовы 1926).

частушкам, а во второй половине – и анекдотам, и частушкам; (2) количество дел за анекдоты и частушки после 1935 года увеличивается, а приговоры становятся все более суровыми» (Архипова, Неклюдов 2010: 93) – от двух лет заключения до высшей меры наказания.

Д. К. Зеленин отмечает следующие особенности политической частушки: она выделяется по принципу темы и содержания, может быть легко датирована, отражает важные и всем известные события. Формально к «политическим» относятся частушки «Яблочко» и «Я на бочке сижу» (Зеленин 1999: 468). Внимание ученых привлекал генезис политической частушки: городское или деревенское происхождение, соотношение со старой бытовой частушкой, плясовой песней и т. п. (Стратен 1927). Украинская исследовательница О. В. Олексієва в статье «Коротенькі пісні («частушки») років 1917–1925» отмечает, что на Украине частушки исполняются на украинско-русском жаргоне и, следовательно, можно предполагать их российское происхождение (Олексієва 1925).

А. М. Смирнов-Кутаческий в статье «Происхождение частушки» пишет: «Бюхер в обстоятельном исследовании «Работа и ритм» доказывает, что народная песня произошла из рабочего ритма. <...> Ритмичный стук при работе формировал психическую энергию и, вызывая эмоции, воплощенные в песне, облегчал однообразие работы, да и самую работу. <...> Частушка по своему музыкальному складу вся насыщена фабричным ритмом. Ее четко выраженный размер – хорей или ямб, без безголосого пиррихия – как нельзя больше соответствует четкому ритму фабричного станка:

При царе, при Николашке, ели, пряники, барашки...
Та-та, та-та, та-та, та-та, та-та, та-та...» (Смирнов-Кутаческий 1925: 43).

Исследователь не досказал частушку, под чей фабричный ритм рабочий производит прибавочную стоимость. В одном из вариантов она звучит так:

При царе при Николашке
Ели белые олашки.
А совет да исполком,
Все мякины истолкем.

Размышления А. М. Смирнова-Кутаческого о зависимости частушки от фабричного ритма цитировали и Ю. М. Соколов, и В. В. Стратен и пр., не оговаривая другой гипотезы, высказанной в его работе: «Частушка – показатель социального кризиса», и если «фабрика дала ритм частушке», то «социальный кризис наполнил ее содержанием» (Смирнов-Кутаческий 1925: 55), достаточно оппозиционным к большевистской власти.

А. В. Кулагина считает, что «политические частушки – новая форма песенок-хроник», результат индивидуального творчества очевидца событий, лишенный поэтических достоинств (Кулагина 1999: 6). По ее мнению, частушка «остается в личном репертуаре автора, не становясь объектом дальнейшей изустной передачи» (Кулагина 1999: 7). С. Б. Адоньева также считает, что в частушке (в рассмотренном исследовательницей случае – бытовой) «сообщают новость». Вместе с тем С. Б. Адоньева отмечает, что «новостью является не сам текст, но акт приписывания некоего текста некоему конкретному факту. Или, точнее, сотворение некоего социального факта – новости (события) – посредством верификации определенного текста» (Адоньева 2004: 158). Это утверждение подходит и к политическим частушкам. Так, 23 апреля 1953 года были осуждены «Батаков А. В. (1928 г.р. русский, образование низшее, заключенный, РСФСР), Гнелицкий Н. А. (1932 г.р., русский, образование низшее, заключенный), Кобаков Л. Н. (1931 г.р., русский, образование низшее, заключенный)», кото-

рые «6 января 1953 года в изоляторе пели частушку: «Когда Ленин умирал Сталину приказывал: рабочим хлеба не давать, мяса не показывать». 12 марта 1953 года: «Когда Сталин умер, то супу не дали, когда Маленков умрет, то хлеба не дадут»» (58.10 1999: 78). Этот пример демонстрирует, как происходит актуализация текста частушки во время смерти политического лидера.

Публикация антисоветских частушек в 1920-е годы была вызвана желанием показать «настроения» населения. Исследователи и публикаторы политических частушек часто прибегали к «вульгарно-социологическому» методу, приписывая происхождение и исполнение текстов определенным социальным слоям (бедняки, кулаки, середняки и пр.). В своем учебнике «Русский фольклор» Ю. М. Соколов писал: «Собирание и изучение частушек в наше время <...> является актуально необходимой задачей, так как проливает свет на всю реальную картину классовой борьбы» (Соколов 1932: 30)³²⁹. Для 1920-х годов допустимо положение, что крестьяне, будучи инертной массой, в первые годы революции не принимали советскую власть и сначала пели антисоветские частушки, а потом переключились на советские. Эта осторожная позиция отражена в сборниках материалов студенческих этнографических экскурсий под руководством В. Г. Богораза-Тана. Так, в статье Н. Морева читаем:

События, следовавшие за Октябрьской революцией, сначала вызвали как бы недоумение со стороны крестьян<...> Тяжесть разверстки, трудного и гражданской войны вызвали в них недовольство. Им некому было растолковать, что эти явления эпизодические, что, только перешагнув через них, мы можем приступить к мирному строительству. Не удивительно, что старуха-мать, у которой один сын был убит в империалистическую войну, а второй пропал без вести в гражданскую, сообщила мне частушку.

Комиссары черти,
Нет на вас и смерти.
Вы бы околели,
Мы бы не жалели.

Но за последние годы, когда экономические условия улучшились, когда появились заработки <...>, мысль крестьянина направилась в другую сторону (Морев 1924: 118).

Исполнение политических частушек в городе, по мнению В. В. Стратена, не могло быть социально дифференцированным:

Поток контрреволюционных, злобных частушек исходил из трудно определимой мещанской, обывательской массы – может быть, от ремесленников, торговцев, мелких спекулянтов, особенно от мешочников, разъезжавших между городом и деревней. Творчество различных социальных группировок, вливаясь в улицу, подхватывалось уличными детьми и подростками, которые, будучи очень экспансивны и восприимчивы по натуре, переваривали в своем репертуаре решительно все – и воровскую песню, и театральные куплеты, и революционную частушку, и контрреволюционную. Так, какой-нибудь чистильщик сапог мог с одинаковым чувством петь сначала:

³²⁹ В этой книге и в более поздних выступлениях вслед за разговором о кулацких частушках Ю. М. Соколов призывает к «преодолению стихийности» в народном творчестве: «Я глубоко убежден, что фольклор пролетарский и крестьянский скоро привлечет более пристальное внимание советской и партийной общественности, чем это было до сих пор» (Соколов 1932: 32).

Ой, яблочко
Покатилось.
А советская власть
Провалилась, –

А потом:

Ой, яблочко
Покатилось,
А советская власть
Утвердилась.

Вследствие этого нельзя установить конкретного социального источника той или другой частушки (Стратен 1927: 157).

Евгений Недзельский, описывая фольклор Гражданской войны, связывает происхождение наиболее популярного типа политической частушки «Яблочко» с эстрадой:

Впервые юг России запел «яблочко» в эпоху занятия Украины немцами. С одной стороны – впервые разрешалось клеймить большевиков, с другой – жертвой сатиры стали сами оккупанты, когда с подмостков неисчислимых в тот год открытых сцен, кабаре и «Тиволи» покатилось антинемецкое «яблочко»:

Украина моя,
Плодородная,
Немцу хлеб отдала –
Сама голодная...

Отсюда же впервые было спето и длинное (16 куплетов) «яблочко», которое впоследствии распалось на отдельные четверостишия и зажило в массах. <...> Так с возвышения кабаре «покатилось» «яблочко» и с этой поры его можно было слышать всюду (Недзельский 2007: 2).

В. В. Стратен более обобщенно говорит об этом же источнике политических частушек: «Сильное влияние оказали на городскую частушку различного рода «халтурные» театральные куплеты, в изобилии исполнявшиеся в многочисленных театрах миниатюр, в цирках и на так называемых эстрадах всякого рода. Эти куплеты обычно кропались самими исполнителями и являлись такими же злободневными однодневками, как и частушки» (Стратен 1927: 158). Подобные куплеты исполняли и уличные певцы Ленинграда, чей репертуар записывала А. М. Астахова в начале 1930-х годов; в 1932 году она подготовила сборник «Песни уличных певцов», который так и не увидел свет (Лурье 2011).

Частушки создавались и исполнялись так называемыми наборами (№ 6, № 31). Некоторые из этих наборов составил Нико (Николай Александрович) Шувалов, автор многих уличных песен. В полевом дневнике А. М. Астахова отмечает, что у Нико Шувалова уже вышли 33 частушки: «Сочиняет быстро. Тут же при мне – отвернувшись на минутку – сочинил 2 частушки – 1). На недостатку керосину 2) На высокие крестьянские цены» (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25. П. 8. № 2. Л. 21). В наборы входили популярные частушки, эстрадные, ленинградские и частушки собственного сочинения. При исполнении состав предложенной

Н. Шуваловым подборки менялся незначительно, но порядок частушек мог свободно варьироваться.

За исполнение частушек антисоветского содержания уличные певцы могли подвергаться преследованию. Александра Николаевича Соколова арестовали в 1929 году на Кузнечном рынке за пение частушек «Жизнь крестьянина» и присудили два месяца принудительных работ. В конспекте интервью с исполнителем А. М. Астаховой пишет: «Относит^{ельно} антисоветских частушек «Жизнь крестьянина»: раза 2 заплатил по 3 р. Так стал делать так: сперва соберу денег, рублей 5, потом пою. Ну а тут раз на комсомольца налетел. Он поднял дело, вот и присудили» (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25. П. 8. № 2. Л. 6).

Набор, написанный Нико Шуваловым и обычно называемый «Наоборот», был обязательным номером выступлений почти всех уличных певцов и имел большой успех. Листочки с текстом продавались нарасхват. А. М. Астахова купила такой листочек у Семёна Раздольского (Сеньки) 19 сентября 1931 года на барахолке, другой был получен от Павлуши-чечетника 6 октября 1931 года (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25. П. 8. № 3. Л. 1; Л. 250).

В подборках «Наоборот», собранных А. М. Астаховой, можно отметить варьирование текста:

Павлуша-чечетник Получ. А. М. Астаховой 6 октября 1931 г.

Раньше вывески писали:
Каждый взглянет и поймет.
Раньше слов не сокращали,
А теперь наоборот.
Церка, гука, гука сила,
Центроспирт и губ сало.
Без привычки трудно было,
А привыкли – нечего.

Владимир Акимович, 20 лет.

Получ. А. М. Астаховой
15 III–1931 г.

Раньше вывески писали:
Каждый взглянет и прочтет.
Раньше слов не сокращали,
А теперь наоборот.
Мосраспред, Гострах, Рабсила,
Пенькотрест и Губоно.
Без привычки трудно было,
А привыкли – хоть бы что.

Те же куплеты «наоборот», исполняемые уличными певцами, встречаются и в частушках, помещенных в спецхран фольклорного фонда Пушкинского Дома. Так, Л. В. Домановский в июле 1937 года записал в д. Доманово такие частушки:

Умирал кулак и нищий:
Был покойнику почет.
Его клали на кладбище,
А теперь наоборот.
Вместо склепа и могилы

В печке жарили его.
С непривычки было трудно,
А теперь привыкли ничего.

Спустя шесть лет после того, как А. М. Астахова записала куплеты на рынке в Ленинграде, эти же самые тексты появляются в деревенском репертуаре. Но часто стройная двухчастная структура первоначального текста нарушается, и его половинки исполняются как самостоятельные частушки:

Раньше вывески писали:
Кто не взглянет, всяк поймет.
Раньше слов не сокращали,
А теперь наоборот.

Раньше трактора не знал,
Лошадей гоняли в поле.
На одной сохе пахал,
А теперь наоборот.

В некоторых случаях от первоначальной формы остается обрывок последней строки – «А» и «наоборот»:

В Олешкинском колхозе
Там есть всякий же народ.
Люди в колхозе живут плачут,
А в Олёшине наоборот.

Говорят и все буржуи:
«Не дает земля приплод».
А в колхозе тут же рядом
Урожай наоборот.

Сталин с Берием заседали
Всю неделю напролет,
Проекты разные писали,
А вышло все наоборот.

Противопоставление «было» и «стало», «раньше» и «сейчас» универсально для советских текстов. В частушках «Наоборот» эта оппозиция может реализовываться как со знаком плюс по отношению к современности, так и со знаком минус, таким образом, тексты становятся просоветскими или антисоветскими.

Таким образом, одним из источников политических частушек является уличная эстрада. Куплеты «Наоборот», созданные Нико Шуваловым и распространенные среди певцов на рынках Ленинграда, проникли в деревню. Форма «Наоборот» была принята для создания новых текстов.

Другими источниками политической частушки были пропагандистские тексты, деревенская самодеятельность и стенная газета. Ю. М. Соколов указывал на роль антирелигиозной пропаганды в создании частушек: «Влияние антирелигиозной агитационной литера-

туры так велико, что сразу трудно разобраться, какие частушки созданы самостоятельно, какие представляют перепев агитационного листка или брошюры» (Соколов 1924: 301)³³⁰.

В статье «Стенная газета в деревне» А. Бежкович приводит примеры «самогонных» и антиклерикальных частушек:

Не щадит газета и тех, которые варят самогон, будь то отдельная личность или целая деревня. В том же номере помещены самогонные частушки: один куплет воспекает деревню Куряши, устроившую в подполье гонку самогона, а другой изобличает гражданина Косинова, продающего из окна самогон:

Почему у Кудряшей
Из подполья дым идет?
Потому, что под полом
Винокуренный завод.

К Косинову пьяница
Подойдет и ахнет.
Там из каждого окна
Самогонкой пахнет.

Под заголовком «Мракобесов кормят» мы читаем: «6-го апреля в церкви Николы было собрание прихожан. На собрании постановили собрать всем приходом жалование на причт, при чем попу А. Жданову предназначено 138 пудов, дьякону 92 пуда, да псаломщику 69 пудов, итого 299 пудов». А ниже автор статьи угрожающе поучает – «Граждане Никольского прихода! Не пора ли за ум взяться и чем платить за одурачивание себя такую сумму, не лучше ли было оборудовать хорошенько вашу школу! Подумайте!» А.К.

Этот же самый эпизод деревенской жизни отмечен частушкой, которая помещена в другом номере газеты – переливаясь, она поет:

У Никольской то у церкви
Духовенство ожило,
На мужицкий горб себя
Кормить возложило

Не щадит частушка и главных поклонниц и содержательниц церкви – старух, а заодно и девушек.

Бабоньки и девушки,
Зря вы в церковь ходите,
Все равно, когда умрете,
В рай то не угодите

(Бежкович 1925: 37–38).

³³⁰ Ю. М. Соколов в этой же статье указывает на распространенность в деревне антирелигиозных частушек, написанных Демьяном Бедным. Ученик В. Г. Богораза-Тана А. Бежкович также рассуждает об эффективности антирелигиозной кампании: «Какой успех имеет эта антирелигиозная пропаганда литературного характера? Я наблюдал на Кубани, что письменное обличение действует сильнее, чем живое слово. Журнал «Безбожник», случайно попавший в руки малограмотного читателя, вызывает больше вопросов, чем диспут, на который смотрят как на перебранку. Беседуя на антирелигиозные темы с крестьянами, я довольно часто слышал ссылки того или иного собеседника на «Безбожник»» (Бежкович 1925: 38).

В выборке частушек из коллекции Л. В. Домановского есть указания на стенгазету как источник текста. Кроме того, все тексты, где говорится о конкретных колхозах, на мой взгляд, имеют такое же происхождение. Как отмечал тот же Ю. М. Соколов, «вообще – замечательное явление: за последние годы чрезвычайно выросла количественно, так сказать, местная сатира, сатира на своих односельчан, на соседние деревни» (Соколов 1924: 307). Это та «критика» и «самокритика», которая допускалась в местной периодике, стенгазете и на сцене клуба. Эти тексты не являются по большому счету антисоветскими:

В Домановск<ом> колхозе
Закупали жеребца.
Едут колхозники на ярмарку,
Запряжена овца.

В чьем-нить колхозе
Молотилки новые.
Воробьи, галки, вороны
Молотить здоровые.

Создатели таких частушек не предполагали их антисоветской интерпретации. Она возникла из-за двойственности смыслов и значений, которые можно распространить с отдельного критикуемого явления на СССР. Наталья Скрадоль, анализируя частушки сталинского времени как просоветские тексты, отмечает, что в силу вовлеченности частушки в сферу «смешного» «многие тексты можно прочесть и как политически корректные, и как антисоветские» (Скрадоль 2011: 162).

Иногда политическая частушка может пародировать советские тексты. Так, например, радость от премии в колхозе с правильной позиции должна выражаться таким образом:

Я пою, а ноги пляшут,
Будто мне семнадцать лет.
Дали премию в колхозе, –
Дорогой велосипед.

(РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 66. № 89. Семья, хозяйство, колхоз. Л. 35)

Обманутые ожидания и пустые обещания колхозных властей выражаются так:

Ах, меня премировали:
Радовалась день-деньской.
Ах, мне три горшка дали:
Детской, дамской и мужской.

В этом случае советские частушки являются прецедентными текстами для антисоветских (Богданов 2001). На мой взгляд, при изучении генезиса частушек удобнее говорить о «прецедентных текстах», а не «переделках» или «пародировании». Целые циклы частушек могут быть основаны на этом приеме. Для эпохи Л. И. Брежнева – это цикл с повторяющимися строками «Это личная заслуга Леонида Ильича»:

Хороша моя подруга
и в постели горяча –
в этом личная заслуга

Леонида Ильича.

На краю большого луга хомячок е-т грача –
эпохальная заслуга всё того же Ильича³³¹.

В частушках, записанных после Великой Отечественной войны, взамен советских политических лидеров может фигурировать Гитлер. Так, в материалах особого хранения присутствует текст популярной частушки:

Ленин с Троцким просят масло,
А Зиновьев молока.
А мужики им отвечают:
«Отвалился хер с быка».

В записях 1990–2000-х годов:

Плакал Гитлер у забора,
просил крынку молока,
А доярка отвечала:
подою тебе быка!³³²

А. В. Кулагина отмечала подобное явление: «Во время Великой Отечественной войны возникло множество частушек, в том числе были возрождены и актуализированы частушки, связанные с Первой мировой и гражданской войнами» (Кулагина 1999: 7–8).

Принято думать, что частушки – крестьянский жанр или, во всяком случае, он маркирует низкий образовательный уровень исполнителя. Я не утверждаю, что это всегда так, однако стоит иметь в виду научный стереотип, позволяющий противопоставить «деревенскую» частушку и «городской» анекдот. В случае с политической частушкой исследователи, в частности А. В. Кулагина, нередко рассуждают об «индивидуальности» текста и его авторском характере. О том, насколько широко были распространены некоторые тексты и циклы в Советском Союзе, можно судить из комментариев к частушкам в настоящей публикации, что, на мой взгляд, снимает проблему «не фольклорного» характера политической частушки, обсуждаемую А. В. Кулагиной.

Я попыталась указать на основные источники советской политической частушки. Эстрада была одним из способов формирования моделей для частушек. Об этом свидетельствует, например, история проникновения куплетов «Наоборот» в крестьянский репертуар. Можно предположить, что культура эстрадной сатиры повлияла и на политическую частушку позднего советского времени.

³³¹ См. блог в Живом журнале: <http://soviet-life.livejournal.com/348448.html>

³³² Архив Кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ. 98–08–43–1. Новгородская обл., Мошенской р-н, Ореховское СП, д. Ягайлово. Зап. К. Маслинский, И. Назарова, М. Мальгина от Хреновой Антонины Егоровны, 1927 г. р.; Смирновой Александры Фёдоровны, 1935 г. р.

Анекдоты

Анекдоты, представленные в публикации записями Л. В. Домановского, относятся к хрущевскому времени. По мнению Д. М. Штурман, «анекдоты о Хрущеве в изобилии возникли тогда, когда после хрущевского обещания – за короткое время обеспечить изобилие продуктов питания и потребительских товаров, в стране резко ухудшилось положение с довольствием» (СС 87: 234). Достоинством этих записей является точная датировка. В коллекции № 193 это № 12 – два текста, и № 14–15 текстов. Ранее анекдоты находились в коллекции № 111, папка 10 А, № 51. № 21 – анекдот про деда, вступившего в партию, записанный от ребенка. Кроме того здесь присутствуют две «Сказки, порочащие советскую действительность» (№ 24), озаглавленные так архивистом, и пять анекдотов, записанных от О. Н. Минаевой (№ 26). Есть также один не атрибутированный анекдот с пуантом «шпион не спит». Всего в «особом хранении» 26 анекдотов.

«Сказки, порочащие советскую действительность», – это антисемитский анекдот на сюжет пушкинской сказки о рыбаке и рыбке (ATU/CYC 555) и сказка «Правда и Кривда» (ATU/CYC 613). В 1930-е годы осуществлялись попытки создать просоветские сказки о вождях и героях – Ленине, Чапаеве и др.³³³ Именно в контексте сконструированного советского фольклора и могла возникнуть номинация архивиста для текстов из спецхрана – «сказки, порочащие советскую действительность». Они были рассказаны О. Н. Минаевой. От нее же записан анекдот о Сталине на том свете, соседствующий с пересказом «Плача по Ленину», вызванным в памяти одним и тем же сюжетом о «смерти вождя».

Часть анекдотов, возможно, была записана Л. В. Домановским от Р. Г. Бунякова³³⁴, так как в коллекции № 111, папке 10 хранятся рассказанные им анекдоты про евреев. Анекдоты датированы 1962 годом, аналогичная датировка и в записях из «особого хранения»:

Сколько?

Один еврей, значит, едет в город, а другой говорит:

– Возьми мои облигации, может быть, они выиграли. Но если я выиграл, то скажи «целуй в жопу», я буду знать, что ты выиграл.

Значит, и уехал в город. Уехал, проверил – ничего не выиграл. Приезжает он домой, а тот, что дал ему облигации, ночью подходит к окну и стучится и спрашивает.

– Ну как?

Это означает, что проверял облигации:

– Целуй в жопу.

Тот спрашивает:

– Скоко?

Тот отвечает:

– Сколько хочешь (РО ИРЛИ. Р.V.П. 10. № 14.Л. 58).

³³³ Так, в 1936 году сказка «Жив Чапаев!» была записана со слов колхозницы Анастасии Ивановны Филониной в с. Куриловка, Куйбышевской области и опубликована в сборнике «Творчество народов СССР» (ТНС 1938). В этом же сборнике есть русские, белорусские, эвенкийские и другие сказки о Ленине и Сталине.

³³⁴ Записи велись в институте протезирования, поэтому можно предположить, что Буняков был ветераном Великой Отечественной войны. На момент записи (1962) ему было 54 года.

Крещеный еврей

Идут два еврея. И один говорит:
– Ах, так плохо нам живется. Пойду приму русскую веру.
Пошел в церковь и принял русскую веру. Не прошло и полчаса, он вышел. Этот еврей спрашивает:
– Ну, Янкель, как дела?
– Какой я тебе Янкель? Во-первых, я не Янкель, а Яков Матвеевич. Потом вы распяли нашего Иисуса Христа.
Уж русский стал (РО ИРЛИ. Р.V.П. 10.№ 14.Л. 60).

Евреем меньше

Один русский умирает, просит, чтоб ему прислали раввина перед смертью.
Раввин пришел:
– В чем дело-то?
– Я хочу перед смертью принять еврейскую веру.
Раввин его принял в еврейскую веру. Заинтересовался и спросил его:
– А все-таки скажи, зачем ты еврейскую веру принял?
Он говорит:
– Я умираю, так меньше одним евреем останется (РО ИРЛИ. Р.V. П. 10. № 14. Л. 60).

Анекдоты и частушки антисемитского содержания присутствуют и в папке «особое хранение». Если «евреями» называли «большевиков», Л. Д. Троцкого и прочих представителей власти, текст однозначно попадал в «особое хранение». Анекдоты же про евреев, но без упоминаний политических лидеров, не были изъяты. Содержание анекдота «Золотая рыбка», записанного от О. Н. Минаевой, и сюжет «Крещеного еврея», записанный от Р. Г. Бунякова, очень близки – еврей становится русским. Однако если у Р. Г. Бунякова герой начинает воспроизводить антисемитскую риторику: «Вы распяли нашего Иисуса Христа», то героиня О. Н. Минаевой Сара, ставшая русской, говорит: «Лучше бы я еврейкой была, чем русской в колхозе работать!» Следовательно, антисемитская окраска не влияла на запрещение текста, значение имело антисоветское содержание.

Сатирические поэмы

Сатирические поэмы, помещенные в «Особое хранение» – это «Сказ про царя Никиту и его свиту», стихотворения «Был у нас король такой», «В СССР Никита жил» и поэма «Ив Монтан и другие». Все эти тексты хранились в колл. 111 и были собраны Л. В. Домановским.

Генетически они связаны с политическими сатирическими произведениями периода первой русской революции и революции 1917 года. Историко-литературный анализ этой традиции представлен в работе Л. А. Спиридоновой (Евстигнеевой) «Русская сатирическая литература начала XX века» (Спиридонова 1977).

Исследовательница отмечает, что, с одной стороны, детская сказка – распространенный жанр в литературе начала XX века. Сказки писали Короленко, Амфитеатров, Сологуб, Куприн, Айзман, Горький и др. С другой стороны, сатирики часто использовали прием «переделки» – переделывались стихи Лермонтова («Бородино»), Некрасова («Коробейники»), А. К. Толстого («Поток-богатырь», «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева»), А. С. Пушкина.

Принадлежащая перу С. А. Басова-Верхоянцева переделка «Конькагорбунка» П. П. Ершова («Конек-скакунок») – одно из самых заметных произведений сатиры начала XX века» (Спиридонова 1977: 35). Это сатирическая история царствования Николая II, названного Берендеем, лишенная иносказания и представляющая собой революционную прокламацию. Она была написана и распространена полумиллионным тиражом уже в 1906 году (Басов-Верхоянцев 1906, 1908, 1917, 1918, 1921, 1923, 1935). А. Ефремин (А. В. Фрейман) пишет: «Принимая ее за сказку Ершова, полиция долго не препятствовала ее распространению. Когда же возникли смутные слухи о соблазне, вызываемом этой сказкой, в цензурном комитете вспомнили, что ершовский «Конек» в самом деле несколько раз подвергался запрету и купюрам, но это, дескать, дело старое, – и махнули рукой. А надо сказать, что Басов-Верхоянцев принял меры, чтобы сделать своего «Конька» как можно более «ершовским», сохранив ритм, имена и фрагменты сказки П. П. Ершова (Ефремин 1981: 39–40).

Другая «сказка» С. А. Басова-Верхоянцева – «Сказка дедушки Тараса. Русская история в стихах» (СДТ 1908). В Рукописном отделе ИРЛИ хранится рукописная копия этого текста, принадлежавшая бывшему работнику сенатской типографии (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 1. П. 37. № 1–3)³³⁵. Печатный экземпляр поэмы из библиотеки Пушкинского Дома имеет надпись купившего книгу человека. На оборотной стороне обложки написано: «Купил у хулигана на Невском, возле Пассажа среди бела дня?!! Мая 1908 г.». По-видимому, эти тексты распространялись в виде рукописных/машинописных копий или изданных в нелегальных типографиях и продававшихся с рук брошюр. Сказка содержит резкие характеристики российских царей, начиная от Рюрика до Николая II. Сочувствие, как и следовало ожидать, автор выражает по отношению к новгородскому вече и Степану Разину. Приведем небольшой фрагмент о Петре I (Там же. № 4. Л. 25):

Умирая, Алексей
Трех оставил сыновей.

³³⁵ В той же папке есть текст «Сказка о царе-недоумке и вельможах-умниках» № 6, также представляющий собой стихотворную политическую сказку, начинающуюся словами: «Было в русском славном царстве / Православном государстве / Правил множеством земель / Хитрый царь – прозваньем Хмель / У того царя три сына. / Младший – не люб – вот кручина, / Средний был здоровьем плох, / Ну а третий был Горох... / Так уж исстари ведется, / Людям прозвище дается / По таланту и уму: / Хмель – быть пьяницей ему, / Коль «Черных» – выходит смуглый, / А горох – так значит круглый...» Сказка была написана Гавриилом Валерьяновичем Добржинским и опубликована под псевдонимом Диез в 1917 году в Петрограде партией социалистов-революционеров.

Старший был и так и сяк,
Средний вовсе был дурак,
Ну а третий не простак.
Звали младшего Петром
Он-то скоро стал царем.
Ни дородством, ни с лица
Был он вовсе не в отца.
Да болтала вся столица,
Что Петрушу мать-царица
Прижила не с муженьком...

Из мероприятий Петра I С. А. Басов-Верхоянцев отмечает его культурные преобразования – бритье бород и немецкое платье, расправу со стрельцами, смерть царевича Алексея, постройку Петербурга на «мужицких костях», во всех случаях указывая на его крайнюю жестокость и кровожадность.

И еще бы Петр, наверно,
Натворил не мало бед,
Только слег в болезни скверной
И скончался в цвете лет

(Там же. Л. 27).

Говоря о русских царях, автор подчеркивает их пороки и преступления. По словам А. Ефремина (А. В. Фреймана), «этот памфлет взбесил царствующий дом; Столыпин впал в небывалую ярость. Книжка, как говорили в то время, стоила хорошей бомбы: после того, как первый завод был напечатан, грянула по доносу Азефа полиция и зверски расправилась с рабочими, набиравшими текст, ментрапаж был арестован, гранки уничтожены, типография подверглась разгрому» (Ефремин 1981: 45).

Как отмечают исследователи, сказки С. А. Басова-Верхоянцева были самыми распространенными произведениями политической сатиры начала XX века. Сказочная форма, ритмика поэтической сказки пушкинского времени, сжатость формулировок в описании персонажей и отсутствие аллегии – черты поэмы Басова, которые будут свойственны и политическим стихотворениям хрущевского и позднего советского времени.

Коллекция политических памфлетов начала XX века имеется в архиве В. Д. Бонч-Бруевича, хранящемся в Российской государственной библиотеке. Она включает в себя «правую» политическую сатиру ««Кашей-лиходея» или дивная история про старца Григория, обаятеля хлыстовского из села Покровского...» (ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 415. № 24)³³⁶, шуточную летопись о начале войны 1914 года, написанную В. И. Успенским «Летописец в лицах о Тевтонской брани на словени» (Там же. № 25), сатирическое стихотворение «На смерть Распутина Гриши» (Там же. № 26), «Загробную грамоту Миколу Романову» (Там же. Карт. 416. № 10), «Поминовение павшего дома Романова и старого правительства» (Там же. № 33), «Завещание бывшего царя Николая» (Там же. № 62). Все эти тексты датируются временем между 1905 и 1917 годами. Более поздних политических сатир в архиве В. Д. Бонч-Бруевича нет, что может говорить о резком уменьшении количества их в послереволюционные годы или об уменьшении интереса к ним у В. Д. Бонч-Бруевича.

³³⁶ Вариант из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) опубликован в статье С. Л. Фирсова ««Русский старец с посохом в руке», или «Слово о святом Григории»» [<http://www.vitanova.ru/static/catalog/books/booksp111.html>].

К событиям 1905 года относится стихотворное «Письмо Николая II императору Вильгельму», присланное учителем истории из Арзамасской области Вениамином Михайловичем Кувшинским в 1956 году в редакцию журнала «Звезда». Он сопровождает текст следующими комментариями³³⁷:

Приближается 51-я годовщина «Кровавого Воскресенья», которое было как бы преддверием революции 1905 года.

Я в то время был студентом Казанской дух<овной> академии по историческому отделению. Вскоре после расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 года, в обращении среди студентов академии появилось в рукописном виде произведение неизвестного автора, а может быть – продукт коллективного творчества под названием «Письмо Николая II императору Вильгельму» в стихах. По своему содержанию это письмо представляет из себя своего рода сатиру или памфлет на Николая II. С одной стороны, оно довольно верно характеризует самого Николая, его бездарность, несамостоятельность, а также – его «окружение», в лице его матери, обер-прокурора Синода – Победоносцева, его кузенов Кирилла и Бориса Владимировичей.

С другой стороны, это «письмо» показывает, как реагировала и как смотрела некоторая часть русского общества на события «Кровавого воскресенья» и предшествующие ему события русско-японской войны 1904–1905 г<о>дов. При появлении этого «Письма» среди студентов, я переписал его в особую записную книжку, в которую записывал подобного рода произведения, но с годами и разными переездами по делам службы, эта книжка затерялась, и когда я обнаружил это, постарался восстановить это «Письмо» по памяти, что мне и удалось сделать с небольшими пропусками.

В январе 1955 года, в связи с 50-летием со дня «Кровавого воскресенья», я послал рукопись «Письма» в редакцию журнала «Новый мир» с просьбой поместить его в январской книжке журнала.

Ввиду того, что для отпечатания письма для январского номера журнала оно уже запоздало, редакция «Нового мира» возвратила мою рукопись с рекомендацией предложить его Московскому Дому народного творчества им. Поленова, который подготавливает сборник фольклорного творчества, что я до сих пор еще не сделал.

Принимая во внимание, что упоминаемые в «Письме Николая II» деятели жили и действовали в Петербурге, где имели место и события «Кровавого воскресенья», я полагаю, что данный материал должен иметь большой интерес для Ленинградского Дома народного творчества и для жителей Ленинграда; я и решил направить этот материал в Ленинград и в частности – в редакцию Вашего журнала «Звезда». <...> В случае неприятия его к печати, прошу сдать его в музей революции 1905 года.

Прилагаю краткие сведения о себе. По окончании дух<овной> академии в 1908 году, с правом преподавания в дух<овных> семинариях, я был преподавателем истории в гимназиях М<инистерст>ва нар<одного> просвещения и в Советских школах II ступени до августа 1922 г<ода>, когда преподавание истории было заменено обществоведением. С октября 1945 г<ода> работаю в должности контролера-ревизора КРУ МФ СССР до февраля 1954 г<ода> – по Горьковской области, с февраля по Арзамасской области (РО ИРЛИ.Р. V. Колл. 1.П. 9.№ 21).

Таким образом, современники связывали появление «Письма Николая II императору Вильгельму» с 9 января 1905 года, и Кувшинский вспомнил о нем именно в связи с 50-летней годовщиной этого события. Заметим, что в той же архивной папке хранится новина сказительницы П. С. Губиной, посвященная Кровавому воскресенью. Перевод «Письма» из кате-

³³⁷ Текст цитируется с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

гории «высокой литературы», как это представлял себе В. М. Кувшинский, посылая стихотворение в толстые журналы «Новый мир» и «Звезда», в разряд фольклора, как мне кажется, весьма симптоматичен. С одной стороны, к 1956 году устоялось и еще не совсем отмерло «новинное» творчество. Присланный пространный текст на историческую (и весьма актуальную) тему мог быть соотнесен редактором журнала с творчеством советских сказителей. С другой стороны, Кровавое воскресенье в советской историографии репрезентировалось как важное и трагическое событие. Юбилейные мероприятия и специальные выпуски периодических изданий вряд ли могли включать «смешные» тексты о событиях революции 1905 года, хотя бы и созданные современниками. Можно предположить и другие причины отказа в публикации текста: несоответствие содержания памфлета советской историографии, странной лакуны с 1922 по 1945 год в биографии приславшего, возможно означающей годы лагерей или тюрьмы, и др.

Подчеркну, что в 1905 году Кувшинский переписал текст в специальную тетрадку, в которой он собирал подобные произведения, а спустя 50 лет, потеряв ее, смог восстановить текст по памяти, как он утверждает, почти без пропусков. Он нигде не говорит, что он учил его наизусть, читал или рассказывал.

Обращение к дяде («Мой дядя, я тебе пишу тревоги и печали полный» или «К тебе, мой дядя просвещенный, ведь я тебе вдвойне родня») отсылает к первой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Но других точек пересечения ни в формальном, ни в содержательном отношении с пушкинским текстом не имеется.

В стихотворении подробно описываются события Кровавого воскресенья и осмеиваются представители династии Романовых и Николай II:

Меж тем все лупят нас японцы и тают русские червонцы
А на победу нет надежды... от горя не смыкал я вежды...
Все думал, как и отчего, но не придумал ничего.
Секретно – уверяю Вас, где нужно думать, там я пас...
И все решают пополам Победоносцев и «маман».

(РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 1. П. 9. № 22. Л. 2)

Все вышеназванные тексты были найдены преимущественно в фольклорных архивах, доступных для читателя. В особое хранение были перенесены тексты «Сказ про царя Никиту», «В СССР Никита жил», «Был у нас король такой», «Ив Монтан и другие».

В. С. Бахтин в сборнике «Самиздат века» опубликовал один из вариантов политической поэмы о Н. С. Хрущеве и перестроечную поэму «Сон Горбачева». Он отмечал близость этих текстов, выражающуюся, главным образом, в «очевидной полной лояльности авторов к коммунистической идее и к официальной оценке предыдущего правления» (Бахтин 1997: 793). Как претекст для «Сна Горбачева» рассматривали «Сказ про царя Никиту» А. П. Минаева и А. А. Панченко в статье ««Сон Горбачева» и русский политический фольклор эпохи перестройки» (Минаева, Панченко 2010). Как и для политической сатиры начала XX века, для подобных стихотворений хрущевского времени характерна ориентация на литературную сказку XIX века – в данном случае это эротическая сказка А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей». Связь с пушкинским текстом наблюдается только в названии и нескольких строках, кратко пересказывающих содержание пушкинского текста.

«Сказ про царя Никиту» и стихотворение «В СССР Никита жил» содержат описание деятельности Н. С. Хрущева, истории его борьбы за власть, особенности внутренней и внешней политики и смещения Хрущева в 1964 году. По мнению А. П. Минаевой и А. А. Панченко, эти два текста отличаются степенью «разработанности» сюжета об отставке Н. С. Хрущева: если в первом случае подробности октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964

года опущены, то во втором – автор излагает факты, мало известные советским гражданам: Н. С. Хрущев подписал заявление об отставке под давлением, и последним на пленуме выступал Л. И. Брежнев (Там же, 17).

Оба эти текста были переписаны Л. В. Домановским в одно время. Собирателем датируется текст апрелем 1965 года. После «Сказки про царя Никиту и его свиту» указано место записи – Адмиралтейский завод в Ленинграде.

Один из списков «Сказки про царя Никиту» хранится в Государственном архиве Российской Федерации³³⁸. Этот текст происходит из Ростова-на-Дону и датируется также 1965 годом. Присланный в прокуратуру, он был рассмотрен начальником отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Г. А. Тереховым и не был признан антисоветским, так как был направлен против смещенного к тому времени с должности генсека Н. С. Хрущева.

В Историческом архиве Исследовательского института Восточной Европы при Бременском университете хранятся три экземпляра «Сказки про царя Никиту». Один – в фонде юриста, специалиста по международному праву Василия Васильевича Евгеньева (ИА ФСО Ф. 5/2. 6). Г. Г. Суперфин, бывший хранитель архива, обозначил его коллекцию как «номенклатурный» самиздат, так как В. В. Евгеньев был помощником председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. Текст из коллекции Евгеньева озаглавлен «Никитиана» («Эта сказка про Никиту...»).

Другой текст сохранился в коллекции М. М. Яковенко, активистки общества «Мемориал», озаглавленный по первой строке «Все мы маленькими были...» (ИА ФСО Ф. 178). Текст «поэмы» находился в запечатанном конверте с пометами М. М. Яковенко: «Пошлые низкопробные стихи», «фольклор», «разобрать внимательно когда приеду и сжечь», «гадость о Хрущеве», «издевка над Хрущевым сохранить как док<умен>т пошлости?»

Третий экземпляр находится в коллекции Н. М. Котовицкой – участницы неформальных движений, живущей в Белоруссии (ИА ФСО Ф. 30.151).

Кроме письменного бытования в виде самиздата, машинописных и рукописных копий отмечается и устное бытование «Сказки про царя Никиту». Так пользователь Живого журнала *lgdanko*, комментируя сказку, опубликованную в Сети, говорит, что «когда-то знал его («Царя Никиту». – Н.К.) наизусть»³³⁹, другой анонимный комментатор, восстанавливая по памяти фрагмент текста, отмечает, что его рассказывали в начале 1980-х годов³⁴⁰. В экспедиции 2010 года на Зимний берег Белого моря в деревне Верхняя Зимняя Золотица моими коллегами был записан текст стихотворения про Никиту Хрущева, близкий к тексту «В СССР Никита жил», рассказанный местным жителем и перенятый им у московских друзей (см. публикацию этого текста в статье А. П. Минаевой и А. А. Панченко в настоящем сборнике).

В комментариях к публикациям в Живом журнале содержится предположение, что стихотворение «Царь Никита» написано по инициативе органов государственной безопасности для дискредитации политики Н. С. Хрущева. С некоторой долей осторожности эту версию высказывал и В. С. Бахтин (Бахтин 1997: 793). Мнение, что политический фольклор создают сами сотрудники КГБ, было довольно распространенным и, в частности, находило отражение в анекдотах (Архипова, Мельниченко 2010).

У писателя и барда Юза Алешковского есть «Песня о Никите» (1966), по содержанию напоминающая «Сказку о царе Никите» и стихотворение «В СССР Никита жил». Центральным «событием» песни является свержение Н. С. Хрущева и описание его ошибок:

³³⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 99291. Л. 3–6 об. Текст был опубликован в Живом Журнале пользователями *eversti_rymin* 8 мая 2009 года [<http://eversti-rymin.livejournal.com/1235222.html>] и *atreu* 12 мая 2009 года [<http://atreu.livejournal.com/1731832.html?thread=11376888#t11376888>].

³³⁹ [<http://atreu.livejournal.com/1731832.html>].

³⁴⁰ [<http://eversti-rymin.livejournal.com/1235222.html?thread=3322134#t3322134>].

Из вида не теряя главной цели,
Суровой правде мы глядим в лицо:
Никита оказался пустомелей,
Истории вертевшей колесо.

Он ездил по Советскому Союзу,
Дешевой популярности искал,
Заместо хлеба сеял кукурузу,
Людей советских в космос запускал.

Он допускал опасное зазнайство
И, вопреки усилиям ЦК,
Разваливал колхозное хозяйство
Плюс проглядел талант Пастернака.

Конечно, он с сердечной теплотою
Врагов народа начал выпускать,
Но водку нашу сделал дорогою
И на троих заставил распивать.

А сам народной водки выпил много.
Супругу к светской жизни приучал.
Он в Индии дивился на йога.
По ассамблее каблуком стучал.

Он в Африке прокладывал каналы,
Чтоб бедуинам было где пахать...
Потом его беспечность доконала,
И он поехал в Сочи отдыхать.

А в это время со своих постелей
Вставали члены пленума ЦК.
Они с капустой пирогов хотели.
Была готова к выдаче мука.

Никита крепко осерчал на пленум.
С обидой Микояну крикнул: «Блядь!»
Жалея, что не дал под зад коленом
Днепропетровцам, растуды их мать...

Кирнувши за наличные «Столичной»,
Никита в сквере кормит голубей.
И к парторганизации первичной
Зятек его приписан Аджубей...³⁴¹

³⁴¹ Цитирую по публикации на официальном интернет-сайте Алешковского [<http://www.yuz.ru/pesni-11.htm>].

Можно предположить, что авторы песни (а она была написана в 1966 году совместно с поэтом и переводчиком Г. Б. Плисецким) были знакомы со стихотворениями «Сказ про царя Никиту» и «В СССР Никита жил». К общим местам всех трех текстов относится описание экономических и политических приоритетов Н. С. Хрущева, распространения кукурузы, космических полетов, кризисных явлений в экономике, многочисленных визитов советского руководства за границу, в том числе в Индию.

Все поэтические тексты, направленные против Н. С. Хрущева, написаны после его свержения. Они имеют письменное и устное бытование, распространены в интеллигентской и рабочей среде. Обширна география и временные границы бытования текста (от Зимнего берега Белого моря до Ростова-на-Дону, с 1965 до 2010 года).

В «особую папку» фольклорного хранилища ИРЛИ был помещен текст поэмы «Ив Монтан и другие», также относящийся к хрущевскому времени. Поэму нельзя назвать политической сатирой, так как в ней нет критики властей и руководителей страны. Она направлена против известных деятелей искусства и эстрады С. В. Образцова, А. И. Райкина и Л. О. Утесова. Поводом для критики послужило чересчур восторженное отношение творческой элиты к французскому певцу Иву Монтану, приехавшему на гастроли в СССР в 1956–1957 годах в сопровождении супруги – известной актрисы Симоны Синьоре. Кроме списка, хранящегося в Пушкинском Доме, известно пять текстов из Исторического архива Исследовательского института Восточной Европы при Бременском университете (ИА ФСО. Ф. 117/2; Ф. 5/2.6; Ф. 68/2; Ф. 166; Ф. 127). Текст приписывается Владимиру Соломоновичу Полякову (1909–1979) – сценаристу, писателю-сатирику и драматургу.

Перевод не политической сатиры на специальное хранение был обусловлен внешними причинами. Спецхран был сформирован в 1969 году. Годом ранее советские войска вторглись в Прагу. На эти события Ив Монтан отреагировал крайне негативно: «Русские танки на улицах Праги положили конец иллюзиям о том, что коммунизм может как-то реформироваться. Моя реакция на это была ясная и бесповоротная – я закрыл коммунистическую главу своей жизни» (Штильман 2006). В СССР, в свою очередь, был введен запрет на творчество Ива Монтана.

Коллекция запрещенного фольклора связана с потребностью тоталитарного режима контролировать и фиксировать политические настроения масс. По крайней мере этой причиной, на мой взгляд, была вызвана запись антисоветского фольклора в 1920-е годы. Как и мат, политический фольклор был табуирован. Объединение в коллекции антисоветского, блатного и порнографического фольклора говорит о неприемлемости для публикации и выдачи читателям этого пласта народного творчества как нецензурного, неприличного и непечатного. В этом смысле фольклор из спецхрана – это, в терминологии А. А. Панченко, «фольклор-1»: «низовая словесность, не контролируемая и не санкционированная социальной и культурной элитой» (Панченко 2005: 75).

Хочу поблагодарить прежних и нынешних хранителей фольклорного фонда Рукописного отдела Пушкинского Дома – А. Н. Мартынову за сохранение публикуемой коллекции, Я. В. Звереву за предоставленную возможность работать с материалами архива и за выписки из документов внутреннего пользования. Большое спасибо А. А. Макарову, М. А. Мельниченко, И. Ю. Назаровой, А. А. Панченко и Г. Г. Суперфину.

Тексты частушки из архива И. Д. Фридриха (подборка № 3)

В коллекции № 193 подборке частушек присвоен № 3. Машинопись на восьми листах. 1926 год. Каждому тексту был присвоен номер в собрании И. С. Фридриха. Эти номера указаны в первой сноске к каждому тексту.

Частушки были изъяты из коллекции № 209 «Записи русского фольклора на территории Латвийской ССР. Копии материалов отдела фольклора АН СССР» (1911–1948). Записи были сделаны И. Д. Фридрихом.

Фридрих Иван Дмитриевич (1902–1975) – собиратель русского фольклора в восточной части Латвии (ныне – район г. Пыталово Псковской обл.) в 1926–1940 годах. См.: Иванова 2007; 2009.

Тексты № 1, 4–31 записаны И. Д. Фридрихом в 1926 году в Ругайской волости Яунлатгальского (Абренского) уезда (район совр. г. Пыталово Псковской обл.) от Ивана Ивановича Кароковича, 20 лет, уроженца Покровской волости Опоческого уезда.

Частушки № 2, 3 записаны там же и тогда же от Марии Александровны Маслбоевой, 22 лет, уроженки Режицкого уезда, старообрядки.

Еще при жизни (в 1975 году) И. Д. Фридрих подготовил сборник «Русский фольклор в Латвии: Частушки». Этот сборник был опубликован в 2004 году в Риге (Абызов 2004). В него вошло несколько частушек, помещенные в спецхран. Политические частушки из собрания И. Д. Фридриха были опубликованы в статье Н. В. Икко ««Полюбила латыша – совсем вымерла душа»: Русско-латышские отношения в частушках» (Икко 2003).

Кроме широко распространенных частушек в подборку вошли и частушки о Латвии. Упоминание политического деятеля Гражданской войны С. Н. Булак-Балаховича как противника красных и ожидание его войск позволяет датировать время создания частушек между 1918 годом, когда С. Н. Балахович перешел на сторону белых и вместе со своим отрядом прибыл в Псков, и 1920 годом – годом объявления независимости Латвии.

1.

Ах, яблочко,
Куда катишься?
Попадешь к коммунистам,
Не воротишься³⁴².

2.

Не ходите девки в рей,
Во рью сдохнувший еврей,
Под завалиной лежит,
Вода чистая бежит³⁴³.

3.

³⁴² Л. 1. 1195, 853. Распространенный текст. Часто варьируется третья строка. Вар.: «Эй, яблочко, / Куда котишься? / В чрезвычайку попадешь – / Не воротись!» (Киев); «Попадешься у Чеку» (Ростов-на-Дону) (Зеленин 1999: 472). Приведу только третьи строки в аналогичных текстах: «Мене в рот попадьош», «На базар попадьош», «Попадьосся спекулянту» (Олексієва 1925: 34); «Німцу в руки попадеш», «Немцу в рот попадьош» (Там же, 30) и др.

³⁴³ Л. 2. 1195, 687. Рей – овин, рига, гумно (СРНГ 2001: 43).

Мой миленок евреенок,
Совестно признаться.
За ево меня бранят,
Тошно отказаться³⁴⁴.

4.

Ах, яблочко,
С боку ямочка.
Мой муж комиссар,
А я дамочка³⁴⁵.

5.

Эх, яблочко,
Куда катишься?
В губчека попадешь,
Не воротишься³⁴⁶.

6.

Я на бочке сию,
А под бочкой кожа.
Ленин Троцкому сказал:
Ты жидовска рожа!³⁴⁷

7.

Я на бочке сию,
А под бочкой каша.
Вы не думайте, жида,
Что Россия ваша³⁴⁸.

8.

Я на бочке сию
И гляжу на небо:
Не идет ли матрос,
Не несет ли хлеба³⁴⁹.

³⁴⁴ Л. 3. 1195, 699. Опул.: Абызов 2004: 184 № 985 (81).

³⁴⁵ Л. 5. 1195, 854.

³⁴⁶ Л. 5. 1195, 856. См. комментарий в тексте № 1 в подборке № 3.

³⁴⁷ Л. 5. 1195, 858. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опул.: Абызов 2004: 181 № 971 (21).

³⁴⁸ Л. 5. 1195, 860. Зап. от Веселовой Екатерины Андреевны, опул.: Абызов 2004: 178. № 949 (5). Вар.: «Я на бочке сию, / А под бочкой каша. / Не надейтесь, жида, / Что Россия ваша» (зап. от Батина Николая Ивановича, ученика Верховской школы 12 лет, опул.: Абызов 2004: 178 № 949 [5]). Вар. с «не подумайте, жида» см.: Азбелев 1999: 486.

³⁴⁹ Л. 5. 1195, 859. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опул.: Абызов 2004: 174. № 919 (21). Вар.: «Я на бочке сию / И гляжу на небо. / Идет ли мой матрос / И несет ли хлеба» (Азбелев 1994: 46. № 29).

9.

Я на бочке сижу,
А под бочкой склянка.
Мой муж комисар,
А я спекулянтка³⁵⁰.

10.

Дезертиром я скрывался,
На хлеву в соломе спал.
Свою милую забаву
На коленях я держал³⁵¹.

11.

Латвия – страна
Министративная,
Советская власть –
Противная³⁵².

12.

По дороге снег,
По панели слизко,
Берегитесь, коммунисты,
Балохович близко³⁵³.

13.

Спекулянты жида
Спикулируют.
Балаховцы придут,

³⁵⁰ Л. 5. 1195, 861. Про спекуляцию как особую частушечную тему писал Ю. М. Соколов в статье «О чем поет и рассказывает деревня» (Соколов 1924). Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 174. № 931 (21). Вар.: «Я сижу на бочке, / Под бочкою склянка; / Мой муж коммунист, / А я спекулянтка» (Купянск; Зеленин 1999: 481; см. также Азбелев 1999: 486); вар. с «Мой муж – большевик» у О. В. Олексіевой (Олексіева 1925: 33).

³⁵¹ Л. 5. 1195, 863. Дезертир Первой мировой войны. Опубл.: Абызов 2004: 171. № 900 (54).

³⁵² Л. 6. 1195, 864. То же: РО ИРЛИ. Р. V. Ф. 280. Оп. 1, № 49. Л. 71; Икко 2003: 21.

³⁵³ Л. 6. 1195, 866. Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883–1940) – военный и политический деятель Гражданской войны, генерал Белой армии и Войска Польского. В 1917–1918 годах воевал за красных. В 1918-м – перешел к белым. Ср.: «Дождик идет, / Будет склизко. / Бежит Махно – / Красные близко» (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 111. П. 10. № 7. Рукописный сборник «Пословицы и поговорки Гражданской войны», составленный Л. В. Домановским. Тексты не паспортизированы. Л. 1). Любопытны варианты текста с параллелизмом: «У Києви дощ иде / У Берлине слызько / Утикай Гитляряка / Бо червона Армия блызько» (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 1. П. 26. № 4. Фольклор Отечественной войны. Зап. в 1947 году Иосиф Иваненко в Розважеском районе Киевской обл. и прилегающем к нему Базарском районе Житомирской обл.). Д. К. Зеленин приводит такие варианты: «Ай, у Курске дош идет, / А в Харькові склизко; / Утікай, кадетики: / Таварищи блиско!» (Константиноградский уезд); «Я на бочке сижу, / Под бочкою склизко; / Утекайте, деникинцы: / Коммунисты блиско!» (Рыльский уезд) (Зеленин 1999: 474). См. также: Олексіева 1925: 30, 32.

Реквизируют³⁵⁴.

14.

Эх, комиссар, комиссар,
Строганы голяшки,
Сегодня с милой начевал,
Завтра в католашке³⁵⁵.

15.

Эх, клешнички.
Что наделали:
Бабы юбки на клеш
Переделали³⁵⁶.

16.

Чем коммуны
Мы прославим:
Церковь снимем,
Кабак поставим³⁵⁷.

17.

Эх, буденовец
Куда топаешь?
К балоховцам попадешь,
Пулю слопаешь³⁵⁸.

18.

Пулеметы трещат,
А снаряды рвутся.
Коммисары удирают,
Галифе трясутся³⁵⁹.

19.

³⁵⁴ Л. 6. 1195, 868. В несколько другом фонетическом оформлении зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 177. № 942 (21). Вар.: «Спикулянт молодой / Спикулируя, / А Троцкий с Махном / Ликвизируя!» (Константиноградский уезд. По поводу ситуации 1920 года, когда и представители советской власти, и приверженцы Махно предприняли обыски и реквизиции) (Зеленин 1999: 478). См. также: Олексієва 1925: 31, 34; Соколов 1932: 26.

³⁵⁵ Л. 6. 1195, 871. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 175. № 900 (54).

³⁵⁶ Л. 6. 1195, 870. «Клешнички» – моряки, матросы – метонимия большевиков. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 174. № 919 (21).

³⁵⁷ Л. 6. 1195, 865.

³⁵⁸ Л. 6. 1195, 867. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 177. № 943 (21). Вар.: «Большевик, большевик, / Куда топаешь? / К гайдакакам попадешь – / Пулю слопаешь!» (Рыльский уезд) (Зеленин 1999: 473).

³⁵⁹ Л. 6. 1195, 869.

Картошку копать –
Грязная работа.
С комиссарами гулять –
Лишняя забота³⁶⁰.

20.

Матрос идет,
Клеш болтается.
На свой клеш наступил,
На Бога лается³⁶¹.

21.

Ах, Латвия –
Благородная,
Свой хлеб продала,
Сама голодная³⁶².

22.

С комиссарами гулять,
Надо чисто ходить,
Чисто не находишься,
Белья не намоешься³⁶³.

23.

Сидит Ленин на заборе,
Держит серп и молоток,
А товарищ его Троцкий
Чинит валенный сапог³⁶⁴.

24.

Сидит Ленин на заборе,
А Троцкий на ели.

³⁶⁰ Л. 6. 1195, 872. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 175. № 927 (21).

³⁶¹ Л. 6. 1195, 873. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 175. № 922 (21). Вар.: «Матрос идет – / Спотыкается, / На клеш наступает, / Бога лает» (Зеленин 1999: 472).

³⁶² Л. 7. 1195, 874. Вар.: «Эх, Латвия / Хлебородная, / России хлеб продала, / Сама голодная». Зап. от Петрова Ивана Ивановича, Вышгородская школа, опубл.: Абызов 2004: 178. № 950 (99). Вар.: «Украина – страна / Хлебородная (вар.: благородная) / Немцы (вар.: немцам) хлеб отдала, / А сама голодная!» (Константиноградский уезд) (Зеленин 1999: 476). Вар.: с Украиной: Олексієва 1925: 31.

³⁶³ Л. 7. 1195, 876.

³⁶⁴ Л. 7. 1195, 878. То же: РО ИРЛИ Р. V. Ф. 280. Оп. 1. № 49. Л. 71об. Текст 95, опубл.: Иванова 2009: 701. Вар.: «Едет Ленин на моторе, / Держит серп и молоток, / А его товарищ Троцкий / Рубит валенный сапог / Все матросики разуты, / Все солдаты без сапог» (Азбелев 1999: 485–486). Комментарий С. Н. Азбелев: «В совнаркоме 1917–1921 годах Троцкий был комиссаром армии и флота».

Красну армию собрали,
А лаптей не наплели³⁶⁵.

25.

Сидит Ванька на заборе
С революцией во взоре,
Прокламацию читает,
Ничего не понимает³⁶⁶.

26.

Советская власть —
Благородная.
Пойдете, девки в баню —
Все народное³⁶⁷.

27.

Ленин лыки дерет,
Троцкий лапти плетет,
А Зиновьев отправляет,
Луначарский продает³⁶⁸.

28.

Сидит Ленин на заборе,
Держит серп и молоток,
А товарищ его Троцкий
Ведет роту без порток³⁶⁹.

29.

Сидит Ленин на лугу,
Грызет конскую ногу:
Фу, какая гадина —

³⁶⁵ Л. 7. 1195, 880. Вар.: «Сидит Ленин на березе, / А Троцкий на ели. / Красну армию собрали, / А лаптей не наплели» (зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 179. № 954 (21)); «Сидит Ленин на березе, / Сидит Троцкий на ели. / По какой лешак, товарищи, / Коммуну завели?!» (Бахтин 1994: 47).

³⁶⁶ Л. 7. 1195, 882. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 173. № 906 (21). Вар.: «Сидел милка на крыльце / С «революцией» в лице; / А я думала, думала — / Подошла да плюнула!» (Новохоперский уезд); «Сидит милый на заборе / С выражением во взоре; / Прокламацию читает, / Ничего не понимает!» (Харьков) (Зеленин 1999: 470).

³⁶⁷ Л. 7. 1195, 875.

³⁶⁸ Л. 7. 1195, 877. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 179. № 957 (21). То же: РО ИРЛИ Р. V. Ф. 280. Оп. 1. № 49. Л. 71 об. Текст 94, опубл.: Иванова 2009: 700.

³⁶⁹ Л. 7. 1195, 879. Зап. от Вересова Ивана Николаевича, опубл.: Абызов 2004: 179. № 958 (21). Вар.: «Сидит Ленин на згороды, / Держит серп и молоток, / А товарищ его Троцкий, / Бежит с фронту без порток» (зап. от Батина Николая Ивановича, 12 лет, ученика Верховской школы, опубл.: Абызов 2004: 179, № 959); «Сидит Ленин на заборе, / Держит серп и молоток. / А его товарищ Сталин / Удирает без порток» (Азбелев 1994: 46. № 22); «Сидит Ленин на березе, / Держит серп и молоток, / А его товарищ, Троцкий, / Гонит роту без порток» (Большаков 1927: 381).

Советская говядина³⁷⁰.

30.

Коммунист насрал в бутылку,
Разделил по едокам:
Половину отдал голи,
Остальное скушал сам³⁷¹.

31.

Матрос молодой,
В жопу раненый,
На базаре торговал
Репой пареной³⁷².

Частушки из архива А. А. Измайлова (подборка № 7)

Частушки под № 7 в коллекции № 193. К единице хранения приложен листок: «Архив Измайлова ИРЛИ Ф. 115. Записано в окрестностях Петрограда». Текст на одном листе и обороте, б/д, машинопись. В правом верхнем углу на первом листе красным карандашом написано О.Х. Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921) – пародист и критик, писал пародии на К. Д. Бальмонта, А. А. Блока, М. Горького и др., автор книги «Чехов. Жизнь, личность, творчество» (Измайлов 1916). См. о нем: Ан. Т. 1930: Стб. 436–437; Александров 2009.

Датировать тексты можно приблизительно: 1918–1919 годы, судя по событиям и реалиям в них отраженным, и не позднее 1921 года – смерти А. А. Измайлова.

Можно предположить, что некоторые из публикуемых текстов принадлежат городскому фольклору – из-за упоминаний уплотнения и Чубаровского переуллка.

1.

Руси-матушке цена-ль
Не грош, не полушка...
У германца – «Колосаль»,
А у нас царь-пушка³⁷³.

2.

³⁷⁰ Л. 7. 1195, 881. Вар.: «Стоит Сталин на гробу, / Гложет кошачью ногу: / – Фу, какая гадина / Советская говядина» (Азбелев 1999: 483).

³⁷¹ Л. 7. 1195, 883.

³⁷² Л. 8. 1195, 884. Вар.: «Матрос молодой / В жопу раненый / На базаре торговал / Рыбой жареной» (зап. от Сергеева Александра Василевича, опубл.: Абызов 2004: 174. № 918 [114]). В сборнике В. Князева похожий текст объединен в стишок с другим популярным четверостишием: «Матрос молодой, / В руку раненый, / Захотел спекульнуть / Воблой жареной. // Он стоит на толчке / Слезы капаят: / Никто воблы не берет, / Только лапают» (Князев 1924: 68).

³⁷³ Л. 1. «Колосаль» (нем. *Kolossal*), или «Парижская пушка» (нем. *Paris-Geschütz*) или «Труба кайзера Вильгельма» (нем. *Kaiser Wilhelm-Rohr*) – сверхдальнобойное длинноствольное орудие, при помощи которого в 1918 году немецкие войска обстреливали Париж.

Я хожу – спинжак по моде
Милка – в красном фартучке, –
Нам осьмушечку свободы
Троцкий дал по карточке³⁷⁴.

3.

Хошь, забавка, али нет, –
Вселю к баржую в кабинет
К молодому, к хворому...
Сказывай, к которому?³⁷⁵

4.

Мой приятка – не простой,
Кум шофера Ленина,
Что таперь мне Лев Толстой
И «Анна Каренина»!³⁷⁶

5.

В Чубаровом до рассвету
Разгулялись девочки,
«Петроградскую газету»
Я прочту, надев очки³⁷⁷.

6.

Реквизнул мне, паря, сердце, –
Сам гуляет с Ленкой,
За такую мою любовь –
Заплатил керенкой³⁷⁸.

7.

Что за мной ты ходишь-бродишь
Всяческим манером.
Наблюдаешь, как за контр –
Революционером³⁷⁹.

³⁷⁴ Л. 1. Карточная система широко использовалась в Советской России с 1917 года в связи с политикой военного коммунизма.

³⁷⁵ Л. 1. Речь идет про уплотнение жилья в 1918–1920 годах, в результате чего появились коммунальные квартиры.

³⁷⁶ Л. 1. Вар.: «Мой миленок не простой, / Он шофер у Ленина. / Что теперь нам Лев Толстой / И его Каренина?» (зап. И. С. Фридрихом от Сергеева Александра Васильевича, опубл.: Абызов 2004: 181. № 972 (114).

³⁷⁷ Л. 1. «В Чубаровом» – Чубаровский переулок (ныне Транспортный), пересекающий Лиговский проспект. После революции рабочий район Лиговки был местом сборищ дешевых проституток.

³⁷⁸ Л. 1–2. Керенки – название денежных купюр, напечатанных Временным правительством России в 1917 году и Госбанком РСФСР в 1917–1919 годах. Получили свое название от фамилии последнего председателя Временного правительства А. Ф. Керенского.

³⁷⁹ Л. 2.

8.

Шлет герман приказ по штабу:
Выводи суда из Або.
Топну ножкой, топну двум, –
Собирай монатки, кум!³⁸⁰

9.

Милка боек и речист,
Стразу видно, – социлист.
Левый с ног до макушки, –
В брюхе две салакушки³⁸¹.

10.

Мне сказала Поля в поле
– «Все ты лицемеришь!»
– Ай, тебе я Горький, что-ли,
Что уж так не веришь?³⁸²

текст № 10

Был у нас король такой, Принимал гостей к себе,
Уточнять не стану, Ездил сам с визитом,
Раздавал он хлеб и соль В общем гости всех мастей
Очень многим странам. Славили Никиту.

В 1921 году он уехал из России. Можно предположить, что в период с 1917 по 1921 год в петроградской периодике появилась критическая статья, направленная против Горького, что и послужило основой для частушки. Тем более что для производства песен уличные певцы пользовались газетными сообщениями.

Как не славить доброту,
Как не славить ласку?
Он поднял на высоту
Масло и колбаску.
Драл язык во всю длину,
Тыкал пальцем в небо:
«Мы подняли целину,
Будет много хлеба!»

³⁸⁰ Л. 2. Видимо, речь идет о Ледовом походе Балтийского флота 1918 года. Або – шведское название г. Турку. Согласно Брестскому мирному договору Советская Россия должна была вывести флот из Ревеля (Таллина) и из Финляндии, в первую очередь Гельсингфорса (Хельсинки) и других финских портов.

³⁸¹ Л. 2. Салакушка – распространенная в Балтийском море разновидность сельди. Возможно, наличие в брюхе у милки балтийской сельди намекает на то, что он моряк или матрос.

³⁸² Л. 2. М. Горький не принял революцию, в течение 1917–1918 годов вел рубрику «Несвоевременные мысли» на страницах петроградской газеты «Новая жизнь».

А народ-дурак пахал
С утра до зарницы,
Вырос хлеб и ускакал
Прямо за границу³⁸³.
А народу он сказал:
«Пей и ешь от пуза,
Будешь сильный, как металл,
И от кукурузы»³⁸⁴.

Сказ про царя Никиту и его свиту (текст № 11)³⁸⁵

Все мы маленькие были,
Слушать сказочки любили
Про Кашея, про Додона.
В сказках как никак –
Побеждал Иван-дурак.
Злые духи погибали,
Добрых люди отбирали
И сажали на престол,
Накрывая к пиру стол.
Нынче все переменялось,
Царство наше обновилось,
Чудо-зеркало сейчас
Телевизором у нас.
А перо от Жар-птицы
Нынче стоит рубель тридцать,
Лишь зайти в энергосбыт,
Там всегда оно висит.
И ковры давно летают, –
Вертолётom называют,
Самокат-автомобиль
Мчится так, что только пыль.
На пороге век двадцатый
Очень техникой богатый.
Да чего там говорить!
А скажу я без прикрас,
Нынче жизнь у нас, как сказ.
И почти, как было встарь,

³⁸³ В реальности во времена Н. С. Хрущева хлеб не экспортировался.

³⁸⁴ № 10. Материалы из архива Л. В. Домановского. Колл. 111. Машинопись. Текст этого стихотворения в общих чертах описывает политику Н. С. Хрущева.

³⁸⁵ № 11. Материалы из архива Л. В. Домановского. Колл. 111. Беловой автограф рукой Л. В. Домановского. 4 лл. В единицу хранения вложен листок с характеристикой, написанный от руки, видимо, А. Н. Мартыновой: «Рукопись представляет собой список текста литературного происхождения, состоящего из двух частей, разделенных неполным паспортом, в котором нет указания на имя, возраст, профессию автора. Ритм и некоторые свойства стиля представляют собой имитацию сказок Пушкина».

Был у нас Никита-царь.
Если Пушкина прочтете,
Царь Никиту там найдете,
Только был тот подурней,
Имел сорок дочерей.
Все красивы, все пригожи,
Друг на друга не похожи.
И на всех на ту беду
Не найдешь одну Балду³⁸⁶.

Я, читатель, лучше вижу,
Подойди как-то поближе,
Век двадцатый опишу,
Сказку новую скажу.
Принц Никита жил когда-то,
Ни высоко, ни богато
И за море не летал,
И подарков не давал.
И имел подобно принцу
Киев-град – свою столицу.
В ней он жил да поживал
И о будущем мечтал.
А в Москве на главном троне
Жил Кашей³⁸⁷, но не в короне
И надел на китель он
Высший воинский погон.
В сказках был Кашей бессмертен,
Был он страшен и приметен,
Но давно уж знает свет,
Что людей бессмертных нет.
Вот пришел конец Кашею –
Смерть взяла к себе злодея.
Для Никиты это сласть,
Захватил Никита власть.
Не промчалось и полгода,
Как нашли врага народа.
Засадили, расстреляли
И Никите власть отдали³⁸⁸.
Но в Кремле не затихали
И друг друга пожирали

³⁸⁶ В комментариях к опубликованному в Живом журнале тексту сказки пользователь *lgdanko* восстанавливает пропущенные строки по памяти: «Все красивы, все пригожи, / Друг на друга не похожи. / Но на ихнюю беду / Бог не создал им пи...ду!» (<http://atrey.livejournal.com/1731832.html?thread=11235064>), что больше соответствует пушкинскому тексту.

³⁸⁷ И. В. Сталин.

³⁸⁸ Имеется в виду Л. П. Берия. Были распространены частушки: «Берия, Берия / Вышел из доверия, / А товарищ Маленков / Надавал ему пинков» (Дмитриев 1993: 4); «В саду поспела алыча / Не для Лаврентья Палыча, / А для Климент Ефремыча / И Вячеслав Михалыча» (Жовтис 1995: 91; Боров 1992: 32).

Маленкова³⁸⁹ отстранили
И Булгошку³⁹⁰ засадили.
А Никита, словно птица,
Стал летать по заграницам
И куда б он не летал.
Всем подарки раздавал:
Тем дворец, тому заводик,
Здесь пшеницы пароходик.
Так он грабил свой народ,
Чтоб другой кормился сброд.
Вот однажды царь Никита
Пригласил в Россию Тита³⁹¹
И сказал: «Прости нас, брат,
Ты ни в чем не виноват.
Вас собакой рисовали,
То Кашей был виноват,
Чтоб ему, поганцу, в ад!
Потерпи-ко Тито, милый,
Дай-ка мне набраться сил
И увидишь, как злодея
Уберут из Мавзолея,
А пока пускай лежит,
Никуда не убежит»³⁹².
Улыбнулся маршал Тито.
Обнял тут его Никита.
Самолетик подарил
И деньжонок посулил.
Вот по царскому Союзу
Посадили кукурузу.
Дескать, кушайте, друзья,
Все о вас забочусь я.
Царь Никита был мордастый
И речистый, и зубастый.
Кукурузу сам не ел,
А других кормить велел.
Вот мы вспомним, для примера,

³⁸⁹ Маленков Георгий Максимилианович (1901 (1902)–1988). В 1953–1955 годах – председатель Совета министров СССР.

³⁹⁰ Булганин Николай Александрович (1895–1975). В 1955–1958 годах – председатель Совета министров СССР. Из воспоминаний А. Жовтиса: «В начале 60-ых годов Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, разъезжая по «за границам», обычно брал с собой председателя Совета Министров Н. А. Булганина. По устам тогда ходила шуточка: «В столицу прибыли Иден с супругой, Никсон с любовницей и Хрущев с Булганиным...»» (Жовтис 1995: 104).

³⁹¹ Броз Тито Иосип (1892–1980) – руководитель Югославии. В 1949 году СССР разорвал Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с Югославией. Причиной послужило нежелание Тито подчиняться Сталину в вопросе о включении Югославии в Балканскую федерацию. В советской печати говорилось, что в Югославии существует «антикоммунистический полицейский режим фашистского типа». При Хрущеве отношения с Югославией были восстановлены и в 1955 году Хрущев посетил Белград.

³⁹² Имеется в виду вынос тела Сталина из Мавзолея в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года по решению XXII съезда ЦК КПСС.

Прилетел Никита к Неру³⁹³,
С ним Булганин полетел.
Увельнул от разных дел.
Долго в Азии гостили,
Ели плов, мускаты пили,
Спьяна влезли в ту страну,
Где хозяин был У Ну³⁹⁴.
И куда б не заходили,
Обещали и дарили.
Так с России уплывал
Трудовой наш капитал.
И как только царь Никита
Нагулялся там досыта,
Неру дал ему слона,
Мол, не жалко нам говна.
Чтобы прокормить китайцев,
Негров, немцев и малайцев
Царь придумал, как тут быть,
Надо денег раздобыть.
И нашел. Мы это знаем,
Прекратил огромный заем.
В долг его с народа брал,
А обратно не отдал³⁹⁵.
И сказал: «Вы потерпите,
Облигации храните,
К коммунизму подойдем,
Снова розыгрыш введем.
Дальше будет там видней,
Двадцать лет – не двадцать дней»³⁹⁶.
Правда, люди пошумели,
Но перечить не посмели.
Царь с трибуны воду льет:
«Вот сознательный народ».
Вот заметил царь Никита,
Что ему мешает свита,
И командовать ему
Захотелось одному.
И подумал, бровь нахмуря,
Как бы не случилась буря,
И решил он без отсрочки
Выгнать всех по-одиночке.

³⁹³ Неру Джавахарлал (1889–1964) – индийский лидер. Про Неру есть анекдот: «– Как тебе Джавахарлал Неру? – Во-первых, не Неру, а Ньюру, а во-вторых, с каких пор это называется джавахарлат?» (Борев 1992: 287).

³⁹⁴ У Ну (1907–1995) – Бирманский политический и государственный деятель.

³⁹⁵ 19 марта 1957 года по инициативе Хрущева Президиум ЦК КПСС принял решение о прекращении выплат по всем выпускам облигаций внутреннего займа.

³⁹⁶ В октябре 1961 года на XXII съезде КПСС была принята III Программа КПСС, выражавшаяся во фразе: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». При этом указывался срок завершения «развернутого строительства коммунизма» – 20 лет.

Царь Никита на совет
Звать Булганина велел:
«Ты, Булганин Николай,
Как прикажут, так и лай,
Дескать, царь и наш хорош,
Каганович³⁹⁷ – это вошь,
Маленков был шарлатан,
А Шепилов³⁹⁸ – интриган.
Вообщем, пыли не жалеи,
Всякой грязью их облей».
Но Булганин вопрошает:
«Что же это означает?»
Царь с улыбкой отвечает:
«Это мой совет тебе,
А не то получишь взбучку,
Попадешь ты в эту кучку.
А на них поднимешь лай,
Будешь третий Николай³⁹⁹».
Лжи Булганин не заметил
И с поклоном так ответил:
«Ладно, службу сослужу
И на пленуме скажу».
Царь собрал скорее пленум
И промолвил: «Я измену
Начинаю замечать,
Разрешите доказать.
Маленков с дороги сбился,
Каганович заблудился,
Влево Молотов свернул,
А Шипилов к ним примкнул⁴⁰⁰.
Чтобы не было раздору,
Надо выгнать эту свору,
Уничтожить эту пиявку,
Удалить, как бородавку».
Снова люди зашумели
И по-разному галдели.
Те хвалили, те ругали,
Большинство не понимали.
Месяц месяцем сменялся.
Царь Никита окопался
И кричит опять: «Несчастье,

³⁹⁷ Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991).

³⁹⁸ Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995).

³⁹⁹ Видимо, речь идет об императорах Николае I и Николае II.

⁴⁰⁰ На заседании Президиума ЦК КПСС в июне 1957 года Маленков, Каганович и Молотов выступили с критикой политики Хрущева. Против Хрущева высказался также Шепилов, ранее не входивший в группировку Маленкова, Кагановича и Молотова. На Пленуме ЦК КПСС 22 июня 1957 года попытка смещения Хрущева провалилась и появилась формулировка «антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». Появился анекдот: «Самая длинная фамилия – *Ипримкнувшийкнимшепилов*» (Борев 1992: 72).

Маршал Жуков лезет к власти⁴⁰¹.
Этот кажется хитрей
И, конечно, поумней». Но и тут смудрил Никита,
Отослал героя к Тито
И без лишней канители
Малиновскому⁴⁰² портфель
Дал с улыбкою умильной,
Жуков тоже стал бессильный.
И на пленуме опять
Стал Никита выступать.
Мы министру доверяли
И в президиум избрали,
Управлять народным строем
Стал четырежды герой
И зазнался наконец
Наш военный удалец.
Николай Булганин снова
За Никиту молвил слово,
В подкрепление царских слов
С речью выступил Козлов⁴⁰³.
Назван был авантюристом
И военным карьеристом.
Выгнан Жуков из ЦК'а
И Кремлевского дворца.
Снова люди зашумели,
Только силу не имели,
На губах у всех печать,
Научил Кашей молчать.
Царь Никита не боится.
Снял с поста и Николая,
Из-под зада выбил трон,
Растоптал и выгнал вон
И отправил, как навоз,
В ставропольский совнархоз⁴⁰⁴.
Стал хозяин тут и там,
Все теперь решает сам.

⁴⁰¹ Жуков Георгий Константинович (1896–1974). В 1955–1957 годах – министр обороны СССР. В 1957 году исключен из состава ЦК партии, в 1958 году отправлен в отставку. См. у А. Борева: «Хрущева беспокоили и репутация Жукова как народного маршала, и слухи о его бонапартистских замашках. С большой пышностью он отправил маршала с визитом в Югославию и Албанию: крейсер с маршалом на борту сопровождали эсминцы «Бывалый» и «Блестящий». Когда маршал вернулся на родину, его встречал лишь полковник генерального штаба. «В чем дело?» – спросил Жуков. «Товарищ Маршал Советского Союза, решением Пленума ЦК КПСС вы смещены с поста министра обороны». – «Кого назначили?» – «Малиновского». – «Ну слава богу, что не Фурцеву!» (Борев 1992: 73).

⁴⁰² Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967). В 1957–1967 – министр обороны СССР.

⁴⁰³ Козлов Фрол Романович (1908–1965). 1957–1958 – председатель Совета Министров СССР, 1958–1960 – первый заместитель председателя Совета Министров; 1960–1964 – секретарь ЦК КПСС.

⁴⁰⁴ В 1958 году Булганин не был переизбран на пост председателя Совета Министров СССР, выведен из состава Политбюро, лишен звания Маршала Советского Союза, а в декабре того же года отправлен в Ставрополь на должность председателя совнархоза.

Сам придумал семилетку⁴⁰⁵,
Приказал пустить ракетку
На далекую луну
Разбудить там Сотону.
Стаж имея за плечами,
Выступал везде с речами,
Жизнь хорошую сулил
И, конечно, говорил:
«Мы Америку догоним
И по мясу перегоним⁴⁰⁶,
По одежде, по руде,
Будет рай у нас везде⁴⁰⁷.
Все идеи из него лились,
Как сквозь решето валились.
Кличь пустил на всю страну.
Всех послал на целину⁴⁰⁸.
Сеял хлеб на целине,
А собирал в другой стране.
Очередь за хлебом прет,
А Никита все орет:
«Догоняем, догоняем
За Америкой вперед».
Догоняли, догоняли,
Чуть штаны не потеряли⁴⁰⁹.
И в Америку слетал
И в ООН'е побывал,
Опозорил всех он нас.
Заявил он за границей,
Что простой он свинопас⁴¹⁰.
Сам счастливо поживал,
Коммунизма он не ждал,
А потом он заблудился

⁴⁰⁵ Семилетний план был одобрен на XXI съезде КПСС в 1959 году.

⁴⁰⁶ Н. С. Хрущев 22 мая 1957 года в речи на зональном совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР призывал догнать и перегнать Америку по всем экономическим показателям.

⁴⁰⁷ В комментариях к опубликованному в Живом журнале тексту сказки пользователь *Igdanko* восстанавливает пропущенные строки по памяти: «Мы Америку догнали / И по мясу перегнали, / По одежде, по руде... / Только все это в пи...де!» (<http://atrey.livejournal.com/1731832.html?thread=11235064>). Этот комментарий пользователя Живого журнала может свидетельствовать о самостоятельном бытовании отдельных фрагментов сказа. Так как заключительная строка «Только все это в пи...де» вместо «Будет рай у нас везде» меняет смысл высказывания Хрущева на противоположный и противоречит логике поэмы. Высказывание Хрущева о «догоним и перегоним Америку» послужило основой для многочисленных анекдотов. Анекдоты на сюжет «догоним и перегоним» появляются еще в сталинское время: «На собрании докладчик распространялся о том, как мы догоним капиталистические страны. Вопрос из публики: – А когда догоним, можно там остаться?» (Brandenberger 2009: 61).

⁴⁰⁸ Освоение целины происходило в 1954–1960-х годах.

⁴⁰⁹ Возможна отсылка к анекдоту: «Хрущев выступает на Кировском заводе: «Мы, товарищи, скоро не только догоним, но и перегоним Америку!» Голос из толпы: «Догнать Америку мы, Никита Сергеевич, согласны. Только перегонять бы не надо». – «А почему?» – «Голый зад будет видно!»» (<http://afinka.ru/humor-31-71.html>).

⁴¹⁰ В 1959 году состоялся визит Н. С. Хрущева в США. На одном из сайтов в обсуждении журналистской статьи о визите Н. С. Хрущева в США, посетитель добавил такой комментарий: «Вспомнился сейчас стишок, который в 60-х годах «гулял» в Алма-Ате: «Юра, Юра ты могуч, / Ты летаешь выше туч, / Полетишь ты на орбиту, / Забери с собой Никиту, / Чтобы этот свинопас, / Не _бал рабочий класс» (http://rus.azattyq.org/content/American_exhibition_Moscow/1784433.html).

И с вершины покатился.
Ты скорби, народ-творец,

* * *

В СССР Никита жил⁴¹¹,
Часто речи говорил,
Часто ездил за границу,
Продавал свою пшеницу.
В Гане⁴¹² строил он заводы,
Покорил в Египте воды,
В Африке его любили,
Он дарил автомобили.
Дал Лумумбе⁴¹³ самолет,
Тот, кто знает, тот поймет.
Что ж народ? Народ терпел,
Хоть и досыта не ел.
Помогал работе сей
Зять Никиты – Аджубей⁴¹⁴.
Тот на дочке был женат
И тому был очень рад.
Так мы жили, не тужили.
Белый хлеб совсем забыли,
Хоть и масло не видали,
Планы все же выполняли.
Наконец решил народ:
Дальше дело не пойдет.
Тут и сказочки конец.
Но скажу вам по-секрету,
Я продолжу сказку эту.

Апрель. 1965 г. Адмиралт<ейский> з<аво>д

Пленум быстро мы собрали
Все вопросы то? (так!) брали.
Говорил: «Пиши, Никита,
Откровенно и открыто,

⁴¹¹ № 11. Материалы из архива Л. В. Домановского. Колл. 111. Беловой автограф рукой Л. В. Домановского. Л. 5. Комментарий архивиста, по-видимому, А. Н. Мартыновой: «Политический памфлет имеет отсылки к неприличной стихотворной сказке А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» (1822), текст кратко пересказывается в начале нового «Никиты»».

⁴¹² Гана – государство в Западной Африке, независимое с 1957 года. Лидер Ганы в своих политических реформах опирался на страны социалистического лагеря – СССР и Китай.

⁴¹³ Лумумба Патрис (1925–1961) – первый премьер-министр Демократической Республики Конго, ставшей независимой в 1960 году.

⁴¹⁴ Аджубей Алексей Иванович (1924–1993) – главный редактор «Комсомольской правды» (1957–1959) и «Известий» (1959–1964), депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, зять Н. С. Хрущева.

Может, мы тебя простим,
Но с поста тебя сместим».
Он хотя сопротивлялся,
Но потом во всем сознался,
Заявление написал,
На здоровье упирал.
Дескать, слаб я стал мозгой,
Допустил промах большой.
Но прошу меня простить,
Зла на сердце не таить.
Вдруг тут Брежнев говорит:
«А народ-то не простит,
Чем народ-то ты кормил,
Только речи говорил.
Так что вот, давай нам дело
Поведем народ мы смело,
Скоро лучше будем жить».
Только так! Тому и быть.

Апрель, 1965 г.

Анекдоты из коллекции Л. В. Домановского (подборка № 12)

1.

Какая разница между Моисеем и Нассером? Моисей вывел евреев из Египта, а Нассер не может их вывести⁴¹⁵.

2.

Теперь не говорят «еврейская морда», а «лицо агрессора»⁴¹⁶.
анекдоты из коллекции Л. В. Домановского

(подборка № 14)

1.

Космонавты докладывают:
– Все в порядке. Самочувствие хорошее, готовы выполнить любое задание любого советского правительства⁴¹⁷.

⁴¹⁵ № 12. Л. 1. Автограф, синие чернила. Дата: «12 окт<ября> 67 г.». Гамаль Абдель Насер (1918–1970) – президент Египта (1956–1970). В 1967 году была шестидневная война Египта с Израилем, в ходе которой Египет проиграл, а Насер ушел в отставку. Карлу Радеку приписывается высказывание: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из политбюро» (Борев 1991: 111). Тот же сюжет, относящийся к Сталину 1920–1930-х годов в вопросно-ответной форме: «Какое сходство между Сталиным и Моисеем? – Моисей вывел евреев из земли египетской, а Сталин – из Кремля» (Азбелев 1994: 45). В одном из анекдотов, перечисляется, что успел сделать Хрущев, один из пунктов: «Успел дать орден Ленина и золотую звезду Героя Советского Союза Насеру – за разгром египетской компартии. Не успел дать ему орден Победы за поражение в Синайской войне» (СС 1987: 247).

⁴¹⁶ № 12. Л. 1. Автограф, синие чернила. Связанный с предыдущим текстом. СССР поддерживал Египет в ходе шестидневной войны. Агрессивные действия предпринимал Израиль – это объясняет «лицо агрессора» как штамп для наименования израильтян в советской прессе 1967 года.

⁴¹⁷ № 14. Л. 1. Автограф, зеленые чернила. Карандашом написано «спецхран». «Готовы выполнить задание любого правительства!» – фраза якобы сказанная летчиком-космонавтом Владимиром Михайловичем Комаровым (1927–1967) вместо принятой «Готовы выполнить любое задание правительства!» при встрече космического экипажа с новым правительством. Космический корабль «Восход» с экипажем из трех человек был запущен 12 октября 1964 года,

2.

- Что-то у нас очень часто меняются власти.
- Да, но основная политика остается все той же самой.
- Какой же?
- Х.⁴¹⁸

3.

- Слышал, «Аврору» на буксире в Москву отогнали?
- Поставят на Москве-реке и будет каждый месяц стрелять по временному правительству⁴¹⁹.

4.

- Знаешь, кто у нас самый сильный шахматист?
- Микоян: со Сталиным сыграл вничью, Хрущеву дал мат, а с новым правительством – выставил две пешки и отложил партию⁴²⁰.

5.

Черчилль сказал о Хрущеве: «Самый болтливый в мире премьерминистр ушел с поста, не сказав ни слова»⁴²¹.

6.

- Если стукнуть по лысине, что может быть?
- Две шевелюры⁴²².

приземлился 13 октября. Во время полета Комаров рапортовал Хрущеву: «Вы ждете нас на земле, и мы <...> доложим о выполнении порученного нам задания». 14 октября Хрущев был снят со всех постов. 19 октября космический экипаж в аэропорту Внуково встречало уже новое правительство во главе с Брежневым. Космонавт рапортовал: «Готовы к выполнению новых заданий партии и правительства». Разговор с космонавтами на орбите было последним публичным выступлением Хрущева, а встреча космонавтов – первым мероприятием нового правительства. Фраза появилась в 1930-е годы. В. Чкалов после перелета в Америку через Северный полюс писал Сталину: «Думаю, что выражу мнение своих товарищей Байдукова и Белякова, если в ответ на новую награду дам Вам обещание – любое Ваше задание, любое задание партии и правительства будет выполнено» (Чкалов 1937; см.: Душенко 2006: 220). Был распространен анекдот: «Что общего у Хрущева с космическим экипажем «Восток-1»? – Они вылетели почти одновременно» (Боров 1992: 118).

⁴¹⁸ № 14. Л. 1. Автограф, зеленые чернила. Х-рущевской или х-уевой.

⁴¹⁹ № 14. Л. 1. Автограф, зеленые чернила. Дек<абрь> 1964 года. 13–14 октября 1964 года на Пленуме ЦК КПСС Хрущев был снят со всех постов. Вар.: «Как известно, на ноябрьские праздники, следовавшие за снятием Хрущева, крейсер «Аврора» хотели перевести по каналу в Москву. Зачем? – Дать залп по временному правительству» [http://anekdot-otbornoe.ru/politika_anekdot/Xrushev_30.html – 2011]. Этот сюжет актуализировался во время событий 1991 года: «К набережной Белого дома подошел маленький кораблик. Это речники высказали солидарность с правительством РСФСР. На баррикадах шутили: «Это наша “Аврора”» (Боров 1992: 342).

⁴²⁰ № 14. Л. 1. Автограф. Зеленые чернила. Метафора «политической игры» может реализовываться в анекдоте и как шахматная партия, так и как карточная игра: «Хрущев пожаловался на Молотова, Кагановича, Булганина и на других бывших коллег, что они не хотят играть с ним в преферанс. – Почему не зовете? Нехорошо! – А почему он нас прогнал, когда сам играл в дурака» (СС 1987: 250–251). У Микояна была долгая политическая карьера. При Сталине много лет он занимал должность наркома внешней торговли, при Хрущеве был заместителем председателя Совета Министров, и министром внутренней и внешней торговли. На президиуме ЦК КПСС в октябре 1964 года он сначала высказался против смещения Хрущева с поста секретаря ЦК, но в итоге согласился с мнением большинства. Видимо, «мат» Хрущеву и заключается в этом поступке. При Брежневе его карьера была недолгой. В 1965 году он был отправлен на пенсию.

⁴²¹ № 14. Л. 1. Автограф. Зеленые чернила. «(Из мемуаров де Голля) «Хрущев все время своего сумбурного правления воевал с трупом Сталина и так и не победил его. Это был самый болтливый премьер, который, однако, не сказал, уходя в отставку не единого слова». Поэт Сергей Смирнов в поэме «Свидетельствую сам» (Москва. 1964. № 12) написал: «Самый многословный из премьеров, уходя, ни слова не изрек»» (СС 1987: 246).

⁴²² № 14. Л. 1 (об). Автограф. Зеленые чернила. «Лысина» – Н. С. Хрущев, «шевелюры» – Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин, сместившие Хрущева на осеннем Пленуме ЦК КПСС в 1964 году. К данному анекдоту можно отнести поверье о смене власти в России – лысый – волосатый: Ленин – лысый, Сталин – волосатый, Хрущев – лысый, Брежнев – волосатый <...> Горбачев – лысый, Ельцин – волосатый... См.: (Krikmann 2004: 236–237). Ср. анекдот: «Как бороться с лысиной? – На политические вопросы не отвечаем» (СС 1987: 238). В последнем издании есть указание на дату фиксации – 1963 год.

7.

Микоян пишет мемуары: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича»⁴²³.

8.

В трехтысячном году сын спрашивает у отца:

– Папа, кто такой был Хрущев?

– Сейчас посмотрим в энциклопедии: Н. С. Хрущев, даты жизни, разоблачитель культа Сталина, продвигатель кукурузы и современник Аркадия Райкина.⁴²⁴

9.

Слышал, Хрущева не хотят уволить с поста?

– Дали ему «бегунка», стал везде отмечать. Везде поставили подписи, пошел в Мавзолей, а там не отмечают: не хватает одного человека из имущества⁴²⁵.

10.

Армянское радио спросили:

– Если стукнуть по лысине, что будет?

Радио ответило:

– Все будет!⁴²⁶

11.

Армянское радио спросили:

– Как решить квартирный вопрос и увеличить жилплощадь?

– Жилплощадь увеличить можно, нужно ручку ночного горшка сделать не наружу, а во внутрь⁴²⁷.

12.

⁴²³ № 14. Л. 1 (об). Автограф. Зеленые чернила. А. И. Микоян начал свою политическую деятельность при В. И. Ленине и закончил ее при Л. И. Брежнев. Тот же текст в книге (Борев 1992: 74).

⁴²⁴ № 14. Л. 1 (об). Автограф. Зеленые чернила. Текст датирован: «24 дек<абр> 64 г.». Распространенная форма / рамка политического анекдота. Ср.: «Из энциклопедии XXI века: «Брежнев – мелкий политикан эпохи Сахарова и Солженицына»» (<http://politic-anekdot.com/anekdoti-prokgb/anekdoti-pro-intelligentov-i-dissid.php>); вар.: «Кто такой Хрущев? – Мелкий политик эпохи Аркадия Райкина» (Борев 1992: 68); «Кто такой Хрущев? (Энциклопедия XXI века) – Мелкий общественный деятель времен Аркадия Райкина» (СС 1987: 230). В последнем издании есть указание на дату фиксации – 1957 год.

⁴²⁵ № 14. Л. 1 (об). Автограф. Зеленые чернила. Текст датирован: «дек<абр> 64 г.». Н. С. Хрущев санкционировал вынос тела И. В. Сталина из Мавзолея в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года. Вар.: «Перед увольнением Хрущеву не подписывают в мавзолее обходной лист: он принял за двоих, а сдал за одного» (http://anekdototborno.ru/politika_anekdot/Xrushev_25.html – 2011); «Почему Хрущеву не подписывают обходной лист? – Потому что принял в Мавзолее двоих, а сдал одного» (СС 1987: 247). Обходной лист («бегунок») – документ, с которым сотрудник перед увольнением обходит структурные подразделения организации и отмечает у начальников отделов отсутствие задолженности или материальных претензий.

⁴²⁶ № 14. Л. 2. Автограф, карандаш, чернила, почерк Л. В. Домановского. Комментарий Домановского в скобках под текстом: «Более ранний вариант распространялся при Хрущеве». См. также текст № 8 в наст. публ. В 1963 году зафиксирован анекдот: «Что будет, если дать молотком по лысине? – Тогда все будет» (СС 1987: 239).

⁴²⁷ № 14. Л. 2. Автограф, карандаш, чернила, почерк Л. В. Домановского. В 1955 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», давшее начало строительству сначала в Москве, а затем и в других городах дешевого типового жилья, «хрущевки»: «Чего не успел Хрущев в жилищном строительстве? – Он не успел сделать уборную проходной, объединить унитаз с ванной и соединить пол с потолком...» (<http://politfun.net/index.php?m=0&t=12&p=22> – 2011). Вар.: «Каким должен быть горшок в малогабаритной квартире? – Ручкой внутрь» (Борев 1992: 165).

На площади Ленина, у Финляндского вокзала была сделана подпись:

Дорогой Ильич, проснись
И с Хрущевым разберись,
Масло стоит тридцать семь,
Хлеба-булки нет совсем.

Она была связана с запрещением продажи муки, резким сокращением выпечки хлеба и появлением «хрущевских» батонов осенью 1963 г.⁴²⁸.

13.

Говорят, скоро объявят, что мы живем при коммунизме.
– А как мы узнаем об этом?
– Из закрытого письма ЦК⁴²⁹.

14.

Говорят, что скоро выпустят новые деньги: бумажные будут с бахромой.
– Зачем с бахромой?
– Чтобы свести концы с концами⁴³⁰.

15.

Хрущева погубили пять «К»: кукуруза, кумовство, Куба, кузькина мать...⁴³¹

частушки из коллекции Л. В. Домановского
(подборка № 17)⁴³²

1.

⁴²⁸ № 14. Л. 2. Автограф, карандаш, чернила, почерк Л. В. Домановского. Текст датирован: «2 янв<аря> 65 г.». О такой же надписи на постаменте памятника Ленину в Перми см.: Гафуров 2004; Минаева, Панченко 2010.

⁴²⁹ № 14. Л. 2. Автограф, карандаш, чернила, почерк Л. В. Домановского. Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС в 1961 году заявил: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»; «к 1980 году в СССР будут созданы основы коммунистического общества». Вар.: Боров 1992: 206.

⁴³⁰ № 14. Л. 2. Автограф, карандаш, чернила, почерк Л. В. Домановского. В одном из анекдотов перечисляется, что успел сделать Хрущев, один из пунктов: «Успел выпустит новые бумажные деньги в десять раз дороже старых» (СС 1987: 247). С 1 января 1961 года была проведена денежная реформа. Деньги образца 1947 года были обменены на новые банкноты и монеты в соотношении 10:1, в таком же соотношении изменились стоимость товаров, зарплата и пр. Новые деньги по формату были значительно меньше сталинских.

⁴³¹ № 14. Л. 2. Автограф, карандаш, чернила, почерк Л. В. Домановского. Варианты анекдота: «Хрущев любил слова на букву «К» и они сопровождали его в течение всего «славного десятилетия»: культ личности, кукуруза, коммунизм, Китай, Карибский кризис, кузькина мать» (Боров 1992: 66); «За что сняли Хрущева? – За десять «К»: за коллективное руководство, за культ личности, за Кубу, за кукурузу, за коров, за Китай, за кумовство, за краснбайство, за Коммунизм и за Кузькину мать» (СС 1987: 244). В последнем издании есть указание на дату фиксации – 1964 год. Причины «гибели» Хрущева явились его ошибки во внешней и внутренней политике: 1) Кукуруза. После визита Н. С. Хрущева в США в 1959 году и посещения фермы Р. Гарста в штате Айова Н. С. Хрущев решил «перенять опыт» и силовыми методами пытался насаждать кукурузу в СССР. По замыслу Хрущева, внедрение кукурузы должно было поднять животноводство. 2) Кумовство. Зять Н. С. Хрущева А. И. Аджубей был депутатом Верховного Совета СССР и членом ЦК КПСС. 3) Куба. В октябре 1962 года американский самолет-разведчик обнаружил советские ядерные ракеты на Кубе, что вызвало резкое ухудшение отношений между СССР и США, Карибский кризис. 4) «Кузькина мать». 24 июня 1959 года во время визита вице-президента США Р. Никсона в Москву Хрущев сказал ему: «Мы вам ещё покажем кузькину мать!» Фраза была повторена Хрущевым в отчете ЦК КПСС XXII съезду партии 17 октября 1961 года.

⁴³² Автограф. Полевая запись. Карандаш.

Ленин с Троцким ел собаку,
А Ежов ел барсука,
А эта прочая коммуна
Доедала мужика.

2.

Колхозники-совхозники
За номером один.
Пойдете побираться –
Мы вам хлеба не дадим.

(текст № 21)

Пришёл старик домой и говорит старухе: «Старуха, я в партию вступил». Старуха: «У, дурак старый, сколько раз я тебе говорю: одевай очки. Вчера в навоз вступил, сегодня – в партию»⁴³³.

В подборку включены еще два текста:

1) «Пасется корова на лугу. Скучно ей и решила она кого-нибудь затронуть. Видит кот сидит, она и говорит ему: «Такой маленький, а с усами». А кот не профан, отвечает: «Такая большая и без лифчика»»;

2) «Украли у зайца чемодан. Что делать песня и частушки из коллекции Л. В. Домановского (подборка № 23)

В скалистых горах Апатиты,
Где строится новый завод,
Туда сослано много народа
Неизвестно на сколько годов
Едят они пищу плохую
И хлеба им мало дают.
Едят они тухлую рыбу
И воду холодную пьют⁴³⁴.

1.

Ах, меня премировали:
Радовалась день-деньской.
Ах, мне три горшка дали:
Детской, дамской и мужской⁴³⁵.

⁴³³ № 21. Автограф. Синяя ручка. Без паспорта, б/д. Исполнитель анекдота – ребенок.

⁴³⁴ № 23. 17 лл. Л. 1. Дата 1929 год. Перетекстовка популярной в 1930-е годы лагерной песни «Я живу близ Охотского моря» (Джекобсон 1998: 309–312; Жигулин 1989: 189; Песни узников 1995: 66–67). См. статью А. А. Панченко «Беглецы и доносчики. «Военные нарративы» в современной новгородской деревне» в настоящем сборнике. А. Жигулин отмечает: «Это колымская песня, сложенная в начале тридцатых годов, была широко известна еще до войны и стала своего рода тюремнолагерной классикой» (Жигулин 1989: 189). Апатиты – город в Мурманской области, появился в 1935 году как поселок на месте открытия и разработки Хибинских месторождений апатито-нефелиновых руд.

⁴³⁵ Л. 2 (об). Автограф. Зеленые чернила. Между второй и третьей строками слева от текста поставлена стрелка, обозначающая перестановку строк. Текст пародирует просоветские частушки про премии. См. текст в публикации частушек из собрания М. И. Романова (приложение, текст № 21).

2.

Стали дни веселые:
По сорок дней не жрать,
По месяцу не гуливать,
По <двадцать> дней не спать⁴³⁶.

3.

Ленин с Троцким просят масло,
А Зиновьев молока.
А мужики им отвечают:
«Отвалился хер с быка»⁴³⁷.

4.

Никто так не боится,
Как колхозники войны:
Забираются на крышу
И кричат как воробьи⁴³⁸.

5.

Едет Ленин на баране.
У барана один рог.
– Ты куда, плешивый, едешь?
– Раскулачивать народ⁴³⁹.

6.

Едет Ленин на карете,
А карета на боку.
– Ты куда едешь, плешатый?

⁴³⁶ Л. 5.Автограф. Карандаш. Возможно, частушка имеет отсылку к распространенной народной песне «Бывали дни веселые», которая, в свою очередь, восходит к балладе П. Горохова «Изменница» (1901).

⁴³⁷ Л. 5 «Акимов М. Е. (1904 г. р., русский, прежде судим, образование 2 класса, без определенных занятий, Орловская область) 29 мая 1953 года на вокзале станции Орел хулиганил, нецензурно ругался и пел частушку: «Коммунисты просят масло, комсомольцы молока, а им С. отвечает <...> сломался у быка». В приговоре отмечалось, что частушка, которую распевал Акимов по своему содержанию носит антисоветский характер, т. к. в ней с исключительным цинизмом высмеиваются комсомол, партия и вождь» (58.10 1999: 171). С. – Сталин (судя по комментарию, данному про содержание частушки). Сравни поздний вариант с Гитлером: «Плакал Гитлер у забора, / Просил крынку молока, / А доярка отвечала: / «Подую тебе быка!»» (АКФ АГ СПбГУ, 98–08–43–1). Любопытно, что в частушках обычно мужик/баба «кормят» вождей, требующих молока и пр. В тексте, озвученном в приговоре суда, роль кормящего берет на себя Сталин и кормит он комсомольцев и коммунистов, т. е. вождь кормит народ. В статье А. Д. Синявского «Отечество. Блатная песня...» похожий текст функционирует в виде блатной песни: «Ты пинешь, что корова околела / И не хватает в доме молока... / Ну ничего, поправим это дело: / Куплю тебе я дойного быка (Синявский 2003: 275).

⁴³⁸ Л. 6. Автограф. Синие чернила.

⁴³⁹ Л. 7.Автограф. Карандаш. Помета – «м. ал.». Вар.: «Едет Сталин на корове, / У коровы один рог. / Ты куда товарищ Сталин? / – Раскулачивать народ!» (Бахтин 1994: 48). Текст со Сталиным исторически более достоверен. Вар.: «Едет Ленин на баране, / У барана один рог. / – Ты куда, товарищ, едешь? / – Еду вдоль и поперек» (Азбелев 1994: 46.№ 20).

– За коровой к кулаку⁴⁴⁰.

7.

Едя Ленин на ерушке⁴⁴¹
Отбирать от баб матушки⁴⁴².
Бабы бегают и плачут,
По кустам матушки прячут⁴⁴³.

8.

Пишет Киров из могилы
Дорогому Сталину:
«Распустите все колхозы,
Будем жить по-старому»⁴⁴⁴.
Сидит Ленин на диване,
Плетет лапти костыгом.
Все колхозники обуты
А крестьяне босиком⁴⁴⁵.

9.

Ленин помирал,
Сталину показывал:
– Хлеб по карточкам давай,
Мясо не показывай⁴⁴⁶.

10.

Не боюсь я мороза,
Боюсь холоду.
Не боюсь я колхоза,
А боюсь голоду⁴⁴⁷.

11.

⁴⁴⁰ Л. 7. Автограф. Карандаш. Вар.: «Едет Сталин на телеге, / А телега на боку. / Ты куда, товарищ Сталин? / – За налогом к мужику (Бахтин 1994: 48).

⁴⁴¹ Ерушка – (арх.) маленькая овечка (СРНГ 1972: 36).

⁴⁴² Скорее всего, вместо «матушки» было «мандушки».

⁴⁴³ Л. 8. Автограф. Карандаш. Имеются пометы «переписано», после текста указаны инициалы исполнителя «Ж. Е.».

⁴⁴⁴ Л. 8. Автограф. Карандаш. См. комментарий к тексту № 6 в подборке № 26 (записи от О. Н. Минаевой) в настоящей публикации, а также № 10 в этой подборке.

⁴⁴⁵ Л. 8. Автограф. Карандаш. Указан исполнитель: «Миша Ильин». Текст перечеркнут, на полях помета – «запис». Костыг (диал.) – широкое загнутое шило, с помощью которого плетут лапти (СРНГ 79: 84). Ср. текст № 24 в подборке частушек № 3, записанных И. Д. Фридрихом в настоящей публикации.

⁴⁴⁶ Л. 8. Автограф. Карандаш. Указан исполнитель «Т., 13 л.» (лет?) Текст перечеркнут черными чернилами. См. комментарий к тексту № 6 в подборке № 26 (записи от О. Н. Минаевой) в настоящей публикации.

⁴⁴⁷ Л. 11. Автограф. Синие чернила. Вар.: «Если б не было зимы, / Не было бы холода, / Если б не было колхозов, / Не было бы голода (Бахтин 1994: 49).

В колхоз пойдем,
Будем веселиться.
С колхоза пойдем,
В озеро топиться⁴⁴⁸.

12.

В Дом<ановском> колхозе
Председатель нехорош.
На общественные деньги
Купил женки<й> макинтош⁴⁴⁹.

13.

Нас в коммуну приглашали
Со вниманием большим:
– Если в коммуну не пойдете,
Сразу голосу лишим⁴⁵⁰.

14.

Спасибо, братец Сталин,
По коровке нам оставил;
Буду Ленина просить,
Чтоб молоко нам не носить⁴⁵¹.

15.

Жить в колхозе хорошо,
Мне в колхозе нравится.
Председателя люблю,
Счетовод гоняется⁴⁵².

16.

В Дом<ановском> колхозе
Стали сливочки копить.
Председатель своей жинке
Хочет туфельки купить⁴⁵³.

⁴⁴⁸ Л. 11. Автограф. Синие чернила.

⁴⁴⁹ Л. 11. Автограф. Синие чернила. Черными чернилами обозначено, что текст переписан. Деревня Доманово Новоржевского района Псковской области.

⁴⁵⁰ Л. 11. Автограф. Синие чернила. Помета «переписано». В 1930 году в ходе «ликвидации кулачества как класса» крестьян, не желающих вступать в колхоз, автоматические причисляли к кулакам. Согласно статистике, в некоторых районах доля раскулаченных доходила до 15 %, а лишенных избирательных прав – до 15–20 % (Доброноженко 2001: 25–26).

⁴⁵¹ Л. 11 об. Автограф. Карандаш.

⁴⁵² Л. 11 об. Автограф. Карандаш. «Записано в дер. Доманово Новорж<евского> р-на июль 1937 г.». Помета относится к этому и предыдущему тексту.

⁴⁵³ Л. 11 об. Автограф. Синие чернила.

17.

В Дом<ановском> колхозе
Семя не молочено.
Молотить его не надо:
В птицах обмолочено⁴⁵⁴.

18.

В колхоз идти
Не надо бояться.
<Сорок> м<етров> одеяло
Будем одеваться⁴⁵⁵.

19.

В Дом<ановском>-то колхозе
Два сарая валится.
На ели висит веревка,
Коммунары давятся⁴⁵⁶.

20.

В Дом<ановском> колхозе
Поросенок околел.
Ал. Калинин⁴⁵⁷ плачет,
Что свининки не поел⁴⁵⁸.

21.

Ленин пишет из могилы:
«Зачем назвали Ленинград?
Его строил Петр I,
А не я, плешивый гад»⁴⁵⁹.

22.

В чьем-нить колхозе
Молотилки новые.
Воробьи, галки, вороны

⁴⁵⁴ Л. 11 об. Автограф. Синие чернила.

⁴⁵⁵ Л. 12. Автограф. Карандаш. См. вар.: текст № 26 в подборке № 26 в настоящей публикации.

⁴⁵⁶ Л. 14 об. Автограф.

⁴⁵⁷ Вероятно, имеется в виду Михаил Иванович Калинин (1875–1946).

⁴⁵⁸ Л. 14 об. Автограф.

⁴⁵⁹ Л. 15. Автограф. Синие чернила.

Молотить здоровые⁴⁶⁰.

23.

В Домановск<ом> колхозе
Закупали жеребца.
Едут колхозники на ярмарку,
Запряжена овца⁴⁶¹.

24.

Посмотрите-ка ребята:
Колхоз выехал пахать.
Кони кулацкие запряжены⁴⁶²,
Их не нужно подгонять⁴⁶³.

25.

Калинин Сталина спросил:
– Где ты сено накошил?
Сталин Калинин в ответ:
– Обобрал весь белый свет⁴⁶⁴.

26.

Раньше не было того,
Что теперь творится:
На хлеве кулак ночует,
Выселки боится⁴⁶⁵.

27.

Умирал кулак и нищий,
Был покойнику почет.
Его клали на кладбище,
А теперь наоборот.

Вместо склепа и могилы,
В печке жарили его.
С непривычки было трудно,

⁴⁶⁰ Л. 15. Автограф. Синие чернила.

⁴⁶¹ Л. 15. Автограф. Синие чернила.

⁴⁶² В рукописи читается «кони кулацкая запряжен».

⁴⁶³ Л. 15. Автограф. Синие чернила. Отметка «переписано».

⁴⁶⁴ Л. 15. Автограф. Синие чернила. Отметка «переписано». Вар.: «Ленин Сталина спросил: / – Где ты сена накошил? / – Я косы в руки не брал – / Всю Россию обобрал» (Бахтин 1994: 48). Как считают А. С. Архипова и М. А. Мельниченко, этот текст восходит к детской считалке: «Рыжий красного спросил / Чем ты бороду красил?» (Архипова, Мельниченко 2010: 159).

⁴⁶⁵ Л. 15 об.

А теперь привыкли ничего.

Раньше вывески писали:
Кто не взглянет, всяк поймет.
Раньше слов не сокращали,
А теперь наоборот⁴⁶⁶.

28.

В Бездешском колхозе
Там ни беса не понять:
Председатель ходит плачет,
Что колхоза не собрать⁴⁶⁷.

29.

В Бездешском колхозе
На троих делят коня:
Шумунихе хвост да грива,
А Корявому дуга⁴⁶⁸.

30.

В Острявисвом(?) колхозе
Висит серп-молоток,
У счетовода нет рубахи,
У председателя порток⁴⁶⁹.

31.

В Олешкинском колхозе
Там есть всякий же народ.
Люди в колхозе живут плачут,
А в Олёшине наоборот⁴⁷⁰.

32.

Шла корова из колхоза,
Слезы капали на нос.

⁴⁶⁶ Л. 15 об. См. анализ этих текстов во вступительной статье. 14 декабря 1920 года в Петрограде был открыт первый в Советской России крематорий. Он просуществовал до 1923 года. Однако после открытия крематория в Москве в 1927 году на территории Донского монастыря, в Северной столице власти возобновили деятельность по строительству крематория. В 1929–1930 годах был объявлен архитектурный конкурс на проект крематория на Волковском кладбище. См.: Шкаровский 2006.

⁴⁶⁷ Л. 16. Автограф. Карандаш. Деревня Бездеж Новоржевского района Псковской области.

⁴⁶⁸ Л. 16. Автограф. Карандаш.

⁴⁶⁹ Л. 16 об. Автограф. Синие чернила.

⁴⁷⁰ Л. 16 об. Автограф. Синие чернила.

– Хвост по жопу отрубите,
Не пойду больше в колхоз⁴⁷¹.

33.

Колхозники, колхозники,
Поганикова кровь.
Отобрали сено-клевер,
Отбирайте и коров⁴⁷².

34.

Колхозники, колхозники,
Под номером второй.
Пойдите побираться:
Мы погоним вас метлой⁴⁷³.

35.

Колхозники, колхозники,
Под номером один.
Вы хлебы черные едите,
А мы белых не хотим⁴⁷⁴.

36.

Не бахваляйтесь, колхозники,
Своими трудоднями.
На трудодень всего достанется
Осыпки килограмм⁴⁷⁵.

37.

Единоличники гуляют,
Что цветы в поле цветут.
Колхозники с работы
Еле ноги волокут⁴⁷⁶.

⁴⁷¹ Л. 17. Автограф. Синие чернила. Есть анекдотический сюжет «Сталин пугает быка: обещает отдать в колхоз»: «Едут в машине Сталин, Рузвельт и Черчилль и вдруг дорогу им преградила корова. Вышел Черчилль и говорит корове: не сойдешь с дороги – прирежу. Корова стоит. Выходит Рузвельт: уйди, мол, животное, а то пристрелю! Корова ни с места. Настала очередь Сталина. Он подошел к скотине, что-то шепнул ей на ухо, и корову словно ветром сдуло с дороги. Что ты ей сказал? – спросили Сталина Черчилль и Рузвельт. Сказал, что, если не уйдешь с дороги, загоню в колхоз, – ответил Сталин» (Архипова, Мельниченко 2010: 296–299).

⁴⁷² Л. 17. Автограф. Синие чернила.

⁴⁷³ Л. 17. Автограф. Синие чернила.

⁴⁷⁴ Л. 17. Автограф. Синие чернила. См. текст № 2 в подборке № 17 в настоящей публикации.

⁴⁷⁵ Л. 17. Автограф. Синие чернила. Трудодень – мера оценки количества и качества труда в колхозах в 1930–1966 годах. Зарплата в колхозах не платилась, колхозник получал долю колхозного дохода в соответствии с выработанными трудоднями. Осыпка – зерно, упавшее на землю.

⁴⁷⁶ Л. 17 об. Автограф. Единоличник – крестьянин, имеющий собственное хозяйство.

38.

В нас наганы отобрали:
Думали последние.
В нас обрезки появились,
Рукоятки медные⁴⁷⁷.

«Спецхран. Сказки, порочащие советскую действительность» (подборка № 24)⁴⁷⁸

Золотая рыбка⁴⁷⁹

Один еврей отдыхал на Черном море. Купался и поймал золотую рыбку. Стала его рыбка молить: «Отпусти обратно, проси, что хочешь». Подумал еврей, что мне надо? В Москве есть квартира, под Москвой большая дача, жена Сара молодая. Ничего, решил, не надо, – все есть, и отпустил золотую рыбку в море. Приезжает домой, начинает жене рассказывать: купался я в Черном море и поймал золотую рыбку. Стала меня рыбка просить, чтобы отпустил обратно, говорит, проси у меня, что хочешь. Я подумал, подумал, что мне надо и решил, что все у меня есть, и отпустил ее в море.

– Ай, Абрам, Абрам, – говорит жена, – какой ты бестолковый! Надо было просить, чтобы она сделала нас русскими. Бери деньги, поезжай обратно!

Поехал Абрам, стал купаться и снова поймал золотую рыбку.

Стала опять рыбка просить, чтобы он отпустил ее в море, а она сделает все, что ему надо.

– Ничего мне не нужно, – говорит Абрам, – только сделай, чтобы мы с женой стали русскими.

Рыбка сказала, что она сделает, пусть не беспокоится и едет домой.

Приезжает Абрам к себе и не узнает: вместо дачи стоит старая хатка, соломой покрыта, а Сара идет с граблями с колхоза. Еврей спрашивает ее: довольна ли она? Набросилась на него Сара, едва граблями не убила:

– Лучше бы я еврейкой была, чем русской в колхозе работать!⁴⁸⁰

Правда и Кривда⁴⁸¹

Две сестры Правда и Кривда жили. Правда осталась в колхозе работать, а Кривда уехала в Ленинград. Через некоторое время пишет Кривда Правде: «Приезжай ко мне в гости».

Правда убралась, поехала. Приезжает в Ленинград, нашла Кривду по адресу. В дверях стоит швейцар, спрашивает: «Как кого?» – «Кривду».

Он показал. Встретились сестры, обнялись. Правда смотрит на квартиру, обстановку и только удивляется. «Как ты хорошо устроилась здесь! Где ты работаешь?» Кривда говорит:

⁴⁷⁷ Л. 17 об. Автограф.

⁴⁷⁸ № 24. Материалы, выделенные из архива Л. В. Домановского. 4 лл. На обложке школьной тетради надпись «Спецхран. Сказки, порочащие советскую действительность». Автограф. Синие чернила.

⁴⁷⁹ Л. 1–1 об.

⁴⁸⁰ Зап. 19 февраля 1963 г. от О. Н. Минаевой 1905 г. р., Л<енингра>д.

⁴⁸¹ Л. 2–2 об.

«Нигде не работаю... Знаешь, дома я не готовлю, ты голодна, пойдем в ресторан». Подошла к телефону, заказала такси и повезла Правду.

Приехали в ресторан, сели за стол. Кривда заказывает самый дорогой обед, вина. Угощает сестру. Подходит потом официантка расплачиваться. Кривда ей говорит: «Вы мне не сдали сдачи: я вам дала пятьсот рублей». Официантка говорит: «Что Вы? Вы мне не давали!» – «Как не давала? Позовите директора». Та пошла. Сестра удивляется, говорит: «Ты же врешь, ты ей ничего не давала?» Кривда отвечает: «А я всю жизнь вру».

Подходит директор: «В чем дело?» – «Ваша официантка мне сдачи не дала с пятисот рублей». Та уверяет, что не давала никаких денег. Директор посмотрел на Кривду, видит она шикарно одета, говорит официантке: «Отдайте сдачу, я с вас высчитаю». Официантка расплакалась, говорит: «Где правда?» – «Я Правда!» говорит вторая сестра. – «Какая же ты правда, когда за одним столом сидишь?»...

(Это давно еще говорили, что «Правда с Кривдой за одним столом сидят».)

Шпион (текст № 25)⁴⁸²

В НКВД поступило заявление, что в одну партийную организацию пробрался шпион. Работник НКВД взялся его разоблачить и отправился на собрание. На следующий день шпион был обнаружен. Когда спрашивали, как это удалось сделать, работник НКВД ответил: «Очень просто: враг бдителен, враг не спит». Оказалось, все собрание спало, не спал один только докладчик. Он и попал в чисто шпионов⁴⁸³.

Записи Л. В. Домановского от О. Н. Минаевой (подборка № 26)⁴⁸⁴

1.

Ты колх<оз, колхоз>,
Легкое названье
Муж<ики> коров доить,
Бадам – на собранье⁴⁸⁵.

2.

А в чего в колхоз идти?
А чего бояться?
<Двадцать> м<етров> одеяло –
Будем одеваться⁴⁸⁶.

3.

Раньше жили в ст<арину>,

⁴⁸² № 25. Материалы, выделенные из архива Л. В. Домановского. Л. 1. Автограф. Синие чернила.

⁴⁸³ Вар.: «Во время доклада Брежнева поймали шпиона: он слушал» (Борев 1992: 139).

⁴⁸⁴ Автограф. Полевая запись Л. В. Домановского. Карандаш. В некоторых текстах поверх карандашной записи синими чернилами написан текст – видимо, обведен карандашный. На оборотной стороне обложки школьной тетради указан паспорт записи: «Орловская область. Знаменский р-н (бывший Болковский р-н), Локонский с/с дер. К(Н?)угревка. Замужем: Чирковка, О. Н. Минаева 19/II–63».

⁴⁸⁵ Л. 1. Автограф. Синие чернила. Вар.: «Ты, колхоз, ты, колхоз, / Как тебе названье? / Мужики коров доят – / Бабы на собранье» (Тунгусов 2005: 118).

⁴⁸⁶ Л. 1. Автограф. Синие чернила.

Шили юбки в длинину.
А теперь фасончики,
Чтоб видно пантолончики⁴⁸⁷.

4.

Буржуй, <буржуй>!
Ваши домики ломать.
Пятилетку в <три> годика,
Ее надо выполнять⁴⁸⁸.

5.

У буржуев земли много,
Кто вам будет убирать?
Придется вам, буржуям,
За границу (Соловки) удирать⁴⁸⁹.

6.

А вот эту нельзя, заберут:

А как Сталин умирал,
Берию наказывал:
– Хлеба вволю не давай,
Мясо не показывай⁴⁹⁰.

7.

Сталин едет на свинье,
Берия на собаке.
Берий Сталину сказал:
«Мы с тобой свояки».

*Сама сложила*⁴⁹¹

8.

Едет Берия на кобыле,

⁴⁸⁷ Л. 1. Автограф.

⁴⁸⁸ Л. 1. Автограф. Пятилетка 1928–1933 годов была выполнена в четыре года.

⁴⁸⁹ Л. 1. Автограф.

⁴⁹⁰ Л. 1. Автограф. Текст написан карандашом, затем обведен синими чернилами. Вар.: «Когда Ленин умирал, / Сталину наказывал: / – Меньше хлеба им давай, / Мяса не показывай!» К смене Сталина Хрущевым эта частушка приняла такой вид: «Когда Сталин умирал, / Хрущеву наказывал: / Чтобы хлеба не давал, / Масла не показывал!» (Бахтин 1994: 47; 50). Идея преемственности и передачи власти нашла отражение в таком сюжете: «Сын Маленкова рассказывал, что перед тем как отойти в мир иной, вождь вдруг кого-то поманил. Над ним склонился Берия – он отмахнулся. Подошел Молотов – то же самое. Тогда приблизился Маленков. Сталин взял его руку и не отпускал до последнего вздоха» (Борев 1992: 12). Представление о том, что после смерти вождя настанет голод было, по-видимому, довольно популярно: «Федя К. пришел из больницы и сказал: – Ленин умер и теперь будут давать хлеба постолечку. Показывает двумя пальцами на очень близкое расстояние друг от друга»

⁴⁹¹ Л. 1. Автограф. Текст написан карандашом, затем обведен синими чернилами.

Красна шашка на боку.
– А куда ты, Берий, едешь?
– В гости к Сталину-дураку⁴⁹².

9.

Сталин с Берием заседали
Всю неделю напролет,
Проекты разные писали,
А вышло все наоборот⁴⁹³.

10.

Соловки вы, Соловки,
Дальняя дорога.
Сердце ноет, грудь болит,
А в душе тревога.

Раньше все на С<оловки> гон<яли> в 33 г<оду>⁴⁹⁴

11.

Хрущев в очереди

Пообещался Хрущев приехать в одни колхоз. Там плохое снабжение было, ничего нет. К приезду Хрущева всего подбросили. Выстроилась в магазин очередь. Хрущев тоже подъехал. Завязал щеку, как будто зубы болят, надел шапку и стал с кулечком. Думает, послушаю, что в народе говорят. Подходит его очередь, песок давали, подает кулечек: «Пожалуйста, мне килограмм». А позади стоит мужик, толкает его в спину: «Бери пуд, пока Никита тут. Никита уедет, х. дадут»⁴⁹⁵.
(*Прокофьева, Конторович, Торговец 1924: 42*).

12.

Фурцева говорит Хрущеву, показывая ему на живот: «По мясу мы Америку догнали, по молоку (показывает на грудь) немножечко отстали, а вот по шерсти (показывает на лысину) – совсем отстали»⁴⁹⁶.

13.

Умер Сталин, явился на тот свет. Его нигде не принимают. Спрашивает: «Где тут Ленин?» Ленин отказался его принять: «Не о чем нам с ним говорить». Решил пойти к Карлу Марксу. Тот сказал, чтобы и ворота не открывали. Вышел Сталин, запечалился – никуда не принимают. Идет черт. «Иди, – говорит, – к бабе, к царице Екатерине. Она, может, Вас примет».

⁴⁹² Л. 2 об. Автограф. Текст написан карандашом, затем обведен синими чернилами.

⁴⁹³ Л. 2 об. Автограф. Текст написан карандашом, затем обведен синими чернилами.

⁴⁹⁴ Л. 2 об. Автограф. Справа от текста карандашом написано: «Дядя наш пел, был белым офицером, потом крес(?)»;
снизу приписка: «полит<ическ>и<е> тут они».

⁴⁹⁵ Л. 13 об.

⁴⁹⁶ Л. 13 об.

Приходит, спрашивает: «Почему меня никто не принимает?» – «Вам никто не может простить ваши безобразия. Я развела блядство только при дворце, а ты во всей России»⁴⁹⁷.

14.

Идет солдат с фронта. Видит, в школе в дверях стоит мальчик и плачет. «Мальчик, ты чего плачешь?» – «Меня учительница выгнала с урока». «Что же ты сделал? Наверное, шалил». – «Нет! Она загадала загадку: «Без рук, без ног на бабу скок» и просила отгадать. Я сказал, что это инвалид отечественной войны. Учительница сказала «Дурак» и выгнала из класса»⁴⁹⁸.

15.

– Почему русские женщины злые?
– Потому, что в руках авоськи, а на руках дочка Тоська, впереди семилетний план, а позади пьяница муж Игнат⁴⁹⁹.

16.

Плач по Сталину

Когда Сталин умер, пришел один украинец и просит: «Дайте мне по товарищу Сталину поплакать». Ему разрешили. Вот он и стал причитывать: «Дорогой товарищ Сталин, какой ты умный был! Ты знал все на свете: сколько коровка молока дает, сколько курочка яичек несет, сколько овечка шерсти стрижет. Какой ты был мудрый да разумный! Знал, сколько мужик хлеба соберет, и баба холста соткет! Был царь Николай-дурак, ничего не знал на свете никак: сколько коровка молока дает, сколько курочка яичек несет, сколько овечка шерсти стрижет. Не знал он, сколько мужик хлеба соберет, а баба холста наткет».

Один повар рассказывал, другой сказал: «Это старо, то плач по Ленину»⁵⁰⁰.

17.

Ешь-ка, Вася, тюрю.
Молочка-то нет.
Коровушку нашу

⁴⁹⁷ Л. 14. Анекдот с похожим пуантом «Сталин попросил у своих предшественников рекомендацию в рай. Иван Грозный отказал: «Я своих врагов убивал, но в лагерях не мучил». Петр I отказал: «Я открыл окно в Европу, а ты его закрыл». Александр II отказал: «Я раскрепостил крестьян, а ты их закрепостил». Екатерина II дала, так как вообще редко отказывала» (Борев 1992: 47); «Stalin died, and the Politburo began to discuss <...> which Tsar they should bury Stalin next to. They decided to put him next to Peter the Great. Peter rose from his grave and said: «Go away. I opened a window to Europe and you closed it». Then they carried Stalin's body to the grave of Alexander II. He also refused to accept him, telling him: «I liberated the peasants and you enslaved them. Go away». Then they went to Nicholas II, and he said: «I cannot lie next to you, I gave the people vodka and something to eat with it, and then you did not even give them something to eat». Then they took him to Catherine <the Great> «Alright», she said, «let's go sleep together, in my years I have slept with many a good for nothing»» (Brandenberger 2009: 147); с тем же сюжетом – в книге: Архипова, Мельниченко 2010: 323.

⁴⁹⁸ Л. 14 об. В современном фольклоре есть вариант этого анекдота про Вовочку. Претекст относится к жанру «неприличных» загадок с «приличными» отгадками. «Правильный» ответ на загадку – коромысло.

⁴⁹⁹ Л. 15 об. Семилетний план был одобрен на XXI съезде КПСС в 1959 году.

⁵⁰⁰ Л. 15 об.

Увел сельсовет⁵⁰¹.

18.

Ай, яблочко,
Да кверху ножками.
Пришел отряд
Да за картошкой⁵⁰².

19.

Ай, яблочко,
Да наливается
Советская власть
Развивается⁵⁰³.

20.

Ай, яблочко,
Да кверху личиком.
Отряд пришел
Да за яичиком⁵⁰⁴.

21.

А, советская власть,
Чем ты не довольна?
По амбарам, сундукам
Ходишь добровольно?⁵⁰⁵

22.

Коммунисты лодыри
Всю Россию продали.
Нет ни бога, ни царя
И похлебка не соля.

<Он же пел>⁵⁰⁶

23.

<Беднота пела>:

⁵⁰¹ Л. 16. Переделка фрагмента из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Кушай тюрю, Яша, / Молочка-то нет. / Где ж коровка наша? / Увели, мой свет!»

⁵⁰² Л. 16. Имеется в виду продрозверстка.

⁵⁰³ Л. 16.

⁵⁰⁴ Л. 16.

⁵⁰⁵ Л. 16. Вар.: «Советская власть, / Чем ты недовольна? / По амбарам, сундукам / Ходишь самовольно» (Бахтин 1994: 48). *Приписка карандашом*: «Кулаки складывали, пели это со сцены. Попов зять пел».

⁵⁰⁶ Л. 16 об. Вар., зап. в Бежецком уезде Тверской обл. (1925): «Коммунисты лодыри, / Они Бога продали, / Они Ленина купили, / Его к стене прилепили» (Иванова, Строганов 2003: 542).

Как у наших у ворот,
У нашей калитки
Повесился буржуй
На суровой нитке⁵⁰⁷.

24.

Пойду выйду в огород,
Наступлю на черный гроб:
«Ты встань, Ленин, ты встань милой,
Без тебя погиб народ».
Ленин встал, махнул руками,
Что поделать с дураками⁵⁰⁸.

25.

<Когда в колхоз объединяли>
Как у нашем у колхозе
Нашли лошадь у навозе.
Кто за гриву, кто за хвост,
Растащили весь колхоз⁵⁰⁹.

26.

А чего в колхоз идти,
А чего бояться?
Сумки новые сошьем,
Будем побираться⁵¹⁰.

Частушки из коллекции М. И. Романова

В папку «особое хранение» из коллекции № 66 «Собрание М. И. Романова. Частушки и песни (Северный край)» были перемещены частушки антисоветского содержания. Одной подборке, выделенной из папки № 3, был присвоен № 29, второй же подборке частушек, извлеченной из той же папки коллекции № 66, в спецхране не был дан номер (б/№). Частушки написаны каждая на отдельном листе, чернилами и разными почерками.

При обращении к коллекции № 66 выясняется, что частушки в собрании М. И. Романова записаны на отдельных листах и распределены по темам.

После политических частушек, перенесенных в спецхран, в данной публикации мы помещаем подборку частушек из папки № 3 коллекции № 66, оставленных без внимания

⁵⁰⁷ Л. 16 об.

⁵⁰⁸ Л. 16 об.

⁵⁰⁹ Л. 16 об. Вар. этого текста см. в частушках из коллекции М. И. Романова.

⁵¹⁰ Л. 17. Близкий вар. – текст № 19 в подборке № 21 в настоящей публикации. *Приписка карандашом*: «В Орл<овской> обл. слышала проклинали Берия».

сформировавшим фонд хранителем, хотя эти тексты весьма созвучны хранящимся в спецхране.

Частушки записаны в Черевковском районе Северного края учениками М. И. Романова в 1929–1936 годах. Запись отличается разной степенью отражения диалектных черт. В публикации эти особенности сохраняются.

В подборке представлены преимущественно крестьянские частушки о коллективизации, колхозе и лесоповале. Некоторые близкие тексты содержатся в публикации А. А. Тунгусова «Кабы не Арза – не река...» [Тунгусов 2005], записанные в Архангельской области в разное время.

(подборка № 29)

1.

Комунарской хозяйин,
Опусти меня домой.
Ваша красная столова
Показалась тюрьмой⁵¹¹.

2.

Сояны⁵¹², река,
Пересояны, река.
Отвыкайте, все колхозы⁵¹³,
От прясного молока⁵¹⁴.

3.

Колхоз «Союз»⁵¹⁵ богатый,
Пропил деньги на вино.
Продналог⁵¹⁶, штрафовку надо,
А ему-то все равно⁵¹⁷.

4.

Нас в коммуны⁵¹⁸ не пускают,

⁵¹¹ Л. 1. Ср. советская частушка о столовой: «Ты играй, играй гармошка, / Жизнь теперя новая: / Сухомятку не едим, – / В колхозе есть столовая» (Соколов 1932: 31).

⁵¹² Сояна – река, приток Кулоя, протекает в Мезенском районе Архангельской области. В Мезенском районе есть деревня Сояны, рядом с которой, начиная с 1920-х годов, находились две коммуны и три спецпоселка, состоящие из раскулаченных крестьян из центральных областей России (Дранникова 2010).

⁵¹³ Колхозы или коллективные хозяйства стали появляться в 1918 году, но массовые формы коллективизация приняла в 1929-м.

⁵¹⁴ Л. 2.

⁵¹⁵ Колхоз «Союз». В настоящее время колхоз с таким названием есть в с. Емецк Холмогорского района Архангельской области. Так как частушки были записаны учениками М. И. Романова в Архангельской области, то можно предположить, что в частушке идет речь об этом колхозе.

⁵¹⁶ Продовольственный натуральный налог существовал с 1921 по 1923 год. В данном тексте это анахронизм.

⁵¹⁷ Л. 3.

⁵¹⁸ Сельскохозяйственная коммуна (народное унитарное предприятие) – разновидность коллективного хозяйства, в котором обобществлялись все средства производства (постройки, мелкий инвентарь, скот) и землепользование. В частушках «коммуна» становится синонимом советского режима и колхозов в широком смысле слова.

Говорят, что тесно.
Мы и сами не пойдем,
Нам не интересно⁵¹⁹.

5.

Кабы не было полос⁵²⁰,
Не было бы полюшка.
Кабы не было колхозов.
Не было бы горюшка⁵²¹.

6.

В колхозе лошадь пала,
Когда сеяли овес.
Помогайте-ко, ребята,
Кто за гриву, кто за хвост⁵²².

7.

Коллектив «За новый Север»
Обезличка изжита⁵²³.
Как начнут куда сряжаться,
День проищут хомута⁵²⁴.

8.

Мчатся с поля две лошадки
К председателю в колхоз:
«Что у вас за беспорядки?
Нам дают гнилой овес!»⁵²⁵

9.

Распроклятая коммуна
Посадила на паек⁵²⁶.
Хлеба выбросят полфунта

⁵¹⁹ Л. 4.

⁵²⁰ Полоса – узкий участок или надел возделываемой земли.

⁵²¹ Л. 5.

⁵²² Л. 6. См. текст № 21 в настоящей подборке.

⁵²³ Обезличка – неправильный распорядок работы, при котором отсутствует личная ответственность за порученную работу. В «Сводке ОГПУ о настроениях делегатов 1-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников 18 февраля 1933 г.» говорится «Делегат Толочинского р-она БССР отметил, что в колхозе свирепствует *обезличка* (курсив мой. – Н.К.), доярка и сторож складов получают одинаково» (СД 2005:283).

⁵²⁴ Л. 7.

⁵²⁵ Л. 8.

⁵²⁶ 27 июля 1918 года выходит постановление Наркомпрода о введении повсеместного классового продовольственного пайка. Первоначально классовый паек существовал в Петрограде, с 1 сентября 1918 года – в Москве, а потом был распространен на провинцию.

И работай весь денек⁵²⁷.

б/№ 1.

Брюхо голо, лапти в клетку,
Выполняем пятилетку.
Пятилетие третий год,
Все вперед да вперед⁵²⁸.

2.

Надоела эта речка,
Надоел этот барак.
Надоела пятилеточка.
Не выполнить никак⁵²⁹.

3.

Все-то празднички прошли.
Мы и не видали⁵³⁰.
Наши девушки в лесу,
В делянке, горевали⁵³¹.

4.

Черну (к)утюшку кормила,
Не одну, с утятами.
Нас в Печеру⁵³² высылали,
Не одних, с ребятами⁵³³.

5.

Распроклятое Обрамково⁵³⁴,
Угоры да пески.

⁵²⁷ Л. 9.

⁵²⁸ Л. 1. Можно предположить, что время создания частушки – 1930–1931 годы – третий год первой пятилетки, начавшейся в 1928 году. Вар.: «Брюхо голо, лапти в клетку – / Выполняем пятилетку!» (Бахтин 1994: 50).

⁵²⁹ Л. 2.

⁵³⁰ Возможно, в частушке идет речь о непрерывной рабочей неделе и отмене празднования церковных праздников. Запрещение их проводилось в рамках антирелигиозной кампании 1920-х годов.

⁵³¹ Л. 3.

⁵³² Печора – река на севере европейской части России. Район лагерей и лесозаготовок. На втором этапе раскулачивания и департации крестьян в 1931–1932 годах крестьянские семьи из Архангельской губернии преимущественно высылались на Печору – в Усть-Цилемский и Ижемский районы (Доброноженко 2001: 48). См. также тексты № № 9–12 в настоящей подборке.

⁵³³ Л. 4.

⁵³⁴ Имеется в виду населенный пункт Абрамково Верхнетоемского района Архангельской области, ранее Черевковского района Федьковского сельсовета. Согласно спискам общества «Мемориал», в Абрамково в 1940 году на спецпоселение высылались еврейские семьи из Польши [<http://lists.memo.ru/d27/f218.htm>]. Спецпоселение, лесопункт. См. тексты № 15, 19 в настоящей подборке, № 19 в приложении.

Никакого нет веселья,
Кроме горя да тоски⁵³⁵.

6.

Как по матушке России
Революция прошла,
Заглянула к нам в деревню,
В ней товарищей нашла⁵³⁶.

7.

Катюшко, не вытягйся
По дороге ледяной.
В четыре года пятилеточки
Не выполнить с тобой⁵³⁷.

8.

На погосте склад срубили
Начинают двор рубить.
Старых дролей угонили,
Надо новых заводить⁵³⁸.

9.

Роспроклятая Печора –
Всё озера и пески
Никакого нет веселья,
Кроме горя и тоски⁵³⁹.

10.

Задушевную подруженьку
В Печеру увезли.
Распроклятое начальство,
Распроститься не дали⁵⁴⁰.

11.

Снегу белого напало
Вот, подруженьки, зима.

⁵³⁵ Л. 5. См. текст № 9 в настоящей подборке.

⁵³⁶ Л. 6.

⁵³⁷ Л. 8. Пятилетка 1928–1933 годов была выполнена в четыре года.

⁵³⁸ Л. 16.

⁵³⁹ Л. 21 (ошибочная нумерация). Помета красными чернилами, дата: «1933 год», карандашом «Акишина Анна». См. текст № 5 и комментарий к тексту № 4 в настоящей подборке.

⁵⁴⁰ Л. 22. См. комментарий к тексту № 4 в настоящей подборке.

Не езд, Лушенька, в Печору,
Там чужая сторона⁵⁴¹.

12.

Параход за параходом
Леший «Гоголя» несет.
Не садись, дроля, на «Гоголя»
В Печеру увезет⁵⁴².

13.

С неба звездочка упала,
Полетела на восток.
Посмотрите-ко, ребята,
Повели попа в острог⁵⁴³.

14.

Пришел Сталин на могилу
И ногами топает.
Ты вставай товарищ Ленин,
Пятилетка лопает⁵⁴⁴.

15.

На Обрамовке работали,
Работать тяжело.
Посылай, родимый татенька,
Хоть хлеба одного⁵⁴⁵.

16.

Угонили меня за Двину,
За тихий за полой.
Постарайся, милый дролечка,
Достать меня домой⁵⁴⁶.

17.

⁵⁴¹ Л. 23. См. комментарий к тексту № 4 в настоящей подборке.

⁵⁴² Л. 24. «Н. В. Гоголь» – колесный пассажирский речной пароход. В 1911–1919 годах ходил по маршруту Вологда – Архангельск. После ремонта в 1919 году пароход вернулся на линию Архангельск – Вологда. Во время Великой Отечественной войны служил плавучим госпиталем. См. комментарий к тексту № 4 в настоящей подборке. Вар.: «Параход пары пускает – / Леший «Гоголя» несет. / Не садись, дроля, на «Гоголя» / Далеко увезет» (Тунгусов 2004: 143).

⁵⁴³ Л. 27.

⁵⁴⁴ Л. 28. Вар.: «Стоит Сталин на могиле / И ногами топает: / – Ты вставай, товарищ Ленин, / Пятилетка лопает» (Азбелев 1994: 46. № 21).

⁵⁴⁵ Л. 30. См. комментарий к тексту № 5 в настоящей подборке.

⁵⁴⁶ Л. 31.

Нас никто не пожалеет
И залоги нам не даст.
Кабы дроля был десятничек
Отдыхай бы каждый час⁵⁴⁷.

18.

Из-под мосту выходили
Рыбки, все карасики.
Как у наших у десятников
Неверны часики⁵⁴⁸.

19.

На Абрамовке живем,
По баланам ходим,
Годовые празднички
Во слезах проводим⁵⁴⁹.

20.

Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка – нова жизнь.
Из-за этой пятилетки,
Хоть живая в гроб ложись⁵⁵⁰.

21.

Залетела птичка в клетку,
Выполняет пятилетку.
Кто за рыло, кто за хвост,
Растащили весь колхоз⁵⁵¹.

22.

Лесохимия плясала,
Лесохимия пляши.
А дела у лесохимии
Не очень хороши⁵⁵².

23.

⁵⁴⁷ Л. 32. Залога (диал.) – кратковременный перерыв для отдыха в течение длительной тяжелой работы (СРНГ 1974: 215).

⁵⁴⁸ Л. 33.

⁵⁴⁹ Л. 34. Балана – еловое бревно для сплава длиной в 2 или 6 метров (СРНГ 1966: 72). См. комментарий к тексту № 5 в настоящей подборке.

⁵⁵⁰ Л. 37. Форма частушки пародирует «просоветские» тексты.

⁵⁵¹ Л. 38.

⁵⁵² Л. 39. Помета «ст<енная> г<азета>»

При царе при Николашке
Ели белые олашки.
А совет да исполком,
Все мякины истолкем⁵⁵³.

24.

При царе при Николашке
Ели сахарный песок.
При товарище при Ленине
Нет соли на кусок⁵⁵⁴.

25.

Как у нашего у Ленина
Глаза наискосок.
До того довоевали,
Нет соли на кусок⁵⁵⁵.

26.

Сидит Ленин на березе,
Выше Троцкий на ели.
Понапрасну вы, товарищи,
Коммуну завели⁵⁵⁶.

27.

Я на бочке сижу,
А под бочкой кожа.
Ленин Троцкому сказал:
«Ты, жидовска рожа!»⁵⁵⁷

28.

⁵⁵³ Л. 40. Распространенный текст. «При царе при Николашке / Ели пряники, барашки. / Настал новый режим, / Все нежрамши лежим» (Тверская губ., 1920; Соколов 1932: 26). Вар. из архива Академической гимназии, записанный в 1990-е годы: «У царя у Николашки / Ели белые олашки, / А пришла советска власть – / И мякины не напасть» (АКФ АГ СПбГУ 98–08–22–3; Новгородская обл., Хвойненский р-н. Зап.: Е. Кулешов, И. Назарова, Е. Абашеева, М. Мальгина). Этот текст рассматривался властью как антисоветский, и за исполнение его следовало наказание: «Еще говорят, в Ягайлове мужчина, он был, его увезли, он спел песню: «При царе при Николашке ели белые олашки, / На теперешнюю власть и мякины не напасть» – и сразу увезли, посажен был» (Там же. 98–08–43–1). См. также следующий текст в настоящей публикации.

⁵⁵⁴ Л. 41. Довольно далекие вар.: «При царе и богачах / Жили мы на калачах; / А дали нам свободушку – / Хлеб печем с лебедушкой!» (Ижевск, Вятская губ.); «Був Микола дурачок, / Була булка п'ятачок; / Теперь стали коммунисты, / И ничего стало істы!» (Гайворонский уезд); «Никола, Николаша, / При тебе была мука и каша; / Заступили кадеты – / Мы разуты, раздеты; / А при вас, большевики, / Нет ни каши, ни муки!» (Тамбовская губ.) (Зеленин 1999: 470).

⁵⁵⁵ Л. 42. Конечная строка повторяется в частушке под № 24.

⁵⁵⁶ Л. 43.

⁵⁵⁷ Л. 44. См. № 3 (частушки в зап. И. Д. Фридриха, № 6 наст. публ.).

Я на бочке сидел,
А под бочкой каша.
Ленин Троцкому сказал:
«Вся Россия наша»⁵⁵⁸.

29.

Сидит Ленин на пеще
В лапти обуваецца.
Все онуци притерял
Сидит да матюгаецца⁵⁵⁹.

30.

Надоела пятилетка,
Надоел Северолес.
От веселые гуляночки
Угнали девок в лес⁵⁶⁰.

31.

Пятилетку выполняли,
Отпустили в море лес.
Неужели пятилетка
Никому не надоест?⁵⁶¹

32.

Пятилетку выполняли
Девушки подросточки.
У молоденьких у девушек
Ломали косточки⁵⁶².

33.

Угнали нас в деляночку
Шестнадцати годков.
Мы какие лесорубы?
Не видали топоров⁵⁶³.

⁵⁵⁸ Л. 45. Вар. у Д. К. Зеленина: «Я на бочке сию, / А под бочкой каша; / Троцкий Ленину сказал: / Вся Россия наша!» (Харьков), варьирование строк: «Я на печке сию, / А в духовке каша» (Таганрог); «На столе стоит тарелка, / А в тарелке каша; / Ленин Троцкому сказал» (Гайворонский уезд) (Зеленин 1999: 475).

⁵⁵⁹ Л. 46.

⁵⁶⁰ Л. 47. См.: Лобанов 1994: 39. М. А. Лобанов дает комментарий: «Материалы по частушке любезно предоставила для настоящей статьи З. И. Власова».

⁵⁶¹ Л. 48.

⁵⁶² Л. 49. Вар.: «Пятилетку выполняли / Все одни подросточки: / Да того довыполняли, / Заболели косточки» (Тунгусов 2005: 113).

⁵⁶³ Л. 50. Имеется в виду департация раскулаченных крестьян, и их работа на лесозаготовках. См.: Лобанов 1994: 39–40.

34.

Пятилетку выполняли,
От души старались.
Кобылятину сжигали,
За собак примались⁵⁶⁴.

35.

Пятилетку выполняем,
Выполняем и режем.
Задуманного товарища
Убило деревом⁵⁶⁵.

36.

Под угором у реки
Стояло три ребинишки.
По-ударному⁵⁶⁶ работать
Не хватает силушки⁵⁶⁷.

37.

Рыбу съели,
Мяса нет.
Пятилетка –
Сорок лет⁵⁶⁸.

38.

Купите сепаратор
И носите молоко,
Накормите пятилетку:
Всю ее подволокло⁵⁶⁹.

39.

Я к конторе подходила,
Каблуками топала.
Рассчитай меня, контора,

⁵⁶⁴ Л. 51.

⁵⁶⁵ Л. 52.

⁵⁶⁶ В годы первых пятилеток (время создания публикуемых частушек) появилось понятие «ударного труда» – труда с полным напряжением сил, ориентированного на превышение установленных норм и сроков.

⁵⁶⁷ Л. 52 (ошибка счета).

⁵⁶⁸ Л. 53.

⁵⁶⁹ Л. 54.

Будет, поработала⁵⁷⁰.

40.

Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка – еретик.
Из-за этой пятилетки
Мой миленочек убит⁵⁷¹.

41.

Надоели мне бараки,
Надоели коечки.
Надоело мне-ка, девушке,
Гулять без дrolечки⁵⁷².

42.

Надоели мне бараки.
Отпусти, прораб, домой.
Посмотреть охота дроли
Пуще матушки родной⁵⁷³.

43.

Пятилетку выполняли,
А другая тут и есть.
Задумевшая подруженька,
Опять угонят в лес⁵⁷⁴.

44.

Девки ходят по могилам,
Девки ходят да ревут.
Распроклята пятилетка
Повалила дролю тут⁵⁷⁵.

45.

Дорогого угонили
Пятилетку выполнять.

⁵⁷⁰ Л. 55.

⁵⁷¹ Л. 56.

⁵⁷² Л. 57. Сходный текст: «Надоели нам бараки, / Надоели коечки, / Еще пуще надоели / Лесозаготовочки» (Тунгусов 2004: 121).

⁵⁷³ Л. 58.

⁵⁷⁴ Л. 60. По тексту можно сделать вывод, что частушка написана в 1933–1934 годах (по окончании первой и началу второй пятилетки).

⁵⁷⁵ Л. 61.

Пятилеточку не выполнит
И дома не бывать⁵⁷⁶.

Приложение частушки из коллекции № 66

семья, хозяйство, колхоз

1.

Хорошо тому в колхозе,
Бригадир кому родня:
Хоть и соточку заробит
Пишет больше трудодня⁵⁷⁷.

2.

Наш колхозный председатель
Все прогулы делает
И колхозник, вслед за ним,
От работы бежит⁵⁷⁸.

3.

Ты играй моя гармошка
По деревне прошел крик:
Заморозили картошку
При колхозе «Большевик»⁵⁷⁹.

4.

Инвентарь у нас не прибран
Где-ка плуг, где борона.
Занесло сыпучим снегом,
Так не видно ни хрена⁵⁸⁰.

5.

Эроплан летит
Позолоченный.
А в колхозе хлеб

⁵⁷⁶ Л. 62.

⁵⁷⁷ РО ИРЛИ. Р. V. Колл. № 66. № 89. Семья, хозяйство, колхоз. Л. 28.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 42.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 43.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 47.

Немолоченный⁵⁸¹.

Вечерки, игрища, первая любовь

6.

У кого как дроли нет,
Заявляйте в комитет.
Комитецки господа,
Дайте дrolечку сюда⁵⁸².

7.

У крылечка, мальчик, плачу,
Провожая свою клячу.
Плачу, плачу мальчик я,
Хоть и кляча, да моя⁵⁸³.

Старая и новая рекрутчина

8.

Кабы я была красива,
Кабы я была на ать.
Не отпустила бы миленочка
В красной армии страдать⁵⁸⁴.

9.

Ничего, что ноги босы.
Мы Кронштатские матросы.
Кто наступит на носки,
Того изрежем на куски⁵⁸⁵.

Любовь и брак в колхозной деревне

10.

⁵⁸¹ Там же. Л. 50.

⁵⁸² РО ИРЛИ. Р. V. Колл. № 66. № 92. Вечерки, игрища, первая любовь. Л. 35. В Советском государстве семейная жизнь стала регламентироваться властью. См. об этом же в репертуаре ленинградских уличных певцов: «Все мужчины будут плакать / Жен не будут так менять / Их по книжкам из Райзагса / Скоро будут выдавать» (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25. П. 1. № 48).

⁵⁸³ РО ИРЛИ. Р. V. Колл. № 66. № 89. Семья, хозяйство, колхоз. Л. 113.

⁵⁸⁴ РО ИРЛИ. Р. V. Колл. № 66. № 97. Старая и новая рекрутчина. Л. 20.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 43 (вар.: «с хулиганами»).

Яблоцько,
З боку зелёно.
Комсомольцёв любить
Нам не велёно⁵⁸⁶.

11.

Не топите баню вересом
От вереса не жар.
Коммунист меня не любит,
Так и мне его не жаль⁵⁸⁷.

12.

Коммунистов не любила,
Всю коммунию кляла.
А теперя дорогого
Коммуниста завела⁵⁸⁸.

13.

Коммунист, мой коммунист,
Рубашечка сатинова
Из за тебя, мой коммунист,
Родимый дом покинула⁵⁸⁹.

14.

У меня на сарафанах
Косари, косарики.
Меня в этом сарафане
Любят комиссарики⁵⁹⁰.

15.

Огороды городить
Много надо лесу.
Беспартийного любить
Мало интересу⁵⁹¹.

16.

⁵⁸⁶ РО ИРЛИ.Р. V. Колл. № 66. № 96. Любовь и брак в колхозной деревне. Л. 5.

⁵⁸⁷ Верес – можжевельник (СРНГ 1969: 130–131). Там же. Л. 6.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 10.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 13. Вар.: «Коммунист, коммунист, / Рубашка сатинова. / Из-за тебя, я коммунист, / Дом родной покинула» (Жаров 1925: 29).

⁵⁹⁰ Там же. Л. 15.

⁵⁹¹ Там же. Л. 16.

Я на боцьке сижу
Боцька верьтицьця.
Я Калинина люблю
Рыков серьдицьця⁵⁹².

17.

Коммунистов любить,
Надо измениться:
Крест на шее не носить,
Богу не молиться⁵⁹³.

18.

Коммунистов любить,
Надо чисто ходить,
А по серости такой
Не полюбит никакой⁵⁹⁴.

Отходничество, лесозаготовки, пятилетка

19.

На Обрамовке, не дома
На печи не полежишь.
Пятилеточки не выполнишь,
Домой не убежишь⁵⁹⁵.

20.

Говорят, что худо робила,
Замешкивалась.
Не десятникова дrolечка,
Не тешивалась⁵⁹⁶.

21.

Пятилетку выполняла
Весь красик(?) изорвала.
Платье премией просила,
Получила зеркала⁵⁹⁷.

⁵⁹² Там же. Л. 17.

⁵⁹³ Там же. Л. 18.

⁵⁹⁴ Там же. Л. 19. Вариант, зап. И. С. Фридрихом в настоящей публикации, текст № 22.

⁵⁹⁵ РО ИРЛИ. Р. V. Колл. № 66. № 98. Отходничество, лесозаготовки, пятилетка. Л. 34.

⁵⁹⁶ Там же. Л. 39.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 40.

Без №⁵⁹⁸

22.

Кабы не было заводиков,
Так и не было машин.
Кабы не было Абрамовки,
Так дроля дома жил.

23.

Сидор в час срубает ветку,
А до нормы дела нет.
Этот лодырь пятилетку
Растянул бы на сто лет.

Сокращения

АКФ АГ СПбГУ / Архив Кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ

ГЛИМ / Государственный литературный музей

ОР РГБ / Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

РО ИРЛИ / Рукописный отдел Института русской литературы

СУС / Восточнославянская сказка: Сравнительный указатель сюжетов / Сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979.

ATU / *Uther H.-J.* The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Helsinki, 2004. Part I–III.

Архивные материалы

Архив Кабинета фольклора Академической гимназии СПбГУ. 98–08–43–1. Новгородская обл., Мошенской р-н, Ореховское сельское поселение, д. Ягайлово. Зап. К. Маслинский, И.

Назарова, М. Мальгина, от Хреновой Антонины Егоровны, 1927 г. р.; Смирновой Александры Фёдоровны, 1935 г. р.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РГБ Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 203. № 24. Письма к Соколову Ю. М., зав фольклорным отделом Литературного музея. Л. 17–18. Письмо от 27 февраля 1936 года.

ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 203. № 24. Л. 18–19. Письма к Соколову, Ю. М., зав фольклорным отделом Литературного музея. 1930–1939 годы.

ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 312. № 16. 1 л. Ончуков Николай Евгеньевич. Заявление в ГПУ. 1932 ноябрь 11. Машинописный список.

ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 415. № 24. 7 лл. ««Кашей-лиходей» или дивная история про старца Григория, обаятеля хлыстовского из села Покровского...». Политическая сатира. Машинописный список с пометами рукой неустановленного лица. 1912 март 24.

ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 415. № 25. (Успенский Василий) «Летописец в лицах о Тевтонской брани на словени» Печат. 1914.

ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 415. № 26. «На смерть Распутина Гриши».

⁵⁹⁸ РО ИРЛИ.Р. V. Колл. № 66. Без номера. Листы не пронумерованы. Подпись «советские», исправленная на «кулацкие».

Рукою неустановленного лица.

1916. 1 л. ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 416.

№ 10. «Загробная грамота Миколу Романову» – политическая сатира.

Список рукой В. Д. Бонч-Бруевича через копировальную бумагу. 1905.

4 лл. ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 416.

№ 33. «Поминовение павшего дома Романовых и старого правительства» – политическая сатира. Печат. рус., укр. После 1917. ОР РГБ. Ф. 369. Бонч-Бруевич В. Д. Карт. 416. № 62. «Завещание бывшего царя Николая» – политическая сатира. Не ранее 1917.

Рукописный отдел Института русской литературы

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 1. Разные поступления. П. 37. № 1–3. Русская история в стихах. Тетрадь бывшего работника сенатской типографии. 1908. Рукопись.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 1. Разные поступления. П. 9. № 21. Письмо В. М. Кувшинского в редакцию журнала «Знамя». 1956. Автограф, чернила.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 1. Разные поступления. П. 9. № 22. Письмо Николая II императору Вильгельму. 1956. Машинопись с правкой.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25. Астахова А. М. «Песни уличных певцов». П. 8. № 2. Л. 21.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 25. П. 8. № 3. Л. 1. Набор, полученный от Павлуши-четверника; Л. 104. Комментарий А. М. Астаховой к подборке частушек; Л. 250. Набор, полученный от Владимира Акимовича Егорова.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 66. Романов М. И. № 89 Семья, хозяйство, колхоз. Л. 35.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 66. Собрание Романова М. И. № 101. Письма Романова в Фольклорную комиссию т. Астаховой от 2/VI–36 и 19/V–36.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 105. П. 27. № 3. Л. 2.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 111. Домановский Л. В. П. Л. В. П. 5. № 1–30 «Тексты свадебных песен. Записанные им от О. Н. Минаевой в пос. Бокситогорске Тихвинского района». 1943. Рукопись. 30 лл.; № 31–37 «Тексты хороводных песен, записанные им от О. Н. Минаевой». 1943–1944. Рукопись. 8 лл.; № 38–49 «Тексты посиделочных песен, записанные им от О. Н. Минаевой». 1943. 13 лл.; № 50–61 «Тексты сенокосных, плясовых, шуточных песен, записанные им от О. Н. Минаевой». 1943–44. 12 лл.; № 62–64 «Тексты песен плясовых, записанные им от О. Н. Минаевой». 1944. 4 лл.; № 65–77 «Тексты песен литературного происхождения, записанные им от О. Н. Минаевой». 1943–1944. 13 лл.; № 78–83 «Тексты солдатских песен, записанные им от О. Н. Минаевой». 1943–1944. 6 лл.; № 84–86 «Тексты песен тюремных, записанные им от О. Н. Минаевой». 1943. 3 лл.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 111. Домановский Л. В. П. 10. № 14. 1962–1963.

РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 166. coll_2 1. № 6. Песни тюремные.

Отдел русского фольклора ИРЛИ

Стенографические отчеты конференции. Сессия Института антропологии и этнографии 1938 года.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПбФ ААН. Ф. 849. Зеленин Д. К. Оп. 1.

Ед. хр. 562. Политическая частушка. Ч. 1–2.

Исторический архив Исследовательского института Восточной Европы при Бременском университете*

ИА ФСО. Ф. 5/2.6. В. В. Евгеньев.

ИА ФСО. Ф. 178. М. М. Яковенко.

ИА ФСО. Ф. 30.151.Н. М. Котвицкая
ИА ФСО. Ф. 117/2.Ю. И. Абызов.
ИА ФСО. Ф. 5/2.6. В. В. Евгеньев.
ИА ФСО. Ф. 68/2. В. И. Дедюлин.
ИА ФСО. Ф. 166. Э. С. Орловский.
ИА ФСО. Ф. 127. О. В. Ивинская.

Литература

- Абызов 2004 / Русский фольклор в Латвии: Частушки: Собрание И. Д. Фридриха / Сост. Ю. И. Абызов. Рига, 2004.
- Адоньева 2004 / *Адоньева С. Б.* Прагматика частушки // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 156–179.
- Азадовский 2006 / «Удастся ли прорубить эту стену...» (Из писем М. К. Азадовского к Н. К. Гудзию 1949–1950 годов) / Публ. К. М. Азадовского // Русская литература. 2006. № 2. С. 66–86.
- Азбелев 1998 / *Азбелев С. Н.* Идеологемы фольклористического сознания // Мифология и повседневность: Материалы научной конференции 18–20 февраля 1998 года. СПб., 1998. С. 252–259.
- Азбелев 1999 / *Азбелев С. Н.* Из подлинного фольклора советского периода // Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. Т. 2: Политические частушки. М., 1999. С. 483–488.
- Азбелев 1994 / *Азбелев С. Н.* Фольклор 1920–1930-х гг. в записях А. И. Никифорова // Живая старина. 1994. № 2. С. 44–47.
- АД 1998 / Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова; СПб., 1998. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. Ч. 1–2.
- Акульшин 1928 / Частушки / Собрал Р. Акульшин. М.; Л., 1928.
- Александров 2009 / *Александров А. А.* Александр Алексеевич Измайлов – критик, прозаик, журналист: Автореферат канд. дисс. СПб., 2009.
- Ан. Т. 1930 / *Ан. Т. Измайлов А. А.* // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 4. Стб. 436–437.
- Архипова 2010 / *Архипова А.* Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX века // Антропологический форум. 2010. № 12. Online. С. 1–30 [см. также наст. изд.].
- Архипова, Мельниченко 2010 / *Архипова А., Мельниченко М.* Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2010.
- Архипова, Неклюдов 2010 / *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–103 [см. также наст. изд.].
- Астахова 1936 / *Астахова А. М.* Рукописное хранилище при Фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор. 1936. № 2–3. С. 435–440.
- Басов-Верхоянцев 1906, 1908, 1917, 1918, 1921, 1923, 1935 / *Басов-Верхоянцев С. А.* Конек-скакунок. СПб., 1906; Казань, 1908; Киев, 1917; Пг., 1917; Берлин, 1918; М., 1921; М., 1923; М., 1935 и др.
- Бахтин 1994 / Крестьянские частушки / Запись и подготовка текста В. Бахтина // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / Сост. В. С. Бахтин, Б. Н. Путилов. СПб., 1994. С. 47–52.
- Бахтин 1997 / *Бахтин В.* На окраине где-то города // Самиздат века / Сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. Ордынский. Минск; М., 1997. С. 783–799.
- Бежкович 1925 / *Бежкович А.* Стенная газета в деревне // Обновленная деревня / Сборник под ред. проф. В. Г. Тана Богораза. Л., 1925. С. 35–47.

Бейман 1926 / *Бейман Л.* Программа длительного исследования работы деревенских кружков Омского общества Краеведения // Материалы Омского общества краеведения. Омск, 1926. Вып. 1. С. 23–27.

Блюм 2003а / *Блюм А.* «Если Троцкий не возьмет, выйду за Чичерина...» Запрещенные частушки из спецхрана // Новое время. 2003. 27 апреля. № 17. С. 42–43.

Блюм 2003б / *Блюм А.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003.

Богданов 2001 / *Богданов К. А.* Фольклорная действительность: перспективы изучения // Богданов К. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001. С. 12–108.

Богданов 2003 / *Богданов К. А.* «Народ» и русская фольклористика XIX века // CD-ROM «Фольклор и фольклористика: современная научная парадигма и образовательные технологии» / Пропповский центр Университета С.-Петербурга, 2003.

Боева 2003 / *Боева Л. А.* Деятельность ВЧК – ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму (1921–1924 гг.). М., 2003.

Большаков 1927 / *Большаков А. М.* Деревня, 1917–1927. М., 1927.

Борев 1991 / *Борев Ю.* Сталиниада. Рига, 1991.

Веселый 1936 / *Веселый Артем.* Частушка колхозных деревень. М., 1936.

Виллиам 1923 / *Виллиам Г.* Побежденные: Очерки // Красная новь. 1923. № 3. С. 313–329; № 4. С. 353–371.

Гафуров 2004 / *Гафуров М.* С прошлым расстаюсь смеясь... Из журналистской жизни // Бельские просторы (Уфа). 2004. № 4 [http://www.hrono.ru/text/2004/gafur04_04.html].

Горяева 2002 / *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917–1991. М., 2002.

Дандес 2003 / *Дандес А.* Регрессивный принцип в теории фольклора // Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М., 2003. С. 57–71.

Джекобсон 1998 / *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917–1939). М., 1998.

Дмитриев 1993 / Частушки: От Ленина до Ельцина / Сост. А. Дмитриев. Архангельск, 1993.

Доброноженко 2001 / *Доброноженко Г. Ф., Шабалова Л. С.* Кулацкая ссылка в Коми области в первой половине 1930-х годов // Мартиролог «Покаяние» / Сост. Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 1. С. 17–123.

Домановский 1968 / *Л. В. Домановский* (некролог) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1968. Т. 11. С. 340–341.

Дранникова 2010 / *Дранникова Н. В.* Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояна // Живая старина. 2010. № 4. С. 54–57.

Дружинин 2012 / *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1–2.

Душенко 2006 / *Душенко К. В.* Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI века, их источники, авторы, датировка. М., 2006.

Ефремин 1981 / *Ефремин А.* Поэты-публицисты. М., 1981.

Жаров 1923 / Красная тальянка: Избранные деревенские частушки / Составил А. Жаров. М., 1923.

Жаров 1925 / Красная гармошка: Деревенские политчастушки / Сост. А. Жаров; 2-е изд. М., 1925.

Жигулин 1989 / *Жигулин А.* Черные камни. М., 1989.

Жовтис 1995 / *Жовтис А.* Непридуманные анекдоты: Из советского прошлого. М., 1995.

ЗЧ 1999 / Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова / Изд. подготовила А. В. Кулагина. М., 1999. Т. 2: Политические частушки.

Зеленин 1999 / *Зеленин Д. К.* Современная русская частушка / Подготовка к печати Т. Г. Ивановой // Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. М., 1999. Т. 2: Политические частушки. С. 459–482.

Зеленов 2000 / *Зеленов М. В.* Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е гг. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129–141.

Иванова 1994 / *Иванова Т. Г.* «Ай да славный, красный Питер...»: Городская частушка времен революции и Гражданской войны // Родина. 1994. № 7. С. 61–65.

Иванова 1996 (1998) / *Иванова Т. Г.* Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова // Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996 (1998). Т. II. № 4. С. 242–251.

Иванова 2000 / *Иванова Т. Г.* Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (О жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III научной конференции «Рябининские чтения 99»): Сборник научных докладов. Петрозаводск, 2000. С. 84–91.

Иванова 2004 / *Иванова Т. Г.* К истории изъятий архивных материалов из Рукописного отдела Пушкинского Дома в 1930-е гг. // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 202–208.

Иванова 2006а / Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского (публикация Т. Г. Ивановой) // Русская литература. 2006. № 2. С. 86–101.

Иванова 2006б / *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006.

Иванова 2007 / *Иванова Т. Г.* Иван Дмитриевич Фридрих и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе. СПб., 2007. С. 337–369.

Иванова 2009 / *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб., 2009.

Иванова, Строганов 2003 / *Иванова И. Е., Строганов М. В.* Теория и практика изучения фольклора в исследованиях Ю. М. Соколова 1919–1934 годов (по материалам работы в Твери) // Фольклор Тверской губернии: Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. СПб., 2003. С. 511–572.

Измайлов 1916 / *Измайлов А. А.* Чехов: Жизнь, личность, творчество. М., 1916.

Икко 2003 / *Икко Н. В.* «Полюбила латыша – совсем вымерла душа»: Русско-латышские отношения в частушках // Живая старина. 2003. № 4. С. 20–21.

Князев 1924 / *Князев Василий.* Современные частушки 1917–1922. М.; Пг., 1924.

Князев 1925 / *Князев Василий.* Частушки красноармейские и о Красной армии. М., 1925.

Колпакова-Карбузова 1933 / *Колпакова-Карбузова Н. П.* Обследование Терского района // Советская этнография. 1933. № 2. С. 119–120.

Кулагина 1999 / *Кулагина А. В.* Сатирические частушки-хроники // Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. М., 1999. Т. 2: Политические частушки. С. 5–14.

Лобанов 1994 / *Лобанов М. А.* Песни раскулаченных // Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. СПб., 1994. С. 36–44.

Лозанова 1947 / *Лозанова А. Н.* Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье: Народное творчество, отрывки из литературных произведений, исторические документы. Куйбышев, 1947.

Лукачевский 1926 / *Лукачевский А.* Антирелигиозное совещание при агитпропе ЦК ВКП(б) (27–29-го апреля 1926 г.) // Антирелигиозник. 1926. № 5. С. 12–23.

Лукашин 1926 / Частушки: Сборник комсомольских и бытовых частушек в освещении новой деревни / Под ред. Ильи Лукашина. М., 1926.

Лурье 2011 / *Лурье М. Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А. М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6.

Лютова 1999 / *Лютова К. В.* Спецхран Библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов. СПб., 1999.

Минаева, Панченко 2010 / *Минаева А. П., Панченко А. А.* «Сон Горбачева» и русский политический фольклор эпохи перестройки // Антропологический форум. 2010. № 12. Online. С. 1–37 [http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_panchenko_minaeva.pdf] (см. также наст. изд.).

Мирер 1940 / *Мирер Ш.* Антиклерикальные народные сказки: фольклорные обработки. М., 1940.

Морев 1924 / *Морев Н., Н. Ш.* Современная частушка // Старый и новый быт: Сборник; Под ред. проф. В. Г. ТанаБогораза. Л., 1924. С. 117–125.

Недзельский 2007 / *Недзельский Е. Л.* Народная поэзия в годы революции // Живая старина. 2007. № 4. С. 2–6.

Огурцов 1922 / *Огурцов Серафим.* Частушки (Иваново-Вознесенского края) // Красная новь. 1922. № 4(8). С. 107–112.

Олексієва 1925 / *Олексієва О. В.* Коротенькі пісні («частушки») років 1917–1925 // Етнографічний вісник. 1925. Кн. 1. С. 22–36.

Ончуков 1925 / *Ончуков Н. Е.* Что и как записывать по народному творчеству // Краеведение. 1925. Т. 2. № 3–4. С. 269–284.

ОСФ 1930 / О собирании современного фольклора // Советская Азия. 1930. № 5–6. С. 352–353.

Панченко 2005а / *Панченко А. А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей: Человек в истории. М., 2005. С. 334–366.

Панченко 2005б / *Панченко А. А.* Фольклористика как наука // Первый конгресс фольклористов: Сборник докладов. М., 2005. Т. 1. С. 72–95.

Перченюк 1995 / *Перченюк Ф. Ф.* «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: Репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235.

Песни узников 1995 / Песни узников / Сост. В. Пентюхов. Красноярск, 1995.

Прокофьева, Конторович, Торговец 1924 / *Прокофьева С., Конторович Р., Торговец Д.* Дети-дошкольники о Ленине. М., 1924.

ПД 2005 / Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005. СПб., 2005.

Пяковский 1927 / *Пяковский А. В.* Коллективная пролетарская поэзия (Песни Донбасса). М.; Л., 1927.

РН 1991 / Репрессированная наука. СПб., 1991.

РСФ 1967 / Русский советский фольклор: Антология / Сост. и примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой; вступ. ст. Л. В. Домановского. Л., 1967.

Симаков 1915а / Новейшие деревенские частушки про войну, немцев, казаков, монополию, рекрутчину и т. д., собранные В. И. Симаковым. Ярославль, 1915.

Симаков 1915б / *Симаков В. И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д. Пг., 1915.

Симаков 1927 / *Симаков В.* Что такое частушка? К вопросу об ее историческом происхождении и значении в народном обиходе. М., 1927.

Синявский 2003 / *Синявский А. Д.* Литературный процесс в России. М., 2003.

СДТ 1908 / Сказка дедушки Тараса: Русская история в стихах. Казань, 1908.

Скрадоль 2011 / *Скрадоль Н.* «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 160–183.

СРНГ / Словарь русских народных говоров. Л., 1966. Вып. 2; Л., 1969. Вып. 4; Л., 1972. Вып. 9; Л., 1974. Вып. 10; Л., 1979. Вып. 15; СПб., 2001. Вып. 35.

Смирнов-Кутаческий 1925 / *Смирнов-Кутаческий А. М.* Происхождение частушки // Печать и революция. М., 1925. С. 42–60.

СД 2003 / Советская деревня глазами ОГПУ – НКВД. М., 2003. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931: Документы и материалы.

СС 1987 / Советский союз в зеркале политического анекдота / Сост. Д. Штурман, С. Тиктин. Иерусалим, 1987.

Соколов 1924 / *Соколов Ю. М.* О чем поет и рассказывает деревня // Жизнь. 1924. № 1. С. 279–312.

Соколов 1926 / *Соколов Ю. М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 5–29.

Соколов 1932 / *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1932. Вып. IV: Частушки. Мещанские и блатные песни. Фабрично-заводской и колхозный фольклор.

Соколовы 1926 / *Соколов Б., Соколов Ю.* Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности. М., 1926.

Спиридонова 1977 / *Спиридонова (Евстигнеева) Л. А.* Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977.

Стратен 1927 / *Стратен В. В.* Творчество городской улицы // Художественный фольклор. М., 1927. № 2–3. С. 144–164.

ТНС 1938 / Творчество народов СССР / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса. М., 1938.

ТСД 2002 / Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. М., 2002. Т. 4: 1934–1936.

Тунгусов 2005 / *Тунгусов А. А.* «Кабы не Арза – не река...»: Заметки о фольклоре и его сборе. Архангельск, 2005.

ФКВ 1973 / Фольклор крестьянской войны 1773–1775 годов: К 200-летию Пугачевского восстания: Сборник научных статей / Под ред. Л. С. Шептаева, Е. Л. Маймина. Л., 1973.

Францов 1936 / *Францов Ю.* Памяти В. Г. Богораза // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 51–57.

Хлебцевич 1924 / *Хлебцевич Е.* Собрание произведений устного творчества рабочих, крестьян и красноармейцев о Ленине // Коммунистическое просвещение. 1924. № 1. С. 117–118.

Чкалов 1937 / *Чкалов В.* Письмо героя Советского союза В. Чкалова – Москва, товарищу Сталину // Правда. 1937. 14 августа. № 222.

Шкаровский 2006 / *Шкаровский М. В.* Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средство борьбы с религией // Клио. 2006. № 3. С. 158–163.

Шнеер 1924 / *Шнеер А.* Пока не поздно... (Несколько своевременных мыслей об учете народного творчества) // Коммунистическое просвещение. 1924. № 5–17. С. 142–144.

Штильман 2006 / *Штильман Артур.* Ив Монтан – певец Парижа // Еврейская старина. 2006. № 9 (45) [<http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer9/Shtilman1.htm>].

Щипин 2007 / Устьянские сказки, бывальщины и легенды (к 120-летию краеведа М. И. Романова) / Публ. В. И. Щипина // Живая старина. 2007. № 1. С. 42–46.

Эткинд 1996 / *Эткинд А.* Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 19. С. 275–319.

Югов 1927 / *Югов Ал.* Колывань // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 180–184.

Brandenberger 2009 / Political humor under Stalin: An Anthology of Unofficial Jokes and Anecdotes / Ed. by D. Brandenberger. Bloomington, Indiana, 2009.

Krikmann 2004 / *Krikmann A.* Netinalju Stalinist. Tartu, 2004.

Zelenin 1925 / *Zelenin D.* Das heutige russische Schnaderhüpfl (Častuska) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd. 1. № 3–4. S. 343–370. 58.10 1999 / 58.10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Март 1953–1991. М., 1999.